

Вера Викторовна Камша
Сердце Зверя. Том 3. Синий взгляд смерти. Закат

Отблески Этерны – 7

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593525
«Синий взгляд смерти. Закат»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47653-4

Аннотация

Закат. Алый, багряный, кровавый... Звенит невидимый колокол, гремят пушки, и идет, идет в никуда непонятная синеглазая женщина... Завершается цикл, завершается круг, события летят к финалу, и их уже не остановишь. Излом срывает маски и назначает цены. Все дешевле золото, все дороже кровь. Дрожат горы, обесцениваются договоры, смеются и плачут спутники сгинувших богов и изначальные твари, но право выбора не отменит даже Излом. Руперт фок Фельсенбург и Ричард Окделл, кардинал Левий и епископ Бонифаций, капитан Валме и капитан Гастаки, маршал Капрас и маршал Алва – каждый выбирает за себя, и выбор каждого падает на единые весы. Рассвет без Заката невозможен, но придет ли он и к кому?

Вера Камша

Сердце Зверя. Том 3. Синий взгляд смерти. Закат

*На рубеже, на кривом ноже
время податливо, ночь темна,
ехать еще далеко, но уже
вычислена война.*

*То, что хочет сожрать река,
не на гибель было дано,
ехать еще далеко, но пока
все определено.*

*Подготовленную руду
ловит горн раскаленным ртом —
я не умру, пока не дойду,
и не умру потом.*

Даниил Мелинц

*Война является актом насилия, и применению его нет
предела; каждый из борющихся предписывает закон другому;
происходит соревнование, которое теоретически должно было бы
довести обоих противников до крайностей.*

Карл фон Клаузевиц

*Автор благодарит за оказанную помощь Александра
Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Даниила Мелинца
(Rodent), Кирилла Назаренко, Ирину Погребецкую (Ira66), Эвелину
Сигалевич (Raene), Елену Цыганову (Яртур), Михаила Черниковского,
Игоря Шауба, Татьяну Щапову, а также Донну Анну (Lliothar) и
Yaneck del Moscu.*

Часть первая «Суд»¹

¹ **Высший аркан Таро «Суд» (Le Jugement)** символизирует перемены, окончание – как плохого, так и хорошего, конец, в котором есть зерно начала, надежды и освобождения. Времени на раздумья больше нет, нужно действовать. Это знак возрождения, возвращения к давним делам, когда произошли перемены к лучшему. **Перевернутая карта (ПК)** означает нерешительность в принятии решений, разрыв отношений, возможно, разлуку. Она не оставляет человеку времени на раздумья, а заставляет его двигаться дальше.

*Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят
от его нрава, как и от судьбы.*
Франсуа де Ларошфуко

Глава 1
Дриксен. Метхенберг
400 год К.С. 9-й день Летних Скал

1

Новостей про Олафа еще не было и быть не могло, но Руппи себя не обманывал – адмирала цур зее признают виновным, и приговор будет, в соответствии с законами кесарии, смертным. Отец Луциан считал так же. Епископ и лейтенант сходились и в том, что регент с принцессой сделают хорошую мину при плохой игре, соблюдая то, что оставят от закона: казнь назначат на седьмой день от оглашения приговора, а осужденного переведут из Морского дома в замок Печальных Лебедей. Здесь ясность кончалась и начинался туман. Преступников благородного звания казнили в Липовом парке на поле Зигфрида. Адмиралу цур зее, барону и кавалеру шести орденов, надлежало умереть там, но с Фридриха случилось бы отправить Ледяного на площадь Ратуши, как простолюдина. Это было бы наглостью и глупостью, только Фридрих, став регентом, вряд ли поумнел, а значит, приходилось брать в расчет обе возможности.

О том, что казнь устроят прямо в тюремном дворе, лейтенант запретил себе думать раз и навсегда. Фридрих должен сохранить лицо! Должен, раздери его все кошки мира! Руперт едва не проорал это вслух, но сдержался, только сжал четки. Бронзовая львиная головка впиалась в ладонь, возвращая к тому, что нужно делать немедленно.

Создатель, как просто сказать: «Отобьем адмирала» – и как трудно сочинить даже самый общий план, а ведь они еще толком и не начали! Хорошо хоть в аббатстве раскопали приличную карту. Руппи просиживал над ней днями и ночами, планируя бегство из Эйнрехта, высчитывая время, намечая пути покороче. Еще в столице лейтенант облюбовал для погрузки Щербатую Габи, небольшую гавань на полпути между Метхенберг и Ротфогелем; теперь он утвердился в своем выборе окончательно и даже слегка возгордился: адъютант адмирала цур зее неплохо изучил побережье! Севернее Габи берег вполне удобен, шлюпка пристанет легко, да и к Эйнрехту ближе, а несколько часов в их положении могут решить все. Слегка беспокоили береговые тропы, которые доро́гой не назвал бы даже бергер. Что ж, если карета не пройдет, придется немного проехать верхом, только бы Олафу это оказалось по силам...

Тряхануло – закрытая орденская повозка свернула на улицу Паршивой Кильки, куда выходил черный ход любимого кабачка Канмахера. Дед Зеппа и хозяин, тоже отставной боцман, уже ждали. Канмахер ловко подхватил тяжеленный латаный мешок – деньги на первые расходы и задаток капитану – и скрылся в доме. Брат Ротгер степенно вылез – не выпрыгнул! – из повозки с одной лишь кружкой для сбора пожертвований. На него никто не смотрел, голуби и те были заняты крошками, брошенными подпирающим стену бездельником. Бесшумно закрылась на совесть смазанная дверь, с урчаньем сунулся под ноги откормленный хозяйский котяра.

– Два десятка у нас в кармане. – Канмахер казался довольным, и, закатные твари, за эту неделю он помолодел лет на десять! – Люди проверенные. Нужно еще столько же.

– Хорошо. Но... Не будет ли лучше, если все деньги останутся у вас?

– Соображаете, лейтенант! Не волнуйтесь. Я же сказал: люди надежные, больше, чем на дорогу, не возьмут. Вот за оружие задаток нужен...

– Не нужен. Оружие отсюда лучше не тащить, купим прямо в столице. Я знаю у кого.

– Ну, знаете так знаете!.. Тогда посудина остается. Сговоримся со шкипером – Добряк

сам все устроит, но деньги, как повелось, вперед.

– Ясное дело.

На всякий случай из кабачка выходили порознь, чтобы встретиться в таком же заведении, с такой же задней комнаткой для «своих», только в соседнем квартале. Первым отправился Канмахер с золотом, следом за стариком вперевалку шагал давешний «бездельник» – Рыжий Зюсс. Руппи глядел в сутуловатую спину, не в силах отойти от окна, и в носу предательски щипало. Раньше такого не случалось, раньше будущий адмирал цур зее Руперт фок Фельсенбург «всякие чувства» не одобрял.

– Ваше платье, господин лейтенант!

– Спасибо.

Сейчас не время оплакивать павших, они уже пали, а Ледяной в опасности, и время не терпит, только... Как же больно вновь топтать улицы, которыми еще осенью ходил с друзьями, – и понимать, чувствовать: их уже *нет* и никогда не будет... А ты остался и теперь живешь за всех.

Руппи потерял глаза, хотел посетовать на дым, не стал, молча взялся за принесенную хозяином одежду – со шкипером надлежало разговаривать дворянину из провинции.

– Удачи, господин лейтенант. И... поосторожнее там! Выжига еще тот!

– Я осторожен...

Ему здóрово повезло: и Канмахер, и пара его старых друзей оказались людьми трезвомыслящими. Спасти Олафа они согласились сразу же, после чего перешли к делу. Побоцмански перешли, не по-лейтенантски. Когда старики кончили перечислять то, что им представлялось важным, Руппи малость загрустил. До этого он не вдавался в детали будущей операции, теперь – пришлось.

Сколько нужно народу, где набирать, кому верить, а на кого полагаться нельзя?

Как, не вызывая подозрений, вывезти всю компанию из Метхенберг и как доставить в столицу?

Как их устроить там, чтобы было тихо и безопасно? Собирать людей в одном месте, чтобы были под рукой? Прятать по разным углам? И где эти самые углы искать?

Нужно осмотреть город, выбрать места для засады, составить план, объяснить участникам нападения, что делать и как. Нужно подготовить пути для бегства, обеспечить сменных лошадей и, самое главное, найти корабль. А еще нужны оружие и снаряжение.

И еще... и еще...

Руппи не успел перебрать в памяти и четверти того, что висело над головой, а кабачок, в котором ждал найденный Канмахером шкипер, уже распахивал двери. Неужели так сразу получится нанять корабль? А почему бы и нет?!

2

Добряк Юхан был зол, как сотня крабов при встрече с сотней тещ. Он подсчитывал убытки, вторую неделю подсчитывал! Убытки от непринятых фрахтов. Убытки от налогов. Убытки от пошедших под хвост селедкам взяток. Убытки от войны с ее блокадами и конфискациями, а теперь еще и убыток от дури. Само собой, чужой – себе шкипер дури не позволял, но он регентом не был, а этот миножий пащенок был...

Столичные новости застигли Юхана, когда он честь по чести готовился к праздникам. Проскочив в Метхенберг на хвосте зимних штормов, доставив ардорский груз и вдобавок выиграв два спора, Ключкатер не мелочился. Накормил от пуза в «Бородатом Карле» ораву бездельников, внес достойный вклад на помин душ угробленных под Хексберг, особо отметив поганца-интенданта, и купил подарки родичам, даже самым дальним. Он все сделал честно, но удача окрысилась не то чтоб лично на Добряка, но на всю кесарию, потому как хуже придурка у штурвала только придурок на троне. Шкипер почти жалел, что по весне отказался от парочки вкусных фрахтов. «Почти» – потому что соваться в Ардору и вообще на юг не хотелось, хоть умри. Судьба, она такая – три раза из одной миски накормит, на

четвертый тебя самого сожрет и не хрюкнет, а трижды Добряку уже повезло, значит, пора под корягу, пережить.

Юхан собирался, отгуляв Торстеновы дни, заняться наконец килеванием, заменить кое-что из рангоута и приглядеться к оставшейся без болвана-сыночка госпоже Браунбард с ее коптильнями, но тут Готфридахватила кондрашка, а дружки регента на пару с Ледяным угодили под суд. Того и гляди примутся ловить свидетелей, а где у нас свидетели, господаселедки? А свидетели кто у фрошеров, кто у крабьей тещи, один «Селезень» в порту торчит, как нос на морде. И что прикажете делать, если возьмут за жабры и поволокут в суд? Утопишь Ледяного – в Метхенберг можешь не возвращаться, цапнешь Бермессера – того хуже: Фридрих за своего прихвостня хоть кого заключет. Башка у притырка петушина, будет кукарекать и клеваться, пока в суп не угодит, и кабы он один!

В том, что дело кончится супом, Юхан не сомневался и в кастрюлю отнюдь не стремился, потому и согласился переговорить с наладившимся в Седые земли молодчиком. Дело на первый взгляд не обнадеживало, но старый Карл, и раньше подкидывавший Добряку фрахты, по праву слыл человеком солидным, совсем уж ерунду сватать бы не стал, и Юхан отправился на встречу.

Молодчик, небогатый дворянин из Фельсенбурга, оказался высоким лохматым парнем с настороженными светлыми глазами и быстрыми движениями. И начал он по-быстрому.

– Мне сказали, господин Ключкатор, что вы – человек удачливый и серьезный...

– Кто сказал? – осадил разогнавшегося сухопутчика Добряк. Говорить сразу о деле с людьми незнакомыми он не любил. Незнакомый мог оказаться пройдохой или, того хуже, дураком, а с дураками Юхан дел не вел. Покойный интендант в счет не шел – Добряк его не выбирал, блюющая скотина на «Селезне» оказалась по милости кесаря, тоже, к слову сказать, преизрядного болвана.

– Мне посоветовали спросить старого Карла. – Молодчик смотрел прямо, и взгляд у него был хороший. – Я спросил. Карл назвал вас и ваш корабль, я сходил, посмотрел – красавец! Господин Канмахер, с ним меня тоже познакомил Карл, говорит, ваша «птица» еще и умница, и название мне понравилось... «Хитрый селезень» вывернется там, где «Глупый лев» утонет.

– В Метхенберг «Глупых львов» отродясь не водилось, – хмыкнул Юхан. Сухопутчик начинал нравиться. Кораблики – не люди, у них имя почти судьба, только не до всех это доходит. – Вы мне вот что скажите, сударь, – что вы в Седых землях забыли? И как вас называть?

– Называйте Ротгером, а в Седых землях я забыл золото. Как и вы.

– Золото, говорите? – Дворянин, и о деньгах! Либо не дурак, либо врет, но тогда все равно не дурак. – И где это мы его забыли?

– Там же, где Мартин Фельсенбург. Слышали о таком?

– Все слышали, а охотиться кто станет? Мои ребята зверье бить не обучены.

– Зверя будут бить охотники, – улыбнулся Ротгер. – Скажем, десятка три. Влезем?

– Влезть-то влезете...

Добряк охотником не был, но понять, что Ротгер о седоземельской охоте не вчера услышал, мог. Молодчик знал, за чем и куда суется, хорошо знал, и руки у него были подходящие – не моряцкие грабли и не вялые ручонки, как у некоторых... Затея становилась все привлекательней; она не просто позволяла под благовидным предлогом поднять паруса, но и сулила какие-никакие барыши. На особо денежного гостя не тянул, но рассчитаться можно и на обратном пути, мехами. А то и сговориться с охотниками годика на четыре. Везти им харч и снасть и забирать добычу, а кому продавать, найдем. Главное – поживей убраться из Метхенберг. Пока Фридрих не выдумал очередную гадость и пока не вспомнили, что хексбергскую драку видели не только Бермессеровы хвосты.

– Я рассчитываю на вашу сдержанность, капитан. Не хотелось бы, чтобы негоцианты раньше времени проводили о нашей затее.

– Крупные барыши болтовни не любят, – согласился Юхан, – хотя, бывает, и на

болтовне заработаешь. Впрочем, такое раз в жизни выпадает.

Ротгер пожал плечами. Ему явно никогда не платили за болтовню; ему вообще вряд ли раньше платили, но голова у парня варилась. Ишь как «Утенка» облизал, и ведь ясно, что подходы к шкиперу подбирает, а все равно приятно.

— Когда выйти думаете? — осведомился Добряк и «нечаянно» зевнул. Он уже почти решился, только подумывал, как бы поторопить партнера, но ответ огорошил. Этот Ротгер собирался отчалить через месяц-полтора! Через месяц! А такие дела за месяц не делают, такие дела готовят загодя, если только... Если только кое под кем тоже не загорелось. Ну и кого тогда, господа селедки, пошлют в порт насчет кораблика разнюхать?

— Экий вы шустрый... — протянул враз подобранный Юхан. — Спешить — крабью тещу тешить. Путь опасный, в море сейчас беспокойно... Парни мои при деньгах еще, да и подустали. Шутка ли, в такую погоду да из Ардоры... Ребята, почитай, всю дорогу с мачт не слезали, ни часа передышки!

— И за Страббе?

За Страббе они, само собой, отдохнули, но откуда об этом знать охотничку с гор? Неоткуда ему знать...

— А что за Страббе? — переспросил Юхан, вцепившись взглядом в собеседника. — Шквал был за Страббе, чуть не булькнули!

— Надо же, — посочувствовал Ротгер, и Юхан понял — врет! Вот сейчас и врет, как поп вдове, только другой оказии поди дождись, а убираться надо, в этом Добряк не сомневался. Вот как тогда, у Хексберг, чувствовал, что надо свернуть на юг, и не прогадал, так и теперь.

3

Попался! И как глупо... Этот Юхан слова вяжет не хуже, чем узлы, но играть надо до конца. Шкипер слишком часто зевает, чтобы это было правдой, ему *нужно* исчезнуть из Метхенберг, пока не поволокли в свидетели, исчезнуть под приличным предлогом и желательно без убытков, но вот полезет ли Добряк в змеиное гнездо? Ведьмы его разберут, такого...

— Я мечтал об этой охоте всю жизнь, — улыбнулся Руппи, — но мог рассчитывать разве что пристать к чужой экспедиции, а тут неожиданно повезло... Меня отыскал наш сосед, я не стану называть его имя. Он не из тех, кто готов ждать. Сейчас он хочет поохотиться в Седых землях, и мне поручено найти корабль и собрать охотников. Это богатый человек, достаточно богатый, чтобы уплатить задаток.

Какой-то вельможа, которому приспичило скрыться, вспомнил про обедневшего соседа-моряка, свихнувшегося на северной охоте... Хорошо, что он загодя придумал вторую сказку, которая оказалась бы правдой, будь Фельсенбурги и Штарквинды не столь сильны. Бабушка может позволить себе отсиживаться в родовых владениях и принимать у себя союзников послабее, но не всех же!

— Он едет с нами, этот сосед?

— Да, ему наскучил дом и особенно жена... Мы будем обсуждать условия или Седые земли для «Хитрого селезня» слишком далеки?

— Не дальше Агмарена! Но месяц — это мало. Идти на север нужно под другими парусами, а если еще и зимовать...

Они еще не ударили по рукам, но Руппи понял — есть! В Седые земли Добряк пойдет, именно в Седые, и будет там зимовать, а к следующей весне от Фридриха мало что останется.

— Господин Карл считает, что человек с вашим опытом сможет за месяц закупить все необходимое. Господин Йозев Канмахер, он бывший боцман, вам поможет. Давайте посмотрим, что нужно...

— Мы еще не договорились.

— Разумеется. Но закупить припасы — еще не отплыть. Если что, я заплачу вам как

посреднику и буду искать другой корабль. Так выйдет быстрее.

– Найдете вы, как же... После Хексберг лоханка с одной мачтой уже линеал! Значит, закупаем? Чего и сколько?

– Все, что нужно для обустройства лагеря и зимовки «Селезня» и моих охотников. Я примерно прикинул...

Как же к месту оказались расчеты! Они не просто облегчили разговор, они убедили. Именно они и убедили, что «сосед» Ротгера в самом деле наладился за Седое море, причем надолго. Юхан вгрызся в цифры, как краб в утопленника, цены он знал, а вот потребности... Через час шкипер уверился в добросовестности нанимателя, а Руппи охрип, но вторую линию обороны удержал, до конца его не раскусили. Добряк согласился добыть всё необходимое, выговорив себе полуторную посредническую долю за срочность. Руппи торговался упорно. Сперва потому, что тратил чужие деньги, потом – потому что понял: торговля укрепляет договор. Мошенники не цепляются за каждый золотой, мошенники сулят золотые горы, и Руппи жадничал как мог. Потом настал черед Канмахера с его мешком. Нужная сумма – наследник Фельсенбурггов угадал с точностью до сотни – была отсчитана и проверена как на зуб, так и кислотой, принесенной ждущим уже своей доли Карлом. Пожали руки. Выпили из помятой шкиперской фляги, договорились, что о точном сроке отплытия сообщат отдельно, и распрощались. Собиралась гроза, было душно. Руппи рванул воротник, понимая, что больше всего хочет оказаться на корабле. Гроза, шквал, буря – это не страшно, страшно заживо гнить на берегу.

– Вот же ж штилюга подлючий! – буркнул шагавший рядом Канмахер. – Хоть бы к вечеру пробило.

– Раньше... – неожиданно поправил Руппи. – Дождь будет раньше. Как вам шкипер?

– Крабья теща его знает! О Добряке разное говорят, но о том, чтобы слово нарушил, – нет... Человек опытный, себе на уме. Проныра, восьмерых гоганов обставит, но моряк милостью Создателя... И удачлив, собака такая! Из Хексберг вынутья живым и с прибылью уметь надо. А вам-то он как?

– Мне? – переспросил Руппи и вытер отвратительно липкий лоб. – Мне он понравился.

Глава 2

Талиг. Оллария. Придда. Тарма

400 год К.С. 20-й день Летних Скал

1

Ворота Роз в самом деле стали таковыми; тонула в цветах и Мытная площадь, и прилегающие к ней улицы. Чтобы проводить мертвую королеву, в Олларии и ее окрестностях ободрали все сады и разорили все оранжереи. Так кончается жизнь и начинается житие, или его начинают дальновидные наследники, только с Катариной все вышло само собой. Случайность, подлость, ошибка, и вот оно – кровь на полу и цветочная топь под ногами... Арлетта поправила выбившуюся из-под траурной вуали прядь и тоскливо вздохнула: после королевы осталось слишком много того, что требовалось либо доделать, либо понять, так что данные Бертраму клятвы не задерживаться пошли прахом.

Карваль по-прежнему что-то инспектировал, исправно присылая донесения, и провожать Катарину выпало Пуэну. Графиня Савиньяк немного подумала и решила не искать раков в степи. Сопровождающие гроб отправлялись напрямик в объятия Бертрама и имели все шансы застрять в Эпинэ, даже не будь карантина. Позволить себе подобное Карваль не мог; не мог он, не уронив свеженькое генеральство, и увильнуть от высочайшей чести; оставалось одно – отлучиться по делам, что и было сделано. Очень просто и очень толково. Арлетта восхитилась и тут же выкинула маленького хитреца из головы. Явится – поговорим, а явится Карваль, надо полагать, недели через две. Готовым немедленно взяться

за дела и с важными – действительно важными – новостями о беженцах и ноймарах.

Еще четыре розы – малиновые, полностью распутившиеся – попытались улечься поверх цветочной кучи, не удержались и скатились вниз, увлекая за собой ароматный обвал. Вызвавшая его Краклиха в голос возрыдала и собралась что-то сказать, но гвардейский офицер взял красотку под локоть и отвел в сторону, освобождая место следующей даме. Эта не плакала, и в руках у нее алели маки. Невысокий человечек в черном держался на четверть шага позади спутницы, его лицо было безупречно-скорбным. Арлетта заметила эту пару на первой же церемонии, куда допустили посторонних. Невероятно красивая женщина в изысканном туалете, позабывшая о своей красоте, и отменно вежливый коротышка. Барон и баронесса Капуль-Гизайли. Те самые...

Недобрые, непохожие на жеманных предшественников цветы выпали из разжавшихся пальцев. Барон со сдержанным достоинством поклонился, баронесса прошла вперед. Она не просто не пыталась привлечь внимание, она ничего и никого не замечала... Божественная Марианна. Звезда Оллари. Какое-то время она светила Марселю, потом перешла к Ли и наконец влюбила в себя Робера. Или влюбилась сама?

Барон надел шляпу, торжественно колыхнулись подвитые черные перья, но даже в шляпе он был ниже жены. Зачем Ли понадобилась эта женщина? Зрелость и темные волосы его никогда не влекли...

Снова всхлипы и заломленные руки. Капуль-Гизайли скрылись за страдающими Карлионами, решившими вновь встать среди баронов. Выкинуть бы, но на Мытную пускали всех. Горожане пришли проводить свою королеву, а не любоваться на балаган, хотя изгнание Краклов и Карлионов их бы только порадовало. Блюдолизы и ничтожества не любят нигде и никогда, но они живут и нелюбимыми, раздери их кошки! Живут и возлагают цветочки на чужие гробы.

2

На столе фок Варзов не валялось ни яблочных огрызков, ни грифелей, на нем не было даже карты. Только курьерский футляр, пара стаканов и серебряная морисская фляга, немало повидавшая за годы маршальских странствий. Сам маршал в расстегнутом – второй день стояла чудовищная духота – мундире откинулся на спинку стула, исподлобья глядя на спехом выдернутого из седла Жермона. Значит, пока он две недели играл в догонялки с дриксами, что-то случилось. Доннервальд или хуже? Но, судя по лагерным физиономиям, никаких разгромов...

– Садись, – разлепил губы маршал Запада и глубоко вздохнул. Очень глубоко. На обратном пути надо натравить на старика Лизоба, пусть поищет что-нибудь от сердца. – О своих похождениях доложишь позже... Толку вышло мало, но и беды особой нет. Звал не за этим. Прибыл гонец от Рудольфа.

Значит, не Доннервальд. Конечно, не Доннервальд, сидеть с таким лицом из-за крепости, которую, по сути, уже списали, Вольфганг не станет.

– Кто убит?

– Ясновидящим стал, не иначе! – Фок Варзов с ненавистью отпихнул украшенный регентским «Победителем» футляр.

Выходит, Катарина родила и придется вечером ей писать, только вряд ли письмо выйдет путное.

– Свои бумаги я забрал. – Командующий смотрел на черно-белую коробку, как смотрят в костер. – Что осталось – твое. От Рудольфа, Арлетты и теперешнего Эпинэ... По-хорошему тебе надо сейчас в Ариго, но хорошего не предвидится, да и поздно уже. Ты так сестре и не написал?

– Сегодня обязательно...

– Уже нет. Катарину убили. Глупо и подловато, как и все, что делают эти субчики. Слава Создателю, ребенка спасли. Мальчишка... Назвали Октавием. Хорошо, Рудольф

Манриков заходя в бараний рог свернул, а то пошла бы теперь свистопляска. Дошлый законник не чихнет, брякнет, что Фердинанд отрекся только за себя и за Карла... Леворукий, как же мерзко!

– Ее убили из-за этого? Чтобы не было второго наследника? То есть... сына, за которого не отрекались?

– Если бы! Прости, вырвалось...

– Мой маршал. – Жермон сказал слишком тихо, а Вольфганг стал глуховат, пришлось повторить громче. – Мой маршал, могу я прочесть письма?

– Прочтешь у себя. Захочешь поговорить – приходи, хоть бы и ночью. Нет – я без тебя денек обойдусь.

Журчит золотистая струйка, льется в стакан. Катарине можно не писать.

– Будем помнить, Жермон. Будем помнить их всех...

– Будем помнить. – Когда он вбил себе в башку, что умирает, королева вдруг стала сестрой, потом было не до родственников, да и это ее... регентство. – Я думал, это не с ней...

С кем-то другим, более важным для них обоих. Даже не важным – тем, кого знаешь как себя, с кем говорил,пил, умирал и выживал. Фок Варзов Катарине никто, а краше в гроб кладут, это братец будто чужой.

– Арлетта все расписала, лучше не скажешь... Тут другое вылезло. Все, парень, кончай гадать, с чего на тебя отец взъелся. Не взъедался он. Не было ничего такого, слышишь?! Все подделка, кроме... Кроме твоих орденов и его смерти. Бедолага ждал тебя до последней минуты, а до нас ни до кого не дошло! Бумагам верили, себе – нет. До того докатились, что, приглядевшись к тебе, решили, что Пьер-Луи свихнулся!

– Я...

– Леворукий бы побрал эту геренцию и нашу тупость! – Маршал схватился за стакан, и генерал его не остановил. – Куда не надо – лезем, а тут сожрали, не подавились!

«Кончай гадать...» Хорошо, он кончит, он уже кончил. Странно только, что нет ни обиды, ни радости, ни, наверное, ярости, а ведь должны быть! Должен же он возненавидеть себя за то, что убрался в Торку, не попытавшись объясниться. И тех, кто подделывал отцовские письма, тоже надо ненавидеть, а ему просто хочется понять... Даже не кто, *зачем*? Если Ойген прав и какие-то ублюдки по всему Талигу охотятся на старших в роду, то... Джастина убила не семья!

– Надо рассказать Райнштайнеру, – твердо сказал Ариго. – Я угадал с Бруно, он – с заговором.

– Нечего ему рассказывать... – Фок Варзов вытащил платок и отер лоб. – Хотя вы же друзья... Друг тебе сейчас точно пригодится, а Райнштайнер еще и пить здоров. Я-то свое почти выпил.

– Дело не в дружбе. – Умерла сестра, а он не написал. Умирал отец, а он задирали тененьтов и капитанов, двоих даже убил. Это было просто, проще, чем появиться в Гайярэ. Теперь брату и сыну, даже самому негодящему, впору мчаться в церковь и жрать себя поедом, а он думает о Юстиниане Придде... Жуть. – Мой маршал, Ойген считает, что налицо заговор против первых семейств Талига. Началось с Ариго, кончилось Приддами. То есть еще не кончилось.

– Все проще и... гадостней. Ты вечно писал Арлетте и никогда – матери. Был в обиде?

– Нет, просто... – А что, собственно, просто? Они даже не «не ладили». Они жили в одном замке, пока он не уехал в Лаик. Сын и мать... Она была красива, грустна и занята своими книгами и младшими детьми, а он никогда не любил читать, и ему было скучно с братьями. Иорам все время ревел, Ги дулся. Убраться из такого дома стало радостью. Назад унара, а позже гвардейца не тянуло, пока Гайярэ не стал запретным. Тогда – да, тогда он чувствовал себя обделенным, но писать матери и братьям не хотелось тем более.

– Что «просто»? – Вольфганг ждал ответа, тяжело дыша. Он все хуже переносил жару. Если б не разговор о принятии командования, Ариго спросил бы старика о здоровье, а так пришлось мямлить, пытаясь высказать то, чего самому не понять и что держат при себе.

– Графиня Савиньяк волнуется за сыновей, и потом... она всегда ждет писем из Торки. Даже после восстания Борна. Мне есть о чем писать, а она всегда отвечает.

Это были забавные письма с рассказами про соседей и странными историями про птиц и зверей, иногда даже с рисунками. Графиня ни разу не упомянула об отце и Гайярэ. Про маршала Арно она тоже не написала ни слова, только Жермон чувствовал: она *помнит*.

– Закатные твари! – Вольфганг отшвырнул смятый платок. – Хожу вокруг да около, как какой-нибудь Креденьи... Жермон, письма твоего отца подделывал Штанцлер, сожги его наконец Закат, но просила его об этом твоя собственная мать!

3

Бароны, баронессы, просто дворяне... Одетта Мафр́а рыдает, и это не лицедейство, она и в юности ревела от души. Дурочке это не шло, а она хлюпала покрасневшим носом над каждой дохлой птичкой и над каждой пошлятиной. Мэтр Капотта не рыдает, но и не живет... Сочинил себе беду, как сонет, и сам не понял. Долго ему не протянуть, а может, так только кажется. Некоторые страдают десятилетиями, а мэтр уже пережил свою обожаемую, неплохо так пережил... Вот возьмет, напишет что-нибудь по-настоящему великое и останется в веках. Гением, не нашедшим понимания у занятых всякой ерундой современников.

Все еще гордо сидящая белая голова притягивала взгляд и бесила. Жермон уже получил письмо и прочел. Пока мальчишка доказывал... нет, не невиновность, право считаться человеком, отец умирал от яда и мечтал хотя бы увидеть сына. Не увидел. Умер, так и не поняв, почему тот не едет... Графиня едва не топнула ногой – привычка, от которой столица не избавила, а Эпинэ и не подумала избавлять, – и поняла, что ноги устали, хоть и не так, как спина. Во дворце и в церкви она сидела, но на площади нужно стоять, а люди с цветами все шли. Простые люди, не «краклионы». Теперь розы и лилии ложились прямо на камни, катафалк поедет, как по скошенному лугу.

Арлетта сощурилась, и убранные траурными гирляндами ворота обрели четкость. Красивое все же сооружение, именно таким и должен быть главный въезд в столицу великой державы. Плохо, если от величия останутся только ворота, мосты и дворцы, но этого не будет, пока в Талиге есть «жалкая чернь», «недалекие торгаши», «грубые вояки»...

Месяц со смерти Катарины. Двадцать лет со смерти Пьера-Луи... Оскорбленный Жермон жил и выжил; теперь ему придется жить с виной перед отцом, невольной, но непоправимой. И все равно Арлетта не жалела о своем письме, хотя, успокоившись, написала бы иначе. Ложь во спасение хороша для беременных и больных сердцем. Жермон, слава Создателю, здоров, а матери у него и без того никогда не имелось, так пусть будет хоть отец!

Желание своими руками прибить Капотту, а также воскресить Каролину – чтобы тоже убить – становилось невыносимым, и Арлетта вынудила себя уставиться на кем-то – Робером! – извлеченные из общей кучи и положенные на освобожденный от иных цветов гроб маки. Сынок Бертрама все понял верно, это она, решив, что Эпинэ не до нежных чувств, села в лужу. Робер любит красоту-баронессу, но что-то у них пошло не так. А верней всего, дурашка наказывает себя за то, что не уследил за кузиной, или, как он выражается, сестрой.

«Сударь, я недостойна вашей любви...», «сударыня, обстоятельства вынуждают меня навеки покинуть Талиг, но моя любовь к вам...» Сколько же их, ослов и ослиц, готовых сгоряча испоганить свою и, того хуже, чужую жизнь, и что с ними, такими, делать? С ними и капоттами с дидерихами, вбивающими в чужие головушки, что приносить себя в жертву правильно, а быть счастливым, наплевав на никому не нужную дурь, нет?!

4

Ариго тщательно, не пропустив ни единой закорючки, изучил все три послания, но перечесть смог лишь письмо родича. Главное было там. То есть главное было сказано

Вольфгангом и даже запито, и главное же было расписано Арлеттой от начала и до конца...

– Мой генерал, я хотел доложить о состоянии полка после похода, но, видимо, сейчас не время?

– Леворукий его знает... Я выпил и плохо соображаю, а у вас с Гирке вечно все в порядке... Давно хотел спросить о... о моей сестре. Вы ведь ее знали.

– Я бывал при дворе и несколько раз удостоивался аудиенции.

– Что вы о ней думаете?

– Простите?

Болван! Не Придд – он сам. Валентин, тот умница, но даже умницы мысли не читают.

– Валентин, у меня была сестра... В последний раз я видел ее девчушкой, а она стала королевой. Я писал, она не отвечала. Она писала, я не отвечал, а теперь... Ровно месяц... Двадцатого Весенних Молний ее убили. Зарезали. Какой она была, раздери тебя кошки?! Какой?!

– Ее величество убита? – Сел. Без спроса... Сидит и смотрит. Вольфганг смотрел, этот туда же.

– Язык проглотил?

– Я не могу сказать о ее величестве ни единого дурного слова.

Дальше дороги нет, даже если не знать о допросах, но Ойген раскопал и это. Подтверди тогда еще граф Васспард и герцогиня Придд то, что хотели дознаватели, Катарина до бегства Манриков не дожидая бы, но сын и мать молчали.

– Здесь тебе не Багерлее! Тебя никто не просит выдумывать гадости, но ты ее знал, а я нет! Расскажи...

– Ее величество пять раз удостоивала меня аудиенции наедине до своего заключения и один раз – между бегством временщиков и мятежом Рокслеев. Ее величество была другом моего покойного брата. Юстиниан беспокоился о ней, даже... когда он приходил последний раз. Я счел своим долгом предложить ее величеству свою службу, но она только однажды попросила меня об услуге. Я должен был передать письмо герцогу Окделлу. Я передал.

Окделл ее и убил... Тот самый Окделл, которого собрался уговаривать малыш Арно. Все повторяется. Все, кроме убитых. Близкие или нет, они уходят навсегда!

– Выпьешь?

– Мой генерал, разрешите выразить вам...

– К Леворукому! Я сестру не знал, и я был в обидах, будто какой-нибудь корнет! Меня вышвырнули из дому, как последнего поганца. Катарине тогда было... Закатные твари, опять забыл!.. Забыл, а сам хотел, чтобы она меня помнила и мне верила! Когда меня у Языка прихватило, думал, ты ей расскажешь про мою доблесть... Чтобы она заплакала. Точно, корнет! Ты бы до такого не докатился... полковник!

– Мой генерал, я не рискну за себя поручиться. Я не был в вашем положении. В нашей семье лишиться наследства могли лишь одним способом.

– Скажи уж прямо, что мне повезло!

– Я могу говорить только за себя. Я был бы счастлив оказаться в армии. При условии, что мои близкие живы и в безопасности.

– «При условии...» Тебе так надо к бергерам! Можешь не пить, а я буду... Я должен это переварить, чтобы не вылезло, когда станет не до старья! Доннервальд возьмут со дня на день, как наш Язык... И нам всем придется куда-то прыгать... Так выпьешь?

– Да. Мой генерал, при всем моем уважении к барону Райнштайнеру я хочу остаться с вами. Прошу простить мою манеру выражаться. После смерти Юстиниана я слишком много читал, слишком мало говорил и еще меньше доверял. Я надеюсь, в армии это пройдет.

Пройдет ли, нет ли, но списаться уже списалось. У каждой кошки свой хвост, главное, чтоб крысиным не был.

– Ты знаешь, как тебя прозвали?

– Да, мой генерал.

– И верно, между прочим. Зараза ты и есть! Что ж, за твою Торку, Валентин! Чтоб была

не хуже моей! И за нашу с тобой войну.

Скрип. Стук. Длинная и широкая тень на стене. Словно на снегу... В Зимний Излом снега были красными. Швырнуть кошку в красный снег – это к войне... К войне всё, а Доннервальд не отстоять. Нет, не отстоять! Нельзя было пускать Бруно за Хербсте, а он переправился. Ловко так, и никакой Пфейтфайер ему не указ, а у Вольфганга мешки под глазами и резервов кот наплакал... Даже не наплакал, собирается.

– Вы пьете без меня? Послушай, Герман, это не свидетельствует о твоих дружеских чувствах. Тем более после того, как ты сообщил маршалу о своих намерениях.

– О намерениях? – не понял Ариго и покосился на пустую бутылку. Она была одинока, как луна, и генерал точно помнил, что ни о каких намерениях с Вольфгангом не говорил. – Ты что-то путаешь. Бери стакан.

– Охотно. Значит, ты не собирался рассказать мне, что случилось?

– Вот ты о чем... Все очень просто. У меня убили сестру, а из дома меня выставила мать. С помощью Штанцлера, которого тоже прикончили... Вот и все. Выпей за Валентина. Пусть ему повезет в Торке, и пусть у него останутся все... кто еще остался! Леворукий, я же почти не пил!

– У фок Варзов была касера, а здесь я вижу вино, при таком сочетании много не требуется... Я сожалею, Герман. Я очень сожалею, но то, что стало известно, дает пищу для размышлений. Я уже знаю об убийствах в столице, но не о твоих личных делах. Полковник Придд в них посвящен?

– Если ты хочешь его выставить, то не выйдет... Закатные твари, я верю вам обоим... И я хочу за вас выпить! За обоих!

Они выпили, благо вином Жермон запаса, что-то даже пролилось на стол. Генерал отодвинул от красной лужицы регентский футляр и, повинаясь какому-то порыву, вытащил письмо Эпинэ. Двоюродного брата. Единственного близкого родича, не считать же за таковых удравших Борнов!

– Читайте! – велел Ариго двум северным заразам. – Вы его знаете... И того, второго, тоже... Я хочу, чтобы вы прочли!

Заразы не спорили. Две башки – белокурая и каштановая – склонились над письмом. Ариго перечитывать не стал, он и так помнил:

«Вы меня видели, но вряд ли узнаете, – писал кузен, которого Жермон пристрелил бы у Ренквахы и не чихнул. – Мне следовало либо написать раньше, либо не писать вообще. Вы всегда хранили верность присяге, я ее нарушил. Не по убеждениям и не по слабости, а потому что так решил дед, хотя это меня никоим образом не оправдывает. Я не жду ответа и тем более не претендую на Вашу дружбу. Я пишу Вам только потому, что Вы имеете право знать, как умерла Ваша сестра ...»

Хорошо, что они не встретились у Ренквахы, и хорошо, что этот Робер жив. Арлетта надеется, что они станут друзьями. Вряд ли. Слишком много за каждым своего, нестерпимого для другого, но пусть живет... Ждать, когда Ойген с Валентином оторвутся от бумаг, становилось невмоготу, и Жермон вытащил письмо регента. Последний из трех листов. Рудольф всегда писал коротко и по существу, не изменил он себе и сейчас.

«Взятие Доннервальда – вопрос времени, после чего тебе станет не до прошлого. Тем не менее я подписал и огласил указ, объявляющий письма твоего отца подделкой. Это все, что следует знать посторонним. Как регент я обязываю тебя хранить тайну рождения твоей единоутробной сестры. Не буду повторять графиню Савиньяк, но ты должен знать, что самое малое с начала восстания в Старой Эпинэ и до своего последнего дня Катарина Оллар действовала безупречно. Талиг слишком многим ей обязан, а наше нынешнее положение слишком неустойчиво, чтобы я позволил кому бы то ни было бросить тень на память королевы. Я рассчитываю на твое понимание.

Я знаю, как это тебе неприятно, но моя обязанность – прояснить твое собственное положение. Любая огласка, а следовательно, изменение твоего статуса невозможны, но, даже будь иначе, ты являешься графом Ариго по закону. Согласно Кодексу Франциска, брак

твоей матери и твоего отца не состоялся, так как эсператистский брак Каролины Борн перед венчанием не был открыто отринут. Соответственно, твои права определяются статьей о незаконнорожденных. В отсутствие иных наследников ты можешь претендовать на титул и собственность, а твои заслуги перед короной и очевидное желание твоего отца делают это право неоспоримым...»

Зашелестело: Ойген или Валентин давали понять, что прочли. Про Окделла, не про... Каролину Борн и ментора. Рудольф с женой, фок Варзов, Арлетта, Валмон... Если отыщется Алва, он тоже узнает, и всё. Капотта будет молчать, и никто и никогда не увидит его рядом с детьми, потому что их больше нет. Страшная старость, страшная и пустая.

– Нам уйти?

– Допить эти проклятые бутылки, пока они не скисли!

– Тогда нужно принести хлеба и мяса, – постановил Ойген. – Я займусь этим. Ты переживаешь больше, чем хочешь показать, но переживать не значит портить желудок.

Ойген этим займется. И этим тоже! О Леворукий и все твари его...

Глава 3 **Нижняя Кагета. Замок Хисранда** **400 год К.С. 21-й день Летних Скал**

1

Это было хуже дожихи. Это было в четыре, в шестнадцать, в шестьдесят четыре раза хуже дожихи, потому что Зоя была одна, а казаронов – множество. Мало того, за каждым казароном катилась свита. Крутила усы, бряцала оружием, благоухала только что слопанным обедом и чем придется. Усугубляя суматоху, сновали слуги – разносили вино, фрукты и сласти, над которыми жужжащими тучками вились мухи и осы. Гайифец насекомых не терпел, как и пропитавших чертоги курений, напоминавших одновременно о клириках и морисках. Маршалу отчаянно хотелось сунуть нос хотя бы в пороховницу, заткнуть уши и закрыть глаза, но когда это командующему имперским корпусом удавалось избежать местного гостеприимства?!

Незнание языков превращало вырывающиеся из общего гула слова в лай, фыркание, гогот, визг. Верный Курподай не единожды выражал готовность переводить, Капрас вежливо благодарил, но до сих пор не удосужился воспользоваться помощью. Это становилось неприличным, и гайифец указал на двух красивых казаронов, окруженных немалой толпой.

Казарон в летах что-то со страстью втолковывал более молодому, тот время от времени отвечал, всякий раз отступая на полшага. Старший, напротив, продвигался вперед, размахивая перед собой указательным пальцем, на котором блестел огромный камень.

– Они оба из рода Шаримлетай, – объяснил Курподай. – Более молодой – Вариф-ло-Капрунчп, после Дарамы он стал очень богат. С ним говорит его двоюродный дядя по матери Поррехт-ло-Капабуна. Он трижды овдовел, и у него в прошлом месяце родился сын.

– Его каза... – Леворукий знает, как сказать, не казаронша же. – Его супруга умерла родами?

– Нет, она благополучно разродилась, умерли предыдущие жены. Теперь Поррехт-ло-Капабуна просит родича одолжить ему восемь тысяч на ремонт подъемного моста, так как замку угрожают набеги подручных Лисенка. Вариф-ло-Капрунчп деньги дать отказывается, ведь у него возникли многочисленные траты. Кроме того, он уже одалживал родичу большие деньги на похороны предыдущей супруги, последующую свадьбу и ремонт моста, но Поррехт-ло-Капабуна их истратил на празднования в честь рождения сына. Счастливый отец возражает. Он просил Варифа-ло-Капрунчпа стать одним из шестнадцати вторых отцов ребенка, и тот согласился, следовательно, упомянутые деньги являются даром новорожденному. Который теперь из-за невозможности поднять мост подвергается угрозе

вместе со своей матерью, одиннадцатью единокровными сестрами и девятью братьями. Вариф-ло-Капрунчп...

– Спасибо, – прервал переводчика Капрас, – я понял.

Дядюшка-транжира вымогает деньги у племянника... Как же это по-казаронски, и как же это надоело! Туча казаронов пятый день клубилась в одном из доставшихся Хаммаилу замков Адгемара. Капрас по совету Ламброса задержался на два дня, надеясь пропустить хотя бы пиры, он мог пропустить еще столько же – ни казара, ни толку на съезде пока не наблюдалось. Туча, впрочем, не скучала. Разве может скучать казарон среди других казаронов, жареных баранов и винных бочек? Карло тоже не скучал – он злился на весь свет и Хаммаила, то ли набивающего себе цену, то ли получающего наставления от дражайшей супруги, в свою очередь живущей умом гайифской родни. То, что какая-то Антисса знает, что творится в Паоне, а маршал живет чуть ли не зимними приказами, вызывало желание кого-нибудь придушить. Если не дальнего Забардзакиса, то хотя бы ближайшего казарона. Капрас сдерживался, как сдерживался всю жизнь, но кипящая вокруг бессмыслица доводила до зубовного скрежета.

– Я не могу надолго оставлять корпус, – брюзгливо сообщил Карло Курподаю, предусмотрительно уступая дорогу оранжевому носатому смерчу, с саблей в руке преследовавшему меланхоличную золоченую гору. – Почему бы казару не запретить во время съезда кровопролитие?

– Это обидит гостей, а Пургат-ло-Прахонджак из рода Парасксиди никого не убивает. Он опасен только окрестным собакам. Я понимаю вашу озабоченность, маршал, во время войны полководец должен быть во главе своей армии, а не проводить время на чужих пирах. Боюсь, не-кагету тяжело принимать наши обычаи всерьез. Вы, имперцы, люди дела, а многие из нас – люди хвастовства и пустых разговоров.

Капрас ограничился поднятием бровей. Он не настолько доверял Курподаю, чтобы делиться с ним мнением о Военной коллегии Гайифы, но по части переливания из пустого в порожнее Доверенный стратег его величества Забардзакис обставил бы дюжину казаронов, благо те предпочитали молоть языками, а не составлять инструкции и циркуляры.

– Маршал чем-то озабочен? – Курподай заговорщицки понизил голос. – Никто из нас не сомневается в победе гайифского оружия...

– Я не вижу здесь тех, кто достаточно разбирается в военном деле. Достаточно для того, чтобы оценить силы как империи, так и морисков. И я не уверен, что моему императору не потребуются все имеющиеся в его распоряжении войска.

Говорить в таком тоне было ошибкой, но окружающее гоготанье и бряцанье бесило все сильнее. Сидеть в Кагете, когда дома творится Леворукий знает что! Одна радость – уроды из Военной коллегии обнаружили, что враги бывают не только на бумаге и ведут оные враги себя отнюдь не так, как им предписывал Забардзакис... Четверть маршальской души гаденько радовалась посрамлению настольных стратегов, но три четверти переживали из-за творящегося на побережье.

– ...ства Дивина пока неизвестна, – пропело над ухом, и Капрас сухо кивнул. Он зря сорвался, но с другой стороны... Пусть знают, что корпус может в любой момент сняться и уйти. Вдруг да допрет, что разжигать войну с Лисенком не ко времени. Может, хоть до кого-то допрет?!

Прокатившийся по увешанному чудовищным оружием залу ураган звуков позволил многозначительно пожать плечами и проорать, что некоторые вещи лучше обсуждать в тишине. Курподай понимающе кивнул, а вокруг трубило, стучало, гудело, звенело и завывало. Его величество Хаммаил-ло-Заггаз возвещал о том, что готов почтить возлюбленных подданных своим августейшим присутствием.

позволить и не мог. Маршал стоял по правую руку Хаммаила и сохранял величественное спокойствие, а Хаммаил говорил. По-кагетски, что создавало дополнительные трудности: дружественный казар, пользуясь случаем, мог брякнуть что-то от имени Капраса, а в некоторых мозгах не опровергнутое на месте становится подтвержденным.

Гайифец как мог напрягал слух, выживая из бурлящего потока знакомые слова и имена. Пока до империи не доходило – Хаммаил яростно поминал Лисенка и надрывно – убитых при набегах казаронов. Вряд ли искренне поминал, ну так на то и политика – интриганов, от души оплакивавших погибших, Капрас еще не встречал. Вот генералы, те убитых, случается, жалеют, только генерала из Хаммаила не выйдет, даже кагетского. В этой суматошной стране воевали по-дурацки, но от души, а ло-Заггаз уродился трусом и ябедником, уместным в паонских приемных, но не в седле и не с саблей, которую даже держать толком не умел.

– Фршт... храштв... пршушт... пхмак! – возгласил казар. – Шмурж... бжахт!

– Грм... пш... бры, – подтвердил удивительно тощий для Кагеты кардинал. – Орстон!

– Мэ... ра... тхон! – откликнулось из казаронских рядов. – Пш... манх!

– Хыррр!

Привычный к обстрелам Капрас увернулся от чего-то оранжевого, пронесшегося совсем рядом и лихо шмякнувшегося о стену.

– ...прымс... хучфа... хып!

Второй снаряд баловавшийся в юности мячом маршал поймал на лету прежде, чем сообразил, что делает. Оранжевое нечто оказалось потертым сапогом с огромной золоченой шпорой. Сомнений не было – добыча не только выглядела как сапог, но и должным образом пахла. Гайифец оглянулся, не зная, куда девать летучую обувь, а вокруг кипело, шумело и бушевало.

Хаммаил вздымал кулаки и топал ногами, как истый кагет, и при этом визжал на гайи. Казару басовито вторила казаронская разноголосица, гремела доспехами стража, усугубляя суматоху, за какими-то кошками выли трубы, метались потревоженные мухи и осы.

– Казнить! – потрясал кулаками Хаммаил. – Повешу! На месте... Это заговор!.. Талига и Бааты!.. На меня... Против меня! Пршт... камрусха... ып!

Не имевший обыкновения орать даже на проворовавшихся интендантов Капрас считал крик слабостью, но в Кагете маршал был чужаком. Если подданные галдят и орут, казар тоже вправе орать, желательно на понятном подданным языке. А вот чего хоть казар, хоть император не вправе, так это получать прилюдно по морде. Пуля, стрела, кинжал, не достигнув цели, возвеличивают, сапоги, тухлые яйца и похабные песенки предвещают катастрофу. А уж союз императора с казаром, в которого швыряют сапогами...

– Хр-р-р-рыф!

Пара статных седых стражников выволокла из толпы босого носатого казарона. Того самого никогда не убивающего Пургата, что гонялся за снулым здоровяком.

Хаммаил что-то гавкнул, и злоумышленника умело швырнули на колени. Рот ему заткнуть не догадались, и рот этот не закрывался. Зато разноцветная казаронская стена притихла и слилась в нечто единое и выжидающее.

Подоспел вездесущий Курподай, встал чуть позади.

– Может, хоть вы объясните, что за... – начал Капрас и понял, что все еще сжимает в руке орудие покушения.

3

Суд был скорым. Подобной прыти от Хаммаила маршал не ожидал. Босого Пургата приговорили к смерти минут за десять. За оскорбление казара и союзной Гайифы. За участие в заговоре в пользу Лисенка и Талига. За покушение на жизнь гороподобного казарона и грабежи на дорогах. За затравленных собаками мирных путников и оскверненный храм. Казароны молчали не то чтоб уважительно, но с пониманием. Приговоры по осени Военная

коллегия самого Капраса, друзья и соратники молчали бы не хуже: имел глупость проиграть, вернуться и не вывернуться – получай! Капрас, спасибо обожавшему подписывать инструкции Забардзакису, вывернулся, ну так он и не швырял гнилыми грушаками в возомнивших себя стратегами обезьян, хоть и следовало... Маршал хмуро наблюдал, как вопящего смутьяна волокли к двери. Если б хоть одна сволочь встала рядом или хотя бы вякнула... но в Кагете защищают только свои задницы. Как и в Паоне.

Капрас наподдал ногой свалившийся с подноса абрикос, тот лопнул, плюнув желтой мякотью и некстати напомнив про Фельп и тамошние бешеные огурцы. Стража уже выволокла не прекращающего вопить и плевать мятежника, казароны начинали потихоньку гудеть и поглядывать на подносы, а Хаммаил пощипывал отпущенные по случаю возвращения на родину усы и косился на дорогого союзника. Зажужжала привлеченная раздавленным фруктом оса, гайифец отмахнулся и внезапно понял, что стоит перед казаром и порет чушь.

– Ваше величество! От имени моего императора прошу отсрочить казнь и передать преступника в мое распоряжение. Я обязан доложить о сговоре Бааты и Талига во всех подробностях.

Молчит, думает. Ну и отвратная же физиономия. Красивая, холеная и отвратная. Если откажет... Если откажет, проглотим и запомним. Это если откажет...

– Пургат-ло-Прахонджак упрям и лжив, как и все прихвостни Лисенка. Он не станет говорить.

– Не получив доказательств сговора, мой император не даст разрешение на выдвижение вверенного мне корпуса на северо-запад. Я и так превышаю свои полномочия, прикрывая резиденцию, в которой проходит высокое собрание. Гайифа не желает войны.

Раньше надо было думать, раньше! Ввязываясь в фельпскую авантюру и сговариваясь с Адгемаром. Покойный казар унес сговор в могилу, но Алве и багряноземельскому зверью нужны не доказательства, а повод. Теперь он у них есть, а подавшие этот повод болваны пишут свои поганые циркуляры и требуют осторожности.

– Хорошо, – протянул Хаммаил, – если преступник признается в сговоре с Лисенком, я его передам в руки Гайифы.

Такие упрямцы не признаются, и вообще незачем лезть в дело, которое не касается ни империи, ни корпуса. Кто-то в кого-то чем-то швырнул, но что до того Карло Капрасу? Его дело – выполнять приказ. Или не выполнять, а поднять корпус по тревоге и форсированным маршем гнать в Неванту, где он в самом деле нужен. Или наплевать на Неванту с Коллегией и ввязаться в местные делишки. Само собой, не даром. Даром или почти даром они с Ламбросом уже навоевались. Не развяжи мориски войну, самое время было бы подумать о себе, мешали беззащитное Побережье и придурки в Паоне; придурки, которые видят лишь бумаги и слышат лишь себя... Карло маялся среди чужого говора с кубком в руках, а перед глазами вставали то белые прибрежные городки, то муторные столичные рожи.

«Вы слишком много думаете о том, в чем слишком мало понимаете. Руки не спорят с головой...» Именно так вещал Забардзакис накануне фельпской кампании, и Капрас это съел. Съел бы и больше, по крайней мере тогда.

От поганных воспоминаний отвлекло отнюдь не кагетское покашливание, минут десять назад его было бы нипочем не услышать. Карло обернулся и едва не помянул загадочную «бацуту». Перед ним торчал некто в мундире Иностранной коллегии его величества Дивина, но без ленты с имперским павлином.

– Как приятно увидеть в столь диком сборище лицо просвещенного человека! – пропел он. – Позвольте представиться. Младший конхессер граф Марко Каракис. В прошлом – соученик нашего славного казара, а в настоящем – кузен его трогательной супруги. Прошу простить мою фамильярность, как видите, я в отставке, а вдали от родных мест в каждом соотечественнике поневоле видишь брата.

– Если жизнь на чужбине вам в тягость, не нужно было выходить в отставку и покидать отечество. По крайней мере в его нынешнем положении.

– Ах, если бы вы смогли объяснить это Антиссе! Бедняжка не может обойтись без родственной поддержки, и семья пожертвовала мной. Вы приедете к нам в Гурпо?

– Вряд ли я смогу в такое время оставить свой корпус ради личных дел.

– Я так и думал, но не мог не попытать счастья. Позвольте полюбопытствовать, на что вам этот пустоголовый Пургат? Дорогому Хаммаилу свойственна излишняя горячность и некоторая мнительность. Заговорщики не бросаются обувью, заговорщики подсыпают яд. Вряд ли ваш казарон расстался с сапогами по приказу Лисенка, и еще более вряд ли он привлечет внимание Иностранной коллегии. Вы не представляете, что сейчас творится в Паоне...

– Мое дело – доложить, – буркнул доведенный паонским аргументом до кипения маршал, но кузен и соученик не унимался.

– Желаю вам успешного доклада. – Каракис улыбнулся и понизил голос: – Признаться, меня больше волнует сын Адгемара. Он, в отличие от глупца Пургата, опасен настоящему. Хотелось бы верить, что хотя бы это собрание надежно защищено...

Капрас не понял ни этого намека, ни следующих. Пока маршалу удавалось увязывать военную прямоthu и краткость с вежливостью, но Каракис не отставал. Теперь его занимало, почему для размещения отрядов прикрытия избраны те поселения и замки, а не эти и наилучший ли это выбор для защиты Гурпо. Вот, скажем, Пирхаллуп, замок прибывшего с маршалом казарона, который, кажется, знает гайи? Чем он, разумеется, замок, а не казарон, столь привлекателен? В ответ пришлось полюбопытствовать, сколь хорошо отставной дипломат сведущ в делах военных, а выяснив, посоветовать не забивать голову незнакомыми премудростями.

– Места дислокации, – Капрас взял с подноса шедшего мимо слуги что-то липкое, но очень вкусное, – выбраны исходя из правил военной науки и моего опыта.

– Тогда я спокоен и постараюсь успокоить кузину. Мы понимаем, как вы заняты, превращая левкрийскую глину если не в золото, то в сталь, но все же нам стоит сойтись поближе.

– Да, – пустил в ход последние крохи вежливости Карло, – безусловно.

– Тем более мы со дня на день ждем прибавления в семействе... О, кажется, я выразился несколько двусмысленно. В Гурпо приезжают мать и дядя Антиссы. Он, если вы помните, долго служил в Военной коллегии и не чужд стратегии. У вас найдется о чем поговорить... А вот и наш Хаммаил. Он – славный малый и примерный муж, но при подданных ему приходится быть казаром, а казар говорит с казаронами без родни за спиной, так что до встречи. Надеюсь, скорой. Готов поспорить, вы получите вашего смутьяна, но обувать его придется за счет империи.

– Все уладилось. – Улыбка Хаммаила была столь же сладкой и мягкой, как раздавленный абрикос. Мухи и осы пришли бы в восторг. – Пургат-ло-Прахонджак из рода Парасксиди дает показания о сговоре с Баатой. Он ваш.

То ли казар не знал носатого казарона, то ли, наоборот, знал слишком хорошо, только болван признался, повинился и сразу же стал противен, но пришлось выражать свое удовлетворение и выслушивать ответные расшаркивания. В этой стране не умеют не только воевать, но и сохранять лицо, а смелость растет из фанфаронства. В этой стране с пятнадцатью тысячами паршивых пехотинцев можно добиться многого, особенно сейчас.

– Дорогой маршал, наше небольшое дело благополучно улажено. Теперь я должен досказать своим бездельникам то, что намеревался.

– Само собой, ваше величество.

Откуда вылетела очередная оса, маршал не заметил, но прихлопнул полосатую дрянх с удивившим его самого наслаждением.

Глава 4

Талиг. Оллория

Робер был дома. Сидел за столом, ковырялся в клубничном десерте, разговаривал и при этом стоял у широко распахнутых ворот, через которые много лет назад в Олларию въехала перепуганная светловолосая девочка. Будущая королева... Вчера сестра отправилась в свой Гайярэ. Ее провожали Пуэн, старый ментор, пара сотен южан и несколько монахов. Сэц-Ариж, загодя выехавший к Кольцу с письмом графини Савиньяк, прислал курьера – мертвую королеву пропустят домой, а возвращаться ее спутникам в Олларию или нет, пусть решает Проэмперадор Юга. Или Эчеверрия, или кто угодно...

– Двор нам больше не нужен. – Арлетта, спасибо ей, не порывалась выказывать сочувствие, предпочитая заниматься делами. – Оставшиеся дамы – это не только дорого и утомительно, но и по большей части глупо.

Эпинэ кивнул и прикрыл руками глаза. Черный и серый от траура птичник был ужасен в своем однообразии. Навязчивом, громком, вездесущем. «Я никогда не забуду этот ужасный день» – одна и та же фраза раздавалась со всех сторон, выныривая из всхлипываний и вздохов. Приходилось отвечать хотя бы кивком, и Робер отвечал, только дамы и девицы не отставали. Старшие норовили ухватить под локоть, младшие изящно спотыкались, и все подносили к глазам вышитые платочки, но Эпинэ не верил ни слезам, ни подвернувшимся каблучкам. Те, кому было больно, не брали Проэмперадора Оллари и графиню Савиньяк в кольцо, не намекали, не просили, а молча дожидались конца церемонии и исчезали. Как Марианна.

– И кто бы это мог шуршать? – Арлетта задумчиво протянула руку за спину, вытащила его крысейшество, рассмотрела со всех сторон и водрузила на стол. – Кажется, я все-таки не боюсь крыс... Ты обратил внимание, как интересно разъезжались послы?

Не обратил, потому что подбирал слова для Капуль-Гизайлей, думая, что те все же подойдут. Барон и баронесса присутствовали на всех церемониях, но к Проэмперадору не приближались. Закутанная в черное Марианна смотрела только на гроб; кажется, она вообще не произнесла ни единого слова. Коко раскланивался со знакомыми и незнакомыми, при этом тщательно избегая Эпинэ. Робер этого и добивался, только все равно не отрывал глаз от вуали Марианны и черной шляпы барона, пока их не скрыли приживалы старухи Фукиано.

– Я плохо разбираюсь в послах, – признался Робер, с сомнением глядя на забравшегося в отвергнутую клубнику Клемента.

– Посол Гайифы уехал с одним лишь йернцем. – Графиня говорила тоном проверившего склады интенданта. – Агариец откровенно навязался ардорцу и улаппцу, которые в восторге явно не были. Бордон с кагетом вцепились в алата и фельпца. Мелкие господа с Померанцевого моря очень не хотят принимать у себя морисков, так не хотят, что рвут старые союзы, даже не пытаются делать хорошую мину.

– Наверное... Жаль, на севере мориски нам не помощники.

– На севере мы поможем себе сами. Главное – выдержать летнюю кампанию, но это не наше с тобой дело. Ты решил, что делать с прошением Рокслей?

– Нет... Наверное, регент... Регенты...

– Рудольфу и Рокэ есть чем заняться. Проэмперадор Оллари ты, и ты должен не только кормить, защищать и хоронить, но и судить.

– Для всех Катари умерла родами.

– Слухи ползут. Дамы, слуги, гвардейцы – все они люди, а люди болтливы, только дело не в сплетнях. Есть преступники, есть закон, и есть ты. Твоего решения ждут все, кто знает правду, а их немало. В том числе и таких, от кого следует ждать пакостей.

– Я понимаю... Закатные твари, тетка Маран вечно твердила «я понимаю, я понимаю...». Ее повесили, а потом сожгли Сэ!

– Закон запрещает вешать женщин. Даже убийц.

– Но убивала не эта коза, а Дикон! Фрейлину, Катари, Штанцлера... А до этого были яд и приговор Алве!..

Он все же не выдержал, заорал, но графиня предпочла не заметить.

– Я вспомнила о другой убийце. Плахи эта тварь избежала; надеюсь, она хотя бы угодила в Закат. Это уже не наше дело, в отличие от Рокслей, без которой Катарина осталась бы жива. Я была фрейлиной, с тех пор во дворце ничего не изменилось. Пойми, за спиной едва ли не любой беды стоят мелочи. Гаденькие, голодные... Вроде мух, что откладывают лошадям под кожу личинки, только лошади живут и с этим, а люди – не всегда.

– Хотел бы согласиться, но не могу... – Они никогда *так* не говорили с Жозиной! Да и с отцом, и с дедом... – Я решу с Рокслей позже... Посоветуюсь с его высокопреосвященством...

– Вряд ли тут нужен эсператист, но почему и не поговорить с умным священником? Левий знает жизнь, и я склонна ему доверять, хотя предпочла бы, чтоб тебя окружали люди... повыше. Малыши слишком часто пытаются перепрыгнуть высоких, а не перепрыгнуть, так укусить или толкнуть.

Робер возрился на собеседницу. Она намекала на что-то серьезное, только обсуждать сейчас Левия не хотелось. Как и Дикона.

– Сударыня, вы, наверное, устали?

2

– Вы, наверное, устали? – попытался удрать в вежливость Робер. – Я никуда не годный хозяин...

– Для военного – годный. – А гладить крысу не так уж и противно. – Устала не я, а ты, но сейчас ты не уснешь, разве что напьешься.

– Я не могу напиваться... Клемент вам в самом деле не мешает?

– Нисколько. – В родственных связях есть свой смысл. Престарелая тетка может отвесить племяннику подзатыльник, но вразумлять подобным образом Проэмперадора, даже если он сын подруги? – Кажется, сюда идут...

– Вы правы. – Ожидание беды – скверная привычка, а Робер только беды и ждет. Совсем как Жозина в последние годы, когда ее счастье кануло в Ренкваху.

– Монсеньор, к вам...

– Я доложу о себе сам! Дорогой друг, я позволил себе... Сударыня, умоляю простить мою наглость, но я не мог, я просто не мог не нанести частный визит герцогу Эпинэ! Возможно, вы слышали обо мне и моем скромном доме. Барон Капуль-Гизайль к вашим услугам с сего дня и навеки!

– Я не претендую на вечность. – Бывают же своевременные гости! – Я в самом деле о вас слышала. От сыновей и, совсем недавно, от виконта Валме. Как поживает его собака?

– Так, как может поживать живое существо, которое покинули без объяснений. Готти здоров, сыт, ухожен, рядом с ним возлюбленная, но это лишь усугубляет его страдания. Телесные муки порой отвлекают от потерь, но благополучие и праздность делают оные нестерпимыми. Готти воет, сударыня. Чаще всего душевная боль настигает его во время концертов, что наносит ощутимый ущерб...

– Констанс! – Рык Робера прервал баронское журчание. Капуль-Гизайль вздрогнул и широко открыл очень умные глаза. – Констанс... Госпожа Савиньяк извинит нас, если мы пройдем в кабинет.

– Возможно, – светски улыбнулась Арлетта, – но я соглашусь на одиночество не раньше, чем получу ответ на давно занимающий меня вопрос.

– Мы скоро... Я скоро вернусь, – подтвердил худшие опасения Робер. Будь проклято, будь четырежды проклято то, что по недомыслию называют благородством!

– О, я не отберу много времени. – Барон прижал к груди руки с отменно обработанными ноготками. – Собственно говоря, я пришел напомнить дорогому Роберу о

нашем доме. Разумеется, известные печальные события исключают обилие гостей и игру, но музыка, легкий ужин и сухое вино уместны в любых обстоятельствах...

– Господин Капуль-Гизайль, я же просил!..

– Ваш отказ нас убьет, просто убьет! Мой новый концерт, перепела... Нет, это немыслимо! Вас могла бы извинить война и, возможно, государственные дела, но я наводил справки. Вы свободны до завтрашнего полудня, а в случае необходимости вас всегда разыщут.

– Меня уже отыскивали... в случае необходимости. В вашем доме! Я должен был ехать к сестре, а я... Господин барон, все, что я имел вам сказать, я... Лэе Астрапэ, вы же прочли письмо!

Сейчас взвояет, хлопнет дверью и сбежит... Если позволить.

– Это становится скучным. – Таким голоском юная Одетта Мафра говорила с *мужчинами*. – Робер, ты ведь не знаток старых обычаев?

– Нет! – Моргает, пытается сообразить, не укусил ли материну подругу Клемент или кто-нибудь еще.

– Тогда я спрошу барона как знатока. Вы знаток, я знаю... Почему мужчины дают такие странные зарок? Я говорю об обещании съесть что-либо несъедобное – шляпы там, сапоги, седла...

Занятно, что пришла в голову последняя глупость Арно, не иначе материнское сердце... А, не все ли равно что, главное, не дать одному навзрыд рычать, а второму – откланяться.

– О, – немедленно принял помощь барон, – эта привычка довольно любопытна! Лично я вижу в ней влияние Холты. Эта страна, а в молодости мне удалось там побывать, очень своеобразна и по-своему разумна. Там чтят духов Степи, и, по мнению холтийцев, эти духи наложили на канов заклятье. Если кан задумает обмануть Степь, на него найдет помрачение и он на глазах своих подданных съест собственный пояс. Холтийские правители решили не искушать судьбу и отказались от поясов как таковых. Не спрашивайте, не перешло ли заклятие за неимением поясов на иные части гардероба, ответа пока нет. Зато влияние степных верований ощущается и у нас. Ничем иным объяснить столь любимый нашим дворянством зарок я не могу, тем более что он прекрасно вписывается уже в наши традиции. Повсеместная замена бытовавшей ранее клятвы на крови клятвой, имеющей в своей основе столь эфемерное понятие, как честь, сродни отказу канов от поясов. Следующий шаг – переход от клятвы честью к заведомо нелепому зарок – совершенно естественен...

– В таком случае клятва съесть неэфемерные сапоги – шаг не вперед, а назад, – поддержала разговор Арлетта. Нужно было что-то делать. Срочно! Пока Робер не сорвался проверять какие-нибудь караулы, а баронесса не отправила барона за другим кавалером. Среди тарелок шевельнулось нечто светлое. Крыса! Арлетта ухватила пискнувшую зверушку и сунула барону.

– Надеюсь, вас не затруднит присмотреть за нашим маленьким другом. – Если Капуль-Гизайль не хочет уходить, он примется сюсюкать, а сюсюкающего гостя не выставишь. – Клемент крайне мил, но за ним нужен глаз да глаз. Герцог, я должна вам срочно кое-что сообщить. Не здесь. В кабинете.

3

Иноходец не представлял, зачем его приглашают, но это позволяло сбежать от бедняги Констанса. Заботливый муж боялся до конца войны отдать Марианну военному, но глубже он не заглядывал. Пока герцог Эпинэ жив и в Оллари, он должен ходить к Капуль-Гизайлям, это же очевидно! Объяснить, что вместе с Эпинэ ходит смерть, обычным людям невозможно. Подобное понимаешь лишь о себе.

Робер бездумно пропустил даму вперед. Он попросит ее передать барону извинения и поедет в казармы. Или в Багерлее? Прозмперадор должен быть судьей, никуда не денешься,

и хватит тянуть.

– Дурак! – Графиня Савиньяк встала спиной к двери; обойти ее, не оттолкнув, было невозможно. – Собрался решать за двоих?

– Сударыня...

– Не «сударыня», а вдова маршала, если ты вдруг забыл! Не пожелай Арно «губить мою юность», он бы именно это и сделал...

– Что сделал? – не понял Робер.

– Погубил. Юность. Молодость. Жизнь. Потому что мне был нужен только он, Арно Савиньяк! На день, на год, на сколько выйдет, но только он!.. Вы уходите, воюете, умираете, но решать, быть с вами или нет, нам, хотя какое там решать!.. Если любишь, бросаешь все и бежишь, то есть ждешь, пока не поймешь: хватит ждать, пора помнить... И благодарить за то, что было и что никто не отберет, кроме таких вот... дураков.

Глаза женщины были яростными и юными. На своего Арно она смотрела так же, заставив позабыть обо всем, но Савиньяк мог любить. Мог!

– Сударыня... Всё наоборот! Всё!.. Это не меня убьют...

Робер не думал, что сможет говорить так связно, тем более о таком, но говорил. О братьях, отце и Жозине. О просвистевших мимо пулях. Об Адгемаре, Мильже, Луллаке, Борнах. Об Альдо и Моро. О сестре, которая жила, пока он о ней не вспоминал. Тонущие в гвоздиках мертвецы, девчонка без тени, сжимающиеся стены, чужие жирные маки на рыжей садовой дорожке...

– В это трудно поверить, но это так! Я – кукушонок, я живу, потому что умирают другие. Не хочу, но живу, так вышло. Я не думал, что убью Катари, и убил! Ворон, тот хотел ее спасти, и ему почти удалось, ведь он ее оставил... Сударыня, Марианна должна жить, а я доделаю, что мне осталось, и...

– Я все поняла. – Теперь подруга Жозины была совершенно спокойна. – Скажи, ты видел Леворукого?

Шутит? Сошла с ума? Пытается отвлечь?

– Ты видел Леворукого? Того самого, что у церковников... Хотя он может быть и праворуким.

– Сударыня, что с вами?

– Ровным счетом ничего. Хорошо... Вспомни, тебя спасал кто-то вроде... Савиньяка, только с зелеными глазами и бергерским мечом?

– Нет. Разумеется, нет!

– А нет, так не равняй себя с Росио... с Алвой! Его в юности спас Леворукий, вот бедняга и шарахается от кого может, и то не ото всех, иначе ему пришлось бы удрать в Седые земли и жить там в дупле. Тогда бы смертей в Талиге точно прибавилось, так что кончай ловить чужих кошек и отправляйся к своей...

– Вы шутите!

– У меня воображения на такие шутки не хватит... Оглянись! Сколько людей теряют всё – любовь, дом, здоровье... Что, все они прокляты? Или ты только герцогов с королями считаешь? Так счастливых королей в сказках и то не бывает: то детей нет, то жена – тварь закятная, то чудище в залог дочку требует... Все мы несчастные, кроме мальчишек вроде Карло Алвасете. Пошел в бой, умер и не заметил; не ты плачешь, а о тебе...

Люди стареют, Робер, люди теряют тех, кого любят, иначе не бывает. Даже прекратись все несчастья и войны, мы будем хоронить родителей и жить дольше собак, лошадей, крысы этой твоей... Выходит, не любить их? А нам что прикажешь? Прятаться от мужчин? Не радоваться? Не рожать, потому что война, потому что вас могут убить... Могут, и что? Шарахаться от счастья, потому что оно кончается? Да стань оно бесконечным, оно б не счастьем было, а... овечьей жвачкой! И не смей убивать его раньше времени, оно не только твое. И вообще...

– Сударыня...

Теперь Арлетта смеялась, словно сказала нечто смешное. Смеялась, то отмахиваясь

унизанными кольцами рукой, то утирая глаза, но сумасшедшей она не была. На свой счет Робер был не столь уверен.

– Извини, – выдохнула графиня, – ничего смешного тут нет... Только как же хорошо... что ты не... пшеничное зерно... Представляешь, *что* бы было, откажись семена прорасти, потому что впереди жернова и бочки! Думай пшеница и капуста, как ты, мы бы... Мы бы вымерли с голоду, и некому было б страдать...

– Лэйе Астрапэ!

– Не поняла.

Объяснить Иноходец уже не успел. Распахнулась дверь, и в кабинет вступил Коко.

4

Барон явился удивительно вовремя – тот, кто сочиняет концерты, знает, когда вступать гобою, а когда – скрипкам. Арлетта поправила волосы и сощурилась – так и есть, на плече Капуль-Гизайля восседала крыса, что вряд ли шло на пользу элегантнейшему воротнику, но визитеру было не до него. И даже не до Робера. Супруг Марианны остолбенел, вперив исполненный восторга и вожделения взор в письменный стол, точнее, в прижимавшую бумаги потускневшую статуэтку.

– Умбератто! – простонал Капуль-Гизайль, все больше напоминая сраженного молнией любви. – Подлинный Умбератто, но где и в каком виде!.. Мой друг, это невыносимо! Вы же не станете... Не станете жарить дичь на вашей лучшей шпаге или возить на Дракко дрова!

– Умбератто? – Арлетта подошла поближе, разглядывая обвившуюся вокруг обломка колонны змедеву. – Похоже на то. Робер, это судьба. Барон нашел на твоём столе Умбератто, значит, этот Умбератто предназначался ему.

– В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери. – Робер смотрел на статуэтку, страдальчески сдвинув брови. – До сих пор слышат...

– Прекрасно сказано! – Барон сам напоминал работу Умбератто. Эдакая аллегория Вожделения или Противления всесокрушающей страсти из последних сил! – Песни найери родственны плачу, именно это я старался передать своим последним концертом! Всё губит исполнение, хотя я почти добился нужных интонаций... Но Умбератто! Он воплощал в металле то, что можно выразить лишь музыкой. Это прекрасно даже в сравнении со среднегальтарской бронзой.

– Я слышала про вашу коллекцию, – вступила Арлетта. – И хотела бы увидеть ее собственными глазами... Нет-нет, не сегодня! Когда Умбератто займет достойное его место. В доме военного искусства бывает неуютно.

– Но... Эта вещь из особняка Приддов, ее принесли мои люди. Если это такая ценность...

– Это *такая* ценность, – заключила Арлетта, – и ее нужно немедленно отчистить. Барон это сделает лучше кого бы то ни было, а Придд в ближайшее время вряд ли вернется в столицу. Ему можно написать, что его собственность отдана на хранение барону Капуль-Гизайлю.

– Графиня, я назвал бы вас ангелом, если б не знал, кто послужил эсператистам моделью. Это знание делает комплимент двусмысленным... Мой друг, если вы мне доверяете...

Не пытайся барон доставить Робера к супруге до находки, его можно было заподозрить в корысти, хотя корысть там, вне всякого сомнения, имелась, вопрос – какая. Арлетта взяла тяжеленную змеюку и вручила подскочившему барону, не забыв снять с плеча знатока искусств крысу. Восхитительно теплую и живую.

– Господа, вы слишком взволнованы. Оба. Это беспокоит животное. Будет лучше, если вы отправитесь засвидетельствовать свое почтение баронессе.

– Сударыня...

– Прощу меня простить. Робер, ты не будешь против, если я воспользуюсь твоим

кабинетом и напишу несколько писем? Это срочно.

...Они наконец убрались. Не устоявший перед двойным напором Эпинэ и счастливый барон, пожелавший нести тяжеленькое сокровище собственноручно. На столе остались кипа бумаг и крыса, под столом привычно обосновалось одиночество; вот ведь верная тварь, ни одна собака не сравнится! Графиня Савиньяк отыскала приличное перо и открыла чернильницу. Она все равно собиралась писать Ли и Бертраму, вот и напишет. Только уймет Клемента и отыщет платок. И откуда только берутся слезы, какой в них смысл? Тем более когда все почти устроилось...

Глава 5 Талиг. Придда. Оллория 400 год К.С. 21–22-й день Летних Скал

1

– Я вижу, ты доволен. Я не имею в виду наше военное положение, я имею в виду твое положение в седле.

– Доволен, – подтвердил Ариго, понимая, что сейчас воспоследует важный разговор. Ойген был слишком занят своим корпусом, чтобы предложить послеобеденную прогулку просто для удовольствия. – Если хочешь спросить про отца и... про наше семейство, не стесняйся, но там никаких загадок больше нет.

– Мне так не кажется. Я согласен, что допустил ошибку, сосредоточившись исключительно на Манриках и Колиньях, но твои неприятности остаются камнем, стронувшим обвал, а при обвалах порой обнажаются золотые жилы. Манрик увидел таковую и начал действовать, только я хочу говорить о не столь давних событиях. Ты согласен, что молодой Окделл представляет опасность для тех, кто считает его другом? В первую очередь я имею в виду младшего Арно.

– Откуда Окделлу здесь взяться?

Барон поморщился, словно у него болели зубы, но такие зубы не болят.

– Герман, у меня складывается впечатление, что исходить из здравого смысла в некоторых случаях – ошибка. Я крайне удивлен тем, что Окделлу удалось бежать. Его удаче, а я основываюсь на собранных мною об этом человеке сведениях, можно найти три объяснения. Ему помогли, только я не вижу никого, кто бы на это пошел, кроме Эпинэ, но, исходя из моих представлений уже об Эпинэ, в это не верю. Разве что кузен написал тебе прежде, чем поймали Окделла. Второе объяснение более вероятно. Окделл убит, скорее всего мародерами, ведь при нем было значительное количество ценностей. Я не возражал бы, окажись это так, но существует третья возможность – убийца твоей сестры скрылся, выбрав дорогу, на которой его не стали искать, исходя все из того же здравого смысла. Одна из подобных дорог ведет в расположение нашей армии.

– Это чересчур мудрёно. Графиня Савиньяк считает Окделла свихнувшимся на чести и Раканах дурнем.

– Куры неумны, но, удирая от кухарки, могут влететь в любую дверь. Не думаю, что Окделлу позволят долго разгуливать в расположении наших частей, но он может назвать имя виконта Сэ, а виконт Сэ, не зная некоторых обстоятельств, может попытаться ему помочь. Как другу. Кстати, Герман, Окделл мог отправиться на северо-запад вполне осознанно, имея в виду перейти к Бруно. Перебежать на сторону дриков и гауна собирался еще его отец. В этом случае доверие виконта Сэ может сыграть с ним дурную шутку. Не думаю, что риск велик, но он есть.

– Есть, – эхом откликнулся Жермон. – Что будем делать?

– Виконт Сэ поступает под твое начало. Я говорил с Давенпортом, он согласен, но предварительно надо прояснить ситуацию вокруг Придда. Ты к нему пристрастен, что

вполне объяснимо, но ты умный и честный генерал. Что ты можешь сказать о своем полковнике?

– Кошки его разберут... Парень – отличный офицер, для своего возраста, конечно. При этом у обормота в башке есть... граница, за которой он начинает творить то, что считает нужным. Где эта граница проходит, мне не ясно, так что за Валентином надо присматривать, хотя... Когда меня свалило, он решил, что присматривать нужно за мной.

– И присмотрел. – Райнштайнер не издевался, просто делал выводы. – Сперва я считал возможным поверить данным в присутствии виконта Сэ объяснениям, но сейчас вижу, что Придд недоговаривает. Он, безусловно, заботится о своих людях и своих родственниках, но исполнять фамильный долг можно по-разному. Я склонен считать твоего Заразу не расчетливым подлецом, а человеком с прописанным в костях, но при этом осмысленным представлением о том, кому и чем он обязан. Расчетливый подлец не встанет между выходцем и девушкой. Я осознанно опускаю то, что Придд делал, находясь под твоим началом. Здесь он мог зарабатывать репутацию, там – нет.

– Ты меня убеждаешь? Не надо ломиться в открытую дверь.

– Я тебя убеждаю лишь в том, что нельзя закрывать глаза на молодую запальчивость. Полковник Придд вряд ли способен на поступки, которые мы называем бесчестными, но тенъент Савиньяк обвиняет его именно в таковых. Я прошу твоего содействия в расследовании.

– Нет! – отрезал Жермон. – Сколько можно... расковыривать! Скоро нам всем в огонь, увидят друг друга в деле – помирятся!

– Расковыривать нужно, пока в ране есть гной, а он есть. Пока сын маршала Савиньяка обвиняет сына супрема Придда, он повернется спиной не к нему, а к Окделлу.

– Что ты хочешь от меня?

– Нужно расспросить бывших унаров в присутствии друг друга. Будет очень хорошо, если ты посоветуешь Придду отвечать на мои вопросы откровенно.

Есть вопросы, на которые не ответишь, из каких бы благих побуждений ни спрашивали. Потому что не знаешь ответа. Потому что слишком хорошо знаешь ответ.

Жермон натянул поводья.

– Хорошо. Поговорим после ужина, но только все вместе, и если Валентин не захочет...

– Герман, ты меня удивляешь. Неужели ты думаешь, что я стану при посторонних говорить о Юстиниане? И что я не позову тебя? Я сегодня еще не спрашивал, как ты себя чувствуешь?

– Отлично.

– Тогда нашу прогулку уместно закончить фехтованием.

2

Робер с трудом высидел бесконечный концерт и еще более бесконечный ужин. Из гостей были лишь Мевен и пара щеголей, кажется, ардорских дипломатов, но хватило и этого. Снявшая траур Марианна смотрела на всех, кроме Робера; барон трещал о малых скульптурах, скулили и возились собаки. За месяц дом успел стать чужим, возвращаться было поздно, возвращаться было не нужно.

Подали восьмислойное желе. Мевен, хоть его никто не просил, откланялся и утащил с собой ардорцев. Коко извинился и тоже исчез в кабинете – его ждал Умбератто. Эвро свернулась кошачьим клубком на коленях хозяйки и уснула, согнать левретку Робер не отваживался, а Марианна не считала нужным. Пустота становилась вязкой, словно Ренквах, и столь же безжалостной.

– Вы хотели меня видеть? – Проклятое «вы» сорвалось с языка, отрезая все дороги, кроме одной. К двери.

– Нет.

– Значит, я неправильно понял Констанса...

- Возможно. Я не знаю, что он вам сказал.
- Он... – А что, собственно, говорил барон? Что не мог не нанести визит и что желает видеть дорогого Робера в гостях, только гостей здесь перебивали сотни. – Барон пригласил меня на концерт.
- Коко гордится своим последним сочинением, но птичницы мало понимают в серьезной музыке. Я предпочитаю романсы, пусть их и считают пошлыми.
- Я прошу передать Констансу мое восхищение. Он так быстро ушел...
- При виде антиков он теряет рассудок. Спасибо, я обязательно передам ваше мнение. Для Коко это очень важно.
- Для Коко, не для нее!
- К сожалению, я не могу вернуть ваш жемчуг. Его у меня больше нет, но я пришлю вам рубины.
- Это будет лишним. Статуэтка, которую принес Коко, много дороже.
- К несчастью, я не могу распоряжаться этой вещью, она принадлежит герцогу Придду. Я ему напишу...
- Коко будет вам признателен.
- Благодарю вас за маки. Не думал, что их можно найти в Олларии. Именно такие...
- Это было нетрудно. Они растут у нас в садике.
- Я не знал...
- Когда вы здесь бывали, маки еще не зацвели. Это поздний сорт.
- Сорт?
- Они только кажутся дикими. Не стоит верить тому, что кажется.
- Я хотел бы увидеть, как они растут.
- Вы опоздали. Позавчера Коко приказал срезать все.
- И здесь Коко! Сколько раз нужно убедиться, что твои полгода истекли, и плевать, кто виноват. Ты больше не нужен, изволь подняться и выйти. Если сможешь, без прощальных речей.
- У вас был трудный день, баронесса, у меня тоже. Разрешите...
- Это невероятно! – Дверь только открывалась, а барон уже говорил. – Невероятно! Мой друг, я в полной растерянности! Я нашел письмо; оно на первый взгляд не имеет адресата, но вы должны прочесть его первым. Именно вы!
- Коко, – Марианна даже не шевельнулась, зато Эбро насторожилась и уселась, как готовый пуститься вскачь заяц, – герцог Эпинэ устал, не нужно его задерживать.
- Но это очень важно! – Барон уже водружал на стол найери. Отчищенный кончик хвоста загадочно мерцал, подчеркивая удручающее состояние всего остального. – В ней тайник... Удивительная работа, я едва его не пропустил, а вот и письмо. Оно запечатано. Разумеется, я не мог себе позволить...
- Зря. Впрочем, я отошлю это письмо Придду.
- Но оно от Придда! По крайней мере, судя по печати... Возможно, оно касается Умбератто. Нет, вы должны прочесть!
- Хорошо. Давайте.

«Сим подтверждается, что находящийся в тайнике фигурки работы Умбератто, именуемой «Память песней», документ – подлинное письмо Блани Ракан, урожденной графини Маран, собственноручно написанное оной дамой в Агарисе и отосланное ею вдове герцога Эктора Придда герцогине Гертруде. Руководствуясь чувством приличия, я вкладываю в тайник наиболее пристойную из одиннадцати находящихся в моем распоряжении сходных по содержанию эпистол, дабы нашедший передал оную потомку означенной Блани, известному ныне под именем Альдо Ракана. В случае, если документ постигнет участь содержимого найденной в гробнице Франциска шкатулки, оставшиеся десять писем окажутся в распоряжении столь достойных доверия лиц, как Его Высокопреосвященство Левий, герцог Ноймаринен, командующий Северной

армией граф Савиньяк, нынешний дуайен Посольской палаты граф Глауберозе, посол дружественной Талигу Казеты доблестный казарон Бурраз-ло-Ваухсар и великий герцог Ургота Фома.

В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери, они помнят многое, и они будут говорить.

Валентин, герцог Придд

400 год К.С.

Ночь с 18-го на 19-й день Зимних Скал

P.S. В случае, если упомянутый выше потомок Блани исполнит смирения и покинет пределы Талига, равно как и в том случае, если он наложит на себя руки от стыда и печали или же иным путем лишится возможности приносить вред, письма останутся там, где они находятся ныне. Полагаю, впрочем, первые два предположения маловероятными и упоминаю о них лишь из уважения к последней воле герцогини Гертруды, завещавшей предать эпистолы Блани огласке лишь при крайней на то необходимости».

Почерк был Роберу знаком, то есть оба почерка. Первый Робер видел лишь дважды, но запомнил на всю жизнь, как и ночь, когда отбили Алву, второй... «Поучения королевы Бланш», почитаемые Альдо как величайшее сокровище, теперь хранились у мэтра Инголса вместе с другими бумагами. При желании можно было взять и сравнить, только зачем? Мерзкое, полное базарной злобы письмо написала королева. Та самая. Жена Эрнани Последнего. Любовница маршала и мать его ребенка, сбежавшая в Агарис. Уж не тайну ли Раканов раскрыл свихнувшийся астролог...

– Я был прав! – с гордостью объявил нависавший над Робером барон. – Это Умбератто, но какое восхитительное название! «Память песней»... Герцог, с вашего разрешения я его присвою! Я никак не мог подобрать название концерту, который вы слушали, и вдруг такое открытие... Это судьба, мой друг! Та самая судьба, которой придают столь большое значение дикие народы...

– При чем здесь судьба и при чем здесь я?

– У вас дурное настроение. Конечно, бранящаяся женщина всегда удручает, но утешимся тем, что эта вульгарная Бланш мертва. Нет, я не могу ждать! Я немедленно впишу название... Пожалуй, в переводе на гальтарский оно будет звучать еще лучше. Как вы думаете?

– Вероятно, – быстро сказала Марианна, и Коко убрался. Роберу следовало выйти вместе с бароном, но, задержавшись, уйти трудней, чем сразу.

– Сударыня, о чем вы думаете?

– О ненависти... Маршал не любил королеву, он хотел стать регентом, и только... Она все поняла, потому и ненавидела герцогиню и ее детей. Любимые нелюбимых не ненавидят, а жалеют. Победители любят жалеть.

– Вы так думаете?

– Я могу только думать. *Знают* те, кого любят или любили. Я не из их числа... Я никого не жалею.

Будь Робер каким-нибудь Валме, он бы нашел что ответить, а не стоял столбом. Зазвенело – за спиной что-то разбилось. Робер торопливо оглянулся. На ковре среди золотистых осколков белела лилия. Не пытайся бежать от песни, слушай, чувствуй, и ты воскреснешь...

– Что ты сказал?

Разве он что-то говорил?

– Я не уйду, Марианна. Не смогу...

Бессильные слова царапали горло не хуже рыбьих костей, но она поняла. И простила.

– Устраивайтесь, господа. Генерал Райнштайнер сейчас будет. Что нового?

– Старый Ульрих-Бертольд кричит и топает ногами. Ему не понравился поход и то, что он оказался малоудачным. Нас он тоже ругает, но меньше, чем дриков и новые времена. – Йоганн улыбнулся так открыто, что Жермон удержался от встречной улыбки лишь потому, что думал об Ойгене. – Мой генерал, можем мы пользоваться случаем и выражать вам свое сочувствие и свои поздравления...

– Йоганн!.. Мой генерал, мой брат хотел сказать...

– Я понял, что он хотел сказать. – Это было неприлично, но на сей раз сдержать улыбку не удалось. – Я потерял сестру и восстановил репутацию, но главное для нас сейчас война. Арно, ты уже знаешь, что с согласия Давенпорта переходишь в авангард?

– Да, мой генерал.

– Пойдешь ко мне порученцем. Не прижимай уши, в тылу держать не стану.

– Мой генерал, я принесу больше пользы в конной разведке.

– Думать, а потом проверять, что надумал, можно и при штабе. Ойген, либо ты опоздал, либо мои часы спешат.

– Я задержался и приношу свои извинения. Господа, – глаза Райнштайнера поочередно обдали льдом троих тенъентов и полковника, – садитесь. Сперва вам придется отвечать на мои вопросы, затем узнать некую новость, которую вам придется держать при себе впредь до соответствующих распоряжений. Преждевременное разглашение полученных сведений является государственной изменой. Вы меня поняли? Прошу отвечать по очереди.

– Да, – быстро сказал Арно.

– Я все понимал, – отчеканил Йоганн.

– Да, я понял.

– Да, мой генерал.

– Очень хорошо.

Валентин был невозмутим как бергер, а бергеры честно готовились выслушать начальство. Арно тоже готовился и пытался казаться спокойным, а казался упрямым. Если бы с ним поговорила мать, было бы проще...

– Господа, сперва нам предстоит прояснить некоторые обстоятельства. Теньент Савиньяк, правильно ли мы с генералом Ариго понимаем: вы считаете, что в Лаик под именем Сузы-Музы скрывался господин Придд?

– Да. Я счита...

– У вас имеются доказательства?

– Не те, которые примут законники.

– Тем не менее обоснуйте свое мнение.

– Шутки были слишком хорошо продуманы для большинства из нас, но только не для Придда. В этом доме привыкли действовать исподтишка и прятаться за других. Не у всех из нас есть старшие братья, которые могут рассказать про Лаик, у Придда брат был. Титул графа Медузы подходит ему больше, чем остальным. В Олларии Придд пользовался подлинной печатью Сузы-Музы, а господин Борн – нет. В Лаик граф назвался «благородным и голодным». Борн подписывался «благородный и свободный».

– Откуда вы это узнали?

– От тенъента Вардена. Сейчас он у Давенпорта. Вардена взял в королевскую охрану Ли... граф Савиньяк, после мятежа Рокслеев тенъент остался во дворце, но...

– И что Варден говорит о Придде? – перебил упряма Жермон.

– Персона герцога Придда меня не интересует! – взвился Арно. – Я...

– Вы уже получили замечание на сей счет, – не преминул вернуть поводья в свои руки Райнштайнер. – Но мы собрались выяснить личность «графа» из Лаик. Теньент, вы можете что-то добавить?

– Нет!

– Господа Катершванц, что думаете вы?

– Я хочу верить, что это не Валентин, – Норберт в самом деле этого хотел, – но я не знал про печать. Я хочу понять...

– А я нет! – брякнул Йоганн и покраснел. – Суза-Муза в Лаик был свинья, Валентин нет. И еще он не трус... Я не говорил с Фарденом, я говорил с теми, кто шел от Печального Языка. Один человек не может быть таким и таким, значит, это разные люди. И потом, один человек не мог вешать потекс, а Придд в Лаик всегда ходил один...

– Полковник Придд, я не прошу вас отвечать, я приказываю. Вы знаете, кто действовал в Лаик под именем графа Медузы?

– Отвечайте, Валентин, – подтвердил приказ Жермон. – Пора с этим покончить...

– Слушаюсь. В Лаик под именем Сузы-Музы действовало несколько человек.

– Вы были в их числе?

– Да.

– Кто еще?

– Не берусь утверждать. Раньше я думал про господ Колиньяра, Салину и Савиньяка, но ошибся самое малое в отношении последнего. Позже я услышал про подмену шпаги капитана вертелом и пришел к выводу, что Сузе-Музе кто-то помогал.

– Что делали лично вы?

– Дважды выходил ночью из своей комнаты.

– И всё?

– Я предпочел бы не отвечать.

– Вы в армии. Потрудитесь ответить. Когда вы выходили?

– В первый раз – на третью ночь после появления Сузы-Музы.

– Полковник Придд, если вы думаете, что я устану задавать вопросы, вы ошибаетесь. Либо вы расскажете все по порядку, либо я стану спрашивать, пока не получу необходимые мне ответы. Итак, что вы делали оба раза и что видели?

– Закатные твари! – Жермон не выдержал и налил себе полный стакан. – Можно подумать, у нас нет более важных дел! Не знаю, как в Лаик сейчас, но меня вышвырнули из Оллари, когда в ней болтались шестеро моих однокорытников, и что-то никто не бросился меня спасать...

– Сколько из твоих однокорытников остались твоими друзьями? – Ойген тоже счел уместным подойти к столу, но вино предпочел воду. – Сколько, Герман?

– Какое это имеет значение?

– Никакого, но ты помнишь, сколько их было, до сих пор.

– Мало ли какая чушь держится в голове. Валентин, за какими кошками ты выходил?

– Я осматривал здание.

– Сейчас я начну жалеть манриковских дознавателей... Ты можешь сказать, как было, чтобы от тебя отстали раз и навсегда?! Не однокорытники, так хотя бы мы!

– Постой, Герман. Осматривая здание, вы кого-то встретили?

– Я почти столкнулся с Эстебаном Колиньяром, но он меня не заметил. Второй раз я не встретил никого.

– Тогда вы тоже осматривали здание?

– В этом не было необходимости. Я зашел к капитану Арамоне и оставил у него на столе почетный диплом дурака, труса, пьяницы и невежды, а также уведомление о кончине Сузы-Музы.

– Арамона вас не заметил?

– Я рассчитывал, что он пьян и спит, но его не было, иначе я слышал бы храп. Отсутствие капитана меня удивило, тем не менее я сделал то, что намеревался.

– Вы приближались к Старой галерее?

– Я принес туда ужин.

– Что было в корзине?

– Это был мешок.

– Что было в мешке?

– Свечи, огниво, хлеб, сыр, ветчина, пироги и вино.

– Какое?

– Арамона пил дорогую тинту. Бутылки хранились в особом погребе. Я взял одну, но открывать не стал.

– Это была тинта! – хлопнул в ладоши Йоганн. – Отличная тинта, хотя Берто и Паоло хотели своей южной кислотины.

– Господа, – прервал бергерские восторги Ойген, – есть ли у вас сомнения в том, что рассказал полковник Придд?

Арно молчал, Йоганн со счастливой улыбкой проорал: «Нет!», Норберт свел брови, сразу став похожим на своего склочного родича.

– Я не сомневаюсь, что Валентин доказывал нашу невиновность, но я хочу знать про печать, подкинутые Ричарду улики и про то, как вешали штаны капитана Арамоны.

– Да, – поддержал близнеца Йоганн, – хроссе потекс, как ее цепляли?

– Полковник, вы можете ответить на эти вопросы?

– О панталонах я не могу сказать ничего.

– Хорошо. Скажите, откуда у вас печать?

– Я ее нашел. Как справедливо напомнил господин Савиньяк, я – Придд. Лаик мне не казалась дружественным местом. Я в первую же ночь тщательно обыскал свою комнату и обнаружил отмычки, печать с гербом тогда еще неизвестного мне Сузы-Музы, набор грифелей для рисования и настойку кошачьего корня. Мне не хотелось оставлять эти вещи у себя, но и выбрасывать их я счел преждевременным. На следующий день я выбрал в саду дерево с подходящим дуплом и перенес находки туда. Когда появился Суза-Муза, я решил, что кто-то заранее решил обвинить в его проделках меня. Это казалось бессмысленным, но на всякий случай я забрал из тайника отмычку и вскоре ею воспользовался. Встретив Колиньяра, я уверился в своем предположении – я имею в виду то, что мне отведена роль виновного, – и постарался не подать Арамоне ни единого повода.

– Подбросив улики в комнату Окделла?

– Подобная мысль мне в голову не пришла. Теперь я думаю, что одинаковые улики были подброшены в несколько комнат. Я их нашел, Окделл нет.

– Какова дальнейшая судьба найденной вами печати?

– В Лаик я воспользовался ею только раз, при изготовлении диплома, о котором я говорил, но, когда уезжал, взял на память. У меня возникла не слишком разумная привычка носить печать с собой. Позже, во время допроса, мне показалось, что эта вещь знакома Колиньяру.

– Он о ней спрашивал?

– Нет, и это было странным, ведь он спрашивал даже о засушенных цветах моей матери.

– Вы получили печать назад или изготовили копию?

– Приказом его величества Фердинанда мне были возвращены все изъятые у меня вещи и бумаги.

– Полковник Придд, когда и как вам пришла мысль сыграть роль Сузы-Музы вновь?

– Незадолго до разоблачения Удо Борна. Я подумал, что новому Сузе-Музе может потребоваться алиби. У меня имелись некоторые предположения о том, кто это мог быть. Я решил действовать, когда этот человек будет на глазах у господина Альдо, но все случилось слишком быстро.

– Кого вы подозревали?

– Я полагал, что это виконт Темплтон. Удо Борна я подозревал в меньшей степени, так как отношение этой семьи к Олларам общеизвестно.

– Почему вы подозревали именно Темплтона?

– Подпись и печать подлинного Сузы-Музы выглядели иначе. Это доказывало, что второй Суза-Муза не присутствовал при событиях в Лаик, но знал о них из первых рук. Он

находился при дворе, более того, имел доступ к книге дежурств. Я предположил, что это кто-то, в чьи обязанности входит делать в ней записи.

– Вы исключили тех, кто был в Лаик, то есть герцога Окделла. Почему?

– Из-за его преданности узурпатору и неспособности к притворству.

– Теньент Савиньяк, – Райнштайнер слегка возвысил голос, – вам есть что возразить или добавить?

– Нет. В том, что касается Сузы-Музы, я ошибался. В главном нас рассудит война.

– И шляпа, – подсказал Норберт. – Один умный спорщик заказывал себе шляпы из теста для лапши, но это очень неудобно в дождь!

– Я не люблю лапшу! – отрезал Арно. – Господин генерал, разрешите идти?

– Нет. Теперь, когда недоразумение разрешилось, я должен сообщить троим из вас достаточно неприятную новость. Вы уже знаете о смерти ее величества и о том, что герцог Ноймаринен вновь исполняет обязанности регента. Для армии этого достаточно, но вы находитесь на особом положении и должны знать больше. Ее величество и ее фрейлина были убиты вашим бывшим соучеником Ричардом Окделлом. Убийца скрылся.

– Это не есть похоже! – сказал Йоганн.

– Я не верю, – отрезал Арно.

– В это трудно поверить, – поддержал Норберт. – Это даже не измена...

– Мужчина может убивать свою женщину, если она изменяет, предатель может убивать королеву, но не вместе... И не Ричард!

– Полковник, вы видели Окделла в Оллари. Ответьте вашим товарищам.

– Окделл в то время называл ее величество не иначе как госпожа Оллар, хотя и испытывал к ней определенные чувства, которые полагал возвышенными. Мне казалось, он придерживался рыцарского кодекса во всем, что не противоречило его самолюбию и интересам господина Альдо. То, что после смерти последнего Окделл остался в Оллари и поступил на службу к ее величеству, вызывает у меня недоумение. Я не могу исключить, что он счел своим долгом таким образом прервать династию Олларов, но поверить в это не могу.

– Ты не веришь? – Арно казался уже съевшим шляпу. – Ты?!

– В *это* – нет.

– Тем не менее, – не дал уйти в сторону Ойген, – ошибка исключена, поэтому я обязан задать последний вопрос. Что вы скажете об Окделле как о бойце? Вы ведь с ним дрались?

– Да, – подтвердил Придд. – Мы оба были ранены, я – в бедро, Окделл – в руку, но я считаю себя проигравшим. Окделл стал опасным соперником. Его господин, в данном случае я имею в виду герцога Алва, отменно поставил своему оруженосцу руку, но не голову и не терпение.

– Благодарю вас. Можете идти.

Ушли. Тихо и на этот раз вместе. Это было трудно объяснить, но Жермон видел – их если и не четверо, то двое и двое.

– Сейчас они потрясены, но уже к вечеру начнут спорить о том, кто вешал штаны и подменял шпаги. – Райнштайнер тщательно прикрыл дверь и уселся у стола. – Хотелось бы верить, что эти молодые люди способны понять, где кошка, а где ее тень.

– Может быть... Только это судилище... Ну зачем ты его затеял? Мы могли расспросить Валентина, а потом надрать уши Арно...

– Если б мы просто доказали, что Придд не мерзавец, враждебность бы уцелела. Люди не любят вспоминать о своих ошибках и редко начинают относиться хорошо к тому, о ком говорили плохо. Сейчас они думают не о своей ошибке, а о возможной встрече с Окделлом. Думают вместе. У них есть общая тайна, они скоро будут вместе воевать. Они станут друзьями, а ты хотел именно этого. Дальше не наше дело, наше с тобой дело – это война. Я вижу, что ты утомлен, но отдыхать не время. Взял Доннервальд.

– Только город или и цитадель?

– Город был взят шестнадцатого, цитадель двумя днями позже.

– Так ты задержался из-за этого? Доннервальд взят, а ты расспрашивал об унарских

выходах! И кто ты после этого?!

– Тот же, кем был всегда. Как и ты. Ты слишком порывист и не умеешь убирать из головы то, чем заниматься преждевременно. Мы сможем говорить о Доннервальде со знанием дела, когда вернется разведка. Фок Варзов ждет ее к полуночи и к полуночи же собирает высших офицеров. У нас имелось время. Было разумно потратить его на прояснение вещей, которые в противном случае пришлось бы отложить или до конца кампании, или навсегда, если кто-либо погибнет. Именно поэтому я настоял на том, чтобы разговор состоялся сегодня.

– Постой! – Жермон уставился на бергера как на роту выходцев. – Ты хочешь сказать, что знал про Доннервальд уже в обед?!

– Почему *хочу* сказать? Я это уже сказал.

Глава 6 Южная Гауна. Талиг. Надоры 400 год К.С. 22-й день Летних Скал

1

Не будь Бергмарк, горная Гауна по праву считалась бы царством эдельвейсов, но вариты и агмы умудрились не поделить даже цветы – странные земные звездочки, глядящие в глаза близкому небу. Мать про них что-нибудь бы да сочинила, но мать сейчас любовалась шиповником. Если любовалась... О братьях Проэмперадор Севера не тревожился совершенно, но дом в последний месяц вспоминал часто. Валмоны вступили в игру, а где Бертрам, там и дядюшка Гектор, и мать... Втроем старики заменят хорошую армию, только армии имеют обыкновение драться. И нести потери...

– Мой маршал, авангард добрался до перевалов. Полковник Лауэншельд предлагает остановиться на дневку в Таркшайде, чтобы подтянулась артиллерия и обозы. По его словам, это последнее большое поселение по эту сторону границы.

– У вас есть основания этому не верить?

– Нет...

– Мы днюем в Таркшайде. Красивые места, капитан...

Давенпорт тщательно оглядел серебристый от эдельвейсов склон, словно собираясь нанести его на карту. Капитан ждал приказа и готовился оскорбляться и скрывать свои чувства. Из живущих в ожидании обид и подначек выходят разве что полковники, да и те не из лучших.

Савиньяк убрал зрительную трубу.

– Горы, в отличие от людей, неповторимы, – процитировал он кого-то умного, чье имя вылетело из головы, и добавил уже от себя: – Они не боятся, что их не оценят или поцарапают... Свободны.

В должной мере оскорбившийся Давенпорт прищепил безответную лошадь и умчался к Лауэншельду. Лионель вздохнул полной грудью, решил не отказывать себе в удовольствии и тоже пустил Грато галопом. На время марша разумней было определить мориска в обоз и взять себе горную лохматку, но постоянно поступать разумно способен только бергер. Когда не видит гауна.

Неизбежные разлуки Савиньяк воспринимал с привычным бессердечием, но расставаться с Грато без веских на то причин не собирался, тем более что лошадям стало полегче. Требовать от людей и животных невозможного можно и нужно, но лишь в случае необходимости, а промедление больше не было смерти подобно, напротив. Хайнрих желал, чтобы талигойцы очистили Гаунау как можно быстрее. Лионель это понимал и отнюдь не лез из кожи вон, дабы порадовать Медвежье Величество. Этого от Проэмперадора требовали не только политика, но и здравый смысл. Четыре месяца в походе всю давали себя знать –

армия была далеко не столь бодра, как при выступлении из Надора. Иссак после заключения перемирия и азарт, что поддерживал во время «догонялок», которыми было не стыдно похвастать хоть перед Рокэ, хоть перед предками-маршалами.

Пока гаунау висели на плечах, люди держались, сейчас им следовало отдохнуть... И армия отдыхала, делая в день по две хорны вместо пяти и получая восемь часов на сон. Отдыхал и маршал. Собственно, только в дороге Лионель последние лет пять и отдыхал. Когда все, что от тебя зависело, сделано, новое еще не началось и ты слишком мало знаешь, чтобы строить жизнеспособные планы, можно наслаждаться конским бегом и почти свободой. Наслаждаться так, как это еще не удавалось ни одному бездельнику.

Грато радостно неся пестрым лугом, срезая дорожную петлю, а по узкой дороге ползла артиллерия. Эрмали таки умудрился остаться с прибытком, сохранив легкие трофейные пушки и даже парочку средних... Вторжение в Гаунау было затеей рискованной, очень рискованной. Риск более чем оправдался, жалование армии и то третий месяц «платил» добрый город Альте-Вюнцель, но второй раз затевать подобное, да еще с марша, – нет, не стоит искушать судьбу. Катастрофы в Придде не ожидается, у ноймаров – тем более, так что в Бергмарк можно и задержаться. Привести потрепанные полки в порядок, позаботиться о раненых, обсудить с маркграфом дела военные и дела безумные, а потом отправить Айхенвальда с Хейлом к Рудольфу и забыть, что ты справишься с Бруно лучше фок Варзов и лучше самого регента. Коней на переправе не меняют, коней меняют на берегу.

Бьющая в лицо свежесть, стук копыт, зеленеющие склоны, дальние вершины, эдельвейсы и покой... Именно покой, потому что загадывать о будущем, не зная, что творится за перевалами, – глупость, достойная трепетного Давенпорта. Можно отдыхать, можно просто отдыхать, только почему он опять думает о матери? И о том, что все его нынешние удачи и победы не перевесят прошлогодней ошибки. Последней ошибки Сильвестра, за которую в ответе не только покойник, но и они с Рокэ и Рудольфом. Нельзя было покидать кардинала в Оллари. Живого кардинала при живых Манриках...

2

Огурцы Ричард, кажется, возненавидел на всю жизнь. Ранние огурцы, которые лупоглазый чеснокник, чьего имени Дикон не знал и знать не желал, пихал в рот тем, кого брил. Можно было послать неумеху к кошкам, но обзаводиться бородой юноша не собирался. Перед дриксенцами должен предстать талигойский герцог, а не опустившийся бродяга. Ричард из последних сил терпел и брадобрея, и красную фасоль с чесноком. Привыкают ко всему. К Лаик, адуанам, кэналлийским разбойникам... Даже к бакранам с их хаблами, грязью и угощением из бараньих глаз привыкнуть можно, только не к плену! Плен можно лишь терпеть, делая вид, что тебе нет дела до убогих и при этом невыносимых унижений.

Рокэ пришлось проще, как и святому Алану, вокруг них была не обнаглевшая солдатня, а настоящие враги. Немного помогал старый сон, в котором Рамиро-Вешатель говорил о том, как просто не замечать королей и как трудно не думать о клопах в твоей постели. Сон оказался вещим, но даже им поделиться было не с кем, а время шло, стирая боль чудовищных открытий. Перебравшийся на северный берег Лукка отряд чего-то или кого-то ждал, а вокруг наливалось земляникой северное лето. Чесночники водили купать коней, валялись на солнце, кто-то приволок в лагерь зайчонка, тот два дня сидел в торбе, на третий обнаглел и принялся скакать между телег. Сбежать косою не пытался, Ричард тоже, но бездействие давалось со все большим трудом. Последнее лето Круга Скал близилось к вершине, и тратить его на плен было преступлением.

– Готово! – возвестил брадобрей и сунул юноше то, что считал полотенцем. – Как огурчик!

Ричард пожал плечами и стер остатки пены.

– Огурец заberi, – хмыкнул цирюльник. – С сольцой – милое дело...

Грызть огурцы ни с сольцой, ни просто так Дикон не собирался, мокрый овощ отправился в канаву, над которой качалось что-то желтое. Кажется, калужницы.

– Вот ведь, – долетело сзади, – разбросался!.. надорский.

– И то, – согласился еще какой-то урод. – Гонор не щетина, не сбреешь.

Гонор... Гонор – это в «Острой шпоре», может быть, в Нохе, а в плену либо остаешься рыцарем, либо превращаешься в тряпку. Ричард выбрал первое, хотя осадить чесночников смог бы и Наль. Хуан с его головорезами были посерьезней, держать эту свору на цепи было по силам разве что Ворону. Злоба кэналлийцев, пожалуй, могла испугать, фамиллярность Роберов олухов лишь бесила. С охранниками Ричард разговаривал только в случае крайней необходимости, а растянувшееся до невыносимости время коротал, составляя в уме письмо кесарю и выискивая в памяти все, что может пригодиться в будущих войнах.

Прямо из-под ног порскнул позабывший о страхе зайчишка, возившийся с упряжью солдат хохотнул и свистнул в два пальца, словно голубям. Ричард обогнул стоящую под рябинами телегу и выбрался к обрыву. Он любил это место. Внизу плескалась мутная речонка, не удостоившаяся нанесения на лаикские карты. Склон был глинистым, почти отвесным, но в него умудрилось вцепиться облезлое мертвое дерево. Юноша прихлопнул кого-то вроде комара и уселся на теплую траву. Сбежать от чесночников было легче легкого, и Ричард сбежал бы, не удерживая его здравый смысл – солдаты явно кого-то ждали, а кого они могли ждать, кроме Иноходца? Не то чтоб Дикон горел желанием встречи, разговор предстоял не из легких, но отказаться от него было бы не по-товарищески. Кроме того, Робер мог привести Сону и уж точно не отправил бы сына Эгмонта к союзникам без сапог и оружия. Это если Эпинэ хотел попрощаться, но у него могли быть и иные намерения.

При всех своих недостатках Иноходец оставался внуком Анри-Гийома и другом Альдо, что ему делать в Талиге, даже если его соизволят «простить»? Прислужники Олларов прощают герцога Эпинэ! Повелителя Молний. Человека, прошедшего Ренкваху, Барсовы Врата, Дараму... «Ха!» – как говорил Свин. Даже не смешно.

Эпинэ не мог оставить вцепившуюся в него кузину, кроме того, его заморочили все эти инголсы, но он человек Чести, а месяц – достаточный срок, чтобы одуматься. Сперва Робер не хотел встречи, и Ричард его понимал, потом что-то произошло, и Иноходец отправил вслед Дювье гонца с приказом остановиться и ждать. Будь иначе, они бы уже обогнули ненадежные Надоры, хотя, вернее всего, солдатам изначально велели проводить герцога Окделла до Лукка и присоединиться к ноймарам Эрвина. Во всяком случае, большая часть обоза осталась на том берегу, Дювье переправил лишь четыре телеги, при которых был десяток человек. Судя по всему, из родового замка Эпинэ... Робер им верит больше, чем другим, хотя из нынешних южан хороших солдат не выйдет. Нынешние южане либо разбойники вроде кэналлийцев и адуанов, либо забывшие свое место бездельники. Много б они навоевали, даже с Робером, без Люра и без сюзерена! Хотя мысль отделиться от Олларов была здоровой. Не для Внутренней Эпинэ, разумеется, там это дело безнадежное, а вот Надор... Королевство Надорэа, союзное Дриксен, Гаунау и Кадане, защищенное Лукком, Ренквахой и силой Скал, – это посерьезней выдумок Карваля! Северный союз заставит с собой считаться не только захромавший Талиг, но и Гайифу, а Щит Скал вынудит варитов признать первенство Надорэа.

Если ноймары и бергеры окажутся достаточно умны, они встанут на нужную сторону, нет – что ж, тем хуже для них. Впрочем, говорить с северянами следует, лишь завладев Щитом, не раньше, и говорить лучше всего с Эрвином, он человек неглупый и верный, а псы Лита должны служить его потомкам...

– Вот он! – долетело сбоку. – На бережку! Эй, не сверзись там...

Дик уже привычно не ответил. Объявится Иноходец, пусть со своими красавцами и разговаривает... Хотя представать перед кесарем с подобным эскортом неприлично, хорошо хоть не все дриксенцы понимают талиг.

До Бергмарк, несись они так же, как носились до перемирия, талигойцы добрались бы меньше чем за три недели, но сейчас на пятки никто не наступал, да и хозяева предпочитали, чтобы гости двигались одной колонной, не растягиваясь на ходу и не удивляя местные власти внезапными появлениями.

В попадавшихся на пути городах и городках о приближении чужой армии предупреждали заблаговременно, дня за два-три. Гаунау, в соответствии с полученным приказом, готовились ее принять, обеспечить чем нужно и, с благодарностью поминая короля и высшие силы, выпроводить. Со своей стороны, Савиньяк ручался за приличное поведение своих солдат и слово держал. Чарльз хорошо помнил восьмерых, повешенных в начале марша. Одного из них, драгуна, лихо дравшегося у Ор-Гаролис и избившего не пожелавшего отдать приглянувшееся седло шорника, Давенпорт узнал и смолчал, а мародер... Мародер насвистывал, а потом пожелал товарищам не менять раньше времени одного Савиньяка на всех закатных тварей и сам надел себе на шею петлю...

Мимо прошла вся армия, урок был усвоен, чему немало способствовали взгляды, которыми местные провожали больше не снимавшего родовых цветов командующего. Солдатам льстило, что их маршала держат за Леворукого, хотя это добавляло не только уверенности, но и страха. Вот Хейла, того просто любили... А гаунау любили своего Хайнриха. И боялись.

Чарльз видел медвежьего короля трижды. Этого хватило, чтобы убедиться: враг ему нравится больше собственного начальства. Признаваться в подобном открытии не тянуло, и Давенпорт сосредоточился на Лауэншельде, благо Реддинг, которому следовало заботиться о сопровождающих армию гаунаских офицерах, этим откровенно тяготился. Чарльз «фульгата» понимал: сухость к дружескому общению не располагает. Нет, гаунау не дичились, не смотрели на талигойцев зверем, хотя в присутствии бергеров и напрягались – бергеры, впрочем, тоже, – но медведь с кошкой может говорить лишь о делах, а дела улаживались быстро. В конце концов Лауэншельда предоставили Чарльзу. Сперва по молчаливому уговору, потом маршал заметил, что это поручение проходит по разряду особых и потому является прямой обязанностью капитана Давенпорта. Чарльз как-то сдержался, а гаунау общество младшего по званию, похоже, устраивало. Любезней полковник не стал, но молчать неделями, путешествуя бок о бок, трудно. Они стали говорить. Обо всем, но больше о войне. Про дриков – кто был вполне себе, а кто – удрал, открыв фланг союзников. Про обход у Гемутлих и отбитые дриксенские пушки: «они теперь уже наш трофей, Фридрих потерял – мы нашли»... Про то, как король остановил уже двинувшуюся армию. Все вышло стремительно, а потом они смотрели на исчезнувший под обломками проход, в котором навсегда скрылись разведчики, и пытались прятать страх в шутках. Немудреных солдатских шутках о жизни и смерти, о том, что родные горы съели слишком прытких чужаков, а чужаки, уходя от рычащего завала, тоже прятали страх и тоже пытались смеяться и не думать о тех, кто только что шагал рядом и кого слизнули обвалы. Лауэншельд признался, что ему было не по себе, в ответ Чарльз рассказал об орущих над обреченными гнездами птицах и бегущем зверье.

Подобная болтовня ни к чему не обязывала, но чужое становилось менее чужим. Гаунау тоже чувствовали нечто подобное.

– Это не самая трудная миссия, с которой я выезжал, – признался третьего дня полковник, – и не самая невыносимая. Избавление от вредоносного родственника – большая услуга, и ваш маршал оказал эту услугу моему королю.

Здесь уже начиналась дипломатия, и Давенпорт не ответил. Лауэншельд понял, и понял правильно.

– Я не считаю нужным гладить ежа, – объяснил он. – Вы знаете мнение своего начальника о военных талантах уже, к счастью, не нашего командующего. Вы наблюдали и сами таланты. После этого не назвать Фридриха безмозглым гусаком – значит оскорбить себя. Мы не хотим считать его поражения своими. Мы воюем достойно.

Это следовало подтвердить, и Чарльз подтвердил, умолчав, что после Ор-Гаролис Савиньяк сделал ставку именно на раздразнить в стане противника. И это сработало у Альте-Вюнцель, где маршал дал на спешно укрепленных позициях «правильное» оборонительное сражение. Офицеры свиты бились об заклад, когда в штабе Фридриха после неудачных первых атак вспыхнут ссоры, Савиньяк свитских, само собой, не слушал. Он выбрал время для контратаки по своему собственному разумению и ударил в стык между дриксами и гаунау, стараясь вбить клин между союзниками как можно глубже. Яростные атаки Хейла заставили дриксов удирать со всех ног, оторвавшись от гаунау, чем талигойцы и воспользовались. Удар по обнажившемуся флангу стоил «бурым» ощутимых потерь и по сути решил судьбу сражения.

– Вы очень любезны в своем молчании. – В голосе полковника послышалась едва заметная насмешка. – Но сейчас ваши воспоминания вряд ли расстроят меня сильнее, чем мои собственные глаза – тогда.

– Принц Фридрих оказал Талигу большую услугу, – повторил Чарльз обросшую за время похода бородой шутку. – Нам его очень не хватает.

– Принц Фридрих ныне способствует успехам талигойского оружия в Дриксен. Насколько, по вашему мнению, вероятно, что Бергмарк присоединится к перемирию?

– Трудно сказать...

Айхенвальд не желает воевать до конца года, и Вайспферт тоже. Маркграф, конечно, человек просвещенный, но он живет в горах, имеющих собственное мнение, и правит людьми, которые верят старым сказкам. Горы хотят тишины, хотят птичьих криков и шороха ветвей, а не выстрелов. Не надо их злить, они и так раздражены до предела...

– Похоже, вам в самом деле трудно говорить. По крайней мере, когда у вас нет приказа и вам ничего не снится. К нам направляются ваши закатные коты и мой офицер. Это может оказаться важным.

«Фульгаты» вежливо придержали коней, пропуская вперед гаунау в запыленном мундире. Приехавший был одних лет с Чарльзом и достаточно любопытен, чтоб во все глаза разглядывать талигойцев, пока Лауэншельд вскрывал доставленный пакет. Надо будет угостить гонца обедом, хотя кто кого здесь угощает, решить трудно. Полковник аккуратно сложил письмо.

– Его величество прибывает в Таркшайде лично, – возвестил он. – Я имею честь передать вашему командующему и его свите приглашение на прощальный ужин.

Глава 7

Дриксен. Эйрехт. Талиг. Тарма

400 год К.С. 23-й день Летних Скал

1

В Фельсенбурге в любой миг могла распахнуться любая дверь, являя счастливую или встревоженную маму, глазастых сестриц, Михаэля, вечно готового разреваться и умчаться за защитой, которая не замедлила бы нагрянуть... Когда при малейшей неосторожности получаешь полный бортовой укор и расспросов, учишься владеть собой и ждать. Чтобы не сорваться при тех, от кого скрывать нечего, нужно стать кошкой. Равнодушной раскосой тварью, которая если не охотится и не ест, то спит. Руппи пытался, но кошка из него была не лучше, чем из гончих дядюшки Мартина. Нетерпение и тревога росли и крепились, а вестей из Метхенберг все не было. Как и дел. Все, что от него требовалось, лейтенант с помощью старого Файермана уже провернул. Купил оружие, торговал лошадями, договорился с продавцом о временной конюшне, смотался в Мундирное предместье, осмотрел постоялый двор, где предполагалось разместить моряков, покрутился поблизости, ничего подозрительного не обнаружил, заплатил хозяину за месяц вперед и полез на стену. В милом

и добром доме среди милых и добрых людей, уверенных, что встревоженных лейтенантов нужно прежде всего кормить. Фасолевым супом с окороком. Шпигованной свининой. Фаршированной грибами курицей. Телячьей печенкой. Тушеной цветной капустой, клецками, творожными запеканками, вишневыми пирогами и снова супом... Как ни странно, это помогало... на время.

Руппи поглощал стряпню Габи – облюбованная бухта тоже звалась Габи, Щербатая Габи, и это что-то да означало! – благодарил, чинно усаживался с книгой в кресле и через пять минут оказывался у окна, за которым не происходило ничего. С Вечерним колоколом из лавки возвращался мастер Мартин, пил с гостем То-Самое-Вино из Тех-Самых-Кубков и делился новостями. Преимущественно гадкими. Сплетни об Олафе добрались до предместий. В кесарских казармах водворилась гвардия Фридриха. Ощипанные в Кадане вояки жаждут отыграться хоть на воронах. Регент собирает распущенные Готфридом полки. Зануда Гельбебакке смещен, комендантом Эйнрехта стал фок Ило. В своей постели неожиданно скончался шаутбенахт Мезериц. Якобы несварение. Якобы накануне к Мезерицу приходил темноволосый и светлоглазый молодой человек. Якобы они пили кэналлийское, принесенное гостем... Якобы шаутбенахт отказался лжесвидетельствовать в пользу Кальдмеера. Якобы, якобы, якобы...

– Габи!.. Где эта дурища?! Куда она задевала Тот-Самый-Кошель?!

– Да вы ж его брали... Как есть брали...

– Тогда где он? Где, я спрашиваю?! Ничего не найдешь... Создатель и все его курицы, это не дом, это трясина! Зыбучий песок!..

– Мастер Март...

– Кыш! Сам найду!

Старый оружейник ввалился в гостиную и встал посреди комнаты, глядя на лицемерно схватившегося за книгу Руппи. Мастер Мартин мог в самом деле потерять кошелек, платок, часы, спутать башмаки, поругаться с соседом, но Руппи понял – началось. И поднялся, словно ему предстоял доклад.

– Суд начнется девятого. – Оружейник залез в карман, что-то вытащил, бросил около кресла и подмигнул. – Ничего, успеете. Привет вам от Зиглинды. Рыжий такой привет, малость кривой...

– Зюсс!

– Зачем мне знать, как зовут покупателя. Купил Те-Самые-Ольстры, расплатился, и до свиданья. Какое мне дело, что он к Святому Людвигу на послеобеденную службу наладился... Габи!

– Да нет его нигде... Может, в лавке обронили?

– Сдурела? Чтобы я уронил и не заметил! Ищи! Хорошенько ищи... В зале глянь.

– Как скажете...

– Габи! Вина! Того-Самого.

– Так кошелек же...

– Подождет твой кошелек! Такое дело, господин Фельсенбург. Где раки, а где и жабы... Кто-то вспомнил, что дура Барбара адмиралу твоему хоть и бывшая, а родня. Приходили, спрашивали, где она да что... Капрала нашего я знаю, малый он славный, хоть и невеликого ума, это он про суд проболтался, но был с ним хорь из комендантских. Я, само собой, все как есть рассказал. И про Барбару, и про Штефана, и про то, что внучка первенца рожает... Хорек записал, а потом давай про молодца со светлыми глазами вроде как выпрашивать, а на самом деле – воду мутить... Про убийства, про поджог...

– Не первый раз, мастер Мартин.

– Не первый... Суп они из лопаты варят. Вот и пихают в варево все, что в голову взбредет. Еще приставят к дому топтуна. Не для дела, для отбреха... Сейчас чисто вроде. Разливай!

– Я все равно со своими останусь. Моряки на суше – это... непросто. Тем более что кабак за стенкой. Спасибо вам, мастер Мартин. Если б не вы...

– Не я, другой нашелся бы... Олаф – дельный человек, не может такого быть, чтоб никто ему плеча не подставил. За удачу!

– За удачу! Мастер...

– Знаю, что мастер. Хотел и сделал. Габи!..

– Мы тоже хотим. И сделаем...

– Кто б сомневался! Уходите черным ходом. Быстро уходите да с оглядкой. На задворках чужого сразу заметишь, да и не полезет чужой туда – собаки. Краб ваш со всем, что положено, на Той-Самой-Конюшне будет. Габи!.. Каким ты местом смотрела?! Это что? Вот это?! За креслом...

– Ой! Так не было же там ничего...

– Не было?! Ах ты ж!..

Руппи не мешкал, в чем был, в том и вышел. Стиснутая высокими заборами щель просматривалась насквозь, и в ней никто не караулил. Разомлевшие псы помалкивали, высунутыми языками висело подсыхающее белье. Тихо, жарко и... грустно. Одни разлуки дарят весну, другие кормят осень. Эта разлука не дарила, а отбирала, скорее всего навсегда. Потому Руппи, не сделав даже десятка шагов, и бросился назад, хоть это была дурная примета. До отвращения дурная.

Старый оружейник поднял бровь, на мгновение напомнив регента Талига. Наваждение разрушил достойный боцмана кулак, с грохотом опустившийся на столешницу. Хорошо хоть не захлопали крыльями фазаны с Того-Самого-Кубка. Руппи хмыкнул совершенно нелепым и неприличным образом, и тут в груди что-то кольнуло, знакомо и гадостно.

– Мастер Мартин, – твердо сказал лейтенант. – Вы должны покинуть Эйрехт. И... если у вас есть друзья, заставьте их тоже уехать.

– Вы собираетесь нас всех поджарить?..

– Не мы... Мастер Мартин, вы *должны* уехать. Понимаете, *должны* !

2

Ночной разговор у командующего незаметно перешел в лагерную беготню. О том, что он не завтракал, Жермон вспомнил только в обед, когда нарвался на караулящего кого-то Арно. Теньент был при всем параде, каковой включал и шляпу, вот тут командующий авангардом и вспомнил, что не ел, а вспомнить – значит проголодаться. Раздумья о том, где лучше перекусить, у Лецке или у Баваара, вышли короткими все из-за того же Савиньяка.

– Мой генерал! – лихо отрапортовал тот. – Разрешите...

Жермон разрешил. Оказалось, Арно рвется в дело. Желательно немедленно и всего лучше в разведку. Это требовало внушения, но читать нотации Ариго не умел, а рывкать на сына маршала Арно не выходило.

– Выступим – буду гонять тебя к Баваару. Ты с ним знаком, если не ошибаюсь?

– Да, мой генерал. – Паршивец стал краток, и Жермон понимал почему. Пребывая в «глубочайшем равнодушии» к Придду, умный Арно принялся искать мышей по всем норам, завязав среди прочего знакомство с вернувшимися от Печального Языка земляками. Те с готовностью поведали пусть и младшему, но Савиньяку о боях на переправе, не забыв и о выходках «Заразы», в чем особенно усердствовал Баваар со своими молодцами.

– Ладно, – сменил гнев на милость Ариго. – Ты обедал?

– Нет...

– Тогда пошли к Лецке!

– Господина генерала к командующему! – Маршальский порученец выскочил, словно разрисованный розанами котяра из шкатулки-шутки, доложил, моргнул красными глазами и помчался дальше.

Арно проследил за исчезающим офицером и повернулся к начальству. На языке у «разведчика» явно что-то вертелось.

– Ну?

– Мой генерал... С час назад к резиденции маршала подъехали всадники из полка Гаузера. Я узнал младшего Оттажа... Они, если вы помните, наши соседи по Сэ. К началу кампании Жорж состоял при коменданте Мариенбурга. Сегодня я с ним не разговаривал, но если он все там же и если вас срочно вызывают...

– Молодец, соображаешь! – Когда эту башку не туманит предвзятость, она подтверждает, что ее владелец – Савиньяк. Пусть и младший. – Что ж, обедать тебе за двоих. Леворукий, так и знал, одной «радостью» из Доннервальда не обойдется...

Вызова и, скорее всего, рейда к Хербсте Жермон начал ждать, едва покинув маршалский кабинет, потому и носился по лагерю, будто посланный, но про Мариенбург как-то не вспоминалось, и если Бруно, ежа б ему под подушку, опять начитался Павсания...

– Командующий ждет, – хрипло сообщил дежурный адъютант.

– Знаю.

Ариго не удивился б, увидев старика больным и невыспавшимся, но Вольфганг за ночь умудрился помолодеть. Врачам бы такое вряд ли понравилось...

– Садись! – велел маршал. – Спал?

– Спал. – Он в самом деле урвал часа три, больше не выходило, нужно было проверить все, что только можно. Жермон придирался, как сам Ульрих-Бертольд, но корпус не подкачал.

– А хоть бы и не спал. – Фок Варзов опирался руками о стол, на котором красовался привычный пейзаж – бумаги, карты, яблоки. Походный уют... Для одиноких вояк самое то. – Райнштайнер говорит, ты совершенно здоров. Не врешь?

– Я в полном, абсолютно полном порядке. Готов отправляться хоть на Эйрехт.

– Рановато нам на Эйрехт... Но отправишься ты далеко и, что важнее, быстро. Маллэ прибавил нам забот. – Вольфганг потряс распечатанным письмом. – Вернее, «гуси» прибавили. Неделю назад атаковали Ойленфурт с его переправой. И с того берега, и с нашего, эти от Языка твоего заявили. Взять барьер с ходу не взяли, что там сейчас – неизвестно. Маллэ докладывает о пятнадцати тысячах, но оговаривается, что «предположительно».

Жермон самым бесцеремонным образом присвистнул. Фок Варзов в ответ фыркнул и вгрызся в яблоко, давая время переварить очередной сюрприз. Дриксы множились, как лягушки по весне. Не менее шестидесяти тысяч с Бруно, гарнизоны по всему северному берегу и дальше, на границе... Кто-то должен стоять и в Печальном Языке, а теперь еще пятнадцать тысяч! Откуда, Леворукий их поberi, и кто такие?!

– Фельдмаршал рискнул согнать к Ойленфурту всех, кто оставался за рекой?

– Как бы не хуже! Боюсь, кесарь наплевал на стоны негоциантов и оголил побережье. Метхенберг и Ротфогель Альмейда без приличного десанта не возьмет, а остальное решили не защищать. Если так, «гусей» хватит и на Мариенбург, и на переправы, и на генеральное сражение. Это и нужно проверить. Со дня на день Бруно займется уже нами, и мне нужно – *нужно!* – видеть, какое у меня поле для маневра.

– Значит, прогуляюсь. – Малыш Арно догадался правильно, хотя тут догадаешься! – До Мариенбурга.

– Возьмешь только кавалерию, важна скорость. Твое дело – не просто сосчитать дриков, но и разобраться, что они затевают. Готовятся взять нас в клещи? Будут сидеть на месте? Повернут в глубь Марагоны? Я стану тянуть время, не давая Бруно решительных сражений, и хочу знать, что творится у меня на западе. Нового сюрприза нам не нужно.

Нам-то не нужно, только старого быка поди разгадай!

– Я забираю все конные полки авангарда?

– Да. У тебя будет три тысячи. Должно хватить.

– Кто командует у дриков, неизвестно?

– Нет. Это ты у нас «гусей» насквозь видишь, тебе и карты в руки. Посыльных гони, как только узнаешь хоть что-то. Мне каждая мелочь важна.

– Будете таскать Бруно от Доннервальда до Языка и обратно? – Ну и чего вылез?

Показать, что ты такой умный? Так ведь не тенъент. Давно уже... – Я никого насквозь не вижу – ни «гусей», ни тем более вас, но с докладом Маллэ разберусь.

Варзов повертел в руках огрызок и аккуратно присоединил к собратьям.

– Разбирайся. А мы будем изматывать господина фельдмаршала. Он настроен решительно, ну да посмотрим... Всё. Иди готовься.

– Мы выступим вечером.

Вольфганг немного подумал и кивнул. Нет, он решительно помолодел!

– Считаешь, что готов, – выступай. Юнцы наши как, всё шипят друг на друга?

– Не видел. Арно просится в разведку.

– Обойдется. Савиньяка на цепи удержит только Леворукий, но ты попробуй... Ради графини. Приказ для Маллэ тебе подготовят, перед выходом заберешь. Тогда и выпьем. На дорожку.

Когда Жермон выходил, маршал смотрел на карту и жевал яблоко.

3

В церкви как раз закончилась служба, и Руппи похвалил себя за точный расчет времени. Вереница прихожан неспешно тянулась из главных дверей – отдав должное Создателю, люди возвращались к насущным делам. Красивая полная горожанка с еще худенькой белокурой дочкой, трое почтенных негоциантов, остроносая ведьма с четками... Смотрит так, будто хочет зажарить в Закате весь мир, а не весь, так хотя бы хорошенькую служанку и увивающихся за ней подмастерьев... От бабы несло такой злобой, что Руппи невольно отступил на шаг, нашаривая рукой несуществующий эфес, споткнулся и увидел тех, кого ждал. В добротной городской одежде их можно было принять то ли за небедствующих мастеровых, то ли за торговых из тех, что помельче. Наследника Фельсенбурггов они не замечали и замечать не собирались. Руппи старательно почесал переносицу и взял курс на ближайший кабачок, даже не думая оборачиваться на, без сомнения, ощутившего внезапную жажду Зюсса.

В кабачке под ноги сунулось что-то меховое. Почти привыкший к кошачьему обожанию лейтенант отодвинул надоеду, спросил темного и уселся в углу. К пиву он тоже начинал привыкать, чему немало способствовала рухнувшая на Эйрехт жара. Кружка показывала дно, когда хозяина с его бочонками заслонило знакомое плечо.

– Наконец-то! Я думал, вы дня три назад будете.

– Так, госп... Ротгер, мы ж понадежней хотим, чтоб без ерунды какой. С обозом рыбным пришли, все чин по чину, никто и не глянул. Это Карл договаривался, и приятелю его, рыбнику, на охрану не тратиться, и нам удобно. На «селедкиных складах» переоделись – и сразу по вашу душу.

– Допивай и пошли. Поговорим на постоялом дворе. Место надежное.

– Если не наерундим. Вы допивайте, я еще малехо посижу. Наш старший вас догонит, однорукий который, ему сразу город подавай смотреть. А я допью, шепну своим пару слов и в Метхенберг, за остальными. Скажите только, куда ребят гнать?

– На «Суконку»... К суконным складам в Мундирном предместье. Постоялый двор «Жаба в мундире» у кесарской мануфактуры. Хозяину скажете, что от мастера Ротгера, он даст ключ. На задах, рядом с конюшней, у него есть пристройка. В ярмарку туда набиваются кто попроще, лишь бы ночь под крышей и спать не на голой земле. Стоит недорого, зато влезает столько, что хозяин не в убытке. Сейчас там пусто, я за месяц вперед заплатил. Ночлег и кормежка... Да, хозяина зовут Олаф, такое вот совпадение.

– Это к удаче! Наш старший Грольше прозывается. Он из абордажников, даром что без клешни, других без обеих оставит. С ним пока четверо, всем хороши, только зовут, спятить можно: Вердер, Польдер, Гульдер и на закуску Штуба. Ну, бывайте...

– И ты бывай.

Спокойно. Не бежим. Дымная улица, Узкая, поворот, спуск к Эйне. Постоять на

бережку, побездельничать, камушки покидать. Разгар лета, светло, зелено, птичек, правда, в городе не слышать, это тебе не Фельсенбург, но все равно неплохо.

– Дозвольте спросить, сударь, это что? На том берегу за мостом. Торчит которое...

– Торквиниусклостер.

– Жуть! – припечатал Грольше.

Широкоплечий, с рубленным лицом уроженца северных баронств, он казался – нет, не толстым, но поджарости пребывающего в постоянном движении волка тоже не наблюдалось. Отошел от дел? Опять же рука...

– Чего валандаться, сударь, давайте прогуляемся, городишко поглядим. Место новое, тут я еще не... не бывал, короче. А ребята пусть обустраиваются. Штуба у нас по интендантской части дока. Точно говорю.

– Идем, – сдержал неуместное воодушевление Руппи. – Начнем с ратуши, там поблизости перекусим и дальше... Зюсс говорит, ты из абордажников?

– Бывший боцманмат абордажной команды фрегата его величества «Зимний гром», полтора десятка лет под парусами. Потом вот, нарвался... Жилы так порезаны, что лекаря ничего поделывать не смогли. Пятый год на приколе.

– Где ж так не повезло?

– В Полночном. Пиратов гоняли, за Флавион забрались. Каданцы всегда любили караваны пощипать...

Каданцы... Зепп тоже гонял пиратов, пока не подфартило попасть на Западный флот, да еще на флагман. «Подфартило»... Именно так он говорил. Все офицеры «Ноордкроне» считали себя счастливыми... Все!

– Каданские «выдры» на пакости горазды. Мой друг ходил там же, рассказывал.

– Так дело их такое, разбойничье. Корабли мелкие, пушек мало, только и остается, что хитростью да нахальством. Друг ваш, прошу прощенья, не внук Йозева?

– Он...

– Да замолвит за него словечко Торстен... А вот господин адмирал – уже наше дело. Меня ж не просто так выкинули, а списали с пенсионом. Капитан постарался, Пауль Бюнц... Сразу не вышло, завернули в столичных канцеляриях, так он через братца своего, а тот – к адмиралу цур зее... В общем, сударь, не сомневайтесь, за Ледяного я – хоть и красивый он, этот ваш городишко, – все тут на рога поставлю... Точно говорю!

– А тебе в городе драться приходилось? Не у кабака, а всерьез?

– Ну, драться-то дело нехитрое, тут другое, сударь... Вы ж небось тоже понимаете. Как подкрасться, как уйти... Люди опять же. На палубе либо свои, либо чужие, а тут ведь народ будет, зеваки всякие. Мы ж не кошки марикулярские, чтоб всех подряд...

Все дальше от реки, все больше народу на улицах, день идет к концу, горожане от дневных трудов переходят к вечерним радостям, у кого какие есть. Чаше попадаются шумные компании, больше крика, гомона, брани... И чего делают? Вот уж точно: в Липовом парке рычат, на Суконной – кусаются. С таким регентом вечером не знаешь, с чем утром проснешься, а неизвестности никто не любит, вот и дергаются.

– Время не раннее, сударь.

– Что?

– Говорю, перекусить бы, а то к вечеру трактирщики восемь шкур драть начнут.

– Забудь. Не про «перекусить», про деньги. Сделаем кружок – и на Пивную. Перехватим свиных колбасок. Смотри внимательно, если решат... устроить все на Ратушной, этот перекресток не объехать.

– Понял. Щелка-то эта куда ведет?

– Не «щелка», а Собачья Щель, переулок такой. Ведет к Пивной, а Пивная – к ратуше. Там дома прежних отцов города, им лет по триста... Людвиг Гордый поклялся их не трогать, вот и не трогают.

– А знаете, сударь, местечко-то славное. У нас может кое-что получиться... Ребята подъедут крепкие, с ними – выйдет. Точно говорю. Давайте-ка еще разок прошвырнемся вот

до того «утюга»... А потом уж по колбаскам!

Колбаски... Что-то в них есть, в этих колбасках. В Зюссеколь он их так и не попробовал... Зюссеколь, Рихард с Максимилианом, капитан Роткопф... Вряд ли их задержали в столице, не было нужды. Сняли показания и выставили назад, в армию. Теперь эти показания сгорели, но такие свидетели Фридриху без надобности, а вот Бруно знает о покушении из первых рук и преспокойно воюет. Суд над оружейником принца не касается!

– Сударь, что такое?

– Вспомнилось тут... про колбаски. Так чем тебе нравится этот переулочек, боцманмат?

– Своей шириной, сударь, и крышами.

Глава 8

Гаунау. Таркшайде. ТАЛИГ. Оллария 400 год К.С. 24-й день Летних Скал

1

Надевая коричневое с золотом, Хайнрих, может, и собирался походить на медведя, но походил на роскошный осенний дуб. Такие Лионель видел у алатской границы и еще, пожалуй, не доезжая Кольца Эрнани со стороны Придды.

– Не знаю, чем думали ваши предки, выбирая себе герб! – поморщился «дуб», в свою очередь тщательно осмотрев Проэмперадора Севера. – Олень... Фи! Дичь... Вы в Таркшайде больший гость, чем я. Прошу садиться.

– Лучше не соответствовать гербу, чем должности, – усмехнулся Лионель и понял, что отодвигает тяжеленный стул левой. Леворукость начинала входить в привычку, самое время убраться.

– У меня выбора между гербом и собой нет. – Хайнрих с видимым удовольствием вытянул ноги к холодному по случаю лета очагу. – Я медведь со всех сторон. Вас удивило мое появление?

– Разве что тактически, но это естественное последствие, если можно так выразиться, удивления стратегического. Вы предлагаете крайне странное перемирие, а после его заключения неожиданно догоняете меня на границе с небольшим эскортом. Но король Гаунау не склонен к легкомыслию; раз он счел нужным оставить столицу и лично проследить за уходом талигойской армии, значит, у него имеются серьезные резоны.

– Ваши курьеры вернулись из Бергмарк вместе с бергерским генералом. Что из сообщенного им не является секретом?

– Командующий гарнизоном Ветровой Гривы подтверждает, что бои на перевале уже почти месяц как прекратились. Маркграф получил мое письмо и прислал свои распоряжения. Бергмарк к приему армии готов. Собственно говоря, большая ее часть уже на той стороне.

– Будет уместно, если посланец маркграфа в вашем присутствии подтвердит, что агмы до конца года не станут резать моих убравших оружие подданных.

– Да, это будет уместно. Особенно если они услышат ответное заверение.

– А куда они денутся? Через неделю вы обсудите с маркграфом все, начиная с войны и политики и заканчивая варварскими поверьями, которые, как выясняется, напрямую влияют и на войну, и на политику. Сейчас вы к нужному мне разговору с агмом не готовы. Это и есть одна из причин, по которым мне пришлось провертеть в поясе новую дыру. Мой конь радуется, мой лекарь утверждает, что это полезно, но я не согласен: жир еще ни одного медведя не уморил.

– Я не обнаружил в вашем величестве вызывающих опасения перемен.

– Вы обнаружите их в другом месте. У нас будет серьезная беседа под бокал хорошего вина, а потом тяжелая ночь среди наших людей. Мы должны пить и шутить вместе с ними, иначе поход оставит дурной осадок, а его быть не должно, ведь мы честно победили. Вы

уходите – это моя победа. Я вас отпускаю – это победа ваша.

О да, шутить Хайнрих умел. Любезное предложение проследовать в Ноймаринен Прозмперадор Севера оценил по достоинству: общей границы у гаунау с ноймарами не имелось, и подобный марш означал вторжение в кесарию. «Медведю» было интересно понаблюдать, что из этого выйдет; «олень» счел, что всякого риска хорошо в меру.

– Конечно, мы заслужили веселье. Двое победителей и один ускакавший в Эйрехт побежденный... – Савиньяк пригубил бокал. Король вряд ли лукавил, называя вино хорошим, просто он равнял хорошее со сладким. – За выбор, который всегда остается. Даже когда его нет.

2

На письме регента восседал Клемент. Как его крысейшество отыскивает среди разложенных на столе бумаг самую важную, Робер не понимал, но Клемент безошибочно устраивался только на ней. Порой Иноходцу казалось, что крыс ухмыляется, а кокетничать и дуться хвостом умел лучше любой красотки.

– Ну и сиди! – отмахнулся успевший с утра просмотреть послание Эпинэ. – Безобразник эдакий! Кто съел отчет Карваля? Графиня?

Безобразник потер усы и занялся хвостом, всем своим видом показывая, что он не доносчик. Робер плюхнулся в кресло и ухватил ближайший футляр. Возиться с бумагами у Капуль-Гизайлей Прозмперадор Оллари не мог, хоть и пытался. Он винил музыку, доносящиеся из кухни умопомрачительные запахи, собачью возню, а дело было в Марианне. Думать о ком-то, когда она за стеной и можно войти, что-то сказать, взять за руку...

Разочарованный Клемент со сварливым шуршанием покинул документ и полез на плечо. Эпинэ не глядя тронул ставшую совсем белой шкурку, пробежал первые строки и присвистнул. Чего-чего, а послания Валме он не ждал, не в таких они с виконтом были отношениях. Бывший граф Ченизу придерживался схожего мнения.

«Мой дорогой Эпинэ, мы (к счастью для нас обоих) не связаны ни дружескими, ни деловыми узами, но я не сомневаюсь, что в известном Вам доме Вас приучили к обращению «мой дорогой», а от прочих обращений за хорну веет либо геренцией, либо таверной. Итак, мой дорогой Эпинэ, я пишу Вам из Черной Алати, но моя, и не только моя, дорога лежит на восток. В края козлов, орлов и недоразумений.

Не сочитите за двусмысленность, но писать Вам много легче, чем некоторым дамам. Не исключая, что это прискорбное для меня обстоятельство и делает мою эпистолу столь нелепой. Водя пером по бумаге, я надеюсь, что это поможет мне найти слова для иных адресатов, прекрасных и нежных. Увы, грубость походных буден оказывается сильнее. Единственное, на что меня хватило, – это на рондо, которое в равной степени принадлежит Вам, барону, Готти и прелестнейшей из дам Оллари. Заметьте, сколь тонко я, не греша против истины, усыпляю Вашу ревность, одновременно преклоняя колени перед теми, кого имел счастье встретить в иных краях.

*Сверкает Роза. Золото со злостью
Влекут всегда. Опасен зыбкий мостик
Меж нынешней непрошеной войной
И полной снов и бреда стариной,
Что может стать клинок сокрывшей тростью,*

*А может, раздробив невеждам кости,
Обрушиться предсказанной бедой,
Что дрогнувшие назовут судьбой.*

Сверкает Рожжа...

*Вы, кажется, в плену терзаний? Бросьте!
Уныние в лохмотьях и коросте —
Дурной союзник и судья дурной.
Жизнь – это бал! Пора б взглянуть, друг мой,
Какие демоны к нам напросились в гости.
Сверкает Рожжа...*

Особо прошу отметить честность, с которой я избежал столь опасных для поэта ловушек. Испытание для сохранения размера именовать известный Вам предмет «златая Рожжа» (а также «гальтарска», «противна», «старинна», «зловеща» и пр.) было мной хоть с трудом, но преодолено. Не думаю, что Вы оцените мою победу по достоинству, но главное не восхваления, а уверенность, что ты не сыграл в поддавки, ведь, играя в поддавки, мы проигрываем себя. Однако вернемся к Рожже. Барон называет ее Ликом Полночи и Полудня и утверждает, что она имеет Закатно-Рассветную пару. Если таковая всплывет в Оллариш, купите ее Коко от моего имени и не забудьте отписать об этом моему родителю – и еще больше не забудьте получить с него деньги.

Что до самой Рожжи, то ее падение знаменует нечто дурное. В ту малоприятную ночь, когда мы его с Вами наблюдали, погиб Надор. Следующий раз Рожжа сочла уместным свалиться в день смерти коня и, видимо, все-таки человека. На первый взгляд эти события трудно уравнивать, значит, мы чего-то либо не заметили, либо не поняли. В любом случае будьте осторожны, избегайте старых клятв – любых! – возьмите у ваших солдат урок суеверий и приглядывайте за прикормленной Коко философствующей саранчой.

Если господа матерьялисты начнут вести себя несообразно, предоставьте их Готти, а того лучше – пристрелите на месте. Беда нашего времени – не драконы, но ызарги, а по словам богоугоднейшего из известных мне пастырей, лелеющий ызаргов подобен сразу отравителю и клеветнику. Когда-нибудь я напишу об этом рондель, но пока я недостаточно вдохновлен и возвышен, а посему прощаюсь и иду чистить коня, как и пристало варастийскому адуану.

Да хранят Вас Любовь и Готти!

Расположенный к Вам и всему миру, за исключением того, что должно быть исключено, вновь виконт Валме, все еще граф Ченизу и всегда офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига» .

Робер перечитал стихи и засмеялся. Само собой, он немедленно пойдет и проверит рожу, собак и философов. Этого письма ему и не хватало, чтобы понять: Марианна в самом деле его, и только его, а с тайнами и недомолвками пора заканчивать. Второе письмо, вернее записку, Эпинэ едва не оставил до лучших времен в футляре, но все-таки развернул. Она была более чем короткой.

«Герцог Эпинэ. Сим подтверждаю Ваше маршальское звание и назначаю Вас Прозмперадором Оллариш со дня моего вступления в должность регента согласно законам Талига.

Рокэ Алва. Утро 1-го дня Летних Скал. Замок Лагаши».

Расставшийся с полковым мундиром Хайнрих выглядел как истинный король, и Чарльз внезапно подумал про Фердинанда, всеми забытого и сброшенного со счетов. По заслугам – не будь король таким тюфяком, вожжи не пришлось бы раз за разом перехватывать, и все равно во всеобщем равнодушии проступало что-то недоброе. Алва, регент, «наш», как все

чаще называли Савиньяка, – вот они, вожди, за которыми идут, бегут, лезут на стену, даже если рядом лестница, а законного короля словно бы и не существует. Решают и побеждают другие. Ради Талига? Возможно, но не ради того, кому присягали.

Пусть Прозэмперадор наделен правом войны и мира, но ушедший в Кадану обычным маршалом Савиньяк это право себе, по большому счету, присвоил, как и объявивший себя регентом Рудольф. Конечно, так проще – приказы из Оллари, даже не случись мятежа, добирались бы до здешних скал месяц-полтора, если бы вообще добирались, и все же командующий мог бы выйти в талигойском мундире. Кого тут пугать алым и черным? «Фульгатов»? Горных куропаток? Завтра арьергард перейдет перевал и присоединится к основной армии, деревень по пути не предвидится, а гаунаские егеря на талигойцев и так успели налюбоваться.

– Вы зря тревожитесь. – Лауэншельд был при всех регалиях, но это не раздражало. – Нас остановит не только приказ, но и Излом. Как и агмов. Мы не станем обнимать друг друга, но сталь останется в коже.

– Да, господин полковник. – Чарльз не для того держался всю дорогу, чтобы разоткровенничаться в последний день. В Бергмарк обещан отдых, и там он наконец переговорит с маршалом и потребует перевода в Придду. Северная кампания окончена, а каданцев как-нибудь допугают без Давенпорта.

– Хороший денек! – Свежевыбритый Уилер подмигнул Чарльзу и щелкнул каблуками перед Лауэншельдом. – Вечером прошу к нашему столу. Мне вконец надоело таскать бочонки, желаю переходить горы налегке.

Фок Лауэншельд неспешно наклонил большую голову.

– Благодарю за приглашение. Если мой король отпустит меня, а господин маршал – господина Давенпорта, мы будем у стола полковника Реддинга. Хотя бы для того, чтобы пригласить его к столу моего полка.

Уилер довольно фыркнул, Хайнрих и Савиньяк прекратили глазеть в трубы на дальние вершины. Запел горн, и почти сразу же появились бергеры. Бирюзовые мундиры и флаг с золотым кораблем отчего-то напоминали не о морях, а о скачке по настороженному ущелью и еще о снах, слава Создателю, наконец-то оставивших капитана в покое. Фок Лауэншельд еще раз наклонил голову и направился к своему королю; не получавший никаких указаний Давенпорт пошел рядом, не представляя, что его ждет, но его не ждало ничего – маршал на всякую мелочь отвлекаться не пожелал.

К горну присоединился барабан. Не столь многочисленные гаунаские офицеры выстроились справа от Хайнриха, талигойцы сгрудились за продолжавшим изображать Леворукого Савиньяком. Высоченный бергер в генеральском мундире выплыл из-за вековой сосны, с каменной физиономией продефилировал мимо извечных врагов и протянул руку талигойцу.

– Граф Савиньяк, вы хотели меня видеть?

– Да, барон. Прошу вас повторить во всеуслышание то, что вы сообщили мне касательно заключенного мной как Прозэмперадором Севера перемирия.

– Охотно. – Генерал был выше Хайнриха почти на голову и словно высечен из ледяной глыбы. – Маркграф считает принятое решение верным. Войска отведены за Айсфойршлосс. На Ветровой Гриве оставлены только наблюдатели. Пока горят ложные маяки, Бергмарк обнажит оружие лишь в ответ на удар. Поручкой тому наша кровь и наши горы.

– Завтра Горный корпус начнет отход к Таркшайде, где и останется, пока не погаснут ложные маяки. Я не оскорблю *тех, кто нас слышал над текущей водой*, клятвoprеступлением и не нарушу данное Талигу слово. Гаунау всегда ответит на удар ударом, но сейчас наш клинок в ножнах.

– Талиг исполнит клятву. – Рука Савиньяка резко легла на эфес шпаги. – Ручаюсь кровью.

Нашел, что и где говорить! Чарльз присутствовал при подписании перемирия и слышал почти то же самое, но тогда вышло как-то спокойней. Конские копыта обтекала вода,

плясали солнечные блики, а странные слова терялись в куче подробностей – кто куда пойдет, кто кого будет сопровождать, сколько потребуется фуража, мяса, хлеба... Сейчас осталась лишь суть договора, непонятная, как мертвое дерево в теснине. И тревога тоже осталась, та самая, из снов. Давенпорт запрокинул голову – в безмятежной синеве кружила хищная птица. Ни она, ни сгрудившиеся внизу люди и лошади не чувствовали ничего дурного, да и сам Чарльз... В ту уже далекую ночь перед обвалом он знал, что должен разбудить маршала, сейчас просто стало неуютно, а почему – офицер для особых поручений при особе Прозмперадора сообразить не мог.

– А ну кончай орлам под хвост паяться! – гаркнул в ухо Уилер. – Жрать пора! Мы тут вчера кабаньих выводков взяли. За компанию с «медведями». Неплохо вышло!

– Дело хорошее, – кивнул Давенпорт и покосился на гаунау. Лауэншельд торчал возле Хайнриха, а Савиньяк о капитане Давенпорте до завтра вряд ли вспомнит. На всякий случай Чарльз прикрыл глаза, пытаясь уловить что-то вразумительное. Ничего. Только муторная тяжесть, будто с похмелья, которым скрутило не тело, а душу. А, глупости, просто он устал. Не от дороги и не от войны – от Савиньяка.

– Капитан Давенпорт!

– Мой маршал?

– Мы сможем обойтись сегодня без землетрясений?

Леворукий бы побрал этого... Леворукого с его шутками! Или... Отрешенное лицо на горной тропе, поворот в расщелину, не дожидаясь разведчиков, да и сейчас... Неужели Савиньяк *тоже* ?..

– Мой маршал, что вы имеете в виду?

– Меня интересуют ваши предчувствия.

– У меня нет никаких предчувствий. Нет! Разве что... Это не обвал, не то... что было в Надоре. И не оползни... Я ничего не понимаю, просто все... отвратительно!

– Попробуйте выпить, некоторым это помогает. Уилер, надеюсь, утром вы сможете сесть в седло, несмотря на прощание с тюреговизе.

– Были бы ноги с задом, голова приложится! Мой маршал, «фульгаты» будут счастливы принять вас у своих костров...

– Хорошо, – сощурился Савиньяк, провожая взглядом настырного орла. – Давенпорт, если вы в костре что-то разглядите, немедленно дайте мне знать. Немедленно! Это приказ.

Глава 9

Талиг. Надоры. Граница Гаунау и Бергмарк 400 год К.С. Ночь с 24-го дня Летних Скал на 1-й день Летних Ветров

1

Выбирать между белым и черным, между честью и подлостью привычно и просто – Окделлы веками выбирают честь, Придды – подлость, но бывает, что выбор не столь очевиден. Тогда к цели можно идти разными дорогами, и каждая чем-то хороша, а чем-то неудобна.

Ричард потянулся и перевернулся на спину. Меж унизированными юным рябиновым бисером ветками синело небо. Ни облачка, ни птицы... В древности по птичьему полету и закатным облакам читали будущее, но откуда голубям и даже орлу знать, что ждет человека? Орлан разбился, а ворон опять летает, если, конечно, орланом был Альдо, но если не Ракан, то кто?! Кэртиана посылает знамения тем, к кому они относятся, а птичью схватку видели двое. Повелитель Ветров и Повелитель Скал. Хозяин уходящего Круга и господин Круга грядущего... Сколько всего стряслось с тех пор, как насмерть сцепившиеся птицы рухнули в красные от ягод кусты, а оба свидетеля живы. Выходит, их с Вороном война впереди? Война,

где победителей не будет, если не считать ызаргов, приддов и карвалей... Или Кэртиана не предсказывала, а предупреждала о бессмысленности подобного боя? Похоже, именно так. Это были память и правда об Алане и Рамиро, но они с Рокэ не поняли, да и кто бы на их месте понял? Все казалось таким очевидным, но нет ничего туманней очевидности...

Юноша перевернулся на живот, глядя за речонку, на освещенные уходящим солнцем вершушки. Ближе всего отсюда было до Бергмарк, но в Бергмарк сына Эгмонта не ждет ничего, кроме очередного предательства. Приходится выбирать между Дриксен, Гаунау и Ноймаринен. Последнее казалось невозможным, но невозможное слишком часто ведет к победе, чтобы отбросить его, не обдумав. Взять Барсовы Врата считалось невозможным. Так же как одержать верх у Дарамы и Святой Мартины, как войти в Олларию... Ползай Ворон и Альдо на брюхе перед тем, что люди недалекие зовут здравым смыслом, они бы не побеждали. Победу делают из того, из чего ее можно сделать, хоть бы и из утопленных младенцев. Дикон принял бы эту очевидность раньше, если б не эсператистские бредни матушки и не лживая коронованная дрянь...

Память разбредила еще не остывшую ярость, и Ричард рывком сел, сжимая кулаки. Удар клинком Алана – это еще не месть! Мечь, вернее возмездие, – это сорванная маска, это правда о дриксенском шляпнике и его незаконной дочери-шлюхе. Придды, Ворон, Феншо, Эстебан... Святой Алан, сколько же их!.. Место Катарины было в Багерлее, и не важно, кто ее туда упрятал.

– Дрянь! – вслух сказал Дикон и потер виски, пытаясь отбросить прошлое. Его нужно отбросить, чтобы идти дальше и вести за собой других. Рокслея, Эпинэ, отцовских союзников... Надорэа станет независимой, но действовать надо стремительно и осторожно, пока Скалы не сменил Ветер, а Ворон занят дриксенским фельдмаршалом.

Будущее рождается от настоящего, и поэтому надо решать, с чего начинать. Быстро решать и к тому же – за двоих, если не за троих. Иноходцы потому и иноходцы, что хороши лишь под седлом. Анри-Гийом с упорством, достойным лучшего применения, хранил верность дриксенской королеве, его дети и внуки пошли за Эгмонтом Окделлом, а Роберу пришлось терять всадников четырежды, хотя последняя потеря лишь на пользу. Эпинэ, надо полагать, это понял, но вряд ли самостоятельно.

Дикон не сомневался, что образумил Иноходца Рокслей. Скалы устоят там, где Волна сбежит, а Молния погаснет. Дэвид не колебался, вынося именем верности приговор Алве; сохранял он достоинство и в Багерлее, и принимая гвардию. Вот к кому надо было идти после предательства Катарины. К Дэвиду! Вдвоем с вассалом они бы выбрались из города без затруднений, вдвоем проще говорить с союзниками и наводить порядок в Надоре. Дэвид исполнит любой приказ без колебаний, а с Эпинэ могут возникнуть сложности: на севере он чужак, да и к борьбе не готов. Еще в Сакаци Иноходец подбивал Альдо пристать к каким-то морякам, вознамерившимся добраться до Гайифы вокруг Багряных земель. С него и сейчас станется сбежать, Дикон позволить себе подобное не мог.

Чем больше Ричард раздумывал, тем меньше его привлекал союз с кесарией. Дорога в Дриксен вела через две действующие армии; схватка с Вороном требовала от «гусей» полной отдачи, да и сам Готфрид... Слуги похожи на хозяев, а иметь дело с подобием Штанцлера? Увольте! Пусть дриксенцы удерживают Алву в Придде – это все, что от них требуется, и все, на что они годны. Когда зима разгонит армии по квартирам, на северо-востоке возникнет новое королевство. Союзное Гаунау, но не более того. Обменять победу над тысячелетним врагом на экспедиционный корпус – это недорого. Хайнрих не откажется свести счеты с бергерами, которым без Талига долго не продержаться, и поделом! Надор не забыл белобрысую солдатню, ввалившуюся в оставленный мужчинами дом. Надорэа не станет кормить Бергмарк... Если же Хайнрих потребует залог, то корона стóит свадьбы с «медведицей». Честный договор лучше пахнущей гиацентами лжи...

– Эй, Терадь! Гони кабанчика к генералу!

– Сейчас!

К генералу? Не к «Монсеньору»? Значит, кто-то явился, и это не Робер!

Ричард пригладил волосы, поправил воротник и вновь улегся под рябинами, закинув ногу на ногу и прикрыв глаза. Герцог Окделл не служит Талигу и не собирается вскакивать даже ради настоящего генерала, а если явился чеснотный недомерок, пусть потрудится прийти сам. Юноша грыз травинку и повторял про себя балладу о рыцаре и бастарде. Настоящую, не изгаженную олларовскими поддипалами. Забавно, что Эрвин ее помнит... С ноймарами можно было бы иметь дело, не будь Рудольф женат на Георгии. Фердинанд не зря вспоминал перед смертью сестру... Последний Оллар был не королем, а куском вонючего сала, но Катарини не заслуживал даже он.

Пролезшие к тронам шлюхи – это и есть талигойская чума! Октавия, Раймонда Карлион, Алиса, Катарини... Гадючка рассчитывала на золотку. На жену регента, который слишком занят войной, чтобы интриговать. О, Георгия его от этого освободит! Она сделает все, чтобы Карл оставался Олларом и королем, но герцогиня не знает о Щите Скал...

– Вот он где!.. Дрыхнет! Эй, давай просыпайся! К генералу...

– Какой еще генерал? – Ричард зевнул и потер глаза. – Я не собираюсь...

– Кончай кочевряжиться! Генерал у нас тут один.

– Оставь, Терайе. – Вышедший из рожицы Карваль не доставал долговязому солдату и до подбородка. – Окделл, я не собираюсь с вами препираться. Извольте встать и пройти в лагерь. Мы выезжаем немедленно.

– Я требую объяснений, – бросил Ричард. – И я не намерен подчиняться... *мелким ординарам.*

– Объяснения вы получите вечером. А сейчас или вы встанете, или вас поднимут и привяжут поперек седла. Как выюк.

2

Тяжелый графин алатского хрусталя показал дно. Король и маршал, дипломатично отказавшись от «сладкой мерзости», «унылой кислятины» и «прекрасного темного пива», сошлись на горькой настойке, с которой Савиньяк познакомился еще под Альте-Вюнцель. Лионель пил, вдыхая запах хвои и армейских костров, и на душе за какими-то кошками делалось светло и грустно, будто на чужой счастливой свадьбе, только в медвежьей берлоге подобное неуместно. Маршал взял себя в руки и заговорил о Кадане, судьба которой его совершенно не занимала. Настолько не занимала, что, вздумай чья-нибудь армия не нынешним летом, так будущим прогуляться заросшими дроком равнинами, не приближаясь к Талигу, Проземператор Севера этого бы просто не заметил.

Хайнрих понял, то есть, разумеется, не понял и даже не расслышал. Гаунау осушил стакан за благополучное разрешение регента Талига от двойного бремени, крикнул, расстегнул камзол и предложил собеседнику последовать его примеру. Пояс его величество распустил еще раньше, когда было покончено с делами и ужином. Лионель предпочел соблюдать приличия – давали себя знать дядюшкина школа и дворцовые привычки. Хайнрих захохотал, напомнив, что у него дворцовых привычек на двадцать восемь лет больше, и велел подать новый графин. Савиньяк поднес к глазам алатский стакан и по примеру Рокэ посмотрел сквозь него на солнце, что как раз уходило за горы. Горькая золотисто-бурая осень перед глазами и на губах... *Нас ждет осень, одна только осень...* И еще нас ждет ночная попойка, которую нужно выдержать, не рухнув на четвереньки и не заголосив непристойную песню.

– Смотреть на закат – дурная примета, – напомнил Хайнрих.

– Но не смотреть туда, куда смотреть нельзя, – ошибка. Стратегическая.

– Тоже верно. В Агарисе не смотрели и не увидели...

– Теперь кровь черного льва смыта. – Узнав между свинными ребрами и ногой ягненка о том, что натворили родичи Алвы, Лионель не выказал удивления. Сохранить невозмутимость было легко, маршал ждал чего-то подобного, хоть и не вспоминал об Агарисе, морисках, Гайифе, Сагранне... Держать в голове все имеет смысл, только если ты

король или регент. Бедный Рудольф, бедный Рокэ! И Хайнрих, пожалуй, тоже...

– Да уж, смыва! – Гаунау тоже сощурился на садящееся солнце. – Я запомнил имена утопленников. О существовании некоторых людей узнаешь лишь в связи с их кончиной, и это двойная радость. Избавиться от падали, избежав неприятности ее убирать, – что может быть удачнее? Талигу услужила лошадь, Гаунау – олень, хоть и не до конца. В этом должен быть смысл.

Ничего не отвечать, только поставить пустой стакан и взглянуть в лицо собеседнику, приподняв повыше бровь. Без слов спросить о том важном, что еще не прозвучало.

– Я только что вышвырнул из Гаунау четыре ордена. Они мало думали о своем Создателе и пытались испортить мой суп. Сейчас не время Создателя и еще меньше – время серых проныр. Хотел бы я взглянуть на агарисский дым... Мои предки захотели бы большего. Жечь.

Встал и отошел. Уже второй раз... Отлучка пришлась кстати, и Лионель не преминул принять припасенный толченый уголь, выручавший и в Торке, и во дворце. Так же, как проглоченное перед «ужином» – спасибо Бертраму за науку – масло. Нечестной избранную тактику маршал не считал, поскольку пил он вровень с Хайнрихом, а весил куда меньше. Уравнивание сил, только и всего.

Савиньяк провел рукой по коре гигантской сосны, к которой притулился ставший на этот вечер королевским стол. Солнце уже ушло за горы, но дальние ледники светились, будто лепестки рыжих кагетских роз. С нижней поляны доносился нестройный гул – окончание кампании обе свиты потихоньку-полегоньку начали отмечать еще вчера, сейчас отмечание перерастало в общую попойку под наливающимися светом звездами. Пить с явными врагами проще, чем с врагами неявными и тем паче с союзниками, которые могут не так понять, не то услышать, не о том спросить... Манрики, Колиньяры, Гогенлоэ, Креденьи, Сильвестр, Фердинанд, даже Рудольф с дядюшкой и змеюкой Бертрамом... Пить с ними – то же, что подписывать векселя, а «медведи»... При них дышится легко, так легко, что впору назваться Эмилем.

3

Это началось снова. Снова! Чужой взгляд давил, мешая сосредоточиться хоть на чем-то, будто розовеющее небо стало могильной плитой. Отпихнуть растущую тревогу не выходило, ее можно было только скрывать, и Ричард скрывал. Спутники ничего не замечали: лошади не беспокоились, всадники не вертели головами и не проверяли оружие. Дикон достаточно времени провел в походах, чтобы различать, когда солдаты, даже самые посредственные, ждут неприятностей, а когда просто едут за своим командиром, – эти ехали. Двое впереди, затем Карваль и дальше Ричард с прилипшим намертво Дювье. Назад юноша оглянулся лишь однажды, чтобы пересчитать отряд. Коротышка взял с собой десяток кавалеристов, и всё. Ни телег, ни запасных лошадей, выехали на ночь глядя... Дорога не должна быть длинной...

Доставшаяся Ричарду гнедая шла мерной рысью, она не была ни позором, ни сокровищем. Путешествовать на такой и даже представляться союзным офицерам можно, сбежать – вряд ли. Бежать без оружия и денег, не зная дороги, – безумие, но Дикон рискнул бы, если б не вернувшаяся тварь. В лагере она не докучала, но стоило перебраться через речонку, дала о себе знать. Теперь Ричард недоумевал, как он мог забыть этот взгляд, но так случалось и раньше. Стоило соглядатаю отвернуться или задремать, и он тут же исчезал из памяти, зато, вернувшись, отыгрывался за передышку сполна. Ужас сгущался, как сгущается туман, еще немного, и он каплями потечет по лицу и шее. Тихий ужас и какой-то ползучий, что ли... Если б в темнеющих предгорьях что-то выло, рычало, ворочалось, можно было бы поднять тревогу, но тварь просто ждала, а они двигались на северо-восток. К ней. Двенадцать человек уходили в пока невысокие холмы, а вечер был теплым и тихим. Тепло тоже бывает обманом, и еще оно влечет змей.

– Поворот! – крикнули спереди. – Вона... На Краклу!..

– Прямо, – буркнул из-под генеральской шляпы Карваль.

Прямо? От поворота на Краклу?! Они едут в... Надор?! Но там же... И потом от Кракловой развилки до замка три дня плоскогорьем, где и людей-то почти нет. В Олларию всегда ездили через Роксли и Лебединку. Ричард, само собой, знал про Манлиев тракт, но сам им не пользовался ни разу, потому и перестал узнавать окрестности, едва перешли Лукк. Дорога вильнула, обкусанным пальцем погрозил закату торчащий на перекрестье столб. Страх вился над отрядом, как вороньё, а дура-гнедая весело бежала рядом с конем Дювье.

– Быстрей, – велел Карваль, и Ричард дал гнедой шенкеля. Он не мог больше выносить эту дорогу, этот вечер, эту кобылу, и потом – отношения следует выяснять раз и навсегда. Коротышка – лжец и мерзавец, но шпагу он носит. И вряд ли его обучал хотя бы Робер, не говоря уж о Вороне.

– Сударь, – назвать это ничтожество генералом язык у Ричарда не повернулся, – пора объясниться.

– Еще нет.

– Я настаиваю! – Голоса растягивали сжимающееся кольцо, надолго ли? – Вы предатель, убийца и лжец... Что вы сказали Роберу про Штанцлера? Вы солгали, это очевидно!..

– Быть верным сюзерену – значит действовать к его пользе, а не бегать с докладами о всякой чепухе.

– Будь у меня оружие, вы бы заговорили иначе!

– В свое время оно у вас будет.

– Тогда мы поговорим...

– Несомненно.

Оружие вернут! Это приказ Робера, иначе поганец вел бы себя иначе. Карвалю поперек горла и эта поездка, и приказ, но послушаться он не может. Поднять руку на друга «Монсеньора» на глазах десятка южан – это мог бы Ворон, но не этот... гриб с перьями. Ничего, клинки все расставят по местам.

– Это вы подрезали подпругу Моро!

– Да, и что?

– Вы – убийца, убийца государя!

– Я не приписываю себе чужих заслуг. Я как мог способствовал смерти узурпатора, но убила его собственная глупость. Отправляйтесь к Дювье. Мне неприятно на вас смотреть.

– Взаимно!

– Тогда тем более убирайтесь.

– Сначала вы... Вы – шпион Сильвестра... Втерлись в доверие к Анри-Гийому и доносили... Потом переметнулись к Альдо и все равно остались олларовской шавкой! Святой Алан, Штанцлер знал правду, поэтому вы...

– Дювье, заberi Окделла и впредь держи при себе.

– Вам нечего ответить... Ординар!

Когда нечем крыть, отмалчиваются, удирают, натравливают солдат... Карваль, видите ли, выбирает, что докладывать, а что – нет. Ординар решает за герцога! Сейчас он откровенен, ведь Окделл и Эпинэ больше не встретятся. Может, и так, но письмо Робер получит. Через посла Гаунау или Дриксен. Две строчки. Благодарность за свободу и предупреждение о вцепившейся в стремя подлости. Если Иноходец пожелает остаться слепым, ничего не поделаешь...

– Будешь дурить – отберу поводья!

Как же противно! Унизительно и противно.

– Я сказал этому господину все, что хотел. Дальше будет говорить моя шпага.

– Вот ведь! – буркнул чесночник и обернулся. Оглянулся и Ричард, хоть и не собирался. Столб маячил далеко позади. Кавалькада, срезая угол, двигалась через луг напрямик к щетинистым темным холмам. К полной злобы неизвестности.

– Мне нет дела до других. Они меня не радовали, почему я должен радовать их? – заявил кому-то вернувшийся Хайнрих, но кого-то под сосной не было, а был единственный талигойский маршал.

– Больше всего ты должен, не имея долгов, – произнес ничего не значащий парадокс Савиньяк и приподнял очередной стакан.

Король плюхнулся на скамью и наподдал что-то достойной монумента ручищей. Лионель подставил ладонь, не давая пущенному по доскам предмету свалиться, и не выдержал – присвистнул. Маршал Талига избавил от падения его высочество Фридриха. Такого конного и знакомого...

– Я его выкупил. – Довольный Хайнрих походил на разбухшего трактирного кота. – Прощельга Зауф стоит дорого! Вы изрядно потеряли при сделке.

Лионель усмехнулся и сделал вид, что пьет. Он не то чтобы любил сорить деньгами, но брошенное на ветер порой возвращало нечто, ушедшее из дома и из души после гибели отца. Меня портреты на глазах у офицеров и обалдевшего трактирщика, маршал веселился как мальчишка; правда, другие этого не заметили. Теперь веселился Хайнрих.

– А что случилось с продавшим вас подданным?

– Он трактирщик. Он продал и получил прибыль, вместо того чтобы потерять. Вам был нужен портрет, и вы бы его взяли.

– Если трактирщик умен, он назовет свою харчевню «Король и Леворукий» и огородит стул, на котором сидел король, веревкой. Да, я взял бы портрет и оставил бы за него деньги в любом случае. У каждой войны свое лицо, я хочу иметь его перед глазами.

– Наша война спит. Продайте мне вашу рамку, она по праву принадлежит моему зятю.

– Пожалуй... Из тех, кто в ней побывал, Фридрих достойнейший. Да простит мне ваше величество...

– Еще чего! Сколько вы хотите?

– А как вы намерены с ней поступить?

– Я вернусь в Липпе и отправлю манатки гусака вслед за ним. Вместе с портретом, и лучше, если тот будет в рамке. С его свинячьими лебедями!..

– Ваше величество, не почтите за праздное любопытство. Вы написали кесарю об успехах племянника?

– Хорош бы я был, позволь этому засранцу порочить моих солдат и моих офицеров! Хватит того, что я отдал ему лучший корпус, а достало бы одного мориска! Армия не может встать на дыбы, иначе это не армия, а сброд. Генералы, мои генералы, подчинились и пошли к Ор-Гаролис. Они не виноваты – ноги за задницу не в ответе! В ответе голова, моя голова. Нужно было думать, прежде чем ставить Фридриха главным. Нужно вообще думать, и я посоветовал кесарю именно это. Если Готфрид доверит Фридриху командовать хотя бы брадобреями, он глуп, как корыто! Ваше здоровье!

Есть! Он угадал с письмом, он угадал со всем, кроме обвала, но такое не просчитаешь.

– Ваше величество, я не трактирщик и не могу торговать реликвиями, но неделимое лучше не делить. Северная Марагона да будет в Талиге, а Фридрих – в рамке. Она ваша, если утром вы о ней вспомните.

– Я еще не так стар, чтобы забывать... Я ушел из молодости, уйдешь и ты, тогда и оценишь все, от войны и до вина! Серые пугали нас, допугались, булькнули... А мы живы и под закат пьем! Мы с тобой враги, и что с того? Хотел бы я знать, кто решил, что раз враг, то сам страх и ужас? Оно ведь даже не с агарисцев пошло. Леворуким еще Манлия вашего объявляли. Воевать, так с самим Злом во плоти, иначе вроде как неудобно... А что с приличным соседом можно пасеку не поделить и дойдет до драки на века, с этим как? Нет, Зло им подавай! А ты тоже хорош, вырядился в красное. Жаль, Кримхильде тебя не видит... У тебя ведь мать жива?

– Да. Она в Савиньяке. – В Савиньяке ли? К кошкам! Не думать ни о чем, имеет же он право хоть ночь побыть Эмилем!

– Твоя мать – вдова... Я вдовец... Ее здоровье!

Снова горечь. Когда Рокэ уезжал в Фельп, они пили не касеру, а «Кровь». И после Октавианской резни тоже пили, верней, запивали. Тогда все только начиналось, теперь разогналось, не остановить, но сегодня передышка. Передышка, летний вечер, чужие сосны и горько-сладкая земляника, тоже чужая...

– Мать любит отца... До сих пор.

– А ты до сих пор мстишь... Я уважаю тебя, маршал. И я хочу знать, уважаешь ли ты меня? Варвара? Врага?

– Ваше величество, скажем так. Я перестал уважать не варваров...

5

Дорогу загородил двуногий ствол. Тот, о котором рассказывал, вернувшись из Надора, Дювье. Тот, что Дик, никогда не видел, помнил до последнего сучка. Расщепленный чудовищной силой дуб пытался дотянуться до рыжего лунного яйца. Ричард сам не понял, как натянул поводья. Лошадь фыркнула и попятилась, она и сама не хотела идти дальше. Из-за трещины? Из-за того, кто ждет в горах? Ждет или дождался?! Закусив губу, Дикон пытался совладать с готовым снести последнюю плотину ужасом. Не будь рядом Карваля, юноша вряд ли сдержал бы крик, но Роберов любимчик никогда не увидит испуганного Окделла!

Оторвав взгляд от изувеченного дуба, Ричард как мог медленно обернулся к предводителю чесночников. Тот, выпрямившись в седле, вглядывался в просвет меж холмами, потом велел:

– Спешиться!

Гордость велела оставаться в седле, но к драке Ричард готов не был, а подчиниться отданному лично тебе приказу еще противней, чем делать то же, что и все. Разве что... Нет, не ускачешь – дороги вперед нет, как и назад. Тропа слишком узкая, даже коня развернуть не успеешь, как эти ублюдки... Да и гнедая... Это тебе не Сона!

Ноги коснулись земли, на мгновение показавшейся трясинной. Кобыла всхрапнула и пошла боком, норовя навалиться плечом на человека. Ей это место нравилось ничуть не больше, чем Дикону, а уж дерево... С земли оно еще больше походило на гиганта, вознамерившегося сорвать с неба низкую красноватую луну. Ржавую луну видел и Нокс, но та не была полной и висела не впереди, а за спиной. Ричард щелчком поправил крагу на перчатке и зевнул, прикрыв ладонью рот. Его трясло, но чесночники об этом не узнают.

– Дальше не проехать? – хрипло спросил Карваль. – Так, Колен?

– Куда там! – махнул рукой сержант. – Овражины путаются, как змеюки по весне.

– Ты уже видел это дерево?

– Надо думать, только вряд ли оно враскоряку стояло. Я б заметил, да и дыра свежая совсем...

– Вижу, что свежая. Двое при лошадях, остальные – за мной! Дювье, пригляди за Окделлом.

Ричард безгласно отстранился и, не дожидаясь окрика, двинулся за сержантом, который вечно насвистывал всякую муть. Фальшиво до омерзения, только самый паршивый свист, самая похабная песня отогнали бы жмущуюся к новорожденному оврагу тишину, но чесночник молчал. Как и земля, тяжелая и, несмотря на лунный свет, ржавая. Луна висела над предгорьями, щупала выцветающими на глазах лапами вывороченные камни, обрисовывала край трещины. Карваль впереди вполголоса выругался и пошел еще быстрее.

Южане сосредоточенно топали за своим вожаком, а вот что они чувствовали? У Литенкете было полсотни людей, и только троим, не считая самого Эрвина, стало на тракте не по себе. Только троим из пятидесяти рожденных рядом со Щитом Скал! А вдруг в Старой

Эпинэ хранится реликвия Молний? Должна же она где-то быть! Ричард принялся подбирать слова для расспросов, потому что иначе оставалось взвыть и броситься назад, сбив с ног Дювье. Юноша словно бы видел себя, замахивающегося на чесночника, себя, хватающего палку, себя, шмыгающего в лохматые заросли... Это было так странно – высунуться в будущее, юркнуть назад и ничего не сделать. Следовало подозревать Карвалья, а Дик не верил тропе, ночи, луне, он тысячу раз мог кануть во тьму, а вместо этого ускорял шаг, чудом не наступая на пятки молчащему Тератье. Святой Алан, хоть бы выругался кто, сколько можно идти?

Впереди раздался глухой рев, будто обрушился в водосток подтаявший снег, и Дик с разгона ткнулся в солдатскую спину. Сержант обернулся, его лицо было каким-то желтым, но он не боялся, значит, ничего не замечал, ничего, кроме ночного броска через плоскогорье.

– Овраг тут шальной, – бросил чесночник, – вроде и дождей нет, а корячится... Видать, от трясучки этой.

– Да, – подтвердил спереди Карваль, – Надоры ненадежны.

Тень одинокого дерева перечеркнула трещину, превратив ее в подобие черного меча. Куда они шли, Ричард не представлял и не был уверен, представляет ли это Карваль. Бьющий крыльями страх, будто пыль, вздымал страшные сказки, где разбойники бросали жертву в лесу или на перекрестье заброшенных дорог. Это и стало ответом. Пленника велено отпустить, вернув оружие, но вряд ли до Робера дошло, что приказ должен быть предельно четким, а Карваль... Мелкая погань всегда сумеет нагадить. Бросить среди трещин и оползней – это ведь тоже отпустить. «Монсеньор, я оставил герцога Окделла за Лукком, как вы и велели...» Очень просто и по-южному подло, но делать нечего. Самое лучшее – остановиться и небрежно бросить мерзавцам, что дальше Повелитель Скал пойдет один. Ричард так бы и поступил, будь это другая ночь и другое место. Какой бы сволочью ни оказался Карваль, одиночество и нечто, подобравшееся совсем близко, еще хуже, хотя...

Дикон уже оставался один и в степи, и в горах, а в Варасте даже чувствовал нечто подобное, и ничего не случилось. Значит, пора прощаться! Решено, он посылает мерзавцев к Леворукому, возвращается в Краклу, ищет гостиницу и ростовщика, закладывает пару перстней...

– Господин Карваль! – окликнул Ричард. – Потрудитесь остановиться.

– Чего еще? – Карваль не откликнулся, откликнулся Дювье. – Ногу свернул, что ли?

– Дальше я пойду сам! – отрезал Дик. – Собаки мне больше не нужны, а с надорскими волками я как-нибудь справлюсь.

– Справитесь? – Карваль резко, словно во время смотра, повернулся. – Это вряд ли. А один вы пойдете, когда окажетесь в своих владениях. Здесь дерево. Легло мостом, выглядит надежно. Тератье, проверь.

Алва перешел бы первым. И Альдо, и даже Эпинэ, а этот...

6

Лауэншельд не забыл поросенка, которым его угощал в день знакомства Реддинг. Долгов полковник не любил, сегодня у него была последняя возможность расплатиться, и личный представитель кесаря вместе с парой офицеров занял позицию среди «фульгатов», собираясь любой ценой доставить талигойцев к своему столу. Увы, операция откладывалась – упустить знаменитую тюрегвизе никто не хотел, а Уилер ждал маршала. Не потому что начальство, а потому что «на счастье».

Сомневающихся в удаче Савиньяка в армии не осталось, расходились в том, стоит ли кто за плечом Проэмперадора, и если стоит, то кто. Чарльз в спорах не участвовал, болтовня про Леворукого его откровенно бесила. Без зазрения совести пущенное в ход суеверие, хоть и шло на пользу, маршала не украшало. Как и прочие кульбиты. Давенпорт понимал, что Савиньяк вылепил успех из безнадежности и наглости, полностью подтвердив собственные, сказанные еще в Надоре слова. «Леворукий» пожертвует всеми без жалости и колебаний.

Собой тоже, но любви это не прибавляет, разве что уважения и жалости к раз за разом пьющим здоровье «нашего» живым – пока живым! – людям. Разменной монете, которой Проземператор расплатится и забудет, как забывают о стоптанных сапогах...

– Слушай, друг. Если у тебя несваренье, так и скажи.

– Нет!

– Чего нет? Несваренья? Тогда что есть? Оно заразное?

– Ничего! – рявкнул Чарльз и устыдился.

Уилер был славным малым, пусть и навязчивым, и потом... Если хочешь перейти в полк, не бросайся на будущих товарищей, ты как-никак талигойский капитан, а не собака. Давенпорт отлепился от сосны, которую почему-то подпирал.

– Скоро полночь, – для поддержания разговора Чарльз глянул в полное низких горных звезд небо, – совсем скоро...

– Да придет он! Развяжется с Медведем и придет. Тогда и откроем.

– Я не про то...

– А про что? Что ты ходишь как неподоенный! Где блеск в глазах? Пуговицы не заменят, драй не драй! Или... что-то не так? С горами?!

– Ты им надоел! – Проклятье, он научится держать себя в руках или нет?! Нашел когда беситься...

– Это *ты* кому хочешь надоешь, если не выпьешь. Вино поганое, ну да в авангард сойдет!

– Авангард так авангард! – Чарльз попробовал улыбнуться, и у него вдруг вышло. – Пойдем Реддингу поможем. Я все-таки при начальстве отираюсь, хоть какой-то толк!

– Отираешься ты! Как еж о морду! Ладно, пошли, пока Шлянгер все не выдул...

Реддинг беседовал с Лауэншельдом, вернее, это раскрасневшийся Лауэншельд беседовал с Реддингом. Полковник все еще воевал. Не с Талигом – с дурным светлым бергерским пивом и Фридрихом, утопившим собственную репутацию и забрызгавшим репутацию гаунау, что «медведю» было как нож острый. Честь мундира требовалось спасти, и Лауэншельд спасал, не щадя отсутствующего принца.

– ...не только уцелевших под Ор-Гаролис своих, – возмущался из-за горки костей полковник, – он именем его величества сорвал с места несколько ближайших гарнизонов...

– И набрал тысяч двадцать пять, – поддержал беседу откровенно веселящийся Реддинг. – Но артиллерии и конницы у вас маловато было... Маловато, чтобы делать то, что делали вы...

– Не мы! – Лауэншельд впервые за время знакомства позволил себе крик. – Фридрих!.. Да, наши генералы были полны решимости восстановить свое доброе имя, но они не желали делать глупости по приказу этого... этого...

– ...надутого болвана! – проревело слева и сзади. Его величество Хайнрих в распахнутом камзоле или чем-то вроде того стоял, уперев руки в бока, и взирал на своего полковника. Рядом алел Савиньяк. Этот, само собой, не расстегнул ни единой пуговицы.

– Сидеть! – рявкнул Хайнрих на вскочивших гаунау. Лионель просто небрежно махнул рукой. Хвала Создателю, правой...

– Его высочество немало сделал для победы талигойского оружия, – заметил он. – По справедливости его следует наградить, но в Талиге до сих пор нет соответствующего ордена.

– Так введите! Орден... Полезного Дерьма! – предложил Хайнрих. – Он вам еще не раз пригодится!

– Золото и очень темный янтарь, – кивнул маршал. – С мечами для военных и без оных для невоюющих особ. Я скажу об этом регенту и обрисую заслуги его высочества, но янтарь придется закупать у вас. Это не талигойский камень. Уилер, вы не передумали открывать бочонки?

– Мой маршал... Только вас и ждали...

– ...и его величество, – уточнил дипломатичный Реддинг.

Хайнрих чего-то хрюкнул. Довольно-таки благодушно. Уилер исчез во тьме, Сэц-Алан

и порученец Реддинга принялись сдвигать блюда, высвобождая место для бочонков.

– Я помню эти мундиры. – Савиньяк смотрел на спутников Лауэншельда. – «Седые медведи»... У Ор-Гаролис они держались дольше всех. Примотать к мушкетам ножи – дельная мысль.

– Он! – Хайнрих пальцем указал на длинного капитана. – Штамме. Был капралом, стал офицером. Я побился сам с собой об заклад, спросишь ты про ножи или нет.

– Я спросил. – Савиньяк снял с пальца кольцо. – Благодарю за подсказку, капитан Штамме!

Блеснул рубин, словно злобная тварь приоткрыла глаз и вновь задремала. Егерь застыл, переводя взгляд с короля на Леворукого и обратно.

– Бери! – велел король, и Штамме взял. Кольцо с трудом налезло на мизинец, но ведь его всегда можно продать...

Стукнуло. Поднатужившийся Уилер под громкие крики водрузил на стол первый бочонок. «Фульгаты» весело меняли кружки, трещали костры, ветер сносил дым к перевалу. Менее удачного времени для личной просьбы не найдешь, но Давенпорта будто под ребра пихнули.

– Мой маршал, – отчетливо сказал Чарльз, – прошу отпустить меня из Бергмарк в Придду.

– Вашу судьбу, Давенпорт, решит регент. Скорее всего, Ноймаринен.

Регент... Чтобы кивать на регента, нужно носить талигойский мундир, а не закатные тряпки. Чарльз едва этого не сказал, но Лауэншельд поднял кружку, то есть не Лауэншельд. Полковник лишь повторил жест Хайнриха. Первый тост за гостем, по крайней мере в Гаунау.

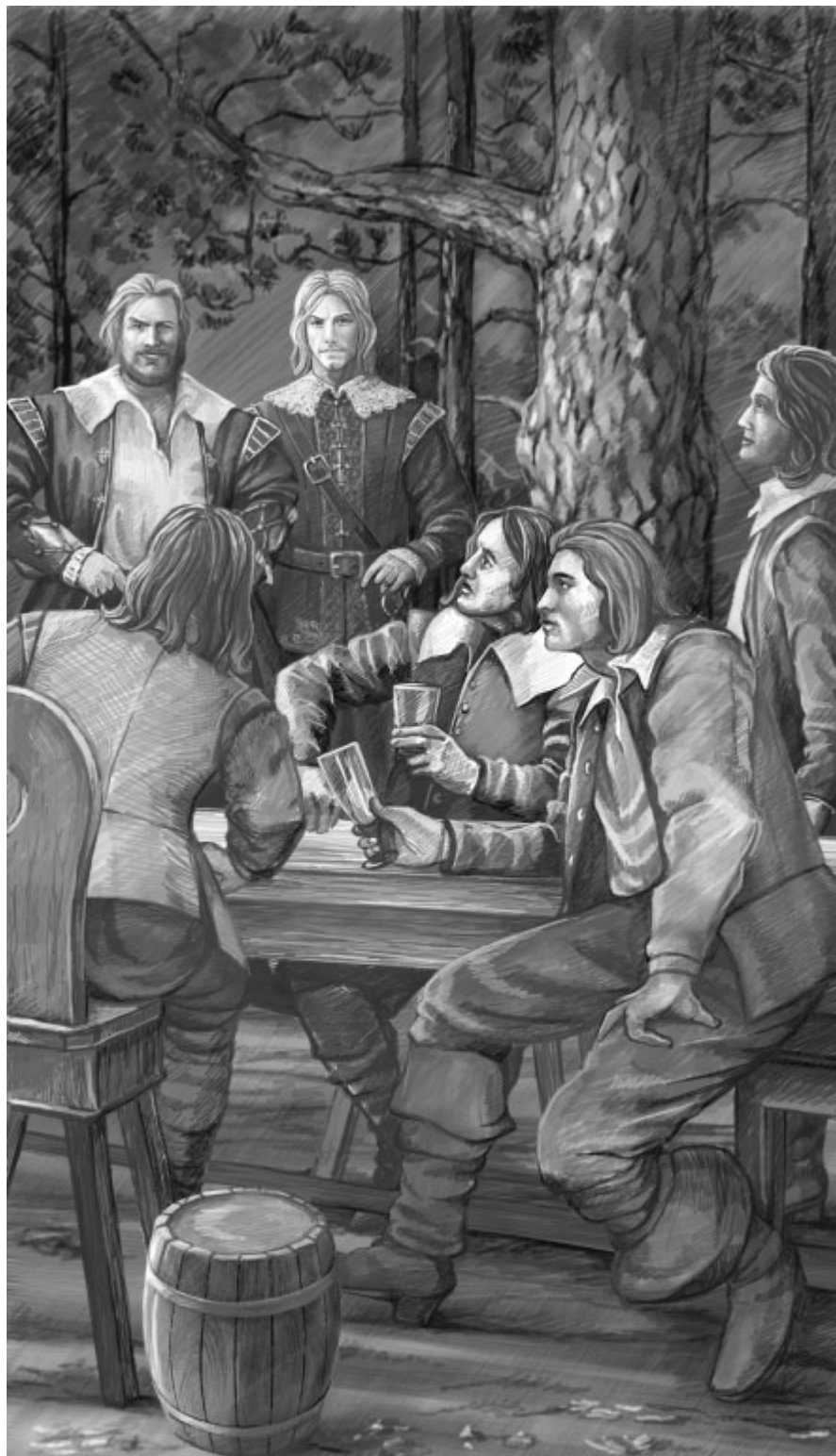
– За нас с вами и за кошек с ними!

Это был огонь! Чарльз едва не задохнулся, но проглотил. На глазах выступили слезы. Давенпорт неприлично шумно выдохнул и увидел напротив побагровевшие морщащиеся физиономии. Кто-то оглушительно чихнул, кто-то растерянно расхохотался, кто-то столь же растерянно помянул Леворукого.

– Закат! Вот что это такое... – прохрипел Хайнрих. – Закатное пламя!

– Не Закатное, – маршал отломил кусок хлеба и небрежно обмакнул в мясной сок, – алатское. Алатская кровь как перец, ее много не нужно... Так, Уилер?

Дальше Чарльз не понял. Чужие слова жглись и веселили, как тюрегвизе. Булькнуло – Уилер опять разливал свою жуть, и Давенпорт подставил кружку, все подставили. Становилось всё жарче, будто в полдень на солнцепеке, полную луну перечеркнула ночная птица, грубо хохотнул коричневый валун, то есть Хайнрих. Савиньяк смотрел, внимательно, жестко. Почему он не пьян? Он должен быть пьян, а если кто-то пьет и не пьянеет, он в сговоре с нечистью. Или сам нечисть.

– Давенпорт, – внезапно спросил маршал, – вы так ничего в огне и не разглядели?
Ответить Чарльз опять не успел.

– Только жаркое, – подал голос Реддинг. – Он видел в огне отменное жаркое... Мы все видели...

У каждого свое проклятье, у Чарльза Давенпорта – опаздывать. Всегда. Во всем... С Октавианской ночи и до ставшего прахом замка!

Новый глоток напомнил о том, что урготы в старину делали с фальшивомонетчиками, но голова стала ясной, словно Чарльз глотнул из родника. Савиньяк ждет ответа, нужно что-то сказать.

– Мой маршал, все спокойно. Я ничего не...

Маршал не слушал, то есть слушал Хайнриха.

– Не забудь завтра про рамку. – Король развязал еще и рубаху. – Тогда я тоже кое-что вспомню... Почему бы и не вспомнить? Любезность за любезность – это так по-нашему, по-варварски!

– А подлость за подлость – это так просвещенно!

Маршал улыбался, Хайнрих хохотал.

7

Старые стены не хотели сдаваться. Замшелые глыбы держались друг за друга, как бы их ни рвали голодные корни и ни мучила вода, но подползшего оврага они боялись...

– При Раканах эта руина торчала на границе владений Окделлов. – Карваль задрал голову, и Ричард невольно последовал примеру коротышки. – Всё, парни, пришли. Дювье, смотри в оба. Гашон, стань-ка у обрыва. Тераье, к стене...

Сейчас Карваль договорит, и они уйдут. Враги, чесночники, люди уйдут, а он останется между провалом и полудохлой стеной. Даже без лошади. Дикон отдал бы что угодно за эскорт, но просить Карваля?! Коротышка хочет именно этого, потому и устроил ночное представление. Мелкая, подлая месть и неожиданно страшная. Обнаглевший ординар не представляет, каково остаться один на один с вечностью, он просто угадал. С ночью, жующим тропу оврагом, развалинами, только коротышка этого не узнает никогда. Люди Чести не просят, они поворачиваются и уходят, как живут, не оглядываясь и не опуская головы. Главное – не сбиться с шага, не обернуться, а потом... Святой Алан, пусть убираются прямо сейчас! Стоять под этой луной, скрестив руки, и улыбаться все невозможней, лучше сразу... Собраться, бросить через плечо что-то дерзкое, исчезнуть за грудой настороженных обломков... Только бы Карваль не догадался столкнуть бревно, по которому они перешли овраг!

– ...Занха на лбу написана!

Хриплый, полный злобы выкрик. Черные резкие тени. От стены, от деревьев, от солдат. И вкрадчивый, издевательский шорох осыпающейся земли. Овраг не спит, овраг слушает, овраг ждет...

– Нетушки, хватит с Монсеньора седых волос!

– Верно говоришь...

– Чтоб еще из-за...

– Какого кота драного мы его тащили?! Надо было...

– Тихо! – Злость человеческая и злость вечная, злость и напряжение... – Что делать с *ним*, ясно. Что Монсеньору знать про это ни к чему, тоже. Только не все так просто, ребята, это вам не Мараны, гори они в Закате!

– Разрублен...

– О как!

– Я знаю, что говорю. Таракан спутался с гоганскими колдунами и надул их. Рыжие ему поверили, потому что за обман на шестнадцатый день прилетает, а как – вы в Надоре нагляделись. Только Таракан оказался поддельным... Видать, прабабка какая еще той шлюхой была, зато Окделл, своим на беду, – настоящий. Тихо, я сказал! По всему выходит, Надор угробил он. Мы сейчас поговорим, а вы послушайте. Ну и смотреть не забывайте. Если что – не церемониться.

– Какое там, капитан! Да мы...

– Помолчи, Колен! На нем клейма ставить негде, хотя какие на дерьме клейма! Будь моя воля, я б голубчика возле Штанцлера уложил, но Окделл не такой, как мы. По нашу душу, что бы мы ни учудили, разве что королевские драгуны заявятся, а знать, старая знать... Леворукий знает, что они такое, но, если надурят, тем, кто рядом, не жить. Эта гадость, она же ползет, за *ним* ползет, и Окделл, тварь такая, знает это! Я говорил с

ноймаром, что письма Монсеньору привез... Окделл всю дорогу дергался, а уж как назад чесанул...

– Ложь! – Ложь, безумие, бред! Что может знать чесночник о том, чего ждет, чего требует Кэртиана?! – Альдо не имел дела с колдунами... Я...

– Заткнись! – оскалился Дювье. – Выродок...

– Карваль! Верни мне шпагу и говори... Если рискнешь...

– Шпагу ему? Ах ты ж...

– ...нашу Катарину...

– Вояка... против баб!

– В суде еще... Законник свинячий!..

– И какого... мы его в Доре не хлопнули?!

– Молчать! – Лязгнуло. Огрызнулся уставший камень. Лунный свет отскочил от чего-то... Рукоять... Знакомая! Кинжал вонзился в землю у самых ног! Тот самый, что отняли.

– Оружие хочешь? Будь по-твоему!

Какие у них лица! Бледные, ощерившиеся, хуже, чем у выходцев. Звери почуяли кровь... Думают, их взяла? Зря. Окделлы всегда умели охотиться!

– Ты здесь не для дуэли, мозгляк. Ты заигрался с Альдо и разворотил какую-то сволочь. Вашу, надорскую. Похоже, она уймется только с твоей смертью, значит, тебе пора умирать. Лучше, если ты это сделаешь сам, своим кинжалом и на земле, что была за Окделлами.

– Хоть какой-то толк будет...

– Сделает он, как же!

– Не сделает, помогу. Окделл, я считаю до шестнадцати. На Создателя ты плевал, обойдешься без молитвы. Раз...

Поднять кинжал, проверить острие.

– Два.

Всех кинжалом не перебить, ну и кошки с ними... Даже с Карвалем! Главное – вырваться, потом он спросит... Со всех! За всё!

– Три. Четыре.

Спокойно! На Винной было две дюжины... И не отребье – дворяне. Стена наполовину обвалилась... С той груды допрыгнуть до верха и сразу же на ту сторону... В темноту... Да, именно так! Сбить Тератье – и на стену! Полшага вправо, чтоб наверняка. Скалы видят... Кэртиана испытывает избранных? Кэртиана предала?

– Семь.

Главное – шпага... Добыть шпагу и пистолеты...

– Восемь!

Упор на правую... Святой Алан, вперед!

Южный ублюдок. Думает, загнал Окделла... Повелителя! Ну нет! Прыжок! Слева вспыхивает нехорошая звезда. Раздается глухой рокот, похожий и не похожий на рев обвала, налетевшая волна или не волна сбивает с ног, тащит сквозь холод, тьму, странные, резкие звуки, как тащила в Сагранне. Скалы взорваны. Озеро мертво. Его смерть порождает песню. Песня становится селом, великим, неукротимым, справедливым. Багряные горы пронзают золото облаков, нестерпимо горят ледники, смеются летящие с гор камни, быки вечности, они тоже стремятся вниз, в долину, они исполнят свой долг, исполнят приказ... Горы за спиной колышутся, рушатся, обращаясь в серую мертвую пыль, что забивает рот и глаза. Песня камней делается глуше, отрывистой, но они еще бегут, они есть бег, они есть смерть...

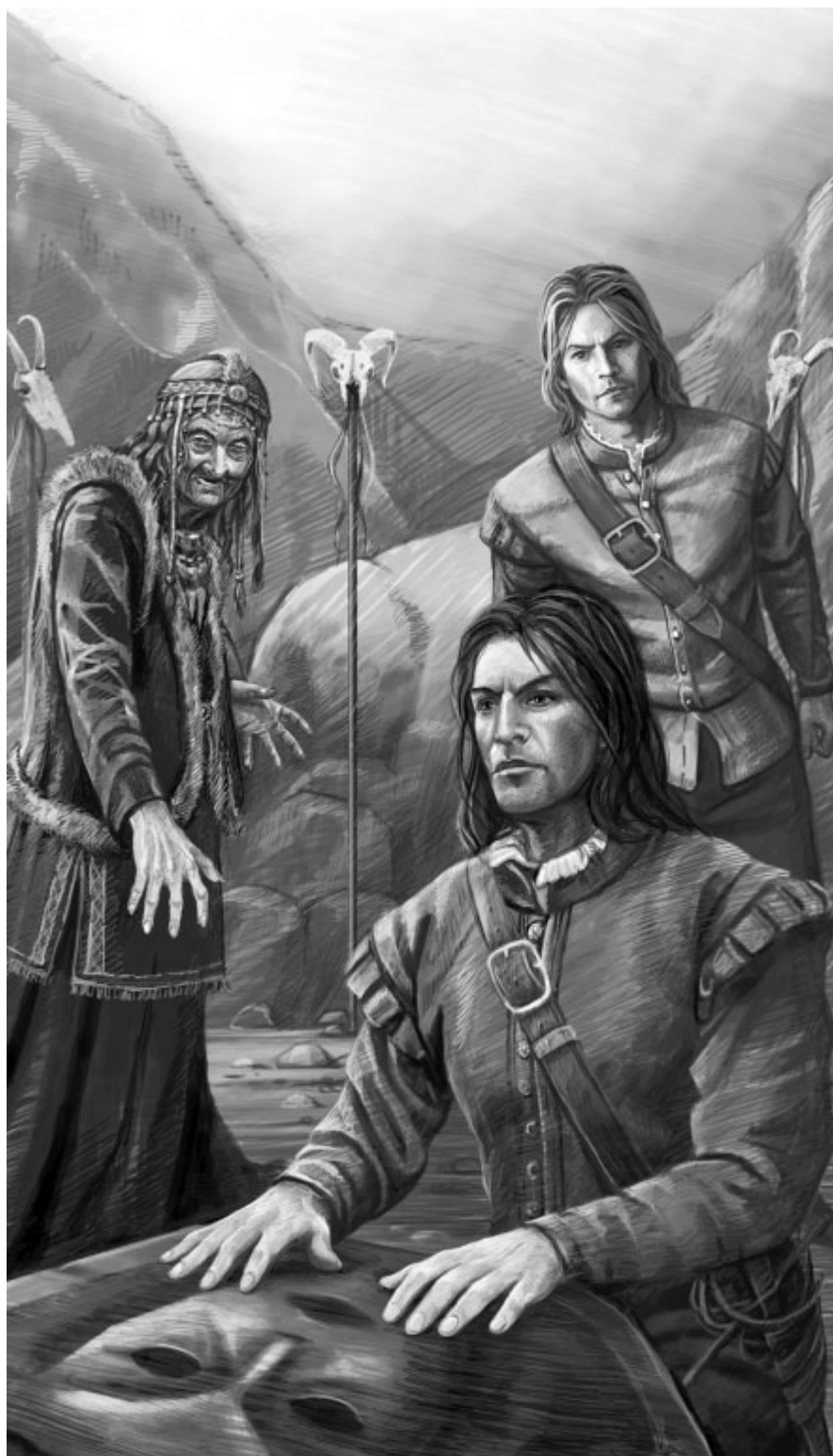
Ричард понимал все меньше, не телом, душой ощущая стремительную мощь движения, которое убыстрялось и убыстрялось. Последней осознанной мыслью было, что он не промахнулся и все это – грохот, яростный бег, жар и холод – на самом деле не более чем дорога, у которой есть начало и нет, не может быть конца.

Часть вторая «Императрица»²

*Все, что посылает нам судьба, мы оцениваем в зависимости
от расположения духа.*

Франсуа де Ларошфуко

² **Высший аркан Таро «Императрица»/«Хозяйка» (L'Imperatrice)** символизирует прекрасную земную любовь, приносящую плоды (свадьба, дети), соединение внешнего и внутреннего могущества, уравновешенного разумом. Некий процесс, связанный с вами, близок к завершению, надейтесь на успех. **ПК** : стремление к действию, но необходимо ясное его осознание. Домашние хлопоты, материальные затруднения, упадок творческих сил, может означать бесплодие у женщин.

Глава 1
Граница гаунау и бергмарк
400 год К.С. 1-й день Летних Ветров

1

Чарльз не помнил, за что именно его похоронили заживо, но точно знал, кто отдал приказ, – Леворукий. Разодетый в красное и черное, он сидел на сером в яблоках лебеде и

крошил изумруды; их требовалось клевать, но от проклятых камешков жгло во рту, на глаза наворачивались слезы, предвещающая гибель. Те, кто унизились до подачки, издыхали в страшных мученьях. Реддинг, Сэц-Алан, Шлянгер, фок Лауэншельд со своими офицерами... Всех их под заунывные песни уносили в Закат, Давенпорт это видел и вновь не мог ничего поделать, потому что стал каменным обломком. То, что некогда было головой, раскололось, давая дорогу воде. Над новорожденным источником вился пар, в клубах которого бродила короткохвостая лошадь и рассуждала о кабаньей охоте, затем лошадь стала розовой, потому что «крашенные» понесли большие потери от артиллерийского огня. Тут-то Хейл и навалился всей мощью... Дриксы побежали, в центре линии образовалась дыра, только лезть в нее было нельзя! Чарльз пытался это объяснить, но кто станет слушать какой-то родник?!

В дыре замерцало, оттуда выбежал Уилер, вскочил на розового коня и ускакал по гулкой, как барабан, земле в сплетенные из лебедей и сердец ворота, тоже розовые, Ворота вели в Рассвет, он переливался и блестел, от него тошнило. Давенпорт зажмурился, тут-то его и закопали, забив глотку сухой мелкой пылью... Пыль, вот и все, что осталось от перевалов, которые штурмовали веками, всё становится пылью – серой, холодной, отвратительно мертвой... Защищать ее нет смысла, как и завоевывать! Пыль – это и есть конец всему.

Обрушившийся сверху холод был внезапен. Что-то вспорол курган, под которым лежал Чарльз, и повлекло наверх, к свободе! Капитан облизнул шершавые губы и приоткрыл глаза – в клочковатом тумане медленно кружил огромный гаунау. Вроде бы капрал, вроде бы с ведром... Давенпорт сел. Схватился за голову, по которой, казалось, проскакал кавалерийский полк. Хуже, конная артиллерия! Во рту пересохло, но в горле стояло что-то кисло-студенистое и рвалось наружу.

– Леворукий! – прохрипело рядом. – Леворукий и все его подлые твари... Зачем тут дерево?

Плеснуло, зарычало, опять полилась вода. Чарльз сглотнул несколько раз, мимо один за другим шли гаунау с ведрами, но Давенпорт точно знал, что в плен его не брали.

– Гхде? – провыл хрипатый сосед. – Гх-х-х-где эта дрянь алатская?!

Чарльзу было плевать где, лишь бы стало тихо, но до страданий Давенпорта никому дела не было. Вокруг кашляли, бурчали, ругались, главным образом по-гаунаски, а вот рядом точно бранился талигонец. Реддинг! Живой и серо-зеленый, как замшелая каменюка.

– Тюрегвизе! – словно выплюнул он. – Это тюрегвизе... Где Уилер?! Убью...

– Уилер ускакал, – брякнул Чарльз и понял, что Уилер на розовом коне был бредом, и не только Уилер... Они не клевали изумруды, они пили тюрегвизе...

– Уехал?!

– Наверное, – вывернулся Давенпорт, выуживая из памяти обрывки разговоров. – Маршал велел ему явиться... С самого утра...

– Сволочь! – начал столь же зеленый, что и Реддинг, Шлянгер и вдруг сменил тон: – Прошу простить... Я про...

– Это мои извинения... – Лауэншельд тоже держался за голову и тоже был мокр до нитки. – Вас следовало... вернуть в расположение... талигойских... Приказ... его величества выполнили бездумно...

– Что еще за... приказ?

– Отливать спящих не в своих палатках офицеров водой... невзирая на звания и заслуги... Солдаты исполняли, не... приняв во внимание, что вы... любезно... согласились воспользоваться гостеприимством моего полка... не являетесь подданными... Проклятье! Моя голова...

– Гостеприимством... – пробормотал Реддинг. – Мы были под соснами... у нас... То есть все равно у вас... Проклятье...

– Мы пошли в гости. – Теперь Давенпорт вспомнил вчерашний вечер, с ночью было хуже. – Нас пригласили, мы пошли... Мы с вами, Сэц-Алан, Уилер, бергеры Вайскопфа. Они не хотели, но вы приказали.

Под соснами пили вино, сладкое... Потом Уилер брякнул на стол первый бочонок, его прикончили и со вторым пошли в гости. К Лауэншельду – у ронсвикцев стыло мясо, к которому до прихода врагов не притрагивались, и темное пиво... Много пива. Море, океан...

– Нужно выпить пива! – Лауэншельд тяжело поднялся на ноги, загородив половину неба. – Мы выпьем пива, и все будет намного лучше. Прошу прощения...

О чем докладывал полковнику бледно-зеленый адъютант, не владевший гаунау Давенпорт не понял, зато понял Реддинг.

– Нет у них пива, – перевел он, – ни капли... Вчера выдули всё. Совсем всё. Сперва у нас, потом – у них...

2

Это никто не назвал бы похмельем. Просто было зябко и тревожно, будто война все еще висела над головой. Впрочем, завтрак с Хайнрихом после ужина с ним же с успехом заменял безнадежный бой в окружении. Маршал Савиньяк умилился сравнению и провел гребнем по волосам. От ночи варварской откровенности и варварской же попойки уцелел разве что туман в ущельях и опрометчивых головах, а утро сведет за столом хоть и договорившихся, но врагов, так что прощай, «Леворукий». Свое дело ты сделал, отправляйся к своим кошкам!

Лионель застегнул талигойский мундир и какое-то время разглядывал усыпанных отменными изумрудами лебедей, принимавших в объятья то Алису, то Манрика, то Фридриха. Станный путь от дриксенской королевы до дриксенского же болвана. Круг замыкался, в этом было что-то одновременно забавное и настораживающее.

Презент Лионель завернул в трофейный гвардейский шарф, что, будь он Хайнрихом, немало бы его развеселило...

– Ба! – развеселился Хайнрих. – Гвардия Фридриха не умирает, но удирает, теряя тряпки. Жаль, вы не подобрали подштанники!

Король был свеж и уже благоухал пивом. Лионель положил на стол флягу.

– Мне показалось, алатский напиток пришелся вам по вкусу. Говорят, если он не убивает сразу, то делает сильнее.

– Не откажусь! Я должен был взять в жены алатскую принцессу, но она решила стать бабкой вашего узурпатора... Ларс, расстилай здесь. Эти шкуры я добыл в горах. Отныне их место – у камина вашей матушки.

– Черные медведи за розовых лебедей... Готовая притча, а моя матушка балуется пером. – мех был темным, темней, чем у алатских медведей, а вот зубы и когти отличались мало. – Варварский обычай позволяет снимать шкуру даже с герба?

– Двое медведей в одной берлоге не уживаются. Я каждый год это доказываю при помощи рогатины. Это удобней и дешевле тайной канцелярии, которую держит мой родич кесарь. То есть держал.

Пауза, которой позавидует сам дядюшка Рафиано. Излом щедр на сюрпризы.

– Его величество Готфрид проникся доверием к своим подданным?

– Напротив. Он стал настолько умен, что захотел придушить племянника. И настолько глуп, что отослал врача и канцлера, и готово. Удар. Талиг ждет большая и дурная война. Фридрих заслужит свое Золотое Дерьмо, но крови будет много. Сперва в Придде, потом в Эйнрехте...

– В Дриксен так любят проигравших?

– Проигравших любят коровы. Толстые коровы, которых доят. Принцесса Гудрун именем Создателя поклялась, что отец назначил Фридриха регентом, а сам Создатель молчалив, как малютка Ольгерд.

– Наследник до сих пор не говорит?

– Не говорит и не будет. Сейчас в Эйнрехте слышно только Фридриха и Гудрун.

Огромные руки откупоривают флягу. Тюрэгвизе пахнет дымом, полынью и чем-то еще.

Видимо, войной. Готфрида нет, есть Фридрих... Для подобной новости лучше бы подошла «пьяная» ночь, но Хайнрих предпочел не «проговориться», а сказать.

– Ваше величество, если рамку дополнить четырьмя коронами, она лишь выиграет.

– У моих ювелиров не будет времени. В Липпе меня встретит гонец. Фридрих станет требовать развода. Он его получит, если признает свою вину. Каплун паршивый, четыре года – и ни единого ребенка! В моем доме женщины умеют рожать, в доме Зильбершванфлоссе единственный мужчина – сестра Готфрида, но ее сыновья уже Штарквинды. Перемирие между Талигом и Дриксен заключат кесарь Иоганн и...

– Регент Талига, – невозмутимо продолжил Лионель.

Хайнрих сдвинул брови.

– Регентство – зло! – изрек он. – Корона не должна расставаться с мечом, особенно в дурной год. У Талига и Дриксен головы нет, у церкви тоже, а лето даже не перевалило за половину. Алва, если он жив, примет корону? Малолетний Карл – это смешно.

– Алва, если он жив, сделает то, что нужно Талигу.

– Талигу нужна голова, но Алву на свободе никто не видел. Следующий – Ноймаринен... но он стар для такого года. Третий в очереди – глава дома Савиньяк.

– Четвертый. Отречение Фердинанда недействительно. – А здесь Медведь тебя поймал. Забыть про сыновей Рудольфа – признать, что им не вытянуть. Ни Людвигу, ни Альберту... И это так и есть.

– Круг Олларов закончился. Варвар бы это признал, но варвары не носят маршальских мундиров.

Хитрый взгляд, очень хитрый, но Савиньяки лояльны Олларам, особенно при чужеземных королях.

– О конце круга Олларов первым заговорил эсператист.

– О конце Олларов сказали сами Оллары. Прошлой осенью. Король может быть победителем дракона, может быть драконом или... зверем попроще, только не каплуном. Около полуночи вы отошли к костру. Что вы видели в огне?

– Ничего. Я что-то упустил?

– Или я увидел то, чего нет. Полнолуние, алатская касера, конец Круга и похода... Этого довольно, чтобы камень показался глиной. Ваш офицер, тот, кто почуял обвал, мог что-то заметить, но он пьян так же безобразно, как и Лауэншельд. Я приказал отливать их водой.

– В Талиге подобное лечат подобным.

– Все подобное находится на нашем столе. Если ваши и мои вояки настолько безмозглы, что пьют касеру после вина, пиво после касеры и ничего не оставляют на утро, пусть умнеют.

– Я сожалею, но выехавший перед рассветом офицер получил приказ обеспечить доставку пива из Бергмарк.

Хайнрих захохотал и открыл флягу с тюрегвизе.

– Ха! – громыхнул он. – Это пиво утвердит наш договор окончательно!

3

Самым страшным, что мог вообразить себе Чарльз, был бы приказ немедленно сесть в седло и куда-то поехать, пусть бы и шагом. Чего боялись Лауэншельд, Реддинг и Сэц-Алан со Шлянгером, капитан знать не мог, но подозревал, что того же самого. Гости Ронсвикского Его Величества полка и любезные хозяева хмуро восседали за столом, на котором громоздилась казавшаяся издевательством *еда*. Жажду Давенпорт кое-как залил холодной водой, но голова трещала и не желала даже ругаться. Стараясь держать глаза открытыми, Чарльз слушал, как Шлянгер с небергерской страстью костерит «алатскую отраву», а длинный гаунау – полковых ординарцев, подчинившихся приказу «выставлять на столы все!». Отдавшего роковой приказ полковника не трогали, а вот уехавшего отравителя...

Уилер выкатил свое кошачье пойло и удрал к маркграфу, даже не прикоснувшись к пиву! Ночью он, как все люди, пел, плясал, стучал кружками по столу, лез на спор на сосну, а потом взял и ушел. Сперва на своих двоих, потом на четырех подкованных, бросив остающихся подышать... Это возмущало Реддинга, это осуждали бергеры, а гаунау явно не распространяли перемирие с Талигом на виновника всех бед, но тот уже скрылся за перевалом.

– Надо идти! – в шестой или седьмой раз заявил Реддинг и остался сидеть. Ординарец притащил какие-то ягодки. Зеленые с розовым, они приятно кислили, но прояснить голову им было не под силу.

– О! – Шлянгер ткнул пальцем в сторону гор. – Едут, негодяи... Едут и едут... И зачем?

Со стороны перевала по верхней дороге и впрямь что-то ползло. Рассмотреть незваных гостей было вполне возможно, но труба имелась только у Лауэншельда. Избегавший лишних движений полковник не торопился ее вытаскивать, а кавалькада приближалась. Растущие фигурки оказались лазоревыми, лишь впереди бурела парочка гаунау. Всадники вели в поводу низкорослых заводных лошадок и направлялись напрямик к ронсвикцам, о чем Лауэншельд и сообщил. Подчиненные полковника что-то буркнули и замолкли. Шлянгер поморщился, сидевший спиной к дороге Сэц-Алан даже не обернулся, Реддинг закашлялся.

– Бергеры, – зачем-то каркнул Чарльз и понял, что придется ехать. Вот сейчас и придется. Рядом с этими выпавшими и здоровыми... А всадники спешили, возились у временной коновязи, поглядывали на стоявшее почти в зените солнце. Хорошо бы Савиньяк до сих пор спал... Разговор с маршалом, особенно если тот в порядке, бесил заранее. Лучше уж трястись по горной дороге, да и на пограничном посту должно найтись хоть что-то, кроме воды.

– Господа! – Лауэншельд казался пародией на самого себя. – У нас... гости...

– Поручение маршала Савиньяка. – Омерзительно румяный бергер с омерзительной же ухмылкой обозрел союзников, врагов и соотечественников. – Пиво. Дюжина бочонков. Маршал Савиньяк благодарит Ронсвикский полк за гостеприимство. Маршал Савиньяк разрешает своим офицерам, являющимся гостями ронсвикцев, задержаться в Гаунау на один день.

– Благодарю. – Налитые кровью глаза Лауэншельда уперлись в бирюзового ангела. – Друг мой, прошу за стол. Если у вас, разумеется, нет другого приказа.

Ничего другого у спасителя не было. Только пиво – светлое! – и волчий голод. Бергер с чувством выполненного долга глотал холодное мясо; как оживают спасенные, он не смотрел.

– Господа, вы все еще утверждаете, что светлое пить невозможно?

– Бывают обстоятельства...

– У этих обстоятельств есть имя и фамилия.

– Господа, если вы встретите Уилера, убейте его!

– Взаимно!

– Мы не можем. Его величество подписал перемирие...

– Кто-нибудь помнит, что говорит Золотой Договор о выдаче отравителей?

– Золотой Договор околел... Ваше здоровье!

– Наше здоровье! Наше...

– Здоровье капитана... Друг мой, как ваше имя?

Незнакомый бергер, и сразу «друг»?! Лауэншельда понять можно, благодарность стирает любые преграды. Капитану сложнее. Услышать подобное от гаунау и не подавиться – для этого надо быть... бергером!

Спаситель не давился, но и не отвечал. Одно дело – доставить врагам пиво, другое – позволить за себя пить!

– Капитан, – к Реддингу вернулся не только румянец, но и смекалка, – как вас зовут?

– Норман Вестенхозе, господин полковник.

– Ба! В нашем полку служат двое Вестенхозе!

– Тезки – это к удаче... К большой удаче!

– Разыскать премьер-лейтенанта Вестенхозе. Немедленно.

– А пока за нашего гостя! Нашего сегодняшнего гостя...

– Капитан, пейте! Маркграф одобряет перемирие.

Головная боль отползает, словно туман в ущелье, тошнота уже прошла. Глупо было напиваться, но веселиться – то же, что бежать под гору, раз уж начал – попробуй остановись! Ведь знали же, что после касеры вино валит с ног, а пиво еще слабее вина.

– Самое страшное, – снял с языка мысль уже не столь похожий на выходца Сэц-Алан, – это мешать пиво с касерой!

– Просыпаться в пустыне хуже! В сухой пустыне...

– Самое страшное, – вдруг сказал Чарльз, – это ничего не мочь... Только смотреть...

– Ну так выпьем за то, чтоб мы могли! – очень серьезно произнес Лауэншельд. – Везде и всегда!

Глава 2

Сагранна. Бакрия. Талиг. Придда 400 год К.С. 1-й день Летних Ветров

1

«Это было печально», вернее, обидно. Впервые увидеть бакранских козлов не в летних пятнистых скалах, а скучной осенью на улочках Тронко не лучше, чем сорвать поцелуй под лестницей, когда есть соловьиный сад. Пришедший в голову образ Марселью понравился, но, увы, он совершенно не годился для дам. Виконт задумался, годятся ли для дам сами козлы. А почему бы и нет? Но девушка должна быть худощава и обязательно черноволоса. Блондинка или рыжая на козле покажется вызывающей, а шатенка слишком будничной, разве что выручат рога. Бакраны надумали раскрашивать своих красавцев, чтобы отличать десятников и сотников, но придуманное для войны часто становится модным. Пусть бакранские офицеры разъезжают на сине- и краснорогах, дамских скакунов можно и озлаторожить.

– *«Это будет шикарно, ты сидишь на козле и печально и страстно улыбаешься мне...»* — воспел предполагаемую наездницу Марсель и устыдился пришедшей в голову несуразицы, не только позорной, но и опасной. Сегодня рифмуешь «козле – мне», завтра наденешь белые штаны, а послезавтра изменишь любезному отечеству и не заметишь... Не заметил же он, как перепутал козла и коня. Пусть «коне – мне» по форме и пристойно, по сути оно неправильно, несправедливо и нарушает законы гостеприимства. То ли дело...

– *«Это было шикарно», – тихонько пропел Валме, – ты седлала козла и звездой незакатной в моем сердце взошла...»*

– Ась? – насторожился генерал Коннер, сопровождавший Рокэ с алатской границы.

– Пою, – объяснил Марсель. – От избытка чувств. Высокие горы, высокие чувства. Они требуют выхода.

– Это точно, – засмеялся Коннер. Генерал Марселью нравился, еще когда ходил в полковниках. Бывший адуан отменно знал Варасту, любил Алву, Талиг и волкодавов и являлся прямой противоположностью покойному Килеану. Был бы варастиец еще не столь доверчив! Валме никогда не отказывался от похвал, но предпочитал, чтобы хвалили именно его, а не сиропные выдумки. Это покойникам все равно, когда их обсыпают сахаром, живые должны защищаться! Марсель пытался – толку-то! Младший Шеманталь с достойным Дидериха талантом расписал похищение Ворона и вопли на бастионе, после чего к Валме прилип ярлык очумелого храбреца. Не спасла даже Рассанна. На переправе виконт честно признался, что терпеть не может паромы. Адуаны проржали над «шуткой» до самого берега. Хорошо, в горах не утонешь. В горах вообще хорошо.

Валме запрокинул голову, разглядывая дальние золотящиеся снега. Есть красота, хихикать над которой могут лишь полные бестолочи. Сагранна была прекрасна до

неистовства. В таких краях и под такими небесами не захочешь, а произойдешь от барса или козла, потому что козлы на скалах – это великолепно!

– Не бакранам на них ездить можно? – не выдержал Валме.

– А как же! Они, конечно, кого попало к рогачам своим не подпустят, но кто Бакре угоден, тот и козлу хорош. Я-то сам не пробовал, не до того, а вот парни, что козлятников по-нашенски воевать учат, за два года насобачились, о-го-го!

– Я бы тоже попробовал. Если никто не восплачет...

– Вы ж при Монсеньоре, а он для бакранов поглавней их Бакны будет. О, Симон! Ты откуда?

– Так что, господин енерал! – оттарабанил незнакомый и пыльный, как десяток мельников, адуан. – Письмо до господина капитана. Срочно! От южного Примпердора.

Папенька-примпердор расстарался аж на восемь листов. Новостей хватало, по большей части вполне приличных, но к ним, как палач к куаферам, затесалось известие из Олларии. Балбес Окделл зарезал королеву, и Марселью Валме предстояло объявить об этом Ворону.

– Гадство! – с чувством сообщил новоявленный черный вестник сощурившемуся Коннеру. – Не у нас, в Олларии. А докладывать мне.

– А надо? Докладывать то бишь? – усомнился «енерал». – Может, обождать до осени, чего голову Монсеньору пакостями забивать? Или нет?

– Дидерих его знает! Если б мы еще не к ведьме ехали...

– Да уж, жабу их соловей! Нагадают невесть чего, а потом думай, откуда хвост вырос! А с другой стороны глянуть, так с пулей, что *уже* засела в заднице, хоть бы и своей, проще, чем с пулей в чужой пулелейке. А ну как в лоб или в брюхо всадят?

– Скажу, – решил Валме, высылая коня. Серебристые то ли неколючие сосны, то ли некорявые акации ловили солнце, хихикала мелкая безопасная речка, красовались на верхней тропе бакранские всадники. Поход продолжался, а женщина, которую связывали с Алвой, умерла, и как же нелепо! Влюбленный мальчишка с ножом – это как поскользнуться на упавшей сливе, но ведь поскользнулся же шлемоблещущий Касмий! Спасая честь анаксии, Иссерциал превратил сливу в выпущенную гайисскими супостатами змею, но это была слива! И это был Окделл, которого Эпинэ укладывал спать, а он вопил про свою «ковалеру»... Вопил, любил, убил... Считалка какая-то! Иссерциал со сливой, детки со считалками и поганая сказка, так и норовящая пролезть в жизнь.

– Монсеньор! В смысле, господин регент...

– Да? – Ворон придержал лошадь, вынуждая ехавших рядом Шеманталей и морисское чудище продолжить путь без него.

– Что ты думаешь о сказочном дураке, которого Смерть гоняла к королю с новостями?

– Ему нравилось разносить гадости. За что и поплатился.

– Сплетничать нравится многим, – кивнул Марсель, – но мне как-то разонравилось. К несчастью, эта дура меня не спрашивает. Я имею в виду Смерть...

– Ну и кто у кого умер? – поднял бровь Ворон. – Помнится, между конем и самим королем были жена и дети.

– Ты уверен, что у тебя их нет?

– Кто умер?

– Ее величество Катарина.

– Странно...

– Странно?!

– И не вовремя. Ребенок тоже?

– Жив. Назвали Октавием. Симпатично и с намеком. Будешь читать письмо?

– Оно большое?

– Восемь листов.

– Вечером. Вы ведь были знакомы с детства?

– Не слишком близко, но графиня Ариго держала меня за жениха. Меня и Савиньяков. Потом перестала, а чуть более потом умерла Магдала Эпинэ. Папеньку это совпадение

весьма занимало. Тебе посочувствовать?

– Мне – нет, Талигу – безусловно.

– Талигу я посочувствую на бастионе, ведь полезем же мы на какой-нибудь бастион...

Рокэ, это проклятье или нет?

– Если и проклятье, то не мое. Или я этого еще не понял.

– Катарину убил Окделл. Отец пишет – из мести, но он этого Повелителя не видел.

Мсть в него просто не влезет.

– Хорошо, – одобрил непонятно что Алва. – Давай письмо.

2

Когда на тебя вот-вот навалятся превосходящими силами, нужно точно знать, что творится за спиной. В этом генерал Ариго был полностью согласен с командующим. Неудивительно, что свой теперь уже чисто конный корпус Жермон вел к Мариенбургу так быстро, как только мог себе позволить, не подвергая излишнему риску лошадей. Генерала подгонял приказ и – в куда большей степени – собственные страхи. Пока шла осада Доннервальда, Бруно не спешил отвлекаться на другие цели и не поддавался на уловки талигойского маршала. Если называть вещи своими именами, «гусь» переигрывал фок Варзов по всем статьям, и старик уже не был столь уверен, что быстро и правильно разгадает намерения дрикса. В отличие от Бруно, раскусившего уже второй маневр фок Варзов, пытавшегося отвлечь врага от добычи.

Варзов знал местность. Знал, где «гуся» могут остановиться, если решат ждать противника на выгодной для себя позиции. Но нет – фельдмаршал не остановился, а быстрым маршем двинулся навстречу. Спасибо «фульгатам», предупредили вовремя. Варзов понял, что враг настроен решительно. Численное преимущество, и приличное, было за Бруно, вот он и стремился к сражению, в котором не без оснований рассчитывал на успех. Варзов попробовал обойти противника, увести в сторону, но не получилось: маневр раскусили. Теперь уже Бруно грозил обойти Вольфганга и прижать к Хербсте, что пахло катастрофой... Пришлось талигойцам устраивать себе затяжной марш, возвращаясь на удобные для обороны тармские холмы. Бруно к Тарме не пошел, атаковать там ему было неинтересно, и все вернулось на исходные позиции.

Три недели маневров прошли практически без толку. Осадные работы затормозить не удалось, отвлечь дрисков от Доннервальда и утянуть за собой куда подальше – тоже, а уж теперь...

Жермон приподнялся на стременах, из-под руки всматриваясь в чуть холмистую, радостно зеленую даль. Никаких сюрпризов не ожидалось, просто напряжение требовало хоть какого-то действия.

– Мой генерал, труба.

У Жермона имелась собственная труба, не заметить этого Арно не мог. Просто парню захотелось поговорить.

– Давай! – Ариго навел окуляр на видимый безо всяких приборов то ли холм, то ли курган, намеченный для короткого полуденного отдыха. – Никогда не думал, что в Придде столько курганов... Когда мы уходили от Печального, нарвались на целую россыпь... С подвохом. Будет забавно, если и тут вспугнем каких-нибудь «Забияк».

– Прикажете проверить?

Юный герой, надежда Талига, рвется вперед. Ничего, обойдется.

– Баваар проверит, – безжалостно пресек поползновение Жермон. – Тебе нравится, когда проверяют *тебя*?

– Нет!.. мой генерал.

Ойген сумел бы развить мысль должным образом, сделав ее незабываемой, Ариго подобными талантами не блистал. С Валентином было проще, наверное, потому что Придд был там, где хотел, а вот малыш Арно... Он в самом деле показал себя неплохим

разведчиком, Давенпорт ему не мешал, а потом пара генералов и один маршал загнали парня в штаб.

– Мой генерал, разрешите спросить.

– Валяй!

– Я хотел бы узнать, что вы думаете... Не о полковнике Придде, – Арно старательно улынулся, – о вашем последнем рейде. Вчера вы заметили, что он вышел пустым.

Решил заняться стратегией. Неплохо. Теньенты должны обсуждать генералов, только тогда они станут таковыми, а Савиньяк-негенерал может быть только маршалом.

– Мы опоздали, Арно, а вот «гуси» сработали быстро. Мы нашли на месте переправы оставленный лагерь... Так что зря я удивлялся дриксенской запасливости и количеству подготовленных понтонов.

– А другие?

– Что другие?

– Другие ничему не удивлялись? Им как будто так и надо, да? Я же не слепой... Вы не хотели уходить на Язык и не верили, что Бруно будет воевать по Пфейтфайеру!

Так, похоже, малый штаб в лице трех теньентов и одного полковника не дремлет.

– Бруно воюет по Павсанию, – проверил догадку Ариго.

– Простите! По кому?

– Есть такой стратег, – туманно объяснил Ариго и внезапно хихикнул, вспомнив явившегося в бреду ежа.

Арно сдвинул брови и поправил обреченную шляпу. Значит, Придд молчит. Это Арно соизволил убраться в мешок субординацию и выпустить на волю фамильную дружбу. Как прошлой осенью на дороге в Вальдзее.

– Мой генерал, кто поведет армию, если... если маршал заболит? Вы?

– Фок Варзов здоров, теньент Савиньяк!

– У него давно плохо с сердцем, и он проигрывает. Мой генерал, я ни с кем об этом не говорю, но я... Я именно что Савиньяк... В нашем доме... невозможно не разбираться в некоторых вещах! Бруно прет вперед, мы пятимся. Нас обманули с переправой, застали врасплох и чуть не разгромили, хорошо, Ансел подоспел. У нас ничего не вышло с Доннервальдом, мы же гарнизон... просто бросили. Вас погнали в рейд. Без толку, теперь опять... А если Бруно что-нибудь еще выкинет, а вас при основных силах не будет?

– Не делай из меня Алву.

– Я не делаю! Маршал Алва другой... Он лучший из всех, но его здесь нет. Есть вы. И вы тоже под дудку Бруно не пляшете.

– Пляшу, потому что дриксов больше и у них есть резервы. Ты про рейд спрашивал... У нас едва не вышел бой с дриксенским отрядом. «Гуси» подходили с востока и явно нацелились прижать нас к реке. Я заподозрил, что это не все вражеские силы, и от боя уклонился. Раз переправы нет, не будет и прущих через нее, значит, и рисковать смысла нет. Я попятился в Тарму и считаю, что правильно. Как и фок Варзов.

– Вы правы, – уперся большой стратег, – это маршал просчитался... Сейчас другое время. Я не про возраст, Бруно такой же...

– За Бруно вся Дриксен, – устало объявил Жермон. Спорить не тянуло, тянуло ссориться, вернее, орать и затыкать рот.

– Мой генерал...

– Приказать тебе за... молкнуть? – Вот ведь радость – днем затыкать таких вот «умников», а ночью таращиться на карту, пытаюсь найти нечто не найденное Вольфгангом. Не находить, но чуют, что оно есть. Есть, кошки его раздери!

– Мой генерал, – другой тон, теньентский, – опять драгуны Гаузера. Трое и «фульгат».

Курган послужил ориентиром не только для кавалеристов Жермона. Всмотревшись, генерал узнал Бабочку. Значит, Кроунер, и с ним чужаки. Очередные новости из Мариенбурга?

– Ты прав. – Ариго натянул поводья и поднял руку, давая знак старшим офицерам. –

Вряд ли стоит ждать хорошего, впрочем, не привыкать!

Не привыкать, это да, но тревога, возникшая при виде приближающихся всадников, удивляла. Даже не тревога, то напряжение, что накачивает перед боем. Словно не курьер навстречу рысит, а трубач, уже собравшийся трубить «Атаку».

– Мой генерал, от Маллэ.

Сержант. Еще молодой, лицо хмурое, неприветливое. С такой миной только гадости и возить.

– Кто такой?

– Сержант Натти, господин генерал. С письмом к командующему, маршалу фок Варзов.

– Что в Мариенбурге?

– У нас пока ничего, господин генерал. Все дрикссы – у Ойленфурта.

– Не взяли пока?

– Когда мы уезжали, держались. – В глазах сержанта мелькнуло некое сомнение, но понять, по какому именно поводу, Жермон не сумел. – Господин полковник Гаузер говорили, недолго осталось. Может, уже и взяли...

– Давай-ка подробнее.

– Так, господин генерал, я же сержант. Планов начальства не знаю. Вчера утром чуть не всех подняли, велели готовиться. И нас – тоже. К чему, зачем, не скажу, я раньше уехал.

– Донесение давай. Давай, я сказал, сейчас я тут вместо командующего.

Письмо было коротким: в городе и вокруг него спокойно, но, по данным из Ойленфурта, гарнизон сможет его удерживать не более трех дней. Генерал Маллэ принимает решение собрать лучшие свои силы и помочь осажденным пробиться из окружения. О результатах предприятия и добытых во время его проведения сведениях будет доложено незамедлительно.

Так, сигнал «Атака» чудился не зря. Будет и атака, и все, что полагается... Пожалуй, к самому прорыву не успеть, разве что Маллэ решит денек повременить, но это вряд ли – там внезапность важна. Значит, завтра к вечеру выйти к окрестностям Ойленфурта...

– Баваар, как по-вашему, до Ойленфурта мы в два дня доберемся?

– Если напрямик и гнать, можем и добраться... Но можем и с ходу напороться на «гусей». Ближе к реке, если с востока идти, совсем голые места.

Не можем напороться, а напоремся...

– Сержант, донесение я запечатаю, и скачите дальше. Заодно прихватите и мое. Господа, полчаса на отдых, и выступаем.

3

На этом уступе могли жить боги. Богам в горах самое место, особенно в таких. Рассеченный облачными ожерельями дальний хребет, рев потока, заступившие дорогу отвесные скалы – багряные, черные, золотистые... Стену стерегут причудливые обломки; усыпанные розоватыми ягодами деревца, нарядные, будто служаночки из хорошего дома, провожают гостей до порога, чтобы препоручить нацепившему двойную радугу водопаду... Да, боги могут здесь жить, но не живут, иначе б кошки с две сюда пускали Премудрую Гарри.

Старуха напоминала о столь любезной дуракам и дурочкам нелепице – дескать, женская мудрость идет рука об руку с уродством. Чушь! С уродством никто на прогулку не отправится. Премудрая должна быть такой, как Франческа, если ее одеть по-бакрански и посадить на черного козла с золотыми рогами. Такой Премудрой не только приятно являть свою волю, но и гадость возвещать не захочется, а бакраны посылают к богам старых гримз, вот и допрыгались до Полвары.

– Обалдел? – Коннер гордился бакранами и Бакрией, как овчарка – отарой. – Тут обалдеешь... О чем думаешь?

– О том, что розовое с зеленым пошло на людях, но не на деревьях. Эти ягоды едят?

– Абехо-то? Тергачи здешние клюют за милую душу, а люди – кто как... Яги, пока их бириисцы не перерезали, из падалицы винишко гнали. У них оно навроде святой воды было. А бакраны, жабу их соловей, абехо сушат и на свадьбах заваривают для молодых, ну и суд у них ягодный... Слыхал?

Политес требовал сказать, что не слыхал, но это было бы слишком наглым враньем, и Валме просто любопытствовал, чего ждать сейчас. Оказалось, ничего страшного. Рокэ наберет у водопада воды и выльет на алтарную плиту. Опасным это не казалось, но кто этого Алву разберет? Когда грозился, не упал, а теперь возьмет и свалится. Богобоязненные бакраны, чего доброго, решат, что так и надо... Ни Гарра, ни морисский старик маршала не удержат, зато Валмон для особых поручений – вполне.

Марсель подмигнул Коннеру и полез за Вороном. Сперва к водопаду, а потом назад, по вырубленным в скале преотвратным ступенькам. Будь цело пузо, виконт проклял бы все сущее уже на середине лестницы, но пузо хозяину изменило, и тот благополучно достиг алтаря.

Черное обсидиановое зеркало смотрело в глаза небу. На нем не резали козлов и не возжигали огонь. Не было даже цветов, хотя дрожавшие над пропастью алые и белые колокольчики словно просили, чтоб их куда-нибудь возложили.

– Уходи! – бросил Алва.

– А что я буду рассказывать Коко?

– Тогда *не* уходи.

Солнце коснулось дальней острой вершины, только коснулось... Гарра воздела руки и завопила, Бакна Первый и его наследник приложили ладони к щекам и отшагнули назад, оставляя у алтаря Алву с мориском и ведьмой. И Марселя.

Ведьма крикнула еще раз, позади грохнуло и зазвенело – почетный бакранский караул колотил мечами о щиты. Рокэ, держа в руках кожаное ведро с довольно приятным узором, слушал неожиданно звонкие вопли. Марселя не гнали. Он стоял и смотрел. Не на Гарру и не на Алву – на окружавшие алтарь козлиные черепа, что казались совсем не козлиными. Они, их жабу и даже рыбу кто-нибудь, словно выросли из земли вместе со своими шестами и теперь таращились на уходящее солнце. Очень неприятно таращились.

Несмотря на изысканное общество и яркий свет, стало неуютно, куда неуютней, чем в полночь в Нохе. Валтазар был чем-то привычным и законным, о нем даже в трактатах писали, надорскую трагедию Валме лично не наблюдал, а тут со всех сторон лезло нечто древнее, то, над чем они с Франческой пытались смеяться, то, что спало в озерах Гальбрэ...

Алва шагнул к алтарю, Марсель не отстал. Плеснуло. Упало на щебень пустое ведро, зашуршало каменным ящером. По черной плите растекалась вода. Мокрый обсидиан злобно блестел, отражая солнце и четыре смутные фигуры. Валме покосился на небо – светило расселось на вершине, как на троне или... на зубцах треклятой башни, спасибо, вокруг никто не вился. Птичек бы Валме не перенес.

За спиной опять грохнули мечом о щит, на этот раз расстарался кто-то одинокий. Ведьма вытянула сухие лапки над плитой и заголосила пуще прежнего. Алва четко произнес нечто непонятное и, преклонив колени, положил ладони на камень. Зрелище было еще то... Вцепившийся в гору сверкающий шар, рогатые черепа и глядящий в черное никуда мужчина. Их здесь торчало четверо, но камень теперь видел лишь одного. Ни Гарры, ни мориска, ни собственной физиономии Марсель в зеркале не наблюдал, хотя стоял совсем рядом, а из-под рук Рокэ... из-под левой руки... расплывалось багровое пятно. Темное, с алыми прожилками, как сгорающее письмо, оно захватывало алтарь, и тот исчезал и при этом оставался, будто в каменные границы кто-то загнал вечерние облака. Облака клубились, напозлали друг на друга, но черные ребра, единственное, что еще оставалось от плиты, не давали им распознаться, а потом в закатном вареве что-то возникло. Похожее очертаньями на козлиный череп, оно пыталось вырваться из-под кипящих туч, а те все сильнее наливались кровью, темной, уже неживой. Черно-красная мешанина вызывала головокружение, но Валме не отводил взгляда, пытаясь запомнить пожирающие друг друга тени. Облачная собака... Что-

то вроде фельпского «ызарга»... Бык с необычайной головой... Сова или очень толстый орел... Непонятная птица взмахнула крыльями и развалилась надвое, давая волю черному пятну, медленно открывавшему золотые глаза...

– Рожа! – брякнул, наплевав на все ужасы и ритуалы, язык виконта. – Опять Рожа... У, мерзость!

Глава 3

Талиг. Оллария. Талиг. Придда. Сагранна

400 год К.С. 1–2-й день Летних Ветров

1

Красная капля на белом притягивала взгляд. Она была единственной и яркой, как драгоценность. И еще непонятной. Что-то кольнуло запястье, недовольно пискнул копавшийся в своих коржиках Клемент, Робер поднес руку к глазам, и на едва начатое письмо капнуло. Иноходец вытащил платок и вытер руку. Подождал. Ранка, хоть и открылась, кровоточить раздумала. Клемент вылез из хлебницы и подошел поближе, но на письмо не полез. Робер на всякий случай обвязал запястье все тем же платком и понял, что работать не может. И говорить не может, и думать. Нужно было ехать. Немедленно! Скакать. Нестись. Лететь.

В приемной чего-то ждали кавалерист и пара негоциантов. Кажется, Робер их приглашал. Или не их? Вскочивший адъютант принялся напоминать, Робер, почти не соображая, бросил: «Потом» – и выбежал. Дракко стоял в конюшне, и Эпинэ изменил полумориску, вскочив на топтавшегося у стены жеребца Сэц-Арижа. Адъютанта видно не было.

– Разыщите Жильбера! – велел Робер открывшему рот часовому. – Пусть приведет Дракко к Капуль-Гизайлям.

Часовой что-то крикнул, и Эпине вылетел за ворота. На улице былолюдно, пришлось придержать коня. Что он едет в Ноху, Эпинэ сообразил, лишь проскочив Ружский дворец. Дворец, из которого увозили Алву. Дворец, где слишком многое встало на свои места...

Впереди звонили колокола, напоминая о вечерней службе. В распахнутые ворота аббатства вливался хилый людской ручеек – эсператистов в столице не прибавлялось. Караул пропустил Проэмперадора во Внутреннюю Ноху, и не подумав расспрашивать. Помнящая смерть Альдо и кровь Айнсмеллера площадь была чисто выметена и залита еще не красным солнцем.

– Его высокопреосвященство на террасе, – объявил вновь обретающийся у Левия Пьетро. – Кормит малых сих.

Малые сии с писком и урчанием вырывали хлеб свой у ближних своих. Голуби лезли друг на друга, то и дело пуская в ход клювы и крылья. Между ними прыгали воробьи. Эти просто пытались ухватить кусок и упорхнуть. Альбину на богоугодное дело его высокопреосвященство, само собой, не взял.

– Что-то случилось? – Левий щедро одарил крылатую паству крошками и улыбнулся.

– Случилось?

– Вы выглядите встревоженным. Хотите шадди?

– Не откажусь. Если вы не заняты... Сам не знаю, зачем приехал. Это было какое-то наваждение... Я опомнился в седле, у Ружского дворца, и решил, что еду к вам.

– Мои покойные братья сочли бы вас одержимым, а меня – чернокнижником. Не желаете покормить птиц? Это смешит и успокаивает... Тот, кто определил голубя в символы ордена Милосердия, был преизрядным шутником или никогда не видел голубей. Невежество так трудно отличить от удачной шутки... Вы не находите?

– Не знаю, – пробормотал Эпинэ, глядя вниз на чистенькие светлые плиты. – Помните,

что тут творилось в день коронации? Когда Альдо отдал Айнсмеллера толпе... Головы... Они кипели, как... как какой-то суп...

– Мои пансионеры напомнили вам о казни? Что-то общее есть... Лучше достаться черному льву, чем... голубиной стае. Одна память влечет за собой другую... Тело Альдо не может оставаться в часовне бесконечно. Я предлагаю предать его земле без пышности, но и без надругательства. По эсператистскому обряду, сочтя последние слова покойного бредом. Вы вправе принять такое решение?

– Думаю, что да. Да! Альдо нужно похоронить, только где? В Нохе он хотя бы в безопасности...

– Вы опасаетесь мародерства или мести?

– И того и другого. Айнсмеллера нужно было казнить, только это была не казнь! Альдо все делал не по-людски, даже когда не хотел зла...

– Я еще не встречал множащих зло ради него самого. Мои собраты любили рассуждать о подобном, обвиняя во всем Врага, только зло, как выходец, без зова порог не переступит. Его и зовут, будто пса. Кто – чтобы зайца принес, кто – чтоб соседа искушал. Альдо призвал целую свору, но отдавать мертвое тело на глумление – лишь множить псов. Почему бы не вывезти покойного тайно и не похоронить, скажем, в Тарнике, написав на надгробии другое имя?

– Вы правы. – Мог бы и сам догадаться! И сделать, раз уж считался другом и назвался Прозмперадором. – Лучше не откладывать. Я пришлю солдат.

– Не нужно вводить их в искушение. И напоминать об убийстве тоже не стоит. Не смотрите на меня так. Вы достаточно знаете Карваля и лошадей, чтобы оценить картину, которую здесь застали. Даже если подпруга лопнула случайно... Карваль предан вам, но преданность не обязательно слепа. И не обязательно... исполнительна. Идемте пить шадди. Встречать закат – дурная примета.

2

Высоченная одинокая башня возникла то ли из ничего, то ли из ошалевшего летнего заката. Само собой, Жермон о ней слышал; о ней слышали все, но теперь сказка встала перед глазами. Поднялся ветер, заржала чья-то лошадь, и началось...

Докладывавший Кроунер заткнулся на полуслове и сложил указательный и безымянный палец, Арно остолбенел, Карсфорн схватился за эсперу, а Жермон – за трубу. Успей генерал подумать, он бы не наставил на призрак окуляр и не увидел бы изгрызенных непогодой камней и опускавшейся на верхнюю площадку хищной птицы. Ариго опустил трубу, морок отдалился, словно в самом деле был башней, но птицы не пропали. Они кружились над зубцами и наверняка орали, на закате птицы орут всегда.

– Посмотрите в трубу, Гэвин. Оно того стоит.

Начальник штаба трубу поднял, но эсперу не выпустил, так и застыл. Вышло смешно. Золотые холмы были полны теней, криков и ржания. Величие небес и земная суэта, впечатляющее сочетание. И оскорбительное.

– Спокойно, – велел всем и себе Ариго. – Спокойно. Эту дуру видела куча народу... Столетиями видела, и ничего. Гэвин, приглядите за лагерем. Арно, Кроунер, за мной!

Он боялся, что башня исчезнет до того, как они выберутся из лагеря, но одинокий черный столб все еще ждал красное солнце. Ставший горячим ветер бил в лицо, снося лагерный гам к востоку, созревающие травы шли волнами, крутые холмы, близнецы кургана, что корпус миновал в полдень, казались островами в неведомом море. Жермон послал Барона в галоп, увлекая за собой спутников. Они стали бы хорошей мишенью, окажись поблизости чужаки, но Баваару можно было доверять. Словно в ответ, откуда-то выскочил разъезд, понесся рядом. Хороший солдат будет делать свое дело хоть в Закате!

Башня не приближалась и не отдалялась, солнце почти улеглось на древние зубцы, небо стало ровным и алым, будто поле герба. Только леопарда не хватало. Или молнии...

Жеребец поднапрягся и взлетел на вершину; Жермон набрал поводья, сдерживая не коня, а себя. Желание мчаться дальше, пока Барон может бежать, пока бьется сердце, становилось нестерпимым и непозволительным. Для генерала.

– Мы... мы разве... не скачем дальше?

– В Закат собрался?

– Да!

Шалая, блаженная улыбка. Глянуть бы сейчас на себя...

– Мы идем на помощь Маллэ, а это, Арно... Это просто запомни.

– Мой генерал...

– Теньент Савиньяк, спокойно!

Удержался бы он сам, если б не корпус и не война? Если б рядом не гарцевал Арно, не сопел Кроунер, не кружили помнящие свое дело «фульгаты»? Не удержался бы. Но командующие не гоняются за ветрами, они торчат на вершинах и смотрят в зрительные трубы. Жермон так и сделал и больше не отрывал взгляд от огромного алого шара. Он не взялся бы сказать, сколько это продолжалось, хотя вряд ли больше нескольких минут. Нет, солнце не зашло, оно просто погасло, как погас бы... маяк?! От алого полотнища уцелела лишь узкая полоса... Будто лента или маршальская перевязь. Маршалы Талига носят цвета королевы. Цвета Ариго... Катарина мертва, но перевязи еще долго будут алыми... Лет двадцать, не меньше.

Странная боль заставила стянуть перчатку. Жермон взгляделся и присвистнул. Запястье кровило, но как и когда он умудрился порезаться, генерал не помнил. В перевязке подобная ерунда не нуждалась, Ариго по-бергерски лизнул ранку и сунул руку во внутренний карман, пальцы сами нащупали вытасченный в Излом камешек, «утреннюю звезду», как назвал его Ойген. То ли счастливый – не убили же, то ли, наоборот, притянувший дурацкую пулю.

– Господин генерал, так что разрешите спросить. – Опомнившийся Кроунер уже истекал любопытством. – Че это было?

Чудо это было, но Кроунер хочет чего-то «умственного», чудо ему неинтересно.

– Академики говорят, оптическое явление.

– *Ап-ти-чес-кое*, – с наслаждением повторил новое слово разведчик. – *Ап-ти-чес-кое*, значит, а ведь начнут: морок, морок... Балбесы!

3

Серьезных разговоров Марсель не начинал никогда. За него это делали беременевшие за какими-то кошками любовницы и сидящие на мели однокорытники. Даже представить, как ты подходишь к приличному человеку и принимаешься на него наседать, было противно, но куда деваться? Рожу требовалось разъяснить, и Марсель небрежно спросил:

– Что ты видел в этом тазу?

– То, что когда-то было, – вяло откликнулся Алва. Он лежал на спине и глядел на луну. Пахло дымом от охранных костров и чем-то горным, то ли травами, то ли какой-то особенной водой.

– Оно хоть стоит того, чтоб на него смотреть?

– Оно впечатляет, но ты был бы недоволен. Тебе нравятся цветочницы и собаки.

– А тебе показали золотарей и кошек? Если кошек, я не против, хоть они и портят папенькины клумбы... Собаки, кстати, тоже. Лично я видел Рожу, и она мне опять не понравилась...

– Ты видел?! – Алва рывком перевернулся на живот. По крайней мере, он был здоров. – Что именно?

– Говорю же, Рожу. Гальтарскую, я про нее сорок раз рассказывал. Она вылезла из облаков и заблестела. Облака были красные и довольно противные, но держались в алтаре. От него только ребра, или как это дело геометры называют, и остались, вот в них и клубилось. Рокэ, ты только и делаешь, что пугаешь и темнишь, теперь, будь добр, объясни.

Мне эта маска не нравится, и я не желаю на нее лишний раз любоваться. Да, на всякий случай, я за тобой лез и лезть буду, даже если мне покажут четыре Рожи...

– Рожа предпочитает тебя. Ее не видели ни я, ни Гарра, ни Шелиах...

– Это чудище зовут Шелиах? Не прошло и двух месяцев, как ты его представил.

– Его зовут длиннее, но нам хватит и Шелиаха. Гарра смотрит в глаза Бакры всю жизнь, я – второй раз, ты и Шелиах – первый. В прошлый раз со мной был Окделл, этот упал в обморок.

– Значит, я был прав, – удовлетворенно произнес Марсель, – от этого падают... Что видел Окделл?

– Тогда я решил, что мы оба видели Леворукого. Теперь я в этом не уверен... В любом случае, придя в себя, Окделл ничего не мог вспомнить. Гарра всю жизнь видит какие-то тени и читает по ним будущее. Или думает, что читает. Создания бакранского царства Премудрая не разглядела, правда, колдовала она тогда на плохоньком алтаре в Полваре, а не у священной горы. Здесь у нее дела пошли лучше. Догадаться, что бириссы по весне попробуют отыгаться, можно было и без Премудрой, но старуха сказала, что Бакра им не позволит. Он и не позволил – самых непримиримых завалило прямо на месте их сходимости, уцелевшие раскаялись и поползли служить Лисенку. Теперь она вновь узрела обвалы и считает, что они опять начнутся. Шелиаху показали молнии над Агарисом, ему понравилось.

– А ты что видел?

– Гальбрэ. Сперва живую, затем – мертвую... Озера только что родились и смотрели на луну, а она смотрела на них. Я едва не поверил в ночь, и тут ты крикнул про Рожу.

– Извини.

– Вряд ли я бы увидел что-то еще. Меня, как и Шелиаха, занимает «скверна». Старика вернуло в Агарис, меня занесло в Гальбрэ, жители которого что-то натворили...

– Возвели храм Леворукого, – припомнил рассказ Франчески Валме, – и решили отложиться от Гальтарской анаксии.

– Так говорят в Фельпе. Когда мы болтали на стене, я считал, что дело в мятеже и нарушенных клятвах, а Леворукого приплели для красоты позже – во времена птице-рыбодуры ни про него, ни про Создателя и речи не было. К наказанию за мятеж можно подтащить и Надор с Роксли, но с Врагом Мирабелла сделок уж точно не заключала... Так что обвалы обвалами, а скверна – скверной. Мориски грешат на Паону, я почти уверен в Олларии, но с Агарисом сомнений нет ни у них, ни у меня.

– Ты о крысах?

– В том числе. Были и другие признаки. Хорошо бы Альберт Алатский постарался и нашел магнуса Славы, тот должен знать не меньше Левия.

– Левий так много знает?

– Его не удивили мои припадки, потому что он видел похожие. Эсперадор Адриан унес в могилу немало, но скрыть свою болезнь не мог. У него были те же кровотечения, и началось тоже с мелочи. Левий в Багерлее оказался столь любезен, что отвел тюремщикам глаза, подсунув окровавленный кинжал, но, выставив Эпинэ, рассказал, что меня ждет через несколько лет. Я управился за пару месяцев... Или я слабей эсперадора, или в Олларии грязней, чем в Агарисе, но крысы пока на месте. Впрочем, они могли уйти из-за смерти Адриана, а я пока что не умирал.

– Ты в этом уверен? – брякнул Марсель и понял, что не так уж и шутит.

– Уверен. – Алва тоже не шутил. Кажется... – Либо смерть ничего в нас не меняет, что исключено, либо я жив.

– У Эпинэ тоже шла кровь, – вспомнил болтовню Коко Марсель. – И он несколько дней валялся без сознания... После Доры. То есть не совсем после Доры, сперва на него у Марианны напали «висельники». Она, знаешь ли, собиралась обменять тебя на Робера.

– Женщины держат за должников либо весь мир, либо себя. – Рокэ сел и потянулся за флягой. – Баронессе не стоило рисковать.

– Как сказать. Эпинэ она поймала, хоть и несколько иначе, чем собиралась. Теперь нам

вряд ли светит что-то, кроме карт и закусок. Немного жаль... Не люблю оказываться прошлым.

– Хуже, если прошлое оказывается тобой. Тем, кого проклял Ринальди, не следовало оставлять потомства. Хорошо хоть Раканов больше нет.

– Ты уверен? Альдо не походил на монаха... Или бастарды не считаются?

– По гальтарским законам считаются, но известный тебе молодой человек в лучшем для него случае вел род от маршала Придда.

– Так ему и надо. Этот Шелиах уже все видел или ты его и дальше потащишь?

– До Барсовых Врат. Он узнал достаточно, но толку мало. Паону мориски в любом случае разнесут. По их мнению, это должен был сделать я еще года три назад.

– Ну и сделал бы.

– Я служил Фердинанду и слишком много думал о своей персоне, а проклятье принадлежит не только потомкам Беатрисы и Лорио. Судей у Ринальди было много, и все сказали «виновен». Очень похоже, что зря.

Глава 4 Талиг. Придда 400 год К.С. 2-й день Летних Ветров

1

Сегодня корпус будет драться. Сегодня. Скоро. Совсем скоро. Над тем, откуда взялось это знание, Ариго голову не ломал, просто всякий раз, когда колонна выходила из очередной роши на открытое пространство, генерал внутренне подтягивался. До Ойленфурта оставалось часов шесть пути, в другое время они бы оказались у городских ворот задолго до заката, но сейчас торопиться следовало с оглядкой, да и входить в город было без надобности. Корпус спешил на помощь Маллэ, в свою очередь выручавшему остатки гарнизона, а генерала еще требовалось найти.

В зеленой стене замелькали светлые прорехи, и с утра ехавший чуть ли не с разведчиками Жермон придержал Барона. Минута, другая... Чего Баваар тянет? Фыркнул, звякнул железом неутомимый – а другого бы Ойген не подарил – жеребец, и тут же отмахнулся от чего-то летучего и жужжащего Арно.

– Овода не поделили? – пошутил Жермон. Арно радостно рассмеялся.

Обещанный на закате ветер всюду трепал кроны, но внизу было почти тихо. Чего они там возятся, куда пропали? Генерал прождал четверть вечности, когда из перелеска вынырнули шустрые фигуры. «Фульгаты». Наконец-то! Ариго чуть прищурился, разбирая сигнал. Да, «Чужих не видно».

«Не видно чужих»... «Не видно...» Нет их тут, ясно?

– Карсфорна ко мне! И Лецке... – А зачем? Ведь все спокойно. Или господину командующему после вчерашнего везде призраки чудятся? Призраки и Павсании.

Один из разведчиков, оставив товарищей, галопом понесся навстречу начальству. Не видно чужих, говорите? Ну-ну! Кто-то из свитских протяжно присвистнул. Жермон обернулся. Молчат и смотрят. Напряжение дождем проливалось на застывшую кавалькаду, пробирая каждого офицера до костей. Так бывает перед боем, но ведь пока ничего не ясно. Точно, башня. Видели все, дергаются тоже все.

«Фульгат» уже рядом. Капрал-мараговец, друг и соперник Кроунера. На первый взгляд цел и свеж, следов схватки не видать ни на всаднике, ни на его буланой. Помнится, кусачей...

– Господин генерал, чисто! Тут чисто, но дальше, за холмами, – стрельба, и много. То залпами, то так, вразнойбой. Пушек не слышно.

– Далеко?

– Полчаса, если прямо. Дальше мы дорогу не проверяли.

Стрельба, значит, и много... Это вам не мираж и даже не обозная колея.

– Скорей всего, господа, это именно то, о чем доносил Маллэ, – попытка вывести гарнизон из осажденного Ойленфурта.

И так ли важно, пробиваются еще туда или уже оттуда. Бой в разгаре, так что успеваем... На этот раз успеваем. Вряд ли дриксенский западный корпус тут весь; будь так, были бы слышны пушки. Кесарцы крупными силами без артиллерии ходить не любят, и правильно делают. Артиллерия – это полезно, но воюют и без нее... Три тысячи хороших кавалеристов способны на многое, особенно если подобраться поближе.

– Дриксы? Где? Сколько?

Карсфорн недоволен. Ну, на то он и начальник штаба, чтобы бурчать, уточнять и удерживать.

– Терпение, Гэвин. Скоро узнаем и попробуем преподнести «гусям» сюрприз. Не все же нам удивляться, пора и удивлять. Капрал, возвращайся к своим. Передай – смотреть лучше! Еще лучше. Обнаружите хоть ежа, немедленно сообщайте. Гэвин, отправьте дополнительные разезды на фланги. Возможны неожиданные и не очень желанные встречи. И не говорите мне об остор... об артиллерии.

2

Первым спрыгнул с лошади генерал, но вторым был Арно, не отставший от начальства, несмотря на все происки кустарника, в который они въехали. Ветки так и норовили ткнуть в глаз или накормить гусеницами, но с наблюдательным пунктом Ариго угадал – из зарослей открывался отличный вид на разворачивающееся в полухорне действо. Им все-таки удалось незаметно подкрасться! Кто бы сомневался, но не тенъент Савиньяк! Вчерашний закат не мог не предвещать удачи, а значит, погони!

Тысячи четыре талигойцев в мундирах разных полков, в большинстве своем пехота, о подкравшейся удаче еще не знали и пытались унести ноги от наседавших дриксов. Получалось, мягко говоря, не очень. «Гуси» – на первый взгляд до полка легкоконных, но на дальнем фланге тоже что-то мелькало – висели у отступающих на плечах, норовя отгрызть от общей кучи самых нерасторопных.

Отбиваясь от обнаглевших преследователей, отступающие успешно преодолели обширный луг и... ткнулись в скрытый зарослями овраг. Не торский, вестимо, но с ходу не перейдешь. Пришлось развернуться вдоль кромки и оборотиться к дриksam. Стрельба затрещала с удвоенной силой, плотный огонь пришелся кесарским кавалеристам не по нраву, и они откатились, ожидая приотставшую пехоту. Та как раз объявилась на противоположном конце луга. И четверти часа не пройдет, как доберется до оврага... Нет, все же побольше! То ли «гуси» устали, гоняясь с утра за фрошерами, то ли уже наклевались свинцового гороха, но в драку они особо не рвались. В лес за талигойцами они бы вряд ли полезли, но овраг не оставил выбора ни синим, ни черно-белым.

– Молодцы, держатся, – пробормотал проломившийся сквозь заросли Лецке. – Кажется, Второй Марагонский...

– А за ними – мушкетеры из Манро, – не оборачиваясь, согласился генерал. – Стояли как раз в Ойленфурте. Что ж, господа, положение ясное... Яснее не бывает. Прорыв состоялся, и «гуси» преследуют тех, кто вырвался. Арно, разведчики не вернулись?

– Нет, мой генерал. Разрешите, я их найду... – А где их искать, кошек закятных?! Тьфу, да вот же они! – Прошу простить, разведчики появились, справа, в лощине...

Даже самый боевой генерал не дерется сам. Разве что влипнет, как влипали в начале Двадцатилетней. Такого нам не надо, но торчать в адъютантах хоть бы и у Ариго, когда люди дерутся?! Спасибо зануде-бергеру, удружил так удружил! И ведь хотел как лучше, бергеры всегда хотят как лучше, даже предлагая пива...

– Мой генерал, от Баваара!

Доклад Арно разбирал издали, изо всех сил напрягая слух, – ну не место теньенту среди полковников, особенно если одного из них зовут Карсфорн. Тем не менее понять получилось почти все. Никаких скрытых резервов и засадных сил поблизости не нашлось, «гуси», наседающие на полуокруженного противника, тысяч семь – это все, с чем придется иметь дело.

Решение лежало на поверхности, очевидное, как шмякнувшаяся на рукав гусеница. Если ударить решительно, всем корпусом, силы уравниются, зато на стороне Талига будет внезапность. Хорошо, что корпус сейчас сам по себе! Ариго – не то что его паркетные братцы, всегда ввязывался в драку, и удача его не бросала. Сам под выстрелы генерал без нужды, само собой, не полезет, но других-то должен отпустить! Нельзя же так и дальше... Не война, а танцы какие-то! Только вокруг Доннервальда три недели крутились, как лиса вокруг курятника, и без толку – Бруно отвлекаться не желал, так впустую ноги себе и лошадям и били...

– Мой генерал! Срочно...

– Кроунер? Давай, выкладывай.

– Так что капитан велели доложить *дис-по-зи-цию* ! Дальше к северу еще один бой. Кто – не разберешь, но *ар-тил-лерий-скую ко-но-на-ду* вовсю слышать!

Вот вам и пушки! Значит, кого-то из отступавших дриksam отрезать все-таки удалось...

3

Жермон не удивился. И менять ничего не стал. Сложившийся еще на марше план подходил к новостям, как старый сапог к разносившей его ноге.

– Так, господа, начинаем. Лецке, их кавалерия к нам спиной, вот и атакуйте. Немедленно. И мне обязательно нужны пленные.

– Понял. – И так настроенный на лихую атаку полковник бросился к коню.

Ариго привычно подкрутил усы и оглядел всхолмленную долинку. Да, все сходится. И кто сказал, что смотреть в закат – дурная примета? Дурная примета – наступать на ежей... И еще делать то, в чем не уверен!

– Арно!

– Да, мой генерал! – Малыш просиял и тут же нахмурился. Как же оно знакомо и понятно: «Бой – это отлично, но я останусь сзади, при генерале, – это ужасно». Не останешься.

– Приказ полку Придда – обойти рощицу, что справа от нас, и ударить на пехоту с тыла. Драгунам пройти рощей и поддержать атаку огнем. Относительно пленных – это и к Придду тоже относится. Доложите... о результатах атаки.

4

Придд сегодня шел последним, его головной эскадрон был уже недалеко, и Арно погнал Кана навстречу. «Доложить о результатах атаки»... Оставшийся в ставке регента Понси и тот бы понял, что приказ не случаен. Ну и пусть! Атака, по крайней мере, будет настоящей, а с Заразой лобызаться никто не заставляет. Передал – и к драгунам, хотя у «спрутов», пожалуй, будет пожарче... Можно и задержаться. Если все станут ходить в бой только в обществе закадычных друзей, войнам конец, так почему бы не глянуть на господина полковника в деле? Разговоры разговорами, ордена орденами... Хорошо, Райнштайнер мыслей не слышит, вот бы разнуделся... И по делу – нечего голову перед дракой «спрутами» забивать, мозги слипнутся!

Значит, обойти перелесок и ударить с тыла, а драгунам двинуть напрямик и вести огонь с фланга. Все понятно, все четко. Хорошее дельце наклеывается, и денек славный, сухой денек, звонкий, для кавалерийской атаки самое то! А вот и наш красавец. На маршальском мориске да по степи...

Валентин со своим распрекрасным Гирке молча рысили впереди своих людей. Интересно, как эти двое уживаются – один командует, другой при сем присутствует? Странно как-то... А вот и драгунский капитан, чей эскадрон следует вместе со «спрутами». Удачно вышло.

– Господа, приказ генерала Ариго.

Придд с Гирке выслушали спокойно, зато драгун разволновался:

– Что за роцца, тенъент? Я там своих остолопов не растеряю?

ТЬфу ты, кляча твоя несусветная, откуда мне знать, как чьи-то «остолопы» себя среди деревьев чувствуют?!

– Господин капитан, роцца не слишком большая и не похоже, чтобы излишне дремучая. В любом случае, раз генерал Ариго отдал такой приказ, значит, вашим людям это по силам.

М-да... Не слишком ли нагло вышло? Капитан, похоже, думает, что слишком. Ну так нечего чушь нести! Ариго не Манрик, куда не надо не отправит. Подойдем к роцце, увидим на месте. И кто виноват, если твои драгуны в четырех вязах запугаются?

Драгун обиделся и отъехал. Не хочет препираться с тенъентом, с генеральским адъютантом или с Савиньяком? Умеют же некоторые дуться на ровном месте. Если в роцце справится, нужно доложить про него отдельно, пусть за ушком почешут. Если они все справятся...

Колонна быстрой рысью шла навстречу мушкетной трескотне. Деловито шла, уверенно. Гирке – отменный полковник, это ясно. Гирке командует, Валентин не мешает? Валентин командует, Гирке исправляет? Может, и так, они ведь еще и родичи. Не слишком близкие, но сестра Валентина вышла за Гирке. А вторая была замужем за Борном...

– Подходим. – Валентин. Совсем не волнуется или делает вид? Хотя для него это не первый бой – на Языке было жарче. Язык, Доннервальд, теперь вот Ойленфурт... И везде дриксы добиваются своего, а фок Варзов только ноги поджимает.

Роцца совсем близко, капитан машет рукой, его драгуны сыплются с седел и всей толпой двигают под густую сень неведомых дерев. И тут же ветер доносит кавалерийский горн. «В атаку!»

– Лецке пошел, – замечает Гирке. Будто не о сражении говорит, а о погоде.

– Разворачивайте эскадроны. Я посмотрю, что там за поле... Савиньяк, вы со мной?

А то нет?!

– Само собой, полковник.

Пришпорили коней. Добрались до первых деревьев, спешили, цепляясь амуницией за кусты, полезли вперед. Спугнули целое стадо лягушат, те брызнули в стороны не хуже картечи. Лягушачья картечь. Смешно, но с Валентином, пожалуй, посмеешься...

Кусты кончились сразу, дальше тянулся золотистый от солнца и каких-то цветочков луг. Вражеская пехота уже прошла и даже успела развернуться в две линии, вторая маячила где-то в пяти-шести сотнях бье. Начавшаяся атака вынудила «гусей» приостановиться, не добравшись до талигойских позиций. Эскадроны Гирке, обогнув роццу, выйдут дриksam прямо в тыл, Ариго рассчитал время верно. Только у Ариго корпус, а не армия. Корпус, да и то небольшой.

– Как вам место для атаки? Вроде бы чисто...

– Признаться, я опасался каких-нибудь препятствий, что могли бы нас задержать. – А вот тот болван, что завел пехоту к оврагу, небось не опасался! Просто пятился.

– Слева к лесу прижиматься не надо, там между полем и роццей овраг. Зато здесь – пройдем, и быстро.

– Я с вами согласен.

Согласен он! Можно подумать, они Веннена собрались обсуждать или этого кошачьего Барботту!

– А вы, полковник, где будете во время атаки? Если я правильно понял генерала Ариго, мое место – рядом с вами.

– В первом эскадроне, тенъент.

Выяснить, что станет делать первый эскадрон, Арно не успел, они как раз вышли к своим лошадям, где уже болтался Гирке, причем не один.

– Все готово, можем начинать. Как поле?

– Ровно и чисто. Дриксы в шестистах бье. Эскадрону, что пойдет на левом фланге, лучше держаться подальше от леса.

– Вам понятно, господа?

Господа кивками подтвердили, что понятно. У Приддов и офицеры такие же... заразы! Лилового больше не носят, а все равно «спруты».

– Господа, вперед, – отдал наконец приказ Валентин, и капитаны сорвались в галоп. Капитаны, не полковник.

Первый эскадрон первым в бой, само собой, не пошел. Пришлось торчать на месте и наблюдать безупречную кавалерийскую атаку по безупречной же местности. Удовольствия чужое совершенство не доставляло, но Арно добросовестно запоминал подробности. На однокорытника он не взглянул. Ни разу.

Люди рубились, «спруты» взирали. Резерв, резерв... до самого конца боя, что ли? Оказалось, не до конца. Всадник – Реми Варден – подлетел галопом, переводя дух, прокричал: «Наши ударили навстречу!» – и умчался.

Гирке с Валентином переглянулись. Слова у этой пары были не в чести.

– Теньент? – полувопросительно буркнул Гирке.

– У меня приказ: доложить о результатах атаки. Пока этого результата нет, я – с вами.

– Хорошо. Пистолеты только проверьте.

Вот спасибо, сам бы не догадался!

– Галопом. Вперед!

Никаких тебе «Храни-Создатель-Талигов!»... Да и к чему оно? Не Кадела! Это еще не Кадела...

Глава 5

Талиг. Придда

400 год К.С. 2-й день Летних Ветров

1

Кавалеристы Лецке разворачивались для атаки. Генералу Ариго нечасто доводилось рассматривать поле боя вот так – в подробностях и с безопасного расстояния. В Торке с горки особо не покомандуешь, в Торке лезешь в драку сам, и насколько же это проще!

Холмик для наблюдения попался удачный, с него Жермон видел все. Видел, как чуть левее облюбованной высоты Лецке двинулся рысью на дриксенских легкоконных. Те, обнаружив в тылу чужую кавалерию, в растерянности пребывали недолго – несколько минут суетливых перестроений, и разбившиеся на мелкие группы «гуси» уже сами идут вперед. С очевидными намерениями устроить «карусель» вокруг более тяжелых противников, закрутить их, замедлив, а то и сорвав атаку. Правильное решение. На первый взгляд, а второго у дриксов быть не должно.

За спиной уже почти рванувшихся друг на друга кавалеристов готовилась к столкновению пехота – «гуси» неспешным шагом надвигались на прижатых к оврагу врагов, то ли не замечая возникшую на фланге суматоху, то ли не придавая ей серьезного значения. Выйти на дистанцию удара кесарцы не успели: пропели трубы, и, обогнув тянувшуюся вдоль поля рощу, на сцену вышел полк Придда. Из самой рощи тут же затрещали выстрелы, над деревьями поплыли серые дымные облачка – крайний левый батальон дриксов угодил под огонь. Вот теперь, голубчики, вы задумаетесь всерьез. Так и есть – наступление остановилось.

Зрительная труба приближала дальний край поля, где дриксенская кавалерия правого

фланга, оставив в покое талигойцев у оврага, разворачивалась на помощь своим. Ну-ну...

– Пока все идет неплохо, – почти одобрил Карсфорн.

– Не сглазьте.

Нанести превосходящими силами удар отступающим и сбросить их вниз дриксы не успели, преимущество в кавалерии перешло к талигойцам, инициатива – тоже. Жаль, не было ни времени, ни возможности сговориться с марагонцами о согласованных действиях. Но офицеры в полку должны быть дельные, раз уж довели сюда не спасающуюся толпу, а боевые части.

Будто отвечая, из черно-белых рядов донесся знакомый сигнал, и в центре взвилось знамя с «Победителем дракона» – марагонцы все поняли правильно.

2

Кан мчался голова в голову с полковничьим чалым. Где носило Валентина, Арно не волновало – полк Придда ведет Гирке, значит, с ним идти в бой и о нем докладывать после боя, а о чем докладывать – будет! И здесь, и в Тарме.

Первый эскадрон двинулся с места последним, зато туда, где был нужней всего. Справа талигойцы уже схлестнулись с кинувшимися на помощь своей пехоте дриксенскими драгунами. Гирке пронесся мимо – его «гуси» были уже рядом. Много. Слетелись, да?!

Кан и чалый ворвались в схватку бок о бок. Полковник с ходу разрядил в кого-то пистолет, Арно сдержался – заряженное оружие еще пригодится... Сминая разбежавшихся одиночек, они проскочили между двух групп «крашенных». Блеснуло. Арно живо поднял жеребца на дыбы. Умница Кан не только послушно вскинулся, но и повернулся – сам! – на задних ногах, уходя сразу от нескольких пик. Чуть было не напоролся... И ведь знал же! Ничего, привыкнем.

Едва жеребец опустил, Арно бросил левую руку к ольстре. Выстрел – и намеченный пикинер, сложившись вдвое, оседает, ломая строй. Сбоку визжит и падает под ударами пик лошадь – кто-то не смог вовремя остановиться. За спинами дрикс – взрыв криков. Сквозь резкие чужие слова пробивается привычное «Тали-и-и-и-г!»... Привстать на стремянах, увидеть за чужими синими и серыми мундирами родные, черно-белые... Значит, первую линию уже прорвали!

– Направо, направо бери!

Командир эскадрона. Размахивает шпагой, собирая рассыпавшихся вояк. За спиной офицера из дымного облака выныривают двое синих. Арно изворачивается, не выпуская шпаги, вытягивает пистолет, висящий у седла справа... Есть, но пикинеры внезапно бросаются в атаку. Тьфу ты, кляча несусветная! Осадить Кана, не целясь выпалить в надвигающуюся шеренгу... Отдача привычно дергает руку, и тут болью отзывается бок, а небо кувывается. Кувывается и темнеет, звуки боя пропадают и тут же вновь врываются в уши... Возвращается и свет, вместе с прущими вперед враз выросшими дриксами.

3

Схватка получалась классической. Как в Двдцатилетнюю, когда чисто конные корпуса были делом обычным. Что-то похожее делал, охотясь за Пеллотом, Рене Эпинэ, только он никого не выручал, да и Талиг тогда уже оправился. Войну переломили в другом месте. В нескольких местах.

– Баваар. Нужно проскочить к марагонцам. Тащите сюда кого-нибудь потолковей из офицеров.

– Слушаюсь.

Странно у них выходит. Объединенные силы Маллэ и гарнизона Ойленфурта должны быть гораздо больше. Авангард? Тогда остальные там, где пушки, а дриксенский генерал рехнулся и раздробил силы, желая поспеть всюду? Рехнувшийся дрикс, ха... Скорее уж

наоборот, раздроблены ойленфуртцы, и теперь их добивают по частям.

– Жермон, вы разрешали Савиньяку остаться у Придда?

– Я велел ему доложить о результатах.

– Вы понимаете, что он пошел в бой?

– Само собой, Гэвин. Парень – торский офицер, я не собираюсь таскать его в ольстре.

– Но разве его перевод в адъютанты не означает, что...

– Означает. Арно – Савиньяк, хоть пока и мелкий. Пусть посмотрит на войну и снизу, и сверху. И на своего однокорытника заодно. Да успокойтесь вы. Ничего с обалдуюем не случится. С ним – нет...

4

«Выбили из седла!» Мысль еще доходила до сознания, а тело уже действовало: перекатиться подальше, встать, оглядеться. И тут же вновь нырнуть вниз – синий «гусь», похоже, тот самый, что ссадил тенъента с седла, вознамерился довести дело до конца. Тяжелый мушкетный приклад пронесся над самой макушкой, удержись на голове шляпа, точно б снесло. Времени для нового замаха Арно противнику не оставил: не вставая на ноги, лишь опершись свободной рукой о землю, тенъент бросил тело в низкий длинный выпад. Проткнув мундирное сукно, клинок почти без сопротивления вошел в живот, и смертельно раненный мушкетер повалился на своего убийцу.

Где-то совсем близко лязгала сталь, в несколько голосов что-то проорали. Всё потом... Сейчас вот этот... «синий». Арно выскользнул из-под умирающего, не дав придавить себя к земле, и торопливо завертел головой. Ура, пикинеры теперь перли не прямо на него, а куда-то влево, к ложине на краю леса. Справа конники Придда, объединившись с пехотой, разгоняли изрядную «гусиную» компанию, в самой гуще мелькнул и скрылся знакомый серый мориск. Далековато... Зато совсем рядом обнаружились капрал-кавалерист, тоже спешенный, и пара вражеских трупов. Трупы молчали, капрал ругался за троих – его палаш не пережил схватки. Незадачливому рубакае осталось плевать и прикидывать, сойдет ли трофейный мушкет за дубину. Арно завертел головой, отчаянно боясь увидеть лежащего Кана. Затошило, по щеке наискось помчался муравьиный табун, но мертвого или умирающего жеребца нигде не было. Ускакал, кляча несусветная... Ничего, отыщется!

Приходить в себя было некогда. Новая волна рукопашной, захлестнув с десятков оторвавшихся от своих марагонцев, докатилась до них с капралом. Свои и чужие вперемежку вывалились из проутюженной лощины, и Арно придвинулся к соседу, ловя момент для атаки. Двух верзил, намертво вцепившихся друг в друга, тенъент предоставил самим себе, но в паре шагов слева оседал, зажимая руками рассеченное лицо, черно-белый мараговец. Арно бросился на победителя.

5

«Гуси» проиграли. Уцелевшие кто разбежался по округе, кто отступал, сохраняя подобие порядка – Жермон видел, как один батальон прорвался под огнем драгун самым краем рощи, – а те, кому не посчастливилось... Больше в Марагоне они воевать не будут, и это хорошо.

– Дальше, капитан. Генерала вы потеряли ночью?

– Утром. «Гуси» нас вроде бы отпустили, но живо опомнились... Быстрее, чем нам бы хотелось. Мы, честно говоря, не ждали от них столь усердного преследования. Город они осаждали без особого рвения, мы рассчитывали, что и тут поосторожничают. Ошиблись.

...Марагонцы шли в арьергарде, им все шишки и достались. Легкоконные вместе с драгунами висели на плечах, а стоило чуть остановиться, подтягивалась пехота.

– До вечера дотянули бы. – Усталый капитан не храбрился, говорил как думал. – Дотянули бы точно, но людей бы полегло... Да и овраг этот... Хотели обойти – не пустили,

стервецы, пришлось напрямую. А батальон, который с «Дубовым» остался... Их, считай, похоронили.

– С «Дубовым»?

– Прошу простить... Капитан Ластерхавт-увер-Никш заменил раненого полковника Генца. Остался прикрывать наш отход, с ним человек шестьсот было.

– На севере, артиллерия, – это они?

– Больше некому.

Опять «Дубовый Хорст», вот ведь встреча! Несладко ему сейчас приходится... А уж тем, кто при нем!

– Придда, Гирке, Лецке – ко мне. И Баваара.

6

Последний противник Арно, получивший удар в грудь лейтенант-пехотинец, уже затих. Костлявое лицо казалось маской, рука сжимала рукоять бесполезной шпаги. Хозяину она не помогла, а пистолета у дрикса не оказалось. С Фельсенбургом так легко управиться не получилось бы. И вообще стало бы жалко... потом. А так если кому и придется жалеть, то Вальдесу.

– Ваша лошадь, Савиньяк.

Валентин. Закопченный, встрепанный, мундир располосован. Все как у человека, кроме физиономии. С такой только Арамоне врать или... дознавателям в Багерлее?

– Спасибо. Один «крашенный» меня таки ссадил.

– Полагаю, эта ошибка стала для него роковой.

– Да, – подтвердил Арно. – Что мне доложить генералу?

– Атака, как вы видите, оказалась успешной. Потери небольшие. Точно подсчитаем чуть позже. Марагонцы быстро разобрались, что к чему, и помогли нам, ударив навстречу. Если вас не затруднит, доставьте к генералу двоих пленных. Капитан и лейтенант, больше офицеров взять не удалось. В ожидании приказа мы соберем эскадроны и будем готовы к дальнейшим действиям. Надеемся уложиться в полчаса. Вам помочь?

– Нет, – отрезал Арно и вдруг добавил: – Я, конечно, расшибся, но сесть на лошадь в состоянии.

После падения немного кружилась голова, а бок явно не радовался знакомству с дриксенским прикладом, так что вскочить в седло, едва коснувшись стремени, не вышло. А, ладно, влез и влез. К седлу был аккуратно приторочен плащ, и если бы только он. К плащу прилагалась шляпа! Вот ведь... Зар-раза. Арно немедленно нахлобучил возвращенную собственность.

– Удачи, господин полковник. – Теньент в достойном самого плюмажного из маршалов жесте поднес руку к шляпе. – Я доложу генералу, что вы сделали все, что было в ваших силах.

– Благодарю вас, теньент. – Перецеремонить Придда если кому и удастся, то уж точно не Савиньяку! – Счастливого пути.

А вот развернуть Кана с тем блеском, которого пол-лета добивался Эмиль, Арно удалось. Шляпа... Что значит шляпа в сравнении с первой приличной победой кампании?! И с тем, что... ошибки могут быть лучше правоты, если правота эта подлая.

Глава 6

**Бергмарк. Агмштадт. Талиг. Надор. Найтон
400 год К.С. 3—4-й день Летних Ветров**

Вольфганг-Иоганн, правитель Горной марки, был храбр, надежен, любопытен, в меру начитан и без меры суеверен. Верный союзник, заядлый охотник и отменный кулачный боец, он мог бы при ином раскладе стать отличным полковником или сносным генералом. Разница между маркграфом и тем же Айхенвальдом заключалась в том, что маркграфу Лионель командовать своими основными силами не доверил бы. Что до политики, то в обычные годы Вольфганг-Иоганн смотрел на нее, как на погоду. Когда идет дождь, охота не в радость, когда Талиг думает о мире, хорошо не повоюешь. Обидно, конечно, но куда деваться... Нынешний год обычным не был, и маркграф, узнав о перемирии, и не подумал спорить – Излом есть Излом. Если это дошло до Хайнриха, Горная марка и подавно завяжет ножны до будущей весны. Бергер из вежливости пробежал глазами договор, поставил подпись, и началось. Друг и соратник жаждал знать все! Не о соглашении и даже не о Хайнрихе – о том, как били варитов. Лионель слишком поздно вспомнил, что маркграф пишет нечто вроде военного трактата. Пишет и никому не показывает.

Когда Северная армия, повторно «разбив» Фридриха у Ор-Гаролис, «перешла» границу Гаунау, окна стали синими, а Савиньяк не охрип лишь благодаря настоящему на горных травах вину. Выпито было изрядно, может быть, поэтому Лионель как вживую увидел разбухающие от талой воды ручьи и вдруг понял, что закончившаяся весна стала самой счастливой в его жизни.

– Второго Весенних Волн мы были на подходах к городу. – Вновь проходить былыми дорогами, если ты на них ни разу не ошибся, приятно. – Серьезных укреплений в Альте-Вюнцель не имелось, граница считалась мирной, но старые стены уцелели. Горожане спешно закрыли ворота, стали ждать. Я не спешил – три дня армия двигалась достаточно шустро, можно было и отдохнуть. Место для лагеря я выбирал с учетом будущей битвы. К вечеру лагерь разбили, оставшие части и обозы подходили всю ночь. Наутро я отправил к городским властям парламентариев с требованием явиться на переговоры. «Фульгаты» тем временем прочесывали окрестности – и перехватывали гонцов.

Во второй половине дня городская делегация явилась в лагерь. В обмен на отказ от штурма и последующего грабежа я предложил им выплатить контрибуцию и предоставить припасы вместе с повозками и тягловой силой.

– Правильно! – одобрил маркграф и сделал пару пометок. – Ждать врага лучше натошак, добыча отвлекает и развращает. Что ответили вариты?

– Они ждали появления своих армий и принялись выгадывать время. Обещали поднатужиться и все собрать, дайте нам, мол, дня четыре. Получили три и отбыли, прося Создателя о скорейшем подходе помощи.

Бергер расхохотался, Савиньяк негромко кашлянул, в окно заглянула пожилая, но еще бодрая луна. Проклятье, все это, вплоть до последнего чиха, придется расписывать для Рудольфа. То есть для фок Варзов, потому что с Фридриха станется отобрать у Бруно командование. При перевесе у дриков Неистовый может обернуться для Вольфганга крупными неприятностями: старик за много лет привык к такому же старику, который если и прыгнет, то подстелив сено, и сено это всегда можно загодя обнаружить. В Надоре фок Варзов караулил бы Бруно у перевалов, не оглядываясь на Кадану... Фридрих мог бы добиться успеха.

Сквозняк донес о том, что двери на галерею открылись, сквозняк и легкие шаги. Супруге маркграфа стало скучно, а может, она вроде милейшего Бертрама считала разогретый ужин преступлением.

– Вы заставляете себя ждать. – Урфриду Лионель не видел со дня ее свадьбы. Старшая дочь Рудольфа была красивой невестой и стала очень красивой женой. – Заставляете себя ждать дам и, что гораздо хуже, оленину. Маршал, своему супругу я не удивляюсь, но вы же состоите в дружбе с Валмонами!

– Разговор тоже может стать пиром, сударыня! – И хорошо, что этот пир прерван, говорить несколько часов подряд и не осипнуть могут только ликторы и церковники.

– Именно пиром, Фрида! – Вольфганг-Иоганн поднял измазанный чернилами палец. –

И мы славно попировали! Ты думаешь, мы сидели за столом и пили вино? Нет, мы были по ту сторону гор! Я видел, как вариты прыгают в Изонис... И это в Весенние Скалы!

– Не сомневаюсь, что зрелище было захватывающим. Ты сказал?

– Фрида, днем раньше, днем позже. Это же ничего не меняет...

– Но помешало бы тебе вытрясать из гостя душу. Лионель, вы достаточно знаете бергеров. Они – лучшие из союзников, но у них есть несносная привычка. Бергер не сообщает новостей, пока не выжмет собеседника досуха, а Иоганн за вас только взялся.

– Самое главное он знает, – прогудел маркграф и потер смятое еще в юности ухо, – про Бруно и Ракана я отписал еще за перевал.

– Отцовский гонец, – покачала головкой Фрида, – последний отцовский гонец прибыл позже.

– Ну хорошо, хорошо... Зарезали королеву Катарину. Сынок Эгмонта отличился. Он у нее на свободе разгуливал, а таким место если не в Занхе, то в Багерлее!

– Сильвестр считал, что Занхой не начинают, а заканчивают. – Мятежник Борн застрелил маршала Савиньяка. Сын мятежника Окделла зарезал дочь Каролины Борн. Еще один замкнувшийся круг. Мать бы оценила, если б смогла стать равнодушной. Мать сейчас так часто вспоминается...

– Не знаю, как вы, маршал, но я огорчена. Как и отец. Последнее время Катарина вела себя очень достойно.

– Да, печально. – Лионель поцеловал Урфриде руку. – Сударыня, так вы говорите, нас ждут дамы и оленина?

2

Футляр для писем был обляпан незабудками и графскими коронами, как яйцо дурной курицы пометом. В коронах и незабудках был и кошелек. Аглая Кредон таки стала на старости лет графиней, и Луиза почувствовала себя дурой, круглой, неуклюжей и несчастной, будто в юности. А вот нечего было пускать сахарные слюни и пользоваться губернаторскими оказиями! Отписала Герарду с регентом, и хватит. Капитанша убрала нитки в корзинку и отправилась в столовую – первую в ее жизни устроенную по собственному вкусу, с горя устроенную и от безделья, но для *себя*. Маменька сочла бы, что в доме слишком много гераней и комнатных роз и слишком мало фарфоровых собачек и кружевных слюнявчиков. Маменька бы сказала... Луиза подошла к буфету и налила вина. В стакан. Себе. На ночь глядя. Она стояла у буфета и пила добытые верным пивоваром «Слезы возлюбленной». Назло пропавшей молодости и обосновавшейся наконец в графском замке престарелой бабочке. Бедные слуги господина Креденьи, бедные фамильные портреты, старинные шпалеры и портьеры без узоров, им теперь не жить!

Скрипнуло – достойная вдова воровато обернулась, но за предосудительным занятием ее застал Маршал. Котяра, где бы его ни носило, как-то узнавал, что буфет открыт, и являлся. Требовать свою настойку.

– Нет! – отрезала Луиза, поворачивая ключ.

– Мра! – сказал кот, став на дыбки и запуская когти в подол добротного, но скромного платья. – Мра! Хочу! Дай! Не могу-у-у-у!

– Пьяница паршивый, – буркнула Луиза. – Ну какой ты, причеши тебя хореk, маршал? Так, капитанишка...

Оскорбленный кот покрутил задом и тяжело взлетел на шкафчик с тоже дареными тарелками. Теперь поганец засядет наверху и станет мстить, пытаясь зацепить лапой всех, кто пройдет мимо. Луиза прихватила недопитый стакан и вернулась к материнскому письму. Незабудки наивно голубели, совсем как на болотце. Сверху – цветочки, под ними – грязюка, в лучшем случае загубишь башмаки, в худшем утонешь... Женщина поджала губы не хуже покойной Мирабеллы и принялась срывать личные печати госпожи графини. Из футляра пахнуло розовым маслом. Маменька не забыла ничего, даже шелковую голубую ленточку с

графской сосной, перехватившую письмо, которое начиналось тоже по-графски.

«Любезная дочь, – раньше она все же писала «дарагая», – мой Муж и Супруг атлучился на гасударствиным дилам к асобе Регента Талига и на Ваше наглое письмо атвичаю я. Ваша затея пайти в услужение и ни слушать добрых советов привила к таму што Вы папали в жалкую правинцию и взяли прастанароднае имя. Вы ни кагда ни чиво ни делали дастойна и пазорили нашу фамилию. Ваши преест в КРЕДЕНЬИ нижылатилен. Мой Муж и Супруг апридилит Вам садиржание, но Вы ни будите раскрывать свае имя и хвалитца радством са значитильными пирсонами. У афицераф каторые приижжуют в наш замок плохое мнение о Вашем пакойнам муже. У ниво плахая рипутацыя его ни принимали в парядачнам опцистве. Он пазорит нашу фамилию. Патаму аткрыто принимать мы можим аднаво Герарда каторый благодаря маиму знакомству с герцагам Алва кеналийский барон. Мы палучаим письма ат Герарда он састаит при асобе Маршала Савиньяка. Мой Муж и Супруг думает падать прашение, штобы Герарда сделали наследникам титула вместе волчий стаи радни. Для этава Герард ни должен иметь дела с измениками. Ваша служба придавшим нашиво добраво Фердинанда Манрикам а патом узорпатару Ракану пазорит нашу фамилию. В благородных дамах все далжно быть прикрасно и лицо и фегура и туалеты и манеры. Вы дурны сабой и ни умеите адиватца и разгаваревать с кавалерами. Вы пазорите нашу фамилию и патаму ни далжны паивлятца в КРЕДЕНЬИ.

Селина пускай астаецца с Вами под чужым иминем. Ваша доч по вашей глупости служыла кампанёнкай сестры и дочери приступнека и ни может быть принета в нашем доме. Граф КРЕДЕНЬИ пазаботитца о ее приданам и женихе пожже патаму што он занят гасударствиными дилами. Амалия и Жюль уехали к Вашей сестре Карлотте на воспитание. Ани будут абиспечины, но в КРЕДЕНЬИ им ни места.

Пасылаю Вам и Вашей дочери дваццать златых талов но ни рассчитывайте что я буду Вас садержать в роскоши.

Прибывающая к Вам в распалажении графиня Аглая-Амелия-Иоланта-Фелицыя КРЕДЕНЬИ. Писана в замке КРЕДЕНЬИ в сопствєных апартаментах».

Луиза сосредоточенно перевязала письмо ленточкой и сунула в футляр, как в могилу. Прочь из «парядачнаво опциства»! Глупо, но она едва не заплакала, хоть и не ждала иного после того, как переехала в особняк Алвы, оставив маменьку в мещанском предместье. Оскорбление было смертельным, зато теперь графиня Креденьи посрамила вдовую дуэнью. Предварительно вскрыв предназначенное «Мужу и Супругу» письмо. Мать вечно подслушивала и копалась в чужих вещах, но граф все равно на ней женился. Хотя сейчас все дыбом, будто при первом Франциске, в такие времена каких только свадеб не случается...

Вино Луиза допивать не стала, отнесла на кухню, где дожидался своего соуса кролик. Что ж, соус будет винным. Задержавшаяся кухарка весело выслушала пожелание и пообещала, что господин Гутенброд оближет пальчики. Луиза улыбнулась – она устала спорить с Найтоном, а Найтон уже выдал госпожу Карреж за пивовара... Пивовар – зять графини Креденьи! Роскошная месть, только опоздала «любезная дочь» высказывать замуж «назло маменьке» лет на двадцать.

Стакан в столовую Луиза вернула сама. Караулящий на шкафчике кот занес лапу, но женщина увернулась и постучалась к Селине. Тайн у дочери не водилось, но Луиза слишком хорошо помнила собственные распахивающиеся не ко времени двери.

– Мама? – Сэль уже собиралась ложиться, но лечь – еще не уснуть. – Что-то случилось?

– Все хорошо, – улыбнулась вдова капитана с «дурной рипутацєей». – Твоя бабушка вышла замуж за твоего дедушку и радуется. Она прислала нам двадцать таллов. Как ты смотришь, если мы пожертвуем их церкви?

– Конечно... Мама, это на дорогу? Мы должны ехать в Креденьи?

– А ты хочешь?

– Нет!

– Я тоже не хочу. Будем ждать Герарда здесь.

«Стих – своих – певец – наконец... Лист – свист... Вышине... вышине – мне!»

Он вспомнил все слащавые рифмы, придуманные графиней Ариго, вспомнил ее саму в темно-синем, почти черном бархате, маркизу Эр-При в алом и мать, самую молодую из троих. Две девочки сидели отдельно от дам, перед ними лежали похожие на уставших зеленых выдр венки, а слуги разносили бумагу и перья. Турнир поэтов в Гайярэ, затеянный хозяйкой дома. Отмеряющая время клепсидра, заданные рифмы и сонет, который требовалось сочинить за два часа. Ли сочинил, вызвав приступ негодования и хохота. Хохотал в кои-то веки выбравшийся в гости старик Эпинэ, графиня Ариго поджимала губы и выговаривала матери и дядюшке Рафиано, тот качал головой, а потом заметил, что Лионель выполнил все необходимые условия. То, что сонет посвящен не недоступной возлюбленной, а несчастной жабе, нарушением не является, ибо наличие прекрасной дамы заранее не оговорено.

Графиня Каролина натянуто улыбнулась и предложила прекрасным девам назвать победителей. Выбор у дев был – трое сыновей маркиза Эр-При, Эмиль Савиньяк и по паре молодых Манриков, Валмонов и Ариго честно воспели очи, выи и ланиты. Выдру из рук королевской невесты получил Ги, заслуженно, к слову сказать, а вот дочь хозяев дома пролепетала, что все сонеты такие красивые, она не знает, какой выбрать, и потому... потому пусть будет сонет к жабе. Им не посвящают стихов, а они не виноваты, что родились... жабами.

– Так могла бы сказать Октавия, – нашлась графиня Манрик.

– Какая именно? Святая или королева? – засмеялся Валмон. Тогда он еще ходил, тогда Борны были друзьями, Манрики – союзниками, а Ренкваха – дальним северным болотом... Первым из сидевших в тот день на белой террасе погиб отец. Не прошло и года.

«Закат – объят, час – нас...»

Перо скользило по бумаге, возрождая старенькую чепуху. Лионель нечасто сочинял стихи, даже такие. Умел, но не писал. Не все, что ты делаешь лучше многих, приносит удовольствие, но сонет к жабе сочинять было весело. Сочинять и ждать, когда прочтут... Старшая из судивших турнир девочек умерла, младшая стала королевой и тоже умерла. Жаль, она была нужна. Жаль, она была молода. Жаль, она была умна.

...Они гуляли по изогнутым разноцветным дорожкам Тарники – король, королева и маршал Савиньяк, удостоенный высочайшей аудиенции перед отъездом в Кадану. Фердинанду не нравилось это назначение, но король его подписал, как подписывал все, чего хотел Сильвестр. Журчали фонтанчики, то сладко, то пряно пахли невысокие цветы, складываясь в пестрые ковры, где могла укрыться разве что жаба. Если бы вылезла из сонета.

Малая королевская прогулка длится три четверти часа, за это время можно многое сказать, если захотеть, но Фердинанд сам не знал, чего хочет, и нес чепуху, а Лионель был зол и думал о Манриках и каданцах. Последних он собирался разбить одним ударом, что и сделал. Кажется, это было единственным осуществившимся в то лето намерением. Все остальное пошло прахом. У всех.

*Равно трагичны близостью конца
Хвосты и уши, почки и сердца!*

У фонтана-каприза внезапно примолкший король торопливо поручил супругу заботам маршала и удалился. Быстро, словно за ним гнались. Катарина продолжила прогулку. На ней было белое платье с черным поясом, и она попросила сорвать ей алый цветок. Лионель сорвал.

– У нас есть четверть часа, – сказала королева. – Я буду откровенна.

– Как вам угодно.

– Королевы порой меняют чашки. Иногда по ошибке, иногда нет... Я не ошиблась. Нарьянский лист улучшает цвет лица. Фердинанд будет прекрасно выглядеть. Завтра... Наше с вами уединение случайно. Если Манрик или Сильвестр решат узнать причину, они успокоятся, хоть и не получают от доказательств удовольствия... Господин Савиньяк, я озабочена вашим отъездом, последовавшим за отъездом Алвы, вашего брата и Альмейды. Я должна знать, что это означает.

– Войну. Возможно, войны.

– Фердинанд скоро вернется. Вы знаете меня и можете не лицемерить. Я знаю вас и могу не заламывать руки. Что будет со мной и моими детьми? Что будет с Эпинэ?

– Надеюсь, что ничего.

– Надеетесь?

– Чтобы что-то сделать, нужно время. Его нет ни у бордонов, ни у каданцев, ни у Колинъяров. Те, кто рассчитывает занять меня и Алву до весны, ошибаются. Мы вернемся раньше.

– Может быть, но Анри-Гийом очень плох. Колинъяр хочет видеть герцогом Марана.

– Колинъяр недавно потерял наследника. Ему некому передать даже собственный герб. Моя мать не желает соседствовать с Маранами, она образумит маркиза Эр-При.

– Она или вы?

– Так ли важны подробности?

– Верно. Мы можем только верить друг другу, но мы не можем друг другу верить. Как быть с этим? Я не хочу развода, но смерти не хочу еще больше. Я знаю, Алва поручил нас – *всех* – вам. Вам, не Манрику! Вас отсылают. Я больше не остаюсь одна даже в молельне – меня «защищают» от убийц, которых может подослать Штанцлер. В Золотой столовой после грозы протек потолок. Пока художники отмыывают плафон, королевской чете накрывают в северном крыле.

– Я не только не комендант Тарники. Я уже и не комендант Оллари. По крайней мере до зимы.

– Вы не успеете вернуться, Савиньяк. Скорее уж Алву вернут как... регента Талига. Регент должен находиться в столице.

– Не обязательно. Алонсо Алва большей частью был при армии.

– Вы согласитесь?

– С чем, сударыня?

– С тем, что сделают без вас? Алва давал слово защитить меня и детей. Вы давали слово заменить его в его отсутствие. Фердинанду вы оба всего лишь присягали. Странная вещь присяга – для одних она значит все, для других ничего. Я имею в виду свою семью, граф. Было два Ги Ариго...

– Я помню про обоих. В северном крыле не лучшие комнаты, там снятся дурные сны. Моя матушка имеет обыкновение превращать свои страхи в притчи, ваша, помнится, тоже баловалась пером. Почему бы вам не последовать ее примеру?

– Если я назову вас так же, как Ги, своего брата Ги, я ошибусь?

– Как вы его назвали?

– Подлецом. Ни в коем случае не трусом, но подлецом. Я не жалею, что была с вами откровенна. Вы не узнали ничего нового. В отличие от меня... Вы хорошо ненавидите, граф, лучше всех, кого я имею несчастье знать. Других удовлетворила Занха для Борна и Закат для младших Эпинэ, а вас?

– Вы все-таки заламываете руки. Это излишне. Запоминайте. Урготелла. Улица Четырех Дождей. Лавка «Поющая лилия». Хозяин знает, как будить нарциссы осенью, а лилии – зимой. Если он получит сонет, в котором упоминается жаба, он переправит его Алве. Если последние две рифмы будут «конца – сердца», Алва вернется. Если второе четверостишие начнется с «Он ждал», он вернется немедленно и без предупреждения. И еще. В личную королевскую охрану переведено несколько гарнизонных офицеров. В том числе Чарльз Давенпорт, сын генерала Энтони. Молодой человек в большой обиде на Алву, зато он

вряд ли станет выполнять приказ, который напомним ему об Октавианской ночи.

– Вы часто посылаете цветочнику сонеты?

– Нет. Именно поэтому они должны прийти. Запомните еще одно имя. Райнштайнер.

– Бергер?

– Да. Он проследит за Маранами.

– Вам нужны мои извинения?

– Нет.

– И все же извините. За заломленные руки. Вы помните турнир в Гайярэ и свой сонет? Лионель помнил.

4

Маршала пришлось запереть в спальне. Он вопил и скреб по дереву когтями, норовя вырваться. Завтра служанка будет затирать царапины воском и ворчать. Луиза с досадой глянула на исполосованную руку и отодвинула засов.

– Капитан Гастаки, входите.

Кот взвыл, как сорок привидений. Вдова Арнольда Арамоны скривилась и посторонилась, пропуская его же жену. Зоя немедленно шагнула через порог.

– Что с тобой? – в лоб спросила она. – Где этот скот?

– Я его заперла. – Госпожа Арамона покосилась на царапины, те всю кровоточили.

– В Закат кота! Ты в обиде. В большой обиде. Тебе больно. Кто этот скот?! Я до него доберусь... Это просто, пока есть дорога от тебя к нему. К обидчику, а она есть, пока болит. Ты только скажи, он у меня, якорь ему в глотку, покорячится! Урод поганый.

– Не надо, Зоя. – Вот так родичей выходцам и скармливают. Под настроение. – Давай лучше...

А что лучше? Святая Октавия, дожили! Чуть не предложила выходцу чашечку розового отвара. С вареньем.

– Извини. Забыла, что... ваших не угощают, но сесть-то ты можешь?

– Могу. От меня не сгниет. – Зоя бросила на стул шляпу. Отличную офицерскую шляпу, что не скрывала лица и не отбрасывала тени. – Плохо всё! И становится хуже. Пожар во время потопа! Умные больно... Кто вас просил якорные цепи портить? Кто, скажи?! Теперь не поштурмуешь, теперь лишь уходить, только не всем... Уже не всем! А то разнесете на ногах, как мухи. Мой говорит, чтоб я плюнула. Не твое, говорит, дело, но нельзя же так! В садке этом вашем нетронутых... как твоя дочка, как то дурище, что за мной скакало, знаешь сколько?! И чтобы они все разом... Не хочу!

Не отбрасывающая тени гостя подалась вперед, Луиза невольно последовала примеру собеседницы, но Зоя отшатнулась:

– Ты горячая! Мы уже раз с тобой ходили... Нельзя снова! Не трогай меня!

– Я не трогаю.

– Ты слушай! С этой вашей столицей... Уже скоро. Где пусто, туда течет, течет и топит. Если не пусто, оно возьмет. Не посмотрит кого, просто возьмет к четырем лунам! Ты видела. Так и будет, если не влезем! Ты хоть что-то сделала?!

– Я написала... маршалу Савиньяку. Он мне поверил, бергеры тоже поверили. К нам приезжал человек от регента и расспрашивал. Герцог Ноймаринен...

– Регент – дурак, они все дураки... Даже мой. Гордится, что малявка может... Мы – нет, она – может, но так нельзя! Пусть все будут, пусть каждому – свое, а не одно общее, что слизнет...

Пусть все будут! Иначе не сказать. Эйвон, Айри, Мирабелла с девочками, их не вернешь, но те, кто остался... Пусть все они живут! И кошка Катарина, и дура Одетта, и маменька с ее кудряшками, морщинками и коготками... Пусть живет долго, даже если сожрала твою молодость и пытается изодрать то, что еще осталось...

– Эй! – проревело под ухом. – Эй, ты опять?! Кто он? Имя! Назови имя...

– Не надо, – устало попросила Луиза. – Зоя, никакой это не «он»... Нет у меня «его». Я письмо от матери получила, вот и вспоминается весь вечер то одно, то другое. Когда я молоденькой дурочкой была, она меня почти съела. Я в зеркало глянуть лишний раз боялась, не то что на кавалеров, а мать... такая красивая, в оборочках... отставляла пальчик и завязывала бантики! Мне завязывала, с моей рожей! Это как ворону желтеньким красить – сразу ясно, что не морискилла.

– Матери могут! – Лицо Зои стало обиженным и чуть ли не юным. – Моя тоже... Сорок раз на дню про мужчин, которые женихи и которые не женихи. Сперва «пора-пора-пора», «надо-надо-надо», потом «поздно-поздно-поздно», «скорей-скорей-скорей!». Я сижу, а она зудит! Смотрит на меня и талдычит, что опять не так... Я ночи напролет ревела, мол, жениха все нет, а они ведь могли быть! Могли, сожри ее зубан, если б меня из дома выпускали, а потом он... этот... Я ему и его кощенке драной... все высказала, все! А мать опять... Замуж-замуж-замуж... Пусть не любит, пусть с любой холерой лижется, но чтоб был! Чтоб все знали, что есть! Муж. Мирить меня с этим... хотела. Сама так жила, и чтобы я, как она...

– Отцы, матери... Они все так! – Зоя – выходец, ее нельзя брать за руку. И по голове гладить нельзя! – Им надо, чтобы мы одевались, как они, ошибались, как они, правы были, как они... Я поддалась, это ты у нас... капитан... Устояла!

– Да! – Зоя гордо вскинула голову. Все-таки в шляпе ей лучше. – Я не пошла на поводу! Я ждала и дождалась своего, только своего счастья, а не такого, как хотели они! Я не отдала себя ни одному из тех скотов, что мне приводили, а ушла в море... Пусть я проиграла из-за штанастых тупиц, пусть меня взяли в плен, так лучше, чем отдать себя поганому уроду!

– Без сомнения, – ровным голосом согласилась Луиза, и тут в дверь постучали громко и отчетливо. Погасла, мигнув, свеча, хрипло заорал в своем узилище затихший было Маршал. Капитанша поднялась.

– Не открывай! – закричала Зоя. – Нет! Это он! За тобой! Не открывай.

– У соседей свекор болен, там не спят. Еще увидят...

– Не увидят! Горячие слепнут, если чужие... Не пускай его! Он уже не твой!

– Не мой, только дверь этого не знает.

Луиза махнула рукой и вышла в прихожую. Зоя топала сзади, уговаривала не открывать. Маршал вопил, стук не прекращался. Капитанша глянула в дверное окошечко – на крыльце высился «муж и супруг». Точь-в-точь такой, как в Октавианскую ночь, а у соседей светилось окно. Слепнут там или не слепнут, но поостеречься не помешает.

– Эй! – велела Луиза. – К черному ходу. Живо!

Арамона кивнул и пропал. Зоя, громыхая, как катящаяся бочка, рванула к кухне. Кошачьи крики перешли в вой, на лестницу выскочила, завязывая ленты на нижней юбчонке, Селина. Хорошо, слуги в доме приходящие.

– Мама, – мяукнула дочка, – там еще кто-то? Кроме Зои?

– Папаша твой там, – объяснила Луиза. – И чего приперся?!

– Мама, ты помнишь, что он... не живой?

– Помню.

В кухне вкусно пахло соусом, будто под окном и не шлялись всякие. В сапогах с белыми отворотами. Селина бросилась зажигать лампу, блеснула неубранная тарелка, промчался по стене застигнутый врасплох таракан. Зоя уже загораживала дверь этим, как его, галеасом.

– Не пущу! – объявила она. – Он мой! Я его не отдам... Оставайся горячей, оставайся здесь!

– Мне еще детей в люди выводить, – огрызнулась капитанша. – Спрошу, что надо, и пусть проваливает.

– Ты его не станешь звать?

– Не стану! – Две бабы, одна тень, один муж... – Пропусти.

Чтобы снять все навешанные кухаркой крюки и цепи, нужно было целыми днями не иголкой тыкать, а молотом махать, но Луиза справилась. Покойный супруг топтался у

порога, воскрешая былые деньки. Госпожа Арамона почувствовала, как руки сами упираются в бока, но ее опередили.

– Ты к ней? За ней?! – взвыла не хуже Маршала Зоя. – После всего... Обещал близко не подходить, а сам?! Предатель! Все вы такие... Ублюдки штанастые, только б прижать кого!.. Потаскун талигойский!

– Да разве ж... Крупиночка моя, разве ж я за ней... Ну зачем она мне? Вы же сами... Ты же сама... того... звала меня... Я услышал, все бросил... Думал, как тогда, а ты... За что?!

– Так ты ко мне шел? Ко мне?!

– Ха! Не к коряге ж этой! А ты тоже...

– Эй! – вмешалась «коряга». – Раз уж явился, так скажи...

– Только ты его не зови! – взвизгнула Зоя. – Он же... Он, если войдет, должен будет кого-то... Он тебе все тут изгадит! Не со зла... Просто холод с ним, понимаешь? С ним, не со мной... Остынет все – стены там, ковры...

– Да не стану я его звать, – заверила Луиза, – с порога поговорю. Где Цилла?

– Ходит, – лупнул глазами муженек. – Ходит и ждет. Короля своего ждет... Дня своего ждет. Не было ей счастья, заперли капелюсеньку мою... Подумаешь, ленточку взяла! Из-за малости такой... Да все ваши цацки одной слезиночки деточкиной не стоят! Вот и ушла она... От вас ушла, от злобы вашей...

Так и было! Так оно и было. Цилла плакала, боялась, пришел папенька, она бросилась к нему. Арнольд дочку в самом деле любил, а она? Она пыталась быть справедливой, только выходило ли?

– Мама... Мама, стой! Мама!!!

– Что? Что такое? – Почему перед ней Селина? Загораживает дверь? Кошка вопит... Прямо в доме. Это не Кошоне? – Арн...

– Мама! Не зови его по имени! Не спорь с ним! Зоя, уведи его...

– Девочка моя! Крупиночка... Осталась без ленточки... Ничего, у меня денежка есть. Хочешь денежку? На штучки на всякие? Девице ж надо, чтоб чистенько все было... аккуратненько...

– Спасибо, папенька. У меня всё есть!

– Всё? А отец, а сестреночка, а подружки, а жених?

– Есть у нее жених, – брякнула Луиза, – не тебе чета! Зоя, правда, шли бы вы отсюда!

– У Циллоньки король будет, а у нашей бедняжечки?

– Принц... С голубыми глазками!

– А золото? – подбоченился Арнольд. Не Арнольд он! Забудь имя, забудь!

– Не нужно нам твое золото!

– Оно не мое... Оно лежит... ждет... Золото для золотка. Оно не злое... Чистое. Возьмите на тряпочки... От сердца ж даю... Вы... вы обе... Брезгуете, да? Отцом, мужем брезгуете?

– Мужем? Мужем?! Ах ты ж!

– Золото...

Скотина... Пьяная, жадная красномордая скотина, но от нее родились дети. Этого не отнять. Каков муж, все равно, дети – твои.

– Спасибо, папенька. Мы с маменькой, если будет нужно, заберем. Мама, оно в самом деле не злое...

– Берите! Всё берите, родные мои, любименькие... Кровиночки...

– Стой, якорь тебе...

Плачет кошка, плачет маленькая Цилла, горят свечи, четыре пламенных язычка, четыре луны, мертвое дерево, ползущие камни. Кони не идут на мост, потому что метель. И холодно, потому что метель. Эйвону надо сбрить бороду, и он будет похож на человека, а Арнольду не поможет ничего...

– Мама! Мама, они ушли. Пойдем в спальню. Я тебе помогу. Мама!

– Я сама. Всё в порядке.

Они же что-то хотели. Зоя говорила... Зоя... Золото... Оно не злое... Ничье... Оно лежит. Ждет.

5

«...задержись вверенная мне армия в Гаунау еще на четыре дня, и наш последний завтрак продлился бы дольше. Мы много говорили об Эйнрехте, но Оллария также требовала разговора. С двадцатого дня Весенних Молний регентом Талига вновь является герцог Ноймаринен. Ее Величество Катарина умерла родами, дав жизнь сыну. Новости скоро достигнут, если уже не достигли, Липпе, но откровенность рождает откровенность, а иногда и просьбу об одолжении. Катарина Оллар была убита сыном Эгмонта Окделла. Убийца бежал. Эти обстоятельства, в отличие от поразившего кесаря Готфрида недуга, ничего не определяют: Талиг остается Талигом, война – войной, Излом – Изломом. Тем не менее я прошу Ваше Величество об услуге. Я знаю, что варвары не выдают тех, кто просит убежища. Я знаю, что варвары карают убийство беременной смертью. Я знаю, что варвары предпочитают осуществлять правосудие собственными руками. Я надеюсь, что убийца, если ему посчастливится перейти горы, никогда не вернется в Талиг...»

Прошмыгнуть через Бергмарк незамеченным может разве что зверь, не имеющий к тому же чести считаться достойной добычей. Хайнриху вряд ли представится возможность оказать услугу... Леворукому, но король, говоря о Дриксен, был откровенен. Так или иначе Медведь узнает про убийство и примется подсчитывать; выйдет, что Савиньяк знал правду и промолчал...

Тихий стук. Кто-то на галерее. В Олларии это могло быть опасным, в Алвасете это была бы женщина.

– Войдите.

– Вы всегда так поздно жжете свечи? – Супруга маркграфа спокойно прикрыла за собой дверь. Она была в том же платье, что и на ужине, только сняла почти все драгоценности.

– Пяти часов сна мне хватает.

– Целых пяти?

– Иногда трех. – Лионель запечатал письмо, но прятать не стал. – Сегодня я рассчитываю на большее.

Села, поправила волосы. Рудольф не допустил бы, чтоб у маркграфа была глупая жена, но ночами гуляют не только глупцы. Урфрида чуть-чуть улыбнулась.

– Вы ведь не были любовником Катарины Ариго?

– Я был капитаном охраны их величеств.

– Знаю. Любовником был Алва, мама мне говорила, но вы тоже могли.

– Нет.

– Почему? Боялись? Не хотели? Не любили? Вы удивлены моими расспросами?

– Нет.

– Тогда ответьте.

– Извольте. Нет.

– Не боялись. Не хотели. – Она говорила чуть нараспев. – Не любили.

– Ее величество испытывала те же чувства.

– К вам?

– Насколько мне известно, ко всем знакомым ей мужчинам.

– Вам неприятен этот разговор?

– Скорее непонятен.

– Мама была откровенна со мной перед свадьбой, то есть это я была откровенна с ней. Жена не слишком умного маркграфа должна знать, что нужно Талигу, и дать Горной марке наследника, способного видеть дальше охоты и войны. Я согласилась. Собственно, кроме

меня, отдавать бергерам было некого, но я не соглашалась жить без радости. Будь вы любовником королевы, мне было бы проще, но я все равно предлагаю вам провести эту ночь со мной.

Да, красива. Да, умна. Да, откровенна. Да, ночами разгуливают не только глупцы, но и кошки.

– Обычно я рад стать первым, но не сейчас...

– Вы станете третьим. Я дважды гостила в Ноймаре и дважды бывала счастлива. Я умею радоваться и умею забывать. Они были женаты. Оба. Мне казалось, так лучше. Кстати, мой супруг делит ложе с одной из моих дам. Он хороший союзник, но ему по душе темные волосы. Вы поняли, о ком я?

– Я видел только одну брюнетку с браслетом.

– Да, это она. Мы подруги, настолько, насколько это возможно. Маркграф знает, что я знаю и молчу. Это делает его более понятливым в остальном.

– Вряд ли он поймет вашу нынешнюю прихоть.

– Он не узнает. Сейчас Иоганн или гладит черные волосы, или спит. Я знала, что когда-нибудь приду в гостевые покои, и нашла безопасную дорогу. Конечно, вы можете устать, можете хранить глупую верность, можете уважать диковатые обычаи... В конце концов, я просто могу вам не нравиться. Не нравятся же мне марикьяре!

– Я не храню верности, ни глупой, ни тем более умной. Проведенная с кем-то ночь становится изменой, только если вмешать в нее ложь. И да, мне больше нравятся светлые волосы, но если один из сыновей маркграфа будет похож на Леворукого, возникнут сложности.

– Сыновья маркграфа будут сыновьями только маркграфа. Эту часть договора я не нарушу. Наша ночь плодов не принесет.

Уже знает, что ночь будет. Любопытно, кто были те двое, то есть не любопытно.

– Фрида, почему-то мне кажется, что этот разговор вам нужнее того, что *может* случиться позже. Вам так скучно?

– Отнюдь. Вам же не скучно, когда вы водите армии. Бергмарк ведет маркграф, я веду его... Отец с матерью вели меня, я выросла, мы поговорили и теперь идем вместе. Савиньякам с нами по дороге.

– Мы с Эмилем много говорим с матерью. Когда встречаемся. Поговорить с отцом, по-настоящему поговорить, я не успел.

– Знаю. Зато вы говорили с моим отцом, когда он отвозил маршала Арно в Сэ. Отец запомнил вас больше других... Даже больше графини. Вы не похожи на других Савиньяков. Почему?

– Я подумаю об этом. Завтра. Сказать вам, что у вас красивые губы?

– Скажите... И еще вам придется распустить шнуровку и сказать, что у меня красивые плечи. Впрочем, я еще могу уйти.

– Не можете. Иначе утром взаимная откровенность покажется тошнотворной. Нашим домам слишком по пути, чтобы мы могли себе это позволить. Прошу вас повернуться, сударыня. Я займусь вашим платьем.

Глава 7

Талиг. Оллария. Сагранна. Бакрия. Барсовы Врата 400 год К.С. 6-й день Летних Ветров

«Принцесса Елена» была великолепно! Арлетта читала ее послания и молодеда душой. Именно так пищали, зачуяв прекрасных страдальцев и страдальных прекрасцев, при дворе ее величества Алисы. Белокурая статная чужеземка млела от роковых любовей и умерших в

один день возлюбленных. Лебединая верность, лебединая песня, лебединая чистота, лебединая, лебединый, лебединое... Лично Арлетту величавые белоснежные птицы даже ни разу не ущипнули, но возненавидела она их надолго, как и саму Алису. Отнюдь не из зависти к короне и красоте, в самом деле редкостной.

Дочь графа Рафиано никогда не хотела стать лебедицей, то есть гусыней, но молчала, понимая, что с быком на гербе только распусти язык – сразу окажешься в телушках. Насмешек Арлетта побаивалась, но об этом никто не догадывался, а потом юная графиня разучилась оглядываться на других. Ее жизнь, настоящая жизнь, началась с желания королевы видеть торских офицеров. Без Алисы они бы с Арно могли встретиться слишком поздно, но благодарности Арлетта не испытывала, только удивление. Неужели она могла стать маркизой Фукиано, как думалось родителям? Могла бы и вряд ли б осознавала свое несчастье, потому что ее мужем мог быть только ее муж, сыновьями – ее сыновья... Графиня собрала эпистолы Марселя и вернула в бюро – предаваться воспоминаниям среди разворошенной бумажной кучи было глупо.

Арлетта упорно разбирала бумаги Катарины, не пропуская ни единой мелочи, но дочь Каролины хранила свои тайны лучше матери. Манрики тоже либо не нашли ничего, либо скрыли найденное, но в таком случае оно било не по королеве, а по временщикам, а значит, сгорело.

В том, что искали на совесть, Арлетта не сомневалась. Проще всего было списать неудачу следствия на хитроумный тайник хитроумной королевы, только тайники заводят в собственных домах, а Катарина во дворце хозяйкой не была никогда. Не она заказывала бюро и секретеры, и не она нанимала мастеров для обивки стен. После Алисы королевские апартаменты перерыли вдоль и поперек, а мебель заменили, так что свекровь невестке могла помочь разве что Дорогой королев. И помогла. Штанцлеру. Вот у кого тайников хватало, но старый глист, удирая, уволок ценности и секреты с собой. Если что и отыщется, то в замке Шарли...

– Дерево! – с чувством произнесла графиня Савиньяк и постучала по собственному лбу. – И не одно. Роща. Полная ворон и омелы.

Деревьями были все, кто ловил Штанцлера. Все, кто не сообразил, что, удирая впопыхах, обязательно что-нибудь да забудешь. Беглый канцильер не оставил в столице ни единой улики. Значит, он не бежал, но неторопливо отбивал! Манрик уволок Штанцлера во дворец разве что не голым, около канцильерского особняка было не протолкнуться от шпионов, только крыса не вернулась в нору. Крыса была готова исчезнуть со всем зерном – и исчезла. Дорога королев выводит за старые аббатства, оттуда два шага до торговых кварталов с их складами и заезжими дворами. Нет ничего проще, чем потихоньку переправить туда все, что решил увезти, дожидаться удобного случая и исчезнуть. Или не дожидаться, а лично взбаламутить воду, так даже удобнее, точно знаешь, когда запрягать...

Арлетта взялась за ключик и задумалась. Бюро розового дерева, как и все предназначавшееся «урготской ласточке», было новеньким, безвкусным и безгрешным. И еще – последним. Неразобраным оставался лишь опечатанный еще Манриками архив, копаться в котором – лишь тратить время. Катарина, как и Штанцлер, не оставила дознавателям ничего, но она была умна. Альдо жил и умер нелепо и нагло, но после него тоже не нашлось ничего по-настоящему важного. Так они и сходятся – ум и глупость.

Арлетта уже тянулась к перу, намереваясь записать притчу о наследстве лисы и петуха, когда вспомнила о последнем творении Марселя. Том самом, с жалобами на жестокосердного отца, постылого жениха и пятнами от «слез». Само письмо графине было без надобности – она знала содержание из первых рук, но это она. Никто из обретавшихся в столице подделку бы не заподозрил... Графиня вывалила убранные было бумаги на стол. Пересмотрела. Вопль насильно выдаваемой замуж девы пропал. Альдо был настолько дальновиден, что, затеяв убийство, сжег улику? Вряд ли, он собирался царствовать, а не умирать. Значит, прикончившее Фердинанда письмо пропало позже.

Арлетта резко дернула шнур звонка. Письмо было. Письмо исчезло. Между двумя

смертями, если только его не унес Окделл, но потомственный мститель забыл даже фамильный кинжал. Графиня сама не до конца понимала, чем важна сослужившая свою службу фальшивка, но в ее пропаже что-то было. Какой-то хвостик, за который обязательно нужно потянуть.

– Сударыня? – Дежурного офицера недавно угощали чем-то красным. Вареньем или поцелуем?

– Я должна срочно видеть Проэмперадора.

2

Барсинцы опять принялись за свое. Несмотря на выплаченное в срок жалованье и мясо в супе. Нет, средь бела дня в лавки и дома они не вламывались, для этого существовали ночи и темные переулки, вот только в этот раз мерзавцам не повезло. Супруга галантерейщика подняла визг, а в соседнем доме случились гости: приударивший за хозяйской дочкой кавалерист и пара его приятелей. Они и схватили мародеров, когда те обшаривали карманы трясущегося торговца. Ограбленная пара, трое надежных свидетелей, отобранный кошелек и дутые золотые браслеты. Дело было ясным, как и приговор.

– Нет, – твердо сказал Робер. – Приговор остается в силе. А вам, полковник, нужно лучше следить за своими людьми.

– Ваше право, господин Проэмперадор, но вы слишком мирволите всяким торговцам.

– Я всего лишь не даю их грабить. Это, кстати говоря, не мое дело, а ваше. В следующий раз останетесь без перевязи! Ступайте.

Барсинец убрался. Он был зол на горожан, конников Халлорана, Проэмперадора. На всех, кроме себя и своих мерзавцев.

– Это если не чума, то золотуха! – буркнул Халлоран. – Ну, сменим третью скотину на четвертую, и что с того? Разогнать бы их к кошачьей матери!

– Будет только хуже. В городе мы их хоть как-то держим в узде, а что натворят три с лишним тысячи мародеров на большой дороге?

– Тогда разоружить и запереть. В той же Доре. Жрать больше, чем жрут, они не будут, а вреда поубавится.

– Не уймутся – запру.

– Вброн их просто бы вешал. По десятку за грабеж.

– Я не Алва. Мародеры свое получают, а не пойман – не вор... Не все же они там такие.

– Не уверен. Приличный барсинец – спящий барсинец. А еще лучше – висящий. – Полковник поднялся. – Я предпочел бы сейчас ощипывать «гусей», но за ошибки приходится платить.

– Да, – подтвердил Робер, – надо, – и Халлоран ушел. Эпинэ прикрыл глаза ладонями, сосредоточиваясь на бумагах, и увидел горящее поле – нет, поле, на котором пламя росло, как растет пшеница или рожь. Алые с золотом колосья клонились под ветром, и били, били о землю дальние копыта, предвещая грозу...

– Монсеньор! Разрешите доложить...

– Лэйе Астрапэ, Никола?! А я и не слышал...

– Вы о чем-то задумались, а я вошел без доклада. Что-то случилось?

– Обычная ерунда... Барсинцы. Садитесь. Или отправить вас отсыпаться?

– Я выспался на постоялом дворе. Вот письмо от графа Литенкетте. Он был... потрясен.

– Давайте. Да садитесь же вы!

«Я стараюсь никого не винить – и не могу. Мы оба были слепы. Отравитель, клятвопреступник, наплевавший на закон и совесть судья должен висеть или хотя бы сидеть в зверинце. В клетке. Оставлять такого на свободе не только несправедливо, но и опасно. Я не знаю, где Окделл, но я хочу найти его первым. Хочу, но беженцы продолжают идти, а в Придде разгорается война – значит, я буду там, где мне следует быть. Я не

помчусь в Ариго, чтобы успеть на похороны, и не начну охоту на убийцу. Не сомневаюсь, что ты тоже останешься в Оллари. Я прошу по-прежнему называть меня на «ты». Наша дружба – это все, что осталось мне от любви. Лучше потерять, чем никогда не находить, и лучше умереть, чем не родиться, – так говорят бергеры, и я наконец-то их понял. Если б хоть Создатель, хоть Леворукий предложил мне забвение, я бы отказался. Твоя сестра всегда будет со мной, и хватит об этом.

На переправе сделали почти все, что требовалось. Подробности тебе доложит Карваль. Послезавтра я отправляюсь к отцу, а от него скорее всего в армию. Тебе придется тяжелее, чем мне, но ты выдержишь. Катарина... Я вывожу это имя, и рука у меня не дрожит. Катарина считала тебя способным поднять любую ношу, и ты...»

– Монсеньор! – донеслось откуда-то издалека. – Графиня Савиньяк.

– Хорошо.

– Монсеньор, мне выйти?

– Только если боитесь, – попробовал пошутить Робер, но маленький генерал шутки не понял.

– Мы все равно должны встретиться, – начал он и вдруг улыбнулся. – Нам уже не разойтись.

– Тогда держитесь. – Иноходец поднялся навстречу вошедшей женщине. – Добрый день, сударыня. Разрешите представить вам барона Карваля.

– Наслышана, – сощурилась Арлетта. – Вы похожи на своего брата.

– Госпожа графиня, я должен принести вам свои извинения за то, что не предотвратил нападение на Сэ.

– А вы могли это сделать? – Таким тоном спрашивают о ерунде, так щурятся завидевшие добычу кошки.

– Мог! – отрезал Карваль. – Но тогда не считал нужным.

– Какая милая откровенность. – Графиня улыбнулась и села. – Робер, твой генерал всегда столь правдив?

– Да.

– Не всегда, Монсеньор, – поправил Никола. – В некоторых обстоятельствах я...

– Лэ́йе Астрэпэ, вы шли за мной, а я шел за Альдо и врал. С каждым днем все больше... Сударыня, я...

– Постой. Скажи наконец, что это за «лэ́йе Астрэпэ!». – Если бы Марианна смотрела как Лауренсия, у нее были б глаза графини Савиньяк. – Звучит по-гальтарски, но подобной формы я не встречала ни у Иссерциала, ни у гайисских трагиков.

– Это... призыв к одному из древних богов. Точно не скажу, лучше спросить барона... Эти слова выбиты на одной из его камней.

– Я как-нибудь сама спрошу, заодно и антики посмотрю, но это терпит. Робер, ответь мне на один вопрос и можешь возвращаться к своим делам. Ты читал письмо принцессы Елены? То, где она не хочет выходить за моего сына?

– Читал... Я его отдал Катари. Вместе с остальными... Мы хотели вернуть письма девочке.

– Так и сделаем. – Графиня непонятно чему усмехнулась. – Я перешлю письма Валмону. Он их переправит девочке при первой же okazji.

3

Верхнюю тропу украшали бакраны на козлах, вдоль главной дороги торчали бириссы в пятнистых шкурах, под ногами лежали ковры. Холтийские, насколько Марсель разглядел. Зрелище радовало глаз и душу, поскольку всадники Бакны не только украшали пейзаж, но и гнали из сердец расположенных ниже «барсов» самую мысль о вероломстве. Успокоившись на сей счет, Валме решил, что конной статуи в лице Алвы хватит, и с чистой совестью завертел головой, разглядывая знаменитое ущелье. То, что его уже взяли, не могло не

радовать. Чем больше вражеских крепостей занято, а кораблей потоплено, тем меньше остается неприятностей, а славы Марсель никогда не алкал, по крайней мере военной. Придумать новый фасон воротника приятней, чем насадить на шпагу лишний пяток несчастных, только дамы надевают платья с новыми воротниками ради маршалов и адмиралов. Такова натура – мужчина, завоевывая женские сердца, колотит себе подобных, как какой-нибудь кот или петух, но коты и петухи «переодеваются» лишь дважды в год и лишены возможности изменить свою песню... Натура все-таки дура, и возвращаться к ней нелепо.

– Скажите, – окликнул Марсель Коннера, – в Варасте водятся матерьялисты?

– Может, и водятся, только зовутся иначе... У нас всё ежаны да тушканы, а в книжках про них вроде по-другому прописано.

– Матерьялисты у вас зовутся ызаргами.

Развить мысль Валме не успел – в перегородившей ущелье стене распахнулись ворота, на выносных башнях грохнули пушки, и под мужественный медный грохот навстречу Алве выползла другая кавалькада, возглавляемая кагетом на белом коне и бакраном на козле с полосатыми рогами. Король и казар. Бакна Бакранский и Баата Кагетский, он же Лисенок, а на гербе у Валмонов были борзые. Это обязывало.

– Мы быстрее! – сказал Валме и пришпорил горбоносого варастийского жеребца. Шелиахом виконт был сыт по самое горло, но мориск был молчаливей коряги, а Ворон против подкрепления ничего не имел. Маневр Марселя незамеченным не прошел – здоровенный черный всадник догнал казара, и Валме едва не прослезился, узнав его преосвященство. Бонифаций слегка опал пузом, а ехавший следом Дьегаррон, наоборот, чуток отъелся – война полезна и для толстых, и для тощих... Бакна Талиг тоже не позорил, хотя борода у бакранского величества могла бы быть и не столь козлоугодна. Лисенка Валме оставил напоследок, и Лисенок этот напоминал олененка. Очень трепетного, очень глазастого и неимоверно живучего.

Между всадниками оставалось не больше сотни бье, и Ворон двинулся шагом навстречу кагету. Шелиаху достался уже имевший дело с мориском Бакна, и Валме с чистой совестью рванул к Бонифацию. Из дипломатических соображений обниматься не следовало, но виконт с наслаждением очертил левой рукой круг в настоящем бакранском приветствии.

4

Донимать Карваля сразу не стоило, и Арлетта просто запомнила невысокого плотного офицера с очень цепким взглядом. Прощенный мятежник и свежеиспеченный генерал напоминал не только своего брата, но и первого Франсиска. Такой же беспородный и... незабываемый. Про Сэ Карваль врал – Сэц-Арижи выказали удаль по собственному почину, никого не спрашивая. Или не врал, если крепыш значил больше, чем пристало командиру оставленного Анри-Гийому смехотворного гарнизончика. Вытащивший Арлетту из Сэ перед самым налетом Райнштайнер темнил, но думать еще и о бергере было совсем не ко времени, и Арлетта вернулась к пропаже.

Явно ничего не подозревавший Робер передал письма «Елены» обожаемой кузине. Все. И все они были тошнотворно-приторной чушью, в которую Арлетта едва не поверила, ибо несколько лет сидела по шею в Алисином мармеладе. Любой, кто увязал в нем хотя бы по колено, принял бы изделия Марселя за чистую монету. И любой же, кто имел представление об Эмиле, понял бы, что Елена или врет, или по дурости повторяет за врущим папенькой. Катарина поняла и вряд ли уничтожила любопытный документ. Значит, он где-то лежит, а вместе с ним могут лежать и другие.

Куда беременная и постоянно находящаяся на глазах женщина спрячет что-то важное? Катарина не могла ворочать тяжести, прыгать по шкафам и даже поднимать руки. Королева оставалась одна в церкви, спальне, будуаре и кабинете. Церковь сто раз обыскивали, и потом, бумаги туда еще нужно пронести. Тайников во вновь отделанных комнатах не

имелось, но ведь сунула же Катарина куда-то отданное ей письмо! Куда? Одиночные листки можно прятать в книгах, и Арлетта в первый же день лично перетрясла все, что побывало в руках ее величества. Выпало несколько закладок с пометками и недурными набросками лошадей. Бегущих, лежащих, стоящих, положив друг на друга морды... Их Арлетта, поддавшись минутному порыву, сожгла и вернулась к поискам. Ни под матрасами, ни между спинкой кровати и стеной, ни за зеркалом ничего не нашлось.

Графиня Савиньяк в шестнадцатый раз прошла по опустевшим апартаментам, напоминая самой себе вынюхивающую мышей кошку. Зачехленная мебель и пустые вазы бубнили о бренности бытия, уцелевшее урготско-раканское уродство – о фальшивом сватовстве. Разбирать второй раз счета, прошения и доклады Арлетта не стала, искать надо, где потеряно, а не где светлее. И еще эти слуги со своими тряпками и щетками... Графиня выдвинула пару ящиков и тут же задвинула, лениво подумала, что успевшие стать ненужными бумаги надо отдать в геренцию, и... бросилась к нише, где пылился старый архив ее величества, арестованный Манриками и возвращенный владелице галантным Альдо. Несколько десятков тяжелых, умело обвязанных и опечатанных пачек громоздились друг на друга. Все они были нетронуты, как и печати супрема и геренция. Арлетте говорили, что Катарина чуть ли не каждое утро грозилась их разобрать, но так и не успела. Не слишком ли часто она об этом твердила?

Арлетта подошла вплотную к стене из внушительных, обернутых парусиной пачек. Стань она больной и беременной и желай сохранить тайну, она б выбрала для тайника второй ряд, который почему-то получился пониже переднего. Графиня по очереди попыталась вытащить задние пачки. Одна оказалась неожиданно легкой. Неужели? Женщина водрузила опутанную шнуром добычу на стол. Все четыре печати были нетронуты. Оставалось их сорвать и посмотреть, но Арлетте захотелось сперва отыскать подтверждение своей догадки. Войдя в раж, графиня выволокла еще одну пачку. При сравнении печати второй пачки казались чуть старше. На воск налипли ворсинки, в одном месте выкрошился кусочек, в другом отпечаталась бечевка. Королеве не требовались потайные ящички, королеве хватило двух ставших никому не нужными печатей, которые могли валяться хоть в цветочном горшке... Печати отыскились в стоящем на виду ларце, куда Катарина напихала всякой мелочи вроде костяных холтийских фигурок, белых морских камней и стеклянных шариков. Так незатейливо и так умно!

Снять опутавшую тайник бечевку было непросто, но Арлетта, из какого-то упрямства отказавшись от ножа и сломав ноготь, развязала все узлы. «Заплаканное» письмо лежало на самом верху. Под ним обнаружилось с дюжину доносов, исписанные канцелярским почерком листки, видимо чьи-то показания, снова письма. Разный почерк, разные даты... Все это придется перечитать, неминуемо проникнувшись очередной ненавистью к очередным представителям рода человеческого. Графиня методично извлекала документ за документом. Последним показался лаковый гайфский футляр. На багряной крышке догорал степной закат, сильный ветер гнул травы, кружились черные птицы и тревожное алое солнце касалось верха одинокой башни. О башне Росио тоже успел рассказать...

5

Опоздать с первым балом на полвека – это надо умудриться! Матильда умудрилась, так как в Алате до балов она еще не доросла, а в Агарисе Раканов в приличные дома не звали; то же, что закатывал в Олларию внук, тянуло разве что на похабный маскарад. Вот и вышло, что затеянная в честь регента Талига пирушка стала для принцессы первым достойным ее происхождения выходом. Король бакранский, полуказар кагетский, пресловутый Алва... Какое общество, твою кавалерию, какое роскошное общество!

Матильда угрюмо напялила не отосланное в Тронко платье – черное, с двойной желтой и алой отделкой – и вдела в уши пережившие агарисских падальщиков рубиновые серьги. Посмотрелась в зеркало и вдруг вытащила спертый где-то внуком кулон, который по уму

нужно было отдать Дьегаррону, а не по уму – швырнуть в Рассанну или в здешнюю пропасть: пускай твари закатные катают...

Неистовая алая звезда бесстрашно улеглась на раскрытой ладони, она знала, что ни одной женщине по доброй воле от нее не избавиться. Матильда долго глядела на злющий огонек, а потом роя как-то оказалась у принцессы на шее под самым горлом. Цепочка застегнулась с трудом – шейка у прежней хозяйки явно была лебединой... Матильда хмыкнула, повернулась пару раз и подняла руки снять краденую красоту. Не успела – явилась Этери и уставилась на ройю. Теперь снимать было глупо, а цепочка и не думала врезаться в кожу...

– Как же вы царственно прекрасны! – проворковала кагетка, не отрывая глаз от кулона. Уж она-то была послушной если не дочерью, то сестрой и честно отправилась к дикому мужу спасать не отечество, так Баату или себя. Муж, на взгляд теперешней Матильды, был сносен, ибо не имел ничего общего с Анэсти, а вот в юности алатку от бородатого дикаря стошнило бы. В юности хочется чистенького и сладенького... Пока не обожрешься!

– Поживешь с мое, будешь если не прекрасной, то царственной! – буркнула ее высочество себе под нос. Коровой и старухой она себя чувствовала не раз, но воровкой?! Разве что отдать ройю прямо на пиру. «Возьми, красавчик, камушек и мою бедушку в придачу», хотя бедушки с краденым не уходят, только со своим, от сердца отрываемым.

– Мы так мало говорим, – пропустила бестактность мимо ушей Этери. – Как вам Барсовы Врата? Это древняя крепость, она много старше и Агариса, и Паоны...

– А как они вам? – поддалась двойному любопытству Матильда. – Хозяином Барсовых Врат должен был стать ваш брат, а станете вы с... супругом.

– Ни я, ни Баата не рассчитывали получить то, что мы получили, – улыбнулась кагетка. Расспрашивать дальше было наглостью, а Матильда еще не пила, и потом, какое ей дело до чужих чувств? А белокурая дочь своего отца все болтала. Про старый казарский дворец. Про сорта роз, которые растут только здесь и в Равиате. Про какого-то Прахумпа, что объединил восемь родов, победил сеймурского царя и стал первым казаром. Про... Миклоша Белую Ель!

– Я училась говорить по-алатски. Так хотел отец, он думал породниться с домом Мекчеи...

Отцы вечно думают, и не только отцы, бабки тоже, а выходит Леворукий знает что... Светскую беседу требовалось продолжить, и Матильда перешла на алатский. В тысячах хорн от Сакаци! Этери поняла и ответила. Медленно, но правильно. Они говорили о погоде, розах и великих воителях, алатских и кагетских. Ощущение было дикое, но принцесса Алати в самом деле сидела рядом с похожей на проклятушую Аполку красавицей – женой наследного принца смехотворной Бакрии и дочерью казара Кагеты. Разодетая в парчу беременная Этери готовилась встретить убийцу отца. Снявшая траур Матильда – хозяйина убившей Альдо лошади.

– Двенадцатый залп, – объявила на талиг Этери. – Они здесь.

Матильда кивнула. В Кагете любили стрелять, как и в Алате. Господарь приехал, господарь уехал, господарь выпил чару, господарь пообедал... Обо всем сообщают пушки, по крайней мере так было раньше. При братце стрелять перестали, или она со злости оглохла?

Ввалилась носатая ворона в черном, объявила, что принцесс ждут. Адъютанта Дьегаррона Матильда знала, четверых явившихся с ним бакранов – нет. Возникла заминка, но Этери не растерялась:

– Наша царственная сестра старше годами. Наша царственная сестра – гостья и свидетель со стороны великого Талига. Ей идти первой.

Дальше дочь Адгемара перешла на незнакомый язык, очевидно – бакранский, потому что кагетский Матильда узнала бы. От Торки до Фельпа все понимают всех, за Сагранной на каждой горе свой говор.

– Ваше высочество! – Торрихо в парадном мундире щелкнул каблуками. – Позвольте.

Опереться на руку молодого провожатого, поковылять исполнять свой долг... В юности она на долги плевала. Как отец оправдывается перед гаунаским женихом и в каких драгоценностях будет венчаться сестра, влюбленная поганка не думала. Лишь бы удержать Анэсти. Удержала...

Они подходили к маленькому старому дворцу с двух сторон. Мужчины – с запада, женщины – с востока. Было это обычаем или церемонию выдумали на месте, Матильде не сказали. Мог знать Торрихо, но расспрашивать кэналлийца не хотелось. Хватит и того, что он волочет ее на себе, как волók на коронационный пир Окделл. Мальчишка был предан Альдо не меньше Робера, а она про него позабыла, да и про Мэллицу... Позабытая в радости родня, позабытые в горе дети, которые уже или погибли, или уцелели без ее помощи.

Улочки крепости были почти пусты. В Барсовых Вратах зевак не водилось. В древней крепости что хотели делали ласточки и розы, но не люди, потому здесь и было грустно даже в праздник. Гремели литавры, развевались флаги и навязанные на шесты ленты, где-то закричал верховой козел. Матильда привыкла к этим крикам еще в Тронко, а к горам не надо было и привыкать, хотя Сагранна не похожа на Черную Алати. Она выше, злее, моложе...

– Сударыня!

Дьегаррон. Надо полагать, за ней, потому что за Этери явился муж. Красивый муж, хоть и бородатый. Любит кагетка или ненавидит? У стоящей принцессы не поймешь. Победи Адгемар, мужем Этери мог бы стать Альдо. Красивая вышла бы пара...

– Сударыня, я не быстро иду?

– Нет!

За Дьегарроном успеть можно, это жизнь пронеслась, как весна в степи. Налетела, закружила и осыпалась... Вчера цветы, сегодня – стручки, а когда выросли и пожелтели, никто не заметил.

– Сударыня, я... Ваше высочество, герцог Алва может показаться вам... резким.

– Как-нибудь переживу. Не бойтесь.

Удивил, твою кавалерию! Альдо чуть не угробил и самого Алву, и его Талиг... Тут не резким станешь, тут сожрешь со всеми потрохами. А не сожрешь, так прирежешь.

– А можно, я буду бояться? Немного?

Кэналлийский маркиз шутил, а у нее не было ни пистолетов, ни хотя бы возможности удалиться. Ругаться и то не выходило, оставалось не замечать. Узкий, будто в монастыре, коридор обрывался в пестром и очень светлом зале. Паршивец Дьегаррон сжал локоть сильнее, чем требовал этикет. Матильда «не заметила» и этого. Стройный черноволосый человек шагнул навстречу. Он был без приятеля и без маски, но Матильда все равно его узнала – Рокэ Алва успел прогуляться по самому мерзкому сну в ее жизни.

Глава 8

Нижняя Кагета. Гурпо. Дриксен. Эйнрехт 400 год К.С. 9-й день Летних Ветров

1

Флот не справился с объединенными силами морисков, теперь его остатки зализывают раны в укрепленных портах. Пока гайифских, но надолго ли? До Паоны уже докатились вести о высадке крупных вражеских сил в Ланчии и Караде. Попытки сбросить пришельцев в море не привели ни к чему, кроме nepoзвoлитeльных потерь. И это не считая корсаров, с весны терзающих приморские провинции по всему южному побережью. Красота, одним словом! Победа военной теории и государственной мудрости над варварством. Виват, Военная коллегия и мудрый стратег Забардзакис! Виват, обожаемый император! Обожаемый, непобедимый и дальновидный...

Капрас сунул долгожданное письмо в футляр и послал за Ламбросом. Собрался выпить

— раздумал, для верности убрал вино в бюро и дважды повернул ключ. Сидеть в Кагете не значит уподобляться кагетам, а беситься и вовсе последнее дело, тем паче писал не Забардзакис, а старый приятель, плевавший как на вцепившиеся в Капраса неудачи, так и на охватившую Коллегию панику; паника же вышла отменная — голубчики-стратеги метались не хуже вальжных замковых тараканов, когда их по приказу маршала принялись шпарить. Отбывая в кагетскую почти ссылку, Карло Капрас мечтал дожить до дня, когда обделававшемуся Забардзакису станет не на кого переваливать свои просчеты. Мечта сбылась стремительно, но лучше б она не сбылась вовсе, потому что посрамление Коллегии гробило империю. Чтобы выправить положение, требовался пяток полноценных, не чета кагетскому, корпусов. Корпусов, которых не было...

Маршал не исключал, что, получив приличные войска и избавившись от опеки, он бы вынудил морисков убраться, но приходилось караулить Хаммаила, да и наспех набранному мужичью только лишь предстояло стать солдатами. Года эдак через полтора... Или раньше, если талигойцы не станут искать поводов для войны, а честно воспользуются случаем и нападут. Сам Капрас на месте командующего в Тронко так бы и поступил: Олларию очистили без посторонней помощи, опыт войны с казаронами у талигойцев имеется, силу, точнее бессилие, Хаммаила этот самый Дьегаррон представляет... Почему бы и не врезать, если Лисенок окажет союзникам поддержку, а гаденыш спит и видит ее оказать. Адгемару удалось создать несколько приличных полков и сохранить их при Дараме, теперь они служат Баате, как и большинство уцелевших бириссцев. С дружинами Хаммаила Лисенок справится, ну а «черно-белые», понятное дело, займутся гайифским корпусом. Если удар будет внезапным, шансов на приличный исход не останется...

Да, на месте Дьегаррона Карло знал бы, что делать, зато на своем собственном... Ждать, когда тебе на заведомо невыгодных условиях навяжут драку, глупо и безответственно, потому-то маршал и рискнул, не дожидаясь визы Коллегии, выдвинуть на запад пять батальонов. Формально для прикрытия Хаммаилова сборища, на самом же деле — чтобы не быть застигнутым врасплох.

Боялся не только Капрас. Озабоченный безопасностью своих владений Курподай постарался заполучить в свой Пирхаллуп батальон поприличнее. Казарон не жалея сил расписывал ожидающие обожаемых союзников радости, хорошие, прямо-таки отличные укрепления и удобство расположения замка с точки зрения разведки. Последнее почти положило конец маршальским колебаниям. Капрасу надоело зависеть от кагетов, да и достоверность ими сообщаемого внушала все большие сомнения, и все же Карло подождал бы ответа из Паоны еще немного. Если б не Хаммаил, вообразивший, что может указывать имперскому маршалу, как тому управляться со своим корпусом. Указания прилагались — немалый пакет со ссылками на дюжину циркуляров разъяснял, куда идти надо, а куда не следует. У казара для подобных советов просто не было нужных знаний, а тот же Курподай никогда бы не присоветовал подобную ахинею, зато отставной прощельга-дипломат... В том, что ветер дует от Антиссиной родни, Капрас не сомневался, только никак не мог понять, зачем им это нужно. Хотят вытащить из Гурпо? Обойдутся! Карло написал короткий ответ, а наутро начал передислокацию в строгом противоречии с полученными указаниями.

Выдвинутым отрядам было велено доносить о каждом чихе, а если чихов не будет, слать доклады еженедельно. Первым отчитался отправленный в Пирхаллуп капитан Гапзис. Старый сослуживец Ламброса был почти доволен: разместили, кормят, поят, командир местных дружинников — человек толковый, а выделенные казароном молодые крестьяне уже проходят обучение. Не сказать чтоб очень успешно, но не хуже той деревенщины, что набирали зимой в Гайифе...

Деревенщину Гапзис не жаловал, только деревенщина эта оказалась последним резервом. Собирая корпус, они выгребли южное приграничье подчистую, сейчас вербовщикам делать там было нечего. Как и на раздерганном побережье, оставались Паона и внутренние провинции. Сколько там соберешь? Сколько б ни собрали, это не его, Капраса, дело! Не его! Есть неразбитые маршалы, есть Военная коллегия, есть, в конце концов,

император с наследником и гвардией оного.

Карло злобно глянул на ящик, в который запер вино. Ламброс где-то шлялся, а считать сапоги и алебарды гайифец был не в настроении, потому и сделал то, чего еще себе не позволял, – среди дня отправился к любовнице. Открыто, не стесняясь ни прислуги, ни адъютантов. И едва не поперхнулся немедленно налитым белым, поняв, что девочка ему рада. По-настоящему, как радовалась тридцать лет назад резвушка Йо... ныне супруга командующего гвардией, разодрали б его кошки, желательно морисские...

2

Парик в жару – это похуже любого покушения, но Руппи сорвал русую волосню, лишь убедившись, что в кабинете нет никого, кроме отца Луциана и Гудрун, чьи чувства за время разлуки ничуть не остыли.

– Я представлял север как-то прохладнее, – заметил адрианианец. – Но мне простительно...

– В Эйрехте бывает жарко. – Лейтенант все еще чувствовал себя заживо брошенной на сковородку рыбиной. – Далеко от моря... Гудрун!!!

– Она рада, и это очень хорошо. Садись. Пить сразу не стоит, вода со льдом, а хуже летней простуды только болотная лихорадка.

– Я знаю. – Руппи повалился на стул. Гудрун только того и ждала. меховое чудовище кротко мявкнуло и немедленно вскочило на колени. Раздалось счастливое урчанье.

– Мои собратья, давая котенку имя, поступили опрометчиво. – Адрианианец потягивал из запотевшего стакана нечто малиновое и почти улыбался. – Имя Гудрун, судя по всему, способствует привязчивости и настырности, по крайней мере в Дриксен. Денег хватает?

– Пока да. Большая часть истрачена на...

– Сын мой, я не интендант. Хорошо, что ты не пошел в суд. Некоторых сборищ следует избегать.

– Меня могли узнать. – Бабушка Элиза уехала, но слуги наверняка остались, обмануть того же Гельмута париком и зубными накладками не выйдет.

– Не быть узнанным – еще не все, нужно узнавать самому. Это трудней, чем упокоить пару-другую задир.

– Думаете, я не выдержу? Ваше право, но со времени нашего знакомства я не тронул ни одной сволочи!

– Ты не всегда верно смотришь на жизнь, сын мой. Подобное случается, если мерой всего считать себя. Встань на другую гору и увидишь, что дело не в недоверии к тебе, а в доверии к брату Оресту.

Засмеяться Руппи помешали впившиеся в ногу и сразу же разжавшиеся когти. Вошедший монах, крепыш средних лет с удивительно правильным лицом, еще ничего не сделал, а Гудрун на коленях Руппи уже не было. Мелькнул пушистый хвост, и распластавшаяся в какую-то яичницу зверюга исчезла под неподъемным шкафом. Лейтенант не удержался, хмыкнул. Красивый монах недовольно поджал словно нарисованные губы.

– Сын мой, – спокойно попросил отец Луциан, – достань кошку. Брат Харитон, ступай вниз и жди.

Монах вышел, Руппи, ничего не понимая, встал на колени и заглянул под шкаф. В темноте блестели две круглые недоверчивые пуговицы.

– Вылезай, – велел наследник Фельсенбургов.

Под шкафом затарахтело, но дальше дело не пошло – покидать убежище беглянка не собиралась. Подманить? Руппи оглянулся на стол – там была ветчина, но Гудрун на нее не зарилась...

– Отец Луциан, у вас есть рыба?

– Лучше продолжим разговор. Кошка вылезет сама, и тогда тебе придется ее предать. Само собой, ради общего блага.

Гудрун вылезла, когда говорили о ее тезке. Дева Дриксен могла жить без короны, она бы отказалась от статуй и од, но не от кузена. Размолвка с Гаунау дарила принцессе надежду, но Фридриху мало было развестись с «медведицей», на брак между двоюродными братом и сестрой требовалось особое разрешение. Дать его мог либо Эсператор по представлению кардинала Дриксенского, либо магнус Домашнего Очага или Чистоты, а таковых нынче не имелось.

– Эсператора выбирают кардиналы, – негромко рассказывал адрианианец, косясь на отдаляющуюся от шкафа зверюгу, – избрание магнуса – дело сугубо орденское. Оспорить его полномочия вправе лишь Эсператор и орденские же епископы, числом более половины, но кто их ныне сочтет? Сын мой, кошек удобней носить, подхватив обеими руками под живот ближе к передним лапам. Гудрун слишком тяжела, чтобы таскать ее за шкуру.

– А куда... Куда ее нести?

– В приемный зал, где вы и познакомились. Я тебя провожу.

Знакомый тонюсенький писк и мягкий тяжелый шлепок. Руппи предательски ухватил пытающуюся угнестись на коленях Гудрун под пузо и вскочил. Луциан тоже поднялся. Кошка понуро обвисла в руках, вырываться не пытается, и то спасибо.

Они шли молчаливыми прохладными коридорами – молодой горожанин с трехцветной кошкой и странствующий епископ или... больше чем епископ? Гудрун не трепыхалась, но тащить ее все равно было неудобно.

– Когда мы войдем, я закрою дверь, а ты отпустишь кошку. Не раньше.

– Хорошо, но, святой отец...

– *Это* я тебе, сын мой, объясню. Позже.

Позже так позже. Если спасение Олафа требует таскания кошек, он готов их таскать с утра до вечера. Мешками. Луциан что-то нажал и посторонился, пропуская Руппи вперед. В уже знакомой комнате ничего не изменилось. Разве что огонь в камине не горел.

– Брат Орест! Вы ведь из су...

Может быть, Руппи и смог бы удержать Гудрун, если б думал о ней, но он ждал известий, а кошка рванулась, заехав лейтенанту по руке задними лапами, шмякнулась на пол и зашипела.

Брат Орест кивнул и принялся спокойно развязывать служившую ему поясом веревку. Кошка, охаживая себя по бокам хвостом и прижав уши, боком наступала на раздевающегося монаха. И так немаленькая, распушившись, Гудрун превратилась в шипящий шар. Очень злобный. Брат Орест бросил в сторону кошки веревку, следом отправились сапоги и верхнее одеяние, под которым обнаружилась почти абордажная рубаха, заправленная в штаны, и еще один пояс, для оружия. Брат Харитон цеплял сброшенные вещи какой-то железякой и совал в алый сундучок. Кошка уже не шипела, а рычала. Руппи оглянулся на Луциана. Тот спокойно перебирал красные четки.

– Брату Оресту требуется время, чтобы... м-м... успокоить Гудрун и предстать перед нами в должном виде. Идем, сын мой.

– Но... – Руппи оглядел свихнувшихся монахов и свихнувшуюся кошку. – Я должен знать, что было в суде!

– Только то, чего мы ожидали. – Брат Орест отвлекся лишь на мгновение, но Гудрунхватило. Она прыгнула.

3

Ламброс отыскался именно тогда, когда маршалу было не до подчиненного. Неуместный стук вызвал законное желание запустить в дверь чем попало, Капрас поддался и запустил. Сапогом. Понял, кому угодился, рухнул на способное выдержать дюжину коров ложе и расхохотался. Гирени вытаращилась на господина и неуверенно хихикнула. Маршал, не переставая хохотать, привлек к себе девчонку, на этот раз совершенно по-отечески. Малышка была нежной и при этом веселой, от нее не хотелось уходить, но Ламброс не из

тех, кто без причины ломится к начальству. Карло поморщился и принялся одеваться, Гирени соскочила на застеленный шкурами пол и побежала за сапогом. Будто собачонка.

– Не надо, – поморщился гайифец. – Не надо бегать. Я сам.

– Почему? – не поняла Гирени. Она одеваться не спешила, то ли по наивности, то ли наоборот. Капрас поцеловал теплый носик и крикнул:

– Что случилось, капитан?

– Письмо от Гапзиса, – донеслось сквозь толстенную дверь. – Мой маршал, это в самом деле срочно. Нас все-таки втянули...

– Бацута кошачья! – Да-да, бацута! И плевать, что это оскорбит уши тараканов и шпионов.

Капрас пинком распахнул дверь – в завешанной оружием и коврами комнате не торчало никого, кроме Ламброса. Подтянутого и откровенно встревоженного.

– Вкратце, – велел Капрас.

– Гапзис отбил серьезное нападение. Мой маршал, лучше прочтите доклад. Ручаюсь, Йоргас не преувеличивает. Он на это просто не способен.

– Да, – согласился маршал, – Гапзис тем и поражает воображение, что собственного воображения у него нет.

Что наплетут имеющие воображение кагеты, Карло представить не брался, но драка была хороша сама по себе, без приправ. Гапзис казенным языком доносил, что три дня назад, под вечер, в селение галопом ворвались дружинники одного из соседских казаронов. Пронеслись, переполошив народ, по улочкам и погнали коней в гору, прямо в Пирхаллуп. Почти сразу же появились и враги – большой отряд воинов в барсовых шкурах. Эти не орали, зато рубили всех, кто попадался на пути. И тоже стремились к замку.

Батальон Гапзиса гостеприимные хозяева разместили у самых стен, в верхней, «почетной», части селения. Когда начался переполох, большая часть гайифцев после обильного ужина собиралась отдыхать. Офицеры не сразу сообразили, что происходит, – казаронские дружинники любили пошуметь, но вид загнанных до пены лошадей и окровавленных всадников заставил поднять тревогу. На то, чтобы подготовиться к отпору, требовалось время, но милость Создателя не оставила его верных последователей: дикари появились на площади перед замком уже после того, как гайифцы заняли позиции. Пусть на несколько мгновений, но после.

Мушкетеры за высокими каменными оградами были наготове, и бириссцев встретили мощными залпами. Нападавшие потерь не испугались, полезли в рукопашную, гайифцы пустили в ход алебарды. Никто из людей Гапзиса не отступил и не запаниковал; страшные седые головорезы не смогли прорвать их рядов. Нападающих становилось все больше, но и к батальону подоспела помощь. Первыми явились кагетские рекруты, которые сами, без приказа, группами и поодиночке примчались к месту боя. В рукопашной от них пользы не было, зато перезаряжать мушкеты они уже умели, чем и занялись, оказав серьезную помощь стрелкам. К сожалению, наиболее храбрые приняли участие в резне и в большинстве своем погибли, но к этому времени подтянулись дружинники Курподая. Сперва они укрылись в замке и заперли ворота, но, увидев, что налетчики увязли в схватке, исход которой не вполне определен, вышли на помощь союзникам. Бириссцы отступили. Уже совсем стемнело, и пуститься в погоню никто не рискнул.

Потери батальон понес небольшие: семеро убито, двадцать шесть ранено; у бириссцев убито восемьдесят девять человек. Раненых нет. Сначала были, но кагеты с ними покончили. Резали быстро и решительно, даже женщины были замечены за этим.

Рапорт завершали две подробности: одна важная и поганая, другая – просто забавная. Во время последовавшего за боем празднования Гапзис узнал, что налет был отнюдь не случайным. Собранный сторонниками Хаммаила отряд в три сотни человек отправился в набег на Западную Кагету и на полдороге столкнулся с более многочисленными бириссцами, которые двигались навстречу, очевидно, со сходными намерениями. Бой вышел коротким, хаммаиловцы разлетелись кто куда. Самые сообразительные вспомнили, что Пирхаллуп

хорошо укреплен, и рванули туда в надежде на помощь и защиту. Ну а враги – следом.

Забавное же заключалось в том, что те самые мгновения, которые не упустили гайифские мушкетеры, им подарили замковые прачки. Хозяйственные постройки при замке располагались ярусами по склону горы, и где-то на середине склона на головы мчавшимся «барсам» было опрокинуто несколько чанов с бельем. Заминка, когда незваные гости выпутывались из-под простыней со скатертями, и оказалась решающей.

4

– Именно так, – подтвердил брат Орест и поморщился. – В прошлый раз было то же самое.

Руки адрианианца выглядели устрашающе, хорошо, Гудрун не удалось добраться до глаз и лица. Сейчас разбойница и думать забыла о своей жертве, в очередной раз захватив лейтенантские колени. Кошачью злобу словно бы выгребли вместе с уличной одеждой пострадавшего, Руппи так и сказал. Раненый усмехнулся, епископ отложил четки. Раньше он их с собой не таскал.

– Страдание ради страдания – извращение, что бы ни вещали озверевшие от изнурения плоти дураки. Брат Орест страдает не зря, хотя на этот раз зашло дальше обычного. Истина или не считает нужным скрываться, или же... Мы еще поговорим о мертвых, если останемся живы. Сейчас важно то, что брата Ореста пытались пометить, вернее, пометили. Если б он после суда отправился не в Адрианкlostер, а, допустим, в какой-нибудь трактир на встречу с темноволосым молодым человеком, это не прошло бы незамеченным.

– Это колдовство?

– Колдовство всего лишь знание, которое доступно не всем. У каждого ордена свои тайны. Истина славится тем, что вызывает чужие. Мыши пролезут везде, но на каждую мышь, как ты заметил, найдется кошка.

– Гудрун чувствует «истинников»?

– Не только «истинников» и не только Гудрун. Кошки, лошади, даже крысы и мыши, настоящие крысы и мыши, – всем им что-то да ведомо... Сейчас важно то, что Истина вступила в союз с регентом и ищет, хоть и вслепую.

Вежливость требовала восхититься прозорливостью Славы, спросить про зверье и опять восхититься, но Луциан вел разговор по-своему. Он не ждал ни вопросов, ни благодарностей. В бою их тоже не ждут.

– Сильная сторона брата Ореста в том, что он тот, кем кажется. Орденский легат, посланный в Дриксен после смерти магнуса Леонида. Он не делает ничего, несообразного его положению. Слава всегда тяготела к воинам. Брат Орест не мог пройти мимо спора двух адмиралов. Если бы «мыши» делали лишь то, что должны, мы бы их упустили, но они пытаются идти по многим следам.

Самое важное и самое неприятное, что Гудрун беспокоится, когда брат Орест приходит из дворца и от кардинала. То, чем занимается Истина, требует не только определенных средств, но и времени. Следовательно, то, что происходит, делается с дозволения регента и его высокопреосвященства.

– Я слышал о вражде орденов, – не стал и дальше молчать Руппи. Он в самом деле кое-что слышал и... пропускал мимо ушей, потому что где Агарис, а где – Хексберг. – Кесарь был равно вежлив со всеми, хотя по-семейному тяготел к Чистоте.

– «Агнец» сам не понял, как стал серым и принялся грызть чужой сыр. Регент тоже не поймет. Я показал тебе, как Гудрун выпускает когти, потому что скоро ты примешься искать врагов в собственном супе. Недоверие может спасти многое и многое же может загубить. Ты достаточно силен в политике, чтобы понять, какой союз возможен. Фридрих выбрал Истину и Чистоту, значит, Слава скажет Фридриху «нет».

– Ваше преосвященство...

– Что, сын мой?

– Ничего. – Луциан такой же Луциан, как он сам Ротгер! Магнус Аристид, ушедший из Агариса, не зная, что ждет оставшихся, вот он кто. Отсюда и странные разговоры, и золото, и власть над Адрианклостер! – Я мало думал о Церкви, но я понял... что мне было нужно. Теперь я могу спросить брата Ореста о том, как начался суд?

– Гораздо любопытнее то, что случилось до его начала. Брат Орест...

– Со мной говорила ее высочество. Я могу пересказать нашу беседу подробно, но вряд ли в этом есть смысл. Принцесса затвердила имена всех погибших под Хексберг кораблей, их капитанов и судовых священников... Она просила Славу не оставлять их даже в Рассвете, пылко просила, а потом предложила мне в память о погибших навестить Кальдмеера и убедить его признать свою вину и молить о снисхождении.

– Принцесса вряд ли лжет. – Агарисец, как бы его ни звали на самом деле, играл в те же игры, что и бабушка Элиза. Долго играл. – Если Кальдмеер признает свою вину, его помилуют. Казнь, именно казнь, регенту сейчас невыгодна. Если обвиняемый будет упорствовать, Фридрих не сможет без нее обойтись, но такой исход усилит его противников, тогда как раскаяние...

– Олаф... не предаст себя! Даже не себя, тех, кто остался на «Ноордкроне»... Ваше преосвященство, может быть, вы не знаете... Лосиха, то есть Гудрун, принцесса Гудрун, просила не оставлять погибших в Рассвете... Мы... Моряки верят, что в Рассвет входят, только не имея долгов. Мы с Олафом должны отправить Бермессера на виселицу, чтобы Адольф... фок Шнееталь, Зепп... все, кто погиб, смогли упокоиться... Только тогда!

– Спокойно, лейтенант! Я знаю это поверье. В любом случае, адмирал цур зее уже отказался.

– Брат Орест говорил с Олафом?! Наедине?

– Так казалось, – монах с усмешкой поднял исцарапанную руку, – но я не склонен доверять тому, что кажется. Я передал совет принцессы и выслушал отказ.

Олаф не предаст ни живых, ни мертвых, это его предадут, пусть и не все, но Ледяной об этом не знает. Сейчас он один против лжесвидетелей, судей, старых ран, жары... Какое душное в этом году лето!

– Сколько дней продлится... это... – судом затеянный Фридрихом балаган не назовешь! – представление?

– Все зависит от нетерпения регента. И от подсудимого. Если он не станет тянуть время, могут уложиться в неделю.

– Мне хватит.

5

От того, что они без малого три часа проговорили с Ламбросом и охрипли, угроза меньше не стала. В конце концов Капрас сдался и достал вино. Можно быть лучшим из маршалов, а можно худшим, можно стать трезвенником, можно спиться, толку-то! Решает все равно не он. И не Хаммаил. Не Дивин, не Дьегаррон с Лисенком и даже не мориски... Политические выверты, интриги, сборища, переговоры и налеты перерастали в войну словно сами по себе, остановить ее не мог никто, и меньше всех – угодивший меж четырех огней необстрелянный корпус.

– Даже если Лисенок не знал о наших действиях, теперь он узнает. – Капрас с отвращением уставился на стену, на которой не оказалось ни единого таракана. – И бросится с жалобой в Тронко. Если уже не бросился...

– Оба казара толкают своих сторонников к войне, а раз так, скоро начнется. Все, что мы можем, это готовиться...

Пять минут назад все было наоборот: подчиненный говорил о Дьегарроне, начальник – о неизбежности. Они изжевали проклятый узел до тошноты, но не развязали. То, что солдаты недурно показали себя в настоящем деле, изрядно попортив шкуры «барсам», грело душу. То, что корпус прикован к Кагете, заставляло ненавидеть всех и судьбу.

– Не сунься эти бацуты к Лисенку... – в шестнадцатый раз начал Капрас, не договорил и выпил.

– Мой маршал, прошу простить за повторенье... Если вы назовете казаронов ублюдками или собачьим дерьмом, они стерпят. От вас – стерпят, но «бацута»...

– Ну так объясните в конце концов, что это за дрянь такая!

– Откуда мне знать, я из Неванты, а не из Хисранды. Мы и произносим-то неправильно. Надо что-то вроде «бватс'ута».

– Брр! – невольно скривился маршал. – Как пилой по камню, мне такое и не выговорить... А, кошки с ними всеми! Подслушивают – им же хуже, а на плацу я вежлив, как гвардеец в борделе. Ламброс, вы столько лет в Кагете, как вам удалось не жениться?

– Не тянет...

Капраса тоже не тянуло, а сегодня вдруг подумалось... Когда Гирени уселась на постели, обхватив руками худенькие коленки, и потом, когда побежала за сапогом... У Ио обе дочери старше кагетской девчонки. Их считают красавицами, но что с того опальному маршалу? Мать в юности была хороша и знала, чего хочет. Гирени тоже знает – чтобы он пришел и долго-долго не уходил... Удивительное чувство!

– Я бы отвез жену к старикам, – внезапно сказал Ламброс. – А надо было их везти сюда, только меня сочли бы полоумным... Еще зимой бы сочли. Тащить родных из Неванты в Кагету, где все друг друга режут...

Капрас долил вина, утешать не поворачивался язык. Так они и сидели, глядя в полные стаканы и думая каждый о своем, потому и не обратили внимания на вопли в приемной, а потом стало поздно.

– Я трэбаю! – Вломившийся Пургат потрясал сжатыми кулаками. – Трэбаю исполнения! И уваженный!.. Просба гостя святэе просбы Саздатэля. Тваи люды мнэ не хатат дават! Мнэ...

– О чем он? – спросил Капрас, озирая закономерный итог неуместного милосердия. В Паоне казарон Пургат имел бы успех разве что в мистериях для плебеев, но в Кагете заложники и взятые на поруки считаются гостями. Конечно, можно запереть придурка в подвале, как раба или пленного, только Капрас не любил отказываться от своего слова, а Леворукий дернул маршала объявить Пургата именно что заложником. Назло слишком уж сахарному Курподаю и зачастившим в Гурпо казаронам. Объявил.

– Крындж! – провопило над ухом, и лапа кагета вцепилась в рукоять сабли. – Кры... Пры... Хры...

Пургат требовал. Брызгал слюной, вопил, топал. Иначе он не умел и не желал. Его можно было прикончить, но не заткнуть. Палача крикун, правда, испугался, но страха хватило ровно на полчаса. Уразумев, что он передан гайифцам и отправится аж к императору, Пургат разбушевался, как сорок тысяч бешеных огурцов. Понимавший диспозицию Курподай полез с советами, вот тогда-то Капрас и сглупил...

– Ему нужны собачьи бои, – устало объяснил Ламброс.

– Чего? – не поверил своим ушам Капрас.

– Собачьи бои... Он держит бойцовых собак, их нужно доставить к нам. И добыть у крестьян собак, которые станут с ними драться...

– Я мужчина! – возвестил Пургат. – Я хачу видэт кров! Я хачу ставыт на своих псов и видэт, как они рвут нэ маих!

– Чушь. – Капрас увернулся от разлетающихся из казаронской пасти брызг. – Начинается война, крови на вас хватит.

– Пры... ндж... укк!

Пургат не понимал. Не собирался понимать, он алкал собачьих боев и уважения, ему было плевать на все войны мира, он был оскорблен, он был возмущен, он орал. Капрас сел и выпил. Ламброс тоже сел. Пургат схватил кувшин и поднес к пасти. Он шумно глотал чужое вино и обливался. По щетинистой шее с острым кадыком стекали багровые струйки, заливая оранжевые одежды, и так изрядно пятнистые. Выпивки в замке было залейся, и выпивки

отменной, но маршалу стало жаль именно этого кувшина, только это была не жадность.

Казарон оторвался от горлышка и утерся. Рукавом.

– Я хачу видэт, как маи сабаки рвут глотка! Даже твая... И я буду эта видэт! Я – твой гост! Я хачу...

– Обойдетесь! – отрезал маршал. – А сейчас извольте выйти!

Разумеется, Пургат не вышел. Окончательно забыв гайи, он встал, широко расставив ноги и сжимая кувшин. Чужая речь как никогда прежде казалась скрежетом и лаем. Казарон то хватался за саблю, то потрясал кулаками. Дорогое сукно на локтях было засалено, в комнате все сильнее пахло подгнившим луком. Это надоело, это смертельно надоело... Казарон топнул ногой и занес руку с кувшином, очевидно, для броска, но если Пургату хотелось орать, то Ламбросу хотелось действовать. Капитан, не дожидаясь броска, ухватил дебошира за руку, тот взвыл, выронил кувшин и попытался пнуть артиллериста в колено. Маршал заложил ногу за ногу и кликнул дежурных адъютантов. Гайифец и двое кагетов умело перехватили у Ламброса добычу и повлекли вон.

– Бацута! – с наслаждением крикнул Капрас вслед залитому вином казарону, и Ламброс даже не подумал перечить. Не любивший чего-то не понимать маршал сварливо поинтересовался причиной. Артиллерист вытер руки платком.

– Дело в том, – объяснил он, – что в данном случае, видимо, все так и есть: он – бацута, и его соотечественникам это очевидно. Вы же слышали.

Глава 9 Барсовы Врата 400 год К.С. 10-й день Летних Ветров

1

Вечер выдался роскошный, и не досмотреть его до конца было пошлым мотовством вроде фонтана из кэналлийского, но куда денешься? Политическую попойку из-за того, что облака становятся весенними садами, не отложишь. Оставалось написать пару ронделей и отправиться изысканно буянить или сходить побуянить, а ронделями заняться на сон грядущий? Великие спяну находят очаровательные образы, но Марсель после балов еще не творил – мешали то подвернувшаяся дама, то отсутствующие чернила.

– Рокэ, – окликнул виконт нюхавшего нависающие над пропастью розы регента, – в этих Кошачьих Вратах перо и чернила найдутся?

– Попроси Дьегаррона. – Опять он за свое: вот вам выход, только отстаньте... Не выйдет, сударь.

– А вдохновенье тоже у Дьегаррона? Мне, между прочим, скоро на войну! Конечно, не только мне, но поэт говорит лишь о себе, иначе он...

– Осколок зеркала, – охотно подсказал Алва, – очень возможно, что кривого.

– Вот! – обрадовался Марсель. – А должен быть ройей, бриллиантом чистейшей воды или хотя бы капелькой росы на лепестке вечерней розы... На каплю я не похож.

– Ты похож на своего батюшку. – Алва сорвал одну из упомянутых роз, винно-красную. – И на своего Готти. Ловить отсутствующий хвост, а в нужный момент показать зубы. Тактика, близкая к совершенству.

– По Готти я скучаю, хотя отсюда он видится Котиком. И по батюшке скучаю, но лучше о родителях скучать, чем мечтать о разлуке с ними.

Рокэ был сиротой и не оценил, ничего, оценит Елена. Марсель топнул на бестолкового жука и вспомнил, что регент Талига и его офицер для особых поручений уединились перед ужином, чтобы обсудить нечто срочное и тайное. Алва отлынивал, так что обсуждать пришлось Валме. Он поднатужился и приступил:

– Дьегаррон говорит, пришли новости о морисских налетах. Звучит скорей «стр-р-

рашно», чем достоверно.

– Все побережье «павлинам» не прикрыть, – открыл истину Алва, – сил не хватит. Объединенный флот морисков в море может делать что хочет, но ключевые порты и крепости приличные люди защищают долго. Впрочем, в приличие высшего гайифского командования верится с трудом. Под ковром они еще что-то могут, но не на ковре.

– Под ковром тоже не смогли, – не согласился Валме и уподобился – сорвал цветочек. – Рокэ, мы ведь вляпались?

– Говоря по-адуански, да, – весело подтвердил Алва, и Марселью стало неуютно, будто перед abordажем. Окружающая красота неуют усугубляла, но деваться от нее было некуда – вблизи был Рокэ с розой, вдали – горы. С клубящимися облаками, сияющими вершинами и великий Бакра знает чем еще. В горах водились козлы и барсы, за горами лежали две Кагеты, дружественная и наоборот, а дальше шла Гайифа, где резвились объединенные мориски. Свои мориски хотели, чтобы чужие убралась за море, чужие собирались угнездиться, все вместе требовало сосредоточения, а под носом булькала скверна. Марсель немедленно вообразил прегрязный котел, в котором варился суп из Рожи. Пахло чем-то вроде несвежей капусты или гороха, вспухали и лопались здоровенные пузыри, над котлом склонялась Гарра и всячески пророчила, а вокруг топтались матерьялисты с тарелками лучшего фарфора. Ждали.

– Рокэ, – не выдержал собственных фантазий виконт, – вы... ты знаешь, что со всей этой мутью делать?

– Ты тоже.

– Я? Знаю?!

– Способ важнее самого решения. Нашел первый, второе будет. – Алва смиренно нюхал розу, но виконту почудилась выдернутая из ножен шпага. – С чем ты за мной явился? С готовым планом?

– Кошки с две! – Низкие вечерние ласточки, цветники со снегами и никаких скверн, разве что на себе притащили, а что тащить – было. Когда же он сообразил, что дело в клятве, а значит, в Фердинанде? Живом. Дальше вышло совсем просто, мерзко, но просто. Ну и после Надора было страшновато, не без того. – Я затянул из-за Надора, а то бы управился быстрее.

– Лишняя пара месяцев нам бы пригодилась, – кивнул Рокэ. Все было как в старом добром Фельпе, даже стена, только покойников с мушкетами не хватало. И луны. – Зегина в Гайифе мешает и нам, и Агирнэ, но, пока Паона цела, «три звезды» не разойдутся.

– Это тебя Шелиах научил?

– Тергэллах. Я не исключал, что Шелиах отыщет в Сагранне что-то запретное, но Бакра явил ему горящий Агарис... Мало нам забот, теперь придется следить, чтоб его снова не отстроили.

– А ведь ты, – внезапно понял Марсель, – уже знаешь, с кого начнешь.

– Начинать незачем. Лисенок втягивает в войну Бакрию, Хаммаил – Гайифу. Это нам подходит. Чужие войны удобней своих, кроме того, в них рождается истина...

Что-то кольнуло палец. Валме с удивлением посмотрел на помятую розу в своих руках и по чьему-то обычаю заткнул ее за портупею. Есть же в мире место, где цветы затыкают за портупеи, а нет, так будет! Явиться на бал в нарочито походном платье и со слегка измятым роскошным цветком – в этом что-то есть... На бал?! Проклятье!

– Нас ждут дамы! – взвыл виконт. – И то, что одна в интересном положении, а другая в возрасте, никоим образом не извиняет нашего опоздания. Придется во искупление спеть. Ты будешь или я?

– Я, – удивил Рокэ, – но вряд ли сегодня. Сегодня нам придется слушать песни Лисенка.

– Политика требует жертв, а величества – внимания?

– И чем новей величие, тем больше внимания. – Алва безжалостно отправил винно-красную розу в пропасть. – Фоме или алатскому Альберту важен мешок с овсом, а Бакне

Первому с герцогом Джильди подавай бубенчики на сбрую, иначе упрутся, а ехать надо. Кстати сказать, галопом.

2

Улыбчивый капитан с небрежно заткнутой за ремень розой был истинной чумой, а ведь на первый взгляд казался забавным. Матильда без задней мысли спросила про примеченного ею весельчака у Торрихо. Адъютант рассказал не слишком много, но принцессе хватило. Милый балагур слыл храбрецом и пройдохой. Это он под видом урготского посла заявился в Олларию за Алвой. Тоже, надо полагать, с улыбочкой! Альдо попался – те, кто держит других за дураков, всегда попадаются, – но глядеть на обманщика без злости Матильда не могла. Варастийцы врагами не были, этот самый Валме был, как и его распрекрасный Ворон.

Принцесса не слышала, что кэналлиец говорил Альдо, но внука после поездок в Багерлее трясло от бешенства. И плевать, что балбес воображал себя победителем, это все равно было избиением пусть и скверного, но мальчишки, на час ставшего королем и навсегда сломавшего шею...

– Ваше высочество сегодня молчаливы. – Валме улыбался так простодушно, будто всю жизнь только и делал, что лютики собирал. Альдо не мог не вляпаться.

– В моем возрасте, молодой человек, предпочитают слушать.

– Не думаю, что здесь прозвучит нечто умное. В первый день еще можно надеяться, но в последний?

Первый вечер в Барсовых Вратах она просидела между Вороном и Баатой и дипломатично слопала чуть ли не быка. Молча – не считать же беседой кагетские замечания о величайшем счастье. Алва хотя бы не заводил дурных разговоров, это Валме трещал за восьмерых и тогда, и теперь.

– С чего вы взяли, что я надеюсь?

– Потому что здесь красиво... Дворец, между нами говоря, пестроват и тесноват, зато сады восхитительны, особенно Верхний. А среди восхитительного, как правило, надеются.

– Вы всегда столько говорите?

– Во сне я крайне молчалив. Спросите генерала Коннера, он подтвердит.

– Точно, сударыня, – расплылся знакомый по Тронко адун. – Когда спит, даже не храпит, зато в бою поет, жаб... Прямо соловей!

– Не верьте, ваше высочество. – Еще пара улыбочек, и Валме получит. Блюдом, кубком, обглоданной костью! – Упомянутый казус имел место в Бордоне, а там я был не в голосе и не в лютне, то есть без лютни. Генерал судит со слов молодого Шеманталя, а тот, как и многие таланты, склонен к преувеличению.

– Ну так спой сейчас. – Коннеру было весело, веселились или делали вид все. Даже беременная Этери.

– Сегодня я не пою, – развел руками Марсель, – то есть сегодня пою не я. Если ее высочество желает услышать...

– Твою кавалерию, мое высочество проживет без песен!

– Прожить не значит жить, – негромко сказал подошедший Дьегаррон. – Виконт, вас ищет его преосвященство. Коннер, тебя тоже.

На самом деле ищет или Дьегаррон что-то заметил? Этот может.

– Ваше высочество, прошу нас извинить. Спасенье души, знаете ли...

На то, чтобы кивнуть, Матильду хватило. Валме был в своем праве, выручая Алву. Пес тоже в своем праве, когда рвет глотку волчонку, но что делать, если ты волчица?

– Вы что-то сказали, маркиз?

– Ничего важного, я говорил о песнях. О наших песнях. В Тронко мне казалось, вам нравится гитара.

– И что? – Музыка – это почти погода. Когда нечего сказать, говорят о ней. И еще о здоровье, только Дьегаррон для этого слишком болен, а она еще не слишком стара.

– Простите. Значит, я ошибался.

– Нет, отчего же... – А зальчик в самом деле тесный, хотя зачем больше? Скоро гости уберутся, и намалеванные удоды останутся порхать меж похожими на капусту розами. Никому не нужные в никому не нужном дворце. Когда все кончится, ее тоже пихнут в ненужный дворец... порхать или подыхать.

– Становится душно. Может быть, передвинуть ваше кресло поближе к окну?

– Передвиньте.

Говорить с Валме Матильда не могла от злости, с Дьегарроном тоже, только злилась она на себя. Страшно. Безнадежно. Будто в худющего кэналлийца влезли сразу Ферек, шад, Адриан, Лаци и прорва других не сделавших, не сказавших, сказавших не то и не тогда, а то и послушавшихся. Ее послушавшихся. Дуру, теперь уже старую, а когда-то молоденькую и брыкливую. Дьегаррон, тот просто хорошо воспитан и жалостлив, как мимоза, но остальные... Ну и что, что тебя гонят, а ты не уходи! Лаци, дрянь эдакая, убрался по первому слову. Ферек ринулся истреблять медведей, Адриан обвенчал паршивку с Анэсти, шад прислал пистолеты, а ей кто остался? Не сумевший удрать нытик? Внук, который не слушался никого и ничего, уж не потому ли, что она всю жизнь хотела быть не всадником, а кобылой? Вот и осталась со слепой подковой.

– Я могу сделать для вас что-то еще?

– Нет!

– Очень жаль.

3

Они почти не успели выпить – зал торопливо пересек очень встревоженный пожилой кагет, которого Марсель уже видел в казарской свите. Говоривший с сестрицей Баата подданного «не замечал» до последнего, потом обернулся и переменялся в лице. Разговора, само собой, слышно не было, но Лисенок торопливо покинул Этери и, необычно широко шагая, устремился к болтавшему с бакранами Алве. Бонифаций поспешно наполнил кубок.

– Поторопимся же, дети мои, – изрек он, – ибо чую я совет скорый, долгий и непотребный. Не всякая ложь есть зло, но та, что отрывает нас от друзей наших и от чаш наших...

– ...исполнена скверны, – подхватил Марсель. – А Баата – душка. Альдо на его месте запустил бы кого-нибудь окровавленного и с вражеской головой в мешке прямо к десерту, а тут все-таки дамы!

– Бóшки кагеты режут, это да, – подтвердил Коннер. – А потом присаливают, чтоб не стухли. У холтийцев набрались... Адгемар, покойник, седуновых голов Монсенюру приволок, мороки потом было! По бакранскому обычаю, что на ихнюю гору попало, теперь Бакры, а Бакра убоиной брезгует, козел, куда денешься? Пришлось все хозяйство вместе с казаром покойным, как его Монсенюр хлопнул, под закат сжигать, так от соли этой такой дым едучий повалил, чуть не задохлись.

– Суеверие и дикарство. – Бонифаций поставил кубок и почесал нос. – Обратить бы бакранов сих в истинную веру, да недосуг.

– А чего их обращать? – не понял Коннер. – Кому их Бакра мешает?

– Непорядок! – предвосхитил жующего Бонифация Марсель и передвинулся, чтобы лучше видеть. Лисенок уже всю что-то сообщал. Алва слушал, как всегда чуть склонив голову к плечу. Казар выглядел обеспокоенным, будь он Робером или младшим Савиньяком, Марсель бы не усомнился в том, что случилось нечто паршивое. Он и сейчас не усомнился, только ворвавшийся в разгар ужина гонец, спасибо Иссерциалу, всегда был, есть и будет подозрителен. Особенно если союзник не горит желанием воевать. Рокэ успел повторить Баате раз восемь, что Талиг поддержит дружественную Кагету против внешнего врага, но самозванец Хаммаил таковым не является.

Новостью для Лисенка это не стало: встреча в Барсовых Вратах была условлена загодя,

и тогда же Ворон написал о своем нежелании вступать в чужую склоку. Сын Адгемара, если он чего-нибудь стоит, должен был успеть сочинить что-нибудь душераздирающее. И, кажется, успел. Марсель вытащил из-за перевязи подвядшую розу и поставил прямо в вино.

– Пойду послушаю.

– Не спеши, чадо. Сперва, благословясь, допьем, ибо не должно бросать налитое ради суеты и тлена.

– Не успеем, жабу их соловей! – Коннер был прирожденным разведчиком, потому и занял позицию лицом к двери. Марсель смотрел на Алву с Лисенком, а вот варастиец приметил приближающегося кагета. Того самого, что шептался с казаром.

Рот Бонифация случайно или не очень оказался забит, и «черный вестник» достался Марселю вместе со всем содержимым. Баата не подкачал: на патрулировавших границу с Нижней Кагетой бириссцев вероломно напали сторонники Хаммаила. «Барсы», хоть и были застигнуты врасплох, не испугались, завязалась кровавая битва. Хаммаиловцы бросились наутек, бириссцы бесстрашно поскакали за ними. Увы, доблестных преследователей заманили под гайифские мушкеты. Назад вернулась едва ли половина.

– Они сражались отважно, – окончил грустную балладу кагет, – но что может даже лучшая кавалерия против засевшей за каменными стенами пехоты?

– Глуп поселянин, прельстившийся медвежонком, не подумав о матери его, – буркнул прожевавший Бонифаций. – Кто идет по ягоды с корзиной, не должен думать о шкурах медвежьих. Кто идет на медведя с рогатиной, не должен набивать рот ягодами, сколь бы сладкими те ни казались.

– Коннице не следовало увлекаться преследованием, – перевел епископский вердикт Валме и едва не проверил, хорошо ли пристегнуто отсутствующее пузо. – Но участие в столкновении гайифских регулярных сил меняет многое. Впрочем, это ведь могли быть и наемники?

Глава 10 **Барсовы Врата** **400 год К.С. 10–11-й день Летних Ветров**

1

Дьегаррона увел адъютант. Само собой, по важному делу, других у мужчин не водится. Анэсти и тот, когда не болел и не нудил, бывал ужасно занят. Кошки знают чем, но возмущений и упреков, если его вдруг тревожили, хватило б на восемь рожениц.

Ее высочество воровато огляделась, не заметила никого готового прицепиться и цапнула с подноса полный кубок. Из того, что она снова пьет, принцесса секрета не делала, но пить не значит сюсюкаться с каждым, кто лезет со стаканом в руке и с разговорами. Запас любезности убывал стремительно, но кусать было некого. Валме увязался за Алвой, Бонифаций, сотрясая разошедшиеся полы, тоже убрался. Из знакомых в зале болтались только Коннер с Шеманталями да красавец Бадильо, исчез даже главный бакран, оставив за хозяев сына и невестку. Никто из них не сделал Матильде ничего плохого, но копившееся раздражение требовало если не ссоры, то одиночества. Женщина огрызнулась на сунувшегося со сладстями слугу и ретировалась через стрельчатую дверцу в тот самый Верхний сад, который нахваливал Валме.

С тем же успехом сад мог быть хоть нижним, хоть овражным или вовсе пещерным. Разглядеть что-либо во влажной угольной тьме могла разве что кошка, но Матильду это не остановило. Хрустнул гравий, за что-то зацепился царственный подол, женщина с силой рванула, не привычный к подобному обращению бархат затрещал, и освободившееся высочество углубилось в благоуханные заросли.

Ночь могла скрывать красоту, а могла грязь и разруху, Матильде было плевать. На все

и на всех! Такое на нее уже накатывало. Когда она решилась бросить все и остаться с Анэсти. Когда поняла, *что* бросила и с кем осталась! Старая жизнь... И новая, будь она проклята! В Агарисе Матильда Алати не забыла ничего, и тут тоже... Она больше не хотела... Не желала... Не могла! Ферека отобрали родители, Лаци она выставила сама, остальные были чужими или вообще не были... Только казались, кривлялись зелеными огоньками в насытых снах.

Нога подвернулась на ровном месте, и женщина грохнулась на четвереньки. Платье защитило колени, но в ладони врезались мелкие камешки.
– Осторожно! Осторожно, фокэа!

– Чего? «Фокэа»?! Твою кав... Вы? Опять?!

– К сожалению, я не могу подать вам руку.

– Так не подавайте!

Юбки мешали, но поднялась принцесса довольно быстро. Платье спереди намокло, ладони саднило, будто в детстве. Она вечно, падая, выставляла руки вперед...

– Вы до сих пор не исполнили моей просьбы, фокэа, – олларианец хотя бы не ахал и не лез с сочувствием, – а это очень важно.

– Чего я там не исполнила? – хмуро осведомилась женщина и, одернув пострадавшие юбки, направилась непонятно куда. Аспид пошел рядом, будто какой-нибудь возлюбленный. Ночь оставалась такой же непроглядной, но спутника Матильда видела совершенно отчетливо, мелкие камешки и выбоины под ногами тоже стали заметны.

– Вы обещали передать мои слова. Я не уверен, что смогу напомнить вам о себе еще раз, а тех, к кому я могу обратиться, очень мало. Я нашел вас, я сказал вам. Почему вы молчите?

– Забыла, – призналась принцесса.

– Я боялся именно этого... Одни не видят, другие не помнят, пока не увидят снова, но вы можете себя заставить, если по-настоящему захотите.

– Я... Как вы себе это представляете? Я заявлюсь – к кому? С чем?

– Вы понимаете к кому.

– Твою кавалерию, нет! – К Ворону она не сунется ни с просьбами, ни с чужими словами. – Я не Мупа... записки таскать. И хватит с меня вранья. Вашего вранья. Алва был на вашем пиру... в белом. Вот бы и сказали...

– Я уже просил вас забыть тот... праздник. Он вас не касается, как и те, кто в зеркалах. Они ничего не исправят. Уверяю вас, я бы предпочел более простой путь, но я его не нашел. Будьте внимательней, здесь ступени.

– Я сегодня уже падала, – отрезала Матильда и ухватила за перила. Лестница была старой, щербатые ступеньки не вызывали никакого доверия, но женщина упорно лезла на растрепанную стену. Пока подъем не кончится, можно молчать, что ее высочество и делала, давась, будто взбитыми сливками, обидами. На то, что было. На то, чего не было и уже никогда не будет.

2

– Не стоит преждевременно тревожить ее высочество Алати. – Лисенок возвел на Валме оленьи очи.

– И тем более принцессу Этери, – охотно согласился Алва. Все начиналось в восемьдесят восьмой раз. Баата жаловался на Хаммаила и Гайифу, Дьегаррон украдкой морщился, бакран тосковал, Бонифаций сопел, Марсель изучал потолок.

Кагеты обожали малевать, но делали это ужасно. То пестрое и яркое, что порхало по залам и галереям, навевало мысли о противоестественном союзе Манриков с покойным Альдо. В обеденном зале рябило в глазах от гребенчатых удонов, в покое на втором этаже, принявшем не желающих пугать дам воителей, царили малиновки. По крайней мере, судя по цвету. Единственное хорошее, что можно было о них сказать, это то, что они молчат, зато Баата разливался соловьем, в одиночку заменив свору дуксов. Говорил казар на талиг без акцента, это почти умиляло.

– ...кладет конец нашим надеждам на мирный исход. Мы никогда не хотели войны, но Хаммаил забыл не только родной язык, он забыл совесть, а Гайифа ее никогда не знала. Мне больно смотреть на то, что творит мой соотечественник и родич, ведь Хаммаил-ло-Заггаз – мой четвероюродный брат со стороны матери...

Лисоолененок был восхитителен. Подобную удрученность Марсель наблюдал лишь у папеньки, когда тот делился с губернатором Сабве своей подагрой. Алве тоже понравилось.

– Не имеет дурных родственников лишь тот, кто не имеет вообще никаких, – утешил

он. – Попробуйте поставить себя на место Хаммаила. Он страдает от родства с вами не меньше вашего и сетует на вас тем друзьям, которыми сумел обзавестись.

– У этого человека нет и не может быть друзей. – Голос Бааты был скорбен, но тверд. – Только хозяева, которым он продал себя и хочет продать Кагету, но, пока я жив и могу держать оружие, моя казария не станет гайифской провинцией!

– Сей гнев угоден Создателю. – Бонифаций очнулся и поднял палец. – Воюй, муж благочестивый, и спасен будешь.

– Воистину, – небрежно подтвердил Ворон и возвел глаза к малиновкам. Дурному примеру тут же последовали Бакна с Бонифацием. Марсель уже разглядел потолок во всех подробностях и стал смотреть на казара. Казар восхищал.

– Создатель не оставит меня и Кагету, даже если от меня отвернутся те, кого я считал друзьями. – Голос Бааты едва заметно и очень мужественно дрогнул. – Я хочу лишь одного. Правды. Я благодарю регента Талига за откровенность и жду слова того, кто заменил мне отца... от владыки Бакрии.

– Воля Бакры непостижима. – Старик, добрая душа, в самом деле расстроился. – Мой сын счастлив со своей красивой женой. Ты – брат Этеры, но ты взял под свою руку зловредных седых кошек. Ты сказал, они будут далеко от нас. Я поверил. Теперь ты просишь нашей помощи. Ты ждешь, что мы нападём на твоего обидчика вместе с седыми. Я хочу тебе помочь, но такого не может быть.

– Значит, я остаюсь один. Отец был прав, когда говорил, что у Кагеты лишь два союзника – Создатель и сабля. Что ж, по крайней мере за сестру я спокоен... – Какой взгляд! Святой Андий и все птице-рыбо-дуры его, какой взгляд! Окажись тут принцесса Юлия, она б немедленно бросила Луиджи, и фельпская угроза нависла бы над Еленой.

– Брат Этеры, – твердо сказал Бакна, – если тот, кого ты зовешь Создателем, тебе не поможет, мы примем тебя в том, в чем ты придешь, и дадим тебе жену, чтобы род твой не пресекался.

Лисенок медленно опустил голову, и Марсель рискнул. Пережевывать героическую жвачку в восемьдесят девятый раз не тянуло, а душа и отсутствующее пузо требовали чего-то дипломатичного. Конечно, все мог испортить Дьегаррон...

– Соберано, – провозгласил Валме по-кэналлийски и вызываяще понизил голос, – я понял! Из здешних малиновок и Лисенка выйдет недурной птице-лисо-умник.

– Хорхе, – не моргнув синим глазом, подхватил Ворон, – виконт намекает на герб Фельпа.

– Надо сказать, – сурово уточнил Марсель, – что никто из нас, включая маршала Савиньяка, не может понять, как покончить с его, то есть ее, девственностью.

– Я думаю, – негромко предположил Дьегаррон, – все дело в том, что эту фельпскую девушку никто по-настоящему не любил.

Марсель не подавился только чудом.

– Вы правы, маркиз, – спокойно перешел на талиг Ворон. – Наше затянувшееся отсутствие может обеспокоить дам. Они вообразят себе что-нибудь ужасное.

Алва поднялся, и Лисенок последовал его примеру. Внизу мало что изменилось. Разноцветные удодцы по-прежнему вовсю порхали. Этери чинно беседовала с супругом, Коннер пил с Шеманталями, Бадильо изнемогал в схватке с окружившими его кагетами. Только алатки не было видно нигде.

3

Наверное, она могла уйти или хотя бы попытаться. Опасным черным оллариянец не казался, разве что признать его бредом, а себя свихнувшейся старухой. Вот это было бы по-настоящему страшно, куда страшней смерти, но Матильда не сомневалась: она в здравом уме и растрепанных чувствах сидит на каменной скамье, а рядом торчит не пойми кто, дважды ее спасавший, а на третий раз попросивший об услуге, о чем она позорно забыла.

– *Было восемь, стало семь, а теперь девять*. – Когда-то ее высочество бубнила под нос названия рек и имена знаменитых витязей. – *Не расплескать колодцы, встать там, где должно...* Кэртиана смотрит в Закат и ждет... Проклятье родилось из спасенья... ничто не ушло до конца... Вроде помню, но не понимаю. Другие тоже не поймут.

– Должны понять. – Она видит оллариянца, стену, звезды над головой, и они отливают красным. Раньше на небе была одна красная звезда – Фульгат, а теперь, выходит, все?

– Я вернусь к себе и все запишу. Пусть читают...

– Если вы сумеете это сделать, я уверю в чудеса. И в то, что тень живет без света, а смерть без жизни... Звезды не изменились, фокэа, не бойтесь. *Этого* не бойтесь.

– Чего мне бояться?.. Вы не знаете, что со львом?

– Вы умеете удивлять, а я умею не понимать... Просто не понимать чужих слов, как любой из вас. Что за лев? Зачем он вам?

– В Агарисе, на кладбище... Вы меня загнали на могилу Эсперадора, там был каменный лев... Потом он... Твою кавалерию, не знаете, и ладно!

– Знаю. Это не было сном, фокэа, и львом тоже не было. Туда приходили, пришли и в ту ночь. Вам просто повезло. И мне...

Да уж, что повезло, то повезло... Напоследок.

– Слышите, фокэа? Они идут. Я уйду – они станут видеть; вы скажете – они запомнят. Только не ждите, не слушайте, не отвечайте, пока не скажете все.

– Я, кажется, обещала!

Аспид не ответил – пропал, оставив темноту, в которой что-то запыхтело и затопало.

– *Зверю цена жизнь*, – да, именно так, – *жизнь цена зверю, а смерть – цена зову...*

– Вот ведь неразумная! Мало того что смерть всеу поминаешь, так еще и на стену влезла, ровно не овца заблудшая, но ящерица! Слуг расшугала, Дьегаррона в печаль ввергла, маршал же в печали ослу подобен или, того хуже, медузе сопливой. А если б ты во тьме сей шею сломала?!

– Пошел вон! – с наслаждением прорычала ее высочество. Бонифаций явился удивительно вовремя: их никто не слышал, и епископа не было жаль, как Дьегаррона с его несчастной головой.

– Ну поори, поори... – Что-то более черное, чем сама тьма, тяжело плюхнулось рядом. – И кошка орет, а коту свое дело делать не мешает. Даровал вашей сестре Создатель голос, дабы истинные чувства скрывать и гордыню лелеять, ибо слабы вы...

– Хряк!..

Чего-чего, а скрывать свои чувства Матильда не пыталась. Не могла она их скрывать и не хотела. Женщина еще никогда и ни на кого так не орала. Все невысказанное, кое-как запитое, придушенное подушкой, рвалось наружу. Обвинения, упреки, обиды толкали друг друга, будто лезущие в ворота овцы, и отара эта была бесконечной и нелепой. Матильда охрипла, в горле пересохло, но она кричала и кричала, пока совсем рядом с неба что-то не обрушилось. Раздался клекочущий визг, захлопали мягкие крылья.

– Ладно уж, – пророкотало из тьмы. – Отпускаются сквернословице сей грехи ее, ибо не ведала она, что творила, когда по младости, когда по дурости, а когда от горя великого.

– Очумел? – почти миролюбиво прохрипела принцесса. Она уже вывалила все, что могла, и теперь внутри было пусто и почти спокойно. – Нужно мне отпущенье твое... свинячье!

– Нужно, а то бы с чего ты исповедоваться во грехах удумала? Грехи тяжки, так и я тяжек, и ты не пушинка. Кони наши нас любят, а мы грехи свои любим и таскаем, пока с копыт не свалимся. Так не дам же я тебе того. И Дьегаррону не дам, не для его шеи ты камень и не для его спины ноша.

– А меня сюда не Дьегаррон притащил, а ты. Наврал и притащил... За каким котом свинячим? Лакать и без меня можно, хоть с кагетами, хоть с козлами. – Хотелось выпить – не вина и не касеры, простой воды. Болели ободранные ладони, и было страшно спускаться по крутым щербатым ступеням, очень страшно... – Переговоры, свидетель, война... Какая

война? Бочке ясно, никто никуда не пойдет, а лето кончится, так и не пройдет... Горы.

– Вот ведь, – одобрил Бонифаций, – прокричалась и поумнела. Опять же отпущение просветлению способствует. Только чист я пред тобою, как родник, и не было в словах моих лжи, как нет яда в вине и греха в радости. Быть от тебя пользе великой, если шею по дурости не сломаешь. Ну кто тебя на эту верхотуру затащил?

– Я устала, – вдруг призналась Матильда. – Устала и хочу воды, а потом спать... И оставь в покое Дьегаррона. Ну, возится он со мной, и что? Отвечает он за всех, кого ему подсунули, а я еще и принцесса, пусть и тухлая. Куда ему от такого счастья деваться? Он же мне в сыновья годится, холере старой...

– Да не он молод и не ты стара! Мякина у вас обоих в башке, вот в чем беда. Он тебя боится, ты себя боишься, это я никого не боюсь. Так что заживем душа в душу, когда драться не будем.

Она не поняла. Ослышалась. Спятила. Онемела.

– У нас сим делом король заправляет, – спокойно объяснил оллариянец, – а нет, так регент или же Проэмперадор, так что дозволит и благословит. И нигде не сказано, что я сам не могу. Лекарь тут у нас был, ногу ему раздробило, не собрать. И что ты думаешь? Сам себе топором оттяпал. Некому было, а подыхать не хотел. Ну а я Создателя в наш с тобой союз втравлю, овца ты заблудшая...

4

Мистерия продолжалась. Лисенок со всей братской нежностью оберегал находящуюся в деликатном положении сестру от ужасов войны. Он ничего не сказал о гайифских солдатах в сердце Кагеты, за него это сделал запутавшийся в политической паутине сестрин свекор. Баата выдохнул: «Умоляю, молчите!», но старый бакран успел вывалить столько, что дальнейшее запирательство бедной Этери лишь повредило бы. Все начиналось сызнава. Марсель успел дважды пересчитать настенных удонов, но так и не понял, по какому принципу их разместили и почему одни были размером с Эвро, а другие с пол-Котика. Возможно, художник так представлял перспективу, а может, удоды символизировали казаронство, где размеры – ничто, а фанаберии все. Марсель уже подумывал о том, чтобы вклиниться в ставшую не слишком оживленной беседу и спросить, но тут Алва, смакуя вино, напомнил, что у Талига обязательства перед Бакрией, а не перед Кагетой и что, вторгнись гайифцы в Бакрию, верный своим обязательствам Талиг...

Лисенок смекнул, Бакна и его сын нет. Раздались благодарности и уверения, принесли вина и фруктов, Этери положила точеную ручку на живот и удивилась, что все время забывает, что Бакрия – это не Кагета, а Кагета не Бакрия, ведь она словно бы и не покидала родного дома. Брат поцеловал пальчики сестры и сурово насупил соболиные брови. Рокэ полюбопытствовал, заключен ли между Бакрией и Кагетой договор, подобный бакрийско-талигойскому. Договор был, и если б на Бакрию кто-нибудь напал, Баата немедленно бросился бы в бой. Пусть его силы были несопоставимы с теми, которыми располагал Дьегаррон, но казария была ближе. Спина к спине родичи продержались бы до подхода варастийского корпуса. Дьегаррон, как всегда тихо, заметил, что готов к самому сложному маршу, но Паона вряд ли решится воевать одновременно с Талигом и морисками. Рокэ согласился, что последнее маловероятно и Бакрии этим летом ничего не грозит. Лисенок гордо и обреченно скрестил руки на груди, Этери подняла взволнованный дочерний взгляд на свекра, и тут вернулся Бонифаций, где-то добывший принцессу Матильду.

Алатка Марселю нравилась. Все еще красивая, чернобровая и пышногрудая, с коротко стриженными волосами, Матильда была немногим младше батюшки виконта, что не мешало глядеть на нее с удовольствием. Недурна была и сестрица Лисенка, но женщины, дарящие мужьям по наследнику в год, Валме пугали, даже если не втравливали родню в войны.

– А вот и мы! – возвестил святой отец. – Мы, сбросившие бремя минувших горестей и обретающие радость мирскую в предвкушении радости вечной. Да будет всем известно, что

я перед лицом Создателя нашего назвал сию Матильду своей невестой, а она меня своим нареченным, что я и оглашаю и вопрошаю всех слышащих: ведомо ли вам нечто, делающее сей союз невозможным?

Кто-то, кажется Коннер, восхищенно присвистнул, кто-то уронил яблоко, или оно само свалилось с подноса от избытка чувств? Марсель впился глазами в невесту. Туфли ее высочества были в грязи, платье спереди подмокло, а нижняя оборка ободралась, но принцесса вряд ли это замечала. С такими лицами не оборки проверяют, а прыгают с мостов или убивают.

– Ну так что? – грозно пророкотал пастырь, сжимая руку невесты. – Скажет ли кто, что я не могу взять сию женщину в жены?

Тут, пожалуй, скажешь! Валме и прежде восхищался епископом, но на сей раз восхищение требовало выхода, и Марсель, обогнув остолбеневших бакранов, наклонился к Ворону.

– Кому-то все же придется петь, – шепнул виконт. Алва пожал плечами.

– Марш за розами! – шепотом же велел он. – Срезай всё, что выросло.

– Я хочу досмотреть, это же раз в жизни...

– За розами! – негромко повторил Ворон. Марсель кивнул и попятился, косясь на жениха и невесту. Бонифаций напоминал крайне серьезного быка, принцесса – только что откопанный антик. У самой двери пятящийся Валме налетел плечом на Дьегаррона и извинился. Маркиз не расслышал.

5

Этери что-то быстро вполголоса говорила. Матильда с трудом поняла, опустила глаза: туфли и подол в самом деле были в грязи, а юбка еще и оборвалась. Ну и что с того? Какая невеста, такие и тряпки! Никто этого хряка не заставлял... Никто! Алатка дернула головой, будто норовистая кобыла, и вдруг поняла, что *в самом деле* выходит замуж. За толстого скота, на котором клейма ставить негде. Этот бред был почище любого сна, но она еще могла остановиться и остановить. Разогнать навалившихся с поздравлениями чужаков. Заорать, что она им не кляча, чтобы тащиться за всякими конокрадами... От нее отстанут, куда денутся, а вот куда денется она? К облезлому братцу, кинувшемуся писать нежные письма, когда мориски сожгли Агарис?

– Ваше высочество, здесь будет плохо слышно. Эти комнаты не для гитары, нужно подойти ближе.

Ближе? Не нужно ей ближе! Пусть поют что хотят. Твою кавалерию, это ведь...

*Эй, неси скорей вина,
Гейя-гей,
Тосковать, дружок, не смей!
Пей до дна, пляши!*

«Пей до дна, пляши!»... Толстые стены давят, глушат звуки, но не узнать невозможно. Она слушала гитару в Тронко, именно эту гитару, но там струны пели по-другому. И другое...

– Прощу извинить мое произношение... гица. И возможные ошибки.

– Твою кавалерию, здесь что, Сакаци?!

– В эту ночь – безусловно. Да станет она Соловьиной.

*Соловьи поют, лету радуйся,
Ты целуй меня, целуй ласково!*

Скрипки, те плачут, смеются, дерут душу, но это чужие слезы и чужой смех, а гитара

бередит твое. То, что сам в себе не знаешь!

*Скачет витязь по дороге,
А подружка уже ждет на пороге.*

Соловьиные ночки, ночки Золотые... Костры, поцелуи, шалые глаза, шалые скрипки и рассвет... Как же она плясала в Сакаци... Вот под это самое и плясала.

*Плещет речка под горою,
Твоя молодость еще, милая, с тобою...*

Молодость. Хохочущая девчонка в красной юбке – Матишка Мекчеи. Не доплясала, не досмеялась, не дожидая своего, сгинула в гнилом Агарисе, а теперь вернулась за собой-старухой. Стоит, смотрит в глаза, будто просит чего. Алые губы, алые бусы, навечно шестнадцатая осень. Хороша была Матишка, да нет ее больше, и как же жаль, ведь собственными руками...

– Сударыня, я всегда полагал, что нет ничего своевременней позднего брака. Вам следовало выйти замуж за кэналийца, но тогда вы бы не смогли отдать руку его преосвященству, а он мой друг, так что в конечном итоге вы поступаете верно.

Обрывается песня, исчезает Матишка, гаснут сакацкие костры. Навеки гаснут. Матильда Алати выходит замуж за друга Рокэ Алвы. Братец от счастья запрыгает до потолка и пришлет еще сорок сундуков барахла. Родная кровь. Побитая молью дрянь! Вот сейчас бы и сказать им всем и убратся... Нет уж, милая, ничего ты не скажешь и никуда ты не уберешься! Кто гневил и Рассвет, и Закат? Дескать, кончилась жизнь, не начавшись, дескать, зря уважали тебя и ублажали, а не хватало за шиворот и не волокли, ну так вот тебе хряк, которому начхать на твои вопли! Бери и живи.

Хорошо, она возьмет. А станет неспособна, пистолеты Дьегаррон назад не отберет. Отправить постылого мужа в Закат – это так по-алатски. Только в доме Мекчеи три девицы прикончили агарийских супругов. Три девицы и одна вдовица...

– Идемте, сударыня. Некоторые вещи лучше не откладывать. Особенно жизнь и, следовательно, свадьбы.

Матильда пошла, то есть ее повел откуда-то вынырнувший Лисенок. Красавчик старался. Она тоже – не укусить.

– ...такая неожиданность... домовая церковь нашего рода... с восторгом примет... счастье...

Счастье? Сколько было этого счастья в шестнадцать лет, когда она победила! Послала весь мир к кошкам и получила своего принца. Стройняшечного, беленького, красивенького... А он брыкался как мог. «Любовь изгнанника горька...» «Тебя проклянут родные...» «Ты сгоришь, как мотылек на огне...» Уж лучше бы сгорела, только не на чем оказалось! Свечка из прогорклого сала даже не тлела – ее сгрызли мыши, а мотылек стал старой жабой... Свечки Агариса... Венчальные, погребальные, те, что вспыхивали одна за другой в день избрания Эсператора... то ли сожженного заживо, то ли задохнувшегося в дыму...

– Не нужно свечей! – потребовала Матильда, прежде чем поняла, что делает.

– Их не будет, – пообещал кто-то... Ворон. – Твое преосвященство, веди ее в Рассветные врата, а лучше неси. Пора кончать с ночью, гица. Открыть двери!

Ночи за дверьми уже не было. На зеленом шелке переливалась россыпь алмазов. Черные зубы гор вцепились в рассвет, но удержать его не могли.

– Твою кавалерию! – возопила Матильда, потому что ноги ее оказались в воздухе, а крепко и неудобно ухвативший женщину Бонифаций вывалился навстречу встающему дню в светлый холод. Где-то тут она ночью споткнулась, вывозилась в грязи, порвала платье, но грязь исчезла. Розы, расцветшие и расцветающие, устлали землю... Твою кавалерию, все это было для нее!

– Да будет тебе известно, овца ты заблудшая, – пропыхтел Бонифаций, – что земля с небесами и есть истинный храм, а мы пытаемся уподобиться Создателю, да не можем! Еретики, те в дури своей всех под крышу гонят, у нас же там служить дозволяется, где того душа требует.

– Ну и кому в такое утро нужен храм? – Шагавший вровень с епископом Алва усмехнулся. – Чтобы начать сначала, довольно роз и рассвета. Само собой, если вы в самом деле собрались начинать.

Часть третья «Солнце (Полдень)»³

Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Бергмарк. Агмштадт. Дриксен. Эйрехт 400 год К.С. 11-й день Летних Ветров

1

³ **Высший аркан Таро «Солнце» (Le Soleil)** символизирует истину, стремление к свету, тихое счастье, доверие к себе и душевный мир, примирение со своей «теневой» стороной, достижение чего-то важного, исполнение желаний. **ПК** : недоразумение, ложные представления об успехе, срыв планов. Все сбывается, но не сразу и не в полной мере.

Маршала Савиньяка никто не вынуждал, не просил и даже не уговаривал, скорее уж наоборот. Маркграф откровенно удивился затее гостя, но возражать не стал. В Бергмарк приказы уважают, но разве мог приказ регента «никого не пускать к этим скотам» относиться к Савиньяку? Он и не относился, по крайней мере в мозгах Вольфганга-Иоганна. За ужином Ли уведомил хозяина о завтрашнем посещении, маркграф переспросил, убедился, что понял правильно, кивнул и вернулся к бою у Гемутлих.

Формальности были соблюдены, и наутро танцующий от избытка сил Грато остановился у подножья каменных лестниц, что обвивали Денежную гору. В крепости на ее уступах бергеры держали казну и хлеб. Ничего более подходящего для бывшего канцильера и бывшего обер-прокурора Талига у союзников не нашлось – пленных горцы брать не

любили, а немногочисленных местных воров предпочитали клеймить и, отрубив руку, отправлять на все четыре стороны. Разумное зерно в этом варварстве, без сомнения, имелось.

Савиньяк в сопровождении пары бирюзовых здоровяков поднялся к первым воротам, мысленно хваля себя за отказ от завтрака по-бергерски, после которого число ступенек самое малое удваивалось. Комендант, он же казначей, он же двоюродный дядюшка маркграфа, немедленно пригласил гостя к столу. Талигоец отговорился тем, что есть разговоры, которые во избежание тошноты ведут натошак; дядюшка-казначей расхохотался и пригласил отобедать по окончании. Лионель согласился, и его препроводили во двор, который в более утонченной местности называли бы террасой.

Вид с нависавшего над ворчливой речкой уступа открывался завораживающий, хотя вынужденное ежедневное созерцанье портит и не такие красоты. Маршал уселся на способную выдержать пяток Хайнрихов скамью и стал ждать. Он не готовился к разговору – все зависело от собеседников. Люди, которых он знал и не любил, могли остаться собой, а могли перемениться. Лионель верил Давенпорту, Лараку с Левфожем, а больше всех – матери и Инголсу, но собственных глаз чужое мнение для него не заменяло уже лет двадцать.

Маршал шурился на пронизанные светом облака, немного вспоминая удачную ночь, немного – гаунаские эдельвейсы. Передышка неотвратимо заканчивалась, и осознание этого делало мох на древних камнях ярче, а дела – неотложней. Когда за спинойбрякнули запоры и раздались шаги, Ли обернулся не сразу, но тянуть тоже не стал.

– Садитесь, – предложил он высокому человеку в богатой коричневой одежде. – Вы хорошо выглядите, даже досадно.

Колиньяр сдержался и сел. Любопытно, без чего ему тяжелее, без шпаги или без подчиненных?

– Я хочу знать, – холодно спросил Лионель, – как вышло, что Сэ сгорел, а моя мать спаслась только благодаря барону Райнштайнеру?

Прежний Колиньяр взревел бы, нынешний угрюмо огрызнулся:

– Ваша мать жива, в отличие от моей сестры и моего сына...

– Я бы с уважением отнесся к вашему горю, предайся вы ему по горячим следам. – Порой искренность можно себе позволить не только с друзьями и варварами. – Потеряв наследника, вы немедленно повезли дочь сперва в Сэ, потом в Валмон. С матримониальными намерениями, надо полагать.

– Какое это сейчас имеет значение...

– Для вас – никакого, но я хочу отделить вашу глупость и несчастное стечение обстоятельств от чужого ума, если он в самом деле замешан.

– Ваши желания, граф, меня не волнуют. Прощайте.

– Вы уйдете, когда этого захочу я, – уведомил Ли.

Теперь следовало помолчать, пусть прозлится. Колиньяр обретал дар речи, Савиньяк любовался ландшафтом. Брать под стражу маршалов и генералов капитану королевской охраны доводилось, вести дознание – нет, но определять степень вины профукавших Эпинэ и Олларию болванов Лионель не собирался, хотя ничего против справедливости не имел. Когда она не мешала более важному.

– Вы пользуетесь своим положением! – по некотором размышлении возмутился набивший Багерлее старичьем и женщинами господин. Ли улыбнулся, в Гаунау он привык улыбаться.

– Так делают все. Кто удачно, кто – не слишком. Вы и ваш брат-губернатор тому пример.

– Наша фамилия служит Талигу, а не Савиньякам и Валмонам. И не самозваному регенту, захватившему короля и кардинала. – Колиньяр сидел в Денежном замке с осени, но отказаться от прокурорского тона так и не смог. – Ничего удивительного, что Ноймаринен дал ход доносам своего шпиона, догадавшегося прикрыться графиней Савиньяк! Допустив Робера Эпинэ в самый центр провинции, ваш Райнштайнер...

Господин не только не отказался от прокурорских замашек, он озаботился сочинить целую речь. Само собой, обвинительную. Виновных нашлось множество. Мятежник, убийца и насильник Эпинэ. Находящаяся в сговоре с ним королева. Предатель Люра. Вручивший предателю армию король. Не поддержавшие губернатора Сабве южные графства. Не поверившие воплям изнасилованной девы на Совете Меча вельможи. Не давший себя резать Райнштайнер...

— О том, что делал Райнштайнер, я узнаю у Райнштайнера. — Лионель улыбнулся еще разок. — О том, что делал Эпинэ, — у Эпинэ. Почему вы перед высочайшей аудиенцией не причесали вашу племянницу и откуда взялся весь этот бред с насилием?

Молчит. Ноздри раздуваются, но молчит. А кто бы на его месте признался, что «изнасилованную» красотку выволок к трону от дурного вкуса и еще потому, что с помощью Манрика собрался пересчитать врагов и съесть хотя бы тех, кто не поверит громко? Самой смелой оказалась Катарина... Потому что поняла: это — угол, и нужно прыгать вперед, пока не поздно. Колиньяр в углу выглядел гораздо хуже.

— Вашу племянницу я ведь тоже могу спросить. Прямо сегодня.

— Кто вам мешает. Спрашивайте!

— Если потребуется. Девица Маран расскажет, что видела и слышала, но чтобы понять ваши с Манриком замыслы, она слишком глупа, а госпожа Арамона, которую я тоже могу спросить, напротив, слишком умна. Так зачем вам потребовалось устраивать во дворце балаган?

— Меня как обер-прокурора беспокоили положение на юге и разросшийся заговор в столице. — Пошел в атаку. Перегруппировал силы и пошел. — Я получил полномочия лично от кардинала. Его высокопреосвященство имел серьезные основания не доверять некоторым фамилиям. Придды, Рокслеи, Карлионы, Ариго, Килеаны, Феншо, Окделл, которого опрометчиво приблизил к себе герцог Алва... Возможно, вы думаете...

— Я думаю, что вы не соответствуете своему гербу. Приличные медведи отстаивают свое право на берлогу самостоятельно, а вы рассчитывали, что герб Эпинэ разобьют и ваша сестра приберет к рукам наследство. Забавно, но все идет к тому, что Колиньяр и Сабве достанутся герцогу Эпинэ и его нынешним сподвижникам, тем более что эти земли, как и владения самого Робера, сейчас под управлением Валмона.

— Подозрения его высокопреосвященства подтвердились в полной мере. Сговор между Эпинэ, Валмонами и Савиньяками очевиден! Вы были слишком снисходительны к Катарине Ариго и Рокслеям, чтобы держать вас в столице. К несчастью для Талига, его высокопреосвященство не успел завершить задуманное!

Какой портрет мог бы получиться! Обер-прокурор в гневе, в узилище и в рамке, но рисовать Колиньяра больше смысла нет. Колиньяры вывалились из талигойского расклада, а розовые лебеди едут в Эйрехт, навеки связав свою судьбу с Фридрихом...

— Вы ошибаетесь, — спокойно произнес Лионель. — К несчастью для Талига, Сильвестр прожил на пару лет больше, чем следовало.

Колиньяр не понял. Обер-прокурор не представлял намерений покойного даже на собственный счет. Какое все же распространенное заблуждение — видеть себя поваром с ножом, а не курицей в горшке.

2

Здоровенный, надувшийся дармового пива парень попытался отпихнуть Руппи, получил каблуком по колену и взвыл от боли. Граф Фельсенбург даже не обернулся, хотя вложил в удар изрядное количество скопившейся за неделю злости. Бесило все — праздничные толпы, трескотня фейерверков, трактирные запахи и лезущая помимо воли в уши чушь. Эйрехт салютовал победам Бруно и почти не вспоминал о суде. Какой суд, когда вокруг столько любопытного?! Судьба двух адмиралов занимала город даже меньше здоровья кесаря, а военные успехи, прелести Гудрун и оплаченное регентом пиво все

быстрой разворачивали Эйнрехт к Фридриху.

Сейчас на Ратушной под барабанный бой блистала конная гвардия. Пробившиеся в первые ряды моряки едва не ткнулись носами в стройную шеренгу лоснящихся лошадиных круп. Гвардейцы его высочества радовали взгляд не только бравым видом и богатым шитьем, но и выучкой. Руппи помимо воли залюбовался несостоявшимися товарищами. В конной гвардии начинали отец и дядя, а до них еще множество Фельсенбургов и Штарквиндов. Флот был причудой бабушки, не желавшей, чтоб ее внуком командовал Фридрих. Флот стал жизнью и совестью Руперта фок Фельсенбурга, но родные этого так и не поняли, разве что бедняга Мартин...

Горделиво протрубили горны. Всадники в блестящих кирасах двинулись навстречу друг другу с противоположных концов площади и замерли перед входом в ратушу, образовав живую машущую хвостами галерею. Колокола на башне отзвонили шесть раз. Грохнули пушки, взлетели белые голуби, и из дверей выплыл его высочество в гвардейском мундире. Рядом разрежала грудью незримую волну Дева Дриксен и пыхтел бургомистр в седоземельских мехах.

Завопили. Побежали детишки с полевыми цветами. Принц и принцесса, чуть задержавшись на крыльце, рука об руку спустились по застланной коврами лестнице. Фридрих подсадил Гудрун на зильберскую кобылу, а сам вскочил на вороного мориска, коего и вздыбил, приветствуя добрых горожан. Горожанам понравилось. Ударил ратушный колокол, оповещая Эйнрехт, что принц-регент и ее высочество исполнили кесарский долг⁴ перед городом и изволят отбыть. Царственная чета тронула коней и под флейты и барабан исчезла за углом; следом, картинно смыкаясь по четверо в ряд, потянулись гвардейцы, а свита, топча несчастные ромашки, все еще стекала на площадь. Фок Ило, старший Маргеунд-Бингауэр, снизошедший до воздушных поцелуев горожанам Хохвенде, Троттен... Готфрид, навещая отцов города, брал с собой тех, кто мог пригодиться при разговоре, Фридрих появился со всем хвостом, и хвост этот был длинней и толще, чем думалось бабушке.

Хохвенде поднялся в седло, что-то сказал Троттену, засмеялся. Руппи стиснул кулаки – большего он не мог, разве что... Влепить уезжавшему подонку пулю лейтенант бы успел. И все бы загубил! Опять захлопали крыльями отпущенные голуби. Странно холодный, будто вырвавшийся из затхлого подвала ветер рванул флаги, бросил в лицо уезжавшим серую уличную пыль. Хоть что-то...

– Пошли, что ли? – буркнул Грольше, и они пошли, проталкиваясь сквозь расходящихся зевак и ловя обрывки веселой болтовни. Руппи лавировал в толпе, не теряя из виду своих, но и не слишком к ним приближаясь. Это было несложно, а вот держать себя в руках... То, что Фридрих в честь южных побед устроит гулянья с парадом, дармовой выпивкой и фейерверками, было понятно. То, что Эйнрехт на это клюнет, – тоже, но довольные физиономии казались наследнику Фельсенбургов личным оскорблением. Руппи не представлял, как он раньше почти любил столицу, и все меньше понимал, что творится в головах остолопов, лезущих под копыта гвардейских лошадей.

О том, что у принца в Гаунау приключился конфуз и к дядюшке-кесарю он примчался отнюдь не победителем, стало известно довольно быстро. Следом за слухами подтянулся поредевший «каданский» корпус. Бравые гвардейцы во всем винили неуклюжих и тупых «медведей», вояки попроще поругивали начальство, люди слушали и охали. И тут старый Бруно выправил положение, без особых потерь переправив армию через Хербсте и захватив важную крепость.

Фридрих объявил о взятии Доннервальда на второй день суда, о котором и так говорили не шибко. Так объявил, что победа стала почти его, а предыдущие поражения – почти Готфрида. Это могло расшевелить бабушку, но пока о Штарквиндах слышно не было,

⁴ Кесарь обязан четырежды в год посещать ратушу Эйнрехта.

по крайней мере по трактирам и площадям, где царили Фридриховы подпевалы и вербовщики.

Шедший первым Йозев споткнулся и по-боцмански помянул крабью тещу. Грольше ухватил старика здоровой рукой за плечо и резко свернул в ближайший переулок. Руппи, борясь с раздражением, припустил следом. Вряд ли кто-то в этой людской похлебке обратил внимание на соленые словечки, вряд ли кто-то их вообще разобрал, а если и разобрал? Мало ли в Эйнтрехте народу с побережья, и все же...

Переулок был тих и извилист. Утром они тут уже проходили, жалея, что осужденных щелями не возят. Лейтенант оглянулся и прибавил шагу.

– Если в конвое пойдут такие ребята, – с ходу «обрадовал» намолчавшийся Грольше, – придется тяжельно... Точно говорю.

– Кто пойдет? – не понял Руппи.

– Да гвардейцы же! – сплюнул от избытка чувств абордажник. – А все эти животные... На пальбу и ухом не ведут, толпы не боятся, от крика не шарахаются... И залезшие на них балбесы управляются с четырьмя копытами не хуже, чем я со своими двумя. Если в конвое таких до полусотни... Веселенько! Скажи, Йозев?

– Да уж, – подтвердил бывший боцман. – Ох, и вляпаемся мы с ними, чуёт моя селезенка!

– Мы знали, что придется драться с охраной. Конной.

– Торстенова сила, мы же на палубе привыкли орудовать да на своих на двоих! Там ясно, что делать, чего от кого ждать; как свою шкуру сохранить, а чужую – подпортить, а вот тут... С лошадьми всерьез дела иметь не доводилось, а уж с кавалерией вашей гвардейской... Точно говорю! Ну не думал я, что они *так* хороши, хоть режьте, не думал! Больно уж ловко с конями обращаются. И не каждый сам по себе, а как хорошая абордажная команда. Прямо как на «Эбби» была, помнишь?

«Эбби»... Искалеченный, лишенный управления, вываливающийся из линии... Корма «Ноордкроне» открыта, это конец, а кэцхен все пляшут... Пляшут и смеются. Вальдес говорит, они умеют и плакать, но ведьмы и слезы – это как ветер и тина, хотя о Бешеном они бы заплакали...

– Сам по себе, может, и не каждый конный двоих стоит, зато когда вместе... Вот и тут, считай, нам не с пятью десятками дело иметь придется, а с целой сотней... – Как же старый Йозев похож на Зеппа! И ведь привык вроде, и все равно всякий раз как иглой в висок! – Эй, сударь, вы чего? Голову напекло?

Ничего ему не напекло, просто снова не ко времени накатило – Зепп, Олаф, поющий в снастях шван... В свинец залива вползает речная глинистая муть. Нужно доставить Хохвенде к «купцам», не хочется, но приказы не обсуждают. Ему уходить, Зеппу драться. Зеппу ждать на пороге Рассвета, ему – жить за двоих.

– Сударь!..

– Господин лейтенант!

– Я... думаю. Меня ведь в гвардию записать хотели... Я понимаю в лошадях, в нашей... семье все понимают. – Нет бы спросить господина талигойского полковника, как он управился с охраной, как он вообще управился, ну так кто же знал, как все повернется?!

3

Манрику следовало столкнуться с Колиньяром, и, само собой, они столкнулись. На мгновение, но Лионель успел убедиться: эти двое из тех проигравших, что ненавидят друг друга еще сильнее, чем победителей. Хотя после сегодняшнего с бывшего обер-прокурора сталось бы изменить мнение «в пользу» Савиньяка. Ли это уже не волновало – временщик становился прошлым во всех смыслах этого слова. Пошлют мерзавца в Занху или еще лет двадцать станут кормить ячменными лепешками – разницу почувствует разве что кастелян, или кто там у бергеров выдает простыни и мыло. Забавней всего было бы отправить

Колиньяра Фридриху. Мрачным, но достоверным пророчеством, но предостерегать регента Дриксен Лионель не собирался, скорее уж...

– Значит, вести следствие поручили вам. – Манрик заговорил первым, спугнув какую-то мысль, возможно, удачную. – Выбор Алвы?

– Нет, мой собственный. – Ощущение чего-то толкового возникло, когда он думал о Фридрихе и о том, что кесарская апоплексия сыграла с Эйнрехтом ту же шутку, что кардинальское сердце – с Олларией.

– Первый обер-прокурор в роду Савиньяков? – проскрипел бывший тессорий, и Лионель оставил ускользающее на потом.

– Проэмперадор, и далеко не первый.

– Тогда зачем вы здесь?

– Возможно, ни за чем. Вы поправились.

– Горный воздух и безделье. Зато вы похудели.

– Горный воздух и война.

– Последнее, что я про вас знаю, – что вы разбили каданцев.

– Бергеры неразговорчивы.

– Молчаливые тюремщики предпочтительней болтливых. Поверьте на слово. Могу я узнать, с кем вы воюете?

– Сейчас ни с кем. Я подписал перемирие с Гаунау.

– Хайнрих вторгся в Надор?

– Нет, я в Гаунау.

– Но... это же невозможно!

– Отчего же? – С подобным воображением лучше сидеть в подвале и считать деньги. – Рискнули же дриksы и гаунау вторгнуться в Надор через Кадану.

– Вы хотите сказать, что разбили объединенную армию?

– Пришлось. – В подробности Ли вдаваться не стал.

– От вас быстрых побед не ожидали. – Скорее седой, чем рыжий человек не дерзил, он в самом деле не ожидал. – Вы казались слишком... блестящим придворным.

– Не все капитаны королевской охраны одинаково бездарны в военном деле. – Лионель в любом случае собирался навести разговор на Леонарда, а тут такая оказия.

Манрик пару раз моргнул. Проглотит или нет? Если проглотит, придется ткнуть снова.

– Каким бы генералом ни был мой сын, он погиб за Талиг.

– Что с того Талигу? – А вот внезапная злость была хоть и фамильной, но лишней. – Смерть командующего не искупает проигранной кампании, только ваш сын не командовал ничем и никогда... Вы его отправили в Эпинэ сверкать перевязью в расчете на предателя и еще одну бездарь.

– Я не рассчитывал на Сабве, – не стал финтить Манрик, – но Люра казался разумным и надежным...

– Еще бы! Вы имели все основания доверять Люра, а он вам.

– Рокслею я не доверял, а главное сделал он.

Бывший тессорий не представлял, насколько он прав. Не устрой Рокслей переворота, Рокэ бы успел в Олларию, и Ракан отправился бы к кошкам еще осенью. Пешком.

– Главное сделал сам Фердинанд, когда послушался вас.

– Имелись все основания подозревать Приддов, Гогенлоэ, Феншо, Рокслеев, – все-таки кинулся прятать пни в лесу Манрик. – Если б Фердинанд выехал с нами...

– Он не выехал. Кстати, с маршалом Генри все просто. Паркетный болван вообразил, что получит все, и не устоял. Не он первый... Вы тоже не устояли, но ваш Люра куда примечательней. Он был толков. Он собирался жениться на девице Маран, одним махом получив титул и владения. У Эпинэ шансов против королевской армии, даже самой паршивой, не было никаких, и все-таки Люра предал. Надеюсь, вы думали почему.

– Ракан...

– Не более чем еще одна шпага, и, как мне говорили, не из лучших. Люра должен был

приволочь Эпинэ с Раканом в одном мешке к Фердинанду и обменять на жену со всем причитающимся.

– Вы забываете, что я не знаю, чем все закончилось.

– Люра, Рокслей и Альдо мертвы. Фердинанд и Катарина тоже. Карл – король, Алва – регент, Эпинэ – Проэмперадор Олларии и скоро станет хозяином Сабве. Иногда быть приличным человеком еще и выгодно, что возвращает нас к моему вопросу. Почему Люра предал?

– Откуда мне знать?! Сошел с ума, был подкуплен, попал в плен... Пеллот вон попал.

– Пеллот был в другом положении, но что-то общее в самом деле есть. Люра вынудили, и отнюдь не деньгами. Больше, чем вы, ему платить не стал бы никто.

– Вы ошибаетесь. – Собеседник не то чтоб стал напоминать себя годом раньше, но уже не казался таким... ошипанным. – Люра до похода в Эпинэ был безупречен. Я обратил на него внимание сразу после мятежа Борна...

– Вы обратили внимание не на Люра, – поправил Савиньяк, – а на Надор. Кстати, что вы собирались делать с этим убожеством? Разводить плесень?

Манрик ожидаемо вскинулся, как вскидывался на Тайном совете, когда ему предлагали поднять налог на его любимые мануфактуры. Речь вышла не только страстной, но и длинной – бывший тессорий, как бы он ни хвалил бергерских тюремщиков, намолчался. Лионель с удовольствием выслушал про безголовых болванов, лен, лес, пеньку, три границы, стекло и хрусталь, которые, если за дело взяться как следует, не уступят алатским. Когда Манрик заговорил о каменоломнях, Савиньяк поднялся.

– О камне забудьте. В Надорах не прекращаются землетрясения, а вместо замка Окделлов натекло что-то вроде озера. Вы пытались прибрать к рукам могильник, так что вам опять повезло.

– Мне? – Лицо бывшего тессория пошло красными пятнами. Пусть рыжина канула в прошлое, кожа у него осталась прежней. Как и мозги. – Мне?! Потерять все и сына?!

– Простите, – признал Савиньяк, – о Леонарде я не подумал, но здесь свои тонкости. Я собирался перед отъездом его убить, но вмешался Сильвестр, и Леонарда убили вы. Протащив в маршалы и отправив с ним Люра.

– Граф, вы...

– Проясняю наши отношения. Вам некого винить, кроме себя, но у вас имеются другие дети и внуки. Вы изрядно испортили им жизнь, я предлагаю кое-что подправить. Прежнего положения вам не вернуть, но цивилизным наместником Надора вы станете. Провинция в отвратительном состоянии, а мне нужно кормить армию, что-то делать с беженцами, не злить людей чрезмерными поборами и помогать регенту вести войну. Если вы согласитесь вытащить Надор из ямы, я вытащу вас из Бергмарк. Вайспферта вы знаете, он проследит, чтобы вы не пытались... найти себе второго Люра, но во всем остальном вы будете свободны и займетесь делом. Своим делом, в отличие от ваших кансильерских походов.

– Вы... Кто вам такое разрешит?

– Регент, к которому я выезжаю завтра. Колиньяр графу Бертраму, а Проэмперадор Юга именно он, без надобности. Это у меня нет времени думать о солонине и дорогах. У меня вообще нет времени. Вы согласны или нет?

– Я... – Для разнообразия Манрик стал бледным. – Хорошо, я возьмусь.

Глава 2

**Талиг. Оллария. Дриксен. Эйрехт. Дриксен. Метхенберг
400 год К.С. 15–19-й день Летних Ветров**

окрика Жермона, но праздник от этого быть праздником не перестал. Арлетта читала и перечитывала про хорошую погоду, непременную победу и уйму дел, пока не выучила послание детища наизусть. У генерала дел было явно меньше, чем у тенъента. Принявший под свое крыло виконта Сэ Жермон нашел время сообщить, что из случившейся во время броска к Мариенбургу схватки сынок вернулся слегка помятым, но весьма воодушевленным. В бою, как следует из доклада полковника Придда, тенъент Савиньяк показал себя достойно. В свою очередь, исполняющий обязанности порученца Арно сообщил, что достойно вел себя Придд. К бывшему однокорытнику Арно относился предвзято и пользовался взаимностью, но теперь положение начинает меняться. Сам же бой вышел во всех отношениях примечательным и показал, что «гуси», хоть и обнаглели, остаются гусями, чье место в кастрюле, а не в Южной Марагоне. Успех ощутимо поднял настроение не только вверенному Жермону корпусу, но и всей Западной армии, чему немало поспособствовал приключившийся с Дубовым Хорстом конфуз.

Командовавший прикрытием полковник был ранен. Уверенный в своих талантах Дубовый как старший из оставшихся офицеров принял командование и тут же решил: «Встанем насмерть, задержим врага». Идея была правильной, но вот исполнение... Выбрать нормальную позицию Дубовый не удосужился, где был, там и встал, считай, на ровном месте. Насмерть. Более сообразительные «гуси» оседлали пару соседних холмов и принялись оттуда поливать талигойцев огнем. Мало того, они быстренько нашли обходную дорогу, о которой Хорст, само собой, не подумал, и бодро кинулись вслед отступавшему арьергарду. Да, какие-то силы заслон на себя оттянул, и сражался он отчаянно, но толку вышло гораздо меньше, чем было бы, не окажись у Хорста столь дубовой башки.

Эта-то голова, раз за разом втравливавшая хозяина в неприятности, на сей раз не подкачала. В разгар боя на устроившего под родственным деревом командный пункт Дубового рухнула толстенная ветка, срубленная дриксенским ядром. Другой бы умер на месте, а Хорст отделался контузией – «прямым попаданием ядра в дуб...».

Письмо Жермона графиня тоже перечитала и тоже с улыбкой. Армейская жизнь с ее «Дубовыми», «Заразами» и прочими задевающими потолки «Малышами» была такой ясной. Только вояки способны шутить без злости и смеяться там, где впору выть или трястись. Арлетта не понимала этого долго, года четыре, потом научилась. Вот Арно, тот разбираться в невоенной подлости так и не начал... Эмиль и младший в отца, только Ли как-то умудрился стать слегка змеей, а за змей не так страшно... Или это она сама оказалась сразу и оленухой, и змеюкой, вот и вертится теплом к теплу, холодом – к холоду? С Ли можно говорить обо всем, но к себе его не прижмешь. Арно тоже не прижмешь: будет трясти рожками и брыкаться, остается Эмиль, который вдруг принялся слать письмо за письмом. О куче совершенно неотложных бордонских дел, оттянувших выступление почти на месяц, и о фельпской вдове Франческе, такой «похожей на тебя, что я не думал, что это возможно...». Жаль, Марсель и Алва исчезли в Сагранне, они могли знать эту вдову, которая вряд ли долго останется таковой. Походит ли неведомая Франческа на нее, Арлетта не знала, но Эмиль был вылитый отец не только статью, и, кажется, он наконец нашел...

2

На этот раз не мудрили. Руппи просто вошел в малый храм Адрианклостер вместе с прихожанами, в полутьме отделился от молящихся, – и добрый вечер, Гудрун! Все было в порядке – по крайней мере никакой заразы на себе он не приволок. Фельсенбург присел на знакомую скамью, со всем смиреньем подставив колени пушистой привратнице. Сегодня лейтенант никаких откровений не ждал. То, о чем предупреждали адрианианцы перед началом суда, сбывалось с удручающим постоянством, вынуждая стискивать зубы и жалеть, что судейскую сволочь нельзя отправить вслед за уродами с Речной. Увы, скрежет зубовой еще ни одному делу не помог. Руппи вполголоса ругнулся, в ответ мяукнуло. Тоненько, но настырно – Гудрун было мало, что ее не гонят, разурчавшаяся тварь, требуя внимания,

принялась бодаться. Проще было почесать, и Руппи сдался. Он чесал кошку и гнал подлые мысли, которые роились тем гуще, чем ближе был приговор – и вместе с ним налет.

Фельсенбурги никогда не воевали с законом и кесарем. Как бы бабушка Элиза ни рычала в своем логовище, она ни разу не пошла против брата прилюдно. Как и Бруно. Дриксен – не Талиг, где любой придурок может послать короля к Леворукому, а Фридриха и Гудрун в узурпации никто не обвинял. Если не считать Олафа, но стоило ли адмиралу контратаковать? Последней устрице ясно – Бермессера регент не отдаст, и прикрыть соратников ему куда важней, чем утопить упряма. Только вот упрямец повторяет и повторяет слова Готфрида про зарящегося на корону племянника и его гайифских дружков, уверявших, что Альмейда на Марикьяре...

Олаф не верил, что кесарь в самом деле назвал своим преемником «в лучшем случае безнадежного болвана, в худшем – лезущего на трон поганца», а Фридрих болвана напоминал все меньше. То ли гаунасская порка прибавила принцу ума, то ли его одолжил старший Марге-унд-Бингауэр, но пока что регент глупостей не творил. Казнь была ему во вред, и он предложил адмиралу выход. Гнусный, что и говорить, воняющий, но выход.

– Мне не нужна драка в Эйрехте, – признался Руппи дрыхнувшей кошке. Расстреливать в центре столицы выбравшихся из каданской мясорубки кавалеристов не хотелось чем дальше, тем больше. Иди в охране уроды с Бермессеровой «Звезды», Руппи бы так не колотило. Наверное...

Подданная Леворукого дернула бело-розовым ухом и выпустила когти. Ей снилась мышь, а может, пахнувший «Истиной» брат Орест. Все было путано и нелепо. Согласись Олаф обменять жизнь, возможно даже в почете, на вранье, он бы не стоил пролитой ради него крови. Ледяной не предал ни себя, ни «Ноордкроне», так почему, раздери закатницы все на свете, хочется уладить дело миром?!

– Сударь, – сообщил служка и ловко ухватил кошку, – вас ждут в кабинете аббата.

На перемежающиеся шипеньем жалобы лейтенант не обернулся еще и потому, что внутри него самого тоже что-то шипело и при этом жаловалось. Талигойскому Придду повезло – он стрелял по предателям, хотя подобные «полковники» думают только о себе. Потому и не колеблются, то есть колеблются из любви к собственной шкуре, но это не в счет.

– Судя по твоему лицу, до тебя уже дошло...

– Святой отец, вы о чем?

– Значит, чувствуешь... Брат Орест, повтори. Можно без подробностей.

«Лев» заговорил. Новости были отвратительными, но ожидаемыми. Сначала. Парой минут спустя Руппи подумал, что брат Орест что-то путает. Потом выругался столь грязно, что удивился сам и удивил собеседников.

Олафа обвиняли в покушении на собственного адъютанта! Руперт фок Фельсенбург, видишь ли, слишком много знал о своем адмирале. Нашлись свидетели, присутствовавшие при нападении, так вот они...

– Какие, к Леворукому, свидетели?! – Мертвы все: убийцы, Мартин, Генрих... Не осталось никого – только он и ведьма, но она ушла... Не захотела в Эйрехт.

– Спокойно, *брат Ротгер* ! Свидетели – офицеры эскорта. Их задержали в столице еще по приказу кесаря. Брат Орест, имена?

– Лейтенант Штаудиц и лейтенант Ценкер. Вы должны быть знакомы...

– Что за... Да, знаком! – Рихард и Максимилиан... Мимолетные приятели, о которых он вспомнил и забыл. – Я считал их достойными офицерами. Неужели они...

– Здесь суду лжесвидетельство не требуется. От офицеров эскорта ждут честного рассказа о том, что они видели. А из того, что они видели, следует единственный вывод: убийцы охотились не столько за сидевшим в карете адмиралом, сколько за ехавшим верхом адъютантом.

– Еще бы! Я же был главным свидетелем Олафа...

– На том суде, который затевал кесарь, не на нынешнем. Процесс подготовлен нагло, но

очень неглупо. Правда – хоть твоя, хоть этих кавалеристов, лишь подпирает ложь обвинения. Спасибо, брат Орест. Можешь идти.

– Да, – пробормотал Руппи, – спасибо...

Максимилиана с Рихардом и хмурого Роткопфа он выбросил из головы, а вот накрахмаленные армейские салфетки помнил. И жалел, что сухопутчиков не щелкнуло по носу. Серьезного поражения нынешний Талиг кесарии не нанесет, зато успехи на суше лишний раз подчеркнут хексбергскую беду, а значит, вину Олафа. Бруно мог бы помочь, но принцы руку оружейникам не протягивают. Принцы играют свою игру и жрут друг друга!

Руппи схватил кувшин и, наплевав на все приличия, глотнул прямо из горлышка. Его трясло, зато мысли обретали какую-то злую четкость.

– Святой отец, я благодарю за... новости.

– Не за что, сын мой. Я бы на твоём месте занялся шкипером. Деньги деньгами, но лучше его удивить сейчас, а не в час отплытия. Можешь оставить кого-нибудь на корабле. На всякий случай... Если ты потребуешься, тебя найдут. Если случится нечто непредвиденное у вас, господин Канмахер поставит свечу святому Ротгеру.

– Я собирался дожидаться оглашения приговора.

– Опасно. Наши собраты во Ожидании становятся все назойливей, и не только они. Фельсенбурги и Штарквинды ищут пропавшего родича. Напоказ – на востоке, где будто бы кто-то что-то видел... Всерьез – в Эйнрехте и Метхенберге, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Им бы не мешало... привлечь к себе внимание, пока Фридрих не перетянул к себе столицу и половину великих баронов.

Игры бабушки и Бруно... Чем они лучше регентских? То, что раньше казалось незбылемым, темнело и расплывалось, будто весенние сугробы, обнажая до поры до времени укрытые снегом колдобины и скопившиеся нечистоты. Ради короны спасти союзника-мерзавца... Ради короны отдать на съедение союзника-героя...

– Каждый охотится по-своему. – Голос Луциана был ровен и спокоен. – Волки дичь загоняют, львы нападают из засады. Кстати, в Южную Марагону Фридрих отправил большую часть собранных между Эйнрехтом и границей войск, так что главная сила в столице – его гвардия. Это серьезней городской стражи.

– Я заметил. Мы освободим Олафа и уйдем. Нам не нужна красивая схватка, о которой... песни сочинять будут.

– Одну песню ты почти получил. В болтовне о шекских боях уже сейчас больше от легенды, чем от сплетни. Не знаю, что там случилось, но конвой может опомниться быстрее, чем наемные убийцы.

– Я думаю об этом. Моряки не знают лошадей, но я должен был служить в гвардии... Святой отец, мне надо переговорить с Рихардом... С лейтенантом Штаудицем. Не о его показаниях...

– Ты успеешь. Свидетелей, кроме Бермессера и его офицеров, задержат в Эйнрехте до окончания процесса.

– Господин Бермессер спешно отбывает на воды?

– Можно сказать и так. Об этом пока не объявлено, но господин Бермессер становится адмиралом цур зее и командующим Западным флотом. Генерал Хохвенде вчера в доме барона Троттена принес ему свои поздравления, а внук хозяина поклялся в дружбе и верности.

3

Приход Карваля Арлетту не удивил. Маленький генерал *должен был* объясниться. Если, конечно, сынок Бертрама не ошибся в своих оценках, но Валмоны редко ошибаются, графиня лишний раз в этом убедилась, увидев Робера и Марианну. И барона Коко, которого еще следовало понять.

- Я вас слушаю.
- Сударыня, я должен был засвидетельствовать вам свое почтение раньше, но мне пришлось срочно...
- Допустим. – Это было невежливо, но у нее сожгли Сэ, а обрывать заранее заготовленные речи в некоторых случаях полезно. – Что вы хотели мне сообщить? За пожар вы извинились при нашей первой встрече.
- Этого мало. Я служу Талигу, и мне нужна уверенность, что мне доверяют.
- Регент подтвердил ваше баронство и ваше звание. Вам этого недостаточно?
- Да.
- Вот как? – Нежелание иметь во врагах мать пары маршалов естественно для каждого умного генерала, а Карваль умен, но как? Как Ли или как Эмиль? Марсель вообще говорил про папеньку, но это для ввязавшегося в откровенную глупость капитана слишком.
- Сударыня, я готов ответить на любой ваш вопрос. Самый для меня неприятный.
- А графиню Колиньяр вы в обозримом будущем навещать не собираетесь? Или наследников Маранов?
- Никоим образом. Я, если регент сочтет нужным, готов понести наказание, но я считал и считаю Колиньяров преступниками. Именно их злоупотребления довели четыре графства до восстания, в Савиньяке и Рафиано эти господа вели себя иначе.
- Несомненно. – Пожалуй, все-таки Эмиль... – Ну а будь я просто вдовой верного Олларам генерала? Не графиней Савиньяк? Вы бы ко мне пришли? Сперва жечь, затем извиняться?
- Сударыня... мы сжигали именно Сэ. Сэц-Арижи не стали бы трогать беззащитную женщину.
- Да, – согласилась Арлетта. – Я была защитной, тем более когда подоспел Райнштайнер. Вас уволили из Южной армии за дело?
- Нет! – Если он сейчас врет, то она графиня Маран. Покойная, и вообще-то туда зарвавшейся дряни и дорога. – Сударыня, это можно проверить, мой бывший полковник сейчас у фок Варзов... Я был произведен в капитанский чин в Торке и представлен к ордену. Меня перевели в Южную армию и через четыре месяца уволили за сочувствие мятежникам. Видит Создатель, *тогда* я им не сочувствовал. В Торке тем, кто сговаривается с Гаунау и Дриксен, не сочувствуют.
- Я знаю. Вы не пытались объяснить?
- Пытался. Я поехал в столицу... Добиваться приема у Первого маршала, но это не имело смысла. Приказ исходил от кардинала.
- Кардиналы в Талиге не отдают приказов.
- Сударыня, Талигом правил Дорак.
- Правил, раздери его кошки, и какое-то время неплохо правил, хотя и не так, как хотелось военным.
- Дорак не приказывал увольнять надежных офицеров. Это лучший способ превратить их в ненадежных...
- Именно это со мной и произошло. Я сумел пробиться к кансильеру. Он обещал помочь, но не смог. По крайней мере он так сказал и предложил мне место капитана в замке Эпинэ. Я согласился, а что мне оставалось?
- Мысль о том, что Штанцлер врет, вам в голову не приходила?
- Зачем ему было врать? Он использовал меня... мою обиду, но вышвырнул меня Дорак, а король подписал приказ.
- Что бы вы стали делать, если б не пробились к Штанцлеру?
- Вернулся бы в Торку, нашел своего полковника. Я же не знал, что все бесполезно. – Эмиль. Или был таковым в юности, хотя сына никто из армии не вышвыривал. Попробовали бы!.. – Я виделся со Штанцлером, когда он сбежал в Эпинэ. Мне очень долго казалось, что он честный человек.
- Казалось? Значит, сейчас не кажется.

– Я пришел к выводу, что Монсеньор был прав, когда обвинял кансильера. Ее величество тоже начинала так считать. Штанцлера следовало вернуть в Багерлее, но ее величество не хотела отказываться от своих слов.

Ее величество хотела, чтобы старый интриган исчез, но не туда, где у него возмут показания. Катарина как-то ухитрилась устроить, чтобы бывший кансильер убрался в Закат, или все вышло случайно?

– Не помню, зачем вы отправились к Штанцлеру?

– Я решил проверить особняк. Мои люди упустили Штанцлера из виду, а его положение после убийства королевы изменилось. Монсеньор собирался арестовать Штанцлера сразу же по окончании регентства ее величества. К сожалению, мы опоздали.

– К сожалению?

– Преступников нужно судить. Если это возможно, конечно...

Вспомнил Маранов?

– Значит, Штанцлера вы бы отправили в Багерлее?

– Это решал бы Монсень... Проэмперадор Оллари.

– А что бы вы сделали с Окделлом?

– Если бы я нашел Окделла сразу... Боюсь, я бы его застрелил на месте.

– Боитесь?

– Я неверно выразился. Я не уверен, что смог бы удержать себя в руках и обдумать последствия.

– А теперь? Представьте, что вы найдете убийцу ее величества сейчас. Что вы предпримете?

– Мне придется его убить. По возможности тайно. Окделла нельзя судить открыто, ведь объявлено, что ее величество умерла родами. Монсеньору пришлось бы принять решение на себя, а он слишком привязан к... убийце.

– Вы откровенны, – сощурилась Арлетта. – Барон, почему вы исчезли именно тогда, когда были нужнее всего? В первую очередь вашему Монсеньору.

– Сударыня, – едва не покраснел Карваль, – дело в том... Я не хотел уезжать в Ариго. Я боялся, что меня там задержат... Гораздо дольше, чем я сам задержусь на севере.

Именно так Арлетта и думала.

4

Что за персона такая наладилась в Седые земли, Добряк Юхан сообразил, едва в Метхенберг заявился первый столичный хорек. Вонючка таскался по трактирам и расспрашивал про Кальдмеерова адъютанта. За первым шпионом потянулись другие; эти ввалили кто про Штарквиндов, кто про Фельсенбургов, кто про старых друзей, и все сулили хорошие деньги. Тогда-то Ключкатер и сложил устрицу с ракушкой, то бишь суд над Ледяным, мешки золота и спешку.

Мысль о доносе шкипер отбросил сразу – ни с корабликом, ни с жизнью прощаться не хотелось, а продав молодого Фельсенбурга, до зимы и то не дотянешь. Если не в Метхенберг ножом пырнут, так в Ротфогеле башку дурную табуреткой пробьют да разведут руками – мол, по пьяни, мол, поссорились, мол, с кем не бывает... В море и того хуже! Юхан прямо-таки чуял: хорьковые деньги достанутся крабьей теще, а шквал ли удружит, незнакомый риф или фрошеры, разница невелика. Море так или иначе спросит, ну и зачем, господа селедки, его злить?

Добряк с морем отродясь не собачился и начинать на шестом десятке не собирался. Ловчить он, конечно, ловчил, не без того, но не зарывался, потому ему и везло. Одно дело – подкормить миног паршивым ублюдком, и совсем другое – нагадить Фельсенбургам, которым всего-то и надо за хорошие деньги спрятать наследника.

Конечно, от оказавшегося горячим фрахта можно было увильнуть, Юхан и увильнул бы, заправляя в Эйрехте приличный кесарь, но при нынешнем чудушке сидеть на заднице

становилось себе дороже. Спроси Ключкатера, с чего он так решил, шкипер бы только сплюнул, но уверенность в том, что ничего хорошего не высидишь и нужно удирать, крепла с каждым днем. На юге ловить было нечего – Бешеный постарался. Оставался север, так почему б и не подвезти охотничков? Если как следует обмозговать, риску будет меньше, а что совсем без него не выходит, так ведь море – оно не лужа, оно рискованных любит.

– Если как следует обмозговать, – Добряк достал фляжку, но пить и сам не стал, и Ротгеру не предложил – рано еще! – риску будет меньше. Для охоты вашей все заготовлено, но до зверья еще добраться надо. Сдается мне, приятель ваш не просто так торопится.

– Не просто, – коротко подтвердил Ротгер. Молодец: врать не врет, но и лишнего не болтает.

– А ведь разгуливают по Метхенберг... всякие. Молодого Фельсенбурга ищут.

– И что с того?

– А то, господин хороший, что не в той бочке, сдается, они ковыряются. – Попробовать, что ли, цену поднять? Да нет, попозже... – *Пока* не в той.

«Охотничек» улыбнулся и кликнул хозяина. И опять правильно – наживку со всех сторон обнюхать нужно.

– А что младшему Фельсенбургу делать в Метхенберг? Пиво не посоветуете?

– Светлое берите. Карл сам варит, с братцем Фридрихом... А в Метхенберг Фельсенбургу соваться сейчас глупо. В море – фрошеры, на берегу – хорьки.

– Две пары светлого. И закуску. Фрошеры нам не нужны... Почему бы вам не перебраться, скажем, в Щербатую Габи? Подальше от фрошеров, поближе к Седым землям. Правда, не знаю, как там с пивом...

– Хорошее там пиво, если в поселке. – Надо же! С языка бухточку снял! Ну, господа селедки, теперь срастется, теперь все срастется! – И местечко недурственное. Мелковато, ну да «Утенок» – не линеал, камни не яйца, а я не курица. Не сяду. Когда ждать?

– Может, через неделю, может, позже.

– Можно и через неделю. – Кружку мы выпьем, пиво не можжевельника и не чернила, договор не скрепит. Выпьем и напомним, что времена нынче дорогие.

– Отлично. – Ротгер проводил взглядом Карла. – С нами монах один ехать собрался, трактат по землеописанию пишет, только как бы его морская болезнь не скрутила. Проверить надо. Пусть для начала хоть до Габи сходит.

– Возьмем монаха, почему бы и не взять? – Как же, монах! Вояка какой-нибудь, приглядывать собрался. – Орден-то хоть какой?

– Слава.

– «Лев», значит? Ну, авось посудину мне не заблует. Я тут вот что надумал... Кто его знает, как все обернется. Цены в гору на глазах прут, а мне, как назад придем, чиниться. Ну и сколько с меня сдерут? Да и ребята мои... Год угробят, лиха хлебнут, а останутся с кошачьим хвостом.

– За ремонт вам заплатят отдельно. Разницу между нынешними ценами и будущими вы получите, когда вернетесь в Метхенберг. С мехами.

– А ваш охотник согласится?

– Да, – подтвердил Ротгер, глядя в глаза шкиперу. – Я и есть охотник. Вы меня не узнали, это радует, но Руперт фок Фельсенбург уже в Метхенберг.

Если б Добряк не сидел, он бы свалился на месте, хотя он свалился и так. В лужу. В том, чтобы не узнать адмиральского адъютанта, ничего зазорного не было – офицеры «Ноордкроне» по кабакам и лавкам не болтались, – но поди теперь докажи, что сам догадался, а не ловчишь задним числом.

– Ну и ну! – Все, что оставалось Добряку, это откупорить флягу. – Удивили так удивили! Пивом не запьешь. Будете?

– Если сговоримся.

– Сговорились, считай. Раз уж оба из Хексберг вынулись, дальше сам Торстен велит друг дружки держаться, только тянуть зачем? Сегодня и снимемся. С отливом. Если деньги

не при вас, после рассчитаемся.

– Благодарю за доверие, – кивнул молодчик. – Деньги при мне, но раньше не выйдет. Вы должны принять на борт адмирала цур зее.

– Это, – уточнил враз онемевшим языком шкипер, – Ледяного?

– Да, адмирала цур зее Кальдмеера, – сощурился Фельсенбург, и Юхан понял, что болтовня про шекские боины очень даже может быть правдой. – Когда у Дриксен будет настоящий кесарь, мы вернемся, и вы не пожалеете. Даю слово.

Добрый поверил сразу. *Если* кесарем станет старший Штарквинд, Юхан Ключкатер не пожалеет. *Если* доживет. Оставалось дожить, потому что отступать стало совсем уж некуда. Везенье, оно дурным не бывает, кого протащило от Хексберга в Ардору и назад, кого сдернуло с полумертвого флагмана, закинуло к фрошерам и возвернуло. И все для того, чтобы сойтись у Бородатого Карла и сговориться о самой большой ставке!

– Ну, – возгласил шкипер и протянул Фельсенбургу флягу, – теперь нам или к крабьей теще на пирушку, или к кесарю. За удачу!

– За удачу! – Герцогский сынок хлебнул можжевелевой и не поморщился. – У меня к вам еще одна просьба. Добудьте мне мешок жгучего перца, красного, нет – два мешка. Лучшего и срочно. Цена значения не имеет.

Глава 3 **Талиг. Старая Придда** **400 год К.С. 21-й день Летних Ветров**

1

Шалая мысль, что отец Урфриды, как и любой отец, знает о дочери меньше, чем думает, прожила недолго. Ровно столько, сколько постаревшему герцогу потребовалось, чтобы пересечь кабинет и подойти к столу, за которым Ли последний раз сидел вместе с Рокэ и бароном Райнштайнером. Тогда мать с Бертрамом раздражали Колиньяры, а Рудольфа – Сильвестр. Слишком мало раздражал, как выяснилось.

– Ну здравствуй, граф! – Военных Рудольф называл на «ты» и по имени, придворных – по титулу. Ли Савиньяк был для него чем-то вроде затесавшегося меж птиц и зверей нетопыря, правда, своего.

– Рад вас видеть, монсеньор. – Лионель без объяснений положил бумаги на стол. Подписи и печати излучали важность, только перешагнуть самый хитрый договор легче, чем выпитый под ночные откровения бочонок.

– Хорошо воюешь. – Рудольф поднес договор к глазам. – Веришь?

– Да. – Рудольф не слышал, как плескалась вокруг конских копыт живая вода, и он устал. Очень.

– Пожалуй, и я поверю... О наших делах наслышан?

– Не более того. Бруно начинает удивлять.

– Ты всегда был вежлив. Карты и рапорты найдешь в своих комнатах. Глянь, как отдышишься, впрочем, дело ясное. За дриксами преимущество, нам остается вертеться и ждать твоего братца. Ну и осени, само собой.

– Я посмотрю.

– И дерзил ты тоже всегда. Очень вежливо дерзил. – Улыбка намекала на шутку, только шутить регенту вряд ли хотелось. – Что Хайнрих? Не похудел? Ты заставил его хорошо побегать.

– Мне не с чем сравнивать: раньше мы не встречались, но охотиться «Медведю» нравится.

– Мир тем не менее предложил он.

– Хайнрих не хочет дразнить свои горы на Изломе и не намерен в ближайшее время

помогать Дриксен. Я не знаю, чего в перемирии больше: презрения к зятю или уважения к предкам.

Гаунау был откровенен откровенностью шестопера при встрече с черепом – никакого риска. Для шестопера. Почему бы не сговориться с противником, от отчаянья вцепившимся тебе в пятки? Почему бы не напомнить ушлому талигойцу, что между ним и троном не так уж много голов?

– Я тоже не хочу воевать. – Ноймаринен повернулся и тяжело зашагал к окну. Лионель проводил взглядом сутулую спину и потянулся за вином – дожидаться приглашения в этом доме считалось дурным тоном. На столе была разложена карта Придды. Обе армии топтались вокруг Доннервальда, но сама крепость была обведена черным и перечеркнута. Взяли...

– Взяли, – подтвердил издали регент, – но смотреть будешь потом. Мешать не стану. Ты сильно рисковал.

– В пределах разумного. – Тинта. Как же север любит сладкое... – Полностью сохранить армию я не рассчитывал, но крутиться можно было долго. Достаточно, чтобы Гаунау не успела в этом году с войной, а до четверти людей я бы вывел в любом случае. Цена, как говорят интенданты, разумная.

– Соглашусь. Как регент. Только я был еще и Первым маршалом. Мне не нравится, когда армии списывают еще до начала кампании, но, сдается, ты просто повторил кагетский фортель... Удачно повторил, кто спорит – «Франциск с бриллиантами»⁵ у тебя на лбу написан, только «Франциска» у меня сейчас нет. Манрик вывез из Олларии все, что мог, но готовые ордена вместе с королевскими регалиями прибрал Фердинанд.

– Я проведаль по дороге Манрика с Колиньяром.

– Не до них. Вечером надену на тебя ленту, а орден пока мой поносишь. И не задирай подбородок, это не тебе нужно, а здешним орлам, они после Доннервальда как прибитые ходят.

– Вы меня неправильно поняли. Я не приму «Франциска». Ни вашего, ни свободного. «Франциск с бриллиантами» – это слишком много за повторение чужого трюка и слишком мало за выигранную кампанию. Дайте мне либо малого «Франциска», либо «Октавию»⁶. На выбор.

– Вот ведь!.. «Молния, соединившись с Волной, породит Ветер»... Она и породила. Уж будь любезен, реши, повторяешь ты Алву или нет.

– Я уважаю себя и знаю, что и для чего делаю. Если это значит уподобляться Рокэ, то да, я ему уподобляюсь. И да, я отказываюсь от большого «Франциска». Описание кампании от Ор-Гаролис до Альте-Вюнцель готово. Оно будет полезным: став регентом Дриксен, Фридрих так или иначе будет влиять на ход войны.

– Я посмотрю и отошлю фок Варзов, но вряд ли Фридрих отважится сместить Бруно после собственных неудач.

– Фридрих пытается подражать Алве, – улыбнулся Лионель. – Когда силы сопоставимы, а подчиненные боятся начальства больше, чем противника, как было у Ор-Гаролис, это удобно, но в Придде, насколько я успел понять, все преимущества за дриксами. Бруно со своими генералами может превратить регентскую наглость в удачное наступление. Если захочет, само собой, ведь он тоже принц.

– Принц, но не из тех, кто поддается чужим, чтобы нагадить своим... Да и невыгодно ему это. Разбить тех самых фрошеров, что дважды расколотили Фридриха, значит перетаскать эйнрехтское одеяло на себя.

– Победы, случается, крадут. Бруно немолод, холост, и у него почечные колики.

⁵ Один из сугубо военных орденов, введен в Двадцатилетнюю войну. Имеет четыре ступени.

⁶ Орден Святой Октавии – один из высших орденов королевства Талиг. Введен Франциском Первым.

– А у меня – спина. Ноет и ноет... Твоя мать в Оллари. Оказалась там сразу после убийства и осталась. Я рад – за Эпинэ нужно присматривать. Не в смысле верности, тут все в порядке, но парень невеликого ума.

– Я писал матери в Савиньяк. Сегодня напишу в Олларию. Где Алва?

– Где-то на юге. Он требует не переходить Кольцо Эрнани, не знаешь почему?

– Нет.

– И я не знаю. Есть что-то, что можно решить до обеда?

– Да. Мне нужен Манрик.

– Не Колиньяр? – удивился регент, и Ли стало почти смешно.

– Колиньяр бесполезен, а мстить за Сэ и Веннена – дело матери. Если она потребует чью-нибудь голову, я, само собой, ее поддержу. Манрик нужен мне как Проэмператору Севера. Я приставлю к нему известного вам Вайспферта, так что злоупотреблений не будет. У меня нет времени приводить Внутренний Надор в порядок, а рыжий знал, как выколотить из этого несчастья прибыль, иначе бы не охотился за наследством Эгмонта.

– Заманчиво. – Теперь Рудольф шел к столу. – Только я не король, чтобы миловать преступников. Таких преступников... Но если бы я был королем, я бы выгоде предпочел справедливость. Колиньяр и Манрик виновны перед короной, законом и всеми, кто так или иначе пострадал в этот кошачий год из-за их...

– Подлоглупостей, – подсказал недостающее слово Ли. – Так мы с Эмилем говорили в детстве, но я неточно выразился. Я не прошу миловать Манрика, я прошу передать его в мое распоряжение. Закон предполагает использование каторжников там, где они принесут наибольшую пользу. Этот человек был слишком хорошим тессорием, чтобы при пустой казне отправлять его в Занху или вялить в Бергмарк. Если Манрик поймет, что положение его семьи напрямую зависит от северных мануфактур, мануфактуры станут доходными. Потом он войдет в азарт и захочет, чтобы надорский хрусталь ценился выше алатского...

– Человек должен что-то хотеть, – регент потер поясницу и поморщился, – кроме здоровья. Хорошо, я дам поручение в геренцию. Ты уверен, что Хайнрих не поможет зятю? Не в Бергмарк, здесь.

– Они вряд ли долго останутся родичами, к тому же гауна больше беспокоит Излом.

– Не его одного. Эта госпожа Арамона... Ты ей веришь?

– И ей, и Давенпорту, и бергерам. Несколько раз и я что-то чувствовал.

– Не помнишь когда?

– Я посмотрю в путевом журнале, но в последний раз такое было в ночь на первый день Летних Ветров. Впрочем, мое состояние можно списать на тюрегвизе.

– Это было бы слишком хорошо. Мы-то с Людвигом в ту ночь были трезвы. Ладно... Кто из твоих навоевал на «Франциска»?

– Айхенвальд и Хейл. Список так или иначе отличившихся приложен к докладу.

2

Капитан Давенпорт спустился к общему завтраку спокойным, веселым и, о диво, выпавшимся. Маршал о своем офицере для особых поручений забыл, и Чарльз с наслаждением платил ему тем же. Окрыляла и надежда на разговор с регентом – уж кто-кто, а Рудольф Ноймаринен был человеком без вывертов и холода, он поймет... Что именно предстояло понять герцогу, Давенпорт еще не обдумывал, непонятная, нахлынувшая за Хербсте легкость слизнула заботы вместе с осторожностью. Капитан болтал с адъютантами герцога, отвечал на вопросы, смеялся чужим шуткам и шутил сам. В том числе и над собственной славой, о которой Чарльз узнал за пирогом с сыром и ветчиной, а после шадди к пришедшему в окончательное благодушие Давенпорту приблизился длинный корнет и громким голосом приветствовал прославленного Давенпорта.

Рекомый Давенпорт махнул рукой и засмеялся. Последовавшее приглашение осмотреть Старый арсенал показалось заманчивым, и капитан согласился. Сидевшие за тем же столом

офицеры как-то странно переглянулись.

– Вы рискуете, – заметил высокий, похожий на бергера парень, – вы очень рискуете.

– Чем? – не понял Чарльз.

– Ну хотя бы... вызвать неудовольствие вашего маршала.

– Дело наше такое, адъютантское, – подхватил капитан с перевязанной рукой, – никогда не знаешь, когда свистнут.

Уподобляться ожидающему хозяйского свиста псу Чарльз не собирался. Заверив длинного корнета, что он давно хотел взглянуть на трофеи Двадцатилетней, Давенпорт последовал за провожатым, оказавшимся единственным внуком старика Понси.

Про генерала Чарльз слышал от отца, и слышал хорошее, от внука захотелось удрать уже на лестнице. Корнет Понси молчать не умел вообще. Размахивая руками с риском залепить спутнику по физиономии, он кричал о не поделивших какую-то стриженую девицу герцоге Придде и виконте Сэ, развращенности этой самой стриженной, в конце концов сбежавшей с моряками, дуэли, которую виконт Понси был вынужден предотвратить, пожелавшем остаться в Талиге знатном дриксенском пленнике и прочих вещах, до которых Чарльзу не было дела. На ходу это еще можно было терпеть, но в Старый арсенал Давенпорт пришел осматривать трофеи, а не слушать, что Жиль Понси бросил в лицо какому-то Вардену, посмевавшему покуситься на что-то святое.

– Не знаю тех, о ком вы говорите, – буркнул Давенпорт и, не дожидаясь ответа, пошел вдоль увешанных оружием и знаменами стен. Понси намек не понял.

– Старая Придда хуже деревни! – зудело над ухом, мешая разбирать надписи на штандартах, вообще мешая. – Сборище невежд... нечего читать... нечем жить... Эти полагающие о себе... не имеют ни малейшего понятия...

Пытаясь забыть о спутнике, Чарльз уставился на Рене Эпинэ. Белокурый не хуже Савиньяка маршал, скрестив руки на груди, наблюдал за сраженьем. Рядом адъютант держал оседланного коня. Странно, что художник изобразил не знаменитую атаку, а ее ожидание...

– ...невежды в восторге! Дурно исполненная банальность...

– Вот уж нет! – возмутился Чарльз, но Понси кричал о чем-то, не имеющем отношения ни к Двадцатилетней войне, ни к нынешней. Кто-то что-то сочинил, кто-то об этом что-то сказал, кто-то кого-то вызвал... Из-за писанины?

– Я ответил им вызовом! – кипятился корнет. – Всем троим! Я никому не позволю в моем присутствии оскорблять великого Марио...

Марио Давенпорт не знал, его тянуло просто побродить среди помнящих поражение и победы клинков, коснуться кирасы Ги Ариго, постоять перед такой не парадной картиной. В Старом арсенале было как-то по-особенному спокойно... Было бы!

– ...утратили смысл и способность к развитию... Если разобрать эту чушь, станет очевидно... – К Леворукому! В разборе чуши Чарльз не нуждался, как и в спутнике. Таком. Трофеи нужно осмотреть как следует, в обществе Понси это невозможно. Чарльз кинул последний взгляд на еще не повесившего Пеллота Эпинэ и рванул к выходу.

– Вы не больны низкопоклонством перед хламом, – возвестил догнавший капитана корнет, – как и я! Презренной обожествленья ржавого железа лишь обожествленье пустоголовых кокеток! Великий Марио ниспроверг нелепый обычай посвящать размалеванным кускам плоти жар своей души, воспев истинные ценности. Одиночество. Гордость. Презрение к вызывающим похоть вертихвосткам и бездарным невежественным глупцам. Это звучит в каждой строфе...

– Благодарю за прогулку! – рыкнул Чарльз. – К сожалению, я должен... подготовить маршалу Савиньяку карты.

Корнет остановился и часто заморгал. Будь бедняга потолще, он бы напомнил обиженную сову. Давенпорт ощутил укол совести и промешкал, это стало его второй ошибкой.

– Я служил под началом Рокэ Алвы, – возвестил Понси. – Это великий человек, но я не склонял головы и перед ним!.. Мы ссорились, мы не понимали друг друга, мы стали

соперниками в любви, но рожденный для одиночества всегда узнает родственную душу за забралом ложных улыбок и горьких дерзостей! Эта женщина, не стану называть ее имени, не стоит вражды. Я посвятил маршалу Алва стихотворный триптих. Не скрою, я писал сразу о нем и о себе. Те, кто выше толпы, смотрят одними глазами. Маршал Савиньяк такой же, я это понял сразу. Холодный, полный затаенной боли...

– Господин Понси, я не намерен... обсуждать достоинства господина маршала.

– Вот оно! Вы боитесь заглянуть в бездну, потому что понимаете свою несвободу, свою обыденность. Вы, герой и храбрец, не отступивший перед полком узурпатора, отступаете перед величием одиночества. Так звери бегут от грозы, так...

– Простите, мне надо идти.

– Я провожу вас! *Догорают багровые свечи*, – длинная рука взмыла вверх и сразу же пошла вбок, Чарльз увернулся и ускорил шаг, —

*Я один в темноте бурной ночи.
Мой оскал беспощаден и вечен,
Мне нет дела до мнения прочих...*

Капитан понял, что это и есть триптих и его придется слушать. Протестовать было бессмысленно, а Понси не отставал. У него были длинные ноги и, видимо, отменные легкие, так как корнет умудрялся бежать кентером, выкрикивая на скаку вирши и даже не думая задыхаться.

– *Я отринул Любовь, Честь и Дружбу*, – орал Понси, и встречные офицеры смотрели на Чарльза, не скрывая усмешек, —

*Ворон выше никчемных терзаний,
И никто мне навеки не нужен...
Я – тот зверь, что не просится в стаю.*

Лестница, на которую они выскочили, была крутой, но поэт ее словно бы и не замечал, все повышая и повышая голос:

*Я один. Я силен и свободен,
Я люблюсь на винное пламя...*

Может, это в самом деле было великим, Чарльз ничего не понимал в поэзии и понимать не собирался. Он хотел добежать до адъютантской, схватить первую попавшуюся карту и уткнуться в нее, лишь бы прекратилось это выть. Другого способа избавления капитан не видел, не убивать же человека только потому, что он навязчив. И вообще надо думать, почему умные люди тебя удерживают, и не уходить с кем попало. Правильно детей пугают чужаками. Незнакомец может оказаться не только шпионом, предателем или закатной тварью, но и поэтом, и тогда он станет читать стихи. Громко, настырно, беспощадно...

– *Смерть чужая с мечом моим бродит.*

В конце коридора все отчетливей виднелась дверь в адъютантскую. Споро же они добежали!

– *Смерть моя на тропе поджидает...*

Поняв, что жертва ускользает, Понси ухватил Чарльза под руку и начал читать быстрее. Слова и рифмы были разными, и при этом каждое новое четверостишие странным образом повторяло предыдущее. Такими одинаковыми бывают караси, головастики, воробьи... Нет, воробей от воробья отличается сильнее. Барахтаясь в строфах, Давенпорт рвался к обетованной двери, как рвется к берегу завязший в болоте конь. Понси висел на рукаве и орал:

*Я устал от тцеты вашей жизни,
Мир так пуст, а враги так ничтожны,
И мои красно-черные мысли,
Словно угли, прожгут вашу пошлость!*

– Вынужден вас покинуть! – Давенпорт резким движением высвободил руку. – Мне надо работать.

– *Я порву равнодушие клыками,* – возопил покидаемый, —

*Засмеюсь, видя страх и проклятья.
И, взмахнув роковыми крылами,
Упаду к верной Смерти в объятия!..*

– Давенпорт! – воззвал из комнатных глубин спасительный глас. – Вы непросительно задерживаетесь. Мы вас ждем уже полчаса.

Адъютанты регента его откровенно выручали, и Чарльзу стало стыдно и за бегство, и за ложь с картами. Увядающий на глазах поэт был безобидным и затюканным, наверняка ему доставалось всю жизнь – старик Понси слыл человеком крутым и вряд ли ценил вирши.

– Я мало смыслю в поэзии, – начал Давенпорт. – Вы, конечно, не Веннен...

– Ненавижу, когда меня сравнивают с...

– Давенпорт! – крикнули из приемной. – Он не любит никого из тех, кого вы сможете припомнить.

– Я же сказал, что не понимаю в поэзии, – выкрутился Чарльз, – но вы пишете... интересно...

– Я подарю вам свой триптих! – провопил напоследок Понси и отступил в коридор. Чарльз вздохнул полной грудью и поблагодарил за будущий подарок.

3

Бруно Савиньяк знал не настолько хорошо, чтобы сделать больше, чем делал фок Варзов. Старик бодался с фельдмаршалом и его генералами, когда Ли еще портил королевские портреты. Впрочем, Хайнрих для вломившегося в Гаунау маршала прочитанной книгой тоже не был...

Лионель вцепился в край стола и заставил себя забыть о медвежьем короле с его намеками. Гаунаасский поход еще долго будет аукаться – сперва орденами и спорами, потом солдатскими и офицерскими сказками, только Марагону с Приддой этим не спасти. Ли смотрел на карты, читал и перечитывал рапорты, снова смотрел, вспоминая пологие холмы и перелески. Маневрировать по всем правилам науки удобно, вот старики и маневрируют. Дриксы будут и дальше навязывать фок Варзов генеральное сражение и вполне могут с этим преуспеть. И выиграть тоже могут. При нынешнем раскладе, как ни вертись, Бруно не разбить. Придержаться до подхода Эмиля, если повезет, можно, а если не повезет, братец найдет жалкую треть Западной армии и дриков по всему левобережью. Окопавшихся, подтянувших резервы, отдохнувших, а фок Варзов после сражения останется в меньшинстве даже с учетом Южной армии, значит... Фридриху придется Бруно отозвать! Как же его не отозвать, когда в Северной Марагоне буянит талигойский корпус, и не только он?! Что хорошо в варитах, так это их способность к вековой ненависти. Достаточно сжечь несколько баронских поместий, дальше за дело примутся уцелевшие марагонцы. Мараги, как говорят в горах... Мараги и Фридрих, Фридрих и Бруно...

Статный красавец на вороном мориске глаз больше не мозолил, но Ли слишком сжился с принцем, чтобы не суметь вернуться в августейшую шкуру, по прихоти судьбы ставшую регентской. А регент – это не принц-консорт, но и не кесарь, кесарем еще надо стать! Во что бы то ни стало. Судьба подарила своему избраннику шанс, и упускать его нельзя! Фрошеры

могут ждать, корона – нет, но корону без союзников не получить, значит, придется до поры до времени терпеть союзников и даже следовать их советам... Само собой, тем, в которых есть разумное зерно.

Можно было позвонить, но Ли отвык от многочасовых дворцовых сидений и вновь привыкать не собирался, вот и вышел к адъютантам сам. В приемной болтался Давенпорт, напоминающий размышляющего о побеге жениха, хотя, возможно, у него просто болели зубы.

– Мне нужны карты, – коротко бросил Савиньяк, – по возможности подробные. *Северная* Марагона и побережье. Дриксенское.

Готфрид устраивал не всех, королей, устраивающих всех, не бывает. Кто-то ставит на сына сестры кесаря, а кто-то и на Фридриха. Влюбленной принцессой дело не обошлось, если Неистового признали регентом, а Штарквинды это съели, значит, силы самое малое сопоставимы...

Те, кто тащит на трон осла, знают, как его запрягать, так что его высочество незаметно для себя поумнеет. Как политик, не как полководец. Именно эту мысль и спугнул Манрик, но мысли не зайцы, далеко не убегут. Если Северная Марагона взбесится, регенту придется принимать меры. Самому? Он бы принял, но проклятый Савиньяк у Ор-Гаролис оставил его без половины хвоста, а у Альте-Вюнцель выдрал оставшееся. Терять на глазах уже почти подданных еще и гребешок Фридриху не позволят. Какой-нибудь умник шепнет, что лучше послать Бруно, и того отзовут.

Фридрих слишком верит в себя, чтобы поверить в таланты Бруно. Если Савиньяк разбил *его*, нудного старикана он точно прищучит, а вместе с ним и Штарквиндов. Регент отправит дядю на проигрыш, а разумные союзники позаботятся, чтобы фельдмаршал к армии не вернулся. Если несносный Савиньяк разделает Бруно под орех, виноват будет не регент, а одряхлевший фельдмаршал и его сторонники, они и ответят. Ну а в случае победы в Эйрехте устроят празднество во славу Дриксен и правящей династии, а победитель... Победитель на обратном пути нарвется на «марагских разбойников». Очень случайная пуля, и противники Фридриха теряют половину козырей, а Дриксен теряет победу. Армия без Бруно вцепится в то, что уже захватила, а с этим проще... Когда над головой не висит сражение, можно перевести дух и начать потихоньку отбирать свое. Это фок Варзов сумеет даже теперь.

Принесли карты. Старательно расчерченные листы подтверждали – да, замысел имеет шанс на успех, но придется немного сойти с ума. Ли не возражал – здравомыслящих в Придде хватало и без него.

Северная Марагона манила и звала, как весной звала Гаунау. Лионель с трудом оторвал взгляд от становящейся частью жизни карты и решил начать с побережья. Марш от места высадки до глубинной Марагоны обещал стать еще безумней гаунасской охоты. Прежде чем говорить с моряками, нужно наметить маршрут... Маршруты, так как выбранные сухопутным маршалом бухты могут Альмейде не подойти. Ли развернул карту побережья, из нее выпало что-то исписанное.

На первый взгляд показавшийся очередным реестром желтоватый плотный лист нес на себе стихи, и какие! Выведенные каллиграфически строки потрясали, особенно финал.

– *Я порву равнодушие клыками,* – грозил окружающим неизвестный поэт, —

*Засмеюсь, видя страх и проклятья.
И, взмахнув роковыми крылами,
Упаду к верной Смерти в объятия!..*

– «Упаду к верной Смерти в объятия!..» – смакуя каждое слово, повторил Ли и вызвал дежурного адъютанта.

– Это вы одновременно волк и ворон? – нежно спросил маршал вошедшего Давенпорта, предъявив листок. – Как интересно.

– Нет! – отрекся от двойственности капитан. – Это подложили... Вероятно, корнет

Понси. Он... вероятно, хотел, чтобы вы увидели его стихи.

– Я увидел.

Савиньяк взял перо и наискось, как обычно накладывал резолюции, без единой помарки начертал:

*Удушив равнодушие подушкой,
Почешу грозным клювом запястья
И, испив нарианского кружку,
Упаду к блохам Ночи в объятия.*

– Верните поэзию законному владельцу и можете быть свободны.

Савиньяк не любил писать стихи. Но иногда они приходили сами.

Глава 4

Дриксен. Эйнрехт

400 год К.С. 3-й день Летних Волн

1

Руппи весь извертелся, подыскивая положение поприемлемей. Крыша была жутко неудобной, а чего он ожидал? «Тех-Самых-Перин»? Черепица не предполагает длительного на ней лежания или сидения, а для толстого зимнего плаща неподходящее время, верней – погода, вот плащей и не захватили. Только бы эта их промашка оказалась главной, а того лучше – единственной! В том, что без ошибок не обойдешься, Фельсенбург сходил со старым Канмахером – закатные твари свою сметану никому не отдадут, а посему что-нибудь да упустишь!

Зачесалось под лопаткой и сразу же – ниже колена. Назойливо, но лейтенант корячиться и задира́ть штанину не стал. Комарам здесь делать нечего, только когда ждешь, если не чешется, то чихается. Особенно если нужно лежать тихо. Нужно... Руппи на крышу никто не волок. То, что от него требовалось, он сделал и мог с чистой совестью болтаться у переправы, за городской заставой, вообще на корабле... То есть, разумеется, не мог, хоть и доверял Грольше и старому Йозеву больше, чем себе. Нельзя бросать тех, кого втянул в драку, какими бы умелыми втянутые ни казались и как бы ни рвались в бой. Изволь идти если не первым – не годишься ты в первые, – то вторым, пятым, десятым... Руппи так и ответил. Его поняли и больше не пытались спровадить, только проверили, каков лейтенант с абордажным тесаком. Оказалось, вполне себе... «Бывает и хуже», – объявил Грольше и определил Фельсенбурга во второй заход.

Хлопанье и легкий ветерок заставили дернуться, но это всего-навсего опускались голуби. Нашли куда! Начинало припекать, внизу все громче шумел торговый Эйнрехт – покупал, продавал, ругался, скардничал... Казнь, будь осужденный хоть четырежды адмиралом, не вытащит негоциантов из лавок, а гуляки только протирают заплывшие глаза и наливаются кто водой, кто пивом. Им тоже не до развлечений, потому регент и выбрал утро буднего дня – пусть все закончится тихо, а завтра будут вам фейерверки и гулянья. Не просто так, а в честь дня рожденья Девы Дриксен. Не портить же такой праздник казнью, а тянуть с исполнением приговора больше недели запретил еще Людвиг Гордый, который при всей своей гордости тоже не взял Хексберг. Этот город может быть лишь талигойским, кто возьмется доказать обратное, потеряет зубы вместе с головой; вот за Марагону поспорить можно, что Бруно сейчас и доказывает...

Фельдмаршал не сомневался в будущем успехе уже зимой, только что он станет делать со своими удачами? И с регентом? Принц Бруно не может сесть на трон сам, но не пустить на него может. Выбирать между тянущимися к короне родичами старику все равно придется

– кесарь не будет лежать вечно...

Сразу с трех сторон поплыл колокольный звон. Четверть десятого. Остается меньше часа. Руперт повернул затекшую шею и глянул за трубу. Там рыжели чешуйчатые крыши, над самой дальней торчал флюгер – девчонка с розочкой. Когда первые всадники достигнут площади Пяти Лип, на доме с флюгером поднимут сигнал. У засады будет несколько минут, чтобы собраться и хоть как-то размять руки и плечи.

Внизу, со стороны двора, раздался какой-то шум, и Руппи вжался в крышу. За сигналом следит Штуба, живчик из старых знакомцев Грольше. Этот не прохлопает, и потом, процессия только-только отъезжает от замка Печальных Лебедей.

Холодный канал... Лягушка... Подъем от Архивной, Святой Курт, Болотная... Как ни езжай, Пяти Лип и Пивной с ее знаменитым поворотом Песий Хвост не миновать. Разве что Собачьей Щелью, но там паре всадников не разминуться, куда уж карете.

Шум внизу прекратился, теперь во дворе шваркала метла. Большой Польдер перевернулся на спину, едва не заехав Фельсенбургу по плечу сапогом. Тень от загородившей полмира трубы разрубила здоровяка пополам. Один из голубей на гребне крыши принялся обхаживать голубку. При желании Руппи мог ухватить распушенный грязно-белый хвост. Снизу бы не заметили или решили, что охотится кошка. Крыши принадлежат птицам и котам, люди на них дюжинами не валяются. Это столь же очевидно, как и то, что Восемь Площадей не место для волков. Волк по зиме может забрести на окраины Шека, но не в Эйрехт. Городская стража зверя может не опасаться. Городская стража зверя опасаться не должна...

2

Половина десятого! Олафа из замка Печальных Лебедей уже вывели, и теперь «безглазая» карета шагом – другие аллюры в Большом Эйрехте дозволены лишь кесарским гонцам – приближается к торговым кварталам. К Восьми Площадям. К Пивной. К Собачьей Щели и Песьему Хвосту с его ничем до сегодняшнего дня не примечательными домами-близнецами. Удачно, что на небе ни облачка, в сырую погоду трюк с мешками мог бы и не сработать. Утреннее солнце слепит глаза, и это тоже хорошо – вряд ли кто-то таращится вверх, где в ожидании дела жмутся к черепице три десятка рубак.

Только бы адрианианцы ничего не напутали, но такие не ошибаются, да и не станет Фридрих устраивать сюрпризов, незачем ему... Все пойдет раз и навсегда установленным порядком, одна разница – осужденного везут в закрытой карете. Высочайшая милость, ведь могли и в телеге, под взглядами простонародья! Олаф тогда тоже мог бы... Выкрикнуть то, что говорил на суде. Рты смертникам не затыкают, чтоб не мешать каяться перед добрыми людьми. Если каяться адмиральским голосом, слышно будет далеко, а Фридрих не желает шума. Раньше не то чтобы хотел, но ожидал. От Штарквиндов с Фельсенбургами – вызова, от мещан и моряков – обиды за «своего», только не случилось ничего. Досада, если и была, растворилась в южных победах и сниженном – и кто только подсказал? – харчевенном налоге. Бабушка выжидает, мама ищет сыночка и плачет, а про друзей Ледяного Руперту даже думать не хотелось. Госпожа фок Шнееталь считается смелой... Бах-унд-Отумы слынут воплощенной порядочностью... Толку-то?

Три четверти. Старый Йозев вместе с Грольше уже потягивают пиво в «Пьяненьком мышонке», где с самого утра поят возчиков. Пара домов от угла – и не на виду, и рядом.

Переодетый мастеровым Вердер нога за ногу бредет от Эйны к Пивной, останавливается перед кабачками, что попроще, пересчитывает деньжонки, идет дальше, чтобы к десяти добраться до Щели...

Все пройдено, просчитано, проверено, предусмотрено, только Леворукий любит смеяться, и тогда возвращается Альмейда, а кесаря разбивает удар... Достаточно чему-то не сойтись, и все их предприятие окажется бессмысленным и гиблым, как поход на Хексберг. Как засада у боен. Убийцы, получая свои деньги, тоже не сомневались, что их отработают, а

удача рассудила иначе.

Хексберг, Зюссеколь, Шек, Метхенберг, Эйрхт... Как же ему везло все это время, но любой ветер когда-нибудь да сменится, а везенье тот же ветер: не удержишь, как ни хватайся. Ну и пусть, кроме везенья есть руки, голова и сноровка. Удалось шкурнику, неужели не выйдет у рискнувших ради друга?

Руппи сам не замечал, как в сотый раз принимался повторять, что станет делать по первому сигналу, что – по второму... Представить дорогу от Архивного спуска до аптекарского дома и дальше, к Горелой пристани. Порадоваться, что Файерманы не только сами уехали, но и соседей уговорили. Припомнить команду Грольше по именам. Проверить, на месте ли тряпки, наконец. Что угодно, лишь бы не думать, что Фридриха в последний момент убедили: адмирала цур зее, любого, негоже казнить как мещанина. Принцу нравится слыть непредсказуемым, с него станется все поменять за полчаса до казни и погнать к Печальным Лебедям курьера на взмыленном коне. Чтобы тот развернул уже тронувшуюся процессию. Подобное не предусмотрят ни «львы», ни Леворукий... Или как раз Леворукий и предусмотрит, чтобы посмеяться над людишками с их расчетами.

Нужно было отправить кого-то прямо к замку. Или пойти самому. Ну пошел бы, а дальше что? В Липовый парк засветло не проберешься, и не засветло тоже. Олаф даже не узнает, что хоть кто-то его не предал. Западный флот на дне, иначе бы они перекрыли все улицы, а теперь...

Чушь! Какая же чушь лезет в голову! Подлая, никчемная, слезливая. Это от мамы, она вечно всех пугает и сама пугается. Руппи никогда не понимал, как можно отовсюду ждать сплошных бед, а сегодня в голову разом полезло все неотплаканное. И ведь забыл же, совсем забыл, как казнили какого-то барона, а сейчас встало перед глазами...

Руппи не было и пяти, он не понимал, что значит «отравить супругу», но бабушка сказала, что «наследнику Фельсенбургов следует присутствовать», и он присутствовал. В трехцветном фамильном плащике. Вместе со Штарквиндами, потому что маме стало плохо и отец остался с ней. Не казавшаяся страшной церемония походила на развод караулов и немного на зимнее представление. Там тоже были колода, человек с мечом и кесарь в мантии и короне... Какой же он дурак! Гудрун и Фридриху на казни присутствовать невыгодно, значит, Олафа сочтут простолюдином, и все случится на Ратушной! То есть не случится, если только они...

3

– Есть знак, господин лейтенант! – Это Штуба, и точно, чуть ниже флюгера кругами ходит шест-голубятник с привязанной к нему тряпкой. Два круга, и пропал. Снова появился и еще два круга. Едут, расцарапай их Гудрун! Едут и уже у Пяти Лип – с уголовного дома площадь как на ладони...

– Парни, – Гульдер, «вторая клешня» Грольше, осматривает своих, – приготовились.

Все на местах, каждый – на своем, теперь собраты и ждать приказа. Молча. Дергать людей лишний раз нечего, да и кто ты такой, чтобы дергать? Будь ты четырежды лейтенантом, идут не за тобой, а за жожаками. Проверенными, испытанными хоть соленой водой, хоть пивом, хоть кровью.

– Крепи концы – быстро! Польдер!

– Сделано, старший.

Штуба ловко, будто муха по стеклу, спускается к самому краю, перевешивается, машет. Сейчас размышляющий, выпить или нет, «ремесленник» заметит мелькнувшую в вышине руку и устремится в кабачок. Закажет кружечку. Сядет и будет сидеть. Он ни при чем, он совершенно ни при чем. А на Пивной тихо. На Пивной спокойно... Для гуляк рано, для поставщиков – поздно. Кто-то вышел по своим делам, что ж, значит, не повезло...

– Попросим же у Создателя, дабы вразумил, укрепил и не оставил заботой...

Гульдер молится вслух, какой моряк пойдет в бой без молебна? Попросить Создателя о

помощи, тайком скрестить пальцы на удачу и загадать, что отдашь, если повезет. Руперт фок Фельсенбург отдает всё и больше, как в сказках, только он не на закате у перекрестья дорог. Некому услышать, некому спросить долг через шестнадцать лет.

Штуба снова высовывается, оборачивается, кивает – кто нужно, увидел. Йозев с Грольше уже заметили «выпивоху». Сейчас они неторопливо поднимутся из подвального, пройдут вверх по Щели, тут всего-то три десятка шагов, и окажутся на Пивной. Вожак знает, что делают, все знают. И вообще пора проверять снаряжение и оружие. Напоследок.

– Второй!

Шест с тряпкой теперь кружит дольше, пять оборотов: конвой приблизился к началу улицы. Крадучись – а ну как Леворукий занесет кого на чердак, а над головой будто битюги топают, – моряки перебираются через гребень. Отцу Луциану благословлять налетчиков в голову не пришло, вот про нитки для мешков он подумал. Про гнилые нитки.

– Третий!

Больше часа, чтобы войти в залив. Несколько минут, чтоб миновать десяток домов. Ожидание боя как ожидание... танца. Ожидание танца как ожидание ветра. Как же стремительно оно... накатывает! Перистые облачка на небе, словно царапины. Кошка-судьба примерилась и цапнула. На счастье!

Досчитать до ста сорока... Они проверяли, сотню, тысячу раз просчитывали и проверяли.

– Тряпки, живо!

Плотная ткань укутывает рты и носы. А с ветром у нас что? А ветра почти нет. Здесь, над крышами, его дуновение еле-еле ощущается, и это прекрасно, Леворукий нас заберет, это просто замечательно! Еле-еле – именно то, что нужно.

Руппи тянуло к краю крыши, но он сдерживался – внизу Йозев и Грольше. Они глаза нападающих и их же мозги. Пока нет сигнала, надо сидеть смирно.

С соседней крыши срывается голубь. Ничего, ему просто надоело сидеть! Как же они с Зеппом ждали боя. А разве можно не ждать?! Не ждать боя, не верить в победу? Зачем же тогда и жить?

Топот двух сотен копыт. Ровный, четкий... Гвардейские кони. Выезженные. Не боящиеся ни выстрелов, ни огня, ни порохового дыма. Привычные к строю, не то что охотничьи привереды дядюшки Мартина. Ох, не то!

Что-то мелькает на соседней крыше. Ага, над гребнем такие же замотанные головы. Тоже готовы. Какими же разбойниками они сейчас выглядят. Смешно! Смешно, только они и есть разбойники. Отбить государственного преступника по дороге на казнь... Алву всего лишь перевозили из тюрьмы в аббатство, и потом, этот Ракан был никем.

Цокот копыт становится громче. Всё! Мимо дома господина аптекаря идут первые всадники. Следующий дом «их».

Стук сердца. Тишина. Голуби на водосточном желобе не боятся распластавшихся людей. Если кто-то смотрит вверх, он видит голубей. Только голубей.

– «Абордажной команде – наверх!»

Боцманская дудка, наверное, впервые от основания Эйрехта оглашает столичные улицы своим пением. И моряки флота его величества, как им и надлежит, исполняют приказ.

Глава 5 Дриксен. Эйрехт 400 год К.С. 3-й день Летних Волн

1

Четырехпалые абордажные крючья разом метнулись вниз. Глухой стук вонзающегося в дерево металла и никакого звона того же металла по камням мостовой... Отлично!

– Выбери слабинку! – рявкнул Гульдер, и Руппи торопливо накрутил провисший трос вокруг печной трубы. «Когтить» карету лейтенанту, само собой, не доверили, да он и не рвался. Когда нет права на промах, уступи тому, кто не ошибется. Фельсенбург уступил.

«На abordаж!» – велела снизу дудка. Сигнал не успел затихнуть, а Гульдер со своими парнями уже рванули вперед и скрылись за обрезом крыши. Руппи мог бы не хуже, море морем, но и горы чему-то учат, только Грольше уперся, будто лось по осени, а уж старый Йозев... Цветочек в волосы – и готовая «волшебница Метхенберг»! По части тревог за «милого Руппи». Ладно, придется вторым заходом...

Дико, иступленно заржали лошади. Брань всадников была потише, но не менее выразительна. Вопли, ржанье, лихорадочная дробь копыт... Затихающая – голова конвоя галопом рванула за поворот. Значит, сработало!

– Эк их...

Голову – да, но хвост здесь, и он длиннее. Десятка два, если не больше. Ничего, управимся! Проверить пистолеты и повязку на лице, руки – в петли на конце ремня... Ну, господа гвардейцы, сейчас спляшем!

– Пошел!

Три этажа и чердак – это не высота! Трос прочный, кожаный ремень на него Руппи накидывал сам, а уж своим рукам Фельсенбург всегда доверял. И правильно...

Внизу опять заорали. С характерным шумом и звоном повалилось на землю тело... Еще одно... Ударил выстрел, лязгнуло. Порядок и покой в добром городе Эйрехте был безвозвратно нарушен. Ничего, переживут!

Кто-то пытается открыть ставни. Каменная морда торчит из стены, украшает. Смешная... Снова кричат несчастные кони. Вот их жалко, не заслужили они... Две обалдевшие физиономии на втором этаже, вывеска с облупленным углом, фонарь над дверью. Прыжок.

2

Как свалился прикрывавший дверцу кареты гвардеец, Руппи увидеть уже успел. Он и приземлился-то чуть ли не на тело. Опасаясь споткнуться, лейтенант выпустил ремень чуть раньше, чем собирался, но прыжок удался. Пришлось разве что слегка присесть и опереться рукой, гася движение. Перчатка впечаталась в нечто склизкое. В охотничий «подарочек»... Напротив кто-то истошно вопил. Фельсенбург, не выпрямляясь, зыкнул по сторонам. У аптекарского дома надрывался толстяк в лекарской мантии. Да, это тебе не клистир менять ставить...

Пятятся, бьются в своих постромах кони. Жмутся к стенам обалдевшие прохожие, верховых возле кареты уже нет – валяются на мостовой. Пятеро... Шестеро, считая с возницей. Штуба с двумя молодцами у дверцы. Впереди – чисто, а вот упряжка... Польдер так и не обрубил постромки.

– Пусти!

Здоровенный abordажник кивает и отскакивает – лошадей он боится. Каряя кобыла одновременно бьет задом и клацает зубами. Не подпустит, уж его-то точно не подпустит. Угораздило ж вляпаться напрямиком в волчий потрох!

– Мож, пристрелим?

Каряя словно поняла! Врезав пару раз копытами по передку кареты, ошалевшая животиная рванулась с такой силой, что оборвала постромки, и тут же хрустнуло дышло. Если б не вторая кляча...

– Нож! Нож давай!

Схватить сунутый Польдером кортик. Взлететь на козлы, до предела вытянуть руку и самым концом клинка – по туго натянувшейся построжке. Тут же лопается и последняя оставшаяся. Короткое ржанье, взмах хвоста, стук обломанного дышла по мостовой, топот... Вот и пусть бегут за передовыми. Если кто сейчас пытается вернуться, будет весело!

Теперь можно и обернуться, только разглядеть, что творится за каретой, не выходит, густое белое облако полностью накрывает улицу. Из «тумана» несутся крики, перемежаемые кашлем, фырканием, хрипением. Ага! Всё в порядке и там...

3

Большой Польшер с двух ударов сносит запор, распаивает дверь, но к карете Руппи нельзя. Олаф может узнать, окликнуть по имени. Если пристав и священник услышат, придется убивать, а они всего лишь делают свою работу. Их не за что, а вот капеллана «Звезды», не говоря уж...

Гульдер с пистолетом наготове заглядывает внутрь. Не прекращает вопить у стенки лекарь, рыдает, загораживая дорогу, перепуганная горожанка, из распахнутого окна валится на мостовую цветок. Герань. Была...

– Сударыня, прошу простить. У нас не было другого выхода.

Зачем он заговорил? Дурак! Но женщина вряд ли что-то запомнит.

Грольше машет рукой, Польшер лезет в карету, у дверцы топчется Штуба с тесаком. Кого-то вышвыривают вон. Судейского пристава. Болван грохается на мостовую и остается сидеть, выпучив глаза и дыша, будто вытщенная из воды рыба. Следом Польшер выволакивает монаха, прижимает ручищей к боку кареты. Монах старенький, седенький, на плече – Агнец. «Чистота...»

Дудка Йозева прорезает почти ярмарочный галдеж. Судейский вытягивает руку, тычет пальцем в боцмана, чудо сухопутное... А вот вскакивать и путаться под ногами не надо. Непорядок!

Руппи шагнул за спину непоседы, опережая приказ «Очистить палубу для боя!». Не слишком сильный удар рукоятью, и бесчувственное тело валится рядом с трупом гвардейца. Ничего, очухается, это тебе не перебитым реем огрести...

– Господин адмирал цур зее, нам придется поторопиться! – орет в глубь кареты Грольше.

Олаф вылезает. Медленно, неуклюже, но сам, лишь слегка опираясь на подоспевшего Польшера. Как же трудно не подбежать, не подбросить от радости пистолет, не сорвать с лица повязку. Польшер лихо хакает, топор обрушивается на сковывающую ноги узника цепь.

– Да стой же! Вот же ж ключ! – Шустрик Штуба догадался обыскать валяющегося без сознания пристава. Штуба догадался, ты – нет.

– «Назад!» – велит дудка. – «Всем возвращаться на корабль!»

4

Позади, вернее сверху, с крыш, трещат выстрелы. Кто-то из конвоя опомнился? Похоже на то. Из редющей мути вываливается белесая, закрывающая рукавом лицо фигура, за ней вторая. Ну, эти привидения не бойцы! Кашель рвет бедолагам легкие, вряд ли их занимает что-либо, кроме собственного самочувствия.

– Господин адмирал, поторопитесь! Точно говорю... – Грольше с успевшим спрятать дудку Йозевом подхватывают Олафа под локти и быстрым шагом волокут, почти несут в переулок. Штуба уже подобрал сброшенный с крыши тючок с одеждой. Дело Руппи – прикрывать отходящих. Дистанция два шага, в крайнем случае три. Именно так они решили и пока ни в чем не ошиблись. Даже не верится, что все почти позади... Нет, так просто не бывает! Значит, смотрим в восемь глаз и ждем сюрпризов, а вот и первый. От себя самого – чуть не сунулся в Щель в разбойничьей тряпке. Умник...

Троица в горле переулка преображается. Двое почтенных горожан в поношенной, но вполне приличной одежде помогают высокому худому монаху. Добрые люди напуганы неслыханным безобразием, вот и спешат убраться куда подальше. Молоденький провинциал тоже спешит, но... отчистить рукав от муки все равно старается. Дистанция! Держать

дистанцию. Пока все в порядке, ты сам по себе...

«Пьяненький мышонок». В двери торчат любопытные, еще бы, шум подняли изрядный, да еще и со стрельбой. «Ремесленник» тоже торчит, как раз на проходе, размахивает руками, тычет куда-то за спину Руппи. На уходящих никто не смотрит, и верно, чего на них глазеть, когда дюжие ребята на руках вкатывают в Собачью Щель тюремную карету с полусорванной крышей и, дружно ухая, ставят наискось, сбив при этом одно из колес. Путь кавалеристам, когда они наконец прочихаются, перекрыт. Узкие улочки очень даже полезны, а три немолодых человека, не оборачиваясь, уходят в сторону речки Лягушки.

Они не спешат. Или не могут спешить? Догнать бы, заглянуть в лицо, убедиться, что дело в выдержке, а не в болезни, но нельзя. Ты в арьергарде, ты сам настоял на том, чтобы прикрывать тыл, вот и прикрывай, а из окон уже всюду пялятся. Хорошо, внизу народу почти нет, хотя скоро, надо думать, набегут.

5

Травная. Косой переулок. Малая Лекарская. Тихо – совсем как на Пивной получасом раньше. Никто никуда не бежит, не кричит, не зовет стражу. Трое, как и договаривались, останавливаются возле заколоченной лавочки. Руппи проходит мимо не глядя. То есть должен не глядя, но не посмотреть он просто не мог. Увидел. Физиономию Грольше...

Теперь самое сложное. Теперь нельзя оборачиваться, и спешить тоже нельзя. Медленнее, господин лейтенант, медленнее! Олаф не может бежать, никто не сможет, просидев столько под замком, а еще и раны, и большая голова...

Шум! Крики! Спокойно, это всего лишь вора поймали. Невзрачный человечешко крепко ухвачен ражим подмастерьем. Гремят железом спешащие стражники. Собирается толпа, улюлюкает тощий юнец, трясет кулаками тетка в желтой накидке. И чего бесится, не ее же обокрали? Еще одна. Сколько же в Эйрехте злобных гримз... И прекрасно, пусть глазуют! Воришку запомнят, обычных прохожих – нет.

Банные, Новая и Старая. Небольшой проход между домиками, даже проулком не назовешь, полсотни шагов, и вот она, речка-Лягушка. Сваи от сперва сгоревшей, а потом догнившей пристани. Одуванчики. И седые, и желтые. Поднявшийся все же ветерок качает словно бы и не городские заросли, на уцелевшем бревне сидит трясогузка.

Здесь можно оглянуться, здесь можно даже остановиться. Мало ли кого ждет молодой человек? Приятеля, девчонку, жулика, облапошившего приезжего дурака... Хорошее они все-таки место нашли, тихое. Мальчишек с удочками и тех нет, глазеть некому, но и своих не видать. Слишком долго не видать. Что-то случилось?! А, показались!

Откинувший капюшон монах и двое горожан торопливо шагали к берегу, а Руппи торчал столбом среди одуванчиков и пытался проглотить запечатавший горло ком, а тот не проглатывался, хоть умри. Трясогузкам на смех! Трясогузка, впрочем, смеяться не стала, она просто улетела, когда люди переступили какую-то трясогузью черту.

Олаф старался идти быстро, но, похоже, был на пределе. Цену частому дыханью и испарине на лице Руппи теперь знал. На это его, придурка, хватило, на то, чтобы запастись хотя бы вытяжкой хвойника⁷, – нет. Медик кошачий! Тропка была совсем ровной, но адмирал споткнулся, и Грольше его не очень ловко поддержал. За это уроды тоже ответят. Все, не только Бермессер с Хохвенде, но и Фридрих со своей лосихой, и вся та сволочь, что болталась по кабакам и врала. Двое уже в Закате, но Руперт фок Фельсенбург не забыл ни Михаэля фок Марге-унд-Бингауэра, ни мелкого Троттена, ни третьего, пока безымянного... Лейтенант навек запомнил и слова, и морды, а прихвостни регента и прихвостни прихвостней не из тех, кто прячется, пока хозяин в силе. Придет время, Эйрехт назовет

⁷ **Хвойник (эфедра)** – растение, содержащее большое количество амфетаминов, действующих как сильное возбуждающее и тонизирующее.

всех.

– Ну вот, господин лейтенант! – как-то слишком лихо и хрипло рявкнул Йозев. – Разрешите доложить, приказ выполнен... В лучшем виде.

Приказ? Не приказывал он ничего, только просил... Там, в Метхенберг, когда пришел к деду Зеппа, только пришел. Дальше они сами...

– А я все гадал, ты или нет, – тихо сказал Олаф. – Не спрашивал, глупо вышло бы, если не ты.

– Это я. – Руппи таки протолкнул проклятый комок сквозь ставшее узким горло. – Господин адмирал цур зее, нужно пройти еще немного, до лодки, и все будет хорошо.

Глава 6

Талиг. Оллария. Дриксен. Эйрехт 400 год К.С. 3-й день Летних Волн

1

Карваль нечасто появлялся во дворце, особенно днем. Маленький генерал предпочитал докладывать об исполненном, а чем займется утром, знал самое малое с вечера. И все же возник на пороге, едва отзвонило одиннадцать. Мевен, с которым Робер прикидывал, как половчей избавиться от ненужной челяди и еще менее нужных дам и девиц, удивленно присвистнул. Он дважды приглашал Карваля присоединиться к совещанию, а заодно перекусить, но Никола сослался на загодя данное Халлорану обещание и вроде бы уехал.

– Халлоран начал поститься? – усмехнулся виконт, но, столкнувшись с хмурым взглядом, как-то подобрался. – Гадость? Какая и где?

– Монсеньор, – Карваль смотрел на Робера, – я позавчера докладывал, что барсинцы волнуются прежде всего потому, что трусят. Мы вешаем пойманных с поличным, но горожане поверили в то, что будет порядок, и теперь идут с жалобами. Я собираюсь дать им ход, ублюдки об этом догадываются.

– Само собой, но из-за этого ты бы не примчался.

– Монсеньор, то, о чем я говорю, имеет прямое отношение к сегодняшней неприятности. Прошу меня выслушать. Позавчера я распорядился повесить убийц портного, заступившегося за жену, сама она успела убежать. Женщина искала убийц три месяца. Монсеньор, она любила мужа, и она из Пуэна...

– Выяснилось, что вдова ошиблась?

– Нет, все сошлось. Даже шрам от ножниц у одного мерзавца – портной схватился за ножницы...

– Тогда в чем дело?

– Рано утром объявилась еще одна вдова со своей матерью. Они обвиняют троих людей Халлорана. Полковник отказывается их выдать. Я как раз оказался там и допросил обвиняемых – это не ызарги.

– Но женщины настаивают?

– Да, Монсеньор, только младшая не в себе, а старшая... Ей все равно, кого вздернут, лишь бы на нем был мундир. К сожалению, горожане верят вдове, и не только верят.

– Что они делают?

– Пока ничего. Человек сорок во главе со старухой не придумали ничего лучшего, чем отправиться к казармам, куда их не пустили. Там же болтаются и барсинцы, им это нравится, но пока они молчат.

– Проклятье... Мне казалось, город в порядке.

– Мне тоже, но старуха со вчерашнего вечера заводит соседей, а люди слишком долго молчали и боялись. Теперь они не успокоятся, пока не добьются своего или пока их не поставят на место.

- То есть пока не вздернут нас с вами или пока мы не начнем стрелять?
- Я прошу разрешения поднять людей Пуэна. Ваш дом и особняк Капуйль-Гизайлей под охрану уже взяты. В Ноху я тоже сообщил.
- Хорошо. Пусть седлают Дракко.
- Монсеньор, не думаю, что...
- Когда они кого-нибудь вздернут, их будет не унять. Вспомните Маранов.

2

Лодки за полужасохшей ивой не было, как не было и определенного в лодочники Умника Ганса. Руппи пробежался взглядом и по противоположному берегу, и по самой речушке – нет, не видно. Закатным тварям забытых плащей явно не хватило, и они проглотили перевозчика. С потрохами, лодкой и веслами. Лейтенант покосился на спутников: Йозев с Грольше выглядели нерадостно, адмирал был спокоен – ни вопросов, ни советов.

- Я посмотрю, – как можно беспечней сказал Руппи. – Вы тут подождите... В тени.
- Угу, – ответил за всех Грольше. – Пошли.

Вдвоем спустились к самой воде – тина и копошащиеся в ней кряквы хранили молчание, но тревоги ничто не внушало. И никаких следов Ганса. Вообще никаких следов.

– Хватать наших орлов не с чего, – растерянно пробормотал абордажник. – Может, с лодкой чего не так...

– Пешком бы дошел, времени хватало. Будем лодку искать или подождем? Тут лучше не рассиживаться.

- Он далеко не уйдет... Торстенова сила! Рыжий! Сигналит, и, похоже, не нам.

Точно! На той стороне, полусотней шагов выше по течению, из кустов к самой воде вылез Зюсс, которому следовало караулить повозку. Яростно жестикулируя, он махал шапкой в сторону ивы. Тот, кому эти пляски предназначались, явно находился напротив Рыжего. На этом берегу!

- Ганс выше! – догадался Грольше. – И за какими кошками он туда поперся?

Этого Руппи не знал. Зюсс не выдержал, и над сонной Лягушкой пронесся прямо-таки разбойничий свист, после чего пляска возобновилась с новой силой.

- Я за нашими.
- Хорошо.

Лодка показалась через год, то есть через пару минут. Ганс изо всех сил налегал на весла, напоминая мирного эйнрехтца разве что щеголеватой курткой.

– Фух, ошибся... Я ж не думал... – не переведя духа, принялся объясняться «лодочник». – А там – ну точно такое же...

- Торстенова сила, заткнись, некогда! Господин адмирал, дозвоьте...
- Я не настолько ослаб, – второй раз за день подал голос Олаф, – не задержу.

Не задержал. Руппи с Гансом сели на весла. Посудинка быстро двинулась наискось к левому берегу. Пустому – Рыжего уже не было: надо полагать, побежал к повозке. Руппи равнодушно ворочал веслами, будто в самом деле стал перевозчиком. Мысли, страхи, даже злость как языком слизнуло. Поднимавшаяся от воды серебристая дымка затягивала берега заодно с памятью. В этот город незачем возвращаться, они ничего не оставляют и ничего не забирают. Просто уходят туда, где поют волны и пляшут ветра. Прийти с берега и вернуться на берег, не отдав жадным площадям то, что им не принадлежит, – это правильно. Стоячая вода гниет, и ты гниешь вместе с ней, а думаешь, что засыпаешь. Спать можно только в море, оно разбудит, когда нужно, оно убьет, кого нужно, оно найдет, что нужно, и унесет любую грязь. Верь морю, верь живой воде, не спи...

– Видите? Вона... – Ганс мотал головой, не прекращая грести. – Такая же стенка! И покрашено так же. А у бережка – дерево... Полудохлое... Вот и спутал! Мы же с воды не глядели... На берегу постояли, и то наверху!

Спутать и впрямь было немудрено. Мало ли умирающих ив, а сараи вдоль Лягушки похожи. Это особняки на Речной каждый со своим вывертом, даже если гербов не видно.

– Виноват я, – четко сказал Руппи. – Вывел на место, куда надо пригнать лодку, и решил, что достаточно. Не догадался посмотреть с воды.

– Вот! – воспрянул Ганс. – Говорю же... Дерево...

– Именно что дерево! Цельный пенёк... С глазами! – Канмахер скривился, будто молоко в пивной кружке обнаружил. Скислое. – Умник он у нас... Тьфу!

Бедный Ганс аж сбился с ритма. Лодка вильнула. Йозев пробурчал под нос что-то зубодробительное, зато пристали точно в заранее присмотренном местечке. Будто нарисованные ивы картинно полоскались в зеленой воде, укрывая крохотную заводь от чужих глаз. Несло гнилью, гудело комарье.

– Торстенова сила, хоть здесь порядок. О, Рыжий!

Зюсс с большой корзиной на локте топтался среди прибрежного ивняка, на обветренной физиономии сияла блаженная улыбка. Руппи тоже хихикнул. В предвкушении. Лодка еще толком не ткнулась в болотистый берег, когда корзинка закачалась, а плетеная крышка подверглась нешуточным атакам изнутри.

– Давай! – Руппи с невольным смешком откинул петлю, выпуская трехцветный ураганчик. Лодка, вода, незнакомцы – да ну их всех! Гудрун волновал только Руппи. Урча и подмяукивая, пушистая зараза обтерла лейтенантские штаны и полезла на руки. К счастью для нее, это совпадало с целями лейтенанта, тут же подсунувшего зверюгу Олафу. Опальный адмирал кошку не вдохновил. В другое время за подобное пренебрежение можно было и всыпать хоть бы и особе из Адрианкlostер, сейчас это радовало.

– Чисто! – сказал Руппи и объяснил: – «Истинники»... Они как-то метят людей, а потом находят. Кошки это чувствуют, особенно трехцветные.

– Проверка, значит? – уточнил Грольше. – А мы-то гадали, с чего вы левой рукой да за правым ухом...

– Проверка, – подтвердил лейтенант и замялся. – Господин адмирал... Дальше вы поплывете, а я... Мне нужно вас оставить. На время.

– Почему? – резко спросил Олаф.

– Сподручнее уходить, – попытался выручить абордажник, – врассыпную в смысле... Точно говорю!

– Толпой не выбраться, – подставил плечо и Йозев. – Вот все и фитильнули кто куда... Ничего, соберемся.

– Где именно?

– У барки, – оживился Грольше. – Сейчас выйдем в Эйну, будто местные, по делам плывем. Ганс с Зюссом на веслах, мы трое вроде как по делам. Одежка нужная в лодке, мешки с товаром... Гусиный пух, все честь по чести...

– Я понял. Руперт, куда и почему уходите вы?

– Нужно отвлечь погоню от реки. Мы все продумали...

– Кто «мы»?

– Кавалеристы Роткопфа. Возможно, вы их помните... Штаудиц и Ценкер...

– Меня контузили на «Ноордкроне», а не в Зюссеколь. Значит, люди Бруно тоже в заговоре?

– Рихард и Максимилиан – честные офицеры...

– То есть они в заговоре без Бруно?

– Заговор был против вас... И против кесаря! Все образуется, но... не сразу. Мой адмирал, меня ждут, я должен спешить.

– Хорошо, спешу. Встречаемся... Канмахер, где?

– Так что у Щербатой Габи...

– В бухте Щербатая Габи. Извольте не задерживаться, лейтенант...

Спасла Гудрун. Покидать столь желанные руки и тем более лезть в противную корзину кошка не желала, вот и вцепилась в одежду всеми когтями. Воевать с ней было не время,

пришлось вылезать из лодки с урчащей зверюгой на руках. Это позволило рассмеяться и не сказать того, чего не говорят даже своим. Именно своим и не говорят.

Выбираясь из зарослей, Руппи оглянулся. Лодка с «негоциантами» уплывала вниз по течению. Через несколько минут она выйдет в Эйну. Олафа не станут искать на реке. И в Щербатой Габи тоже не станут...

3

Горожане стояли и смотрели на ворота. Человек двести, в основном женщины. Немолодые, добротнo одетые, хмурые, они мало походили на расхватавших оружие слуг, встретивших Робера во дворе замка Эпинэ, зато Дору толпа напоминала – тот же болотный ненавидящий холод.

Дракко фыркнул и прижал уши: ему не нравились эти люди, но Робер безжалостно послал рыжего к казармам. Жеребец сменил тактику и попытался перейти в галоп, но кто считается с лошадьми? Шагом, глядя прямо перед собой и моля всех святых и демонов, чтобы толпа расступилась. Кто-то да помог. Первой подвинулась высокая женщина в рогатом чепце, затем красивый старик, это послужило сигналом – толпа медленно раздавалась перед отрядом и, скорее всего, смыкалась за последними всадниками. Эпинэ не оборачивался – смотрел вперед, но катившиеся перед грудью Дракко короткие тени и цокот копыт подтверждали: Жильбер и южане не отстают, а вот хозяева открывать не спешат. Это было плохо, но не так, как если б над стенами торчали дула мушкетов.

Мевен требовал взять сотню, Карваль навязывал себя, Робер отправился с привычным эскортом. Непривычный рванул другими улицами, чтобы вмешаться, если потребуется, если все, что почти удалось, пойдет прахом.

Скрипнули и чуть приоткрылись ворота: Халлоран все же не совсем... А что «совсем»? Такие не трусят; струсь полковник, ворота стояли бы открытыми настежь, а несчастные конники болтались на фонаре!

– Смерть насильникам! – провизжало за спиной. – Смерть убийцам!

– На фонарь! – отозвалось сбоку.

Накликал он с этим фонарем. Проклятье, при Альдо люди в собачьи стаи не сбивались! Стреляли с крыш, это случалось, выкрикивали из толпы то здравицы, то оскорбления, малевали на стенах, но не рычали.

– Насильников на фонарь! – На фонарь... На фонарь... На фонарь... Звуки чавкают, будто конь идет по раскисшей глине. «На фо-нарь» – копыто тонет в грязи. «На фо-нарь» – грязь отпускает коня и всадника. Ненадолго... На фонарь, на фонарь, на фонарь...

– Монсеньор. – Осанистый торговец загораживает дорогу. Лицо знакомое и растерянное. – Монсеньор, мы не уйдем... Пока не добьемся справедливости. Мы ждем суда, монсеньор! Вашего суда над убийцами и насильниками...

Негоциант. Из выборных. Приходил с такими же, благодарил и заверял. Теперь бедняге неудобно и страшно. Между двух огней всегда так.

– Смерть убийцам!

А вот и старуха. Надо полагать, та самая. Вцепилась одной лапой в плечо женщины помоложе, другой тычет вперед и орет про фонарь. Взмокший Дракко норовит попятиться, выборный отводит взгляд. В Олларии Проэмперадор не боится ездить по улицам. В Олларии горожане не воюют с гарнизоном, а гарнизон – с горожанами.

– Отдайте нам их!..

– На фонарь!

– Монсеньор, мы требуем суда!

«Требуем»... Раньше благодарили и просили. Допустим, благодарить особо не за что, но от мародеров, от настоящих мародеров их прикрывали и парни Халлорана!

– Вы уверены в обвинениях? – Сдерживать пляшущего Дракко все труднее, и все больше хочется отпустить поводья и выхватить пистолет.

– На фонарь!

Старуха щурится, будто закатная тварь... Как графиня Савиньяк... Подается вперед, шевеля губами. Подается вперед и вся толпа. Люди Пуэна совсем близко, достаточно махнуть шляпой.

– Монсеньор, справе...

– Хорошо. Ждите. Здесь ждите. Очистить проезд!

Если не получится, придется... По-хорошему не понимают. Поймут по-плохому.

– Отдайте... Отдай... Дай... Дай... Дай...

– Лэйе Аstrapэ, с дороги!

В казармы Робер въехал шагом.

Глава 7
Талиг. Оллария
400 год К.С. 3-й день Летних Волн

1

К осаде полковник подготовился неплохо. Как и к прорыву. Даже костры сложил и котлы над ними повесил. Смолы не нашлось, но кипятилок был. Это уже больше походило на родимый замок, только на дополнявшем картину каштане никто не висел. Пока. Робер спрыгнул с лошади, утер взмокший, как оказалось, лоб и заставил себя присвистнуть. Начало вышло правильным.

– Монсеньор, – удивился сперва показавшийся каменным Халлоран, – разве вас не предупредили?

– Что вы перешли на осадное положение? Нет.

– Я своих ребят не отдам!

– Не кусайтесь! – прикрикнул Эпинэ. – Вы уверены, что это не они?

– Да плевать мне кто! Я их не отдам.

– Плевать? Вы родом из Барсины?

– Что?!

Сколько страха на этом дворе, аж сапоги вязнут.

– Вы, – раздельно проговорил Робер. – Родом. Из. Барсины?

– Прошу простить... Монсеньор.

– Забудем. Вы ручаетесь за невиновность ваших людей?

– Да, Леворукий меня побери!

Может, уже побирает? Не полковника, так тех, кто торчит на площади. Сколько они будут ждать, прежде чем поднимут шум, на который сбежится в десять раз больше народу, а там один выстрел, и понеслось... Нет, бунт Карваль уймет, и вряд ли с большими потерями среди своих, но ведь есть и горожане. Старую ведьму не жаль, а других?

– Монсеньор, – повторил Халлоран, – я ручаюсь. Они бы никогда... У Пола в Заречном предместье невеста, Конрад женат...

– Давайте их сюда.

– Вы меня не заставите... Разрубленный Змей, если вы отдадите моих, завтра ткнут в кого-то из ваших...

– Не пытайтесь думать за других, полковник. Это они?

– Они.

Хоть в чем-то повезло, ни одного горбатого, кривого, носатого. Рожи как рожи... Бледные, не без того.

– Полковник, отберите десяток. Кого хотите, только не обвиняемых. Мундиры долой, пойдут в рубахах. Не замерзнут. Дювье, с Дракко сладишь?

– Зачем десяток? – Полковник ничего не понимал. В отличие от сержанта. – Куда?

– Старуха щурится, она близорука. – Леворукий бы побрал эти пуговицы, сколько же их нашили! – Дювье! Живо надевай! Шляпу, перчатки – и в седло. Твое дело – отделить ведьму с дочкой от остальных и заставить указать на насильников. И чтоб назвала тебя мной. Прозмперадором, монсеньором, Эпинэ, как угодно. Громко назвала, чтоб все слышали. Ясно?

– А... Ясно, Монсеньор!

– Жильбер. Сейчас мы выведем этих десятерых. Ты – адъютант Дювье! Подзовешь к нему свидетельниц.

– А если поймут...

– А если б нас всех у Святой Мартины закопали?

– Монсеньор!

– Что, Дювье?

– Мэтр Жанно супротив вашего тугоуздый.

– Вижу. – После Дракко разве что Моро тугоуздым не покажется. Ничего, не в бой идти.

– Господин маршал, мы не можем... Ну, чтобы вместо нас другие шли! – Один из обвиняемых, совсем мальчишка. Чем-то на Дикона похож... Тоже мне насильник! – А вдруг она на них скажет...

– И отлично! Вас, именно вас с Конрадом, должны были запомнить. Да не тогда, утром...

– Вы рассчитываете, что она запугается?

– Я рассчитываю, полковник, что толпа поймет: старуха видит не лучше тапона. Если что и разглядит, то мундир. Им нужна справедливость, они поймут и уберутся. – О том, что толпе нужна кровь, *любая*, думать не хочется, но надо. Думать, не говорить. – На всякий случай поставьте на стены стрелков, но так, чтобы видно не было. Без моего приказа не высовываться.

– Они уже не высовываются. – Халлоран кивнул в сторону костров.

– Отлично! Открыть ворота.

2

Толпа изрядно разрослась. Стало больше мужчин, и не понять, зачем они явились, было нельзя. Злость и напряжение смешались с жарой в какой-то мерзкий туман, словно бы сожравший звук и движение. И затхлость, как в погребе. Боль саданула в висок раскаленной иглой, перед глазами замелькали зеленые завитки. Борясь с тошнотой, Робер облизнул враз пересохшие губы. Смять бы этот сброд лошадьми... И хороший залп со стен. Чтобы знали.

Неожиданная ненависть едва не угробила весь замысел, выручил Мэтр Жанно. Мерин не понял чужого приказа, но лезть вперед он не был приучен, вот и не лез, а потом Эпинэ услышал Жильбера: адъютант приказывал свидетельницам подойти к замершим у ворот белым фигурам и указать виновных.

Старуха рванулась к жертвам, волоча за руку дочь, которая вряд ли соображала хоть что-то. Следом двинулись двое мужчин – давешний выборный и кто-то молодой.

– Стоять! – Больше Робер не удивится, что Жильбер сумел сжечь Сэ! – Всем назад!

Выборный прыгнул что-то невразумительное. Молодой сжал кулаки, но отшагнул. Старуха бросилась вперед сорвавшейся с цепи псиной. Ничего не заподозрила – злоба, такая злоба, безмозгла!

Называет! Тычет пальцем. Смерть тоже тычет вслепую, иначе у Ренквахи выжил бы Мишель или Арсен...

– Здесь... – А ведь она... счастлива! – Оба здесь! Тот, лохматый! И... вон тот!

– Создателем поклянешься?

Вот она, разница между герцогом и солдатом. Герцог Создателя забыл напрочь. Как и старуха!

– Они! – хлещет по ушам визг. – Я помню... Я все помню! И не двое их было... Третий караулил. Вот тот!

– Ты готова поклясться? – подхватывает Жильбер. – Перед Создателем? Перед Проэмперадором Оллари?

– Да они это, они! Клянуся... На фонарь ублюдков!

Как же он возненавидит теперь фонари! Но фонаришков понадобится больше, темных углов в Оллари остаться не должно.

– Отвечай Проэмперадору, женщина.

Старуха уставилась на Дювье. Захрапел и прижал уши Дракко, сержант натянул повод сильнее, чем нужно. Дернув головой, полумориск отступил к мерзкой пятнистой стене.

– Отдавай убийц, красавчик! – прорычала уже не женщина. – А то... Начхать, что герцог и... этот... главный в городе... Дай!..

Назвала! Она назвала, и толпа слышала. Теперь заставить Жанно прыгнуть и замереть между ведьмой и Дювье, отбросив шляпу.

– Люди, свидетельница плохо видит. Она никого не узнала и не может узнать! Для нее что Проэмперадор Оллари, что сержант на одно лицо, а мундиры одинаковы у всех. Идите по домам. Эти солдаты невиновны... Утром свидетели указали на других. Господин негодник, вы уже говорили от имени горожан, извольте подойти и сказать, есть ли тут те, кого обвиняли утром.

Господин негодник делает робкий шаг, озирается, переводит взгляд на устроившегося в маршальском седле Дювье, на Робера – вот когда седина пригодилась, – на старуху и никак не может поднять взгляд на людей в белых рубашках.

– Вы тоже помните только мундиры?

– Я... Монсеньор, вы правы. Это другие лица. Вынужден признать...

Болтать выборные научились, Робер приготовился слушать. Все разрешилось, только рука продолжала судорожно сжимать поводья, а злоба так и оплетала сердце студенистыми щупальцами. Горожанин чесал языком, Робер сдерживал чужую лошадь и собственный норов. Он-то сдерживал, а вот другие...

– На фонарь! – взвыл ненавидящий голос. – Плевать, что не они... Мими-то все одно теперь...

– Пускай энти за тех ответят!..

– Ишь... Разбежались по казармам, а дружки их прикрывать...

– А чтоб за каждую нашу четверых вонючек! Вот где справедливость... Вот как надо! – Давешний молодчик. Прет с одними кулаками на всадников. Перекошенная рожа, белые глаза... Ну, ты сам хотел, тварь! Сам! Рука рвется к загодя расстегнутой ольстре, но сразу нельзя. Надо предупредить.

– Стоять! Иначе ляжешь.

– Ах ты ж...

В последний момент Робер все же взял левей и выше. Пуля попала куда надо. В плечо.

– Лэе Астрапэ, следующий отправится не к лекарям, а в Закат! Жильбер...

Бросить Сэц-Арижу дымящийся пистолет, поудобней перехватить заряженный и усмехнуться. Обязательно усмехнуться.

– Монсеньор, ваш пистолет!

– Спасибо, Жильбер.

Он не Алва, чтобы еще и с левой... Но они этого не знают. Положить косячного жеребца – остановить табун. Если повезет... Нет – уйдет в сторону, да еще и прибавит.

– Из уважения к горю этой женщины я ее отпускаю. Но если она снова начнет... подстрекать, то отправится в тюрьму. А те, кто попробует чинить самосуд – любой, над кем угодно, – окажутся на фонаре. Ближайшем. Слово Проэмперадора. Это я решаю, кто виноват. Я и закон! А сейчас – прочь.

Шевелятся, смотрят под ноги, расползаются. Кто-то подхватывает старуху, та тянет за собой так и не сказавшую ни слова дочь. Выборный красен, как алатский перец, лицо в каплях, будто из ведра окатили. Дювье провожает глазами парней, что уносят заводицу. Если он мастеровой, мастерству его конец... По-хорошему отправить бы молодчика в тюрьму, ну да кошки с ним! Никого он, такой, больше не вздернет, да и на рудниках толку от однорукого...

– Монсеньор! – Голос Сэц-Арижа срывается. – Монсеньор, я... хочу принести извинения графине Савиньяк, я... Какой же гадиной я был.

– Извинения принеси, но у нас все было по-другому.

– Вы не видели, как оно вышло в Сэ! И ведь я радовался, гордился... Понимаете...

– Жильбер, не сейчас...

Выпить бы и лечь. Нет, сперва отмыться, и не у Марианны. Эту заразу к ней лучше не

тащить.

– Монсеньор, смотрите!

Да уж, его высокопреосвященство не из тех, кто будет сидеть в Нохе, когда пахнет жареным, хотя сейчас если и несет, то тухлятиной. И вроде разошлись все, а мерзко по-прежнему. Эх, ну что бы кардиналу явиться часом раньше или вообще не являться.

– Вам не следовало рисковать.

– Я – Проземперадор Олларии. И потом, никакого риска не было.

– У вас кровь на руке.

– Ударился где-то... Эта рана вечно открывается. Ваше высокопреосвященство, отпустите этим... людям грехи. Или изгоните демонов, а я...

– Вам надо лечь, и чем быстрее, тем лучше.

Глава 8

Дриксен. Эйнрехт. Дриксен. Кесарский морской тракт. Талиг. Оллария 400 год К.С. 3–4-й день Летних Волн

1

Карета дожидалась на задах мануфактурных складов. Простая дорожная карета, не новая, без гербов и украшений. Такие при необходимости нанимают пожилые провинциальные дворяне, которым собственный экипаж не по карману. Тут же был привязан и отъевшийся Краб, чья простецкая наружность пришлась как нельзя кстати. Руппи остановил повозку почти вплотную с каретой. Сухощавый, похожий на отставного офицера человек спокойно принял вожжи. Не зная Руппи, что брат Орест – монах, нипочем бы не догадался, но «львы» служат Создателю по своим правилам.

– Промойте при первой возможности царапины, – спокойно посоветовал адрианианец. – Надеюсь, Гудрун всего лишь не хотела расставаться?

– О да! – Руппи невольно поморщился, вспоминая с трудом выигранное сражение. – Она внутри, в корзине.

– Очень хорошо. Пусть удача сопутствует вам и дальше.

Ни расспросов, ни прощаний. Сделал свое дело и пошел своей дорогой. Так и надо. Наверное...

Повинуясь какому-то порыву, лейтенант протянул руку. Брат Орест ответил офицерским рукопожатием.

– Хотел бы я увидеть Седые земли!

– Так присоединяйтесь! На корабле места хватит, а на берегу и подавно.

– Мое место здесь. Кошка не знает, что значит долг, и нуждается в корзине. Лошадь не знает, куда идти, и нуждается в вожжах. Мы же сами себе корзина и сами себе вожжи. Скажите об этом вашему адмиралу, когда он будет нуждаться в утешении.

Руппи кивнул. Брат Орест ловко, как заправский возница, взобрался на козлы и развернул лошадей. Раскачиваясь на ухабах и колдобинах – это тебе не брусчатка Большого Эйнрехта, а заречное предместье, – повозка покатила прочь, куда – Руппи не спрашивал, но грустно стало. Лейтенант заглянул внутрь кареты, потрепал по шее безмятежного Краба и уже привычно выбрал позицию, равно пригодную и для бегства, и для драки. Обошлось. Одетый как провинциал Максимилиан в сопровождении слуги появился быстро – только и ждал, когда по проулку проедет нужная повозка.

– Хороший денек, – подмигнул кавалерист. – Куда?

– Клевой Пушечной. – Какой заставой воспользоваться, в последнюю встречу отец Луциан намекнул столь прозрачно, что не внять мог лишь закоренелый грешник или же круглый дурак. Руппи счел, что пренебрегать добрым советом грех.

– Поехали.

Превратившийся в наемного кучера «слуга», издали почти неотличимый от брата Ореста, разобрал вожжи, Максимилиан с шиком, хотя рядом не было ни единой девицы, вскочил в седло. Место Руппи было в карете, за сдвинутыми занавесками, и хорошо – лейтенант устал вглядываться в чужие крыши, ожидая то сигнала, то подвоха.

Ворвавшийся в усталость требовательный мяв заставил вздрогнуть. Уже понимая, что его ждет, Руппи приоткрыл дверцу и все равно отшатнулся, когда в карету с неистовым писком влетело разъяренное меховое чудо и метнулось под скамью. Вот ведь!.. Лейтенант усмехнулся, почувствовал боль, намочил носовой платок из фляги и приложил к расплоскованной щеке. Защищало, но винный спирт лечит без нежностей.

В щели между занавесками проплывало Пушечное предместье, вызывая в памяти то старика Файермана, то ошибочно брошенный стражнику золотой. Примчаться в столицу спасти своего адмирала, не имея ни плана, ни сообщников, ни денег, – это уметь надо, но ведь выгорело! Все, что творил последние месяцы наследник Фельсенбургов, было чередой глупостей и авантур, но оборачивалось удачей, будто за плечом стоял сам Леворукий. А что? Когда дриксенские моряки стреляют по дриксенским конникам, Враг не может не смеяться.

– Мя, – раздалось под ногами. – Мя-я-я-а-мррррр...

Гудрун как-то догадалась, что корзины не будет, и вылезла. Сперва на сиденье, потом, и кто бы мог подумать, на колени и затарахтела. Руппи, не дожидаясь напоминаний, погладил пушистый загривок. Он был бы рад избежать крови, но Фридрих бросился спасать Бермессера. Олаф контратаковал, регент ответил единственным возможным для себя способом. Выхода не оставалось, даже самого подлого. Чтобы вытащить Ледяного, пришлось убивать, только под пулями абордажников падала отнюдь не судейская сволочь...

Тряска стала меньше, лошади вновь зацокали по мостовой – приближалась застава. Гудрун урчала, всем видом давая понять, что расставаться с обожаемым избранником не намерена. О, она умела добиваться своего! Как и мама с бабушкой, просто каждая выбирала оружие по себе и каждая чем-то жертвовала. Или кем-то. Сын и внук поступил так же, только и всего.

...Из города выехали самым обыденным образом. Старший караула лениво махнул рукой, то ли пропуская, то ли желая доброго пути, а его подчиненные даже не соизволили повернуть голов – вступающий в столицу обоз вызвал у стражи куда более существенный интерес. Карета в сопровождении верхового покатила по дороге на Метхенберг, чтобы за первым же поворотом помчаться во весь опор. Делать это в виду заставы было бы нарочитой наглостью: пожилые дворяне не мчат будто на пожар, рискуя вытрясти собственную душу и передавить чужих гусей и поросят. Разумеется, хозяевам живности подобное не понравится. Разумеется, они запомнят торопыг, про которых даже слепой по слуху скажет, что они гонят как сумасшедшие. Разумеется, запомнившие наперебой станут отвечать на расспросы, а расспросов долго ждать не придется...

Тряхнуло. Да, это тебе не матушкины рысаки. Гудрун вякнула и, стараясь удержаться, выпустила когти. Началось.

– Сама захотела, – буркнул Руппи и откинулся на подушки. Он заранее решил считать скачку качкой, но сухопутная болтанка на поверку оказалась тошнотворней любого шторма. Возможно, потому, что не была опасной.

2

Маленький кардинал был терпеливей маленького генерала, и Арлетта не выдержала. Она бы посидела у норки еще, если б не свара у кавалерийских казарм, очень графине не понравившаяся, извинения же Сэц-Арижа ее попросту напугали. Тормозить военных смысла не имело, они и так делали все что могли, и Арлетта отправилась в Ноху.

Ждущий вечера город казался настолько мирным, что беспокойство поджало хвост уже у Ружского дворца, но графиня не любила возвращаться. Если Левый уклонится от встречи,

появится повод задуматься, но кардинал принял гостью немедленно и с распростертыми объятиями. Даже слишком распростертыми для духовной особы. Что ж, олларрианке эсператист не священник. Арлетта согласилась выпить шадди и не прогадала: кардинал знал толк в «успеде шадов». Арлетта следила за красивыми руками и вспоминала придворную молодость. Она с детства любила горечь, а фрейлин пичкали сладостями. Северная королева если и пила шадди, то со сливками и сахаром, превращавшими чудо в приторные помои, а потом вздумала угостить Алваро Алву морисским напитком. Угостила...

– Прошу вас. – Кардинал торжественно водрузил на стол поднос с настоящими багряноземельскими чашечками. – Я ни в чем не ошибся? Вы так внимательно наблюдали...

– Простите. – Прозвучит двусмысленно, ну и прекрасно! – Я вернулась в собственную юность, тогда в Оллариин шадди почти не пили. Вкусы королей для подданных если не закон, то намек...

– Иногда наше отвращение не что иное, как предчувствие. – Кардинал устроился напротив Арлетты. – Если я не ошибаюсь, за Померанцевым морем гость берет чашку первым, а Франциску Второму и в самом деле следовало избегать шадди.

– Он сам не заметил, что умер, – задумчиво произнесла графиня. – Другие не замечали, что он жил.

– Рафиано всегда умели подбирать слова.

– Вы знакомы с кем-то из моих родичей? – Некоторые вещи Арлетта предпочитала прояснять сразу.

– Не более, чем с Иссерциалом или Лахузой. Притчи экстерриора Талига пересказывают многие.

– Вас занимают притчи или экстерриоры?

– И то и другое. Что поделать... Оноре занимал исключительно Создатель, Юнния уже ничто не занимало, но дела орденские требуют мирских знаний.

– Ваши знания привели вас в Талиг, – уточнила сестра экстерриора. – Магнусом Милосердия стал другой.

– Стал. – Кардинал посмотрел сквозь поднимавшийся над чашечкой пар и улыбнулся. – Мне бы следовало сказать что-то вроде «мир его праху», но вряд ли крабы сие допустят.

– Насколько я знаю крабов, нет. Когда вы выбрали Талиг? Когда не стали магнусом?

– Магнус не может выйти из другого ордена, и это в общем-то правильно... Человеку несвойственно жить без корней. Став Савиньяк, вы не перестали быть Рафиано, покойная графиня Ариго осталась графиней Борн, а ее дочь – графиней Ариго. Служители Создателя порывают с миром, но обретают корни в том ордене, что принимает их. Я вручил себя Славе. Что вы думаете о моем шадди?

– Вы ждете откровенного ответа?

– В том, что касается шадди, – безусловно. Герцог Эпинэ не избалован, его похвалы льстят, но не способствуют совершенствованию.

– Я привыкла к другому сорту. – Шадди, Иссерциал и убийство... Неплохо для первого разговора, если Левий в самом деле знает про Кару. – Западные зерна дают более мягкий вкус.

– Зерна Зегины резче, хотя бодрят те и другие одинаково. Я смешиваю запад и восток один к трем, но готов изменить соотношение по вашему вкусу.

– Не стоит. – Пусть скажет еще что-нибудь... светское.

– Вы мне доверяете?

– Не совсем, – сощурилась Арлетта. – Говорить о доверии имело смысл до того, как возрадовались крабы. Сейчас Талиг вам нужен, значит, вы можете быть лишь на нашей стороне.

– *Не совсем*. – Так улыбаются мужчины, привыкшие уговаривать женщин. – Люди по сотне причин принимают невыгодную на первый взгляд сторону. Святой поход против еретиков – не только стрельба из пушек и проклятия под орган. У Церкви и смиренных и не слишком слуг ее много возможностей, а кое-кто ставит дела Создателя, в своем понимании,

разумеется, выше личной выгоды.

– Не понимаю. – В самом деле не понявшая намек графиня тронула ложечкой гущу. – На что вы рассчитываете? Что я откажусь от второй чашки?

– В таком случае я поступил бы проще и подал шадди по-эйнрехтски.

– Вы знаете мои вкусы?

– Нет, но я знаю вкусы рожденных у Померанцевого моря, а про корни мы уже говорили. – Его высокопреосвященство изящно, как фехтовальщик или танцор, поднялся и направился к жаровне. – Ваш визит, сударыня, застал меня врасплох. Не скрою, я хотел просить Эпинэ посодействовать нашей встрече, но не раньше, чем получу ответы на свои письма от регента и Проземперадора Юга. Как говорят в Эпинэ, вы же не станете заказывать соус, пока форель еще в ручье?

– Я – нет, но я не граф Валмон, а графиня Савиньяк. Если Валмон захочет форель, у него будет форель, а раз так, почему бы не выгадать время на приготовлении... соуса?

3

Рихард поджидал в роще на берегу Зенке. На темнеющей дороге было пусто, издали доносился собачий лай, ленивый и сытый. Эдакая идиллия, в которой погоням, заговорам и казням просто нет места. Вырвавшийся из тряского ящика Руппи блаженно потянулся и плюхнулся на траву. Максимилиан обтирал подуставшего Краба, «кучер» осматривал колеса. Фельсенбургу было стыдно за собственное безделье, но отупение перевешивало совесть.

Подошел Рихард, уселся рядом, протянул флягу.

– За удачу!

– За нее! – Один глоток, и хватит, эта роща – только передышка. – И за нас.

– Как все прошло?

– Согласно диспозиции. Даже странно...

– Господин Кальдмеер здоров?

– Не слишком.

Надо быть разговорчивей, только язык ворочаться не желает. Это даже не усталость. Наверное, так чувствуют себя осенью деревья – все идет как положено, но сам ты колода колодой, только деревьям не забираться в седло... Полчаса на бережке, и они разъедутся. Моряк отправится к морю, кавалеристы с шиком переедут Зенке и, чередуя рысь с галопом, поскачут дальше, на Метхенберг, чтобы к утру загнать колымагу в болото и с упряжными в поводу повернуть на юго-восток, возвращаясь к месту службы. К ночи лишних лошадей отпустят, и волочащиеся поводья расскажут любому о разгильдяе-хозяине. То, что Руппи успел понять о подданных его величества, подсказывало: искать оных разгильдяев, дабы вернуть им собственность, никто не станет...

– Руперт!

– Да?

– Мы с Максом хотим быть уверены... Прости, не так выразился. Ни я, ни Макс не сомневаемся...

– Но мы должны услышать это от тебя, – поспешил на помощь Максимилиан. – Вы ведь отправляетесь не в Талиг? Только пойми нас правильно.

Руппи понимал. На месте кавалеристов он бы тоже спросил, только раньше и резче.

– Мы не хотели тебя сбивать, – словно подслушал Рихард, – но теперь все получилось, осталось только решить...

– Мы уйдем на север, – перебил Руппи. – В Седые земли. Вернемся, когда в Эйнрехте не останется ни Фридриха, ни этой жабы Бермессера...

– И когда это, по-твоему, будет?

– Не позднее весны. – А вернее, уже осенью. Бабушка Элиза могла бы выжидать, иди у регента все наперекосяк, но успехов герцогиня не спустит никому, кроме сына. Будущего кесаря.

– Куда кошку денешь? – совсем другим тоном спросил Макс, и Руппи понял, что ему верят.

– В седельную сумку, куда ж еще?

– Давай мы подкинем ее в какой-нибудь трактир.

– Нет. Мне пора, иначе я просто не встану. Макс, как тебе Краб?

– Бочит, но хорош! Будто и не от самого Эйрехта бежал, но ты ему отдышаться дай все-таки. Жаль такого загонять.

– Вот ты и не загоняй! Краб из Фельсенбурга... Не хочу его бросать на постоялом дворе.

– Мы вернем его в замок.

– Некому возвращать... Так что теперь он твой. Хочешь, расписку напишу? Хотя нечем...

– Я взял письменный прибор, – вмешался Рихард. – Расписка нужна, и не только про лошадь. Руперт, мы постараемся все скрыть... до твоего возвращения, но на всякий случай засвидетельствуй, что мы не принимали участия в налете.

– Рихард работал у дяди-законника и считался его наследником, – объяснил Максимилиан, – только дядя женился, и наследником стал его пасынок, а Рихард вступил в полк. Но занудой остался.

– На занудах держится мир, – утешил Руппи. – Давай свой прибор, фонарь и диктуй. Мне лень думать.

Законники понесли в лице лейтенанта Штаудица немалую потерю: кавалерист оттарабанил дарственную на Краба и свидетельство о неучастии в налете, как не всякий монах «Ураторе Кланниме», осталось только записать и заверить. Руппи так и сделал, после чего вытащил третий лист. Мысль о письме Бруно была внезапной и правильной. Если что и оставалось доделать, то именно это.

«Господин фельдмаршал! – писал Руперт фок Фельсенбург. – Ставлю Вас в известность, что счел своим долгом перед Дриксен и совестью освободить адмирала цур зее Кальдмеера, приговоренного под давлением самозванного регента и его сообщников к смертной казни. Я считаю этот приговор, равно как и регентство принца Фридриха, незаконным и действую в соответствии с Морским Уставом Дриксен, требующим спасти адмирала цур зее любой ценой. Я сожалею о гибели пятерых солдат, но избежать этого было невозможно.

О месте, куда мы направляемся, сообщать считаю излишним. Вам следует знать лишь то, что адмирал цур зее и мы, его спутники, верны Дриксен и кесарю.

Я помню, что я всего лишь лейтенант флота, а Вы – фельдмаршал. То, что я имею Вам сказать, я говорю как наследник дома Фельсенбургов. Оставив барона Кальдмеера без помощи, Вы и Ваши союзники поступили бесчестно, и я готов ответить за эти свои слова. Тем не менее поздравляю Вас с военными успехами, хоть они, как я имел возможность убедиться, укрепили положение принца Фридриха.

Надеюсь, что Вы остаетесь в добром здравии, так как в Дриксен, к сожалению, нет лучшего военачальника. Соответственно, я всегда приму сторону офицеров Вашей армии, буде им придется оказать Вам ту же услугу, что я оказал своему адмиралу...»

4

Робер так трогательно удивился, что Арлетта едва не расплескала шадди и не удержалась, осведомилась:

– Вы не ожидали застать у его высокопреосвященства в столь поздний час даму?

– Я... Нет!

– Есть дамы, которых я счастлив принимать в любой час, – как ни в чем не бывало признался святой отец. – Итак, вы, вместо того чтобы лечь, носитесь по городу, хотя это дело Карваля? Садитесь. Будете пить вино.

– Я надеялся на шадди.

– Вы выпьете вина и отправитесь спать. Сударыня, мои слова звучат двусмысленно, но я прошу вас водворить герцога в спальню лично.

– Ваше высокопреосвященство, – возмутился Робер, – я в порядке. Рана закрылась, я здоров.

– Семь лет назад я впервые заметил кровь на рукаве его святейшества, – отрезал эсператист. – Это было началом. О болезни, унесшей Адриана, известно крайне мало, сам он связывал ее с Агарисом, но осенью и зимой я наблюдал те же признаки у герцога Алва, только в его случае болезнь развивалась стремительно. Я не сомневался, что он ушел умирать...

– Вы ошиблись, – поправила Арлетта, – он ушел жить, но Робера от необходимости сперва выпить, потом выспаться это никоим образом не освобождает. Кстати, я видела Алву так же близко, как вижу вас, он выглядел отвратительно, но умирать не собирался.

– Я тоже не собираюсь. – Наконец-то сынок Жозины сказал нечто умное.

Кардиналу это утверждение тоже понравилось, но похвалить Прозмперадора его высокопреосвященство не успел, потому что зазвонил колокол. Дребезжащий глуховатый звук напоминал о деревенской церквушке на холме и босоногих девчонках в пестрых юбках. Ничего неприятного и тем более страшного в нем не было, но Левий переглянулся с Робером, и оба шустро направились к дверям. Арлетта тоже поднялась.

– Сударыня, вам не стоит идти с нами.

– Почему?

– Там могут быть призраки.

– И?

Робер хотел что-то сказать, Левий его удержал. Колокол продолжал созывать паству на бдение – судя по времени, полуночное. Графиня отдернула штору – над крышей ближайшего здания что-то светилось, точно собиралась взойти вторая луна, отчего-то оказавшаяся зеленой.

– Колодец, – глухо сказал Робер. – Катари говорила...

Ах, еще и Катари! Арлетта сощурилась и сумела различить несколько звездочек и, кажется, пролетевшего нетопыря. Небогато.

– Сударыня, если вы хотите идти...

– Разумеется, хочу.

Как к экспедиции присоединился Пьетро, Арлетта не заметила, монах возник из монастырской тьмы, будто кот. На первом этаже караулил серый офицер и четыре солдата. Левий махнул рукой, и охранники распахнули двери. Повеяло свежестью, обгрызенная с краю луна цеплялась за церковный шпиль и была самой обычной. Арлетта завертела головой, пытаясь сообразить, из какого окна она смотрела, и, разумеется, споткнулась. Ее поддержали.

– Спасибо, – поблагодарила Пьетро графиня и увидела впереди что-то вроде разведенного в яме зеленого костра. Свет поднимался вверх, выхватывая из темноты кусок стены, но звонили не там. Теперь Арлетте казалось, что колокол остался за спиной.

– Зимой было ярче, – заметил Левий. – Сударыня, не желаете вернуться?

– Нет.

Невидимый костер горел ровно и неприятно, идти к нему не хотелось. Левий с Робером тоже стояли, вглядываясь в сонное сиянье, но те, кого ждали, вышли не оттуда. Зеленая искра вспыхнула в дальнем конце площади, где громада храма смыкалась с внутренней стеной. Это было началом. Огненные глазки открывались один за другим, складываясь в ленту или змею. Больше всего это напоминало узор на гадючьей коже, если б гадюка разрослась до драконьих размеров и вздумала светиться. Арлетта шагнула вперед и сильнее обычного сощурилась, пытаясь разглядеть непонятную змею, а та уже распадалась на отдельные фигуры. Кто-то одинокий шествовал впереди, дальше гости разбивались на пары. Колокол забил громче и чаще. Монахи, а это были монахи, шли на колокольный звон, огибая

светящееся место.

Кажется, ей опять предложили убратся восвояси. Кажется, она огрызнулась, не в силах оторваться от зрелища, тем более странного, что Арлетта со своего места и в полдень не разглядела бы лиц, а тут она *видела* ! Картинного в своей величавости аббата с орденской совой на груди, тех же сов на монашеских балахонах, откинутые капюшоны, зеленые лепестки свечей, сжимающие их мужские руки.

Серые танкредианцы не торопились, не пели, не смотрели по сторонам. Откуда-то вытекая, они исчезали за подземной часовней, и висевшая на небе луна была не властна одарить их тенями.

Сколько они шли, столько звонил и колокол, равномерно и настойчиво; казалось, так будет вечно, но змея оказалась короче ночи. Последний монах был одинок и отставал от собратьев на пару шагов. Худой, понурый и словно лишенный возраста, он единственный из всех напоминал призрак и кого-то еще.

Арлетта следила за одиночкой до конца, но так и не поняла, куда он делся. Стих колокол, погас зеленый костер, с людьми осталась только луна.

Зашуршало, наискосок через пустой двор метнулось нечто маленькое, но графиня вновь была близорука.

– Кот, – сказал Робер, будто это было важно. – Сударыня, с вами все в порядке?

– Само собой, – ничуть не покривила душой Арлетта. – Очень красивые призраки. Мне кажется, я их узнала... Если мой младший сын не приукрашивал, то монахи перебрались сюда из Лаик. Наверное, им хочется быть поближе к действующему храму.

Глава 9 Талиг. Старая Придда 400 год К.С. 4-й день Летних Волн

1

Хайнрих Лионеля не удивлял, удивил Рудольф; видимо, дело было в привычке. О том, что Первый маршал Талига герцог Ноймаринен умен, силен, смел и предусмотрителен, Ли узнал года в три и так с этой мыслью и вырос. Время шло, обстоятельства менялись, привычка жила и матерела, а сегодня уперлась в отказ. Регент не хотел рисковать тремя конными полками и одним Савиньяком.

– У нас не такое отчаянное положение, чтобы разменять кавалерийский корпус на передышку, – объяснил он, глядя в окно. – И не такое блестящее, чтобы забирать этот корпус у Варзова.

– Взамен вы получите Хейла. Я понимаю, что перевалы Ноймаринен оголены, но Айхенвальд способен удерживать их без конницы.

– Нет. Все равно нет.

Вот тогда Ли и удивился. Не решению, о нем еще можно было спорить, – звучащей в голосе герцога уверенной усталости. Рудольф уже смирился с тем, что фок Варзов будет ходить у Бруно на поводу и ждать Эмиля, чтобы и дальше метаться по южному берегу Хербсте. До зимы. В крайнем случае – сойтись с дриксами в лоб и положить до двух третей армии, а крайний случай не за горами – Бруно генеральное сражение необходимо. Фельдмаршал должен разбить собственного регента, а для этого нужен военный успех. Затмевающий проигрыши Готфрида у Хексберг и Фридриха в Гаунау.

– Не думаю, что правильно отдавать инициативу дриksam. Особенно сейчас, когда мы в очевидном меньшинстве. – Ссоры Лионель не хотел и поэтому налил себе кэналлийского, которое теперь стояло на столе, хотя сам Рудольф «кислятины» не любил.

– Будь Ор-Гаролис и Гаунау за тобой уже в прошлом году, я бы к весне тебя отозвал, – регент неспешно расправил сбившуюся портьеру и зашагал от окна к столу, – но сейчас

кампания в разгаре. Не самая для нас успешная, но, когда подойдет Южная армия, ее можно будет спасти. Я потребую от Фридриха мира под угрозой полного разорения побережья и прекращения *всей* морской торговли. Думаю, тебе по силам убедить Кадану и Хайнриха так или иначе пойти нам навстречу.

– Пожалуй.

– Значит, этим и займешься, а заодно – Надором. Не оставляю тебя в Западной армии, потому что оставляю в ней фок Варзов. Он начал кампанию, пусть ее и закончит. Если что случится до подхода Эмиля, у нас есть Ариго. Вы знакомы?

– Мать его очень любит.

– Я тоже. Ариго – лучший генерал Запада и станет отличным маршалом, но он не ты. Ты способен быть вторым только при Рокэ, а эта война не настолько безумна, чтобы жертвовать Вольфгангом и прыгать в кипяток. Попробуй понять, Варзов тебе не совсем чужой.

– Вы предпочитаете жертвовать Южной Марагоной?

– Я предпочитаю сохранить и армию, и командующего. – Такой взгляд выдержать трудно, но Ли учился выдерживать взгляды у дядюшки Бертрама и Анри-Гийома. – Южная Марагона никогда не станет дриксенской, а топить там нечего... Вот если я заменю фок Варзов, дриksы поймут, что дела у нас плохи и мы отдаем себе в этом отчет. Когда всё в порядке, командующих не меняют, а подсказывать потихоньку ты не сможешь, да и *что* бы ты Варзову подсказал? Рысь ничему не научит волка, потому что прыгает с дерева и умеет выпускать когти.

– Поэтому я и предлагаю прыгнуть с дерева в другом месте.

– Я осведомлен, что в случае необходимости ты ради Талига пожертвуешь собой и всеми. Я тоже, но необходимость у нас разная. Ты что-то хочешь сказать?

– Всего лишь устроить судьбу капитана Давенпорта. Эта знаменитость не создана для особых поручений, по крайней мере моих.

– Давенпорта сейчас разыщут, я так и так собирался его расспросить. – Регент протянул руку к звонку. – Странная увертка... Если не хочешь продолжения разговора, так и скажи. Решение принято, его можно не обсуждать.

– Это не увертка, а воспоминание. При первой встрече я объяснил Давенпорту, чем и когда готов жертвовать. Он был шокирован.

– Неудивительно. Вы с Рокэ хотите всего, сразу и любой ценой. Давенпорта ко мне! – потребовал регент в открывшуюся и тут же притворенную дверь. – Не люблю терять время... Но сделать несвоевременно – почти наверняка сделать плохо. Пойми, нельзя растопить зиму кострами. Снег может сойти только сам. Сильвестр это понимал...

– Сильвестр кончил тем, что собрался напоследок убить короля с наследником и возвести на трон Алву.

– Что?!

– Вас он в известность не поставил. Не думаю, что из-за родства с Олларами. Скорее, не рассчитывал на понимание.

– Кто тебе сказал эту чушь? Катарина?

– Она догадалась, но сказал мне Сильвестр. Когда запретил убивать младшего Манрика.

– А ты?

– Не убил.

– Не юли, не в Олларии. Леворукий знает что... Не могу тебе не верить, но неправильно можно понять любого.

– Сильвестр высказался предельно четко.

– Вряд ли ты столь же четко ответил, иначе не оказался бы в Кадане, или... ты оказался в Кадане именно поэтому?

– Похоже, меня решили убрать из столицы до разговора, а после не передумали.

– Тогда что ты сказал?

– Объяснил, что Алва не согласится. Его высокопреосвященство из этого как-то вывел, что соглашаюсь я. Спорить я не стал. Сильвестр не тронул бы Фердинанда, не разделавшись с теми, кого держал за врагов, и не начал бы, не определившись с наследником Анри-Гийома, а это требовало времени. О смерти никто из нас не подумал. Кардинал отводил себе от года до трех. С тем, что говорили лекари, это не расходилось, только прошлый год стал годом ошибок.

– Проклятье!

Регент сел, передвинул бумажную кипу и налил себе «кислятины» – иногда руки просто необходимо чем-то занять.

– Кто-то может подтвердить твои слова?

– Я. И вы, если припомните последние дела Сильвестра. Похоже, он вспыхнул после Октавианской ночи, вернее, после своего приступа, но хворост копился долго.

– Возвести на трон Алву... – Ноймаринен пил не торопясь, но вряд ли чувствовал вкус. – Сторонников собралось бы немало.

– Сильвестр не представлял, до какой степени Алва не согласится. Если б дело было сделано, вам бы пришлось вернуться в Олларию.

– Вы обсуждали и это?

– После Октавианской ночи и моего выдворения из дворца. Мы говорили о Манриках, королевской охране и здоровье Сильвестра. Преемника ему в Церкви мы не нашли.

– А где нашли?

– Перед самым отъездом Рокэ решил присмотреться к наследнику Валмонов. Его появление при дворе при его репутации не вызвало бы ни противодействия, ни внимания. Ходил же Иорам Ариго в вице-кансильерах... Монсеньор, вы не правы, решив просто дожидаться Эмиля.

– Объявится Алва – делайте что хотите.

– Я с трудом представляю Рокэ, который делает, что хочет, чаще чем раз пять в год. Мне это удастся раз двенадцать.

– Прогулка в Северную Марагону в это число не войдет. – Рудольф отодвинул недопитый стакан. – Я правильно понял, что ты решил ничего не предпринимать до возвращения Алвы или своего?

– К сожалению, я предпринял. Написал в Фельп для кардинала, он не успокоился бы, пока не перехватил мое письмо. Из Надора я отправил другого гонца. В Ургот.

– Значит, Алва знал о планах Сильвестра, но приказ Фердинанда до поры до времени держал его в Урготелле. – Рудольф поднялся, хотя от стола не отошел. – Когда срочность о себе заявила, он примчался, и вызвал его явно не ты. Кто?

– Кто лучше других мог распознать угрозу королю? Королева.

– Монсеньор, – доложила приоткрывшаяся дверь, – капитан Давенпорт прибыл.

– Пусть заходит! Чем он все-таки тебе не угодил?

– У него в голове всегда на две мысли больше, чем нужно. Я свободен?

– Да.

Рудольф не теряет даром времени. Рудольф потерял северный берег Хербсте...

2

Небольшой отряд, отправлявшийся в распоряжение фок Варзов, должен был покинуть Старую Придду только утром, а Давенпорт уже ощущал себя частью Западной армии. Неопределенность осталась позади, и капитан не мог скрыть почти неприличной радости. Само собой, Чарльз понимал, что дела в Придде и Марагоне идут паршиво, но избавление от Савиньяка и в кои-то веки полученное дело по душе затмевали всё.

Капитану не хотелось заниматься штабной ерундой даже у регента и еще больше не хотелось возвращаться в Надор. На Агмарен, уже третий месяц как отбивавший атаки дриков, Давенпорт был согласен, но его неодолимо тянула большая война. И что? Все

решилось в полчаса, и бывший офицер для особых поручений при маршале Савиньяке приказом регента стал драгунским капитаном.

Савиньяк не возражал. Мало того, без его вмешательства аудиенции пришлось бы ждать еще не один день, и это было почти единственным, что слегка портило настроение. Чарльз не мог отделаться от ощущения, что его вежливо передарили, будто ненужную вещь, но в сравнении со свободой это было такой ерундой!

– У старого Вольфганга я наконец-то займусь делом, – признался Давенпорт зевавшему на галерее Уилеру.

– Да ну? – подивился «фульгат». – Вот не думал, что сдавать крепости и бегать от дриков называется делом. Но если называется, мы точно бездельничаем. От самой Ор-Гаролис.

Огрызаться Давенпорт не стал – не в том был настроении, да и высказался неудачно. Уилер же не имел сомнительного удовольствия таскать за маршалом карты, вот и судил о Савиньяке по победам. А о фок Варзов по неудачам.

– Я перестану бездельничать, когда буду драться, а не смотреть на тех, кто дерется.

– А... Вот ты о чем. Дело хорошее, только зачем ради этого в Придду лезть? Думаешь, нас теперь жениться погонят? Кошки с две! Перышки почистим, и вперед!

– Куда?

– Откуда я знаю, «наш» что-нибудь придумает. Хотя бы вас из задницы вытаскивать. Это ж надо – прохлопать Гельбе, уползти за Хербсте, отдать Доннервальд, а теперь еще и Мариенбург тью-тью!

– Ты это адъютантам регента скажи.

– А ты яйцо в курицу назад запихивать не пробовал? – хмыкнул Уилер. – Здешним парням контрданс с «гусями» вот где... Разве что теперь все переменится. Вот приедет знаменитый Давенпорт, дрикс-то и побегут!

– Заткнись, отравитель, – беззлобно посоветовал Чарльз и пошел прощаться с маршалом Рене, но Старый арсенал, похоже, был заколдован. Его сторожил дракон, и имя ему было Жиль Понси.

– Что вы скажете о моем триптихе? – завопил он, стратегически хватая Чарльза под руку. – Я весь внимание!

– Я плохо понимаю в поэзии.

– Это вам внушили безвкусные невежды, которые только и способны, что ковыряться в словесном хламе! Ничтожества не желают знать истинных гениев, а всех, кто не восторгается их идолами, пытаются оскорблять. Именно пытаются... Их жалкие потуги не ранят того, кто смотрит в глаза Бездне! Я могу лишь смеяться над глупостью и косностью вместе с Марио, который счастлив тем, что не похож ни на хваленое старье, которое так горазды цитировать...

– Сударь, я никого не цитирую и цитировать не могу! – Так и не доведенная до сведения поэта маршальская резолюция портила Чарльзу жизнь, но отдать хоть кого-то на растерзание Савиньяку Давенпорт не мог. – Я не любитель изящной словесности.

– Ваше отвращение к Веннену говорит о природном вкусе. Вы поняли меня, вы поймете и Марио! Хотя бы это...

– Вы мне льстите, – попытался выйти из-под удара Давенпорт. – Ваши стихи... необычны и... Я не уверен, что понял правильно.

– Вы и не можете их понять до конца! – Почему он все время орет? Плохой слух? – К счастью для вас, вы не прошли через те муки, которые выпали на мою долю. Вы видели смерть и кровь, вы убивали врагов, но вас не жалила черная змея измены!

– Я видел, как изменники захватили короля...

– Что значат короли в сравнении с поэтами?! Король – всего лишь кусок мяса, на который плеснули особым маслом!

– Сударь, я принес присягу!

– Еще одно свидетельство их никчемности!.. Попытка связать душу казенными

словами может вызвать лишь смех того, чье вольное слово создает и уничтожает!..

– Эй, Давенпорт! – окликнул один из адъютантов регента. – Пакет для генерала Ариго готов. Забери в приемной.

– Иду! – Желание броситься говорившему по-человечески адъютанту на шею Чарльз перевозмог с трудом. – Немедленно.

– Оно не горит. Ты ведь завтра едешь?

– Да, утром. На третий день буду на месте.

– Не будешь. Из-за падения Доннервальда придется дать хорошего крюка, чуть ли не до самой Аконы.

3

Савиньяк в последний раз пробежался по испятнавшим Северную Марагону пометкам, сунул карту в холодный летний камин и высек огонь. Таскать с собой лишнее глупо, но не оставлять же адъютантам свидетельство регентской нерешительности. Младшие офицеры и так слишком рьяно выпрашивают о северных походах, сравнений не избежать, но одно дело, довольствуясь пивом, болтать о кем-то выпитом вине, и совсем другое – увидеть, как в канаву выплеснули бочку кэналлийского. Рудольф это понимает, потому и просит воздержаться от встречи с Арно, только лучше бы регент понял, что по тонкому льду можно только бежать...

Лионель пошевелил сапогом серо-красные пласты, чтобы они рассыпались в прах. Позвонил. Открыл и тут же захлопнул книгу, которую так и не начал читать. И не начнет.

– Мой маршал? – Сэц-Алан ждал приказа. Вряд ли того, что воспоследует.

– Отправьте Уилера с «фульгатами» обедать, и пусть сразу же седлают коней.

Все уже сказано и подписано, дальше может быть только ссора, но, как заметил сам Ноймаринен, нынче не все так скверно и не все так спокойно, чтобы Проэмперадор Севера позволил себе схлестнуться с регентом. Даже проиграй фок Варзов сражение, больше, чем одну армию и одну Марагону, не потерять. Это не смертельно, не так смертельно, как раздрай вожakov и, видимо, то, что творится на юге, иначе Рокэ был бы здесь... Вдвоем они бы свернули горы: Алва – в Придде, Савиньяк – в Марагоне, но сейчас Лионель был один, а одиночество он ненавидел. То есть не одиночество, а ощущение, что на твоих плечах *всё* и решать, куда это «всё» девать, кроме тебя, некому. Один ты, так что изволь!

Он и изволил, в двадцать с небольшим став главой дома. Не лошадкой с гербом на попоне, а наездником, который выбирает, куда ехать и каким аллюром. Молодого графа манили кардинальские и губернаторские объезды, друзья отца так и норовили подставить плечо; Ли благодарил и поступал по-своему. Последнее не сразу замечала даже мать, чего уж говорить об остальных...

– Мой маршал, – доложил подменивший Сэц-Алана дежурный адъютант, – к вам геренций граф Гогенлоэ.

– Хорошо.

Гогенлоэ Лионель не ждал, хотя тот и водил дружбу с дядюшкой Гектором. Надлежащим образом составленный акт, передающий Леопольда Манрика на неопределенный срок в распоряжение Проэмперадора Севера, принесли еще третьего дня. Других общих дел у маршала с геренцием не нашлось.

– Добрый день, граф. – Визитер вместо одной привычной палки проглотил не меньше трех, что сулило непростой разговор. – Регент сообщил, что вы уезжаете.

– Да. Хайнриху самое время оскорбиться за дочь, а каданцам – извиниться за Фридриховы прогулки.

– Желаю вам успеха. Маршал Савиньяк, я пришел к вам с крайне неприятным делом. Я дважды просил об отмене решения о передаче вам Леопольда Манрика. Регент мне отказал, но позволил переговорить с вами. Если вскрывшиеся обстоятельства отвратят вас от вашей затеи, герцог уполномочил меня вернуть бумаги.

– Это невозможно. В Надоре слишком много беженцев и руин.

– И вы из-за этого готовы закрыть глаза на преступления временщиков!

– Выбирать между справедливостью и возможностью привести в порядок вверенную мне провинцию я не имею права. Как вы не имеете права не готовить документы, как бы вам ни была неприятна их суть. Садитесь.

– Благодарю. Регент предупреждал, что вы откажете, и откажете резко.

– Военные подсчитывают, сколько пушек и лошадей им требуется, и требуют их. Мне некогда думать за тессория, тем более что Креденьи уступает Манрику не меньше, чем я уступаю Алве.

– Вы говорите сейчас не как военный. Военные, талигойские военные, не склонны мирволить подлецам. Я помню, как вы – говоря «вы», я имею в виду не только вас лично – требовали казни Борна и его соучастников.

– Я тоже помню. Вы и ваши родичи в те поры склонялись к милосердию. И вам не требовалось при этом кормить и приставлять к делу беженцев.

– Говоря – договаривайте. Под моими родичами вы подразумеваете мою сестру и ее мужа? Что ж, Манрик оказал услугу вам, вы оказали услугу Манрику... Савиньяки и Алва всегда ненавидели Приддов.

– Допускаю, что я мог бы возненавидеть тех, кто причинил зло матери, но ее успели вывезти. – Лионель посмотрел на часы. Уилер с «фульгатами» уже покончили с обедом. – Геренций, вы видите то, что вам удобно, но я не имею ни времени, ни желания рассеивать ваши заблуждения. Манрик поедет в Надор. Если он окажется негоден, я верну его в Бергмарк. Если попробует что-то предпринять за моей спиной, я его повешу, как взбунтовавшегося каторжника.

– В таком случае не смею вас долее задерживать. Желаю вам доброго пути.

– Благодарю вас.

Скрип кресла, стук двери... Родственные чувства дают такие разные плоды! Гогенлоэ почти не общался с сестрой и ее «спрутом», но жаждет мести. Графиня Ариго с сестрой была неразлучна, но после мятежа Борна послала всех уцелевших родичей к кошкам. Она примчалась с соболезнаваниями в Сэ первой, вторым был Анри-Гийом. Старик метал громы и молнии и требовал казни убийцы, чтобы через пять лет втравить семью в мятеж...

– Мой маршал, эскорт готов.

– Едем.

Ссоры не было, и регент спустился во двор проводить вырвавшего у Гаунау мир маршала. Ссоры не было, и маршал, блистая новенькой «Октавией», четко и весело поблагодарил регента за гостеприимство и пообещал еще до осени запечатать Полуночное море. Вскочил в седло, махнул шляпой и простился со Старой Приддой и Южной Марагоной. Оставалось выбрать дорогу. Надор или Оллария? Дела или мать?

Рудольф не желал появления Савиньяка у фок Варзов, но об Олларии не сказал ни слова. Что может быть проще, чем отправить Хеллингену приказ о выступлении и свернуть за заставой на юг. Ли так бы и сделал, будь он нужен матери или столице, но сейчас мать была нужна ему, она могла понять... Она бы поняла, почему сын не верит ни в способность Вольфганга остановить Бруно, ни в способность Рудольфа удержать Талиг, если Алва не найдется. Дальше их двоих не пойдет, но вместо одной тревоги будет две, а это неправильно. Нуждайся Ли в помощи действием, он бы не колебался, но если можно лишь ждать и готовиться неизвестно к чему, делай это один. И плевать, любишь ты фехтовать, воевать, лгать, писать вирши или терпеть не можешь, потребуется – станешь хоть акушером, хоть душителем младенцев, хоть регентом.

Лионель поправил шляпу и повернул Грато на север.

Глава 10

Дриксен. Щербатая Габи. Устричное море

«Хитрый селезень» уходил с вечерним отливом. Шкипер умело лавировал, и северная звезда Ретаннэ, что ведет моряков в открытом море, висела то по носу, то по правому борту. Руппи следил за звездой, лениво удивляясь удаче и тому, что больше не нужно ни ждать, ни убегать. Спать хотелось зверски, но сначала требовалось оторвать ладони от влажного дерева, спуститься в каютку, стянуть сапоги...

Сзади затопали, но Фельсенбург не обернулся, только захотел, чтобы пробежали мимо. Желание не исполнилось: кто-то шумно засопел и доложил, что пожилой господин ждут в своей каюте. Руппи кивнул и побрел за посыльным – молодым парнем, чем-то похожим на шкипера. Поднимаясь на борт, лейтенант был готов и к докладу, и к разговору, но Грольше сказал, что Олаф спит, и Руппи, сам не зная почему, обрадовался отсрочке.

– Вот, – сказал провожатый, – тута. Шкипер свою уступили.

Каютка была крохотной, но Олаф в ней выглядел уютно, что ли. Мысль была глупой, и улыбка, которая помимо воли растянула губы, тоже.

– Здравствуй, – поздоровался адмирал цур зее. – Садись. Ты все это сделал один?

– Как бы я смог? Нас было...

– Йозев мне рассказал, что знал. Само собой, тебе понадобились люди, и ты их нашел, но без тебя ничего бы не было. Так?

– Не знаю. – Руппи не врал. Кто-то мог попытаться счастья прямо у ратуши. С того же Луциана сталось бы пустить в ход не только золото, но и Свечу, да и Шнеетали... Ну не могли же они сидеть просто так?!

– Я боялся, что тебе подсказали...

Олаф? Боялся?!

– Мне подсказывали... Йозев, Грольше, епископ...

– Но решил ты сам?

– Да.

– Расскажи, как это было.

Доложить просто, но Олафу нужен не доклад.

– Мама сожгла ваши письма. – Прости, мама, но адмирал должен знать, что его адъютант не прятался! – Поэтому я и не отвечал. Я был в полном неведении, пока не оказалось, что к нам едет Гудрун... принцесса Гудрун.

– Постой. Твоя мать сказала, что сожгла мои письма? Но я тебе не писал.

– Не писали?

– Я не нарушал закон, да и зачем бы? Ты не стал бы лгать под присягой, а и кесарю, и мне, и бедняге Шнееталю требовалась правда.

Значит, мама сожгла подделку! Убийцы начали с писем, не вышло, придумали фальшивого Дица и добились бы своего, не вмешайся она ... О таком не расскажешь. Схватка и танец, танец и ветер... Это поймут лишь те, кто хоть раз целовал чудо с чаячьими крыльями. Пусть смертельно опасное, плевать, от смерти жизнь лишь становится ярче!

– Мой адмирал, – Руппи сделал усилие и вернулся в уютную каюту к ждущему ответа человеку, – меня собирались выманить из замка и убить, прежде чем я дам показания. Первое им удалось, второе нет, но возвращаться в Фельсенбург я не стал. Поехал под чужим именем в Эйнрехт разобраться в том, что происходит. Мне не хотелось встречаться с родственниками, и я отправился к Файерманам. Мастер Мартин мне сказал, что кесарь болен, а регентом стал Фридрих. Дальше мне просто повезло. Я встретил адрианианцев и занял у них денег, потом отыскал боцмана Канмахера. Его внук был моим другом...

– Я помню обоих... Обвинитель много говорил о молодом человеке с твоими приметами. Ты дал повод?

– Не думаю. Я вызвал и убил двоих придурков. – Пока двоих, только Олаф не Фридрих,

чтобы обещать ему чужие шкуры. – Кроме покойных, меня никто не видел.

– Ты дрался из-за меня?

– После дуэли я встретил адрианианцев, – попытался уйти в сторону лейтенант. – Мы поладили. Мне кажется, епископ Луциан на самом деле магнус Славы, потому что...

– Не части, – устало попросил Олаф. – Я все равно скажу тебе что должен. Я не хотел умирать, тем более так...

– Мой адмирал...

– Руппи, пожалуйста, помолчи. Я понимаю, *что* ты, что вы все для меня сделали. Помнишь полковника, который освободил Алву?

– Конечно! Если честно...

– Если честно... – улыбнулся, именно улыбнулся Ледяной. – «Что по силам лучшему из фрошеров, то по силам и худшему моряку его величества...» Только Людвиг при всей своей гордости так и не взял Хексберг, а мы двое... Ты смог повторить сделанное фрошером, я – нет. Алва вернулся в тюрьму, я позволил себя увести. Да какое там позволил, я счастлив, что остался в живых, хотя умереть достойно, надеюсь, все же сумел бы.

– Алва возвращался не на плаху, и потом...

– Сейчас ты скажешь, что я должен жить ради Дриксен, справедливости и так далее, – ровным голосом произнес Ледяной, и Руппи промолчал, потому что собирался сказать именно это. – Я бы тоже так считал, если бы сохранил флот и людей, но они погибли. Все, кроме Бермессера и нашего шкипера, которые наплевали на мой приказ.

– Но вы же были правы! Никто не мог знать про шторм...

– Никто, – согласился адмирал цур зее. – Если б я был судьей, честным судьей, я бы вынес такому, как я, оправдательный приговор, но законы – не всё. Есть удача, и есть нечто большее... Я больше не вправе вести за собой флот.

– А кто вправе? Бермессер? Северяне, которые фрошеров в глаза не видели? Кроме вас, некому...

– Потому что Шнееталь, Доннер, Бюнц на дне. Потому что я отдал приказ защищать купцов и дожидаться ночи. Любой другой приказ – любой! – был бы лучшим... Сцепись мы на бордаж, сдайся, удери, кто-то да уцелел бы...

Руппи уже слышал что-то похожее... Точно! Говорили об отце Александре и о том, что смерть в бою не самое страшное. Аристид ушел, Олаф – нет, ошиблись оба. Они с Грольше тоже могли ошибиться с местом засады, не справиться с охраной, не суметь сбить с толку погоню, только это совсем не то, что молчание Бруно... Как уход Аристида – не то, что бегство этой кошачьей «Звезды».

– Бермессеру место на рее, – выпалил лейтенант, – вместе с его... лжесвидетелями. Не хотели мокнуть, будут сохнуть! Удача... она приходит и уходит, а подлость остается! Мы обещали «Ноордкроне», и мы сделаем...

– Да, – Ледяной задумчиво тронул шрам, – ты умеешь решать за себя и за других. Научиться такому нельзя, скорее наоборот.

2

Ричард выскочил из будуара в приемную, ничего не соображая, и едва не налетел на своего бывшего эра. Рокэ полулежал в том самом обитом алым бархатом кресле, где... Как он попал во дворец? Или это мёрдок, бред?!

Юноша замер, не отрывая глаз от Алвы. Тюрьма мало изменила Ворона, разве что сошел загар, и сочетание белой кожи, черных волос и ярко-синих глаз превратило герцога в существо из иного мира.

– Эр Рокэ...

Красивая голова медленно повернулась, звякнули цепи. Герцог отнюдь не казался слепым, а в углах губ играла обычная усмешка.

– Окделл? Не лучшее место для встречи и не лучшее время. Я посоветовал бы вам уйти,

эрэа сейчас вернется. Ей не понравится, что мы беседуем.

– Она... Катари не вернется!..

– Откуда подобные сведения? – Нет, он все-таки изменился, этих кругов под глазами раньше не было...

– Я... Я все слышал, эр Рокэ... Слышал, что она... Я убил ее!

– Вот как? – Темная бровь знакомо приподнялась. – Иногда случаются престранные вещи.

– Я все слышал, – в отчаянье повторил Ричард, – и я убил ее. Я...

– Роскошно. – В голосе Рокэ зазвучали властные нотки. – Как ты ее убил?

– Кинжалом Алана...

– Кинжал остался в ране?

– Да, но... эр Рокэ, я убил Катари!

– Спокойно, юноша! – Именно так маршал разговаривал на тренировках, когда Дик мечтал убить его. Хотел убить Ворона, а убил королеву, свою королеву... – Кинжал тот самый? С ведрем?

– Тот... эр...

– Спокойно! – Рокэ слегка повысил голос. Раньше это бесило, теперь сбросило камень с души. – Пройди в кабинет – там на стене должен быть кинжал в синих бархатных ножнах... Клинок трехгранный, на нем клеймо в виде вихря. Принеси его.

– Эр Рокэ...

– Ричард Окделл!

Дикон переступил через лежащую ничком Катарину и шмыгнул в кабинет. Он был здесь только раз и не заметил развешанного на шкуре черного льва оружия. Рокэ не ошибся – кинжал в синих ножнах был на месте, и Ричард его взял.

– Нашел? – Голос Рокэ был спокойным и требовательным, как на учениях.

– Да.

– Очень хорошо. Теперь подойди к столику с инкрустацией. Он в углу. Там должен лежать ключ. Не знаю, как он выглядит, но вряд ли его создавали лучшие ювелиры.

– Да... Лежит...

– Катарина всегда то, что могло понадобиться, клала туда. Сними с меня цепи.

Ричард повиновался. Он совершенно успокоился, немного тревожило лишь отсутствие Мора. Предложить Караса? Раньше Ворон не терпел линарцев, но другого выхода нет.

Снять цепи оказалось более чем просто. Вставая, герцог пошатнулся, Дикон успел его поддержать.

– Спасибо, – так маршал благодарил оруженосца за принесенный плащ, – полгода в кандалах – это весьма неприятно. Где она лежит?

– У окна. Вы...

– *Здесь*, – Рокэ улыбнулся, – я могу ходить ощупью. Дай мне кинжал.

Он и впрямь знал в покоях Катари каждый пуфик. Еще вчера это было оскорбительным, сейчас Ричард, словно в полусне, следил за тем, как бледный черноволосый человек приближается к распростертой на полу женщине и встает перед ней на колени. Узкая рука тронула роскошные волосы, скользнула по шее вниз. Это не было лаской – Рокэ искал убившее Катарину оружие.

– Отойди, может брызнуть кровь!

Дик сделал шаг назад, и Алва выдернул клинок из раны.

– Возьми и оботри как следует!

– Зачем?

– Затем, что ее убил не ты фамильной реликвией, а я – кинжалом из спальни... Я знаю оба клинка – разобрать, каким нанесли рану, можно, но с трудом. Вряд ли те, кто сюда заявится, усомнятся в орудии и убийце. Ты пришел тем ходом, что скрыт зеркалом?

– Да.

– Отправляйся им же назад. Тебя тут не было!

– Эр Рокэ...

– Тебя тут не было! – слегка повысил голос бывший маршал. – Скоро начнется переполох. Не забудь спросить, что случилось, и изобразить вселенскую скорбь. У тебя это неплохо получается...

– А вы?

– Я? – Рокэ пожал плечами. – Последним преступлением Ворона станет убийство доброй и прекрасной королевы. Думаю, ее причислят к лику святых. Несчастная решила утешить и вразумить закоренелого злодея. Она призвала его к себе, освободила от оков, а злодей, воспользовавшись добротой ее величества, всадил ей в грудь нож...

– Рокэ, – Ричарду вдруг стало очень страшно, – но как же вы, один... У вас даже лошади нет... Как вы...

– Не бойся меня обидеть. Что есть, то есть – я слеп. Потому-то я никуда и не пойду.

– Вы... После всего, что они с вами сделали?! Вы давно уже не заложник – король мертв, город взят! Захватить Ноху им было еще важнее, чем получить вас.

– В чистоте их намерений я никогда не сомневался. – В синих глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. – Какой же ты еще мальчишка, Дикон. Я не собираюсь возвращаться в Ноху, а на воле, как ты правильно заметил, слепому делать нечего. Лучшее и единственное, что я могу, – это умереть. И я умру, но без цепей и от собственной руки. Еще утром я и мечтать не смел о таком счастье.

– Рокэ! Не надо!

– Дик, поверь – дышать, пить и есть еще не значит жить. Это так, спроси об этом хоть... Короче, дай Зверь тебе этого не узнать никогда, а теперь убирайся.

– Я не уйду, – тихо сказал Ричард Окделл.

– То есть? – Когда-то кривоватая усмешка вызывала приступ ярости, теперь Дику захотелось заплакать.

– А то, что королеву убил я, и я за это отвечу! Мы или уйдем вместе, или вместе останемся. Вас я им живым не отдам и сам не сдамся, но правду узнают все!

– Все? – Ворон вздохнул. – Семь клириков, которых не взяли бы даже на живодерню по причине жестокости, и дюжина стражников... Эти, сделав свое дело, навеки забудут о том, что видели. Не валяй дурака, Дикон. С ними тебе не по пути, это так. Когда все уляжется, выбирайся из города и скачи в Гальтары. Анакс тебя примет. Мой совет – скажи ему все.

– Я не уйду без вас, – прошипел Ричард, – слышите, вы, Рокэ Алва! Не уйду! Вашим последним убийством будет не Катарина, а я! Хотя меня вряд ли убьют... Я займу ваше место в Нохе, но какое вам дело до бывшего оруженосца?! Тем более что он вас предал!

– Болван, – безнадежно пробормотал Рокэ. – Неужели ты не понимаешь, что я не хочу жить?

– Зато я хочу, чтоб вы жили! – почти выкрикнул Дикон. – Хочу!

– Ты как женщина – не переспоришь. Тогда тебе придется стать вором.

– Вором?

– Если ты собрался прятать слепца, по следам которого кинутся все крысы Нохи, тебе понадобится золото, и много. Открой бюро, там лежат королевские кошельки, а на туалете стоят шкатулки с драгоценностями.

– Эр Рокэ...

– Ты, кажется, собрался меня спасти?

Ричард молча пошел к бюро. Там и впрямь оказалось несколько туго набитых кошельков. С драгоценностями было сложнее – пришлось выбирать те, которые можно сбыть без особого риска.

– Я собрал, – коротко доложил юноша.

– Хорошо. Теперь пройди в спальню и поверни третью розетку справа от окна. Помнится, там был тайник, а в нем плащ с капюшоном и фонарь.

Когда Дикон вернулся к Ворону, тот сосредоточенно разбрызгивал по комнате благовония.

– Это нравилось любовникам, но наверняка не понравится собаке.

Рокэ уверенно направился в угол, где стояла статуя мужчины с кабаньей головой, щедро плеснул розовым маслом на ее подножие и что-то нажал. Щелкнуло, и человековепрь медленно сдвинулся, открыв черный прямоугольный колодец.

– Все, Дикон, – тихо сказал Рокэ Алва, – больше я тебе не помощник. Дальше будешь водить меня за руку.

К горлу юноши подскочило что-то горячее.

– Я поведу, Рокэ. Все будет хорошо, вот увидите.

– Увижу? – Алва коротко засмеялся.

3

Жмотничать при удаче последнее дело – сегодня полсалаки сберег, а завтра целый кит мимо рта! Некормленная судьба такое тебе устроит – локти кусать начнешь вместе с пятками. Юхан предпочитал пробовать на зуб не грязные пятки, а чистое золото, вот и не жался. Гулять так гулять, а уж если с прибытком со сковородки соскочил... Тут, господа селедки, всё на стол, чтоб ломился! И он ломился. Добрый шкипер перед отходом успел заскочить в местный кабачок, что при всей своей неказистости по части горячительного обставил бы лучшую столичную харчевню. Хозяин, старый знакомец, подвалами не бахвалился, но надежные люди могли по разумной цене получить хоть касеру, хоть кэналлийское. Добряк был надежным – сам это кэналлийское, случалось, и подвозил. Пару бочонков «Слезы» Юхан для пассажиров прикупил, но собственная душа требовала родного и крепкого. Можжевеловой она требовала и свиных колбасок, которые долго не провозишь. Ну и общества, как же без него.

Лезть к господину адмиралу цур зее, пусть и беглому, шкипер счел излишним. Молодого Фельсенбурга, когда тот на борт поднялся, разве что из стороны в сторону не мотыляло – еще бы, три дня в седле не спамши и, знал Юхан таких, наверняка не жрамши. Зато старый Канмахер с Грольше были самое то! Их Юхан и пригласил заодно с напросившимся в Седые земли Лёффером. Бывшему партнеру здорово припекло пятки, и, что самое подлое, не по собственной дури, а по начальственному гадству. То, что уцелевших у Хексберг начали топить в дерьме, не удивляло, но уж больно шустро уроды взялись за дело. Само собой, Добряк Лёффера не бросил – и человек хороший, и лишнего теперь не скажет. Не хватало из-за притырка-интенданта угодить на каторгу. Нет уж, лучше Седые земли...

– Хороший фрахт! – объявил Добряк, удовлетворенно оглядывая гостей и ставшую на первые четыре тоста столом лавку. – Просто отличный, и мой первый тост за «свата» – господина Канмахера, сведшего меня с господином Фельсенбургом! Первый до дна!

Выпить сразу не вышло: Грольше кружку не уронил – сноровки хватило, – но глаза выпучил, как хороший рак. Не знал! Ничего ж себе господин Руперт, выдернул своего адмирала из регентской пасти и не признался.

– А чего трепаться было? – заявил в повисшей тишине Канмахер. – Мы ж Ледяного спасали, а тут и рывкнуть случалось, и поспорить. Много ты б с Фельсенбургом бодался, если бы знал?

– Торстенова сила, сроду задниц не лизал!

– Тут лижи не лижи, все одно б сбивало, а так мало ли у Ледяного адъютантов было. Да и парням, что по домам наладились, проще. Не знаешь – не проболтаешься.

– Так-то оно так...

– А раз так, пожалей можжевеловку. Киснет.

– До дна за господина Канмахера, нашедшего фрахт, – вежливо напомнил Лёффер, – и господина Фельсенбурга, этот фрахт оплатившего.

На этот раз приняли как полагается. Юхан послунил палец, поймал ветер и остался доволен. Выбравшись из бухты, «Селезень» весело бежал на север, место было нахоженным

и без подвохов, так что шкипер мог и жизни порадоваться, чем Юхан и занялся, не забывая выпрашивать гостей. Слушать, как умыли паршивца, из-за которого пришлось удирать, было не только приятно, но и полезно. Раз уж связался с родичем кесаря, надо узнать про него побольше.

– Как вы карету поймали, понятно. – Юхан вытащил заветную фляжку и положил перед собой. Можжевелька была та же, что и в кружках, но чего бы цыпочкам не глянуть на звезды? – А вот как вы охрану уделали? Пятеро покойников на такое дело – это тьфу...

– У них пятеро, – уточнил Грольше, – а у нас только Штуба поцарапался, да и то не о гвардейца. Точно говорю!

– Вот и я о том. Сглазили их, что ли?

– Можно сказать и так. – Старый Йозев взгляделся и из всех колбасок выхватил самую поджаристую. – Руперт и сглазил. Волчьим салом. Охотничьи фортели...

– У нас ум расшелся, что с этими копытными делать, – признался Грольше. – Ну, пяток, допустим, с крыши положим, ну десяток, а остальных – куда? Да пока мы с ними возились бы, Ледяного б кончили или уволокли. И хоть бы клячи эти выстрелов и огня боялись, так ведь нет! Только что фейерверки не жрали... Торстенова сила...

– Ты осторожней! – Был кашель случайным или намеком, но кружки Юхан наполнил всем. – Будем здоровы!

– Будем, – заверил Лёффер. – Вас смущали кавалеристы, и?..

– Тут лейтенант и скажи. Вы, дескать, моряки, откуда вам знать, что с конями делать, а меня чуть в кавалерию не занесло, и вообще я в лесу рос... Мы не верили, так он нам показал. Уж на что водовозные лошаденки смиренные, а как понесут! Чуть бочку свою не раскурочили. Короче, убедил. Передних мы пропустили, потом карету кошками, а охране под зад волчье сало. Лейтенант раздобыл. Ну гвардейцы и дунули! Улица узкая, не развернуться. Пока кляч своих уняли, пока то, пока се, а им вслед запряжных шуганули...

– Очень хорошо придумано, – похвалил дожевавший четвертую колбаску Лёффер. – Нюх у лошадей под стать собачьему, а страх у травоядной жертвы – в крови, да и заводят они друг друга. Не охотничьи лошади от волчьего запаха могут понести...

– Какое там могут! – хмыкнул Канмахер. – Видел бы ты...

– А задних куда? – любопытствовал шкипер и ненароком отодвинул блюдо от лейтенанта. Не из жадности – для порядка.

– А задних, – подавил смешок Грольше, – наспиговали. Мукой с перцем. Карета проехала, караул пошел, ну мы им под ноги с крыш мешки. Да не простые, а из лоскутьев, гнилыми нитками сшитых. Нитки от удара в клочья, мука с перцем столбом, куда тебе дым! Пока прочихались, мы Ледяного, дай Создатель ему здоровья, под руки и в проулок, а проход каретой заткнули...

– Здоровье адмирала цур зее! – поднял кружку Лёффер. Юхан задумчиво кивнул. Фельсенбург в самом деле оказался хорош, но переводить лучший алатский перец на гвардейский чих?! Чисто дворянская придурь! Можно подумать, с чем подешевле хуже бы вышло.

– Вы на перце тысячи три потеряли, не меньше! – не смог промолчать Клюгкатер. – Сказали б для чего, я бы не алатский торговал, а ардорский.

– Пускай, – засмеялись сзади, и это оказался помянутый Фельсенбург. – За удачу и больше не жалко!

– Если бы за удачу! – Знай Юхан, на что пойдет жгучее золото, он бы все равно ловчить не стал. Лучший так лучший, мое дело – добыть что заказано, но зло брало... – Выкинули бы за борт, слова б вам не сказал, только судьба обьедки не жрет! А убытки по глупости – те же обьедки.

– Я прошу прощения у судьбы. – Фельсенбург отцепил что-то от пояса – кошелек! – и швырнул за борт. – Но только у судьбы и только за перец. Теперь годится?

– А то! – восхищенно крикнул Клюгкатер. – Выпьете?

– Выпью.

Кружек было только четыре, и Добряк без колебаний протянул Фельсенбургу флягу. Предвкушение удачи размером с хорошего кита стало чуть ли не осязаемым. Нет, не зря он поил в «Бородатом Карле» самых отъявленных метхенбергских бездельников и поминал взятые морем души и душонки. Помогло, господа селедки, как есть помогло.

Мягкий шлепок, и среди кружек возникло что-то светлое и лохматое. Кошка! Та, что приволок Фельсенбург, и самой везучей расцветки. Юхан только рад был, он так и так собирался завести на «Селезне» кота вместо отплававшего свое рыжего Плута.

– Цыпочка! – Шкипер ухватил гостью за шкирку и поднял. Тяжеленькая тварь висела безропотно, но смотрела со значением. – Если... Когда я заведу вторую посудинку, назову «Трехцветная кошка». Чтоб к удаче! Э... Четвертый тост идет, а ну подпевай, кто к крабьей теще не желает!

*Кружку поднять и пить, найерелла,
Нам пить до утра, пока отлив не настал.*

Первой «запела» отпущенная Гудрун. Юхан умилился, бросил вестнице удачи последнюю колбаску и обнял за плечо Грольше:

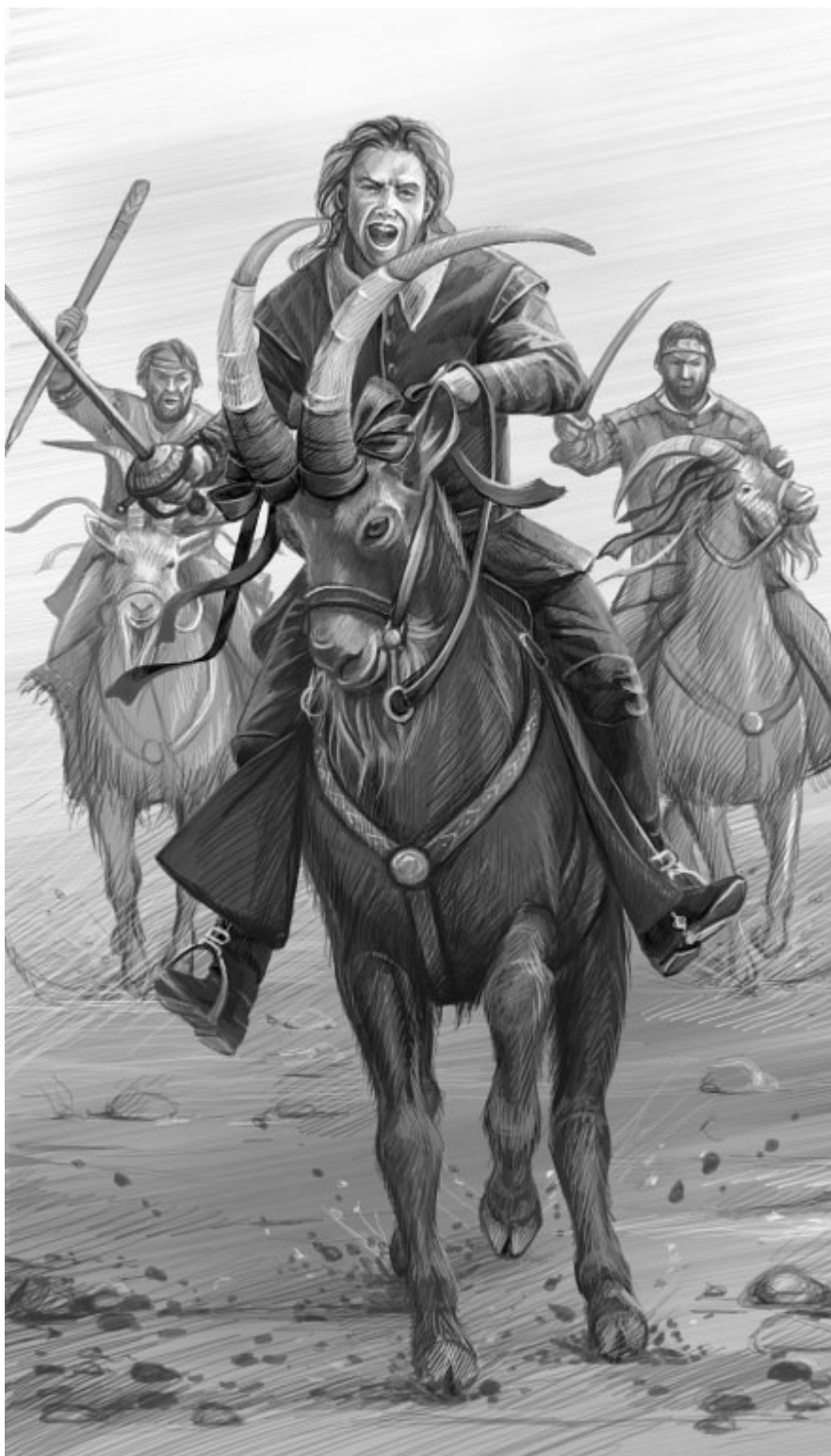
*Найерелла-лерела,
Нам пить до утра!..*

Часть четвертая

«Звезда»⁸

*Нам следовало бы удивляться только нашей способности
чему-нибудь еще удивляться.
Франсуа де Ларошфуко*

⁸ **Высший аркан Таро «Звезда» (L'Étoile)** символизирует возрождение и обновление, внутренний свет, надежду, спасение, беспечность. Означает прилив творческих сил, вдохновение, неожиданную помощь, новую любовь. Это хорошее самочувствие, оптимизм, осуществимые планы. **ПК** : стремление обрести творческое состояние; иногда означает упрямство, неуступчивость, утраченные возможности.

Глава 1
Талиг. Южная Марагона. Талиг. Западная Придда
400 год К.С. 8-й день Летних Волн

1

Объезжая очередную рощицу, драгуны наткнулись на мертвецов, судя по одежде – крестьян не из бедных. Старшего, костлявого и лысого, застрелили в спину, второй,

помоложе и покрепче, поймал сразу две пули – в грудь и живот.

– Хотя не мучился, – буркнул командир дозора и приложил руку к губам. – Добили, хватило совести... Следы есть, господин капитан. Ноги, копыта, колеса от повозок... Все как полагается.

Великих следопытов в доставшейся Давенпорту роте не водилось, но чтобы сообразить – час или два назад проселком прошло до сотни пехотинцев, с десятков конных и пара повозок, Уилер не требовался. Труднее было понять, куда, собственно, дриксы наладились. Не в смысле направления – «гуси», как и Чарльз, двигались в сторону леса Зельде, а в смысле конечной цели. Одно дело, если опередивший талигойцев отряд отделился от главных сил и отправился, скажем, на фуражировку, и совсем другое – если он к этим главным силам возвращается. Чарльз невольно тронул ольстру.

– Еще что-нибудь нашли?

– Нет, господин капитан. Если что и было, утащили. Кипрейщики⁹ говорят, покойники – беженцы из припоздавших: вовремя не ушли, отсиживались где-то, видать... И дернула же их нелегкая вылезти!

Нелегкая может дернуть и крестьянина, и генерала. Вот в том, что она управится с Савиньяком, Чарльз сомневался, но маршал возвращался в Надор, а на бывшем офицере для особых поручений теперь висел собственный отряд... Давенпорт еще раз взгляделся в мертвые лица, значительные, как у придворных. Шли ли беженцы только вдвоем и, если нет, что случилось с остальными, можно было только гадать. Война...

– Не они первые, не они последние, – подал голос доставшийся Чарльзу в помощники тенъент, – как говорится, война.

– Именно, Бертольд, – почти разозлился Чарльз, – и потому обойдемся без философии. Что думаете, господа?

Думали Бертольд и немолодой тенъент из марагонской милиции много чего, но в главном сходились с начальством – найдены вражеские следы, по ним надо идти. По возможности осторожно, ибо превращение охотника в дичь много времени не требует.

2

Проверить готовность Гирке к немедленному выступлению было дурной тратой времени, но не оскорблять же недоверием того же Лецке! Ариго объехал все свои полки без исключения. Ойген и тем более Ульрих-Бертольд наверняка нашли бы к чему придрататься, но Жермона состояние авангарда устраивало. Люди были готовы к маршу, люди были готовы ко всему... «Ерунда какая-то, – признался в ответ на генеральское одобрение Лецке, – чем меньше у меня сбоит, тем тошней... Вроде и приказы выполняем, и дело делаем, а будто вода в песок...» Жермон взгляделся в провалившиеся глаза полковника и молча протянул руку – он чувствовал тот же разлад между частными успехами и общим проигрышем. Иди речь о личных достижениях, Жермон был бы собой вполне доволен, только тешить самолюбие не тянуло. Да, генерал Ариго выполнил приказ и разузнал об отдельном корпусе дриков и его странно молодом для «гуся» командующем Рейфере. А потом, уже без приказа приняв под свое начало все, что сыскалось в Мариенбурге и окрестностях, успешно отбил первое наступление Рейфера на город. А потом вывел людей из-под удара куда более многочисленного врага. А потом вовремя заметил, что Рейфер прекратил преследование, правильно оценил его маневр и успел предупредить фок Варзов, у которого на пятках висел Бруно, о возможном ударе с тыла, а потом... Сделанного, и сделанного как положено, хватало, толку-то? Мариенбург потеряли еще быстрее, чем Доннервальд, дриксы медленно и основательно вползали в Южную Марагону, а до прихода Савиньяка с подкреплениями

⁹ Символом Марагоны является цветок кипрея. Отличительным знаком марагонской ландмилиции являются малиновые «кипрейные» пояса.

оставалось не меньше месяца. И пусть лично Ариго ничего нигде не испортил, так ведь и не выправил, что не повод впадать в уныние, но на раздумья наводит...

– Мой генерал, – доложил временный адъютант – очередной мальчишка с перевязанной головой, – полковник Придд.

– Хорошо. – Жермон с некоторым удивлением оглянулся на догоняющего кавалькаду всадника на сером коне. Жермон покинул «лиловых» совсем недавно, и никаких неожиданностей там не намечалось. Генерал придержал Барона, одновременно махнув свитским ехать дальше. Валентин приближался коротким галопом, делавшим честь и всаднику, и коню, и все же воевать лучше на полукровках. Жермон не сомневался, что серый с легкостью обойдет того же Барона, но в походе важнее неприхотливость и спокойный бескаверзный нрав, а уж в этом-то избранник Ойгена был безупречен. За лето Жермон убедился, что это именно та лошадь, которая ему требуется. Та лошадь, тот авангард, если бы еще война была «та»...

– Мой генерал, – церемонно наклонил голову Придд, – прошу уделить мне четверть часа.

– Да хоть час, если ты готов к обеду. – Невозмутимость и вежливость ничего не значат. Валентин будет невозмутим и вежлив, даже объявись за ближайшими кустами сам Бруно.

– Мой генерал, меня ждет барон Ульрих-Бертольд. Он не любит опозданий и сытых желудков.

– Так ты ехал к Катершванцу?

– Да. Я заметил вашу кавалькаду и решил воспользоваться случаем. Мне не хочется говорить о некоторых вещах при посторонних, и я не могу позволить себе занимать ваше личное время.

– И зря... Что-то я подзапустил фехтование. Если так и дальше пойдет, вы с Ульрихом-Бертольдом сделаете из меня фрикасе, и поделом. Ладно, что там у тебя такого страшного?

– Мой генерал, это не входит в круг моих обязанностей, но мне кажется, маршал Запада совершает ошибку, держа офицеров в неведении относительно своих намерений. У людей создается впечатление, что командующий не верит в успех и боится Бруно, вследствие чего отступает даже тогда, когда надо держаться. Павсаний, один из настоящих Павсаниев, заметил, что верящая своему вождю армия – это две армии. Я боюсь, справедливо и обратное.

Сперва Арно, теперь Валентин! Каждый по-своему, но об одном и том же...

– Ты тоже считаешь, что Доннервальд или Мариенбург следовало защищать?

– Я не имею опыта для подобных выводов. Скорее всего, отстоять Доннервальд было невозможно, но ощущение досады есть и у меня. Мой генерал, когда вы велели оставить Печальный Язык, вы не сомневались в том, что делаете. Ваш приказ казался странным, но это был приказ, и мы все это чувствовали, а маршал Запада не приказывает, а принимает то, что есть. По крайней мере так кажется со стороны, особенно если сравнить с каданско-гаунасской кампанией.

– Не сомневаюсь, что этим заняты все тенъенты Западной армии! – Только сравнивать бросившегося на лося волка и... двух быков, оказавшихся на одном поле, неправильно. – Спросите Ульриха-Бертольда, он объяснит, что надо слушать тех, кто имеет большой опыт...

– Мой генерал, барон Катершванц крайне недоволен медлительностью командующего. Он считает, и очень громко считает, что мы предадим Марагону, если немедленно не выступим на ее защиту всеми основными силами.

То, что силы эти на данный момент почти в два раза уступают дриксенским, обладателя шестопера, само собой, не волнует. Под Аустштарт и Виндблуме он «фидал» и не такое... Сорок лет тому назад. А Бруно двинулся с места позавчера.

...Фельдмаршал простоял под Мариенбургом две недели, то ли чего-то выжидая, то ли просто отдыхая после очередной погони, едва не увенчавшейся успехом. Бруно гнал талигойцев с востока на запад от самого Доннервальда, настойчиво пытаясь их обойти и оттеснить к Хербсте. Варзов не менее решительно эти попытки пресекал и таки не дал

сбросить себя в реку. Подготовленных у Мариенбурга «клещей» тоже удалось избежать. И что же? Фельдмаршал словно бы утратил интерес к своему извертившемуся оппоненту, застряв под городом. Рейфер тоже о себе не напоминал, а уж ему-то отдых точно не требовался. В штабе Западной армии со дня на день ждали от дриков если не удара, то хотя бы маневра, и вот старый гусь наконец-то зашевелился!

«На запад, Бруно пошел на запад», – доносили разведчики. На запад – это в глубь Южной Марагоны. Что теперь начнется на этих землях, понимал не только Катершванц. Все служившие в Торке были осведомлены о взаимных чувствах бергеров и гаунау, а дриков с марагами «любили» друг друга ничуть не меньше. Даже отдай фельдмаршал приказ не трогать местных, что было бы делом невероятным, даже выведи фок Варзов все свои войска, ландмилиция оружие не сложит, благо оврагов и зарослей в Марагоне поболее, чем в Придде. Всё вместе обещало резню не хуже той, что случилась при Ольгерде Храбром. Тогда Дриксен спустя полгода отыграла назад, но у Ольгерда на плечах была голова, а Талиг только что выиграл войну.

– Валентин, я не путаю, земли Гирке где-то здесь?

– Альт-Вельдер. Полдня пути от Франциск-Вельде.

– Надеюсь, все успели уехать?

– Кроме графини. Насколько мне известно, она решила остаться.

– Твоя сестра?!

– Да.

– Это у вас фамильное – оставаться, когда велено уходить?

– Гирке никогда не приказывает Ирэне, к тому же в Альт-Вельдере она чувствует себя в безопасности. Если б сестра в свое время согласилась покинуть Марагону, она бы, вероятней всего, поделила судьбу нашей матери... Мой генерал, из вашего второго вопроса следует, что защищать Марагону мы в самом деле не намерены?

– Все зависит от результатов поиска. Двинуться следом за Бруно, кусая дриков за пятки и отвлекая их на себя, очень заманчиво, но что, если фельдмаршал рассчитывает именно на это? Вряд ли марагам поможет, если мы с разгона налетим на изготовившиеся к битве главные силы противника. Хексберг наоборот нам не нужен.

– Дриксенские моряки у Хексберг показали себя очень достойно.

– На побережье кесарии от их доблести безопасней этим летом не стало. С нами может случиться то же. – А чтобы не случилось, надо знать о передвижениях «гусей» все и немного больше. Пока новостей было мало, а те, что пришли, ясности в картину не вносили. – Будем ждать вестей и думать, полковник, а вести будут не сегодня, так завтра.

В ребятах Баваара и Лецке Жермон не сомневался, но выше головы не прыгнешь, по крайней мере у генерала Ариго это не получается, хоть тресни.

3

После пары часов больше скрадывания, нежели погони, дриксенский отряд был не только обнаружен, но и обойден. Опередив маршировавшего по дороге противника лесной тропой, драгуны еще с полчаса бодрой рысью двигались вперед, к деревушке, окрестности которой, по словам проводника, годились для засады.

Мараговец не преувеличивал – и взгорок, закрывающий путнику обзор, и рощи по обе стороны дороги, и ровный луг, отлично из этих роц простреливаемый, – все было на месте. Не хватало только противника.

После прогулок по Гаунау взобраться на марагонский холмик было сущим пустяком. Окрестности, если не считать бродивших у опушки спешившихся драгун, казались вымершими. Дриков еще шли, а жители деревню покинули, и Давенпорт их вполне понимал. Капитан опустил презентованную адъютантами регента «на удачу» трубу.

– Долго нам ждать придется?

– Дорога петляет, – объяснил проводник. – Пока дойдут, скупнуться можно, озерко вон

там, за хохлатым взгорком...

– Я б не отказался. – Бертольд потрепал по шее своего рыжего. – И Бруно бы напоил.

– Езжайте, – разрешил Чарльз и уселся прямо на жесткую траву. – Всем, кроме дозорных, отдыхать.

Упрашивать себя драгуны не заставили – жизнь у кавалеристов Западной армии была напряженной, Давенпорт это понял, вместе с приказом принять роту получив и другой – срочно выступать. Главные силы Бруно покинули лагерь у Мариенбурга, и маршал Запада жаждал знать о передвижениях и намерениях противника все. Командующий авангардом Ариго рассылал конные отряды по всем направлениям, Давенпорту вместе с полуротой конной ландмилиции досталось двигаться к Зельде, где предполагалось объединиться с эскадром кавалеристов генерала Маллэ и дальше действовать сообща. Про осторожность и прочую внимательность Ариго упомянул лишь мельком, вызвав у Чарльза чувство благодарности. Несколько омрачало настроение то, что причиной, по которой чужак сразу же получил роту, была смерть предшественника, но тут уж ничего не поделаешь. Кавалеристов с хоть каким-то опытом поиска у фок Варзов было куда меньше, чем хотелось, а Реддинга Ариго знал и, как Чарльз понял, высоко ценил.

Непосредственному начальству в лице командира полка капитан успел лишь представиться, хотя господину Лецке-«среднему» явно хотелось послушать о родне, с ротой же пришлось знакомиться в прямом смысле слова «на ходу». И офицеры, и солдаты выглядели людьми бывалыми, порошу понюхавшими, но «парня от Савиньяка» приняли с распростертыми объятиями и плохо скрываемым любопытством. Ор-Гаролис и «гаунасская охота» в Западной армии занимали всех, от фок Варзов до марагонских милиционеров, но декламировать триптих «Мы с маршалом Савиньяком» Давенпорт не собирался – не Жиль Понси, на прощанье, к слову сказать, осчастлививший капитана кипой тщательно исписанной бумаги, выбросить которую рука у Чарльза не поднялась.

Зашуршала не знавшая косы трава. Бертольд с потемневшими от воды волосами и счастливой физиономией плюхнулся рядом с Давенпортом и торжественно протянул начальству драгунскую каску, до половины наполненную малиной.

– Пару часиков без «гусей» – это хорошо, – объявил тенъент. – Угощайтесь.

– Спасибо.

Когда через четверть часа из-за леса выползла сизая колонна, выяснилось, что разлука пошла на пользу и дриksam.

– Надо же, – без особой досады подсчитал Бертольд, – сотни три, не меньше. Высидели они себе пополнение, что ли?

– Скажите спасибо, хоть кавалерии не прибавилось. Или в хвосте тянутся и еще вылезут?

Не вылезли. Спустя несколько минут враги явили себя во всей красе, и вместо кавалерии колонну замыкал с десятков повозок. Значит, все-таки фуражиры.

– Для нас многовато, – не стал скрывать своих опасений Давенпорт. – Если от первых выстрелов не побегут, толком ничего не добьемся.

Тенъенты были согласны: подпускать врага близко – опасно, а ну как рванет вперед и сомнет числом? Открыть стрельбу издалека? Отступит, и тогда под плотным огнем к нему не приблизиться. Ну, удастся подстрелить пять-десять «гусаков» – и все.

– Пленных бы взять, – напомнил то, что и так все знали, Бертольд. – Генерал нас не пальбой развлекаться посылал...

Мараговец кивнул и принялся выпытывать у проводника, откуда здесь могли взяться новые дриksы. Тот пожимал плечами и хмыкал. Взялись, дескать, и взялись.

– Фуражиры, – внес свою лепту Чарльз, – кормились поодиночке, а на обратном пути встретились.

Упускать момент не хотелось, но не кидаться же на такую толпу, чтобы утащить одного-двух! Потери будут нешуточные, а возвращаться из первого поиска с половиной людей... Нет, если не отыщется другой выход, и это можно, но кто сказал, что не отыщется?

«Никогда не делай то, что за тебя сделают враги». Дурацкое в своей наглости правило в Кадане и Гаунау работало исправно, по крайней мере с дриксами. Если кидаться на противника неудобно, устрой так, чтобы он сам явился туда, где твоя атака будет успешной. Не пойдет? Надо привести. Не хочет? Сделай так, чтобы захотел! У Савиньяка хотел как миленький, у Реддинга «приглашения» тоже выходили неплохо. По крайней мере в начале кампании, но в Южной Марагоне вряд ли знают этот трюк, тем более фуражиры. Попробовать, во всяком случае, стоит.

– Господа, сейчас совершенно неважно, какое село или хутор обобрали эти красавцы. Времени у нас немного, давайте быстро. Кто у вас тут лучший наездник?

– Я, – живо откликнулся Бертольд, и мараговец подтвердил:

– Он.

Глава 2

Талиг. Южная Марагона. Талиг. Хексберг 400 год К.С. 8-й день Летних Волн

1

Успели, пусть едва-едва, но успели! Всадники, по-видимому, игравшие роль головного дозора, были уже в паре сотен шагов от покрытого густой лещиной взгорка; пехота, приотстав, топала позади. Там же, за первыми шеренгами, ехало верхами еще человек пять. Как подозревал Чарльз, они-то и были самой ценной добычей, но вот добраться до нее...

– Пора уже, а то в самом деле перехватят, – не выдержали в лещине. – Ну давай же!

Бертольд считал так же. Из-за кустарника, почти на самом верху, вразнобой грохнуло несколько выстрелов, и облачка белого дыма поплыли к небу. Передовые всадники сперва замерли, потом стали было заворачивать коней, и тут тенъент начал свой спектакль. Одиноким всадник в хорошо различимом черно-белом мундире выскочил из зарослей на дорогу и, постоянно озираясь, погнал коня вниз по склону. На скаку достал из ольстры пистолет, обернулся, выстрелил в невидимых пока еще преследователей. В кустах вновь рывкнули мушкеты, талигонец покачнулся в седле, едва не свалившись под ноги коню, как-то выправился и «увидел», куда, верней, к кому несется. Это фрошера, естественно, не обрадовало, он дернул повод, и рыжий послушно свернул, пытаясь унести хозяина от новой напасти.

Дриксы справились наконец с растерянностью. Картина была проста и понятна, действия, которые следовало предпринять, – тоже. Трое всадников остались на дороге, остальные, человек семь или восемь, рванулись наперерез беглецу. Тот уже промчался по склону, еще больше взял в сторону и теперь уходил от дороги влево, прижимаясь к опушке, но разумно не пытаясь на полном скаку влететь в чащу. Преследователи изо всех сил понукали лошадей, стараясь настичь добычу раньше, чем она доберется до дальнего края луга. «Раненый» снова закачался и стал сползать на сторону, его конь сбавил ход...

– Ну, обезьяна! – не выдержал мараговец. – Сам сейчас поверю, что его подбили.

– Отлично, – похвалил от души и Чарльз. Тенъент не хвастал, когда говорил, что управится, – болтался в седле он безупречно. Скрюченная посадка, неуверенные движения, все эти дерганья и раскачивания выглядели достоверней не бывает. Разогнавшиеся фуражиры, предчувствуя скорый и несомненный успех, позабыли обо всем, кроме дичи, которая вела их напрямик в объятия драгун. Бертольд, пролетая мимо, еще успел приветственно махнуть рукой, и тут же с топотом и улюлюканьем накатилась погоня.

– Когда поравняются, – напомнил себе и другим Чарльз. – Давай!..

Подвоха преследователи не ожидали и то, что сами угодили в западню, поняли, когда драгуны были уже рядом. Хлопнуло несколько выстрелов, пару раз лязгнули палаши... Криков и ругани оказалось гораздо больше, чем пресловутой «музыки боя». Потом

донеслась и «музыка» – с дороги. Оставшаяся часть роты усиленно привлекала к себе внимание вражеской пехоты мушкетными залпами. Судя по ответному грохоту, привлекла.

Сам Давенпорт в драку не полез, и так на каждого «гуся» пришлось по паре охотников. Драгуны не нуждались даже в помощи марагонцев, и вообще, пока все в порядке, толковый командир только смотрит, как бы ни тянуло выхватить шпагу и броситься вперед. У толкового командира половину дела сделают враги, половину – подчиненные. Сегодня капитан Давенпорт имел все основания гордиться и собой, и своими людьми: не прошло и полминуты, как возжелавшие поохотиться дриксы оказались на земле. Все. Драгуны споро вязали руки выжившим, которых, увы, набралось лишь трое, а стрельба на дороге не прекращалась. Надо было глянуть, как идут дела там. Надо было решать...

– Быстрей! – поторопил Чарльз исцелившегося на глазах «раненого». – Пока совсем не очухались.

2

Роскошная была красива и понятна, словно она не носила браслета и колючей звезды, а распускала пояс невесты и входила, опустив глаза, в дом супруга своего, чтобы стать для него Кубьертой и розгой, хлебом и цветком. Роскошная вспоминала и поучала, а Мэллит казалось – время повернуло вспять и она вернулась в Агарис, чтобы выслушать хозяйку дома, в который ее никогда не введут. Странное чувство мешало помнить, что недостойной Мэллит давно нет, а названный Ротгером – это песня, но не судьба. Гоганни смотрела на исполненную лунных соков женщину с волосами цвета мимозы, а та говорила, и в отпустившем хозяина доме остановить ее было некому.

– ...нельзя ждать от моего племянника, что он возьмется за ум, хотя сердце у него и доброе. Курт говорит – будь Ротгер хоть немного серьезней, из него получился бы достойный офицер. Он любит свои корабли и знает свое дело, но во всем остальном сущий мальчишка. Курт не представляет, как можно в такие годы быть таким безалаберным... Избави тебя Создатель, Мелания, от мужа, у которого в голове ветер и звезды! Курт все еще надеется заставить Ротгера вести себя как подобает военному, но время упущено...

Если б только моя покойная сестра, имевшая глупость отдать руку марикияре, не смотрела глазами мужа... Ее предупреждали, что до добра это не доведет... Курт говорит, что в Хексберг о приличном воспитании не могло быть и речи... Отослать сына в дом своего отца, как это принято... Когда наша бедная матушка впервые увидела Ротгера... Курт очень недоволен, но даже ему...

Мэллит слышала и не слушала, как не слушала женщин в доме отца. Роскошная приехала, когда лето только начиналось, для нее открыли обитые голубым комнаты, а наутро фельпский гость переехал к нареченному Рубеном. «Неприлично юной девушке делить кров с неженатым молодым человеком», – сказала роскошная, и гоганни стало стыдно, будто кто-то заглянул в ее сны, жаркие и непристойные, в которых она забывала о своих бедах и смеялась. Там, в рожденных луной сказках, вместе с ней смеялся и просил ласки фельпский гость, чье сердце кануло на морское дно вместе с любовью. Нареченный Луиджи потерял девушку, похожую и непохожую на Мэллит... Это так просто – любить унесенных смертью! Разве может конь растоптать душу, как растоптал тело нареченного Альдо? Приди смерть прежде прозрения, бывшая Залогом оплакивала бы потерю всю жизнь, но мотыльку любви оторвали крылья, и остался червяк ненависти.

Когда весть из страшного города дошла до холодного моря, Мэллит засмеялась и захлопала в ладоши, а потом злоба иссякла, и вернулась жизнь, звенящая как ручей и полная сладких снов о невозможном. Она просыпалась, и фельпский гость становился чужим и печальным, но не все в звездных снах было мороком. Когда названный Луиджи уходил, гоганни поймала его взгляд, и он был зовущим и жарким...

– ...нельзя допустить, чтобы ты оставалась на постоялом дворе, в который мой племянник превратил свой дом. – Мягкая рука легла на голову Мэллит, и гоганни от

внезапности вздрогнула. – Курт согласится... Мы обязаны позаботиться о тебе, ведь Ротгер на это неспособен. В Бергмарк много серьезных молодых людей, но тебе надо лучше кушать и заняться платьями и постельным бельем... Не будем тянуть... Брать у торговцев глупо... Совсем недалеко... Отличное полотно... ночные сорочки и простыни... приданое... еще наша покойная матушка... знаю двадцать второй год...

Думать о простынях и ткачах Мэллит не хотелось, как и ехать в Бергмарк к молодым людям, чтобы есть, есть, есть, безнадежно глядя на пояс. Дом Ротгера, с его снами и смехом, не гнал и не требовал, а когда возвращался хозяин, испятнанная кровью скатерть и синие глаза без зрачков покидали память; кроме того, в Хексберг было море...

– Мне в моем положении первые восемь месяцев показано дышать морским воздухом, а Курт печется о моем здоровье... Не хочу его волновать, ведь дороги сейчас опасны. Варитские мерзавцы, кажется, вообразили, что они у себя дома. Разумеется, этому скоро положат конец, но нам с тобой придется провести в Хексберг все лето. Курт говорит...

О войне гоганни знала. Она ненавидела войны даже в книгах, что тайком читала в доме отца, а встретив тех, кто слышит море и носит на боку сталь, просила за них всем сердцем своим, но разве может луна не искать крови и смеха? Разве могут мужчины, эти мужчины, ждать беду на берегу и без улыбки?

– Они вернутся, – вдруг сказала гоганни. – Остановят недобрых и вернутся к нам...

Слова выпорхнули глупыми птицами, но перед спешащими следом слезами Мэллит успела захлопнуть дверь. Нельзя звать горе по имени, а имен у него шестнадцать раз по шестнадцать, и одно из них «страх потери». Девушка вытерла глаза и не успела извиниться – роскошная прижала ее к груди и заплакала.

3

Все вышло неплохо, драгуны и марагонцы радовались удаче, но предъявить начальству по-прежнему было нечего. Возглавлявший погоню дриксенский лейтенант, к несчастью и для себя, и для Давенпорта, оказался ловок и очень упорен. Хотя и выбитый при столкновении из седла, он тут же вскочил на ноги и принялся азартно отмахиваться палашиком от окруживших его драгун. Прыгнул на сержанта, свалил его на землю и вновь оказался в седле, теперь чужом. После чего получил сразу три пули. Мерзавец! Давенпорт был зол, будто сорок сержантов, но досаду унять сумел – ребята старались как могли, а Бертольд так и вовсе молодец, зато добыча... Двое рядовых и капрал толком рассказать ничего не смогли: ну пришел приказ всем собираться вместе, значит, старый Бруно снова куда-то потопает ловить очередных фрошеров, так это знали и без пленных, дальше-то что?

Схватка зашла в тупик, и как из него вылезти, Давенпорт не представлял. «Гуси», получив с большой дистанции пару почти безвредных залпов, не пошли в атаку, что вообще-то было бы неплохо – до кустов идти минут пять, не меньше, драгуны успели бы дать несколько залпов, а потом – в седло, и догоняйте. Дриксенский начальник, однако, оказался птицей пуганой и предпочел изготавиться к обороне, предварительно отведя своих подальше от вредного взгорка и коварных зарослей. Опасности от обосновавшегося в чистом поле батальона не было никакой, пользы – тоже.

Ужасно хотелось выдернуть командира свернувшегося в каре батальона из-за мушкетерских рядов и хорошенько расспросить, но Чарльз гнал от себя эти авантюрные бредни. Если ты не Леворукий и даже не Уилер, будь тем, кто ты есть, а не зарвавшимся дураком.

– Вот, – Чарльз передал трубу соратникам, – полюбуйте.

Бертольд, весьма довольный своими недавними выкрутасами, рассмотрел ошетилившиеся стволами и пиками шеренги и пришел к неутешительным выводам.

– Из зарослей до них не добьешь, а переть в открытую глупо. У паршивцев по четыре мушкета на один наш.

– Толку не будет, – поддержал и мараговец. – Зато, чего доброго, дождемся, что к ним

еще кто-нибудь подтянется. Разгуливают, как у себя дома, убудки... С Двдцатилетней такого не было.

– Да, пора оставлять эту колючую компанию в покое, – прервал рискующий стать неприятным разговор Давенпорт. – Отправляемся. Приказ о встрече с ребятами Маллэ никто не отменял.

Бросив прощальный взгляд на торчащих посреди луга дриков, Чарльз вскочил на коня, и рота бодро порысила в обход пустой деревни. Тут-то и выяснилось, что дела обстоят гораздо лучше, чем казалось. Для начала сразу за деревней обнаружились дозорные того самого эскадрона, с которым надлежало встретиться. Про капитана Чезаре Арсини Давенпорту еще в лагере объяснили, что тот решителен, в меру азартен и очень не любит, когда вокруг много начальства. Сейчас южанин был откровенно счастлив, ибо начальство осталось далеко позади, а сам он изловил ценного зверя.

Началось с того, что передовой дозор Арсини едва не наскочил на дриков. Небольшой кавалерийский отряд куда-то торопился, да так, что, когда о нем доложили командиру, погоня представлялась почти безнадежной. Капитан все же решил попытать удачи, погнав своих орлов следом за торопыгами. И удача не стала капризничать: шустрые «гуси» как раз добрались до ближайшей деревни, когда на противоположной ее стороне поднялась пальба. Как выяснилось позже, у дриков имелся строжайший приказ – избегать боев и стычек; командир дисциплинированно повернул, чтобы обойти опасность, и нарвался на талигойский эскадрон. *Этой* драки избежать не удалось. Арсини потерял четверых убитыми, еще семерых ранили, но драгоценный генеральский адъютант, а вернее, пакет, который он вез, достался талигойцам.

– Какой-то гусь из важных о чем-то докладывает своему фельдгусю, – сверкнул зубами Арсини, – и сейчас мы выясним, что именно. Ваша заслуга, Давенпорт, в этом дельце несомненна, так что извольте получить свою долю! Кстати, почему бы нам не поужинать и не поболтать о наших делах и ваших похождениях? Вы ведь к нам прямиком от маршала Савиньяка?

– Да.

4

Эта ночь не принадлежала луне, и покинувшие кров не нарушали запрета. Хозяева спали, спала и роскошная, а Мэллит тянуло смотреть на звезды и вдыхать аромат лета. Гоганни боролась с собой недолго; накинув темную шаль, она через окно выбралась в садик, окружавший дом ткача, долгие годы снабжавшего роскошную полотном, и полотно это было лучше того, что доставляли торговцы в дом отца.

Малая память потянула за собой большую, как веревка тянет лодку. Девушка перебирала пальцами душистую траву и вспоминала, как отец отца, воскурив благовония, раскраивал ткани особым ножом и отдавал женщинам, а те, убирая по нитке, обрабатывали края так, что получалась короткая бахрома. Мэллит не любила эту работу из-за того, что приходилось сидеть вместе с другими и слушать о чужой красоте и своей безнадежности. Выдергивая лишние нити, дочь Жаймиоля узнала, что такого заморыша, как она, возьмет лишь бедняк, готовый войти под кров жены. Как же часто она потом слышала эти слова!

Мудрая Ракелли отговаривала мать брать в дом молодых и здоровых, что, прельстившись статью чужих женщин, оскорбят супружеское ложе, родственницы пересчитывали бедных вдовцов, а Мэллит слушала и не могла убежать. Так было, пока достославный из достославных не объявил, что юной Мэллит суждено стать не женой, но Залогом. Все обрадовались, и никто не удивился. Правильно, кому же еще? Дом Жаймиоля покинет тревога о неудачной, а красивые и желанные не лишатся счастья.

– Нареченная Мэллит, – велел достославный из достославных, – подойди.

Гоганни вздрогнула и обернулась. У стены под отяжелевшей яблоней стоял некто в светлых одеждах.

– Подойди! – повторил он, и Мэллит подошла. Достославный из достославных пришел не один. Темным столбом от стены отделился чужак в странной одежде. Он был молод, красив и мертв. Дул ветер, и сеть из скачущих теней оплетала сад, но не могла поймать тех, кто уже был вне тьмы и вне света.

– Не бойся, – сказал молодой, и Мэллит вспомнила сперва дождь, затем – платье и, наконец, лицо. – Мы пришли не за тобой, а к тебе.

– Чего желают... – начала Мэллит и замолчала, не зная, как называть тех, кто пришел. Она не боялась, просто очень хотелось убежать в тепло дома, и гоганни могла это сделать. Ее тело принадлежало ей, как и голос, и тень. Двое, некогда решившие ее судьбу, не связали ее своими цепями.

– Ты можешь видеть, – темные глаза были совсем живыми, – ты сможешь запомнить. Так вышло. Только ты, других не осталось.

Только она, ведь путь к дому отца в страшнейшую из ночей заступил этот юноша. Как же долго недостойная жалела, что не лишилась рассудка и не умерла...

– Ты долго скрывалась. – Это уже не упрек и еще не приказ. – Города потеряли весну и теряют лето. Колодцы все полнятся, а мы не можем ни войти, ни остановить, ни предупредить. Ты можешь. Ты – Залог...

– Нет! – Мэллит рванула платье, обнажая грудь. Шрам не кровоточил. – Нет! Нареченный Удо порвал цепь... Я не ваша!

«Хочешь свободы – иди!» Зелень луны, кровь снега, страшный слепой взгляд становится просто грустным... Почему от тех, кто уходит, не остается взгляда, вздоха, улыбки? «Бедная ты, бедная...» Такие простые слова – и такие незабываемые... Тает кинжал, умирает на стене фреска, Повелевающий Волнами зажимает рану...

– Опомнись! – Желтая фигура заслоняет темную. – С тебя сняли цепь, но не долг. Вспомни тех, кого ты знала и кто не делал тебе зла! Их именем и во имя их пройди по своим следам! Найди первородного Робера и скажи ему, пусть уведет тех, кто готов уйти.

– *Цена Зверю – жизнь*. – Вновь черное впереди, так почему она вспоминает золото роз? – *А смерть – цена зову...*

– Народ мой не пошел за мной, я оставался с ним до конца... Меня нет, ты есть. Уведи того, кто был другом, уведи тех, кто еще чист... Я не смог, а огонь опоздал; поспеши же, пока не пришли луны.

– Запомни...

Мэллит запоминала, а виски ломило от боли, и ночь пахла дымом и кровью. Ноги стыли и дрожали, то замирало, то принималось лихорадочно стучать сердце... «Теперь все будет хорошо... Хорошо для всех! – обещал Удо. – Или я, или ты... Иначе нельзя!» «Эх ты, Эжени...» – улыбался воин, отдавая спасительную звезду. Он ничего не знал и понял все... Теперь и он, и первородный Робер в городе, куда идет беда, но мироздание – еще не мир, а предсказание – не судьба!

– Я все сделаю, – прошептала Мэллит, но кто расслышал слово ее, кроме ночи? Пришедший из дождя и вышедший из пламени ушли своими дорогами. Гнула отяжелевшие ветви яблоня, и травы вновь пахли травами. Ни следов, ни свидетелей, названный Ротгером далеко, а ждать нельзя. Нельзя! Гоганни торопливо провела пальцем по шраму. Крови не было, а вот платье она порвала... Ей подарят новое и велят успокоиться, а в не знающий своей беды город придет луна. За виновными и за безвинными... Бессилие громоздило серый лед, а решимость высыхала лужицей на солнцепеке, потому Мэллит и вбежала в спальню роскошной среди ночи. Утром ей просто неостанет сил объяснить.

– Брысь, – пробормотала спящая, услышав шорох, но не прерывая сон, – бры... А... Курт, не сейчас...

– Блистательная... – Гоганни тронула мерно вздымавшийся холм, как мягко стало пальцам. – Госпожа... баронесса!

– Ну какой же ты... Ну...

– Госпожа Юлиана!

– Что?.. А?! – Груда тканей завозилась и раскрылась, словно отошел от кочана внешний лист. Роскошная села на постели и, не открывая глаз, высекла огонь. – Ох... я кричала, да? А я подумала... мне тут... Что с тобой?!

– Я... Я видела в саду двоих. Я их помню. Они меня ждали... Они хотели...

– Сон, – улыбнулась женщина. – Иногда сны бывают такие... странные, а в девичестве мы пугливые. От незнания. Представь себе, Курт...

– Нареч... Сударыня, прошу меня... Сын вашей сестры рассказал про меня не все! Старый герцог с цепью на груди велел молчать, но теперь нельзя...

Роскошная слушала, глубоко дыша и не прерывая. Мэллит сбивалась и выправлялась, объясняя про Повелевающего Волнами, заступившего дорогу мертвому, про нареченного Робером и солдата, чье имя ничтожная забыла...

– Он отдал мне вот это. – Семилучевая звездочка легла в ладонь. – Знал, что я бегу, что я – женщина, и отдал, а ведь для вас душа ценнее жизни... Теперь этот солдат там... в Олларии. И никому нельзя выходить, я слышала!

– Там много кто! – Роскошная встала и начала одеваться – без спешки, но быстро и ловко. – Те, кто к тебе приходил, не забыли себя. Такое редко, но бывает. Знать бы, сколько они бродили под стенами – в Хексберг нет дороги ни варитам, ни выходцам. Вот ведь, пятнадцать раз польза, шестнадцатый – вред! Чего глазами хлопаешь? А ну брысь собираться. Едем!

– К блиста... К герцогу-регенту?

– К Курту, и немедленно!

Глава 3

Северо-восточная Гайифа. Кипара

400 год К.С. 8-й день Летних Волн

1

Козел был прелестен, но безымянен. И вовсе не потому, что, потеряв любимого хозяина, согласно завету Бакры, утратил и данное тем имя, просто к скотине ничего не липло. Такое случается: у батюшки был повар, само собой, отличнейший, которого, без сомнения, как-то звали, но никто этого имени не знал – жена и та величала беднягу то муженьком, то старым дуралеем. Так и с доставшимся Марселью скакуном. Виконт пытался бороться с судьбой, нарекая гордого рогача то Астром, то Анаксом, то, с учетом театра военных действий, Арсаком, куда там... Тварь упорно оставалась Скотиной и Козлом. Через месяц смирились оба. Валме – с волей Бакры, лишившего свое дитя имени, дитя Бакры – с косоруким наездником; впрочем, косорукость потихоньку отступала.

Взяв неделю назад под бдительным оком Коннерова братца дюжину хитрых препятствий и взлетов по каменистому склону к потягивающему касеру наставнику, Марсель понял, что к бою готов, то есть готов, но не совсем. Безымянный козел не способствует прославлению талигойского флага, и виконт лично раскрасил могучие рога черным и белым. Вышло верноподданно, но скучно и как-то убого. Мог бы выручить алый, но использовать цвет покойной королевы было бы бестактно по отношению к Рокэ, и Марсель обратился к собственному родовому наследию. Рога стали бело-черно-зелеными, а сбрую украсили зелено-черные банты. Это уже было не стыдно показать и друзьям, и врагам. Виконт ждал битвы, грыз знаменитые кипарские грушеяблоки, кои автор трактата об изысканной и здоровой пище предписывал кушать только что сорванными, угощал Скотину и любовался пейзажами.

Будь северо-восточная Гайифа поровнее, убери Леворукий или тот же Бакра излишек горок, холмов и холмиков, вышло бы очень похоже на Дорак с его вишневыми садами. Сады имелись и здесь, и какие! Разлапистые тщательно побеленные деревья гнулись от чудовищного урожая, ранние сорта уже вовсю осыпались, изрядно возбуждая бакранских скакунов. Козлов тянуло к изысканным фруктам не меньше, чем их наездников – к воинским радостям, но имперцы сопротивляться не спешили, разве что младший Шеманталь нарвался

на необычно упорных таможенников. Отряду Коннера, с которым шли Марсель и Рокэ, не досталось и этого. Адуаны и бакраны добрались до столицы провинции беспрепятственно, но Кипара, по словам разведчиков, готовилась к защите. Это было поводом, и Марсель, скормив навязчиво мекающему Скотине парочку грушеяблок, под одобрительное адуанское хмыканье браво взлетел в седло.

– Я – к маршалу, – объявил он и поправил нарожный бант. Скотина счел это намеком и принял с места душевытрясательным галопчиком; впрочем, Валме и сам собирался подскочить к Рокэ во весь опор. Виконт успешно осадил разогнавшегося скакуна на пологом холме, с которого открывался прелестнейший вид, и спрыгнул наземь, бросив поводья расплывшемуся в счастливой улыбке бакрану. Кажется, из свиты его высочества Бархи.

– К господину регенту Талига.

Господин регент поднял бровь, торчавший рядом Коннер – большой палец. Славный все-таки человек, и Котика подарил.

– Мы готовы идти в бой, – отрапортовал виконт, – во славу Талига и великой Бакрии. Когда?

– Сейчас.

Услыхав благую весть, Барха просиял даже ярче давешнего подданного. Супруга Этери с весны распирало от желания показать вождю и учителю козлерию в деле. Стычки на границе в счет не шли – разогнать обленившихся разгильдяев с таможенных застав могли и ничему не обученные подростки. То ли дело Кипара. Тут вам и пехота – не больше батальона, правда, но все же, – и конница, и десяток приличных пушек на господствующем над подходами к городу холме. Конечно, приличные войска, которых и раньше-то здесь было негусто, отозваны для войны с морисками, но надо же с чего-то начинать!

– Мы ждем приказа! – Бакран мало походил на Дерра-Пьяве, но что горский принц, что фельпский капитан переминались от нетерпения с ноги на ногу совершенно одинаково.

– Собирайте своих воинов в том саду, что слева от холма.

– Хорошо. – Барха отошел в сторону и поднял руку. Коннер проводил любимого ученика взглядом насадки, но остался при Алве. И правильно сделал – к принцу немедленно подскочили двое юных бакранов с красными повязками на головах. Наследник Бакны знал не только где лево, а где право, но и что такое адъютанты и как ими пользоваться. Если б он столь же лихо еще и с вилкой управлялся, хотя гайифским офицерам хорошие манеры удачи не приносят, так что не в вилках счастье. По крайней мере военное.

– Я тоже хочу на какой-нибудь фланг, – сварливо объявил Марсель, – то есть мы с Козлом хотим. Мчаться в бой, побеждать и попирать поверженных врагов.

– Попирайте, – разрешил Алва и протянул Марселю трубу. – Когда попрете, найдешь меня в губернаторском дворце. Представляешь где?

Марсель глянул на подлежащий попиранию город и остался доволен. Сочетание буйной зелени с излюбленными местными малярами светло-желтым и белым выглядело очень приятно, но окончательно приятной Кипару делало отсутствие укреплений. Штурмовать бастионы и прочие куртины Марсель не любил, к тому же стены – не скалы, на козле не взберешься, а рога уже выкрашены.

– Если я что-то понимаю в губернаторах, – предположил виконт и погладил крутящегося здесь же Лово, – то ему самое место в доме с белыми башенками. Кстати, почему они живут без бастионов? Не скажу, что я огорчен, но любопытно: это скупость, глупость или уверенность в том, что до них не добраться?

– При Золотой империи добирались, – безмятежно сообщил Алва. – Потом Сеймурское царство развалилось, а кагеты для подобных забав не годятся, так что последние пару кругов здесь никто всерьез не безобразничал, даже Двадцатилетняя мимо прокатилась. Императоры – люди бережливые, лишнего не потратят.

– В Левкре они против нас понастроили, – внес свою лепту Коннер, – а казаронов чего бояться...

Марсель поискал глазами зеленые рога. Издали они выглядели просто отлично!

Бакранов гайифы не ждали еще больше, чем казаронов, но бакран теперь не тот, что прежде.

– Вот так бываешь прав, прав, – зевнул виконт, – а потом что-то незаметно меняется, и вся твоя правота – одна сплошная ошибка.

– Точно, – подхватил Коннер, – мы так седунов прохлопали... Теперь очередь Емперии.

2

– Мы готовы, – коротко сообщил Барха. Бакранский принц рвался в бой, как и его козлерия. Шесть сотен двойных бород. Почему именно шесть, Марсель не знал. То ли Бакне чем-то приглянулось само число, то ли Гарра что-то увидела, а вернее всего, в гвардию наследника решили брать каждого десятого из натасканных младшим Коннером и его адуанами. Таковых за два года набралось шесть тысяч, не так уж и плохо, особенно когда за спиной Дьегаррон, а рядом – Ворон.

– Барха, – Алва положил руку на плечо союзнику, – поглядите на этот холм. Там пушки. Они должны расстреливать тех, кто захочет пройти к городу, а мы как раз хотим. Что будем делать?

Бакран медленно протянул между двумя пальцами пушистую, но короткую бородку, слишком короткую для серьезных раздумий. Ничего, с рождением второго сына бороду позволят отпустить еще на ладонь, а для дальнейшего роста придется совершать подвиги. Жаль, если сегодняшний штурм за таковой не засчитают, но ребенок еще не рожден, а продолжение рода для бакранов важнее. Было, потому и выжили.

Сын его величества Бакны выжал из бороды все, что мог, и покосился на Коннера. Тот промолчал, шумно втянув воздух, будто... унар перед испытаниями, хотя унар сейчас у нас Барха, а генерал-адуан выходит ментором. Но волнуется он больше. Подсказать?

– Я вижу, – осторожно начал принц, – что пехота стоит на дороге, ведущей в большой город. Она его защищает. Холм стоит сбоку, и пушки на нем защищают пехоту, но кто защищает сами пушки? В больших армиях положено ставить много людей, чтобы беречь такое мощное оружие. Нам так говорили.

– Вам правильно говорили. – Хочешь, чтобы Алва похвалил, – стань бакраном или пейзажем. – Прикрытие у них есть, но с обратной стороны холма. Гайифы защищают батарею от обхода и удара с заднего, более пологого, склона. Передний слишком крут, чтобы по нему быстро подняться. Часовые успеют позвать на помощь.

Жилистая рука выпустила бородку. Барха удивился. Барха очень удивился.

– Нельзя быстро подняться?

В черных глазах мелькает что-то... веселое. Тот, кто равняет с глупостью искренность и неумение есть вилкой, сам дурак. Да будь бакраны хоть восемь раз дикари, что с того? Парни-то славные. И смекалистые.

– Когда на дороге воины пойдут вперед, мы будем уже на холме, – объявил принц, заставив Коннера расцвести. – Быстрее, чем люди с пушками поймут, что очень сильно ошибаются. Отсюда хорошо видно. Вы увидите, как нас научили. Я правильно понял, друг Валма идет с нами?

– С вами, с вами, – быстро подтвердил Марсель, понимая, что мысль залезть на козла была не столь уж и блестящей. Лучше б Кипару сторожили бастионы, они как-то привычней, и потом – их ведь можно взорвать.

– Идем! – Барха совершенно по-талигойски подхватил виконта под руку. – В бою Бакра откроет тебе имя скакуна. Ты услышишь его в песне ветра и в топоте копыт.

– Вот оно, счастье!

3

Бакранская гвардия встретила вождя бодрими возгласами. Рогатые были возбуждены

не меньше безрогих, нетерпеливо-злое меканье прекрасно дополняло картину. Казалось бы, чего тянуть – в седло и вперед, но Барха был очень обстоятельным принцем. На козла он вскочил сразу, но затем принялся что-то втолковывать офицерам на краснорогах. Марселев Скотина самочинно присоединился к начальству, и виконт понял, что его прежний хозяин был в своем краю не из последних удальцов.

По-бакрански Валме знал слов сорок, главным образом куртуазных, а здесь обходились без них. Двое участвовавших в совещании адуанов всю курлыкали по-горски, но хватать их сейчас за рукав и требовать объяснений было неправильно. Марсель поправил Козлу бант, проверил шпагу и кинжал, почесал нос и немедленно вспомнил про Бонифация. Епископ так поносил Гайифу, что не привезти ему чего-нибудь имперского да поярче было бы неприлично. Лучше всего ночной халат с кистями и вышивкой посмелее. Молодому супругу в самый раз...

– Баймун!

– Баймун, – с готовностью повторил Валме. Это слово он узнал, другие – нет, но гвардия начала перестраиваться, и действие полностью объясняло приказ. От общей компании уверенно отделились с полсотни бакранских голов и десятка два вояк Коннера, за время обучения сроднившихся со своими учениками и пересевших, пользы ради, на козлов. Ударная сила, надо полагать. Будет атаковать батарею в лоб.

– Ну, – Коннер-младший протянул Марселю руку, – удачи!

– Куда она денется? – фыркнул Марсель, испытывая сильнейшее желание деться самому, но, единожды оседлав зеленорога, будь достоин.

– Ты, главное, козла слушай и в первые не лезь. Это тебе не по кораблям сигать, сноровка нужна.

Марсель пожал плечами – дескать, что корабль, что козел, нам, Валмонам, все едино. Скотина нагнул голову и принялся рыть копытом землю. Коннер напоследок подмигнул и отъехал. Барха, кажется, убедился, что все всё поняли, поднял над головой неплохо им освоенный кавалерийский палаш и резко опустил. Вперед!

Ну что ж, двинулись. В кавалерийскую атаку Марсель еще не ходил, а уж в козлерийскую – тем более. Занятный, надо думать, получится опыт. «Не то что по кораблям сигать...» Дерра-Пьяве ему бы ответил, орлу горному!

– Крепись, Козел, – шепнул своему бородачу виконт, – с именем будешь!

Козел мемекнул и уверенно направился за краснорогим Бархи. Все начинается с малого. Мундиров нет, перевязей, перьев там всяких – тоже, зато командирские рога алеют как маки. Красиво, конечно, только вряд ли в бою с ходу разберешь. Полезней покрасить самих козлов, красят же дамы волосы, и ничего, но понравится ли подобное Бакре?

– Бакра-а-а-а! – Вопль впереди заставил дернуться и ослабить поводья. Слушай козла, и спасен будешь. Или *не* будешь.

– Бакра-а-а-а... кра-а-а-а... кра-а-а-а-а!..

Вывалившая из зарослей на открытое пространство орава переходит на галоп и устремляется к цели, потрясая палашами, топориками и боевыми посохами. До холма коротким козлиным галопом пара минут. Опытным наездникам, чтобы обойти новичка, хватит. Новичок не возражал, его самолюбия это не ущемляло, в отличие от козлиного. Скотина не желал рассматривать хвосты сородичей и без всяких понуканий рвался в первые ряды. Скакать на таком герое, ничем не блистая, было неприлично, и Марсель выхватил шпагу.

– Вперед! – завопил он, обгоняя учителя-адуана. – Во славу Бакры! Даешь рога на Паону! Бакра с нами!

– Р-р-рога! – лихо откликнулось что-то. – Р-рога! Бак-р-ра!

Вот и холм. Доскакали, прелесть какая! Штурмовая команда бодро рванула вверх по представлявшемуся его защитникам недоступным склону. Начиналось самое важное. Не для гайифцев – для Марселя. В «гладкой» скачке шел в дело «лошадиный» опыт, сейчас он свое отпомогал. Чему успел научиться, тем и пользуйся! То есть не мешай умному животному

лихими скачками мчатся к вершине. Оттуда все еще не стреляли, наверное, протирали глаза и бормотали наговоры от наваждения.

– *Это просто отлично, – взревел Валме, – я лечу на козле,*

«Мы быстрее!» недаром, мы подобны стреле!

Вдохновленный рождающейся балладой козел сигает на уступ, в животе что-то екает, но глаза узнают едва не выцарапавший их растрепанный куст. Так. Мы уже на середине склона, отлично, Валмоны и это могут!

*Мы стремимся к победе, мы едины с козлом
И, как только залезем, батарею сметем!*

А наверху уже вовсю палят, орут и блеют. Проснулись, милые! С добрым утром, Империя! Дергающиеся в глазах камни, трава, голая земля, снова камни в бешеной пляске мелькают перед взором, но Козел не подведет Валме, а Валме – Козла.

*Все подвластно Валмонам, все доступно козлам,
И сам Бакра великий улыбается нам!*

4

Десяток здоровенных бронзовых дур на высоких колесах, аккуратные горки ядер, брошенный пушкарский инструмент. Тел на земле почти нет. Прислуга если и была поражена способностями козлерии, то не до полной потери подвижности, и в большинстве своем вовремя убралась. Шесть или семь припозднившихся с бегством несчастных – немного. Вот вам и штурм, даже обидно.

– Ба-а-акра-а-а-а!

– Бе-е-е-е!

Праздник продолжался. Пехотное прикрытие у батареи таки имелось и по всем правилам караулило там, где пологий и широкий обратный склон давал хорошие возможности для атаки. Но коварный враг нанес удар оттуда, откуда его не ждали, пришлось поспешно разворачиваться. Пехота кинулась вверх выручать свои пушки, только ворвавшиеся на батарею лихие наездники и не подумали останавливаться. Перевалив через вершину, они продолжили атаку теперь уже вниз по склону. Никакого порядка, естественно, не было и в помине, ну так не очень-то он и нужен. Две нестройные толпы столкнулись лоб в лоб, кое-где – в самом буквальном смысле. Лбы, понятное дело, крепче оказались у козлов. За них была и скорость, и то, что шли сверху вниз, ну и неожиданность, конечно.

Несколько торопливых выстрелов, запоздалая попытка сбиться поплотнее, и вот уже пехотинцы в светло-зеленых мундирах, те, кого не снесли в первые же мгновения, разбегаются по склону, за ними скачут вошедшие в раж бакраны. Э-э-э, лишь бы не увлеклись...

– Ме-е-е-е!

Скотина горел желанием присоединиться к развлечению, Марсель склонялся к тому же, но то ли рык, то ли горестный всхлип, донесшийся из-за ближайшего орудийного лафета, заставил вернуться. За пушкой обнаружился свой, и в состоянии весьма плачевном. У молодого еще парня болела только душа, а вот серо-бурый скакун... То ли пика, то ли сабля или еще какое острое железо распорол косматый бок, длинная шерсть была залита кровью.

– Памагы!

– Сейчас. – Первым делом – козлы, ну а гайифцы... гайифцы потом!

Марсель ухватил брыкающегося раненого за рога в точности так, как его учили.

Раненый орал и пытался брыкаться, но переупрямить Валмона? И не таких лечивали...

Откуда-то выскочил подозрительно бездельничающий адуан. Ну Коннер получит... Или не Коннер?

– Эй! Сюда!

Бездельник кивнул и что-то гаркнул по-бакрански. Козлиный хозяин понял и подвинулся. Теперь с раной возился адуан, а Марсель с бакраном держали.

– ...дикарьи... эрэтики проклятыэ... и тварьи гадкиэ...

Руки были заняты, но голову виконт повернул, узрев что-то вроде воскрешения. Гайифский вояка, судя по перевязи и обилию шитья на мундире – офицер, опирался на лафет орудия и все равно покачивался.

– Свиньи талигскиэ... К бойу!

Физиономия перекошена, шляпа сидит криво, тулья смята... Да, приятель, получить бакранским посохом по башке неприятно. А ведь Коннеровы ребята могли и саблей...

– Что такое? – спросил из-за козла адуан.

– Тело, – пояснил Валме, – воскресло.

Будь у гайифца пистолет, это могло быть опасным, но шпага в дрожащей руке не впечатляла, как и крики. Стоит ругателю отлипнуть от спасительного лафета, тут же свалится.

– К бойу!

– Присядьте, сударь, – посоветовал на талиг Валме, – и поберегите голову.

Совет пропал зря. Жаждавший мести «павлин» отважно шагнул вперед, покачнулся, чудом удержался на ногах и попытался замахнуться. Напрасно. «Эрэтики» упряма не тронули, а вот пребывавший в раздраженном состоянии духа Скотина... Короткий, в пару шагов, разбег. Тяжелый удар прямо в изукрашенную шитьем грудь. Победное блеяние. И стоило браниться?

– Готов? – осведомился, не поднимая головы, адуан.

– Да нет вроде. – Марсель окинул взглядом отброшенного к родимому лафету героя. – Повезло дураку, что близко стоял, разгона не было.

– Это точно. Разогнался бы – прощай, ребра. А козлик-то твой не сплеховал!

«Козлик?!»

– Мэгнус отныне имя ему, – объявил Валме. – Ибо истинный эсператист не по делам судит, но по намерениям. Вот и он туда же.

Глава 4

Нижняя Кагета. Гурпо. Северо-восточная Гайифа. Кипара 400 год К.С. 8-й день Летних Волн

1

Во внешнем дворике Пургат во все свое казаронское горло «требовал» бойцовых псов и уважения. В ответ стянувшиеся на любимое развлечение солдаты в самых красочных выражениях объясняли, куда ценителю собачьих драк надлежит засунуть свои желания. С гайифской речью мешалось кагетское гоготанье, прерываемое взрывами хохота. В другой раз Капрас прикрикнул бы на разоравшихся под окнами обормотов, сейчас было не до них. Карло в каком-то задумчивом оцепенении переводил взгляд с письма из Паоны на послание кипарского губернатора и обратно, пытаясь понять, что за дикость творится в этом паршивом мире и его лучшей, но спятившей части – Гайифской империи.

«...Решение генерала Трастиса было отклонено Военной коллегией. Командующий арьергардом не получил даже части запрошенных подкреплений, и момент был упущен. Мориски успели объединить свои силы северней Карады и добились полной победы. Трастис погиб в бою, и для него это было лучшим выходом. Карло, это был последний толковый

генерал из тех, что мы могли выставить против проклятых язычников. И его же сделали виноватым...»

Как в Военной коллегии делают виноватых, Карло знал куда лучше взявшегося за перо друга юности, только капитан, полковник, генерал, маршал Капрас всю жизнь воевал за пределами Гайифы. «Наемники», за которых его величество Дивин никоим образом не в ответе, служили империи где-то лучше, где-то хуже, но это были чужие земли. Вторгшегося в собственный дом врага Капрасу сдерживать еще не доводилось, это выпало другим. Тому же Задаваке... Демису Трастису, ныне погибшему и посмертно облитому дерьмом.

«...Последние новости говорят о том, что, укрепившись на побережье, мориски вот-вот начнут наступление, в первую очередь – на Паону. Это так напугало пачкунов Забардзакиса, что они прекратили выяснять, кто на самом деле первым придумал сунуть палку в осиное гнездо и тем самым виновен в наших сегодняшних бедах, а кто за это был несправедливо наказан и сколько раз...»

Какой кошмар. Господа стратеги в очередной раз принялись перетряхивать старый мусор, а тут – беспардонные багряноземельцы! Можно было бы и посмеяться... В кесарии, надо полагать, этим сейчас и занимаются. Смеялись же в Гайифе, когда Талиг отъел у кесаря Гельбе.

Ржанье под окнами стало невыносимым, и Капрас выглянул-таки во двор. Оранжевый Пургат, потрясая верной саблей, надвигался на оставшегося от прежних владельцев управляющего замком. Немолодой и для кагета удивительно тихий, тот справлялся с огромным бестолковым хозяйством вполне сносно. Единственное, в чем его мог упрекнуть Карло, это в терпимости к мышам, мухам и тараканам, на Пургата, однако, не простиравшейся. За ссорой соотечественников радостно наблюдало с полдюжины гайифцев. Им было весело, они не знали, что творится дома.

– Молчать! – злобно рыкнул маршал. – Разойдись!

Приказы, поданные *таким* голосом, исполняются мгновенно. Капрас со злобным удовлетворением оглядел притихший двор. Если б только Дивин вовремя рывкнул на Коллегию, но император слишком соответствует имперскому гербу: без сановного «хвоста» он никто. Карло напряг память – лезть за старыми письмами было лень, – припоминая, кто выиграл, когда в последний раз ловили зачинщиков экспедиции в Багряные земли. Забардзакис тогда усидел – выручили гвардейские связи и умный вид, но пяток искателей легкой добычи по ту сторону моря отправился в отставку. Само собой, к освободившимся мискал ринулась целая свора, и первыми домчались родичи Антиссы. Выходит, их противники пытаются взять реванш и, кажется, возьмут, недаром превосходительный Каракис отбыл к племяннице, попутно восплавав желанием поближе сойтись с опальным маршалом. Конечно, Каракис для армии не потеря, но и те, кто его сменил, не находка.

«...толковых дел пока нет. Я, как и Фиро, и Аякис, готов вернуться на службу, но мы не видим, где и как можем принести пользу. Печально наблюдать с нашей стороны растерянность и нерешительность, когда враги, напротив, проявляют невиданное ожесточение и целеустремленность...»

И что тут скажешь такого, чего еще не сказали Пургату? Если Аякис со своим возрастом и вечно ноющими суставами готов встать в строй, значит, дело куда как скверное, а теперь еще и это – Капрас с тоской воззрился на вторую бумагу. Кипара в лице своего губернатора взывала о помощи. Губернатора маршал помнил по зиме, когда набирал в его провинции рекрутов. Ничего особо плохого, как и хорошего, о превосходительном сказать не получалось, но бойцом холеный кудреватый хлебосол не был, вот и растерялся. Капрас его не винил – губернатор сладостной Кипары отнюдь не обязан быть героем. Хуже, что, отчаявшись достучаться до Паоны, бедняга, «не видя вокруг никого другого, к кому можно обратиться за помощью», погнал гонцов к Капрасу. Тройх. Добрался один.

С губернаторской резиденцией Марсель не промахнулся. Где белые башенки и фонтан, там и губернатор, а где губернатор – там башенки и фонтан. Этому закону в свое время подчинились даже Валмоны – прадед выстроил в Новой Эпинэ дворец, а дед завел в нем куранты с выкрутасами. При Сабве куранты непостижимым образом сдохли, теперь, надо думать, снова идут.

Гайифские часы талигойское, то есть, конечно же, бакрийское, вторжение пережили, и не подумав останавливаться. Когда Валме направил Мэгнуса в украшенные императорскими вензелями ворота, пробило четверть седьмого. День прошел, как и не бывало! С войной – как с визитом к капризной даме. Главного – на полчаса, но *до* и особенно *после* ... Один недозабоданный дурак чего стоит. Цаца гвардейская!

– Ну как оно? – вместо пароля осведомился вгрызшийся в грушеяблоко адуан.

– Терпимо. – Марсель браво прыгнул наземь. Мэгнус немедленно наклонил башку, изготовившись к драке с ближайшим столбом. С боевым духом у него, в отличие от кипарцев, было отлично. – Регент здесь?

– С обеда еще. В апартаментах. Вон окошки, посередке которые! Привязали б вы козла, сударь, хоть к загогулине какой.

Искушение проскакать на Мэгнуса по дворцовым ступеням было велико, но варварство не следует превращать в самоцель, да и Рокэ наверняка ждет чего-то в бакранском стиле. Не дождется. Валме поискал глазами загогулину, заодно оглядев двор. Следов поспешного отступления не наблюдалось. Ни тебе брошенных сундуков, ни рассыпанных драгоценностей. То ли господин губернатор отбыли загодя, то ли, наоборот, так задержались, что стало не до сборов.

– Красиво живут, – заметил адуан. – Уж на что у нашего в Тронко домина, а не сравнишь!

Какое там Тронко! Кипарский дворец не затерялся б и среди фельпских палаццо, чего говорить о скромненькой Урготелле!

– Емперия, – объяснил Марсель и набросил повод на монарший вензель, – чего с них взять? Кроме хвоста.

Адуан прыснул – в фонтане напротив парадного входа задира голову золоченый павлин. Когда во дворце был губернатор, птица наверняка распускала водяные перья, но сейчас выглядела непристойно, особенно с тыла. Размышления о бренности хвостов и корон сделали виконта рассеянным, и он не обратил внимания на странные взгляды и смешки, которыми его проводили толпящиеся у крыльца парни Коннера. Валме вспомнил про них, лишь наткнувшись на целую россыпь нерыбо- и нептицедам.

Сперва Марсель принял их за столь не одобряемых Бонифацием кавалеров, но все оказалось сложнее. Губернатор, явно большой охотник до женских прелестей, исхитрился и героев почтить, и себя потешить. На украшающих парадную лестницу шпалерах роскошного вида особы в лучших традициях паонских мистерий изображали военачальников и владык. Особенно радовали доспехи. Надень такое на хранильницу Фельпа, и прощай, девственность, хвост и тот не помеха! Марсель с упоением разглядывал ажурные мечи и поднимающие и без того чрезмерные груди декольтированные панцири. Младшего Шеманталя бы сюда! Посмотреть, как выглядят подлежащие воспеванию воительницы.

Путь виконта на второй этаж грозил затянуться, но вмешался выскочивший откуда-то Лово. Волкодав бережно, хоть и твердо, ухватил виконта за штанину и, виляя обрубок хвоста и пятясь, повлек наверх.

– Ханжа, – укорил пса Марсель. – Епископ Варастийский и тот не мешал бы богоугодным воинам любоваться на сии шпалеры, ибо изображенная на них натура естественна, следовательно, не безобразна. И вообще, кто тебя звал?

– А чего его звать? – На верхней ступеньке стоял Коннер и улыбался во весь рот. – Это тебя позвать велено, делов неспорно. Давай в кабинет. Лово, сторожи!

Пришедшие письма пророчили беду, но куда сильнее ее пророчило письмо отсутствующее. Из Военной коллегии. Прямое начальство которую неделю не подавало признаков жизни, от чего Капрасу становилось страшно. Так не должно быть, но так было. Забардзакис с компанией совсем потеряли голову, если, сняв войска с северных границ, продолжали держать в Кагете целый корпус. Какая, к Леворукому, политика, какие родственники?! Пятнадцать тысяч вояк охраняют ничтожество, которое еще и на драку наывается, а дома под угрозой даже не побережье, под угрозой Паона...

Капрас походил по комнате, заставляя себя успокоиться и начать думать. Успокоился. Подумал. Открыл дверь, впустил дожидавшегося в приемной Ламброса.

– Первое, – не тратя время на ерунду, начал маршал. – Проследите, чтобы прибывший из Кипары гонец до отъезда не общался ни с кем, кроме вас и тех, кому вы полностью доверяете. *Полностью*. Все, что он будет рассказывать, а рот ему не заткнешь, – запоминайте, но сказанное не должно уйти дальше вас, особенно к кагетам. Понятно?

Это Ламбросу было понятно.

– Второе – здесь, в замке, один батальон всегда должен находиться в полной боевой готовности. Не дежурные караулы, а целиком.

Вот это Ламбросу уже понятно не было.

– Вы ждете удара в спину? От Хаммаила?

– Хаммаил и, главное, его родня связывают с нашим корпусом очень большие надежды. Приди им в головы, что мы можем покинуть Кагету... Один Враг знает, до чего эта свора додумается. Хочу иметь чуть больше уверенности. На всякий случай.

– Я распоряжусь. Мой маршал, разрешите спросить. Причиной для ваших приказов послужили последние письма? Все так плохо?

– И так и этак! А новых приказов от Коллегии все нет, и это значит, что действует старый. Старый, свались им наконец что-нибудь на башку! Мы должны торчать в здешних розах и караулить Хаммаила, а мориски... Мориски прут на Паону, и я не представляю, кто будет их останавливать. И, главное, чем.

4

– Взгляни. – Сидящий на шикарнейшем письменном столе Алва вытащил из бумажной кипы исписанный лист. – Превосходительный не оставил нам ничего секретного, но черновики прелестны.

Марсель взглянул. Почерк был витиеват, но разборчив и, пожалуй, по-своему красив. Виконт с неподдельным интересом прочел, как бакранские варвары при поддержке талигойских головорезов снова перешли границу, разгромили заставы и принялись грабить еще более свирепе, нежели в прошлый раз. Число супостатов отважные таможенники назвать не могли, но счет шел на десятки тысяч. У губернатора хватило здравомыслия оценить вторгшуюся орду всего в тысячу человек, каковые неотвратимо двигались к Кипаре.

Город превосходительный надеялся отстоять, но защитить прочее население был не в силах. Несчастный писал и зачеркивал, зачеркивал и писал, но мучительный поиск нужного слова не менял сути – спасите!

Марсель потянул другой лист. Это писалось раньше, но разнообразием не блистало... Опять налеты на не знавшие войн мирные земли, варвары, грабежи, испуганные поселяне, отсутствующие войска. Формировать новые полки некому. На помощь из столицы надежды никакой, соседи-губернаторы... они в таком же положении, а в Кипару начали прибывать беженцы с побережья. Рассказывают уже о багряноземельских варварах, население пугается, волнуется. В общем, все ужасно, и он, губернатор, не видит вокруг никого другого, к кому можно обратиться за помощью...

– Душераздирающе, – посочувствовал гайифской беде Валме. – Куда ни глянь – варвары. Население волнуется и пугается, а когда натравленные злобным Талигом звери

примутся кушать всерьез, взволнуется еще больше.

– Если новости о творящемся в Кипаре безобразии дойдут до набранных здесь солдат, – заметил Алва, глядя в окно на бесхвостый фонтан, – волноваться будут еще и они. А вместе с ними и наш старый друг Капрас.

– Вот только брожения среди новобранцев и дезертирства ему в Кагете и не хватает.

– Если чего-то где-то не хватает, – строго сказал Рокэ, – надо, чтобы оно там появилось. Разумеется, кроме тех случаев, когда оно появляться не должно. Ты у меня для особых поручений, так что вперед. Губернаторские черновики – здесь, столичные бумаги – в канцелярии, тебе их сейчас принесут. Обрати внимание на циркуляры и рескрипты Военной коллегии. У паонцев весьма своеобразный слог, но вообще они люди крайне неприятные, так и норовят обидеть губернаторов и маршалов.

– Ну тебя-то они не обидели.

– Я – маршал талигойский, мы с Коллегией который год в союзе. Против Гайифской империи. Что писать, я набросал, стиль и почерк за тобой, но к утру должно быть готово.

– Я воевал и устал.

– Ты развлекался, воевать будешь сейчас. В утешение можешь забрать шпалеры. В конце концов, мы мародеры или нет?

– Мародеры, – подтвердил Марсель, изучая образцы. – Самые что ни на есть мародерские... Кстати, козлы Бархи выучились лазать по деревьям за фруктами.

– Порода у них такая, – хохотнул Коннер, – что большой, что мелкий, все одно козел. Наши, если не наподдать, по яблоням скачут, а эти за грушаки взялись.

– Большому козлу – большое дерево. – Алва соскочил со стола и потянулся. – Доброй ночи, капитан.

– А ужин? – возопил Марсель вслед уходящим. – А постель с балдахином? А приличное общество?

– С тобой остается Лово, а спать тебе вряд ли придется.

– Мясо не сжарилось еще, – утешил с порога добрый Коннер. – Как доспеет, принесу.

– Ты же генерал, а не подавальщица!

– Так дело ж такое... Нельзя, чтоб тебя за работой видели. Если что, ты в городе девицу отхватил.

– Какую? – оживился Марсель, но откликнулся лишь повернувшийся в замке ключ. С той стороны, разумеется. – Такого безобразия он даже в Фельпе себе не позволял, – наябедничал Марсель псу, – но мы ведь не хотим, чтобы враг узнал о нашем с тобой поручении?

– Вр-р-р-р-р, – согласился волкодав и улегся, вытянув лапы и водрузив на них голову. Марсель потрепал сообщника за обрубленными ушами и плюхнулся в губернаторское кресло.

Глава 5

Талиг. Найтон. Устричное море

400 год К.С. 9-й день Летних Волн

1

Письма пришли неожиданно, и Луиза удивилась. Сперва. Дочитав отцовское послание, женщина поняла, что мир не перевернулся и следует ждать эпистолы от маменьки, сладенькой-сладенькой, как дынное желе с сахарной пудрой. Иначе просто не может быть, ведь госпожу Арамона с дочерью вызывают ко двору регента. Мало того, бывшей свитской даме и бывшей фрейлине ее величества грозят почести, подарки и чуть ли не ордена! Разозлившаяся капитанша пробежала глазами наставления «господина графа», краткое, но очень любезное приглашение герцогини Георгии и еще более любезное уведомление

губернатора о сроках прибытия эскорта. Больше всего интриговало четвертое письмо, но его Луиза оставила напоследок. Разбираться с тем, чего бывший унар Эрвин хочет от вдовы капитана Лаик, следовало, отдышавшись от родительской любви.

Госпожа Арамона погладила оказавшегося под рукой Маршала и не полезла в буфет лишь из-за примостившейся у окошка Селины. Дочка могла заподозрить, что матери нужна настойка – если не кошачьего корня, то рябиновая, а ржаные сухари родительница грызет лишь для отвода глаз. Знать, в чем дело, Сэль не могла – детскую привычку «заедать» злость Луиза победила, когда ждала Герарда, то есть думала, что победила...

– Нас желают видеть в Ноймаринен. – Капитанша поискала вышивку, чтобы занять руки, но корзинка за ненадобностью валялась в спальне. Пришлось браться за кота. – Что ты об этом думаешь?

– Это сделал... муж госпожи Аглаи?

– Нет, нас приглашает герцогиня Георгия. Господин граф рад, удивлен и дает советы. Тебе имя Литенкетте что-то говорит?

Молчание. Значит, говорит.

– Не хочешь, не рассказывай.

– Мама, ты только... Ее величество говорила Айри, что счастливой женщину может сделать граф Литенкетте, а не...

– Не герцог Алва, – закончила, не прекращая терзать кота, Луиза. Все было ясно: Катарина пыталась стащить двух дурех с небес на землю, пока сами не свалились. Не стащила.

– Она так мечтала увидеть Ноймаринен, – прошептала Селина. – Ее величество гостила в замке, когда... носила младшую дочь. Там водопад и над ним двойная радуга... всегда радуга...

– Хватит, Сэль, – пресекла чреватый обоюдными слезами разговор Луиза. – Давай лучше прочитаем.

«Сударыня! – писал способный осчастливить женщину граф. – Вас, без сомнения, удивит мое письмо, но в память о той, чье заточение Вы дважды разделили, я обязан сделать для Вас и Вашей дочери все, что в моих силах. Ее Величество Катарина, чьим другом я имел счастье быть, много рассказывала о Вас и юной герцогине Окделл, мучаясь тем, что отпустила своих самых верных и любимых подруг в обреченный Надор. Если б только она успела узнать, что Вы живы и в безопасности, если б только в роковой день рядом с ней оказались Вы, но судьба рассудила иначе.

Вернувшись в Старую Придду, я совершенно случайно узнал, что Вы и Ваша дочь сумели спастись. Все, что я могу, – это исполнить невысказанное пожелание Ее Величества и просить регента оценить Вашу верность по достоинству. Не сомневаюсь, что Ее Величество просила бы об этом, если бы умирала в сознании, зная, где Вы и что с Вами.

Примите мои уверения в преданности и готовности служить и поверьте, что это не пустые слова.

Искренне Ваш, Эрвин Литенкетте ».

– Прочти. – Луиза протянула письмо смотрящей на нее во все глаза дочке. – Все очень просто.

Друг ее величества... Как же! Коту ясно, что граф был по уши влюблен, возможно, надеялся, возможно, не зря. Водопады с радугами вряд ли поминались просто так, вот про Эпинэ Катарина говорила правду, про Эпинэ, про Алву и, наверное, про «дорогих подруг». Знала б мертвая лисичка, с чего дуэнья полезла за ней в Багерлее... Но у дочки и Айрис верность была настоящей, вот и аукнулось.

– Мама... – Бумажный листок лег на льняную скатерть. Маршал сорвался с места и сиганул на стол – нюхать. – Мама, это неправильно! Мы живы, а Айри и ее величество... И все... Ну зачем так? За что?

– Так вышло, – отрезала Луиза. – Нашей вины в этом нет, как и заслуги. Только судьба, и вообще... кто-то ведь должен был написать Проэмператору про Надор и прочие страхи, не

Зоя же с папашей твоим!

– А ее величество?.. Почему она... Нас у тебя пятеро, и обошлось! Это только первый раз опасно...

– Это опасно всегда. – Луиза не выдержала, хлопнула носом. Умерших родами нельзя не жалеть, а то, что пережила королева, вколотило бы в гроб и самую здоровую из кобыл. – У Катарины шалило сердце, ты же знаешь.

Селина кивнула. Она теребила платок и смотрела невидящими глазами, а по щекам катились слезы. Эх, барона бы холостого сюда, если не больше! Только дочка не станет плакать и терзать тряпочки при выгодных кавалерах – не Катари. Впрочем, кто знает, как и над чем королева рыдала в юности, да и была ли у нее эта юность?

2

На второй день плавания Руппи выспался. Ему никто не мешал, и лейтенант малодушно наслаждался тем, что можно не озираться по сторонам, выискивая сперва неприятности, а потом способ с ними справляться, и вообще – теперь все зависит от шкипера. Думать о зимовке раньше времени Фельсенбург не собирался, разве что припоминал рассказы Мартина, а «Селезень» упорно пробирался на север.

Ветер беглецам благопритствовал не слишком, то слабей, то дуя навстречу, но Юхан выжимал из ветра и корабля все, на что те были способны. Фельсенбург не слышал, что именно Добряк объяснил команде, но люди выкладывались впору лучшим марсовым его величества. Флотский лейтенант даже при желании не смог бы их в чем-то упрекнуть, а желание отсутствовало. Напрочь. Отоспавшийся Руппи ленился и блаженствовал наперегонки с Гудрун. Кошка словно всю жизнь зевала на чаек и точила когти о мачты, а Руппи казалось, что грязная столичная жара и страх опоздать, не справиться, перепутать хоть и были, но очень-очень давно. Единственное, чем аукалось пережитое, – это нежеланием не только сходить на берег, но даже на него смотреть.

Лейтенанта тянуло в открытое море, а Юхан все светлое время жался к зубастым прибрежным скалам, порой немало рискуя. Вот и сейчас «Селезень», борясь со встречным ветром, шел в неуютной близости от рифовой гряды Дохлая Минога. Эту мерзавку, возле которой, как и у Двух Китов, каждый год кто-то да гробился, Руппи узнал даже без карт. Показаться трусом лейтенант не боялся, а объяснение получить следовало – Добряк свою посудину обожал, это Фельсенбург сообразил еще в первую встречу, значит, шкипер опасается чего-то пострашней Дохлачки.

Юхан, как и следовало ожидать, торчал на полуюте – следил за марсовыми. Руппи выждал, пока не закончится очередной маневр и утиная башка с приоткрытым клювом не нацелится в щель меж двумя бурунами. Шкипер отложил рупор и залихватски щелкнул по своей любимой фляжке – эту его манеру Руппи уже знал.

– Из такого ветра штаны не сошьешь!.. День добрый, сударь. Что-то нужно?

– Нет, спасибо. Первый раз вижу, что Дохлачку обходят не с моря. Не слишком ли рискованно? Пусть вы и знаете здешние воды, но не до последнего же камня...

– До последнего одна крабья теща знает! – «успокоил» Ключкатор. – Только деваться некуда. Пока вы в столице, прошу прощения, развлекались, у нас тут свое веселье шло, отворотясь не отплывешь! Хорошо, адмирала вашего тут нет, а вам я уже говорил – фрошерам в Хексберг с самой весны не сидится, а по рукам им дать толком некому. Да и нечем...

Вот так война, которую не то чтобы забыл, а отодвинул, и догоняет. Талигу не до эйнрехтских интриг, у него свои заботы, хотя для того же Вальдеса одинокий купец не добыча.

– Бешеному за такими, как мы, гоняться не с руки, – снял с языка Юхан, – так другие найдутся. Этим летечком, будь оно неладно, раз уж нос из гавани высунул, ходи осторожно. С ветром и камнями я как-нибудь управлюсь, а вот с фрошерами... В море от ихних

фрегатов не уйти, а сюда, если не дураки, сами не сунутся.

– Дураков у фрошеров я не видел. – Проклятье ублюдкам, натравившим кесаря на «беззащитный» Хексберг, теперь без защиты осталось собственное побережье!

– Ничего, сударь, – по-своему расценил взгляд Руппи шкипер, – как Ротфогель пройдем, поспокойней будет. Совсем уж на севере Альмейде искать нечего, а Бешеный, болтают, на Бермессера нацелился... Суд ваш еще вовсю шел, а господин адмирал уже на побережье объявились, хорошо, не у нас, а в Ротфогеле. Защиту налаживать. Как же, наладит он, ждите до возвращения Создателя...

Руппи пожал плечами и уставился на Дохлячкины буруны, пытаясь не выказать накатившей ярости. Крадущийся по камням Добряк вызвал беспокойство, имя Бермессера разбудило ненависть, кое-как притихшую в дороге.

– Только не говорите, что вам сволочь эту жалко будет, – хмыкнул шкипер. – Я-то уж точно плакать не стану.

– Нет, – зло бросил Руппи, – жаль не будет, но Бермессер должен висеть на дриксенской мачте.

– А по мне, любая сгодится, лишь бы быстрее! – не согласился Юхан и открыл флягу. – Желаете?

Отказываться было неудобно, да и выпить внезапно захотелось. За дриксенские реи и клятву «Ноордкроне».

3

Наладившаяся цвести комнатная роза Луизу доконала. Женщина аккуратно поставила преподнесенную священником желтую леечку рядом с горшком и застыла, опустив руки. Она не собиралась продавать домик и увольнять слуг, но это ничего не меняло – «вдове Карреж» приходил конец, а безжалостно вытряхнутая из найтонской норки госпожа Арамона отчаянно не хотела ко двору. Любому.

Луизу так и тянуло броситься к господину Гутенброду с рукой и если не с сердцем, то с обещанием, которое сдержишь, что бы ни сыпалось на голову. Жена пивовара, пусть четырежды уважаемого, не может болтаться в августейшем гадючнике. Она умрет своей смертью в своей постели, в доме с теми занавесками, которые ей нравятся... Свои занавески и своя смерть – вот оно, счастье! Дети с внуками уцелеют и, может, даже не скажут матери и бабке ни слова, только будут помнить, что стали бы генералами и баронессами, а получили пивоварню. Курицу в руках оценишь, лишь побарахтавшись в журавлиных трясилах, но молодость всегда хочет и всегда надеется, и она права. Госпожа Арамона не побежала к жениху, не пошла ни в церковь, ни за лавандой для сундуков. Она просто до вечера бродила по дому, а потом поцеловала особенно тихонькую Селину и отправилась в спальню. Проскользнувший вперед хозяйки Маршал вспрыгнул на кровать и принялся «месить» одеяла. Сгонять его Луиза не стала, только подумала, что будет первой дамой, прибывшей ко двору не с левреткой или морискиллой, а с беспородным котом, но бросить еще и Маршала капитанша не могла. Слишком уж многих она оставила в последний год...

Кот отмаршировал, умылся и уснул на пустой постели. Потом догорела незадутая свеча, а Луизы хватило лишь на то, чтобы вытащить шпильки. Уже преданный, но еще не знающий об этом домик спал, доверчиво поскрипывая. Ни он, ни капитанша ничего не заподозрили, заволновался кот. Когда когти заскребли по дереву, Луиза привычно встала и открыла дверь. Маршал вылетел из спальни, женщина все так же бездумно пошла следом и заметила слабенький свет. Полностью одетая Селина колдовала с крючьями и засовами. У ног дочери стояла корзинка, с которой кухарка ходила на рынок. Распушившийся и прижавший уши Маршал захрипел, изогнулся и пошел боком, Сэль одолела последнюю цепь, приоткрыла дверь и шмыгнула наружу. Если свидание, зачем корзина? Если свидание, зачем им обеим Ноймаринен?! Обойдя охаживающего себя хвостом кота, Луиза высунула нос во двор. У дровяного сарайчика дочка что-то торопливо объясняла Зое. Больше не таясь,

капитанша выскочила следом.

– Мама?! Мама, я думала, ты спишь.

– А я думала, спишь ты. Что вы тут затеяли?

– Мама, понимаешь... Папенька волнуется.

– Ничего, не сдохн... Ничего ему не сделается, а вот ты...

– Какое там сдохнет! – Зоя расхохоталась и поправила не дающую тени шляпу. – А вот шлаться будет. И я изведусь, и тебе одно расстройство, да и погниет все. Понимаешь, злится он. Не на тебя, на мамашу твою, якорь ей в глотку. Да и кто б не злился...

– «Господин Муж и Супруг!» – огрызнулась Луиза и поняла, что, во-первых, ничего не понимает, а во-вторых, выскочила с косой по ягодицы аки святая Октавия. – Зоя, не втягивай в наши дела Сэль, ей жить еще.

– Именно. – Капитан Гастаки топнула ногой. – И тебе тоже, так что отвадить его надо, то бишь нос твоей мамаше утереть. Обеспечить он вас хочет, да так, чтоб все обзавидовались.

– Мама, папенька нашел клад и дарит его нам, чтобы у нас все было свое. Надо забрать, но ты уже с Зоей ходила, второй раз опасно...

– А то! Ходить с холодным, пусть и не с кровным, для горячих как с чумным целоваться... Многим одного раза хватит.

– И ты хочешь, чтобы я пустила с тобой Сэль?! – заорала Луиза, забыв про ночь и соседей. – Да пусть он до кошачьей заутрени шляется, я...

– Мама, со мной ничего не будет.

– Не будет, – подтвердила капитан Гастаки, – такая уж она у тебя... косулька. Сумела выпросить – сумей поверить. Пошли, малыш, а то как бы мой сюда не нагрянул. Ждать, раскуси его зубан, не любит.

– Хорошо! – Луиза перекинула дурацкую косищу через плечо. – Идем.

– Тебе-то зачем? Только под ногами путаться! Забыла, как себя теряла? Я малявку твою назад приведу, тогда и поговорим. Есть о чем! Ваши горячие так и не чешутся, а буруны-то вот они, под носом...

– Сэль одну я не пущу!

– Хорошо, мама, – прекратила спор дочь, – возьми меня за руку. Как я тебя... в Надоре. Капитан Зоя Гастаки, я иду с тобой.

Прежде чем Луизу, будто варенье на сухарь, намазали на дверцу сарая, женщина успела заметить грубо намалеванный на досках портрет Зои и раскрасневшегося чужого парня, набросившегося на беззвучно и медленно открывавшую рот прозрачную девчонку.

4

Резкий неприятный запах разбудил сперва память, потом тошноту и, наконец, ужас.

– «Как в Надоре», – каркнула Луиза, хватаясь за горло, будто снова была беременной и ее выворачивало наизнанку.

– Мама, – пискнула пока невидимая Сэль, – сядь... Вот сюда... Я же говорила, лучше мне одной...

– Никогда никому не говори «я же говорила», – простонала капитанша, вглядываясь в редешую муть, – особенно мужу...

– Ха! – прогудело словно бы со всех сторон. – Слышишь, дочура? Никогда не говори... Разве совсем уж мерзавцу... Ну да недолго он тебя, кровиночку мою, тиранить будет. Ты только шепни папочке, и уж я ему...

– Папенька, – запротестовала Селина, – я не выйду замуж. Никогда.

– Еще как выйдешь! – прорычал покойный муженек, и Луиза едва его не расцеловала. – Такая красавица, с таким приданым – и в девках?! Не допущу! Ты у меня не меньше герцога добудешь, и не навозника, а настоящего, чтоб за спиной предков на тысячу лет... И никаких баронов с графами, поняла?! Дрянь они, мелочь паршивая... Да чтобы я мою деточку

дворняжке отдал...

– Папенька!

– Ха! Да я этому вашему графу...

– Нужен ей твой граф! Девочка любви хочет, а не скота с гербами и сундуками. Безродным будет или голоштаным – плевать! Прокормим.

– Ты что, забыла, что морискилла эта сушеная пижит? Графиня... Шлюшонка тесемочная... Как мою кровиночку обижают, таллы свои поганые сует. Ха! Да у ласточки моей столько золота...

– Вот и давай его сюда! Сэль, не слушай отца, жди. Придет твой единственный за тобой, прискачет, приплывет, руки протянет, и ты его узнаешь и пойдешь за ним. Забудешь всё и всех и пойдешь. Запоют скрипки, счастье прыгнет в душу пушистым клубком... Я дождалась, и ты дождешься!

– Чему ты ее учишь? Чему учишь?! Забыла, как горячие сгорают, некогда ей ждать! Помни, девочка моя, – ты скоро станешь старой, так что не глупи! Выкинь из головки всякую ерунду и бери все, что нравится. Ну и что другие ухватить хотят – нечего им на твоё зариться... А остальное, детонька моя, забудь! Поняла?

– Папенька...

– Ты зачем нас сюда тащишь? – оттолкнула закусившую губу дочку Луиза. – Некогда нам, регент зовет, собираться надо.

– Сам регент?! Тебя?!

– Сам не может, дам герцогиня вызывает. Этикет.

– Тебя?!

– Меня и Селину.

– Ха! – Арнольд подбоченился. – А что?! Доченька моя красавица, да и ты ничего, когда не злишься, только обносила без мужа, отошала... А вот косы у тебя – это да! Королевские, ни у кого таких нет. И чего ты их раньше прятала? Гребни бы тебе из черепахи... Эдакие! И хоть сейчас ко двору, а я смотреть буду и радоваться, милые вы мои... А может, ну их, регентов этих? Пойдем домой, Луиза. Сказано ж было, что в горе и в радости...

– Арнольд! – прорычала Зоя. – Опять за свое! А кто обещал...

– Так ведь косоньки каковы! Шелк. Янтарь. А у тебя что? Обкорналась, как унар, при всем прочем сладеньком? Ну какой из тебя капитан? Смех один!

– Смех?! – Руки Зои уперлись в крутые бедра, как некогда у самой Луизы. – Смешно тебе? Тебе?! Только капитан – это не штаны с усами, капитан – это сердце!

– Ты что-то говорил про золото, – бросилась в око нарождающейся бури Луиза.

– Оно хорошее, – залопотал, отступая от Зои, «Муж и Супруг», – как раз для вас. Случайно набрел, иду – горячо, тошно, но я же помню, что вы мои! Я семью не бросал, это тебе вечно не так было. Ни любви, ни понимания, ни сочувствия, одна злость... Не было мне места ни дома, ни с сопляками этими, хоть бы где чувства уголок на земле отыскался. Ославили меня, опозорили перед его величеством, а уж эта змеюка черная... Туда ему и дорога, сам виноват, умник! Думал, поймал меня... Ха! Да что этот задохлик против Нее?! Ладно, вот оно. Владейте!

Только теперь Луиза поняла, что они в подвале. Низком, сводчатом, очень старом и странно чистом. Ни пыли, ни рухляди, лишь торчащий каменный обрубок, похожий на здоровенный пенёк. Почему она это видит? Почему не разглядела сразу и... Создатель, тут же ни дверей, ни окон, ни огня.

– Покажи ей, – глухо сказала Зоя.

– Сама показывай.

– Нет, ты. Я им чужая кровь, ты – своя. Покажи, пусть видят, что это не для холодных.

– Ну... А зачем? Проще поклясться. Можно даже Ей... Доченька, женушка, милые вы мои, идите и берите. Сколько унесете, столько и берите, надо будет, еще раз сходим. Оно там, в колодце, а мы тут подождем...

Это колодец? Колодец золота, как в сказке, только твари закатной не хватает. Выпрыгнет и утащит.

– Зоя, – попросила Луиза, – отведи нас назад.

– Ну, что я говорила? Не идет она, и правильно делает! С чего ей тебе верить, сколько раз ты ей врал? Ну, сколько?

– Лапушка, ну зачем ты так?

– Зоя, – почти закричала капитанша, – отведи нас домой! В Найтон. Сэль!

Дочка была уже у колодца, и когда только успела! Луиза бросилась следом, и ничего на них не выпрыгнуло. Только дымным закатом замерцала груда слитков, рознящихся не сильнее, чем опята или гальки в ручье. Селина протянула руку и взяла один.

– Какой тяжелый. Мама, сколько надо брать, чтобы папенька успокоился?

– Не знаю...

Золото заполняло каменный ствол, и никто не мог знать, сколько его. Герцогиня положит даме и фрейлине приличное содержание, Литенкетте даст Сэль приданое, на тряпки хватит, но золото – это еще и пушки, и хлеб. Клад нужен регенту, только как его вытащить и сохранить? Много они уволочут в базарной корзинке! Луиза подняла ближайший слиток. На одной из граней красовалась печать. Такая же, как в книжке Герарда.

– Это сокровищница Манлия, – припомнила лекции сына Луиза. – Анакс хотел, чтобы Прозмперадор подкупил вождей агмов, но Ферра с ними договорился и спрятал золото до худших времен. До наших... Надо заметить место и рассказать о нем регенту. Возьмем несколько слитков в доказательство, что мы не рехнулись. Давай корзинку.

У выходцев свои дороги, сумеет ли Арнольд, причеши его хоре, объяснить, как сюда попасть «горячим»? Захочет ли? Женщина вытащила четыре тяжелых бруска; под ними было что-то вроде кожи, под которой прощупывалось нечто неровное и при этом скругленное... Чаша? Блюдо? Освободить непонятную штукуну особого труда не составило. Луиза с силой дернула прижатый слитками старый плащ и едва не заорала, когда с серебряного лица на нее глянули злющие каменные глаза.

– Мама, – сказала Селина, – это надо взять. Обязательно.

Глава 6 Устричное море 400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Ветер вот уже час как прыгал с румба на румб, при этом еще и то усиливаясь, то слабея, а впереди, словно назло, маячили скалы и островки у Двух Китов, к которым любой дельный моряк относится с величайшей почтительностью – уж больно многих гады сожрали.

При такой пляске у *такого* берега держаться опасно, и спокойствия у Юхана сильно поубавилось. Оглядев горизонт, шкипер замысловато обложил крабьих родственников и, похоже, кому-то потрафил – ветер сменил переменчивость на постоянство и задул ровно. Правда, попутным не стал, ну да и на том спасибо. «Селезень», старательно лавируя, обогнул крутую лобастую «голову» Большого Кита, вдававшуюся в море далеко на запад, и тут-то с фока-салинга и раздался вопль племянничка:

– Парус!!! Прямпаносу!.. Линеял!!!

Юхан повернул трубу. В паре хорн в самом деле белели паруса. Если б не закрывавший обзор мыс, красавца заметили бы давно, а так встреча вышла неожиданной, как в любимом госпожой Браунбард романсе.

– Тьфу, поганец! – буркнул Юхан, не имевший ни малейшего желания показываться хоть кому-то. Линеалу возле Китов было не место, ни фрошерскому, ни тем более своему. Свои линеалы наперечет, Метхенберг с Ротфогелем и то не прикрыть, а тут кто-то селедок

караулит. Шкипер задумчиво поскреб подбородок и отдельно сообщил, что это ему не нравится.

– Линеал по носу? Чей?

Так! Еще и пассажиры на вопли сбежались! С одной стороны, он их сам на шканцы приглашал, с другой – неприятности Добряк предпочитал улаживать без помощников, хоть бы и адмиралов, с третьей – именно сейчас от вояк мог быть толк. Юхан сунул трубу Фельсенбургу.

– Не признаете?

Лейтенант пару минут любовался на посланную Леворуким зверюгу, потом уверенно объявил:

– Наш. Судя по парусному вооружению, с киршенбаумских верфей. Точнее отсюда не скажу. Господин адмирал?

Ледяной принял трубу и почти сразу же подтвердил:

– Ты прав, корабль дриксенской постройки. Северный?

Северный – не северный, а лучше б тут никого не болталось! Прочистив глотку, Юхан рывкнул к повороту, матросы рванулись выполнять, рулевой приналег на штурвал. «Селезень», умничка, начал послушно заворачивать к берегу. Кальдмеер ни о чем не спрашивал, Фельсенбург тоже, но шкиперская душа молчать не желала.

– Нам сейчас хоть свои, хоть чужие – что камбале сковородка. – Свои хуже, но Ледяной не Лёффер, не поймет. – Сейчас все купцы к берегу жмутся, вот и мы свернем потихонечку вдоль Китов... Вроде как дорогу уступаем. Раз прется один, значит, дело у него какое-никакое, вот пусть и проваливает!

– Разумно, шкипер, – негромко согласился Кальдмеер. Любоваться на дриксенский флаг его тоже не тянуло.

2

Минуты тянулись, непонятный корабль постепенно увеличивался в размерах, и внезапно, как оно всегда бывает, стало ясно – там что-то меняется... Очертания парусов? Точно!

– Они меняют курс, поворачивают к нам! – выпалил Руппи, и секунду спустя о том же проорали с мачты.

Палубу «Селезня» словно бы обдало морозцем. Добряк и тот оставил в покое крабью тещу. Что-то ткнулось в ноги, лейтенант опустил глаза. Гудрун сосредоточенно терлась о сапог.

– Прибавим парусов? – глухо спросил Олаф. Шкипер безрадостно ругнулся и вытащил пресловутую фляжку; явно не для того, чтобы пить.

– С линеалом мне так и так в скорости не тягаться, – с неохотой признался он, – да и за какими кошками от своих шараться? Покажешь, что боишься, – точно прицепится, а так... Эдакой дуре фрошеров гонять, а не чаек китячих распугивать.

– Боюсь, ей нужны не чайки, а мы.

И снова молчанье. Только орут гнездящиеся на Китах помянутые всеу чайки и тарыхтит надоеда Гудрун. Этой хоть линеал, хоть эскадра, лишь бы поотираться.

– Поворачивает! – доложили с мачты, но это было очевидно и так. Линеал маневрировал. Минуты ползли, как ползли над эйнрехтскими крышами. Юхан больше не отрывался от трубы, Ледяной, заложив руки за спину, чуть заметно покачивался на каблуках – как всегда, когда ожидал не лучших известий, а неизвестный корабль четко, будто на учениях, заканчивал поворот и, похоже, прибавлял парусов.

– Нацелился на перехват, – не выдержал лейтенант. – Не может же он знать, что мы здесь!

– Если у вас не вытекло, – живо откликнулся Ключкатор, – то у меня и подавно.

Неоткуда было вытекать. Трактирщик Карл свел шкипера с нанимателем, но кем был

этот наниматель, не представлял. Имени шкипера Руппи не назвал даже «львам», хоть, было дело, чуть не навязал Юхану в спутники монаха. Луциан и Орест при желании разнюхали бы все, но Руппи адрианианцам верил, как и Рихарду с Максимилианом. Кавалеристы могли бы проследить всадника до Щербатой Габи, но они не были подлецами, да и не успевал линеал на перехват при таком раскладе даже из Ротфогеля. Тогда *что* этому битюгу здесь нужно? Куда-то ведь он шел, да еще в одиночку. Сейчас не время для праздных прогулок...

– ...если из-за моего бегства по всем портам не разосланы приказы осматривать в том числе и торговые суда. – Олаф думает о том же. – Пожалуй, если они из Ротфогеля...

– Господин адмирал, не успели бы.

– Почему же? Неглупые люди вокруг Фридриха есть. Не стали ждать исхода погони, а сразу же отправили эстафеты во все порты. Как раз успевали добраться.

– Кошки с две! – Юхан щелкнул по своей фляге. – До Ротфогеля, может, и успели, только оттуда до Китов при нынешних ветрах раньше завтрашнего вечера покойный Бюнц и тот бы не доскакал, а он эти места облазил – не чета другим. Не знают они про вас и знать не могут. Скорее уж какому-то болвану в башку стукнуло всех проверять.

– Тогда причина не важна... Неважно, почему повернул Альмейда, он повернул. Неважно, почему за нами гонятся, они гонятся.

– И на здоровье, – хмыкнул шкипер. – Мы – обычные торговцы, идем с грузом, все честь по чести. Кораблик у меня не маленький, пара-другая укромных местечек найдется. Если пальнет на досмотр, я вас вниз сведу. Посидите с Лёффером, выпьете... У меня там кэналлийское, только чур не пить, пока за вами не приду.

– Разумно, – коротко согласился Ледяной. – Мародеров на кесарской службе, хвала Создателю, пока нет.

А хоть бы и были – солонина и сухари не мехá, тащить же за собой «купца» вояка не станет, разве что припугнет фрошерами и велит идти в Ротфогель, беды-то! Юхану явно не впервой, выкрутится, а потом намекнет на прибавку.

Что Добряк – малый ушлый, Руппи понял еще при первой встрече, а военные моряки всяко не таможенники – пробегутся по палубам, сунут нос в трюмы, посчитают пушки, и до свиданья!

Линеал приближался, хоть и не слишком быстро. Несколько минут, и можно будет различить какие-то характерные детали. «Селезень» смиренно полз своим курсом, готовый по первому требованию предъявить охотничью снасть и припасы. У кого в голове хоть что-то имеется, сразу поймет: с таким грузом – лишь в Полуночное море. Подошел Лёффер, поздоровался. Руппи ответил и в очередной раз запнулся о кошку. Раздался укоризненный писк. Пушнина на «Селезне» все-таки была, хоть и живая, а вот кто после дезертирства Гудрун проверяет вернувшихся из города в Адрианкlostер?

– Странная рыба, – заметил Лёффер, шурясь на чужие паруса, – и странное место.

– А то! – откликнулся шкипер. – Где-где, а у Китов ловить нечего... Если что, составите господам компанию? В кладовушке?

– Почту за честь. Господа играют в кости?

– Не имею обыкновения. – Олаф, позаимствовав у шкипера его трубу, внимательно вглядывался в непонятный линеал. – Трехпалубный... Ну-ка, Руперт...

Лейтенант послушно поднес окуляр к глазу. Светло-коричневый цвет бортов теперь был ясно различим.

Да, трехпалубный, светло-коричневый, такой... знакомый! Корабли Северного флота красят в серый и зеленоватый... Еще взгляд: на мачты, на невысокий по обычным меркам ют... Ах ты ж, тварь паскудная!

– Господин адмирал, это «Верная звезда».

– Мне тоже так кажется.

Бермессер собственной персоной, чтоб его четыре дня крабы жрали. Ну удача, ну удружила!

– Это так, господин адмирал? – Лёффер посерел, но о субординации не забыл. – Ваш лейтенант не ошибся?

– Корабль мы узнали. – Ледяного, надо думать, тоже корчи бьют, но хоть говорит спокойно. – Адмиральский флаг на грот-мачте поднят. Будем считать, что адмирал на борту есть и адмирал этот нам известен.

Уж известнее не бывает! И что у Китов делает, тоже ясно – от фрошеров прячется, урод. Вроде и в море, а что, как тот сторож, у соседки под забором топчется, так свидетелей нет, и это хуже всего...

– Тогда, господа, прятаться вам смысла нет. Не поможет.

– Объясните.

А молодец Ледяной! Коротко, спокойно, а что щека дергается, так по голове же получил.

– Дело не в вас, а во мне. – Пусть знают, одна голова хорошо, а две в запас не помешают. – Я с чего во фракт ваш вцепился? Слух прошел. Дескать, свидетелей того, что у Хексберг творилось, судейские ищут, а по мне лучше четыре шторма, чем один крючоктвор. Дальше вот господин Лёффер соврать не даст: бумажку про вашего покорного слугу соорудили. Вранье сплошное, ну да не вам рассказывать! Я как узнал, так якоря и поднял, даже отвальную зажал, думал, потом, как вернемся, за все выставлю, а оно вон как повернулось! Бермессеру-то теперь любая килька свидетель, а уж целый корабль... Короче, не выпустят они меня, а со мной и вас.

– Вашего «Селезня» они узнать могут?

– А почему нет? Когда мы из Ардоры пришли, весь Метхенберг сбежался. Шутка ли, вернулись, да еще и при барышах. Холера Бермессерова как раз в порту под арестом торчала, а вояк на пирсе было немерено, даже шаутбенахт один болтался... Начальство начальством, а глаза и мозги у офицеров со «Звезды» в порядке.

Молчат. Переваривают. Вроде и лишнего не сболтнул, и не наврал. Так все и есть, аж противно. Сдохни интендантская морда своей смертью, ничего б не поменялось – не в покойнике дело, господа селедки, а в Бермессере. Хоть сейчас рыбий потрох и выкрутился, но понимает, что до конца далеко, вот и принялся за свидетелей, а свидетель сам ему в пасть полез.

– Значит, можем не ждать, что господин Бермессер раздумает терять время и отвернет? – Ледяной смотрел только на Китов. – Тогда мы загоняем себя в ловушку. Еще полчаса этим курсом, и нас прижмут к камням. Там, помнится, даже на шлюпке до берега добраться вряд ли получится.

– Точно.

– Но вы, шкипер, курс менять не собираетесь. И, мне кажется, вы знаете, что делаете. Так?

4

Добряк несколько раз перевел взгляд туда-сюда, явно оценивая расстояние, и ухмыльнулся. Такого Юхана Руппи еще не видел: вместо пусть дошлого и рискованного, но все ж торговца нюхал ветер готовый к драке матерый волчара, чуть ли не из тех, кого гонял в молодости Бюнц.

– Правильно, господин адмирал, думаете. – И голос у Добряка тоже изменился. – Еще немного, и справа проливчик откроется, Китаю под хвост. Вот мы и туда. В сильную волну страшновато, узкий он, и пара поворотов хитрых... Сейчас риска меньше. Получится – вернемся туда, откуда пришли, только быстрее. Линеал не пройдет, не по туше норка. Придется им вокруг Китов тащиться, это раза в три дальше... Потом он, конечно, нагонять начнет, только до темноты не догонит, а там уж...

Шкипер столь выразительно хмыкнул, что Руппи едва не любопытствовал, всегда ли господину Клюгкату так везет с «норками». Вовремя вспомнилось, как вел себя Юхан во время плавания, как жался к берегу, выбирая курс... От одной такой заботливо присмотренной «норки» к другой, надо полагать.

Вякнула взгромоздившаяся на установленные вдоль борта коечные сетки позабытая Гудрун, и тут же нос «Звезды» окутало белое облачко. Грохнуло. Пущенное по носу ядро плюхнулось в воду в трех сотнях бье от левой скулы «Селезня», намекая, что лучше бы лечь в дрейф. Как же, так мы и послушались... Если Юхан не ошибается с проливом, плевать на эти приказы. А вдруг ошибается? Спросить тянуло страшно, но Руппи молчал, как и Олаф. Они гости, а шкипер знает, что делает. По-хорошему, Добряка надо оставить в покое, но уйти сейчас?! На это лейтенантского здравого смысла не хватало; конечно, если Олаф прикажет...

– Не будем вам мешать. – Олаф знакомо и четко повернулся на каблуках. – Руперт, оставайся со шкипером, если он не возражает. Потом доложишь. Я буду у себя.

– Слушаюсь.

Олаф кивнул шкиперу и ушел, как на веревке потянув за собой Лёффера. Гудрун, выгнув спину, тарасилась на врага и то хрипло орала, то принималась мурчать. Линеал приближался, но приближался и берег.

– Сударь, – не удержался-таки Руперт, – где же ваш пролив?

– Еще немного, и за Китенком, видите коричневую скалу? Нам туда, а эти не успеют. – Юхан ухватил рупор. – А ну, хвосты утиные, всем приготовиться! Сейчас придется попрыгать.

Со стороны моря опять бухнуло; теперь фонтан взметнулся за кормой. Далековато...

– Пугает. – Юхан подмигнул лейтенанту и побарабанил пальцами по рупору. – А чего пугать? Мы и так знаем, что нам с этим субчиком не по дороге.

Глава 7 Устричное море 400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Спина Китенка постепенно уходила в море, и вот она, обещанная норка! Сверившись с одному ему ведомыми приметами, шкипер гаркнул очередную команду, и бушприт «Селезня» неторопливо, но послушно стал поворачивать вправо. Руппи не сказал бы, что долгожданный пролив выглядит приятным для прохождения и безопасным, но выбирать не приходилось, очередной выстрел за кормой подтвердил это со всей очевидностью.

– Кончай дрыхнуть! Зевакам тут одна дорожка – крабью тещу тешить! – Юхан орал скорей для порядка, моряки и сами понимали, *что* от них зависит. Чем мог, помог и Бермессер: очередное ядро плюхнулось в море довольно-таки близко, подхлестнув и без того творящую чудеса команду. – Подарочек напоследок, – Юхан залихватски подмигнул лейтенанту, – чтоб жизнь медом не казалась.

Руппи кивнул, наблюдая за достойным занесения в учебники маневром. На какое-то время корабль накрыла тишина, только плескались о борта мелкие волны да поскрипывали снасти. Пара минут, и между пушками и целью встанет остров. Лезть в такую щель не рискнул бы даже Бюнц, а уж Бермессер...

– Вы отличный моряк, Юхан, – от души признал Руппи. – Нам с вами повезло.

– Есть маленько, – кивнул шкипер. – Ну так и мне с вами повезло, что не пустой иду и не с уродами какими. Э, гляньте-ка!

Взгромоздившаяся на ванты Гудрун, стоя на задних лапах, с воплем тянулась к исчезающим из виду врагам, для устойчивости вцепившись передней лапой в вантину. Руппи

не выдержал, приснул.

– Морская зверюга, – одобрил шкипер. – Может, отдадите?

– Она не моя... – За год в Адрианклостер заведут новую стражницу, может, уже завели. – Если хозяева не напомнят, берите, конечно.

– Когда напомнят, тогда и думать будем. Умные люди всегда сочтутся... Эй, радость рыба, куда размахался?! Назад... Еще... Так держать.

«Селезень» завершил поворот. Подбадриваемый шкиперским рыком рулевой уверенно держал курс в глубь извилистого коридора между неприветливых каменных глыб. Когда «Звезда» доберется до входа в проливчик, между кораблями будет тысячи с три бье, ну, пусть чуть поменьше. С такого расстояния всяко не попадут – далеко, а развернутый кормой к противнику купец – слишком узкая цель. От Бермессера, считай, избавились, теперь бы на камни не сесть. Словно охотящиеся скалы, казалось, хотели сомкнуться, прихлопнув, что окажется между ними, – хоть чаек, хоть корабль.

– Что коситесь? – любопытствовал Добряк. – Кажется, что сожрут?

– Да, – не стал врать Руперт. – Неприятное место.

– Зато полезное. – Шкипер с чувством выполненного долга вытащил флягу. – Правда, цыпочки?

Фляга булькнула что-то жизнеутверждающее. Руппи задрал голову к превратившемуся в синюю полосу небу. Пролив в самом деле был полезным, только бы не подвел Юхан...

2

Юхан не подвел, подвел ветер. Когда на реях обвисли паруса и вымпел дохлым ужом обвил флагшток, лейтенант не сразу сообразил, что творится. Казалось, пара мгновений, и шван опять задует старательно и исправно, как дул последние часы, но штиль накрывал душной шапкой. Лейтенант посмотрел на Юхана, тот поймал взгляд и поморщился.

– И ведь ни малейшего знака не было! – подосадовал он. – Не должны были здесь в безветрие вляпаться... Никак не должны.

– Действительно, неожиданно. Я опасался перемены ветра, такой, что была утроем, но штиль... Хорошо, если он поймал не только нас.

– Надо думать! Питер! Что там у этих?..

Все еще торчавший на фока-салинге шкиперов племянник незамедлительно откликнулся:

– Всекакунас, дядь! Ветра нет!

– Гляди в оба! Чуть что – сразу же, слышишь, сразу же дай знать!

– Ага!

Больше говорить было не о чем. «Селезень» еще продолжал скользить словно бы стеклянным проливом, безнадежно замедляя ход. Ну и что теперь? Ждать ветра? Так неизвестно, сколько эта напасть продлится, и откуда потом задует – тоже. Что делают в штиль, если нельзя просто сидеть и ждать? Правильно, берут корабль на буксир, веслам ветер не нужен. На «Селезне» есть баркас, пусть и не самый крупный, двенадцативесельный, но осадка судна невелика. Даже такого баркаса должно хватить, чтобы протащить корабль по проливу. Будет трудновато, но возможно.

Поучить шкипера жизни Руппи не успел.

– Баркас на воду! – рявкнул в рупор Добряк. – Живое! Чем дальше от этих дурней, сударь, тем спокойней, да и пошире к тому концу будет... Шевелись, ребята! Не ночевать же тут!

Просоленный морячина подумал о том же, о чем и лейтенант, можно было гордиться, только вот «Звезда» за спиной... Там тоже не дураки. Ход мыслей оказался, к несчастью, верным, что и подтвердил вопль Питера.

– Дядь, шлюпку спускают!

– Одну?

– Покадну... Больше не видно...
– Сколько шлюпок на «Звезде»?
– Не помню. – А должен бы помнить, дубина еловая! – Не меньше трех точно.
– Питер!.. А-а, мелюзга... глаз еще не тот... Улли! Улли, давай белкой наверх! Вы бы, сударь, доложили адмиралу, что ли. И ведите его сюда, да и других ваших, кто соображает.
– Думаете, подтащат ко входу и расстреляют нас сидячих?
– Если бы... Улли! Пятки липнут, что ли?! Как далеко они встали?
Худощавый матрос средних лет взлетел наверх действительно белкой, Руппи аж позавидовал.
– Шкипер, им до входа в пролив – с треть хорны! И они, похоже, готовят к спуску второй баркас.

Следующее озарение настигло Руппи, когда он бежал сквозь поднявшуюся на палубе суету. Треть хорны... Пока сдвинут линейал с места, пока доползут... И вряд ли они рассчитывают, что мы не додумаемся до того же. Бермессер трус, но не болван, его капитан, если это по-прежнему фок Хосс, – тем более. Леворукий, да они не глупее нас! Нет, шлюпки спускают не для того, чтобы терять время при буксировке. Значит, абордаж! А на «Селезне» приличных бойцов от силы десятков. Восемерка Грольше, он, Руппи, и этот, как его, Лёффер вроде человек бывалый... Может, в команде у Добряка еще парочка-другая найдется. Остальные – нет, не рубаки. Их всего-то полсотни... Если абордажники Бермессера полезут сразу с обоих бортов, все закончится в считанные минуты, а ведь полезут!

3

Сколько шлюпок на «Верной звезде», Ледяной вспомнил сразу. И понял все тоже сразу.
– Два больших баркаса, средний и вельбот. Если используют все, против нас будет до сотни человек. Неплохая ловушка.
– Мой адмирал, шкипер не ожидал штиля.
– Я тоже многого не ожидал, как ты помнишь.
– Вы и не могли! Эти столичные мерзавцы...
– Не начинай сначала. На берегу тебе везет, но у моря и удачи свои резоны. Нежданная встреча и штиль... Тогда была встреча и шторм.
– Мой адмирал!.. – Погрузить Олафа в шлюпку и бросить всех, кому не хватит места? Подлю. И глупо – люди Добряка вряд ли покорно съедят такого... Бермессера. – Мой адмирал, мы найдем выход!
– В любом случае будем держаться сколько можем. В память «Ноордкроне», и потом – за нами опять люди. Тебя просили привести еще и Канмахера с Грольше, а я поднимусь к шкиперу.
– Слушаюсь!

К кошкам эту судьбу! К кошкам, к ведьмам, к дуре Гудрун... И вообще никакая это не судьба, так, совпадение, и не такое уж удивительное. И Добряк, и Бермессер прятались от фрошеров, вот и стукнулись задницами, как... муж и любовник из побасенки Бюнца, что, удирая от волков, влезли на одну и ту же сосну. Влезли и стукнулись. Стало смешно. Это был дурацкий смех, Руппи слышал, что такое случается перед боем, но ничего не мог с собой поделаться.

– Шкипер... просит... – выдавил Фельсенбург уставившимся на него ветеранам, – адмирал... цур зее... уже...

Оставив старших товарищей скрипеть мозгами, Руппи, давясь от хохота, припустил на полуот. Смех душил, а мысль лихорадочно работала; как такое могло быть, лейтенант не понимал, но решение выскочило, как... кошка.

– Наш баркас уже на воде, – выдохнул запыхавшийся лейтенант, – а эти... только возьмется! Мы успеем высадиться на Китенке... человек десять... С охотничьими ружьями... Им придется проходить... в ста шагах от нас... Стрелять с воды... даже если кто-то

прихватит мушкеты – дело глупое... Если повезет, до «Селезня» доберутся не все, а пушки на борту есть... Один хороший выстрел, и шансы сравняются!

Глава 8 Устричное море 400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Ай, умница охотничек, ай, молодец! Додумался-таки! Ледяной еще щекой дергал, а Юхан уже распоряжался. Матросы опрометью кинулись в трюм, где хранилось закупленное снаряжение. Вот и выгадывай по нынешним временам на мелочах! Взял бы рухлядь, что лысый Фридрих подсовывал, и что? Пара сотен в карман, и с ними на дно? Нет уж, господа селедки, честность, она штука полезная.

– Шестерых своих я вам дам. – От избытка чувств шкипер потрепал Фельсенбурга по плечу. – На подхвате будут. С оружием дело имели, если не стрелять, то заряжать могут.

– Очень хорошо. Грольше, кто из наших издала не промахнется?

– Штуба и Куриш... Штейнгартц с Денкером похуже, остальные больше с тесаками и пистолетами управлялись.

– Уже неплохо.

– Гульдер тоже пойдет. А ну как еще и драться придется? Торстенова сила, я бы сам, да...

– Со мной вместе получается пятеро стрелков. – Фельсенбург одной ногой уже был на Китенке. – На каждого по три мушкета. Ружья – мне. Пистолеты – всем, тесаки и кортики и так имеются.

– Нечего вам идти! – Молчавший не хуже Ледяного Канмахер аж ногой топнул. – Четверка – она к удаче, а вы в Седых землях нужны.

– Будут и Седые земли... боцман. После. Кто-то держал в руках «винтовое» ружье? Нет? Тогда и говорить не о чем!

Глаза горят, румянец, как у девки. Еще бы, дело молодое, наглое, да и не привыкли Фельсенбурги хвосты поджимать.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – вылез вперед и Лёффер. – Размочу вам ружейную пятерку. В молодости я много охотился в лесах Танненберген. Стрелять не разучился.

В лесах он охотился! Ну, может, и в лесах тоже...

– Похоже, сударь, эти штуки намгодились раньше, чем думалось. – Юхан кивнул на блестящие от масла стволы, с которых уже содрали паклю. – Знаете, хороший рулевой на баркасе здорово облегчает гребцам жизнь, а вот плохой или неопытный...

– Попробую. Мой адмирал, разрешите...

– Идите, – разлепил губы Кальдмеер. – Ты боец, Руппи. Иногда это... производит на судьбу впечатление.

– А я?! – Здоровенный абордажник, отпихнув запыхавшегося Улли, прорвался к баркасу. – Я тоже иду! И пошли вы все...

– Молчать! – резко бросил Фельсенбург, и абордажник замер, приоткрыв рот. – Вы не стрелок, Польдер. Оставайтесь на корабле... Ваше дело...

Замаялся. Ясное дело. Не лейтенанту при живом адмирале про этого самого адмирала приказы отдавать. Дескать, если что, хоть в мешок пихайте, спасите, а вот кораблик приказать охранять – самое то, и живой ногой на баркас! Пора уже, а то как начнут разводить романсы...

– Мя-а-а-аррря-а-а-а!

Хотела выскочившая откуда-то тварь попрощаться или отправиться в поход, никто не узнал. Руперт ухватил разогнавшуюся кошку и сунул обалдевшему Польдеру.

– Удерет – расстреляю! Матрос, ты шел доложить шкиперу? Докладывай!

– Так что готово все, – отпартовал ошалевший не хуже Пальдера Улли. – Баркас ждет, все погружено.

– Высадите, и назад! – внес свою лепту Юхан. – Уж простите, сударь, баркас я оставить вам не могу. Мало ли что.

– Обойдемся. – Лейтенант уже шагнул к спущенному за борт веревочному трапу. – До берега всего ничего. Если что, нас не ищите, следуйте своим курсом. Мы посуху доберемся. В Гросс-Флавион будем даже раньше вас.

– Хорошо, – ровным голосом подтвердил Кальдмеер. – Мы будем ждать вас там.

...Баркас почти достиг берега, когда племянничек возбужденно проорал:

– Третьяшлюпкадь! Спустили! Ма-аленькая...

2

Это только издали спина Китенка казалась гладкой. На счастье стрелкам, поверхность островка была изрыта трещинами, расщелинами и провалами, порой довольно глубокими.

Одно такое укрытие на крутом береговом склоне, не более чем в двух десятках шагов от воды, Руппи и облюбовал. Стрелковая партия успела проверить оружие и разложить поудобней сумки с зарядами, теперь оставалось смотреть и ждать. Очень недолго – под завязку набитые абордажниками шлюпки со «Звезды» были почти на расстоянии выстрела. Олаф не ошибался: у Бермессера имелось четыре посуды, и он послал их все.

Первым шел вельбот, в котором больше чем полутора десяткам делать нечего. Дальше – два больших баркаса, и в них человек по тридцать, точнее сосчитать не получалось даже с помощью трубы.

– В замыкающем, похоже, десятка два, – подвел итог Руппи. – Все просто. Их меньше сотни, нас больше десяти.

– Если начнем стрелять все сразу, они скопом повернут на нас, – высказал свое мнение примостившийся рядом Лёффер. – Управятся в два счета и пойдут дальше.

Беглый лейтенант был спокоен, а вот моряков с «Селезня» поколачивало. Не от страха, с непривычки.

– Вы правы, – согласился с Лёффером Руппи, – но на одиночку все не кинутся. Не могу разглядеть, где у них командир.

– На одном из двух больших, я думаю... Значит, бережем пули?

– Вы говорили, что занимались охотой? – Они в равных званиях, опыта у Лёффера явно побольше, а ждет чужого приказа. – С винтовыми ружьями дело имели?

– Что вы, это не про нас, слишком редкая вещь... И дорогая. У отца был очень хороший мушкет, эйнрехтской работы, но обычный.

– Ладно, значит, оба мои. – То, что для Фельсенбургов – привычная вещь, для других – невозможная роскошь, пора бы и уразуметь. – Слушайте все! Стреляю пока я один. И когда они приближаются, и потом, если кто-то повернет к нам. Вы ждете, пока не подойдут к самому острову. Тогда стреляем все разом. У нас будет два десятка выстрелов почти в упор.

Кто доберется до берега, встречаем пистолетами и лишь потом – в клинки. Гульдер, вы лучше меня все знаете, только не вылезайте раньше времени. Пусть думают, тут от силы пара стрелков. Заряжающие, пока не дошло до рукопашной, ваше дело – побыстрее заряжать. Так, что еще... Вот ты, давай назад! Смотри, чтобы нас с тыла не прихватили. Если обогнут остров и высадятся там же, где мы, будет весело! Чуть что, отходим вглубь, ведем их за собой и бьем из засады.

Матрос кивнул и исчез. Гульдер обвел взглядом остальных парней с «Селезня» и принялся что-то объяснять. Так, ерунду, просто чтоб не дергались. Эх, сюда бы всех тех, кто устроил представление на Пивной, но чего нет, того нет... Как там говорил Бешеный: я бы сдох под вашими пушками, но вы бы не прошли. Бермессеровы ублюдки не пройдут.

Глава 9

Устричное море

400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Линеал с обвисшими парусами замер. Море казалось таким же неподвижным, как и корабль, – серо-зеленое сонное зеркало, где-то вдалеке, у горизонта, тронутое туманной дымкой. Живыми в этом стеклянном царстве были лишь ползущие кильватерным строем шлюпки. Вельбот тревожил спящую воду уже шагах в двухстах от засады.

Руппи приложил приклад к плечу, поводил стволом. Граненый, обильно украшенный золотой насечкой ствол послушно следил за приближающейся целью. Одна беда, стрелять из этого ружья лейтенанту еще не доводилось. В арсенале Мартина были похожие, и с ударным замком, и с таким, как тут, «часовым». По птице на сто пятьдесят – сто восемьдесят шагов Руппи бил довольно точно, но тогда он пользовался знакомым оружием. У второго найденного Добряком ружья ствол был на пару ладоней короче, как у обычного мушкета, да и калибр – не на птицу. Этот для второго выстрела, поближе.

Пора! Руппи выбрался из расщелины, опустил на колено и тщательно прицелился. Эх, что бы было пристреляться, пока шли! Хотя бы по кавиотам!

– Лёффер, смотрите внимательнее, куда попаду.

Ну, пошли нам святой... Ротгер удачи! Искры брызнули из-под пиритовой пластины, приклад увесисто толкнул плечо – стоял бы на склоне, мог бы и грохнуться.

– Попали! Не убит, но ранен точно!

– Рулевой?

– Нет, рядом с ним сидел. Судя по шляпе – офицер.

Тьфу ты! Ранен он...

– Ладно, заряжайте.

А на шлюпках наблюдается некоторая суеда, но к острову никто не поворачивает. Пока это хорошо. Пока... Второе ружье в руках, курок взведен, ну а в этот раз? Вельбот еще немного приблизился и слегка изменил курс, фигура сидящего на румпеле стала видна лучше. Выстрел! Белое облачко закрыло цель.

– Похоже, взяли выше. Всплеска перед бортом я не видел, но в шлюпке все целы, – не отрываясь от трубы, сообщил Лёффер. – Нет! Зацепило...

Теперь они зашевелились! И действительно: весла заходили чаще, баркасы начали шустро отворачивать от оказавшегося опасным островка.

– Есть, сударь, зарядил. – В руки пихают заряженную длинностволку. Что ж, дорогая, попробуем второй раз. Прицелиться, теперь уже просто в шлюпку, чуть выше борта... Ну!

– Готов! – радостно рявкнули рядом. – Рулевой!

Точно надо было пристреляться!

С идущего вторым баркаса треснул ответный выстрел, значит, у кого-то ружье все-таки есть. Били скорее с досады, не думали же они, в самом-то деле, из армейского мушкета да с такого расстояния...

Три выстрела с приличным интервалом – одинокий стрелок. Абордажников таким не напугаешь и от цели не отгонишь. Но и безнаказанно тренировать меткость на своих шкурах неизвестному врагу никто не даст. Вход в пролив не слишком широк, ружье неизвестного бьет далеко и точно, а добежать до оконечности Китенка, выходящей на пролив, – дело нескольких минут. Значит...

2

Командир абордажной партии соображал быстрее, чем хотелось бы. Не успел Руппи

получить перезаряженное второе ружье, как кильватерная колонна распалась. На и так вырвавшимся вперед вельботе из всех сил налегли на весла, и он рванул к проливу, подальше от нахального стрелка. Большие баркасы спешно убирались в море, явно намереваясь обогнуть простреливаемое пространство, а вот замыкавший колонну столь же резко повернул к островку. Несколько минут, и пара десятков злющих солдат высадется к западу от засады. Что там, видно не было – обзор закрывал здоровенный гранитный горб, но позволить противнику беспрепятственно выбраться на берег нельзя. Гульдер это тоже сообразил:

– Господин лейтенант, мы успеем!

– Давай! Бери всех наших, кроме Куриша и троих с «Селезня»... По два мушкета каждому. А мы тут покажем, что никуда не делись. Так, господин Лёффер?

Абордажники с матросами похватили в охапку оружие и, прыгая по камням, унеслись навстречу десанту. Руппи, почти не целясь, выстрелил в сторону ближайшего баркаса. И попал.

Ответ был несколько неожиданным, потому что выпалила носовая пушка линеала. Ядро ударило в скалу далеко справа, несколько осколков, чугунных или гранитных – не разберешь, свистнули высоко над головой. Над линеалом медленно поднималось такое безобидное, даже красивое клубящееся белое облачко.

– Ерунда, – буркнул Лёффер и в свою очередь разрядил мушкет в сторону шлюпок.

Со странным равнодушием Руппи отметил, что ветра как не было, так и нет – дым поднимается вертикально вверх, зато горизонт, хотя еще далеко не вечер, виден плоховато. То ли марево, то ли туман, который они заметили раньше, потихоньку затягивал море. К сожалению, медленно.

– Вниз!

Они скатились под прикрытие камней за мгновение до того, как воздух над головами со свистом прошло. В этот раз канонирам повезло больше: ядро ударило не дальше чем в сотне бье. Будь стрелки по-прежнему на открытом месте, осколками могло бы и зацепить.

– Два выстрела из погонных, теперь пока перезарядят... – Подхватив заряженную длинностволку, Руппи полез назад. Лейтенант как раз добрался до места, когда в уши ударил пронзительный переливчатый свист. Руппи обернулся. Из-за здоровенной глыбы выше по склону высовывалась рожа. Наблюдатель.

– Вельбот!

– Проклятье, ну почему они такие умные?! – буркнул Фельсенбург, подхватывая с камня приготовленные пистолеты и засовывая за пояс. Теперь ружье... Второе не заряжено, матрос только забивает колотушкой пулю в ствол... – Не возись, некогда. Хватай пистолеты – и за мной!

3

Троих на вельботе он зацепил, осталось не больше десятка. Против шестерых, но шестеро – это двенадцать выстрелов. Если в упор, не промахнуться даже матросу... А вот в рукопашной им придется худо...

– Бежим до той скалы и там ждем... А то нарвемся!

Далеко позади разом грохнуло несколько выстрелов, потом залп, потом вразнобой... Очередной удар со стороны моря, треск разлетающегося камня, кто-то глухо поминает Леворукого. Перескочив некстати подвернувшуюся трещину, Руппи обернулся – Лёффер отстал, прихрамывая, хорошо хоть моряки топали рядом.

– Берегись!

Фигуры в таких знакомых форменных куртках выскакивают навстречу из-за той самой скалы. Не успели! Ближайший противник в десяти шагах, палец сам по себе давит на крючок, и человек, скорчившись, валится под ноги своим. Отбросить ненужное ружье, прыгнуть за ближайший валун... Выстрелы, брань, прямо над головой тоненько свистят

пули. Не мешкать! Только не мешкать... Шпагу из ножен, пистолет в левую, вперед!

Руппи вылетел из-за укрытия и едва не ткнулся стволом в живот мчавшемуся навстречу солдату. Выстрел. Рука тянется за вторым пистолетом, а взгляд сталкивается с взглядом бегущего офицера. Лейтенанта со «Звезды».

«Создатель, я его знаю!» И он тоже знает... Изумление не мешает теперь уже врагу спустить курок. Тело Руппи само по себе успевает отшатнуться, и тут же опомнившийся лейтенант выбрасывает правую руку в быстром выпаде. Клинок надежнее пули... Пара солдат с руганью налетает на труп своего командира. Один отскакивает, другой прыгает через мертвеца и с рычаньем прет на убийцу. Тяжелая абордажная сабля и шпага... Шпага и барон Райнштайнер. Отведенная в сторону легким, но точным касанием сабля уводит за собой незадачливого рубаку, тот проскакивает мимо и валится на камни от пинка под колено. А вот это уже Бешеный... Почти...

4

Ждать ветра и абордажа в обществе троих сходящих с ума вояк и одной не перестающей вопить кошки... Это слишком даже за хорошие деньги, а уж по собственной дури! Простить себе встречу с Бермессером Юхан не мог. Знал же, что мерзавцу отдали Западный флот, то бишь его огрызки! В Метхенберг господину адмиралу несподручно, слишком к фрошерам близко, так он из Ротфогеля командовать наладился, только с фрошеров станется и туда добраться, а командующему в порту сидеть не к лицу, вот и шляется вдоль берега – день на север, день на юг. Морем надо было Ротфогель обходить, господа селедки, морем! А теперь, того и гляди, недосчитаешься если не башки, то лоханки или Фельсенбурга.

О Фельсенбурге Юхан переживал всяко не меньше боцмана с адмиралом. Мало того что парень отменный, так с ним каких только дел не провернешь. За зиму в Седых землях можно не только зверья набить, но и много чего обговорить, и тут эта сволочь со своим корытом!

Добряк потянулся было к трубе, но раздумал и трепанул по загривку сбежавшую от ПOLDERА кошку. Нечего дергаться! В «гнезде» сейчас Улли, если что, даст знать, а драку на Китенке все равно не разглядишь. Ледяной тоже не смотрит. Стоит, заложив руки за спину, будто в самом деле заледенел. Юхан видел и такое, он много чего видел...

Кошка фамиллярности не оценила и с мявом ринулась к борту.

– Шкипер, – крикнули с мачты, – туман поднимается. С моря. Далеко пока.

– А на острове? – резко крикнул Канмахер. – На острове как?

– Стреляют! – откликнулся Улли. – Раньше с двух мест дымило, теперь с одного...

«Стреляют»... А в проливе чисто! Долго они топчутся – то ли шкурки берегут, то ли, наоборот, решили сперва прихлопнуть тех, кто засел на Китенке.

Юхан все же поднял трубу – ничего нового. Дохлая вода, скалы, чайки.

– Шкипер.

– Да, сударь?

– В тумане мы сможем послать шлюпку за стрелками.

– Пошлем. Было бы за кем.

5

Рядом стук и хрипы – двое абордажников прижимают Куриша к скале, тот пока отмахивается, но помочь надо. Второй пистолет еще за поясом. Достать, разрядить в обтянутую синим флотским сукном спину. Без всяких чувств, как на уроке. Напарник убитого отскакивает, выставив перед собой клинок и оборачиваясь. Это он зря... Куриш не дремлет – шаг вперед, и на опрометчиво подставленный затылок обрушивается тесак.

Становится тихо. Как быстро все вышло и как зверски. Было десять и шесть, теперь на

ногах только они с Куришем, остальные валяются вперемешку. Кто-то еще жив, стонет. Матрос, зарядивший ружья... Бок проткнут тесаком, тут ничего не сделаешь, осталось от силы минут десять. Хозяин тесака тут же, придавил своим телом ноги Лёффера.

– А вы... зверь... лейтенант...

– Ранены?

– Ранен... Пока...

Отвалить труп в сторону. Сухой гранит будто лакает хлещущую кровь; чушь, она просто уходит в трещины.

– Что? – Хриплый голос заставляет вздрогнуть. – Конец?

Похоже на то... Балбес, ты на что ползими и весну угробил?! Вспороть липкую, горячую ткань, добраться до раны. Хлещет ручьем, спасибо, что не бьет фонтаном... Какие же тут сосуды? Куда они идут?... И ведь не пережать, высоко!

– Куриш, к Гульдеру, живо! Я догоню.

– Говорите... как есть... Могло выйти и хуже... если б с вами не ушел... Не люблю палачей...

Руппи смотрел на своего первого пациента, а пациент нес какую-то чушь, мешая сосредоточиться. Выход был, автор учебника называл его варварским и солдатским, но «в случае невозможности применить...». То есть именно в таком случае.

– Заткнитесь! А то язык прокусите!

Кажется, он саданул куда надо! Ручей иссяк, пациент позеленел, но сознания не потерял.

– Лежать! – прикрикнул лейтенант и завертел головой. Парень с «Селезня» больше не хрипел, зато рядом пытался подняться чужой солдат, теперь чужой... У Бермессера таких не меньше сотни. Если Гульдер с ребятами тоже управились, можно собрать оружие, добежать до берега и пощипать второй баркас. Расстояние позволит... Если те повернут к Китенку, наглецам конец, второй раз так не повезет, но «Селезню» будет легче. Достаточно одного удачного выстрела из кормового...

– Ну и кошки с ним! – отмахнулся Руппи от утонувшего интенданта, про которого бубнил Лёффер. – Лежите смирно. Должно образоваться... – Как же эта пробка в сосуде называется?... – Тихо, говорю! Дернетесь – истечете кровью.

Проклятье, он не врач и не может сидеть с ранеными и мертвыми. Книги требовали срочно согреть больного грелками, укутать одеялами и поить красным вином с медом... На камнях под пушками самое то!

– Мне надо идти. Будем живы, вернемся за вами. – Хорошо хоть день жаркий, морозить должно меньше. – Только не двигайтесь. Можете выпить, но очень немного.

Или лучше не пить? Кровопотерю положено восполнять, но не можжевеловой же! Хотя винный спирт от шока вроде бы помогает...

– Мой пистолет... зарядите, – четко попросил лейтенант. – Удачи...

Пистолет Руппи зарядил, но сперва пришлось добить парня со «Звезды». Оставить с ним Лёффера Руппи не мог, как и остаться. Выживет – хорошо, нет... Ну, не повезло.

Лейтенант проверил шпагу и полез напрямую, через вершинку. Труднее, зато ближе, и на море глянуть лишний раз не помешает. На полдороге Руппи догнал ветер. Поднялся-таки, скотина! С моря, с северо-запада... Такой нужный, такой подходящий... Теперь бы отбиться от десанта, а дальше Юхан выведет.

Пушечный, нет, не выстрел, залп напомнил о Бермессере. Всем бортом? По кому?! Руппи бросился вверх как прищипоренный. С горки баркасы и впрямь были как на ладони. Один уже на входе в пролив, второй чуть отставал, и они, Леворукий их бей, лихорадочно разворачивались... А кто б на их месте не развернулся?!

Туманная дымка, казавшаяся такой далекой, почти добралась до «Звезды». И вместе с ней... большой, окутанный дымом трехмачтовик. Вот вам и полный бортовой! Неизвестный линейал на всех парусах пер прямо на Бермессера, можно было не сомневаться – не пройдет и пяти минут, как абордаж обязательно состоится. Только жертвой его будет отнюдь не

«Хитрый селезень».

Глава 10 Устричное море 400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Батарея средней палубы разом изрыгнула пламя и дым. Когда совсем рядом из серо-белой клубящейся пороховой мути проступили мачты с наполняющимися ветром парусами, Вальдес прищелкнул пальцами и подмигнул Луиджи:

– Жизнь полна радости, твое высочество! Абордажной команде – наверх! Как все же тесен мир вообще и море в частности... Рулевой, один румб влево!

Туман и пороховой дым, стремительно редая, возвращали глазам море, небо и чужой корабль. Трехмачтовый, трехпалубный, светло-коричневый, такой знакомый, он лежал в дрейфе, и память подтверждала – да, тот самый!

Перед глазами словно промчался сверкающий шквал – серебряная рана на свинцовой осенней воде... *Ветер смеется, и вместе с ним смеются марикьяре. Взятый в два огня дриксенский авангард из всех сил отбивается от превосходящего противника. И мощный трехпалубник, бросающий свое место в строю, своих товарищей...* «Прохвост один...» Он и есть! «Глаб-как-то-там». Бермессер.

– Так вот почему ты не повернул!

– А я должен был повернуть? – удивился Вальдес. – Зачем?

– Ты получил приказ вернуться со «Змеем». И вернуть эскадру.

– А кто говорит, что я вернусь без него?

Луиджи прыснул. Стоя на корме «Астэры», фельпец прекрасно видел как следующего в кильватере флагмана «Змея», так и добычу. Бермессер стоял всем бортом к атакующему врагу. Бортом! Ну, раз Ротгер уверен, что это то, что нужно, капитан Джильди тоже не возражает.

– Господа, мы в недоумении! – Вальдес уставил трубу куда-то вправо вдаль. – С кем же тут воюет мой любимый Бе-Ме? А ведь воюет, да как отважно!

Лишившееся тумана море выглядело пустым – в кого тут можно стрелять? – но выстрелы были! Туман, он отлично передает звук. Тогда показалось, что палили совсем рядом. Фельпец вскинул трубу и тут же опустил – корпус и одетые парусами мачты добычи уже загородили обзор. В паутине снастей суетились матросы, но порты правого борта... закрыты?!

– Стрелять могли носовые, – не сдержал удивления Луиджи, – но цель?

– Говорят, один дурак любил бить ворон, – живо откликнулся Ротгер. – Он плохо кончил. Бе-Ме, видимо, покусился на уток.

– Уток? – не понял Луиджи.

– В самом деле, при чем тут утки? Наверное, я думал про чаек. Твое высочество не желают сменить туалет? Такой ответственный визит...

Луиджи, даже не огрызнувшись, надел поданный матросом шлем и повернулся, давая затянуть ремни кирасы.

– Все еще без герба? – укорил адмирал. – Господин Варотти расстроится, он такой верноподданный... Рубен, подходим левым бортом, с носа! Приказ «Змею» – заползть с кормы. Пустая палуба... Интересно, чем заняты мои любимцы? Они думают, что я им снюсь? Кстати, о грезах. Ты точно решил вернуться?

– Да.

– Но у нас веселее. Дядюшка Везелли этим летом нас не почтит по причине сухопутного смертоубийства, зато в Фельпе тебя станут учить жить. И потом – рыженькая

баронесса... Твои сны говорят о многом.

– Ротгер, не начинай снова. Нам может сниться любой бред...

– Нам?

– Хорошо – мне, но я в самом деле наследник. Отец нашел мне невесту, а любви в моей жизни больше не будет.

– Ну и... невеста с тобой, принц! – Ротгер махнул рукой, и над «Астэрой» прозвучал сигнал горна – абордажники почти дождались своего часа. Впечатляющая компания южных головорезов в красных косынках только что не приплясывала от возбуждения. Вальдес сбросил мундир и расхохотался. Он собирался драться, и марикьяре полностью одобряли своего вожака. Скорей бы, сколько можно ждать!

– Верхняя, пли!

Картечный залп – «привет» тем, кто готовится отразить атаку. Снова все окутывает дым, но теперь светло-коричневый борт выплывает из него много быстрее... И ближе. Успевшая подправить курс «Астэра» под углом сближается с противником. Как быстро. Как медленно!

Полсотни бье, двадцать... Все! Корабли с хрустом и стуком касаются друг друга бортами, вернее носами; ломаясь, трещат и сыплются вниз сцепившиеся части рангоута.

– Эномбрэдастрапэ!

2

Косяк абордажных крючьев метнулся ввысь. Это тебе не утки, это птицы хищные, их когти намертво впиваются в намеченную жертву.

– Мушкетеры, огонь!

Стрелки давно готовы. С мачт и кормы на дриксенцев обрушивается свинцовый град, следом летят гранаты. Ответная стрельба гораздо слабее.

– Ну, старая любовь, с новым свиданием. Я же обещал! Луиджи...

Алая волна, подхватывая Джильди, хлещет через борт. Вальдес первый, но Луиджи не отстает, пока не отстает! Прыгнуть, удержаться на ногах, в три удара обезоружить и свалить на палубу синего офицера, чтобы тут же оказаться сразу против двоих... Пришлось отмахиваться, пока увлеченно орудующие широкими саблями марикьяре не отсекали его и от дриксенцев, и от Ротгера. Выстрелив в синий бок и разрубив подвернувшееся под удар плечо, фельпец обнаружил, что вокруг лишь свои. Защитники корабля – а все же почему их так мало? – под яростным натиском откатывались с бака на ют. Возглавлявшего атаку Вальдеса толком было не разглядеть, на его месте плясал какой-то вспыхивающий проблесками стали вихрь.

Понять, что именно творит альмиранте, не выходило, ясно было одно: он убивал. Бедолаги, оказавшиеся на пути Кэналлийца, гибли безропотно и безответно. И Райнштайнер тогда, зимой, на равных сражался с *этим* ?!

– Эномбрэдастрапэ!

– Давай!!!

Место расчищено. С «Астэры» сыплются абордажники второй волны. Эти шустро ныряют в открытые люки на уже захваченной части палубы. Бедные артиллеристы, если они не сдадутся... Откуда-то сверху прыгает полуголый матрос, подхватывает с палубы кортик, без слов, но с яростным то ли хрипом, то ли ревом атакует; приходится отвечать тысячи раз повторенной и насмерть затверженной защитой. Клинки скрежещут один по другому, кортик отлетает в сторону, незадачливый дриксенец всем телом напарывается на смертоносное острие. Ярость и отвага – не все, что нужно для победы. Далеко не все.

Рядом гремит выстрел, с вант на залитые кровью доски рушится еще одно тело. Носатый марикьяре сует разряженный пистолет в петлю на перевязи, смеется:

– А вот и для нас приличное дельце!

– Разрубленный Змей!

У дальнего, левого, борта из подпалубных помещений лезут синие фигуры. Десятка четыре, не меньше. Кто-то орет им с полуюта команду, причем так, что без всякого рупора перекрывает шум схватки. Следуя приказу, подкрепления бросаются на наступающего вдоль правого борта Ротгера. Все понятно, будут защищать корму...

– Эномбрэдастрапэ! Эномбрэдальмиранте!

«Эномбрэдальмиранте»... А Вальдес продолжает бушевать. Альмиранте не устает, не останавливается, не щадит. Кажется, своей шпагой он отбивает даже пули – ни один нацеленный в него выстрел Ротгера так и не задел.

– Вперед, Фельп! Вперед!

Они еще не победили... Они обязательно победят! Луиджи бросается навстречу новым противникам, как в жаркий день бросаются в светлую реку. Алое, синее, солнце на сталях, поднявшийся ветер смеется и тербит ванты!

Пляска сверкающих разноцветных пятен, ветер и солнце, крови не бойся, солнце и ветер, поющая сталь... Солнце и ветер, ты не для смерти, ветер и солнце, упавших не жаль... Варотти, откуда?! Что ему здесь делать? Варотти, Рангони, Муцио... Нет, просто марикьяре в алых платках, солнце бьет в глаза, но не спит, шпага находит то сталь, то тело, синие жмутся друг к другу и падают, алые их теснят и тоже валятся на белоснежные доски. Азарт пьянит, смеющийся ветер гонит вперед. Луиджи отражает и раздает удары, уворачивается, перескакивает через канаты и трупы... Синие мундиры, алые косынки, алая кровь... Чужая... Леворукий, да он во главе тех, кто рвется по левому борту на ют! Ну и отлично! Мы не марикьяре, мы из Фельпа... Вас двое? Ну, идите сюда... «гуси»!

Тела за спиной Луиджи видеть не мог, поэтому-то, отшагнув назад, и полетел под ноги сражающимся, чудом не врезавшись головой в станок корабельной пушки. Пушка же и спасла, приняв на свой ствол удар абордажного топора. Луиджи разъяренным котом выпрыгнул вверх и, поймав топорника на повторном замахе, вогнал клинок ему под ребра. Это слегка отрезвило, и Джильди завертел головой, пытаясь понять, на каком он свете.

3

Контратаку «гусей» остановить удалось, но к Вальдесу пробиться не вышло. И все равно дела защитников были плохи. Они не сумели отбросить первую волну марикьяре и оставили нос корабля в распоряжении врага. На палубу дриксенца перебирались все новые абордажники, и хозяева оказались в меньшинстве, да еще прижатыми к кормовой надстройке. Отступать им стало некуда, но и сдаваться никто пока не собирался.

Луиджи видел, как на юте, позади бизани, синие офицеры собирают стрелков, – длинные стволы мушкетов с чем-либо спутать было трудно. Начнут стрелять вниз, в толпу, так ни один заряд зря не пропадет... Последний пистолет фельпец разрядил в формирующуюся шеренгу и заорал:

– Вперед! Не дадим им времени!

Уговаривать никого не пришлось. Марикьяре увидели опасность и пошли вперед с удвоенной силой. Схватка качнулась в одну сторону, в другую и затопталась на одном месте. Дриксенцы отбивались отчаянно, но подмоги не было. Потеряв больше половины, они подались назад и рассыпались.

– Давай наверх!

С десятков марикьяре рванулось к ближайшему кормовому трапу. Выдергивая шпагу из пытавшегося помешать синего, Луиджи обернулся на Ротгера. Очень вовремя обернулся: альмиранте тоже все понял, но поступил проще – несколькими ударами расшвыряв всех перед собой, он в два молниеносных прыжка добрался до кормовой надстройки, а потом... тело Кэналлийца взмыло в воздух в безумном полете... Упор рукой на ограждение шканцев, и вот стальной смерч в прямом смысле обрушивается на головы опешившим стрелкам. То, что вытворял Алва на Андиях и хексбергцы на вершине горы, не было просто пляской... Только один, даже если это Вальдес, не справится.

– Эномбрэдальмиранте! За мной!

Удар, уклон, становящееся мертвым живое... Это не ненависть, просто так надо. Убей, забудь, иди дальше, это твой день, ты прав, ты жив, ты счастлив...

Вот они, ступеньки. За спиной четверо, остальные отстали или уже отсражались... Дриксенский офицер... Пытается остановить. Пару ударов отбил, пропустил укол в бедро, рухнул, покатился вниз, открывая дорогу.

– За мной!!!

Прыжками, через три ступеньки. На самом верху возникает кто-то важный, с двумя пистолетами в руках. Луиджи успевает нырнуть вниз, выстрелы гремят прямо над головой... Выброшенная вперед шпага бьет в пустоту – дриксенец, выстрелив, тут же отскочил назад, за спины кучки парней в синих куртках... Похоже – последний резерв... А с тобой только двое... Ничего, прорвемся! Это наш день, наше море, наш ветер... Он поет, смеется, зовет за собой, и клинок в руке подхватывает песню, обещая победу... Проклятье! Где-то впереди, у кормового флагштока, тоскливо воет труба. Так тоскливо, что Луиджи сразу же понимает смысл чужого сигнала – «Глаубштерн» сдастся.

Глава 11 Устричное море 400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Очутившись на борту, Руппи первым делом полез на марс. Улли мог быть сколь угодно умен и гласт, лейтенант желал видеть все сам. И увидел. Море и небо до самого горизонта были чистыми – ни облачка, ни дымки, только корабли. Два линеала стояли борт о борт. Бой был закончен, во всяком случае, на мачтах и вантах «Звезды» Руппи никого не заметил. Дым от выстрелов над палубой тоже не поднимался, и, самое главное – оба баркаса, повернувших было на помощь своим, уходили в сторону берега, судя по частым взмахам весел, изрядно торопясь. То ли вдогонку за ними, то ли к проливу спешил еще один корабль. Верткий и легкий, обводами он напоминал «Микаэлу», но на грот-мачте Руппи разглядел чужой флаг. Райос! Опять.

Мечущийся алый промельк притягивал взгляд, но на полуюте ждал Ледяной. Руппи вдохнул полной грудью свежий ветер и соскользнул вниз. Адмирал и шкипер уже знали и про абордаж, и про марикияре, чьи размеры и осадка позволяли войти в пролив.

– Хватит ли у капитана смелости...

Олаф спрашивал скорее себя. Юхан неопределенно хрюкнул, а Руппи внезапно понял – у этих хватит, ведь там Бешеный.

– Это Вальдес, – доложил лейтенант. – Он в самом деле бешеный, и люди в подчинении у него такие же.

– Ты узнал «Астэру»? – не смог скрыть удивления Ледяной. – Отсюда?

– С острова, – счел за благо соврать Руппи. Во лжи он признается позже. Теперь надо бежать, и пусть Добряк знает, что за зверь охотится рядом.

– Пойдем, – велел Ледяной, – не будем мешать шкиперу.

Юхан только кивнул, был занят – орал на палубных матросов, а за пестрыми скалами на палубе «Верной звезды» творилось то, о чем Руппи мечтал с осени. Бешеный схватил-таки трусов за горло, но «Ноордкроне» и ее капитану клялся Фельсенбург. Спасти Олафа и вздернуть Бермессера... Первое он исполнил, второе – не сумел.

Лейтенант и адмирал прошли мимо лежащих на расстеленных койках мертвецов и поднялись на ют. Отсюда хорошо просматривалась пройденная часть пролива, но Олаф повернулся к возможному преследователю спиной.

– Судьба, – спокойно сказал он. – Уйти от Альмейды, шторма и суда, чтобы четвертым

встретить Вальдеса. Так лучше для всех... Ты думаешь иначе?

– Это было наше дело!

– Как оказалось, нет. Море оставило наши руки чистыми.

– Ваши! – внезапно вырвалось у Руппи. – Не мои...

– Спустись к Канмахеру, – ровным голосом велел Олаф, – он с ума сходил. Я буду здесь.

Продолжать разговор *сейчас* было страшно. Руппи четко, как какой-нибудь Хохвенде, повернулся на каблуках и ушел. Зачем-то сорвал и отшвырнул перчатки. Внутри клочкотала несправедливая, ядовитая злоба. Нельзя тыкать в лицо спасенья и благоденья, нельзя бить по живому, нельзя... А Олафу можно?! «Чистые руки»... «Лучше для всех»... Для Адольфа с Зеппом?! Для старого Канмахера? Несчастливого кесаря, застреленных охранников, Лёффера, который мог не идти, а пошел... Для умиравших и убивавших на Китенке моряков? Они убивали своих и упустили мерзавца, по милости которого замахнулись на закон и чужие жизни. И это «лучше»?!

Лейтенант опомнился, лишь столкнувшись со шкиперским племянником. Бедняга ойкнул и понесся дальше, Руппи остановился. Сердце бешено колотилось, и лейтенант, вспомнив книгу, несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять сердцебиенье. Как ни странно, помогло. Фельсенбург пригладил волосы и огляделся. На палубе как раз закончили поднимать людей со шлюпки, и Юхан рыком подгонял матросов, готовя «Селезня» к очередному бегству.

2

Наконец-то все свои – на борту! Этот кошкин сын Фельсенбург умудрился и время выгадать, и уцелеть, теперь дело за «Утенком». Добряк был рад вывалившейся из тумана удаче, но, благословляя появление Бешеного, не собирался с оным лобызаться. Ухватил своего Бермессера за хвост, и прекрасно: ешь его хоть с перцем, хоть с сахаром, а мы потихоньку, не прощаясь и не благодаря...

Едва дождавшись, когда закончат с баркасом, Юхан велел ставить паруса – фрошер принес с собой ветер. Правда, с западным в проливе придется трудновато, ну да ничего... Шлюпка с буксирным тросом уже рванула вперед, готовая в любой момент помочь при маневре. Только бы шквал какой не налетел! После сюрприза со штилем Добряк всерьез опасался вывертов местной погоды. И умом опасался, и тем самым дурным чутьем, которое сперва гнало на север, а потом заткнулось, прохлопав и Бермессера, и Бешеного. Теперь снова расчирикалось, а деваться некуда – только вперед, да побыстрее! За Безголовой Лягушкой можно будет перевести дух, там на двух якорях любой шторм перебедует.

Юхан глянул на небо – ни облачка. Ветер ровный, вода еще высоко, крапчатые скалы честно и равнодушно ползут навстречу. Плыви да радуйся, и нечего башку ерундой забивать. Нечего! А вот Ротфогель придется обходить далеко морем, у берега сейчас такое заварится... Бермессер в порт не вернется, подчиненные, хочешь не хочешь, попрутся искать. И найдут. Для начала Бешеного, а потом и Альмейда подтянется, доест то, что в Хексберг не съели. Нет уж, господа селедки, воля ваша, а нам чужие драки ни к чему, наше дело маленькое, мы на охоту собрались. На охоту, ясно?

До Двойного Камня было рукой подать, когда подал голос вновь отряженный на салинг Питер:

– Фрошер!!! Прямугошла!

Ну, пусть нюхает. Сунуть нос – одно, полезть в извилистый незнакомый пролив – совсем другое. Ни дна, ни течений местных марикультуры не знает, пока еще нащупает верную тропку... А мы вот сейчас самую узость проскочим, мысок обогнем и вовсе с глаз скроемся.

Подождал Фельсенбург. Один! У его адмирала голова, что ли, разболелась? Или у него самого? Взгляд самое то, сейчас цапнет.

– Что-то не так, сударь?

– С мачты кричали, за нами погоня.

– Лучше бы этому фрошеру, мелкий который, за нами не соваться. Мы ему, как-никак, обязаны, а тут камни всякие под водой, да и отлив начинается. Как раз на полпути засядет, придется несколько часов ждать, а мы давно уберемся...

– Вы так и не подняли баркас. Почему?

– Пригодится при маневрировании у Двойного и у Безголовой Лягушки. Вы вот что скажите, как ружья? Годятся?

– Ружья хороши, только я не пристрелялся, вот и мазал.

Не пристрелялся он! А что будет, когда пристреляется? Муху в глаз бить?

– Говорите, не...

– Дядь, по носу!!! Ой-ё!..

Серебристую дорожку, несущуюся по воде наперерез баркасу, Юхан узнал сразу – тогда, в хексбергской гавани, насмотрелся. А вот в шлюпке сразу не увидели, всполошились, лишь когда пенный гребень пронесся перед самым носом. И тут же второй, уже с другой стороны.

– Кэцхен! – Фельсенбург тоже пялился на это безобразие, и в его голосе кроме удивления чувствовалось что-то еще... что-то странное.

– Вот ведь, – поежился Юхан, – только этих стерв нам и не хватало!

Словно в ответ, навстречу «Селезню» ударил короткий, но сильный порыв ветра. Это не было опасным... Но если кэцхен со всей дури саданет в борт или подтолкнет в корму чуть дальше, у Двойного? Тогда дело будет плохо.

– Она вышибла «Эбби» из линии, – чужим голосом сказал Фельсенбург. – Трехпалубный линеал из линии... Одна!

Тут и выносить-то некуда, только на камни.

– Марселя долой! – взревел Юхан. – К крабьей теще наладились? По вантам! Живо...

Сразу две пенные змеюки промчались вдоль бортов; судно прыгнуло вперед и тут же отскочило назад под напором свихнувшегося, дующего сразу в морду и в зад ветра, и Юхан окончательно понял – никуда они теперь не уплывут.

3

Снова палубная суэта. С марсов съезжают по фалам сделавшие свое дело матросы. Ветер дует, такой чудесный, такой ровный, а «Селезень» стоит, покорно оголив мачты и бросив якоря. Полоса синевы над головой, дремлющие берега, сонный пролив... Ведьмы остановили корабль и ушли, на прощанье растрепав плюмажи бросившимся следом волнам. Руппи они не заметили, или замаравшийся в Эйрехте уже не годен ни для танца, ни для любви? Может, и так, только жизнь человеческая если и танец, то по колено в грязи.

Видеть Олафа не хотелось, но Руппи собрался с силами и пошел. С докладом. Он не «волшебница Фельсенбурга», он лейтенант флота, и нечего изображать обиду. Адъютант перешагнул через дриксенскую кровь, осужденный адмирал избежал хотя бы этого. Не винить же человека за то, что он рад, не став палачом, хоть бы и для Бермессера! С Ледяного хватит верного решения, превращенного штормом в ошибку. Руппи не знал, что бы чувствовал он сам, обернись бедой *его* приказ, но о том, что «Звезда» досталась Вальдесу, жалел до неистовства. Смерть от рук врага Бермессера лишь возвысит, но мразь еще может выкарабкаться. Если фрошеры снова сочтут, что плещущийся в луже адмирал цур зее им выгоден...

– Вы, сударь, никак старшего господина ищите? Он на юте.

– Спасибо! – Он помнит, где Олаф, и искать ему нечего. Разве что имя офицера со «Звезды», мертвого офицера... Бедняга не виноват, он выполнял приказ и сейчас, и у Хексберг. И давая показания, тоже выполнял, хотя именно этот в суде мог и не выступать, у Бермессера много младших офицеров. Но если б выступил, сказал бы что велено... Тех, кто думал иначе, прикончили и свалили на темноволосого молодого человека со светлыми

глазами. Накликали. Остается ли ложь ложью, если лгущий угадывает, или он сам своим языком будит лихо? Вот бы о чем поговорить с Луцианом...

– Господин адмирал, господин лейтенант идут!

Гульдер. И Грольше с Канмахером, до которого Руппи так и не добрался. Из-за кэцхен. Из-за того, что до тошноты не хотелось говорить про бой на островке и доказывать, что ничем особенным он не рисковал.

– Мой адмирал, – доложил Руппи, хотя Олаф и без него все видел и слышал, – впереди по курсу были замечены две кэцхен. Они препятствовали нашему движению. Шкипер счел правильным отдать якоря.

– Хорошо, – одобрил непонятно что Ледяной. Может, он и смотрел в горло пролива, но сейчас труба была убрана в футляр. – Как раненые?

– Не знаю. – О раненых Руппи забыл. – Умереть никто вроде не должен, разве что от заражения...

Канмахер дернулся, будто желая что-то сказать, но боцман при адмирале не спросит, а старый Йозев был образцовым боцманом.

– Гульдер доложил о схватке, – прервал молчание Олаф. – Ты действовал правильно.

Устав требовал оттарабанить раз и навсегда утвержденную радость и готовность служить, но прятаться за устав было бы бегством, да и не действовал лейтенант Фельсенбург правильно. Иначе б не налетели у скал на десант. Нужных слов не находилось, и лейтенант предпочел промолчать. Олаф тоже не спешил продолжить беседу и не пытался делать вид, что куда-то смотрит. Так все и стояли спиной к врагу, который то ли лез в пролив, то ли нет, пока из-под ног с воплем не вылетел знакомый трехцветный ком и, наплевав на своего кумира, не взлетел на планширь. Тогда обернулись все.

– Ты говорил, она кого-то чует? – спросил Ледяной, но думал он не о кошке.

– Тогда она злится. – Что бы их всех ни ожидало в оказавшемся-таки мышеловкой проливе, встретить его нужно вместе. – Похоже, то, что сзади, ей нравится.

– Но там ничего нет!

Нет, но ветер стал звонким, а солнце ерошит пенные гребешки и скачет с волны на волну. Нет, но офицер со знакомым лицом больше не оседает на камни, а ты не ковыляешь к месту высадки, пытаешься вспомнить имя мертвеца... Зачем помнить, когда можно просто жить? Память тянет назад, рождает злость, ссорит, сбивает с пути... Память мешает.

– Шлюпкавпроливе! – Какой смешной голос! – Дядышлюпка... Здоровая...

Глава 12

Устричное море

400 год К.С. 10-й день Летних Волн

1

Кальдмеера Луиджи узнал сразу, высокого парня со злым и каким-то шалым взглядом – лишь вспомнив, кто может быть рядом с Ледяным. Фок Фельсенбург! Изменились оба – и адмирал, и адъютант, но Кальдмеер всего лишь постарел и похудел, а вот Фельсенбурга назвать Руппи даже про себя больше не выходило.

– Фью-у, – присвистнул Вальдес. – Ничего себе! Теперь не усну, буду думать – это я ловил Бе-Ме или вы его ловили мной? Господин адмирал цур зее, какими ветрами?

– Судьба.

– Судьба – это серьезно... Но не серьезней ветра – куда идти и под какими парусами, все равно решать нам.

– Руперт с вами согласится.

– Он и раньше не ходил на поводу у этой мымры, но ваше появление – это сюрприз! Желаете пообедать или займемся судьбой?

– Я предпочел бы внести ясность во все. Чем скорее, тем лучше.
– Вы начинаете напоминать дядюшку Везелли, а это ужасно... Особенно после тетушки. Что ж, представьте мне ваших спутников.

– С Рупертом вы знакомы. Господин Ключкатер, шкипер «Хитрого селезня». Господин Канмахер. Его единственный внук погиб на «Ноордкроне».

– То, что нужно.

– Кому?

– Судьбе, морю, нам с вами... Кое-кто останется внакладе, но что кошке в радость, крысе... наоборот. Вы уверены, что не хотите перекусить?

– Вы все так же гостеприимны.

– Я неисправим. Спросите при случае тетушку, она подтвердит. Как ваше здоровье?

– Я здоров. Господин Вальдес, я должен поблагодарить вас за возвращенную шпагу. К сожалению, я ее не уберег.

– Так это же чудесно! – воскликнул Ротгер. – Раз нет шпаги, ее можно не отдавать, а потом мы что-нибудь придумаем... Ладно, раз уж вы желаете прояснить, переберемся на бак. Обратите внимание: я поднял известные вам райос. Надеюсь, сегодня вы поймете, что это такое! Прошу извинить за беспорядок, абордаж – это всегда неопрятно...

Трупы с палубы можно было и убрать. Луиджи так и сделал бы, едва закончился бой, но альмиранте ограничился тем, что разделил пленных, загнав кого попроще вниз, а начальство с адъютантами – на корму. Мертвые остались там, где умерли. Стоя на шканцах захваченного линеала, фельпец прекрасно видел весь корабль. Неподвижные, кое-где окаймленные черно-красным синие груды напоминали о другой палубе и другой смерти. Полтора смертях, потому что капитан Джильди жив лишь наполовину.

Качнувшийся сцепившиеся корабли шван бросил в лицо Луиджи чей-то шейный платок. Синий. Фельпец отбросил нагретую солнцем тряпку и нагнал Фельсенбурга.

– Я думал, вы вернулись в Фельп, – равнодушно признался дриксенец.

– Возвращаюсь. Отец зовет, а галеры в Устричном море не нужны. – О том, что адмирал Джильди надел корону, Луиджи предпочел умолчать. – Как себя чувствует господин Кальдмеер?

– Не думаю, что хорошо. Вы охотились за Бермессером?

– Как оказалось. Вальдес отправил эскадру назад, а сам сделал петлю и пошел вдоль берега. Мы не представляли, что он затевает, пока не увидели мачты...

– Вы, заняв Бе-Ме, нам очень помогли. – Слышавший разговор адмирал обернулся и подмигнул Фельсенбургу. – Корабль без абордажной команды – это очень приятно... Кстати, о райос. Мы взяли полторы сотни пленных. Под «Победителем дракона» я был бы вынужден тащить высших офицеров в Хексберг, но у маркияре два закона – море и собрано. Моего собрано где-то носит, значит, собрано сейчас я.

– А кто в таком случае мы?

– Мне казалось, мы прояснили отношения еще в день смерти половины ясеня. Руперт, вы еще помните, что шпага – оружие благородное?

– Стараюсь помнить.

– Тогда берегите ее репутацию. Зрелище вам предстоит омерзительное, но вы уж потерпите. Луиджи, отправляйся-ка на «Астэру», тут дело северное.

– Я и шел на север.

– Ну, тогда хоть нюхательную соль у призовой партии одолжи, – посоветовал Вальдес и окликнул сидевших на бочках абордажников: – Ребята, как улов?

– Протухает потихоньку, – весело откликнулся маркияре в алой косынке. – Провялить бы!

– Сначала просолим. – Ротгер резко отшагнул в сторону, открывая дорогу. – Господин Кальдмеер, вы узнаете этих господ?

Кто-то не выдержал, присвистнул, что-то тихонько зазвенело. Сзади – впереди была тишина. Бермессер в адмиральском мундире, но без шляпы, перчаток и перевязи рыбьими

глазами смотрел на Олафа. И рот у него тоже был какой-то рыбий, беззвучный и шевелящийся. Лица Ледяного фельдец видеть не мог, только разом напрягшуюся спину.

– Так, – прервал молчание Кэналлиец, – господа адмиралы кесарии друг друга узнали.

2

О том, что Ледяного не догадались еще разок огреть по башке и сунуть в тайник, Юхан жалел не переставая. С той самой минуты, когда отправленный в убежище старый болван вылез на палубу и по всей форме представился фрошерскому офицеру, всего-навсего пригласившему шкипера и еще троих по его, шкипера, выбору прокатиться к Вальдесу. Беды-то! Призовой партии на «Селезне» особо разжиться нечем, разве что пресловутые ружья прихватить, а Бешеный отродясь кильку не ловил. Расспросил бы и отправил восвояси, благо про что спрашивать было: флагман, берущий на abordаж родное торговое корыто, – это, господа селедки, не каждый день увидишь.

Темнить Юхан не собирался. Дескать, так, мол, и так: видели мы, как господин Бермессер, в штаны наложивши, драпали, вот и стали ему поперек горла. А что огрызались, так и кошка отмахиваться начнет, если в угол загнать. Добряк не сомневался, что через час-другой снова будет на «Утенке», и тут вылез Кальдмеер. Разумеется, Фельсенбург поперся за адмиралом, а Канмахер – за обоими. Фрошер от такого улова ошалел, но голова у него варила. Четверых забрал, а десятка три своих на кораблик пригнал. Теперь неприятностей не оберешься, и все потому, что контуженому умнику захотелось благородство почесать! Шкипер кипел, как гороховый суп, но смотреть и слушать не забывал. Бермессера раньше он видел лишь издали, а Вальдеса не встречал вообще. Фрошер был хорош... В синем море в белой пене рифы тоже хороши, только налетать на подобную красоту упаси Торстен... Бермессера святой упасать не пожелал. «Утенка», к несчастью, тоже.

– Так, – сверкнул зубами Бешеный, – господа адмиралы кесарии друг друга узнали. Господин Кальдмеер, вам лучше присесть.

– Что вы собираетесь делать? – Ни садиться, ни улыбаться Ледяной не собирался. Юхану тоже было не смешно.

– Я собираюсь воздавать, или как оно там называется, – объяснил Вальдес. – Мы тут все моряки... Бросать без помощи тех, за кого в ответе, – гневить море и вести по своим следам беду. Не знаю, почему разыгрался *тот* шторм, но буря была непростой – возникла ниоткуда и ушла на север. По следу успевшей в гавань погани. Другие не успели... Для Талига все обернулось удачно, но сейчас я – марикьяре. Я знал Доннера, и пусть бы его прикончили мои пушки или старость, но не чужая грязь...

– Стойте! – дернул щекой Ледяной. – Вы хотите сказать... Адмирал Вальдес, вы утверждаете, что шторм шел за Бермессером?

– Не совсем я и не совсем утверждаю, но что не доделаем мы, доделает... другое, и оно слепо. Грязь для моря – как заноза для быка; пока не вырвет, будет крушить не глядя.

– С какой стати фрошеров заботит дриксенская грязь? – подал голос шаутбенахт с разбитой скулой. То ли тот, что глазел с причала на «Селезня», то ли другой.

– Хосс, замолчи! – Руки Бермессера были скручены, и он наступил шаутбенахту на ногу. – Молч...

– Именно, – кивнул Вальдес. – Вы навывполняли столько приказов этой сволочи, выполните еще один. Напоследок.

– Адмирал, – а вот Фельсенбург молчать не станет, хоть все ноги отдави, – я правильно понял? Вы решили избавить море от Бермессера? Благодарю вас, но это наше дело. Дело «Ноордкроне»...

– Не только. За «Ноордкроне» здесь спросят трое, но ваш шкипер тоже имеет право на свой кусок падали.

– Господин Вальдес, – соизволил очнуться Ледяной, – вы покинули эскадру, чтобы свести счеты с Бермессером? Почему именно сейчас?

– Мне не понравилось, когда регент швырнул вас в кипяток, как омара. – Бешеный сощурился; сейчас когти выпустит и прыгнет. – Вы верили кесарю и не возражали, но вразнос идет не только Талиг. О приговоре я узнал от негоцианта из Ротфогеля. На пятый день после вашей «казни», и счел уместным в меру своих сил... помянуть. Вы бы узрели вашего преемника с порога Рассвета или где там собирают праведников, но Рассвет остался голодным. Вы живы, и вам придется не встречать Бермессера, а провожать. Господа, вам не кажется, что повешенный фрошерами пленный адмирал цур зее отнюдь не то, что вздернутая своими трусливая мразь?

– Да! – прорычал Фельсенбург, и старик Канмахер подтвердил:

– Да.

– Я тоже так рассудил, вот и прикидывал, кому посподручнее махнуть платочком. Принц Луиджи – в Фельпе, кстати, тоже сбесились, и наш друг угодил в принцы – не годился. Я тем более, но Бе-Ме нашел своих судей сам. Моряки, которых хотели прикончить вместе с кораблем, не могли не обидеться. Я поставил на них, но море решило свести лицом к лицу всех. Под райос... Эномбрэдастрапэ!

3

Вальдес смотрел в упор. Глаза у него были черные, но в них проскакивали голубые искры. Злющие и... знакомые.

– Моя марикьярская половина в бергерских гостях изнемогала от песен про суд гор, но в самом подходе что-то есть. Четверо выживших, подонок и веревка... Раньше это называлось судом моря. По крайней мере у агмов.

– У варитов тоже, – подтвердил Руппи. Сколько раз лейтенант воображал встречу с Бермессером, но все вышло иначе. Неожиданно и... правильно. – Нас четверо, и я обвиняю.

– А как же! – сжал кулаки Йозев. – Трусам место на рее! Шкипер, вы как?

– Гадить в море не след, – веско произнес Добряк. – Не любит оно такого. А раз нагажено, надо исправлять. Господин адмирал верно сказал. Мы не тронем – штормяга тронет, да, чего доброго, заодно других утянет, кто ни сном ни духом... Нехорошо!

Трое и Олаф... Ну почему он молчит? Нельзя же так... дрейфовать?!

– Вернер фок Бермессер, вы сбежали, нарушив приказ. – Если потребуется, они с Канмахером эту сволочь собственными руками... – Вы пытались обмануть кесаря и оклеветали адмирала цур зее Кальдмеера. Вы трижды – в Зюссеколь, Шеке и на Эйнрехтском тракте – подсылали ко мне убийц, потому что я был свидетелем вашей с Хохвенде трусости. Жертвами покушений становились мои спутники и случайные люди. Вы напали на «Хитрого селезня», потому что шкипер и команда оказались свидетелями вашего бегства...

– «Верная звезда» приказ выполнила. – Опять фок Хосс! – Не наша вина, что адмирал цур зее решил его забыть. Если тут и есть предатели, то Кальдмеер и Фельсенбург, этот балаган тому свидетельство... Приговор Морского Суда может отменить только кесарь или регент, Фельсен...

– Как хорошо вы знаете законы. – Рука Руппи уже лежала на эфесе. – Только кесарь собирался отправить на виселицу настоящих трусов и предателей, а Фридрих такой же регент, как я – Бешеный!

– Ты не похож на Вальдеса, Руперт, – устало вмешался Олаф, – по...

– На Вальдеса – нет. – Фок Хосс был сволочью, но не трусом. – Он не Бешеный, он бесноватый...

Дальше Руппи не расслышал, потому что вспомнил! Вспомнил, кем был толстяк, которым так кстати прикинулась *она*. Камердинером старшего Хосса. Доверенным, надо полагать!

– ...адмирал Вальдес находился слишком далеко, чтобы разобрать сигналы, как и шкипер. Фельсенбург может говорить что угодно. Он не был рядом с Кальдмеером, когда тот отдавал приказ, а позже был слишком озабочен тем, как избавиться от дяди и соблазнить ее

высочество...

– А чем был озабочен камердинер вашего отца? – Ударить связанного? А почему бы и нет? Сперва ударить, потом разрезать веревки и швырнуть шпагу. Хосс продержится недолго, всяко меньше задиры с Речной. – Подыскивал убийц? Ну так его выбор оказался не из лучших!

– Вы бредите, лейтенант!

– Вот как? А что делаете вы? Лжесвидетельствуете по привычке? Так мы в море, а не в эйнрехтской... грязи!

– Граф Фельсенбург, – напомнил Бешеный, – помнится, вы не собирались пачкать шпагу.

– Могу саблей. – Смешанная с омерзением злость нахлынула и понесла, сдерживать ее Руппи не собирался. – Или, если угодно, топором!

– ...запрещаю оскорблять Руппи! – проревело из-за плеча Бермессера. – Руппи Фельсенбург – мой друг!.. А я защищал и буду защищать своих друзей!..

Троттен! Альхен Троттен-младший. Здесь! Брызгает слюной, он вечно брызгается...

– Заткнитесь, барон! – У адъютанта Хосса руки связаны. Жаль... – Вы не в кабаке, вы в плену у фрошеров. Извольте...

– Мне начхать, где я! Главное – все слухи о твоей смерти, Руппи, сплетня! Ты не представляешь...

– Представляю! – Злая легкость не желала отпустить, она требовала выхода, она требовала танца. – При случае спроси... капитана Боргута и его дружка. Я видел, как вы шлялись по мещанским кабакам и ввали про...

– Руперт, – повысил голос Олаф, – речь не о сплетнях и не обо мне, речь о гибели флота. О Хексберг! Тебя в самом деле не было на «Ноордкроне». Ты говорил с Хохвенде и Бермессером, это так, но о приказе у них не справлялся. У меня нет свидетелей. Только мое слово.

Соврать? Разбить ложь ложью? В Эйнрехте – пожалуйста, но не в море! Значит – все же поединок, но быстрой смерти подонкам не видать... Разве что с распоротым брюхом кто-то станет правдивей.

– Вы ошибаетесь, адмирал цур зее. – Бешеный как-то оказался за спиной Руппи. – Ваши свидетели здесь.

...Как и откуда они появились, Руппи не заметил. Похоже, этого не заметил никто, но они пришли. Бюнц, Шнееталь, сигнальщик Блаухан и... Зепп. Четверо мертвых моряков молча взяли Хосса с адъютантом в полукольцо. Они ничего не делали, только смотрели. Руппи видел лицо друга, хмурое, измазанное копотью...

– Зепп!

– Тише. – Вальдес ухватил рванувшегося было лейтенанта за плечо. – Ты позвал, тебя услышали... Ты помнишь, запомнят все.

– Ты хотел, ты видишь... Они не хотят, они смотрят.

Ведьмы! Как же он сразу не понял?! Где Бешеный, там и они! Ведьмы могут стать кем угодно – Фридрихом, Бюнцем, Гудрун, этим самым камердинером... Только это та же ложь!

– Не надо, – попросил Фельсенбург. – Кэцхен не могут быть свидетелями!

– Отчего же? – Вальдес больше не смеялся. – Они как раз видели всё. Особенно твою «Ноордкроне». И они не лгут, тем более на закате.

Глава 13

Устричное море

400 год К.С. 10-й день Летних Волн

Рожа шаутбенахта стала бледной, будто несоленый ардорский сыр. Юхан хмыкнул, обернулся и понял, что за собственную физиономию тоже не поручится, пусть покойники прут и не на него, один Бюнц чего стоит! Тот самый Бюнц, которого Юхан сдуру вспомнил, прежде чем лезть в пролив. Теперь сгинувший капитан, сжав кулаки, смотрел на враз онемевших храбрецов.

Утопленник явился не один. Высокий шаутбенахт, красно-черный от копоти и крови парень и немолодой грустный сигнальщик хмуро глядели на офицеров «Звезды», и это было похуже любой бури. Даже *той* ...

Юхан скрестил пальцы на обеих руках и попятился. Он не сделал этим мертвецам ничего дурного, вот Бюнц, тот пытался загнать кораблик с товаром в угол. Давно, очень давно, а теперь им делить нечего! Только кто их, вернувшихся, разберет...

Что-то выкрикнул Фельсенбург, почти простонал и грузно плюхнулся на бочонок Канмахер. Налетевший, кажется, со всех сторон ветер развернул вымпелы, заметались по белым доскам солнечные пятна. Солнце смеялось и клонилось к горизонту.

– *Небо скоро станет красным... Небо и волны... Пора...*

Кто это сказал? Фельсенбург?

– Небо станет красным... – Вернувшийся Бюнц положил руку на плечо сигнальщика.

– Небо и волны... Красное солнце...

– Красное солнце... двери в закат...

Фок Хосс схватился за горло и захрипел. Лицо шаутбенахта багровело на глазах, будто он уже болтался вверх ногами. Грустный сигнальщик улыбнулся краешком рта, и тут прихватило уже Бермессера.

– Хватит... – Голос Ледяного дрогнул.

– Ну нет! – отрезал Вальдес. Он все еще держал за шкирку Фельсенбурга и все еще не улыбался. – Вы, двое, так был приказ или нет?

– Н-н-нетхк-кх-кх!

Теперь субчики признавались – кашляли и признавались наперебой, только никто их не слушал, разве что Фельсенбург и фрошеры в алых косынках. Покойники пропали. Олаф таращился на собственные сапоги, Канмахер часто дышал и то и дело утирал лоб, Вальдес, и не думая шуриться, глядел на солнце... Было тошно, и Добряк вытащил фляжку. Глоток можжевелевой прочистил мозги и унял поганенькую непривычную дрожь. Бермессеру быть на рее, это и кильке ясно, а что прикажете делать честному шкиперу?

Бешеный, он, конечно, Бешеный, но Ледяного не выпустит и под райос – не дурак. Фельсенбург увяжется за своим адмиралом, а фрахт куда? Гудрун под хвост? Не переть же в Седые земли порожняком? Да и не дойти – на берегу дюжин пять обормотов со «Звезды», и не одни солдаты, парочка офицеров точно сыщется. Станут докладывать по начальству, и кто их знает, что наплетут. Брякнут, что «Селезень» на пару с Вальдесовой «Тварью» охотился за адмиралом цур зее, – и все! Примутся ловить по всему побережью как фрошерских пособников. Допустим, Ротфогель обойти не штука, но в Полночное море так просто не проскочишь. Пойти вдоль Седых земель на север, не зная ни берега, ни течений? Разбежался...

Юхан глотнул еще разок, спрятал фляжку – предложишь раньше времени, в подхалимы запишут – и занялся делом. Начал Добряк с одиноко стоящего у борта фельпца. Дриксенского южанин явно не понимал, вот и считал чаек в одиночестве. Очень кстати.

– Не скажу, что день выдался добрым, – задумчиво произнес на талиг Юхан, – как-никак, чуть лоханку мою не утопили, но вечерок славный. Завтра будет хороший ветер... То есть для вас хороший, если вы на юг.

– На юг, – коротко подтвердил принц.

– А раз так, сударь, мы с вами.

– Вы же шли в Седые земли, ну и идите. Вальдес вас отпустит.

– Вальдес-то отпустит, только в море он не один. Уберись мы сразу, как вы со «Звездой» сцепились, может, и сошло бы, а сейчас – дело дохлое. Абордажники удравшие

покажут, что мы с вами заодно. Адмирала вашего еще поймай, а поймаешь, заодно и крабью тещу сыщешь; зато на нас отыграться – милое дело... Меня на старости лет в петлю не тянет!

– Если так... – Соображает парень туго, ну так принц же! – Тогда вам и впрямь лучше с нами, только что вы станете делать в Хексберг?

– Ничего. А вот в Ардору я бы сходил, а то и дальше... Вы, я слышал, домой собираетесь. Морем?

– Я не могу оставить свою галеру.

– И правильно, кто ж свою посудину по доброй воле оставит? А почему б, сударь, вам с собой товар не прихватить? Война морячков распугала, в Хексберг сейчас склады, поди, под завязку, да и в Ардоре... Господину Фельсенбургу, надо думать, «Утенок» мой теперь без надобности, а вам не с пустыми же руками возвращаться? Фельп – город торговый, вы – принц. Пусть видят, вы не только на войне хороши, но и в негоциях.

– Пожалуй... Призовые у меня еще целы... Только откуда мне знать, что везти? Негоциантов в нашей семье не было.

– Так ведь и принцев не было. – Нет, господа селедки, это вам не Фельсенбург, но дело иметь можно. Первый раз наживется, потом во вкус войдет, а за проход сквозь Астраповы Врата можно и скидку дать. – Придем в Хексберг, прикинем, что брать. Не там найдем, так в Ардоре...

– Шкипер, – раздалось сзади, – у вас ведь была фляга...

– А как же! – Уж кому-кому, а «господину Ротгеру» Юхан отказать не мог, тем более сегодня. – Канмахеру?

– Да.

Эк их всех прихватило, и что это за бубенчики тут понавешали?! Звенят и звенят.

– Сами тоже хлебните. Не помешает.

– После... Господин Клюгкатер, нас ждут. Пора решать. Капитан Джильди, прошу простить, но это наше дело. Дело выживших у Хексберг.

– А чего тут решать? – Юхан сказал то, чего ждал Фельсенбург, при этом ничуть не покривив душой: ублюдку, напавшему на «Утенка» и сорвавшему фрахт, одна дорога. – На рей!

2

– Закат к нашим услугам, – Вальдес подмигнул разгорающемуся горизонту, – вопрос, отправится ли туда господин Бермессер как ваш трус или как наша добыча. Мы с принцем готовы уступить друзьям Доннера.

– Да, – подтвердил Луиджи, хотя решал не он, а дриксенцы, то есть – Кальдмеер. Фельпца все больше тянуло удрать, но он сдуру дважды отказывался уйти. Оставалось смотреть на закат, потому что на людей смотреть не хотелось.

– Я так думаю, *наше* это дело. – Ждали адмирала, а заговорил шкипер. Он не служил и мог на начальство не озираться. – А не наше, так *мое*. Оно, конечно, себе дороже. С врага, уж простите, чего взять? Вздернул – и домой, а нам, если рискнем, в Дриксен ходу не будет, разве что кесарь оклемается... Только лучше регенту не потрафить, чем морю. Да и дружки у меня под Хексберг сгинули, Браунбард вон молодой... Один ведь у матери был! Так что вы как хотите, а я вперед господина Вальдеса с веревкой встану, ну а там... Море не выдаст, Фридрих не съест!

Фельсенбург дернулся что-то сказать, но сдержался, только взглянул на адмирала. Вальдес подкинул кольцо с изумрудом, поймал, поднес к глазам, снова подбросил. Леворукий бы побрал молчание! Бермессер свою веревку заслужил, как убийцы Муцио – топор. Отец, окажись он в шкуре Кальдмеера, не колебался бы, да и сам Луиджи... Разве что принимать свою месть из чужих рук обидно. Кто ты такой, если не смог сам?

– У тебя – дружки, – немолодой дриксенец, вроде бы боцман, протянул шкиперу

руку, – у меня – внук...

– Я обещал фок Шнееталю. – Больше Фельсенбург на своего адмирала не косился. – Бермессер и его сообщники отправятся на рей именем Дриксен. Здесь нас трое, но лейтенант Лёффер тоже был у Хексберг. Пусть четвертым будет он.

– Постой, Руппи! – дернул щекой Кальдмеер. – Адмирал Вальдес, мы принимаем ответственность за казнь на себя. В память «Ноордкроне» и других погибших. Адмирал цур зее Бермессер и шаутбенахт фок Хосс будут повешены.

– Будут повешены все, кто лгал под присягой, – уточнил Вальдес. – Я насчитал одиннадцать человек.

– Двенадцать, – поправил Фельсенбург. – Еще Троттен.

– Руппи, – тихо окликнул Олаф, – Троттен не был в Хексберг и даже не давал показаний. Ты сводишь личные счета...

– Да, свожу! По трактирам с враньем шлялось пятеро, осталось трое... Эта кочерыжка клялась быть рядом с Бермессером всюду. Вот и будет!

– Туда и дорога, – буркнул шкипер. – Те хоть со страху гадить начали, а этот для удовольствия.

Адмирал больше не спорил.

– Вальдес, – попросил он, – если это возможно... На флагмане должен быть палач, а священник есть на каждом линеале.

– Пусть поищут, – согласился Ротгер, – вряд ли эти господа ходили на абордаж.

– Палачу надо платить, – напомнил Фельсенбург. – Господин Вальдес, мои деньги остались на «Селезне», и я не знаю, принадлежат ли они еще мне...

– Разумеется, но флагманскому палачу пристало получать плату из корабельной кассы, а что останется... Шкипер, вы примете эти деньги в счет неустойки за сорванный фрахт? В конце концов, вам его испортил Бермессер.

– Спасибо, конечно... Только лучше б мне заработать по-честному. На том же кэналлийском.

– Фридрих без кэналлийского обойдется.

– Какой такой Фридрих?! Мы тут с его фельпским высочеством как раз думали, с каким бы ему товаром к родителю вернуться...

– А что? – засмеялся Вальдес. – Почему бы дриксенскому шкиперу не отвезти фельпскому герцогу кэналлийского? Мир сходит с ума, так пусть он делает это весело!

3

Статного священника Руппи помнил куда лучше, чем тот хотел бы, а вот палач был новым – папаша Гюнтер навеки остался на «Ноордкроне». Вальдес играл с кольцом, Кальдмеер молчал, пришлось начинать разговор.

– Как тебя зовут?

– Киппе, господин. Симон Киппе.

– Знаешь, что нам нужно?

– Сказали.

– Ты готов?

А если не готов, тогда что? Грольше с Польдером звать? Вздернуть-то они вздернут, только как бы какая мразь не сорвалась.

– Сделать я могу, – сощурился Киппе, и Руппи почудилось, что в ручищах палача флажка и он по ней сейчас щелкнет, – а потом что? Ни места, ни головы! Я на четыре года подряжался, сейчас тринадцатый месяц идет...

– Жалованье за оставшиеся месяцы ты получишь. И за сегодняшнее.

– Неправильно так. Или жалованье, или за работу.

– Выбирай.

– Жалованье, сударь. Ну а если я вам глянусь, свистните, как вернетесь.

– Ты меня знаешь?

– Слышал. И про вас, и про господина адмирала цур зее, дай Создатель здоровьица...

Фрошер говорит, дело спешное?

– Хорошо бы закончить дотемна.

– Успеем, если не тянуть.

– Гонсало, – подал голос Вальдес, – проводи куда нужно. Обоих...

– Я не смогу, – закатил глаза священник. – Двенадцать человек до захода солнца... Это ужасно!

– Шварцготвотрум! – рыкнул Канмахер, он тоже знал про серого подлеца со «Звезды». – Оптом отпоешь, а исповедоваться... Исповедовались они уже сегодня.

– Кому? – Клирик завертел головой. – Господин адмирал цур зее – добрый эсператист, он не станет...

– Он уже стал! – Пальцы Руппи сжались в кулак. – Отправляйтесь и благодарите Создателя, что юркнули ему под подол... Иначе быть бы вам тринадцатым!

– Я... Господин Фельсенбург, я был вынужден... Человек слаб...

– Вы и сейчас вынуждены. Вон!

И это тоже служитель Его! Отец Луциан, брат Орест, отец Александер и *этом*. Только чего удивляться. На каждого Ледяного найдется Бермессер, а то и два... Бешеный в Хексберг говорил о чем-то таком, но тогда подлость еще не распухла в пол-Дриксен... Лейтенант мотнул головой, отбрасывая лезущие на глаза волосы. Усталость давала себя знать все сильнее. Сколько же всего влезло в неполный день – встреча, погоня, беготня по островку, плен, кэчхен и закат, сумасшедший, как сама жизнь. Не желающее быть круглым солнце то клонилось к воде, то отшатывалось от горизонта, словно тоже ждало.

– Пляшет, – сказал Вальдес, – с осени пятый раз...

Пронеслась кавиота, раздался тоскливый стонущий крик. Неужели забросить двенадцать веревок так долго?

– Дозвольте доложить! – Говорить вперед адмирала и лейтенанта Йозеву было тяжело, но чувство долга пересиливало. – Ну... Команду бы на палубе выстроить... Иначе непорядок!

– Нет! – отрезал Кальдмеер.

– А хорошо бы. – Добряк щелкнул свою фляжку. – А то доказывай потом, кто их и за что. Море не расскажет, а поп этот... Сомнителен он. Как получим дюжину святых, от фрошеров умученных, поздно думать будет.

– Согнуть бы наверх хоть марсовых, – вздохнул Йозев. – Этих не заткнешь, разве картечью...

– Нет, господа. – Олаф смотрел жестко и спокойно, как некогда на полуоте «Ноордкроне». – Матросы не должны видеть, как под чужими флагами вешают их адмирала. Любого. Море не расскажет, но поймет. Этого довольно.

– А как же...

– А вот так! – Бешеный подкинул свой изумруд. – Поймет не только море, поймет весь Ротфогель, и очень даже скоро. А серый пусть плетет что хочет. Кардиналу талигойскому...

– Вы забираете священника?

– Всех живых. Надо же чем-то и начальство порадовать, а этим летом Талигу на пленных не везет. То ли дело ваш Бруно, ему меньше гарнизона в рот не клади.

– А вам, – попытался улыбнуться Олаф, – меньше флагмана. Сейчас самое время спросить про нас с Рупертом и про то, как будут звать «Верную звезду» в Хексберг. Или это решит Альмейда?

– Вам придется познакомиться с тетушкой Юлианой. К счастью для вас, она верная супруга и добродетельная мать... Что до «Глаубштерн», то мне он не нравится, и не только мне. В Хексберг ему делать нечего.

– Я слышал, что мари́кьяре жгут захваченные корабли...

– Вместе с командой? Какое очередное... то есть очаровательное варварство! Нет,

«Глаубштерн» огонь не грозит – флагман вернется в Ротфогель. Да, Гонсало?

– Готово.

– Быстро. – Зеленый камень поймал и потерял закатный луч. – Что ж, покончим с долгами, и пусть ставят паруса.

– Идемте, господа. – Олаф двинулся первым. Один и не оглядываясь. Руппи обдернул было заскорузлую от крови Лёффера куртку, передумал, сорвал, швырнул за борт, пошел рядом с Клюгкатером. Все линеалы похожи, и дороги на них коротки.

– Сударь, – шепнул Юхан, – может, их о чем-то спросить надо, а то, знаете ли... После уже не выйдет.

– Главное я слышал, а остальное... Понадобится, найду кого спросить.

Шкипер пожал плечами и предложил можжевеловой. Руппи поблагодарил, выпил. Усталость не исчезла, но хоть виски стягивать перестало. На палубе уже ждали. Солдаты, осужденные, священник, словно нарисованные тушью по закату пётли... Кто-то орал. Троттен, надо полагать, а может, и сам господин адмирал цур зее?

– А если сорвется кто? – деловито уточнил Добряк.

– Значит, судьба, – твердо сказал Олаф и первым под непрекращающиеся вопли пошел к трапу. Вытянувшееся в какое-то яйцо солнце все еще не касалось гладкой, будто лед, воды. Ветер тоже стих и ждет. Штиль и крики. Чайки и те, кто не хочет умирать.

– Предатель!.. Ты еще свое получишь, ты и твой Фельсенбург! – Опять адъютант фок Хосса. Знакомый, пусть и не из близких. Лжесвидетель. Лейтенант флота Дриксен... Мразь... Хоть и смелая.

– Руппи! Мы же друзья... Руппи, как ты можешь! Руппи...

Только *так* он и может. Отступать нельзя. Отступать нельзя не только в бою.

– Начинать? – спрашивает Симон Киппе. Палач не слышит криков. Палач ждет приказа.

– Будь ты проклят... оружейник!

– Буду.

Вальдес молчит, скрестив руки на груди, за его плечом молчат Шнееталь с Зеппом и пылает небо.

– Начинай. – Руппи уже махнул рукой, когда понял, что опередил сразу двух адмиралов. Что ж, да будет так. – Именем Дриксен и «Ноордкроне»!

...Не сорвался никто. Палач на «Верной звезде» был отменный.

Часть пятая

«Дьявол (Тень)»¹⁰

Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.
Франсуа де Ларошфуко

¹⁰ Высший аркан Таро «Дьявол» (Le Diable) символизирует темную сторону всех вещей, предопределение, фатальность, тайну. В тени скрывается дьявол, но не ходить туда – трусость. Помня о Зле, надо знать, что огонь может быть и светом, и адом. Карта также говорит о жажде материального или физического благополучия, власти, богатстве. Иногда означает рабскую зависимость от эротических желаний. **ПК** : злоупотребление силой, усилия направлены на достижение материальных благ, эротические связи без неприятных последствий.

Глава 1
Талиг. Южная Марагона. Талиг. Поместье Лаик
400 год К.С. 11-й день Летних Волн

1

Генерал Ариго был искренне благодарен генералу Рейферу. Необычный «гусь» изъяснялся столь ясно, четко и кратко, что не блещущий познаниями в дриксенском Жермон

сумел разобрать перехваченный рапорт без посторонней помощи. Ариго дважды перечел достойные самого Ойгена строки, на всякий случай сверился со сделанным на скорую руку переводом, что приложили к добыче доблестные капитаны, и протянул бумаги начальнику штаба.

– Взгляните-ка, Гэвин. Приятно, когда ожидания оправдываются. Мы ждали от разведчиков важных сведений, и вот они. Не тайные планы Бруно, конечно, но очень и очень любопытно.

Карсфорн моргнул красными припухшими глазами и крайне выразительно не понял шутки. Он ждал неприятностей, он их получил, а ерничанье – дело тенъентское, на худой конец капитанское, но никак не полковничье и выше. Ну и ладно! Жермон подкрутил усы и занялся поощрением.

– Молодцы! – от души поблагодарил он всю ночь гнавшего коня Бертольда. – И ты, и Арсини с Давенпортом, а сейчас марш отсыпаться!

Старый знакомец был сер от пыли и усталости, но тенъенты станут руководствоваться здравым смыслом, когда начальники штаба начнут смеяться.

– Господин генерал! – Серый Бертольд мог выпятить грудь колесом, но не порозоветь. – Я не устал! Достаточно сменить коня и выделить других солдат для сопровождения, и я смогу выехать к капитану Давенпорту с вашим приказом.

Герой в самом деле собрался немедленно лезть в седло, но Талиг как-нибудь обойдется без этого подвига.

– Приказ ты уже получил – отдыхать. Понадобится – курьера найдем, а от тебя, хорохорься не хорохорься, сейчас толку мало. Арно, заberi-ка этого господина к себе. Вы ведь знакомы?

– Да.

– Тем лучше. Захочет поестъ – накорми, нет, пусть так валится, больше в обед съест. Ступайте, потом еще поговорим.

– Мой генерал...

– Кыш.

Бертольд щелкнул каблуками и, пытаясь выглядеть пободрее, вывалился из палатки вслед за Арно. Жермон невольно поискал глазами шляпу, понял, почему именно ее, хмыкнул и навис над уже уткнувшимся в карту Карсфорном. Хорошее по причине ужина у бергеров и в самом деле спокойной ночи настроение портиться не желало, хотя новости могли бы быть и лучше. Хуже тоже, но с трудом.

– Старика вряд ли обрадует, что дриксы взяли за марагов уже *всерьез*.

– Помнится, генерал Райнштайнер опасался подобного еще прошлой осенью.

– Да. – Про бергеров не хотелось говорить даже с Карсфорном. Хороший был вечер, ничего не скажешь... Похоже, последний хороший вечер в эту кампанию.

– Если маршал не пойдет в Марагону, его не поймет уже никто. – Карсфорн подавил третий за несколько минут зевок, сыч несчастный! Жермон решительно сгреб с кровати зарождающуюся на любом биваке кучу и навалил на карту.

– Прикажу-ка я вам то же, что и Бертольду. Я – к маршалу, а вы – спать! Здесь, немедленно и до обеда, иначе свалитесь прямо на марше. Часов пять у вас есть. – Раньше Вольфгангу просто не переварить новости и не прийти хоть к какому-то решению. – Из-за чего вы не выспались сегодня, ведь нигде не горело?

То есть горело, конечно, только либо об этом еще не знали, либо уже свыклись, именно поэтому Жермон и позволил себе принять приглашение Ойгена, но Карсфорн дело всегда найдет.

– Не знаю, насколько срочным было то, чем я занимался. – Начальник штаба, диво дивное, казался смущенным. – Когда вы отбыли к генералу Райнштайнеру, прибыл пакет от маршала Лионеля Савиньяка. Кроме личного письма для тенъента Сэ, в него было вложено описание каданско-гаунасской кампании. Если б я служил в Северной армии, я бы лег костями, чтобы остановить вторжение в Гаунау, но с военной точки зрения все проведено

почти безупречно... Особенно маневр у селения Гемутлих.

– Хеллингген наверняка именно это и пытался сделать – лечь костями... Гэвин, я не шучу, ложитесь. Потом времени не будет, готов поспорить, нас ожидают свои собственные маневры.

– Именно поэтому я просил бы вас... изучить опыт отступления от Гемутлих. Южная Марагона очень напоминает Восточную Гаунау. Леса, холмы и низины, которые любой сильный дождь превращает в болото...

– Гэвин, ну сколько можно приказывать?!

2

Ничего особенного от Лаик Арлетта не ожидала, но другого повода показать Посольской палате, что Проэмперадор Оллари не только пользуется полным доверием регента, но и вполне самостоятелен, графиня не нашла. А повод был хорош. Ну как не проверить мелькнувшую в Нохе догадку, тем паче подобное пришло и в голову Эрвину, а мальчик, по словам Ли, змей с корягами не путал. Да и попасть в место, куда женская ножка не ступала самое малое два круга, было забавно.

Господин Проэмперадор против поездки ничего не имел, господин кардинал... Господин кардинал, видимо, тоже искал повод. Для себя. Его высокопреосвященство незамедлительно вызвался сопровождать графиню Савиньяк, и теперь уже не возражала Арлетта. Напротив, ей делалось весело от самой мысли провести ночь в бывшем аббатстве в обществе высокопоставленного эсператиста. Графиня повеселилась всю дорогу, но когда небо заступили изгрызенные омелью тополя, стало страшновато, будто в детстве перед вдруг открывшейся дверью в подземелье. Любопытно, что чувствуют свезенные сюда мальчишки, – эту братию вряд ли выведет из равновесия неухоженный парк.

– Совы любят старые деревья и старые здания, – заметил Левий и, придерживая полы одеяния, почти выпрыгнул из кареты, опередив тихого Пьетро: – Вашу руку, сударыня!

– Гос... по... да! – К карете, всю размахивая руками, вприпрыжку неся некто в мундире. – Гос... по... да... Тут... болото!

– Мы видим, – вновь развеселилась графиня, – но болото без лягушек не может считаться таковым.

– Лягушек тут прорва, – обиделся хозяин. – Слышали бы вы... Прошу простить! Временный комендант Лаик тенъент Сэц-Пуэн к вашим услугам. Мне сообщили о вашем приезде, но я ждал вас позднее...

– Савиньяки не любят мешкать, – засмеялась графиня и, не дожидаясь приглашения, направилась в изрядно заросшую аллею. Потерявшего глаз парня было жаль, но жалеть не значит охать. – Герцог Эпинэ дал нам ознакомиться с вашим рапортом. Вряд ли кто-то сделал бы больше, но мы ищем не то, что есть, а то, что было, да и поместье примечательно само по себе. Господин Левий интересуется эсператистской стариной.

– Каждый из Семи имел свои сильные стороны, – став «господином», его высокопреосвященство и бровью не повел, – а Франциск Оллар ничего не предпринимал просто так. Танкредианцы собирали и хранили знания; что ж, недорослей стали свозить именно в их обитель.

– Здание много раз перестраивали, в нем мало что уцелело от прежних времен. Конечно, я всего лишь бывший кавалерист, но если вы позволите... В Лаик вернулся один из менторов. У него совсем нет средств, и я его оставил. Он получает крышу над головой, полный пансион и... очень мне помогает.

– Возможно, я о нем слышала. Мои сыновья прошли через Лаик, младший – совсем недавно.

– Это мэтр Шабли. Жерар Шабли... Занимается описательными науками. Он славный человек, хотя... Иногда он кажется странным, но ему пришлось столько пережить!

– Это объясняет и извиняет многое, – согласился с одноглазым молодым человеком

седой кардинал. – Главное – отличить многое переживших от почитающих себя таковыми.

– Мэтр Шабли пробыл в Лаик шесть лет. Его любили все, но здесь, если плохо топить, осенью и зимой очень сыро, а у мэтра грудная болезнь... Ему пришлось подать в отставку и переехать в столицу к сестре. Ее муж хорошо зарабатывал, но потом... При Ракане все пошло прахом. Людям не хватало на хлеб и дрова, не то что на перчатки. Сударыня, возможно, вы не знаете... я участвовал в мятеже, я думал...

– Гораздо важнее, что вы думаете теперь, – пресекла исповедь Арлетта. – Что случилось с родичами Шабли?

– Они разорились. Дошло до того, что пришлось идти в Дору за подарками... Мэтр спасся чудом, его сестра и племянница погибли. Он пытался найти работу, но кому в Оллариэ этой зимой были нужны описательные науки? Писем тоже почти не писали... Когда мэтр Шабли пришел в Лаик, я готов был принять его за выходца. И в этом тоже виноваты мы!

– Святой Адриан заповедовал не отречься от своей вины, но не брать на себя вины чужие, – не упустил своего кардинал. – Само собой, я и моя высокочтимая спутница будем рады увидеть мэтра Шабли. Мы более или менее представляем, каким было танкредианское аббатство на исходе Круга Молний, но теория и жизнь сходятся не чаще, чем любовь и супружество.

– И не реже, – уточнила вдовствующая графиня Савиньяк, глядя в глубоко посаженные окна, будто в чужие глаза. – Так вы говорите, у вас водятся лягушки? Прямо здесь?

– Нет, у пруда.

3

Ли часто писал матери и никогда – Арно. Эмиль младшему брату тоже не писал, но иначе – у него не доходили руки. Лионель же не считал нужным. Теперь счел...

Арно смотрел на четко выведенные буквы и чувствовал какой-то холодок. То, что пыталось переползти с бумажного листа в душу, теньенту не нравилось, как раньше не нравились лаикские галереи и менторское вранье. Их тоже нельзя было избежать.

«Арно, – требовал старший брат и маршал, – соберись и заставь себя понять вещи, которые далеко не все понимают и в тридцать, и в пятьдесят. Обычные офицеры могут себе такое позволить, ты – нет. Ты – мой брат, а я разбил дриксенского Фридриха и заключил мир с Хайнрихом. Мне некогда расписывать весеннюю кампанию еще раз, но генерал Ариго, если сочтет нужным, даст тебе просмотреть мои записки. Молодому военному они в любом случае будут полезны, хотя тебе, без сомнения, сейчас важнее текущая кампания. О ней и поговорим. Для Талига она складывается не лучшим образом, это очевидно мне, и это еще более очевидно тем, кто находится в действующей армии.

Будь я командующим Западной армией, с самого начала избрал бы иную тактику. Мне она кажется лучшей, но нельзя сравнивать то, чего не случилось, с тем, что произошло. То, что маршал фок Варзов терпит неудачи в Придде, не доказывает, что маршал Савиньяк на его месте побеждал бы. То, что маршал Савиньяк победил в Кадане, не доказывает, что маршал фок Варзов на его месте проиграл бы. Любые сравнения подобного рода чреваты спорами, но сейчас они могут стать опасны.

Я и фок Варзов воюем по-разному, но мы воюем за Талиг. Мой успех оставил Дриксен без гаунаской поддержки и поднял дух в наших войсках, но он же разбудил в некоторых головах сомнения. Я столкнулся с подобными настроениями уже в Старой Придде, но непосредственно в Западной армии они должны проявляться сильнее. Зная тебя, не сомневаюсь, что и ты недоволен бессмысленным, с твоей точки зрения, маневрированием, потерей важных крепостей и утратой инициативы. Я не могу запретить тебе думать, сопоставлять и делать выводы, но держи их при себе по крайней мере до подхода

Эмиля, потому что каждое сказанное тенъентом Савиньяком слово будет связываться с его братьями и передаваться дальше.

Молодые офицеры имеют обыкновение распускать язык при ординарцах и цирюльниках, а те, в свою очередь, обожают выказывать свою осведомленность. Невинная болтовня в терпящих неудачи войсках порой оборачивается недоверием солдат к командующему, а затем и командующего к солдатам. Иногда победить собственную армию труднее, чем чужую, но чужую без победы над своей не одолеть, у Ор-Гаролис я убедился в этом на собственной шкуре. Отвечая на вопрос, который ты не преминул бы задать, скажу, что не знаю, смог бы Лионель Савиньяк, оказавшись он сейчас во главе Западной армии, справиться с Бруно или же нет. Я бы сделал все, на что способен, но то же самое относится и к фок Варзов. Кто из нас прав как военачальник, не скажет никто, потому что одну и ту же кампанию нельзя провести дважды. Она началась, она идет, и твой долг – работать веслами, а не раскачивать лодку. Это за тебя делают другие.

Если соберешься ответить, отправляй письма в Агмиштадт. Оттуда будут еженедельные окказы в Надор.

Лионель».

– Эгей! – Проснувшийся, нет, выпавшийся Бертольд сидел на койке и смотрел на Арно. – Генерал в самом деле говорил про завтрак или мне это приснилось?

– Он говорил про обед. – Тенъент торопливо сунул письмо в карман. – Если выпался, пошли!

– Выспался на неделю вперед, но если письмо от дамы, я могу подождать, пока ты его поцелуешь.

– Это... от матери.

– Ругает, что не пишешь, и требует не подходить к дриksam слишком близко?

– Нас «гусями» даже в детстве не пугали. Так ты идешь лопать или нет?

Глава 2

Талиг. Поместье Лаик 400 год К.С. 11-й день Летних Волн

1

Щурящийся не хуже самой Арлетты тщедушный человечек ничем не напоминал красавца Капотту, и графиня прониклась к нему симпатией.

– Заходите, мэтр! – крикнул успевший освоиться с именитыми гостями комендант. – Вот он, наш ментор, и будь я гайифцем, если он не прочтет поэму о каждой лестнице.

– Магистр описательных наук Жерар Шабли к вашим услугам. – Глаза ментора растерянно перебегали со знатной дамы на эсператиста и обратно. – Буду счастлив показать вам Лаик.

– Сын о вас рассказывал, – подхватила споткнувшийся разговор графиня. – Вы его знали как унара Арно.

– Я помню. – Мэтр беспомощно улыбнулся. – Унара Арно и унара Альберто имели обыкновение меня... поправлять по истории последних царствований. Я был им признателен, ведь я читал то, что от меня требовали. Могу я узнать, где Арно Савиньяк сейчас?

– В Западной армии у генерала Ариго.

– Армия... Конечно! Я мог бы и не спрашивать. Надеюсь, у него все хорошо?

– О, – засмеялась графиня, – в Талиге вряд ли найдется армия, в которой Савиньяку будет плохо, только этот Савиньяк пока мелковат. Как вы после возвращения находите Лаик?

– Меня удивили ров и мост напротив главного входа... Очень странная гниль.

– Все так говорят, – подтвердил комендант, – но господин Прозэмперадор обещает свежий лес, а болоту мы дадим бой. Станем копать канавы, как в речном Пуэне, и лишняя вода уйдет. Зато внешняя стена цела, и здания тоже в приличном состоянии.

– Так давайте их и осмотрим, – предложил Левий и пояснил: – Достопримечательности лучше всего осматривать перед обедом, тогда за обедом будет о чем говорить. Раз уж господин комендант передает нас на попечение мэтра Шабли...

Господин комендант покидать гостей никоим образом не собирался, к тому же ключи хранились у него, а мэтр Шабли ладил с книгами, но не с тугими замками. В подтверждение своих слов Сэц-Пуэн вытащил из бюро внушительную связку, и это была лишь четверть доверенного ему железа.

– Жилые комнаты почти одинаковы, – пояснил комендант, – там смотреть нечего, как и в службах.

Графиня не возразила, хотя каморки, где спали, зубрили, злились, задумывали каверзы Арно и мальчишки, влекли ее сильнее уцелевшей лепнины и переселившихся призраков. Ничего не поделаешь – с возрастом у женщин отрастают куриные перья, ими можно трясти, а можно прятать или выдирать с мясом; графиня Савиньяк предпочитала прятать. Комендант распахивал двери, мэтр Шабли говорил об арках и ступенях, Левий переспрашивал, Пьетро спал на ходу, Арлетта словно бы *видела*. Юного графа Лэкдеми, перешептывающегося с маркизом Эр-При и графом Энтраг, фехтующих близнецов, наседающего на ментора младшего... Наслушавшись об унарских подвигах, он рвался в Лаик, материнской выдержки хватило на то, чтобы спровадить детище к братцу-опекуну с улыбкой. Сэ опустел, и Арлетта не вытерпела – отправилась в столицу, не дожидаясь Фабианова дня. Как оказалось, не напрасно. Ли понял, что от матери может быть польза, а она, она взялась вернуть Жозине Робера...

Громко хлопнувшая дверь отогнала прошлое. Они добрались до трапезной.

– Это уже больше похоже на аббатство, чем на загон для молодых людей, – удовлетворенно объявил Левий. – Любопытно, уцелели ли под штукатуркой росписи? Ранние танкредиианцы выбирали очень необычные сюжеты. Возможно, мастера еще смогут что-то спасти.

– Разве что под самым потолком, – предположил мэтр. – Сперва фрески затянули полотном, но потом обнаружилось, что унары оттачивают на них свое... собственное искусство. В восемьдесят шестом году стены оштукатурили. Тогда же снесли верхний храм, а перекрытие служебного этажа превратили в террасу для прогулок.

– Не думаю, что отмыть унарские художества трудней, чем штукатурку. Сейчас в это сложно поверить, но попробуйте представить на стенах... Хотя бы изображения местных птиц и зверей. В окнах были витражи, золотистые, чтобы хмурый день казался солнечным, а по вечерам в трапезной, где собиралось до пятисот монахов, зажигали бронзовые светильники... Сударыня, что с вами?

– Я представила... – подавила неприличный смешок Арлетта. – Только не светильник... Однокорытники моего сына умудрились прицепить вот на этот самый крюк... часть туалета тогдашнего капитана. Свин, как его заслуженно называли, впал в ярость и устроил внизу дикую пляску.

– Не проще ли было опустить крюк? – мимоходом удивился его высокопреосвященство, выискивая на потолке следы былых времен.

– Капитан Арамона не желал ждать, – живо объяснил мэтр Шабли, – а замок двери на малый чердак залили смолой...

– Не только на чердак, – хохотнул комендант. – Конюшням и подвалам тоже досталось. Служебные открыли, а те, что под фехтовальным залом и старым флигелем, так и стоят.

– Под фехтовальным залом? – восторженно воскликнул Левий. – Сударыня, я боюсь поверить, но речь идет о затопленном храме. Он размещался под главным храмом и служил усыпальницей настоятелей. Эти подвалы – ровесники Кабитэлы! Вряд ли они в лучшем состоянии, чем

трапезная, но сами своды... Комендант, мы можем туда попасть?

– К сожалению, без капеллана... А! – Сэц-Пуэн махнул рукой, как мальчишка и кавалерист. – Сейчас здесь хозяин я, а замок можно и высадить.

2

От ключа, даже не пропади он вместе с лаикским капелланом, толку не было бы никакого. Замочная скважина была забита какой-то дрянью, очень может быть, застывшей смолой – Арлетта в истинно мужских вещах не разбиралась. Некогда столь впечатливший Арно граф Медуза пакостил даже там, где его трудов не могли оценить, а может, у него случился излишек смолы?

Осматривать допотопные подземелья графиню не тянуло, но Левий дрожал, будто вставшая на след гончая, а Сэц-Пуэн рвался услужить, так что Арлетта смирилась с неизбежным – гробницы так гробницы. Дверь открывалась наружу, пришлось выламывать замок. Несший факел слуга напоминал голодную мышь и для подобного подвига не годился, но кардинальские молодцы управились в два счета – подвалы Лаик отнюдь не являлись крепостными казематами.

Осела пыль, и его высокопреосвященство, сам напоминавший знак неведомого ордена, с факелом в руке устремился в вожденную нору. Арлетта, не дожидаясь галантности, оперлась о руку подвернувшегося Пьетро и полезла следом. Вопреки ожиданиям внутри не было ни сыро, ни затхло. Стояла прохладная сдержанная тишина. Семиугольный черный стол уцелел, хоть и лишился положенных ему скамьи и каменного пламени; никто не тронул ни выступавшего из своей ниши Танкреда, ни его сову.

– Покой озарений, – объяснил Левий. – Удивительно приятный, но пропорции не выдержаны. И этот стол... Обратите внимание, сударыня, он составляет одно целое с полом.

– В самом деле. – Арлетта коснулась блестящей поверхности, которой полагалось быть либо пыльной, либо мокрой. – Нескругленные углы, колодец или камень посередине... Танкредянцы воспользовались гальтарским святилищем?

– Вы хорошо осведомлены.

– Почему бы и нет? В Талиге древности никому не мешали.

– Вернее сказать, в Талиге до недавнего времени никому не мешала Гальтара. С Талигойей, при всех ее древностях, Франциск Оллар расправился очень умело.

– Талигойе повезло, – сощурилась Арлетта. – Не будь Оллара, с ней расправился бы Агарис, хотя... Если все, что тебе остается, – это выбор меж ядом и сталью, ты уже мертв, и ты прикончил себя сам. Раньше. Собственной глупостью.

– Вольный перевод из Лахузы? Браво, сударыня.

– Очень вольный. Мудрец, как вы помните, вразумлял осужденного преступника, излишне долго, на мой взгляд, а мы говорим о королевстве. Талигойя подыхала, Оллар и Агарис столкнулись почти над падалью.

– Вы очень добры.

– Разве?

– Вы не напомнили вашему покорному слуге, что Агарис тоже прикончил сам себя, хотя так оно и есть. Эсператизму нужен свой Победитель Дракона, но не пройти ли нам в основную часть храма? Раньше Покой озарений отделял занавес; само собой, он уцелеть не мог, но кому понадобилась внутренняя дверь? Пьетро, двоих... четверых факельщиков сюда.

3

Строгие темные колонны подпирали плоский гальтарский потолок, за ними угадывалось что-то светлое. Арлетта сощурилась и поняла, что Левий обрел свои усыпальницы. Эсператистские гробницы, как и положено, тянулись вдоль стен слева направо. Первая от входа – самая старая, и все равно она на сотни лет младше стен. Лаик

сохранила и древнее святилище, и занявших его чужаков...

– «Евгений», – прочла графиня, – Евгений...

Они нашли своих призраков. Чеканный профиль на украшавшем склеп медальоне мог принадлежать лишь аббату, восемь дней назад шествовавшему по Нохе с зеленой свечой в руке. Монахи Лаик в самом деле сменили место, но гробницы остались.

– Я подозревал, но не был уверен. – Надгробие было высоким, и Левию приходилось задира́ть голову. – Прижизненных изображений основателей орденов и их сподвижников уцелело немного, а позднейшие портреты, мягко говоря, не льстивы. Евгения избрал в преемники сам Танкред, сегодня обоих изображают согбенными старцами. Довольно-таки хилыми.

– Так многие представляют ученых. Орден Знания – орден стариков.

– Может быть...

Рыжие огненные отблески лишь подчеркивали совершенство лица и совершенство памятника. Портрет. Надпись. Фигурка совы со свечой. Всё. Ангелы с перевернутыми факелами и всяческие аллегории появились позже, первые кабитэлские надгробия были простыми что у знати, что у клириков, и отнюдь не из бедности.

– Вы не задумывались, почему первые орденские резиденции строили далеко и друг от друга, и от императорского дворца, а потом они начали сползаться?

– Нет.

– Я тоже, но сегодня у меня возникло желание объехать то, что осталось от первых монастырей. Самых первых. Евлалий... Этот был всего лишь настоятелем одного из окружавших Кабитэлу аббатств. Взгляните. Не на лицо – на знак. Сова вполоборота и без наперсного знака.

– У совы Евгения его тоже нет.

– Тогда Церковь была скромна. Знаки власти приходят позже, чем сама власть, и порой ее подменяют. В некоторых головах. О регалиях Раканов вы, само собой, слышаны?

– Да, – не стала вдаваться в подробности Арлетта. Левий не настаивал. Его высокопреосвященство весь ушел в чтение надписей, но графиня слишком плохо видела и слишком мало знала, чтоб не скучать. И вместе с тем ее не тянуло вверх. Кто бы ни вырыл этот подвал, здесь было удивительно спокойно, если б еще и скамья уцелела... Усаживаться на стол в Покое озарений было все же кощунством.

Арлетта в сопровождении факельщика неторопливо обошла всяческих Модестов и Гнеев, заглянула в первый из не дождавшихся своего мертвеца склепов и выбралась в коридор, где ждал Сэц-Пуэн с вконец нахохлившимся Шабли. Пахну́ло погребом, стало зябко.

– Желаете подняться в парк? – В голосе коменданта звучала надежда.

– Нет, это вам лучше пройти внутрь. – Парень слишком молод, чтобы сторожить Лаик. Робер хочет помочь, но это не та помощь, которая нужна. Ветеран-калека, приставленный к молодняку, найдет себя, Сэц-Пуэн потеряет. – Коменданту следует знать свои владения, а вот у вас, мэтр, может случиться приступ. Подвал не лучшее для вас место, хотя в этом, как ни странно, не сыро, а вам как ученому затопленный храм...

– Сударыня! – донеслось из упомянутого храма. – Прошу вас взглянуть!

4

Левий метался меж двумя последними «обитаемыми» склепами с видом учуявшей сразу двух фазанов дайты.

– Смотрите, – велел он. – Вначале на первый.

Арлетта сощурилась и кое-как разобрала, что здесь покоится брат Модест, проживший восемьдесят три года и почивший в седьмом году Круга Скал. Его сосед брат Диамнид коптил небо еще дольше и отправился к праотцам в девяносто семь.

– Ну? Что скажете?

– Франциск разрешил эсператистским монахам, если они стары и немощны, доживать свой век при бывших аббатствах. Требовалось лишь принести клятву не вредить Талигу и его королю. Эти двое остались.

– Вы в самом деле так думаете?

– Я не слышала, чтобы при школе оруженосцев жили эсператисты, но это ничего не значит. Танкредианцы могли следить за библиотекой.

– И удостоились такого захоронения?

– В самом деле странно. – Арлетта тронула словно только что вымытый мрамор. – Их двое, но последний из монахов шел без пары...

– А вот об этом не подумал я! Одиноким монах. Сова без свечи. Знание без сана. Имя без лица. В чем дело, Пьетро?

– Ваше преосвященство, у ментора случился приступ, его пришлось вывести.

– И что с того?

Докладывал монашек из рук вон плохо, но Арлетта поняла, что сунувшемуся-таки в храм Шабли стало дурно, когда возле одного из пустых склепов он наступил на брошенный факел. Рядом был найден второй – полностью выгоревший, он был закреплен в стенном кольце. Комендант проверил склеп и нашел вещи, судя по всему, принадлежавшие оллариянцу и унару Паоло. Во всяком случае, на увязанном по всем лаикским правилам тючке значилось именно это имя.

Глава 3

Талиг. Поместье Лаик. Талиг. Оллария 400 год К.С. 11-й день Летних Волн

1

Сапоги для верховой езды, зимняя дорожная одежда, набитые седельные сумки, черно-белые унарские «доспехи» и тот самый опечатанный тючок, в котором хранили домашнее платье, снятое в день прибытия в Лаик. Печати не тронуты, веревки целы... Пропавших унара, клирика, а потом и капитана искали, пока не умер Сильвестр и все не пошло вразнос. Подробности Арлетту занимали не особо, но мать Паоло уже после мятежа не сомневалась, что сын где-то ищет приключений. Сумасшедшей урожденную графиню Дорни-Кье не рискнул бы назвать никто, но бывает, с ума сходят не люди, а времена.

– Вы смотрите на эти вещи, словно на дурное письмо...

– Пожалуй, так оно и есть. Здесь пропали капеллан и один из мальчишек. Однокорытник Арно. Считалось, что они уехали, но, похоже, уезжать им было не в чем...

– Вы их знали?

– Мы – родственники через мою племянницу. Мать мальчика не считает сына мертвым, и я ей верю. Вы вряд ли примете такой довод всерьез, но я бы почувствовала, если что-то...

Почувствовала бы? Смерть Арно стала громом среди ясного неба. Она ничего не подозревала, пока во двор не ворвался гонец Рудольфа. Арлетта читала письмо и никак не могла даже не поверить – понять, но потом примчалась Кара. Отрекаться от брата-убийцы.

– Я повторила чужую глупость. Матери и жены – не пророки. Это потом нам кажется, что мы знали, чувствовали, предвидели...

– Бывает и наоборот. Не происходит ничего страшного, а мы боимся.

– Да, бывает и так. – Арлетта зачем-то развернула плащ. Дорогой, хоть и очень простой, он казался брошенным вчера, а не два с лишним года назад. Недалеко от Рафиано было подземелье с колодцем, возле которого цветы не вяли неделями. Лаикский храм сохранил не цветы, а вещи, но мэтру Шабли в нем стало плохо. Бедному мэтру Шабли, вынужденному вернуться в поместье, из которого он пытался уйти... Вдовый перчаточник не мог прокормить ментора или не хотел, но ментору повезло – новый комендант оказался не

просто добрым, его, как и дурачка Жильбера, мучила совесть...

– Сударыня, вы так интригующе молчите.

– Просто мне кажется, я наткнулась на ответ... Никому по большому счету уже не нужный.

– Какое совпадение. Мы оба нашли опоздавшие ответы, но так ли уж они не нужны? Знаете, сударыня, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь: загадки без ответа сходны с перестоявшей свое вишневой наливкой. Они убивают тех, кто их по незнанию выпьет.

2

Гайифского посла нашли в Старом парке в четыре часа пополудни. Вместе с парой охранников, каждый из которых управился бы с несколькими головорезами, но до рукопашной не дошло. Силачи поймали по арбалетному болту. Конхессера Гамбрин для разнообразия прикончили кинжалом, так что попасть на предстоящую встречу Посольской палаты с Проземператором гайифец не мог.

– Вот гадюка! – ругнулся Эпинэ, толком не зная, имеет ли он в виду покойного интригана или нехоти постаравшегося убийцу. Сэц-Ариж тоже не знал и смотрел на начальство с недоумением. Робер побарабанил пальцами по столу, вздохнул и велел пригласить дуайена, а прочим передать, чтоб подождали. То, что граф Глауберозе нравился и Роберу, и Катари, лишь усугубляло муторность происшедшего, так как Гамбрин, судя по всему, умудрился получить свой кинжал, едва распрощавшись с дриксенцем.

– Добрый день, господин Проземператор. – Затянутый в иссиня-черный мундир граф был спокоен, впрочем, он был спокоен всегда. – Чем могу быть полезен?

– Прошу садиться. Нас ждет долгий разговор.

– Всегда к вашим услугам, но не лучше ли сперва провести намеченную встречу? То, что я, будучи послом державы, находящейся с Талигом в состоянии войны, не считаю себя вправе возглавлять Посольскую палату, о чем и довел до вашего сведения, не помешает мне исполнять мои обязанности сегодня и до тех пор, пока вопрос с моим преемником благополучным образом не разрешится.

Дриксенец держался как отставной военный, чем и завоевал симпатии Робера, но вояки словеса подобным образом не закручивают. Глауберозе был дипломатом и, к сожалению, врагом. Иноходец провел ладонями по глазам, пытаясь подобрать подходящие случаю выражения.

– Граф, вы первым напомнили о разделившей нас войне. Вас вряд ли удивит, что за посольством Дриксен ведется наблюдение.

– Само собой, я об этом осведомлен. Ваши люди не скрываются, по крайней мере некоторые из них.

– Вчера около пяти пополудни в здание посольства вошел секретарь конхессера Гамбрин.

– Совершенно верно. Я понял, что вас беспокоит. Уверяю вас, это не имеет прямого отношения к сегодняшнему приему, и вам не следует ждать от нас никаких сюрпризов. Гамбрин предложил поделиться со мной оказавшимися в его распоряжении сведениями. Поскольку я, как и мои товарищи, лишен полагающейся мне по статусу связи как со своей державой, так и с регентом Талига, я счел уместным воспользоваться предоставленной мне возможностью.

– Что именно сообщил вам конхессер?

– Боюсь, я не могу ответить на ваш вопрос.

– Боюсь, я вынужден настаивать... – К кошкам экивоки, все равно недополковнику экстерриором не стать! – Гамбрин убит, и убит в Старом парке. Если вы с ним встречались, то на обратном пути, если не встречались, то по дороге к вам.

– Простите... Могу я узнать подробности?

– Извольте. Около четырех секретарь Гамбрин, ждавший в карете у парковых ворот,

обратился к начальнику караула. Тот дал ему в проводники сержанта...

– Я встретился с конхессером Гамбрином в Верхнем парке возле статуи девы с ланью. – Теперь дриксенец говорил как военный. – Мы сделали два круга по дорожкам и попрощались.

– У статуи не нашли ничего особенного, но дальше на дорожке заметили кровь. Начались поиски, очень недолгие. Убийцы оттащили трупы конхессера и охранников в кусты, но этим и ограничились. Похоже, преступников было не меньше двоих. В зарослях у боковой калитки нашли арбалеты и кровавые пятна. Очень вероятно, что кто-то из мерзавцев ранен, хотя следов схватки не обнаружено. Калитка взломана, она ведет на довольно-таки глухую улицу.

– Вы говорите об арбалетах. Застрелены все трое?

– Только телохранители. Конхессер очень умело заколот. Исчезли кольца, золотая цепь и кошелек. У одного из охранников пропал обручальный браслет, у обоих – пистолеты, по словам секретаря Гамбрина, очень хорошие.

– Все указывает на ограбление, – медленно произнес Глауберозе. – Все, кроме места и времени. Грабители не могли с ночи засесть в парке, не будучи осведомлены о нашей встрече, и я не знаю никого в обоих посольствах, кто может быть связан с местным отребьем. Тех, кому при нынешних обстоятельствах выгодна смерть конхессера Гамбрина, я тоже не знаю. Все, чем я могу помочь при поисках, это передать суть нашего разговора. Гамбрин сообщил, что моего кесаря разбил паралич и регентом при малолетнем Ольгерде стал его высочество Фридрих. Я, зная, как и почему его высочество был удален в Гаунау, позволил себе усомниться.

Возможно, это было недипломатично, но смолчать Иноходец не мог.

– Это правда. Графиня Савиньяк получила письмо от... Из Старой Придды. Принцесса Гудрун присягнула, что кесарь назначил регентом принца Фридриха. Он вернулся из Гаунау, потому что его разбил Лионель Савиньяк. Кстати, Талиг и Гаунау подписали перемирие до конца года, но с возможным продолжением.

– Не может быть!

– Тем не менее это так. Вы в любом случае об этом услышите на встрече.

– Жаль. – Робер его не отпускал, но старый дипломат все равно поднялся. – Жаль, что мир подписал Хайнрих, а не мой кесарь... Я надеялся на его скорый ответ. Вы вряд ли знаете, но я был среди сыновей военных, которые росли вместе с принцами. У вас нет такой традиции.

– Да, – негромко подтвердил Робер, – у нас такой традиции нет, но Лаик проходят все. Я могу просить вас сообщить Посольской палате о смерти конхессера Гамбрина и о том, что я прошу перенести нашу встречу на три дня?

– Конечно, господин Проэмперадор. – Дриксенец уже справился с собой. – Я все объясню. Можете и впредь мною располагать.

Робер молча протянул руку. О Катарине они не сказали ни слова, но сестра была в этом кабинете вместе с ними и по-прежнему не хотела войны.

3

Материнское сердце творит чудеса с материнской же головой. Графиня Савиньяк не вспомнила бы позапрошлогоднюю ерунду и под страхом казни, но эту ерунду нес Арно, которого она не видела месяцев шесть. Графиня впитывала в себя голос сына, жесты, сменяемый запальчивой злостью смех и болтовню, чтобы утащить в вечнорозовое озерцо, где матери вперемешку хранят детские болячки и первый лепет. Кто же знал, что в это озерцо случится нырнуть не только за нежностью?

...Арно тараторил, Ли потягивал вино и перелистывал попавшуюся под руку дриксенскую хронику, можно было подумать, что он не слушает. Арно так и решил. Ли предложил надувшемуся братцу «Слезу радости» и вернулся к книге... Нет, про шутника

говорили раньше, еще зимой, и они с младшим сидели у камина вдвоем. Арно заваливал мать подлыми графами и мерзкими капитанами. Она так и не смогла примирить сына со «струсившим» Рафле, да, говоря по чести, не очень-то и стремилась, только спросила, не кузен ли забрался в камин, ведь сын экстерриора восстанавливает справедливость иначе, чем сын маршала. Арно был уверен и в кузене, и в себе, ничего не вешавшем и не прималевывавшем. Арлетта кивнула, и сын умчался к приятелям. Позже она все же спросила Ли, не вступил ли он в сговор с унаром Арно.

– Зачем? – удивился утомленный генерал. На него было легче смотреть, чем на Эмиля, похожего на отца не только лицом, но и привычкой начинать ответ, не дослушав вопроса.

– Ну зачем-то к нам заходили искалеченные полковники, а Дезарриж был дважды. Я слышана о лаикских подвигах вряд ли меньше тебя. Такой урожай безобразий в один год невозможен. То есть невозможен, если предоставить дело самим мальчишкам... Мне жаловаться на злобного капитана, безвинно наказавшего моего невиннейшего сына, или вступить в сговор с Бланкой Салина?

– Первый маршал Талига отнесется с пониманием к жалобе графини Савиньяк. Матушка, вы очень хорошо улыбаетесь. Право, мне жаль, что Сузу-Музу породил не я.

Ее не волновало, кто буянил в Лаик, но они с Ли заново узнавали друг друга, и мать продолжала тянуть из сына слова:

– Дитя мое, ты в этом твердо уверен?

– Да, но граф нам будет полезен.

Рудольф толковал все в пользу Сильвестра, чтобы не вмешиваться. Бертрам – в пользу Валмона, чтобы делать что выгодно, а Ли с Росио пытались вставлять палки в те колеса, которые им особенно не нравились. По возможности тихо, но смена капитана Лаик – не повод для ссоры кардинала и Первого маршала. Или все-таки повод?

– Если графствовали не вы, то кто?

– Кто-то, кому мешает Арамона и не хочется выходить на свет. Я бы подумал на пропавшего капеллана, но Супре, стань капитан ему поперек горла, прямиком бы отправился к Сильвестру. Шутник предпочел, чтобы это сделали Савиньяки, Салина, Рафиано, Придды, Колиньяры... Столько важных персон!

– Да, – согласилась Арлетта. – Удобный год для расправы при помощи разгневанных родичей. Я правильно помню? Капитана Лаик назначает Первый маршал?

– Он назначит. Полковника Дезаррижа. Матушка, что вы думаете о Маранах?

– А я должна о них думать, сын мой? Надеюсь, дурно?

Первый настоящий разговор за несколько лет. Первый! Это Рокэ иногда так не хватало Арно, что он делился кое-чем с его вдовой. Ли молчал...

Плеск. Что-то шлепнулось в воду. Снова. Кардинал изящно пугает обещанных комендантом лягушек и правильно делает, надо выбираться из воспоминаний, даже если они греют душу.

– Ваше высокопреосвященство, вы могли бы меня просто окликнуть.

– Прямые пути претят Церкви; кроме того, ваша задумчивость очаровательна. Было жаль ее нарушать, тем более голосом, то ли дело плеск воды... Вы утвердились в своем ответе?

– Зачем, ведь я в нем не сомневалась. Забавно, но в свое время я подозревала собственных сыновей, благо Лионель всегда тяготел к портретам.

– Да, – улыбнулся Левий, – про портрет Алисы успели рассказать даже мне. Розовые лебеди – дурное обрамление для серьезных чувств.

– Таким образом мой сын выказывал свои намерения и взгляды. И не только свои. Обитателей его рамки не любили многие, но тихо. Лионель давал им возможность не скрывать своих чувств, за чужой счет, разумеется. Но рамка появилась не сразу. Сначала сын разрисовывал портреты, в том числе и в Лаик. А что ваша загадка?

– О, она гораздо старше плаща и факелов. Ночью я попробую вас ею развлечь; разумеется, если вы останетесь. Мы окончательно убедились, что призраки Нохи явились из

Лаик, и узнали, что ими предводительствует магнус Евгений. Ждать, что монахи вернутся в родное аббатство, будь сегодня хоть четырежды новолуние, бессмысленно. И все-таки я надеюсь...

- Увидеть Евгения?
- Нет. Провести ночь в вашем обществе.
- Хорошо, если вы сперва проведете час в обществе мэтра Шабли.
- Ментор и есть ваш ответ, только на какой вопрос?
- Один ответ может подходить к нескольким вопросам. Шабли что-то знает про исчезнувших, иначе с чего этот приступ у склепа?
- «Что-то» он знает, безусловно, но тот, кто залил смолой замок, знает больше.
- По-вашему, это сделал кто-то другой?
- Внешность бывает обманчивой, но этот Шабли вряд ли способен на убийство, а ведь вы думаете именно о нем?

– Думаю, хотя странно, имея подобный тайник, прятать тела в другом месте. Разве что они лежат в соседнем склепе...

– Пьетро смотрел. Сударыня, чтобы найти ответ, нам придется объяснить смолу, старые факелы и молчание. Это если убийство действительно *было*. Поверьте не вышедшему ростом клирику – справиться со здоровым молодым мужчиной и ловким юношей очень трудно.

Тщедушный ментор нападает на капеллана и унара, прячет трупы, выводит к Данару и отпускает лошадей... В самом деле нелепость. Разве что у Шабли были сообщники из слуг, но чем больше знающих, тем больше опасность, да и чем бы Шабли их привлек и как обеспечил молчание? Арно мог и не заметить, если двое-трое слуг исчезли, но не те, кто вел дознание.

– Вы правы, мое подозрение выглядит глупо. – Не разглядеть убийцу в старой подруге и заподозрить кашляющего хлюпика... Большие глаза не только у страха. – В самом деле, зачем Шабли убивать?

– Зачем? Как вам сказать... Желанная должность, красивая женщина, скрываемая ненависть, мало ли по какой причине образованные люди убивают или нанимают убийц. Мы с Пьетро от этого страшно далеки, но, само собой, я вас не оставлю один на один со столь опасным человеком...

Глава 4

Талиг. Южная Марагона. Талиг. Оллария 400 год К.С. 11-й день Летних Волн

1

– Говори, что надумал, – велел фок Варзов, откладывая в одну сторону знакомый дриксенский пакет, в другую – очередной яблочный огрызок.

«Надумывал» Жермон с утра. Непрерывно. По дороге к маршалу и обратно. Выслушивая доклады. Просматривая реляции, принимая посредственное лошадиное пополнение. В шестнадцатый раз объезжая авангард. Рейфер и Марагона, Марагона и Рейфер крутились в башке и когда генерал что-то, не чувствуя вкуса, жевал, и когда зачем-то придержал Барона, видя и не видя, как на гнавшего котенка лагерного пса кинулись сперва кошка-мать, потом – кашевар. За пса вступился брадобрей, запахло дракой. Жермон очнулся, рывкнул на всех сразу и погнал коня к бергерам. С выехавшим навстречу Ойгеном они столкнулись на полпути и проговорили почти час. Не сказали ничего нового.

– Карта нужна? – Фок Варзов истолковал заминку по-своему. Маршал в отличие от Жермона был собран, сосредоточен и немного суховат, словно часть его мыслей была... отвлечена на нечто иное.

– Могу и без карты, – взял себя в руки Ариго, – не в оврагах и перелесках дело. Я уже докладывал вам об этом Рейфере. Для дрикса необычайно молод, предприимчив, но осторожен. Пару раз, на мой взгляд, ему следовало рискнуть. При том раскладе, что был, нам с Маллэ пришлось бы туго, но «гусь» скромничал. Думаю, выполнял приказ.

– Вероятно. Раз уж Бруно поставил на отдельный корпус такого молодого, значит, доверяет. Что ж, пока ничего противного твоим докладам не просматривается. Будем считать, Рейфер действует в строжайшем соответствии с фельдмаршальскими инструкциями, пусть в его донесении и нет слов «согласно вашему приказу...». Сколько у него сейчас людей?

– Когда нас выбивали из Мариенбурга, было не меньше двадцати трех тысяч. Подкреплений он за этот месяц не получал, а вот потери были, да и захваченное требует внимания. В кулаке осталось тысяч пятнадцать – чтобы подмять Марагону, не хватит ни в коем случае. Мараги будут драться с дриксами, даже если останутся одни... Будут драться, пока вообще останутся, в этом мы с Райнштайнером уверены.

– А я уверен, что того же мнения и Бруно. У Маллэ сейчас людей немногим меньше, чем у Рейфера. Вместе с ландмилицией он в состоянии сковать дриксенский корпус, а то и потрепать, представься удобный момент, – Поль-Жозеф своего не упустит...

– Если оно будет, это «свое». – Напрасных маневров Бруно в эту кампанию не предпринимал, вряд ли стоит рассчитывать на подобное и дальше. – Фельдмаршал не даст своему корпусу увязнуть в бессмысленных и бесполезных стычках.

– Разумеется. – Вольфганг кивнул то ли Жермону, то ли своим мыслям. Было бы лучше, вызови старик до совета еще и Райнштайнера, для Ойгена мараги не чужие, он не станет... Чего не станет? Сидеть и слушать, как маршал с генералом убеждают друг друга, что нельзя идти у дриксов на поводу, понимая, что не пойти на поводу – значит отдать пару графств даже не мародерам – убийцам.

– Продолжай, я слушаю.

– Боюсь, Бруно рассчитывает, что мы сами влетим в его объятия. Как только начнется резня, а она начнется обязательно, нам в стороне не остаться. «Гуси» на Южную Марагону полтора года лет облизываются, а если еще и нас удастся по дороге расколотить...

– Согласен, – фок Варзов опять кивнул, – и по поводу Бруно, и со всем остальным. Дождаться Савиньяка, не ввязываясь в драку, будет трудно. Жаль, «гуси» не соблазнились маршем на Акону, очень жаль.

С этим спорить было трудно.

– Уверен, первоначально фельдмаршал туда и собирался, – поймал за хвост вчерашний день Ариго. – Получив надежную базу на южном берегу, он бы перешел в дальнейшее наступление, а Рейфер обеспечивал бы его с запада, только после болезни Готфрида и гаунассского афронта, хочешь не хочешь, пришлось шевелиться. Бруно нужен весомый успех не к концу осени, а теперь.

– Да уж... Старый гусь вынужден держать в уме политику и младшего родственника, а заодно опасаться подхода Лионеля. И смотри, как быстро он перетасовал карты! Теперь уже Доннервальд с оставленными там силами прикрывает армию с востока, а сам Бруно – вместе с Рейфером гоняет нас здесь. Вместо Аконы новая цель – Марагона. Похоже, у него заготовлен свой ход на любой случай...

– Мой маршал, я... э-э-э, не склонен переоценивать способности Бруно. Он добился серьезных успехов, он хорошо знает нас, но он не пророк... «Гусям» так и не удалось втянуть нас в генеральное сражение, а теперь, – сердце суеверно екнуло, но Ариго bravо подкрутил усы и выдал желаемое за действительное, – худшее позади. Бруно поджимает время, а к нам идут подкрепления.

– Надеюсь, дриксы хоть про Южную армию не догадываются, хотя кто их знает... – Теперь Вольфганг смотрел в упор – не на карту, на Жермона. – Рудольфу не следовало отпускать Лионеля в Надор. Его место здесь.

– Вы в самом деле так... Что такого сделает Савиньяк, чего не сделаем мы?

– Даст понюхать свою победу. Алва был бы еще лучше... Армия видит, что нам не везет. Одни к этому привыкают, другие ищут причину во мне. Помолчи! Я не слепой, ты тоже, и в любом случае триумфов тут у нас не предвидится даже с Эмилем, так что будем воевать как есть. А говорю тебе об этом, чтобы не вздумал из лучших побуждений врать. Рискнешь показать письмо Савиньяка или скажешь, что сжег?

– Прозэмперадор Севера желает нам успеха и предполагает, что из-за Эйрехта дриксы будут шевелиться быстрее.

– И всё?

– Пакет у Карсфорна, за ним можно послать. Это не столько письмо, сколько подробное описание весенней кампании, которое он не успел отправить с Давенпортом. Марагона местами очень напоминает Гаунау, Гэвин считает, опыт Савиньяка нам пригодится... Особенно арьергарду. Собственно, об этом Лионель тоже пишет.

– Что ж, изучи на досуге, если таковой случится, а что до успеха... Пока мы целы и неподалеку, Марагону «гуси» своей считать не смогут, даже если перебьют всех марагов.

Это прозвучало спокойно. Так же спокойно и буднично, как приказ оставить Гельбе, но в Гельбе были разве что гарнизоны, а здесь деревни, деревни, деревни... До самой Гогенлойхе.

– Думаешь, я готов пожертвовать населением целой провинции, лишь бы сберечь армию? – Фок Варзов как-то слишком глубоко вздохнул и что-то поискал глазами на столе, но так ничего не взял. – Я не Рокслей, но я и не Савиньяк, готовый жертвовать армией, если его устраивает цена... Рапорт о гаунасском походе Рудольф мне переслал. Хотел тебе показать, но раз уж у тебя свой и подробный...

– Я пошлю к Карсфорну. – Письмо надо показать, пусть старик убедится... Вот уж подурачки вышло! На ровном месте и будто в отместку за хороший вечер.

– Не нужно. Регент пишет о том же – Фридрих, кесарь, спешка... Леворукий бы побрал эту политику, всё вокруг изгадит, даже войну.

2

Арлетта переглянулась с его высокопреосвященством и, зло сощурившись, переступила порог мужской спальни, судя по размерам и мебели – не столько менторской, сколько капитанской. Сэц-Пуэн искупал действительные и мнимые грехи как мог. Дурачок несчастный.

Мэтр не лежал, а сидел в кресле у заботливо распахнутого окна. На скрип двери он повернулся и сделал попытку встать, которую Левий пресек привычным пасторским жестом.

– Как вы себя чувствуете?

– Мне лучше.

– Странно, что вам стало плохо в столь сухом помещении.

– Я испугался... Видите ли, я не очень смелый человек... Мне далеко до... моих унаров, и я плохо вижу в темноте. Когда я наступил на что-то... Я вспомнил Дору, там я тоже... наступал. Поверьте, это не стоит беспокойства таких... знатных особ.

– Допустим. – Левий пододвинул Арлетте стул. – Скажите, что вас так поразило в словах коменданта?

– Я не понимаю.

– В трапезной меня удивило, что никто не догадался опустить крюк для лампы, как это обычно делается. Вы быстро, очень быстро для человека, не умеющего открывать двери, объяснили, что шутник испортил чердачный замок. И это при том, что крюк по назначению, судя по всему, давно не используют, трапезная освещается настенными светильниками. Разумеется, даже самый далекий от жизни ментор мог слышать, что механизм действует, но чердак недоступен, но почему тот же ментор не знает об участии подвалов?

– Я знал, просто это... не имело отношения к происшествию с... с туалетом капитана Арамоны.

– Не лгите. – Мягкость его высокопреосвященства напоминала о кошке или... о палаче. – Я смотрел на вас, когда комендант сказал о подвалах, вы были очень удивлены, и этому я вижу два объяснения. Начнем с более для вас выгодного. Вы знали о чердачном замке и не знали о подвальных, потому что шутка с крюком – дело ваших рук. Не нужно быть акробатом, если у тебя есть ключи.

– Господа... Господа...

Его астма была неподдельной, но сочувствия больше не вызывала, только отвращение и желание выйти. Зачем графине Савиньяк чужие гаденькие секреты? Ради Арно? Но война выметает из голов и из душ и не такой сор.

– Мэтр Шабли, – преодолела брезгливость Арлетта, – вас никто не отправит в Багерлее, вас даже из Лаик не выставят. Описательные науки вы знаете, а менять одну ворону на другую бессмысленно. То, что унаров заводил кто-то из менторов, очевидно. Все началось с перчатки, а ваша сестра, как оказалось, была замужем за перчаточником.

– Сударыня...

– Почему вы так разволновались, наступив на факел?

– И что вы в волнении подняли с пола? – удивил если не Шабли, то Арлетту Левий.

– Ничего... Ерунду...

– Какую именно?

Мэтр торопливо сунул руку в карман и раскрыл ладонь. На ней лежала черная пуговица. Такие же были на унарских куртках Арно, Эмиля, Ли...

– Сам не знаю, зачем я поднял. Просто увидел... Я ничего не знаю. Ничего!

– Чего именно вы не знаете?

– Куда они ушли... Капеллан и мальчик.

– Допустим. Сударыня, позвольте мне. – Голос Левия стал еще мягче. – Господин Шабли, кое о чем вам все же известно. Вы создали шутника, чтобы чужими руками убрать начальника, которого ненавидели и боялись. Вам было мало собрать унарские шутки за четыреста лет, вы решили дать себе волю и всласть поглумиться. Из-за спин своих учеников, разумеется. Отсюда и «графская» перчатка, и подмененная перед дворцовой церемонией шпага. Сударыня, я правильно понял? Подобные деяния унарам не под силу?

– Да, – устало подтвердила Арлетта. – Могло быть и что-то еще, о чем мои сыновья не знают. Капитан Арамона был глуп, а кроме него, искать виновника никто бы не стал – унарское братство...

– Не думаю, что вы правы. Священники бывают очень любознательны. Пропавший капеллан мог молчать, но не знать он не мог. Когда шутка зашла слишком далеко, он пришел к шутнику и потребовал признаться. Чем не повод для убийства?

– Нет! – прохрипел Шабли, невольно остановив готовую возразить графиню. Час назад у пруда Левий доказывал, что ментор не мог убить, и доказал, хотя... Вовремя предъявленное обвинение может развязать язык. Даже самое дикое.

– Вот мы и добрались до второго возможного объяснения. – Кардинал не обращал на задыхающегося ментора ни малейшего внимания. – Этот человек заметил, что я на него смотрю, и при упоминании о подвалах на всякий случай сделал вид, что очень удивлен. По той же причине он солгал коменданту, что не в силах отпереть дверь. Какая чушь! Здешные замки откроет десятилетний ребенок.

Шабли вскочил. Набросится с кулаками? Станет оправдываться? Рыдать?

– Я... в самом деле хотел... избавить Лаик от Арамоны. Не для себя... Я не мог видеть, как этот профан... глумится над тем... что для меня свято. Над историей, над искусством... Над совестью и разумом. Таких нельзя подпускать к мальчикам... И к моим наукам. Я надеялся, что его уберут, чтобы он не позорил... корону. Я...

– Капеллан приходил к вам в тот вечер, когда его видели последний раз?

– Приходил, – сощурилась Арлетта. – Иначе с чего бы вы сбежали из Лаик при первой возможности.

– Я не убивал! Куда бы я дел... тела?

– В склеп, – спокойно подсказал кардинал. – В тот самый склеп, возле которого вам стало плохо. Вы испугались, что мы заглянем внутрь; мы заглянули.

– Они там?! – Маленький ментор пытался вдохнуть и не мог. – Та...м?! Я... Видит Создатель... я... невиновен.

– Успокойтесь. – Левий повернулся к графине. – Странно, я не сомневался, что этот господин не верует в Создателя и порицает слуг Его, но иного свидетеля невиновности у него нет. И еще более странно, что я ему верю. Мэтр Шабли, вы меня понимаете? Дышите по счету. Когда отдышитесь, расскажете о том, что вы *делали*.

3

Споров и расхождений во мнениях не получилось – временем для пустой болтовни господа генералы не располагали, а по существу обсуждать было нечего. Перехвачен доклад командующего отдельным дриксенским корпусом генерала Рейфера своему фельдмаршалу. Этот корпус, неделю назад захвативший переправу у Зинкероне, последнюю, что еще оставалась в руках фок Варзов, повернул от реки на юго-запад и вторгся в Южную Марагону. Начали с Гюнне, городка на самой границе между Приддой и Марагоной. Талигойский гарнизон уничтожен, но Рейфер ждет мелких неприятностей от местного ополчения. О дальнейшем направлении своего движения не докладывает, очевидно, фельдмаршал и так это знает.

Райнштайнер и Давенпорт рапорт уже читали. Остальные выслушали, и стало очень тихо. То есть тихо в доме приютившего маршала Запада деревенского клирика, а лагерь шумел, как всегда, и от этого шума генеральское молчание делалось нестерпимым. Первым не выдержал Ансел, спросил, есть ли сведения о последних передвижениях Бруно. Варзов повернулся к Жермону, словно тот уже отвечал за весь поиск. Разговора об этом не было, но кто-то и в самом деле должен... Ариго кашлянул и повторил то, что знали все.

– Последние сведения – от восьмого числа. Сразу от трех командиров кавалерийских партий. Покинув лагерь у Мариенбурга, Бруно двинулся не на нас, а в западном направлении. Здешние леса – не «стола» Гельбе, как дриксы ни стараются, всех разведчиков они обнаружить не в силах, так что приглядывать за Бруно мы можем. Сейчас он идет туда же, куда и корпус Рейфера. Первая серьезная цель на этом пути – Франциск-Вельде.

– Большой город, приличная крепость, крупные склады, – согласился Энтони Давенпорт. – Что делаем мы?

Ойген уже спрашивал это днем. Тогда Жермон сказал, что лучше бы заставить самого Бруно решать, что предпринять. Пусть импровизирует, попытайтесь выбрать лучший путь из нескольких возможных. Ойген согласился, и они долго искали, как загнать осла меж хотя бы двух охапок сена. Не нашли.

– Мы выступаем следом за дриксами, – хмуро объявил фок Варзов, – но не слишком торопясь. Ни у Бруно, ни у Рейфера в обозах не наблюдается того осадного парка, с которым он брал Доннервальд. Франциск-Вельде хоть и попроще, но не сильно, с полевой артиллерией его не взять. Пока «гуси» не подтянут необходимое добро, Бруно всерьез осадой не займется. А вот чем займется, нужно выяснить.

Теперь на Жермона посмотрели все, а Вейзель, словно этого было мало, объяснил:

– Да, выяснить необходимо. Впервые с начала кампании мы оказались ко всем основным переправам через Хербсте ближе, чем Бруно. Он приглашает ударить по ним и не боится, что мы отрежем его и от Дриксен, и от базы в Доннервальде. Я в такую беспечность не верю.

– И я не верю, – согласился Варзов. – Не будем предпринимать опрометчивых шагов. Завтра начинаем движение на запад. Решать, как лучше помочь марагонцам, я буду после того, как Бруно более четко обозначит свои действия. Пока это все.

Генералы согласились, по крайней мере никто не стал возражать, даже Ойген. Жермон тоже промолчал, только, уходя, положил на стол пакет от Лионеля Савиньяка. Маршал даже

не глянул.

– Ариго, я целиком полагаюсь на ваших людей, – хмуро сказал он. – Мы не должны угодить в подстроенные нам ловушки.

Сказал так, словно достоверно знал: ловушки есть. Что оставалось Жермону? Лишь подтвердить получение приказа и выйти. Закрывать дверь он забыл, это сделал уходивший последним Ансел.

– Проклятье, – буркнул он и отшвырнул сапогом непонятно как оказавшуюся на крыльце дохлую мышь, – сколько можно ходить за «ними», но «не слишком торопясь»?! Ну сколько?!

Жермон ответа не знал.

Глава 5

Талиг. Поместье Лаик

400 год К.С. 11–12-й день Летних Волн

1

Галерея, где Арно с приятелями видел монахов, не впечатляла, хотя ее концы честно терялись во мраке. Посредине светлел позабывший о дровах камин, пустые ниши вызвали в памяти любимый Бертрамов сыр, вернее, дыры в нем, а кто станет бояться сыра?

Графиня уселась в доставленное из комендантских апартаментов кресло, Левий уже зажигал свечи. По здравом рассуждении графиня и кардинал сошлись на том, что личные неудобства шансов не прибавляют. Наказанные паршивцы сидели при свете и при ужине, и это не мешало им насладиться зрелищем, а карауливший натошак и в одиночестве Робер никого не встретил ни в Нохе, ни в Лаик.

– Если танкредианцы живут на два дома, – Левий утвердил один шандал на каминной полке, а второй – на разделявшем искателей призраков переносном столике, – и не забыли порядок, они пойдут к Рассветным вратам, то есть с запада на восток. В Нохе они поступают именно так. Ваш сын не говорил, откуда появилась процессия?

– Мальчишки не заметили, но исчезли монахи в стене, примыкающей к фехтовальному залу.

– Отлично, – кивнул его высокопреосвященство. – Некогда галерея вела в храм, дверь замуровали, но что до того мертвым монахам? Братья собирались в трапезной и шли привычной дорогой вдоль привычных стен.

– А какие привычки у гостей? За танкредианцами шли люди в светском платье.

– Вы думаете, эти господа остались в Лаик и мы увидим хотя бы их? Чему вы улыбаетесь?

– Представляю, как мы выглядим со стороны. Дама и кардинал сидят в засаде у холодного камина и беседуют о привидениях, будто о каких-то... вальдшнепах. Когда Арно вывалил на нас с Ли свою историю, с него искры сыпались... Видели бы вы, как унар окрысился на генерала!

– Генерал усомнился?

– Генерал улыбнулся. Лионель умеет очень мило улыбаться. Какая все-таки ерунда нас занимала и бесила два года назад! Теперь у мальчишек в голове одна война...

– А у нас с вами – две.

– Похоже на то. Представляю, что подумает Арно, получив мое письмо...

– Вы будете писать ему о наших открытиях?

– Я уже написала. Сразу же после нохской встречи. Попросила припомнить в подробностях, что кто видел. Боюсь, ответа придется ждать долго. Ваше высокопреосвященство, вы можете отыскать ход, которым воспользовались капеллан и Паоло?

– Вы вернулись к тому, что пропавшие тайком покинули Лаик, предварительно спрятав лишние вещи?

– Это наименее глупое из того, что приходит в голову, – честно призналась Арлетта. – Слуги клянутся, что в добрую половину подвалов никто не совался десятилетиями, и мы с вами видели паутину, которая это подтверждает. Если б не ваше любопытство...

– Прошу извинить. Что поделать, люблю надгробия.

– А я люблю сирень и шадди, и не надо меня смешить. У капитана хранились ключи от помещений, которые так или иначе используются. У капеллана – от храма со всеми службами, храмового архива и еще нескольких никому не нужных помещений. Шабли снял слепки с капитанских ключей, другие были ему без надобности, о затопленном храме он не подумал, что вполне объяснимо, если вспомнить, как «отделали» эсператистские аббатства при первых Олларах. Кто же знал, что в Лаик все иначе... Или вы знали?

– Сударыня, давайте сначала покончим с вашими загадками. Ход в самой усыпальнице, я полагаю, вас не устраивает?

– Меня не устраивает смола снаружи. Кто-то отпер дверь, сунул факел в кольцо, вещи – в склеп, потерял унарскую пуговицу и второй факел, запер дверь и залил замочную скважину. Изнутри этого не сделать, а в сообщника верится плохо.

– В Лаик несомненно есть тайники. – Кардинал запустил руку в вазочку с солеными йернскими орешками, которые сам же и привез. – Аббатства строили люди предусмотрительные, другое дело, что ход, которым Алва покинул Ноху, мы проискали больше месяца, хотя были ограничены флигелем и внутренним двориком. Здесь к нашим услугам целое поместье. Даже исключив помещения, которые не отпирались со времен Алисы, мы рискуем искать до конца дней своих, и потом, подземелья исключают лошадей. Вы не любите соленое?

– Люблю. – Графиня тут же подтвердила слово делом. – Значит, я променяла одну загадку на другую. Мы знаем шутника и не знаем, кто орудовал в затопленном храме. Вы все время намекаете на смолу, факелы и молчание. Про смолу я вроде бы поняла, но остальное...

– Сударыня, что бы вы сказали, обнаружь мы не только вещи, но и трупы?

– Видимо, я бы завопила.

– Спустя какое-то время вы бы успокоились и начали думать.

– Пожалуй. – Арлетта покосилась сперва на камин, через который некогда подали ужин, затем на полные кромешной темени окошки. Призраки не появлялись, что и требовалось доказать, а разговор, ради которого, уж в этом-то Арлетта не сомневалась, Левий и отправился в Лаик, всяко начинать не ей.

Графиня грызла орешки и думала о запертых в галерее мальчишках. Ментор неплохо рассчитал – стоило начать, и шалости посыпались как из мешка, причем каждое новое безобразие все сильнее прикрывало зачинщика. Затравленный капитан неминуемо должен был потерять голову, озвереть и нажить себе влиятельных врагов. Шабли озабочился загодя спрятать «улики» в тех комнатах, которые Арамона отдавал «нужным» унарам. Поганцу не хватило ума понять, что жизнь разойдется с пьесой в его голове и «актеры» примутся играть по-своему. Мэтр сладострастно кусал ненавистного начальника за пятки, начальник бесился и пил. После плясок под штанами он просто не мог не напиться... Унаров выпустил изрядно взбешенный капеллан, с чего он, кстати, так взъярился? Ключ от галереи был у Арамоны, но отпер ее священник. Ключ от затопленного храма был у священника и пропал вместе с хозяином...

– Ваше высокопреосвященство, если б мы нашли трупы, я бы решила, что убийца – капитан и что убил он спьяну, а потом бросился заметать следы.

– Вам виднее, сударыня.

– Пожалуй.

Капеллан забрал у Арамоны ключи. Он мог их сразу же вернуть, а мог сперва отправиться к Шабли. Герман Супре распек ментора, а дальше? Пошел к Арамоне или к себе? Тогда за ключом мог явиться сам капитан... Как бы то ни было, с любимца Сильвестра

стало бы объявить Свину, что в Лаик таким делать нечего, а загнанный в угол пьяный трус может и убить. Паоло в таком случае как-то оказался свидетелем убийства и, значит, второй жертвой. Арамона не Шабли, его силы хватило бы перетащить оба тела туда, куда никто не сунется. Взять у мертвеца ключи, открыть затопленный храм, вставить в кольцо факел, спрятать в склепе трупы и вещи, запереть дверь, залить смолой и шлепнуть печать Сузы-Музы, которую подкинули в комнату Окделла. Осталось вывести лошадей через кухонные ворота, вернуться и окончательно напиться. Ходить по Лаик капитан мог невозбранно, а в эту ночь тихо сидели все, кроме залезшего в камин наглеца. Впрочем, тот, сделав свое дело, скорей всего убрался к себе.

– Новому капеллану про затопленный храм можно просто не напоминать, – пробормотала графиня. – Ключа нет. Обычный священник дальше своей церкви и трапезной без понукания не сунется, а лошади увели поиски за пределы Лаик. Кому нужен подвал, запертый еще до исчезновения? Когда слуги искали пропавшего унара, печать и смолу в замке увязали с изгаженными накануне дверьми. Печать, само собой, сорвали, но взламывать дверь не стали, зачем? Ну а когда из собственного дома исчез капитан Арамона, все окончательно уверились, что дело не в поместье. Вот вам и молчание.

– Я шел тем же путем, сударыня, но у нас остаются удивительно спокойные родственники и факелы. Выгоревший и упавший. Первый кажется забытым, второй – брошенным. Их я объяснить не могу.

– Разве что убийцу испугали призраки, – пошутила графиня, – но они не могли унести тела.

2

Лестница была узкой, крутой и щербатой, а фонарь – тусклым. Дикон шел первым, держа Рокэ за руку и отчаянно страхась упасть и утянуть за собой Ворона. Этот страх вытеснял прочие мысли. Главное – выбраться из Кабитэлы и вытащить эра, выбраться и вытащить! Свет фонаря плясал на бесконечных ступеньках – ход был очень старым, страшно было даже вообразить, кто по нему некогда ходил...

Дикон и раньше не любил замкнутых пространств, в детстве самым страшным наказанием для него было заключение в Арсенальной башне, но там хотя бы было сухо, а под потолком виднелись оконца. Пусть маленькие, пусть запыленные, но за ними было небо, а здесь... Жалкая лужица света под ногами, толщи земли и камня над головой и вековые тьма и сырость, если не кое-что похуже. Юноша невольно стиснул руку эра, тот ответил тихим смешком.

– Спокойно, юноша, это не самая опасная дорога. По крайней мере, последнюю тысячу лет.

– Что это за ход? – прошептал Дикон.

– Дорога королев, – откликнулся герцог, – и нечего шептать. Это одно из немногих мест, где тебя никто не услышит. Хочешь – смейся, хочешь – пой, хочешь – проповедуй...

Лестница кончилась, спуск продолжался, стало еще более сыро, с низкого потолка то и дело срывались тяжелые капли. Звук их падения, такой обычный наверху, в подземельях казался тревожным и исполненным древней злобы.

– Эр Рокэ, куда мы идем?

– Надеюсь, что домой.

– Домой?!

– Ну, или что-то вроде того... Пока мы не начали подниматься, мечтай в свое удовольствие, а потом изволь очнуться. Если хочешь уцелеть, разумеется. Но это еще не скоро, мы до реки и то не дошли.

– Вы тут бывали?!

– Бывал, – подтвердил Рокэ. – Ты лучше под ноги смотри...

Совет не был лишним – сломать или подвернуть ногу здесь было раз плюнуть. Пол

туннеля изобиловал выбоинами, выступами и щербинами, и Ричард, несмотря на фонарь, то и дело спотыкался, а пару раз неминуемо бы свалился, если б не Рокэ. Бывший маршал по-прежнему держался за руку бывшего оруженосца, но Дикон уже не понимал, он ли ведет ослепшего Ворона, Ворон ли не дает ему свалиться. Алва и не думал падать, мало того, он принялся сначала насвистывать, а потом и напевать. Раньше эр пел лишь в седле или напиваясь, видимо, свобода, даже такая, пьянила не хуже «Черной крови». Когда-то так раздражавшая Дика мелодия словно бы поднимала потолок, глуша и противный стук капель, и страх. Пол и тот словно бы стал ровнее, и, кажется, они перестали спускаться.

– Эр Рокэ, мы уже под рекой?

– Мы уже.

3

Ночные страхи – дело обычное. Можно бояться и при свечах, но попробуйте делать это, грызя соленые орешки. Да еще под занимательный разговор, который давно пора переводить в полезный. Разбираться в похождениях мэтра Шабли и предполагаемом бегстве было занято, но Арлетта намеревалась разобраться в кардинале. Рудольф и Бертрам ждали ее мнения, вот Ли занимало другое, но договор сына с Хайнрихом торил путь самым диким союзам.

– Мне надоели новые загадки, – графиня чуть-чуть передвинула шандал на столике, – тем более что родственники Паоло почти спокойны. Семейю капеллана я не знаю, но и его больше искали чужие.

– Вы хотите выдержанных тайн? Что вы скажете об одиноком монахе?

– Брат Диамнид?

– Будем называть его так. Что вам больше по вкусу, поиски или находки?

– Поиски, если они не упрутся в пустой склеп.

– Вряд ли этот склеп пуст, и я не намерен вооружаться ломом и проверять... Начать же мне придется с себя. У меня было четыре причины попасть в Олларию. Забавное число... После смерти Оноре я понял, что в Агарисе мы проиграли. Мы – это те, кто шел за Адрианом. Магнус Славы метался между здравым смыслом и гордостью, а я хотел выжить сам и заставить выжить, нет, не Церковь, эсператизм.

– И какое желание было сильнее?

– Представьте, оба, к тому же они друг друга дополняли. В Агарисе, Леонид свидетель, меня в конце концов угостили бы ядом, но Святой град и сам умирал. Корабль без крыс еще может выплыть, город обречен. Признаться, мориски меня удивили, я предполагал менее человеческий конец... Оживить эсператизм при последнем конклаве было невозможно, оставалось оживить его без конклава, но я непростительно отвлекся. Третьей причиной, по которой я согласился на то, что моим ныне покойным собратьям представлялось самоубийством, была просьба Адриана защитить женщину, которую он всю жизнь любил. Я говорю о Матильде Мекчеи.

Когда я давал слово, мне казалось, что исполнить его будет просто, но вокруг внука Матильды поднялась странная возня. Так я и встретился с четвертой причиной и своей загадкой, сударыня, хотя она в большей степени ваша. Я подошел к ней со стороны Раканов, но ваши предки тоже в этом замешаны, хоть и меньше, чем Алва и Эпинэ... Вы когда-нибудь думали об Эрнани Одиннадцатом?

– Я о нем знала. Так же, как и все.

– Я тоже знал и не думал, вернее, думал, что знаю, но потом орден Истины, который меня очень занимал, допросил одного астролога. Астролог помешался, а всю добычу ордена составили никоим образом не являвшиеся тайной старые гороскопы. Я решил их изучить. Вы разбираетесь в астрологии, сударыня?

– Я знаю, что хороший астролог говорит о возможностях и вероятностях, а не о смертях и свадьбах.

– Отлично. Гороскоп Эрнани Ракана не исключал как раннюю смерть, так и очень длинную жизнь, при этом самые опасные свои дни Эрнани пережил. Конечно, войны нарушают естественный ход событий, но мне стало любопытно. Вы не замечали, что мы воспринимаем прошлое как данность? То, что уже случилось, кажется ясным, но если отбросить сакраментальное «это знают все» и начать задавать вопросы? Я попробовал. Сударыня, как по-вашему, почему принц Эркюль так и не был коронован?

– Потому что он был сыном маршала Придда.

– О, вы уже это знаете! Могу полюбопытствовать откуда?

– Как и вы. От королевы Бланш.

– Как интересно... Но я узнал о неверности королевы от мужчины.

– Что ж, герцог Придд был с вами откровенней, чем с Умбератто.

– Придд? Умбератто? – Все кардиналы – отъявленные лжецы, но зачем Левию лгать по таким пустякам? – Сударыня, вы говорите загадками, как бы это слово ни навязло сегодня в зубах.

– Герцог Придд, готовясь отбить Алву, – освежила чужую память Арлетта, – передал вам на хранение письма, которые королева Бланш писала герцогине Придд. Еще одно письмо он вложил в статуэтку-тайник работы Умбератто и оставил в особняке.

– Я получил бумаги, дающие мне право распоряжаться столичной собственностью Придда, и только. Если документ из статуэтки подлинный...

– Робер видел поучения Бланш. Почерк тот же. Я видела злобных пакостливых дур. Мужчине их вопли не подделать, даже Валмону.

– Рискнуть единственным письмом, превращая его в умах врага во множество... Для человека, успешно жонглирующего фантомами, мысль естественная, хотя и не без изыяна. Умбератто не следовало раскрывать тайну без помощи владельца.

– Статуэтка попала на глаза, наверное, единственному человеку в Олларии, способному увидеть в ней не только игрушку. До того она прижимала бумаги на столе Эпинэ и могла бы прижимать до возвращения Придда.

– Кстати, что с ним случилось?

– Воюет, и довольно успешно. Генерал Ариго, в отличие от моего младшего, к нему очень расположен.

– Виконт Сэ и герцог Придд в ссоре?

– Хуже. Они в глупости, и началось все здесь. Арно вступился за Окделла, Придд не счел нужным.

Такой милый разговор. Такой милый коридор, в котором пятеро милых проказников выручали будущего убийцу, тоже очень милого. Окделл убил и может убить еще... Она не хотела думать об этом. Не хотела! Дома графиню выручали перо и листок бумаги, если выручали...

– Вам пришло в голову что-то неприятное?

– Оно там живет. Давно, но на цепи.

– Отпустите и прогоните.

– Эти звери провожают матерей до заката, у меня их еще немного. Я не боюсь войны, простуды и чужих женщин. Вы наверняка знаете, как я овдовела. Мой муж пытался образумить Карла Борна... Окделла так и не нашли. Если они встретятся с Арно, сын его примет.

– Даже теперь?

– Мои младшие не из тех, кто отвернется, не поговорив.

– Я еще не знаком с вашими сыновьями...

– Арно слишком рьяно уламывал брата взять Окделла в оруженосцы. Он не отступится от дружбы, не убедившись в том, что дружбы нет и не было, но ведь она может и быть. Вы знакомы с Окделлом. Что вы о нем думаете?

– Извольте. – Кардинал повернул показавшую дно тарелочку. – Это очень молодой человек, который не понимал, что пытается соорудить мораль из ее противоположности.

Скучную мораль, вредную и совершенно беспомощную. И выходило у него очень смешно.

4

– Вы собрались стать кошкой, а стали крысой в кошачьих когтях. Единственное, чего вы хотели, это шмыгнуть в нору, а вас заставляли грызть наши мешки. Вы оказались между двух котов – дриксенского и талигойского – и решили удрать, бросив им мышей. Нас. Если б я знала, что вы сбежите в Эпинэ... Если б я только знала, что вы затеваете, я бы вас не выпустила, но я думала, вы отправитесь в Агарис. Там вы были бы на месте...

– Юноша, – голос Рокэ расшвырял ускользящие ядовитые слова, избавив Дика от другого голоса, который лучше забыть, – юноша, сосредоточьтесь. Где-то здесь должна быть амфора...

– Какая амфора?

– Разбитая... Черепки, знаете ли. Как увидите, пустите меня вперед. Поняли?

– Конечно. – Дикон с облегчением вытянул руку с фонарем, выискивая осколки. Маршал и впрямь хорошо знал Дорогу королев, а чувство времени ему не изменило даже в этой крысоловке. Очень скоро в желтоватом свете глянцево блеснули черепки. Ричард резко остановился.

– Есть? – деловито осведомился Рокэ. – Близко?

– Пять или шесть шагов.

– Хорошо. Дайте дорогу.

Дикон торопливо отстранился. Рокэ медленно двинулся вперед, прижимаясь к мокрой стене.

– Сколько теперь?

– Два... Нет, чуть больше.

Широко шагнув, Ворон опустился на корточки, ощупывая пол. Теперь Ричард не мог видеть, что именно он делает, наступившую тишину нарушал лишь вновь все заполонивший звук падающих капель. Они больше не стучали, они пели ту же песню, что и Алва.

*Судьба моя – звездный иней,
Звезда над дорогой дальней,
Звезда над долиной синей,
Звезда на холодной стали...*

Дикон помнил эту звезду, рыжие факелы в ночи, ощерившуюся собаку, что выбежала на дорогу, но вот куда они ехали? Кто там был, кроме Ворона и его песни?

– Идите ко мне, – Алва стоял по ту сторону показавшихся вдруг золотыми осколков, – только медленно. Держитесь стены. Представьте, что вы наполовину в ней. Ноги ставьте друг за другом. Пятку к носку, носок к пятке и тихо! Очень тихо.

Юноша послушно двинулся вперед, готовясь к любым неожиданностям. Холод камня пробивался сквозь одежду, а в голове продолжало звенеть.

*Зима и сердце, как камень,
Зима, в никуда дорога...*

Почему в никуда?! Они выберутся! Дорога королев не так и длинна, Алан прошел ее дважды меньше чем за ночь. Пусть Волны изменили Эрнани, а сам король предал нечто большее, чем Скалы; он предал собственное предназначение... Что ж, да будет так! Окделлы выдержат и королевскую подлость. Главное – не сбиться с шага, не опустить голову, не оглянуться...

– Вы, надеюсь, при шпаге?

– Эр Рокэ...

– Я вам не эр, молодой человек, попробуйте это наконец понять. Сколько от нас до осколка с ручкой?

– Шага полтора.

– Точнее.

– Больше моего шага, но меньше двух. Я могу проверить.

– Не нужно. Дайте мне шпагу – и марш за угол.

– Но вы же... Лучше я...

– Дикон!

Пришлось повиноваться. Юноша честно скрылся за углом, но высунуться и посмотреть ему никто не запрещал, чем Дик и воспользовался. Если что, он успеет добежать до эра, но пока ничего опасного не происходило. Рокэ, вновь присев, очень медленно шарил шпагой по полу. Он не мог видеть цели, но прекрасно знал, где ей следует быть. Он всегда знал...

*Мой друг, я луною призван,
Бьют землю лунные кони...*

Луна осталась наверху, она их не видит, здесь только фонарь, словно эхо былого света. А песня – эхо былых дорог. Синее острие касается золотого осколка, слегка поднимается, нащупывая глиняную петлю.

*Мой друг, я луною призван...
Мне не уйти от погони!*

Клинок проходит сквозь пустоту. Запястье маршала неподвижно, но стальной луч едва заметно вздрагивает, будто примеряясь.

*Звезда над долиной синей,
Звезда на холодной стали...*

Рывок. Алва вскакивает, в два прыжка оказавшись рядом с Диком.

– Эр Рокэ...

– Стоять!

Треск и рокочущий грохот. С потолка одна за другой рушатся древние плиты, намертво замуровывая проход. Дороги королев больше нет... И хорошо!

5

Орешки кончились, ночь только начиналась. Если ждать призраков до рассвета, можно многое обсудить. Намеков Левий подал предостаточно, пора отвечать.

– Ваше высокопреосвященство, мне трудно понять, почему вы оставили орден Славы. Вы не похожи на человека, который вдруг осознал, что создан для милосердия.

– Все очень просто. – Кардинал изящно развел руками. – Я был хорош во многом, но Слава требует от своих адептов особых вещей. Не от всех, от тех, кто метит в епископы и выше. Любой из ваших сыновей стал бы украшением ордена, но я в генералы не годился. Какое-то время меня выручала хитрость. Мои братья и соперники, командуя несуществующими армиями, полагались на собственные головы, я – на чужие, потом Адриан догадался. Нам предстояло переиграть битву при Каделе, но магнус изменил условия. Чуть-чуть, но я попался. Меня вызвали для разговора, и мы проговорили почти всю ночь... Утром я отправился на исповедь к Оноре, вечером – к Юннию, тогда он различал не только святых, но и людей. Меня приняли.

– Вы сожалели о своем промахе?

– И довольно сильно, но сейчас я сожалею разве что о том, что не могу напоить вас

шади. И о том, что вы подозреваете меня в корысти.

– А вы бескорыстны?

– Нет, но есть корысть и корысть. Я хочу вернуть эсператизм к истокам, а своих собратьев – к служению, и что в этом дурного? Только ставить на свое место других может лишь тот, кто стоит на своем собственном. Я стою. Родившись левреткой, помни прежде всего о своем росте, а не о том, что ты – собака. Тогда, возможно, ты и сподобишься на нечто великое. Если станешь исходить из своих возможностей, а не истратишь жизнь на лай, требуя, чтобы тебя читли, как медвежью гончую.

– Какая мораль! – улынулась Арлетта. – Ею бы следовало заключить притчу о двух левретках и медведе.

– Буду счастлив прочесть.

– Это ваши левретки и ваш медведь, вам о них и рассказывать. Я с радостью поделюсь новой... *притчей* с теми, кто сможет ее... *оценить*.

– Я не рискну, по крайней мере сразу, но что, если я продолжу одну из ваших историй? С вашего разрешения, разумеется.

– Лучше закончите свою. Об одиноком монахе.

– На надгробии которого сова не несет свечи? Вы ведь уже поняли, к чему я клоню?

– К тому, что он связан с Эрнани и сыном Бланш. Двое танкредианцев врозь или вместе открыли тайну королевы Франциску и обрели спокойную старость и достойные магнусов надгробия?

– Хорошо, что вы напомнили о первом монахе. Думаю, он всего лишь заслонял брата Диамнида от праздного любопытства, но мы говорим о королях. Бастардов, признанных наследниками, много больше, чем наследников, объявленных бастардами, хотя были и такие... Нет-нет, я больше не покину нашего монаха ради чужих... Поверьте, Эсперадор короновал бы Эркюля, даже будь тот сыном конюха. Олларианская ересь превращала сына Бланш из демонского отродья в оплот веры. Я вижу лишь одну причину, по которой принц так и не стал королем. Его отца. Живого.

– Ваше высокопреосвященство, вам все же надо творить. Такое не придет в голову даже Иссерциалу!

– Само собой, ведь жизнь – не созданная по двадцати предписанным Лахузой правилам драма, у нее иная логика. Поставьте себя на место Эрнани. Чужой сын, неверная жена, ее добавивший к собственному гербу корону любовник, неизлечимая болезнь, проигранная война... Достаточно, чтобы умереть, не правда ли?

– Правда. Исповедь Эрнани все же добралась до Агариса?

– А его завещание осталось в Талиге?

– И оно не похоже на подделку. – Только откуда у Катарины подлинник? Вот сочинить завещание и исповедь, сидя в Нохе, королева могла. Вдвоем с кардиналом. – Эрнани готовился умереть и умер.

– В том, что король хотел свести счеты с жизнью, сомнений нет, но он, как вы помните, не решался умереть от собственной руки и не хотел мстить жене и ее ребенку. Эрнани втянул в заговор, а это был заговор, хоть и возглавляемый королем, троих. Алва должен был договориться с Олларом, фок Варзов – доставить королеву в Агарис, Эпинэ – нанести удар милосердия сюзерену и вместе с Алвой покарать Придда. Это мы знаем от самого короля, дальше начинаются догадки.

Вряд ли у Эрнани была возможность собрать сразу троих рыцарей, скорей всего, он кратко переговорил с каждым. Я нашел несколько упоминаний о том, что Эпинэ с Окделлом долго искали Алву. Рискну предположить, что кэналлиец в это время уже был в лагере Франциска, а Эпинэ еще ничего не знал. Поиски закончились ничем, и Эпинэ, уже один, отправился во дворец. Видимо, ему удалось попасть к королю, и тот объявил о своих намерениях. Эрнани был добрым человеком, но даже добрые люди могут ненавидеть. Мне думается, король желал увидеть труп Придда. Вынудить Бланш бежать собирались, показав ей мертвых любовника и мужа и объявив, что город пал, хотя на самом деле ворота

собирались открыть, когда королева уже будет в пути. Вы что-то хотите сказать?

– Только то, что так и произошло.

– Нет. Кэналлийцы не одобряют самоубийств, не правда ли?

– Более чем.

– Тогда попробуйте представить ответ вернувшегося Рамиро, когда его посвятили в подробности. Если Алва говорил о жизни так, как его потомок, Эрнани не мог устоять. Заговорщикам пришлось менять план на ходу. Начали, как и собирались, с Придда, затем Эпинэ увел Эрнани. Именно Эпинэ. Это объясняет, почему маршала никто не видел до середины следующего дня, когда Эпинэ появился возле гроба Алвы. Последнее обстоятельство столь удивило очевидцев, что они отметили его в своих записях. Теперь о фок Варзов. Мы знаем, что он известил Бланш о смерти мужа и любовника, велел подготовиться к бегству и отправился за Окделлом...

– Зачем? – спросила Арлетта и сама же ответила: – Если Франциску собирались предъявить фальшивого Эрнани, нужно было убрать человека, не способного на обман.

– Может, и так, а может, немолодому Варзову просто понадобился спутник. Как бы то ни было, Окделл, наслушавшись Бланш, решил отомстить за сюзерена. Удержать его, не раскрыв тайны королеве, было, видимо, невозможно. Об убийстве фок Варзов не подумал – Рамиро был сильнее Алана, а представить, что Окделл обойдется без поединка, старый рыцарь не мог.

– Жаль, у него не было времени сходить к астрологу... Хотя Эрнани пытался угодить Агарису, а церковь враждовала не только с кошками и зориями, но и с учеными.

– Еще одна ошибка, но астролог был бы бессилен. Ни Алве, ни Окделлу в день их смерти не грозило ничего...

Глухо звякнуло, но это был не колокол. В распахнутую дверь вбежали двое. Явно не ложившийся комендант нес факел, рядом хмурился Сэц-Ариж, и ничего хорошего это не предвещало.

– Что такое, Жильбер? – Если сутки напролет говорить об убийствах, начнешь ждать убийства. – С Эпинэ все в порядке?

– Конечно, сударыня, но Монсеньор очень ждет вас и его высокопреосвященство. Убили посла Гайифы.

– Неприятно. – Главное – не Робер, а без Гамбрина солнце не погаснет. – Похоже, нам пора возвращаться. Во всех смыслах.

– Хотелось бы знать, – негромко сказал Левий, помогая даме подняться, – достойный конхессер расстался с бранным миром в ваше отсутствие, в мое или же сам по себе?

Глава 6

Талиг. Граница Придды и Южной Марагоны. Бакрия. Хандава 400 год К.С. 12-й день Летних Волн

1

Генерала Вейзеля Жермон, само собой, знал, но действовать вместе им еще не доводилось. До последнего марша. Артиллерия, которой командовал бергер, тащилась между корпусами Давенпорта и Ойгена, но дотошность вкупе с неколебимой уверенностью, что начальство знает, на кого смотреть, вынудили Вейзеля взобраться на солидного гнедого мерина и поспешить в авангард. Раз маршал фок Варзов, когда речь зашла о поиске, посмотрел на генерала Ариго, значит, с оного Ариго и спрос.

– Я должен быть уверен, – настаивал артиллерист, – что не получу на переправе через Эйвис никаких неожиданностей. Это очень неприятное место, которое в ожидании вторжения следовало должным образом укрепить, что не было сделано. Теперь броды могут быть взяты под обстрел опередившими нас дриксами. Мы предоставили им

непозволительную фору.

Жермон пожал плечами. Заставить армию идти быстрее он не мог, а фок Варзов, если и мог, не считал нужным – маршал Запада поспешал не спеша. Это было резонно: пара дней для Марагоны мало что решала, но приближала Савиньяка, который, как следовало из пришедшей вечером депеши, торопился изо всех сил. О месте встречи говорить пока не приходилось, но Ариго не мог не прикидывать, как ловчей цапнуть Бруно с двух сторон. Вейзеля заботили вещи более насущные, и в первую очередь – переправа его драгоценных пушек. В Придде и Марагоне артиллерист ориентировался будто в собственном поместье и ждал от начальника поиска того же. Увы, знавший Марагону лишь по картам и докладам Жермон местные особенности представлял слабо. Разговор о дорогах, перекрестках и мостах, не желающих располагаться там, где они сейчас нужны, становился все более бессмысленным.

– Гляньте-ка, – Ариго с облегчением указал на толстенное, изогнувшееся какой-то гусеницей дерево, – готовый стол! Может, вы и держите все приречные курганы в голове, но я с ними без карты на «вы».

– Зато вы, по свидетельствам моих земляков, отлично знаете Торку и прекрасно ориентировались в Гельбе, – утешил Вейзель, слезая с не менее степенного, чем хозяин, коня. – И вы уже обратили внимание на приречные курганы. Они в самом деле расположены крайне неудачно для тех, кто вознамерится форсировать Эйвис с востока на запад. В данном случае для нас. То, что вы отдаете себе отчет в грозящей опасности, характеризует вас с самой лучшей стороны.

Опровергнуть лестное, но несправедливое мнение о своей особе брякнувший про курганы ради красного словца Жермон не успел.

– Мой генерал, – выпалил догнавший начальство адъютант, – прибыл капитан Баваар. Со срочным докладом.

– Давайте. И карту нам! – Ариго повернулся к артиллеристу. – Раз Баваар примчался сам, значит, дело серьезное. Послушаете?

– Разумеется. – И так мрачноватая физиономия бергера теперь наводила на мысли о застарелой зубной боли. Вейзель славился тем, что всегда ожидал худшего, а если таковое случалось, невозмутимо бил по нему картечью. – Я буду очень удивлен, если поиск не обнаружил вражеских батарей в местах наиболее удобных переправ. На месте Бруно я бы запер Марагону изнутри. Эта задача выполняема...

Жермон довольно-таки рассеянно слушал о предполагаемых просчетах фельдмаршала, наблюдая, как адъютант разворачивает и пристраивает на «гусеничном» дереве карту. Окажись на месте Бруно Вейзель, дриксенская армия превратилась бы в придаток к собственному осадному парку, так что Ариго от подобной замены, пожалуй, не отказался бы. Предсказуемый противник, даже самый сильный, лучше не пойми кого с вывертами... Ждать кабана, а нарваться на волчью стаю или медведя, мягко говоря, неприятно, хотя Хайнриха Савиньяк в берлогу как-то вернул. Вернее, тот вернулся сам. Уж не потому ли, что Лионель умеет удивлять?

– Господин генерал, – спешившийся Баваар решил начать с объяснений, – я счел своим долгом доложить лично. Могут возникнуть вопросы, а отвечать на них лучше мне.

– Хорошо. – Разведчик сед от пыли, но с ног не валится. Значит, сюрприз случился не столь уж и далеко. – Так что у тебя?

– Позавчера, уже в конце дня, мы наконец обманули разъезды противника и приблизились к месту стоянки их главных сил. – Капитан выразительно покосился на карту, и Жермон подвинулся, предлагая показать на ней. – Это было у Фейле... Вот здесь.

Вейзель промолчал, и Ариго счел своим долгом то ли напомнить, то ли, если командующий артиллерией не поставлен в известность, сообщить:

– Бруно был примерно там, где мы и ожидали. Дальше.

– Вчера утром дриksы продолжили движение на запад...

– От Фейле? – уточнил больше для Вейзеля Жермон. – Ты уверен?

Разведчик, само собой, был уверен:

– Да. Дриксы поднялись очень рано и быстро сняли лагерь. Выходили организованно, обозы двинулись уже к девяти часам. Кроунер увязался за ними. Он видел, как арьергард с обозом миновал развилку за городом. Дальше сворачивать просто некуда, но на всякий случай мы проследили их до начала Найрских пустошей. Головой ручаюсь, идут Марагонским трактом, и идут быстро.

– Молодцы, что проводили. Что-то еще?

– Одна особенность. Мы не смогли немедленно последовать за Бруно, потому что часть армии оставалась на месте еще несколько часов и, только когда тракт освободился, ушла, но не вслед за главными силами. Вот она-то свернула на развилке. В колонне, на мой взгляд, пять – пять с половиной тысяч. Легкая кавалерия, в основном наемники, в том числе и встреченные нами весной «Забияки». Из пехоты много егерей, артиллерия – только полковая. Дорога, которую они выбрали, ведет, – палец Баваара скользнул по карте, – на северо-запад, вот так, через Лесные броды и дальше, на Эйвисфлуд...

– Эйвисфлуд, северо-запад... – Хм, как интересно! И по чью же душу старый Бруно отрядил столь подвижный корпус? – Дня через четыре в тех краях может оказаться Маллэ. Только откуда это знать «гусям»?

– А эта колонна не может быть отправлена для охраны осадного парка? – деловито осведомился Вейзель. – Если его сейчас при Бруно нет, значит, он где-то в другом месте. Бруно обязан своим успехом у Доннервальда в первую очередь тяжелой артиллерии. Без нее осаду Вельде дриксы не начнут, мы об этом уже говорили, значит, скоро должны доставить. Капитан, у вас есть какие-либо предположения на сей счет?

– Да, господин генерал. При выходе обоза мне показалось, что он изрядно увеличился по сравнению с тем, что видели мои люди несколькими днями ранее. Возможно, в Фейле к Бруно подошла часть осадного парка, но из-за большого числа дриксенских дозоров мы не смогли вовремя это обнаружить. Только это, безусловно, не весь парк, остальное находится где-то еще.

– Опрометчивое решение, – не одобрил Вейзель. – Оставлять даже часть такой ценности под прикрытием не столь и больших сил – вводить противника в искушение. Ну а если вы ошибаетесь и осадный парк не с Бруно, его следует разыскать. Возможно, он в корпусе Рейфера, а возможно, и это разумнее всего, держится ближе к Хербсте.

Генерал явно намекал. Дескать, сбегайте к Зинкероне и умыкните у дриксов все, что там плохо лежит, или хотя бы приведите в негодность. Вообще-то в этой мысли что-то было... Удачная диверсия самое малое поднимет дух молодняку, да и Бруно может убавить прыти. С другой стороны, если перехватить отделившуюся «гусиную стаю»... Жермон привычно подкрутил усы:

– В любом случае маршалу нужно немедленно ознакомиться с новыми сведениями. Баваар, давай со мной. Господин генерал, я вынужден вас покинуть.

– Разумеется, – согласился артиллерист. Разговор о курганах и переправах по понятным причинам откладывался.

2

О скором появлении супруга Матильду известил лично Баата. Матильда ничем в услужливого казара не швырнула: за второе свое замужество старая дура была в ответе ничуть не меньше, чем молодая за первое. Переваливать вину на обнаглевшего хряка и ставшего еще вежливее Дьегаррона принцесса не собиралась. Дернуло сменить лягушонка на ужа – ну и сиди в... болоте.

Ее высочество сдержанно поблагодарила за хорошие новости, Лисенок моргнул длиннющими – куда там Анэсти – ресничками и принялся гордо ябедничать. Матильда оценила: там, где девять из десяти искателей сочувствия поносили бы тех, кто не понял, не оценил, не протянул руки и вовсе не заметил, Лисенок являл кротость и всепрощение.

Страстотерпец не осуждал ни позабывшую о бедах Кагеты сестру, ни злопамятных бакранов, ни занятого собственными делами Алву. Против покойного родителя, ввергнувшего отечество в пучину бедствий, Лисенок тоже ничего не имел, как и против Создателя и злующего рока. Всеми брошенный казар гордо и обреченно поджимал красивые губы, готовясь положить напрочь отсутствующий живот за Кагету и други своя. Стань Матильда вновь глупенькой и юной, быть бы Альдо не агарисским приживальщиком, а казаром. Или не быть: Баата подозрительно смахивал на любящего отца, всегда готового оплакать излишне предприимчивого наследника.

– Я далек от того, чтобы опускать руки и тем более кого-то судить, – подвел итог сын Адгемара.

– Создатель оценит ваше сердце, – утешила страдальца супруга Бонифация и поднялась. – Я обещала навестить принцессу Этери.

– Я провожу вас.

Матильда поблагодарила. Судьба упорно раз за разом заставляла старую кочку ходить под руку с галантными красавцами. Казар заговорил о розах Равиата, принцесса вспомнила Агарис и Адгемара в храме Семи Свечей. Баата вздохнул – несчастный отца любил и не осуждал, впрочем, об этом он сегодня уже говорил и не хотел бы показаться назойливым... Пронесшаяся сквозь открытую галерею ласточка едва не задела крылом щеку Матильды. Птица ловила мух и не пыталась делать вид, что опыляет цветы и никого не осуждает, то есть, простите, не кушает.

Казалось бы неизбежную беседу о птичках и мушках предотвратил раздавшийся с воротной башни сигнал. Прибыл гонец, и принцесса, отринув заботливый совет не утруждать себя мужскими делами, устремилась во двор. Она успела вовремя, чтобы увидеть, как адуанский офицер прыгает наземь с подуставшего, но отнюдь не загнанного коня. Возникла заминка, поскольку Алва отправлял гонца к Бонифацию, а старый хряк до Хандавы пока не добрался. Угодить в кагетские объятия гонец не рассчитывал, а пришлось: замок, хоть и перешел вместе с Этери к бакранам, по сути оставался казарской резиденцией. Мало того, сейчас в нем торчал непонятно чего ждущий Баата, и Матильде отчего-то не захотелось, чтобы казар добрался до новостей первым и втихаря.

– Давайте письмо. – Принцесса протянула руку и с отвращением напомнила: – Я – супруга епископа, а дело может быть важным.

Адуан, как выяснилось, братец известного Матильде Коннера, не возражал. Жена так жена. В нахально вскрытом письме сообщалось об успешной прогулке по равнинной Гайифе и скором возвращении. Алва усиленно напоминал о каких-то списках, которые следовало отправить вслед морисскому послу, и заодно просил разобрать захваченную в Кипаре губернаторскую почту. Самому Ворону было не до того, а его преосвященство, как оказалось, владел гайи и мог на досуге глянуть. Мешок с трофеями ее высочество спроварила в предназначенный муженьку кабинет, а Коннера с эскортом – в бани, после чего успешно отделалась от Бааты и добралась-таки до Этери. Принцесса увлеченно рисовала, но сразу же отложила кисть и, обойдя что-то вроде мольберта, устремилась навстречу гостье.

– Не люблю показывать то, что не закончено, – чуть смущенно призналась кагетка. – Вам нравятся горные колокольчики?

– Это они? – Матильда глянула на серебряный кувшин с ярко-синими цветами.

– Да, – улыбнулась Этери. – Я подарю вам акварель. На память о Хандаве... Я ведь выросла в этом замке. Одна. Братья были с отцом в Равиате, а сестер у меня не было.

– У меня была. – Матильда словно увидела капризное личико. Розамунда. Сестра. Дурочка. Каданская королева... – Расстаться на всю жизнь то же, что не иметь вообще.

– Теряют и не расставаясь. – Этери откинула падающую на глаза прядку; мизинец кагетки был испачкан синим. – Вам нравится Баата?

– Он очень красив, – ушла от ответа Матильда. – Даже для кагета.

– Брата приятно рисовать... Только не верьте ему, когда он моргает и вздрагивает. И мне не верьте: у нас на редкость здоровая семья, если мы не умираем от пули или яда, то

живем очень долго. И хотим жить. Цена, как вы понимаете, значения не имеет... Я странно заговорила?

– Для вашего положения не слишком.

– Для какого из моих положений? – Можно заставить улыбаться губы, но попробуй сделать безмятежными глаза! – Будущей матери или жены наследника Великой Бакрии?

Старуха от души посочувствует молоденькой, только если у той родинка во всю щеку или паршивый муж... Твою кавалерию, стать женой дикаря всяко не хуже, чем женой слизняка! И не лучше. Если б ее саму, содрав сорок лет, бросить в бакранскую конуру, если Этери отправить в какой-нибудь Агарис, кто-то стал бы счастливей? Вряд ли.

– Простите, – кагетка заставила-таки себя смотреть спокойно. – Отец был бы мной недоволен, и поделом. Хозяйка не должна смущать гостью. Хотите инжира и винограда? В здешних садах лучший в мире инжир.

– Не откажусь. – Девчонка бьет на жалость, причем умнее брата, или в самом деле не выдержала? В любом случае Альберт потерял хорошую невестку. Жаль; и саму Этери жаль. Вряд ли она начнет пить, и еще более вряд ли жене царька удастся изменить мужу, да и с кем? Остаются красочки и дети. – Вы уже знаете про гонца из Гайифы?

– Да, – молодая женщина потянула бархатный шнур. – Мне сказали, что они возвращаются – регент Талига и его люди. Будет праздник. Мухр’ука, принеси фруктов.

– Я знаю только о возвращении, – уточнила Матильда, проводив взглядом явно понимающую талиг Мухр’уку. – И я не думаю, что им на праздник хватит времени.

– Сагранна захочет праздника, пусть короткого. В этом оба мои дома, прежний и нынешний, схожи. Возвращения и прощания у нас не бывают без радости. Мы не всегда думали, что все в руке Создателя, и научились, расставаясь на день, прощаться навсегда, но уходить с улыбкой. И с надеждой.

– Гаспажи... Виная ягода с ынжир здэс.

Внесли уже накрытый столик. Ташившие его слуги были старыми и двигались тихо, будто кошки. Наверное, они прислуживали дочери казара с рождения. Не желая мешать, Матильда отступила к окну. На рисунок она взглянула случайно. Он в самом деле был не закончен – портрет черноволосого мужчины с глазами того же цвета, что и горные колокольчики.

3

Ариго не видел в добытых Бавааром сведениях ничего угрожающего, скорее наоборот, но фок Варзов был раздражен. Значит, случилось что-то еще, в конце концов, в поиске не один Баваар. Вечное сомнение последней кампании – что лучше: спрашивать или ждать, когда старик скажет сам, – подняло голову, но после полуссоры из-за письма Савиньяка Жермон, как ни странно, чувствовал себя свободней. И спросил:

– Дурные новости?

Маршал прекратил задумчиво постукивать грифелем.

– Да, есть кое-что... Никак не могу понять, кстати оно или наоборот. За час до твоего Баваара явился курьер от Маллэ. Поль-Жозеф опять собрался спасать, теперь уже марагонцев и наш гарнизон из Гюнне... Бывший гарнизон.

– Только собрался?

– Если умника не контузило прямым попаданием ядра, он уже выступил. Вот донесение. Хочешь – прочти: дриксы захватили Гюнне, но не остановились, а погнали уцелевших защитников дальше. К Маллэ сумел пробраться мараговец с просьбой о помощи, иначе, мол, всех прижмут к Эйвис и там перебьют. Граф написал мне прямо перед выходом.

Леворукий бы побрал этого спасителя, не мог подождать... Хотя в самом деле не мог: марагов надо либо выручать немедленно, либо предоставить самим себе и смиренно ждать приказов, Савиньяка, Создателя возвращения... Поль-Жозеф ждать не захотел. Да и сам Ариго, окажись он в двух переходах от гибнущего гарнизона, вряд ли бы стоял смирно.

– Значит, ваш приказ Маллэ получить не успел и подкреплений не дождался... Сколько в Гюнне было людей?

– Пехотный батальон, ландмилиция и обычные добровольцы. Из города, по словам посланца, вырвалось тысячи три.

Вывавшиеся, погоня, Маллэ... Ариго попытался прикинуть время, что потребуется всем участникам начинающих танцев для достижения намеченных целей. По расстояниям выходило, что веселье начнется уже послезавтра. Конечно, не зная всех оврагов, можно и просчитаться.

– Маллэ хочет внезапно ударить, – буркнул, катая по карте грифель, Вольфганг, – разгромить непосредственных преследователей и вместе со спасенными унести ноги за реку прежде, чем дриксы опомнятся. Но если к Эйвисфлodu не вовремя подтянутся «гуси», которых нашел Баваар, убраться уже не получится. В прошлый раз Маллэ вырубил ты...

– Могу и повторить, – пошутил Ариго. Маршал шутки не принял.

– Мы не можем быть уверены, что корпус из Фейле объявится именно там. Легкая кавалерия, егеря – это для флангового прикрытия основных сил, когда те на марше... Судя по направлению, Бруно движется напрямик к Вельде. Если он в самом деле дожидался осадных пушек, это логично. Очень может быть, что фельдмаршал не желает по дороге никаких приключений, вот и стережется. Это самое вероятное, но нельзя исключить и того, что Бруно выделил силы для устрашения марагов и начнут они с Гюнне. Мы можем, если ошибемся, потерять корпус Маллэ, а если нет?

– ...то свой отдельный корпус может потерять уже Бруно, – закончил Жермон.

– Тогда садись и думай. – Фок Варзов потянулся к блюду с единственным яблоком. – Опять кончились... Я про яблоки.

– Я понял.

– Ты думай! Стоит нам рисковать?

Две армии, два отдельных корпуса, третья армия, которой идти самое малое недели три, слишком умные тенъенты, вековая вражда марагов с варитами и недобитый гарнизон... Чего только не намешалось, а выбор прост: ждать или действовать. Кажется, кто-то ужасно умный пару дней назад предлагал навязать Бруно свою волю? Ну вот она, возможность сделать неожиданный ход. Рискнул бы ты на месте Вольфганга? Советы давать – это и Арно может, если его спросят, конечно.

– Мой маршал, – адъютант казался слегка растерянным. – Прибыли генерал Райнштайнер и его офицер для особых поручений барон Ульрих-Бертольд Катершванц.

Видимо, на лице Жермона отразилось нечто неопишное, потому что фок Варзов усмехнулся. Еле заметно, но все-таки.

– Райнштайнер явится с Ульрихом-Бертольдом, только если с ним согласен. Надо объяснять, в чем?

– Марагона. Вернее, мараги.

– Именно. Пусть войдут.

Спустя минуту Жермон впервые увидел знаменитый шестопер. Вкупе с украшенным двуглавым котом шлемом, старинной кирасой и самим Ульрихом-Бертольдом. Ойген, хоть и в парадном мундире, рядом с надраенной до блеска легендой был почти незаметен.

– Садитесь! – махнул рукой фок Варзов, но бергеры остались стоять.

– Мой маршал, – наклонил голову Райнштайнер, – мы просим нас выслушать.

– Генералу Ариго выйти?

– Нет. Его присутствие нас полностью устраивает. Мой маршал, от имени офицеров вверенного мне корпуса я прошу либо о нашем переводе в авангард, либо, если Западная армия до подхода маршала Савиньяка не предпримет решительных шагов, имеющих своей целью вытеснить дриков за пределы Южной Марагоны, о направлении нас в поиск.

– То есть на перехват корпуса, который обнаружил капитан Баваар?

– Не обязательно. Мы считаем необходимым в первую очередь оказать помощь защитникам Гюнне, после чего по возможности препятствовать дрикам осуществлять свои

намерения.

– Такоф наш толк, – поднял палец Ульрих-Бертольд, – толк фоителей. Мы толшны слушить Талигу, и мы толшны не тать истреблять марагоф. Тва толга – это ошень тяшело есть, и мы просим фас оставлять нам отин. Я как старший фоитель имею прафо тавать вопрос и брать отфет. Фы шелаετε спасти Марагону?

Таким беспомощным Ариго не чувствовал себя даже раненым на телеге. Варзов постукивал грифелем, бергеры ждали – Ойген спокойно, Катершванц – сведя седые брови и красноречиво сопя. Нужно было что-то делать. Немедленно, пока Западная армия не начала рассыпаться на движимые лучшими чувствами осколки, которые не склеить.

– Прибыл курьер, – начал Жермон, – положение изменилось. Гарнизон Гюнне...

– Генерал Ариго, – холодно перебил маршал Запада, – о положении в Марагоне вы сообщите генералу Райнштайнеру, чей корпус поступает в ваше, как командующего авангардом, подчинение, позже. Авангарду предписывается ускоренным маршем выдвигаться к Эйвис на соединение с корпусом генерала Маллэ. Пехота генерала Ансела переходит под командование генерала Давенпорта и следует вместе с основными силами. Вам ясен приказ?

– Да.

– Исполняйте.

Глава 7 Талиг. Оллария 400 год К.С. 12-й день Летних Волн

1

Дамы к Капуль-Гизайлям не ездили. До недавнего времени. Приблизив к себе баронессу, Катарина обеспечила красавицу приятельницами из приличных семейств, живо уразумевшими, что открылась лазейка в место, где водятся *мужчины*. Графине Савиньяк кавалеры были без надобности, но бывшая любовница Ли и Марселя, равно как ее дивный супруг, графиню изрядно занимала. Если б не наследство Катарины и нохские загадки, главной из которых был его высокопреосвященство, Арлетта занялась бы Капуль-Гизайлями сразу же после истории с Умбератто, но ловить сразу трех лисиц графиня была не в состоянии. Визит в гостеприимнейший дом был отложен до конца игры с Левием, только жизнь опять распорядилась по-своему, пришлось собираться и ехать. Раньше, чем думалось, и не в лучшем настроении – Гамбрин покойный тревожил сестру экстерриора куда сильнее сидевшего смирно живого.

Странная смерть волновала и Робера с Карвалем, и послов, радевших кто о себе, а кто, диво дивное, о Золотом Договоре. Проэмперадор решил предъявить дипломатам убийцу, что в самом деле было бы очень неплохо, и попросил Марианну по старой памяти справиться у «знающих людей». Мысль казалась разумной, но отпускать сына Жозины в одиночестве сговариваться с пауками Арлетта не собиралась, вот и отправилась осматривать баронские сокровища. И осмотрела, включая столь неприятную Марселю рожу.

После «нападения» на бесценную статуэтку маска была снята со стены и заточена в застекленном ящичке. Графиня простояла перед ним несколько минут и ничего, кроме восхищения в самом деле безупречной работой, не испытала.

– Не понимаю, – честно призналась она сопровождавшему гостю в святая святых барону. – Послушать Марселя, этот лик разве что не кусается.

– Искусство! – Капуль-Гизайль вдохновенно качнул паричком. – Оно улавливает и многократно усиливает эманации наших душ, мы же были так напряжены, что каждой мелочи приписывали зловещий смысл. Упавший на маску луч показался нам чудом, и это в самом деле было чудо. Чудо вдохновения древнего художника. Дорогая графиня, я ведь могу

вас так называть? Ваш сын был у нас частым гостем...

– Лионель о вас писал. – Сын волен тратить деньги на любых женщин, но вряд ли в этом доме он искал лишь развлечений. – Как, кстати, он относился к этой маске?

– Как к детали интерьера. Интересной, но не шокирующей, особенно в сравнении с ее ровесниками. Анаксианское искусство все же несколько... фривольно. У меня есть изумительные скульптурные группы с Арсаком и Сервилием. Среднегальтарская бронза, удивительная выразительность, но я рискну показать даме – именно даме и никоим образом не девице – разве что «Бегство».

– Неудивительно, – усмехнулась читавшая Иссерциала в подлиннике дама. – Анаксы боролись с гайифскими притязаниями куда изящней нас. Тем не менее Сервилия мне искренне жаль. Наградить воителя рыданиями, любовником-иноземцем и животом... Готова побиться об заклад, второе название вашего «Бегства» – «Недоверчивость стража».

– Я потрясен! – барон с благоговением воззрился на собеседницу. – Мечтой моей юности было встретить женщину, с которой можно говорить об искусстве. Повзрослев, я взглянул в глаза очевидности и связал себя с особой, которая хотя бы сама смогла стать произведением искусства, и вот явились вы, разбередив бывшие мечтания... Да, гальтарский мастер изобразил, как Арсак, доказывая стражу, что сопровождает находящуюся в тягости жену, обнажает живот Сервилия. Сейчас мы это увидим!

– Мне не хочется, – улыбнулась Арлетта. – Я отдаю должное выдумке анакса и гению драматурга, но мне не нравится, когда волка переделывают в кролика. Сервилий, настоящий Сервилий, был бойцом, а не стенающим мешком.

– И что бы от него осталось, не займись им Иссерциал? – На сей раз паричок качнулся вызывающе. – Искусство бессмертно и дарит бессмертие, вбирая в себя жизнь, страсть и смерть. Ему неважно, от чего оттолкнуться, важен полет.

– Я бы не хотела через триста лет стать искусством, – призналась Арлетта, – и я отравлю любого гения, если он вздумает отталкиваться от моих сыновей. Разумеется, если успею опередить Ли. Увы, барон, как собеседница я далека от вашего идеала.

– Он недостижим, но насколько легче говорить с вами, чем с тем же господином Карвалем. Не подумайте, что я жалуясь, у барона пылкий и оригинальный ум, но он ужасающе, невозможно невежествен! Ему приходится объяснять буквально все!

– Генерал Карваль интересуется искусством?

– Я бы так не сказал. Нет, я бы определенно так не сказал, но он очень не любит не знать. Вы, к счастью для вас, не застали псевдогальтарского мракобесия, царившего в Олларии этой зимой! Достаточно единожды увидеть судейские халаты и одеяния так называемых гимнетов, чтобы понять – подобное не может родиться из бывшего величия! Неудивительно, что господин барон захотел узнать о костюмах и обрядах, имевших место в действительности. Кое в чем я ему помог...

– А кое в чем он помог вам, – подхватила графиня, – бесценная коллекция нуждается в охране, не так ли?

Барон красноречиво воздел ухоженные ручки к расписанному крылатыми кошкоженщинами плафону. За дверью, будто в ответ, басовито гавкнули и визгливо, но кокетливо твякнули. Видимо, собачьи чувства не иссякали.

– Подают закуски, – быстро пояснил Капуль-Гизайль. – Мои одержимые новейшей философией гости, которых вы еще оцените, правы в одном. Животные оснащены лучше нас. Для человека я прекрасно различаю запахи, но уловить миг, в который первый слуга с подносом переступает порог кухни, мне не дано.

– Но вам как музыканту дано различать звуки. Лай предвкушающий и лай при исполнении отнюдь не схожи. Кто-то вошел в дом, воспользовавшись малым подъездом, который предпочитал и Ли. Собаки гостя узнали, но для порядка облаяли. Вы не приняли пари по Иссерциалу, примите хотя бы это. Бьюсь об заклад – гость явился по приглашению Проземператора Олларии.

Кого Робер не ожидал увидеть снова, так это Салигана, до такой степени не ожидал, что почти не обратил внимания на спутника неряхи-маркиза. Нежданный визитер, напротив, непринужденно кивнул и без приглашения плюхнулся в обитое персиковым атласом кресло.

– Голову ты так и не вымыл, – странным тоном заметила Марианна. Салиган хмыкнул и смахнул с плеча пару незадачливых перхотинок.

– Хорошо все обернулось, – светским тоном заметил он. – Все мы живы, сыты и, кроме меня, чисты, все мы сидим в этих уютных стеночках и уповаем на лучшее. Даже я. Эпинэ, я так полагаю, лично вы мне благодарны?

От некоторой наглости немеют. Робер онемел.

– Тебе благодарна я, – спокойно уточнила баронесса, – ты привел ко мне герцога Эпинэ, и ты меня не выдал.

– О да, – изрек маркиз, – хотя был к этому позорно близок. Не приди мне в голову делишки Борна или приди в голову Та-Ракану мысль меня малость поковырять, я бы выложил про тебя всё и больше, но без веской причины я дам не выдаю. Следовательно, вы у меня в долгу, а долги приличные люди отдают. Я хочу получить назад свой домишко и право обыгрывать молодых олухов. Нет-нет, господин Проэмперадор, я не толкаю вас ни на преступление перед Талигом, ни на убийство меня. Как вы смотрите на сделку? Мое возвращение в обмен на убийцу гайифского сморчка?

– Вы его знаете?!

– Ну зачем же так сразу? – Салиган «почистил» второе плечо. – А поторговаться? В конце концов, я принес Талигу меньше неприятностей, чем стадо до сих пор не повешенных негодяев. Я не нарушал присяг, не казнил и даже не приговаривал; барахло, которое у меня отобрал надорский кабанчик, я спасал от узурпатора, а на суде вел себя всяко не гаже богоданного короля, так почему бы меня и не простить? Человек слаб и гнусен, а я человек, ваш брат, к слову сказать, и ни в чем по большому счету не виноват, так за что меня отвергать и бросать на съедение?

– Кому? Готти тебя и в рот не возьмет. – Марианна с ногами забралась на другое кресло и обхватила колени, будто деревенская девчонка или... Мэллит. – Робер, он в самом деле напакостил меньше многих.

– Он напакостил куда меньше меня. – На Салигане крови нет, а убийцу Гамбрина надо найти, и быстро. – Не могу говорить за регента...

– И не надо, – засмеялся маркиз. – Проэмперадор может казнить и миловать, вот вы меня и помилуете. В обмен на убийцу.

– Так вы его все-таки знаете?

– Я знаю, кто Гамбрина точно не трогал. «Висельники». Тень тому свидетель.

– Никто из моих не убивал гайифского посла. – Спутник Салигана, отделившись от стены, с которой словно бы сливался, изогнул полумесяцем большой и указательный пальцы левой руки и приложил к губам. – Я сказал.

– Это клятва, – объяснила Марианна. – Он сказал. Она услышала.

– Я должен этому верить? – пожал плечами Эпинэ, понимая, что верит. Не столько Салигану, сколько вот этому высокому грубоватому человеку. И Марианне.

– Лучше бы вам поверить, – буркнул маркиз, – иначе нам не сдвинуться с места. Тень ручается за своих подданных, я – за покойного. Конхессер был осторожен, как крыса, за него вечно расплачивался секретарь, а о плотских радостях покойный позабыл, когда мы с вами еще в девственниках ходили. Согласитесь, нет денег, нет и ограбления. И ссору он затеять не мог, не казарон.

– Допустим. – Предложение предложением, но почему не выходит как следует злиться на этого поганца? – Гамбрина не грабили, и он не приставал к грабителям и убийцам, тогда что случилось?

– Надеюсь, вы помните, что я оказывал конхессеру конфиденциальные услуги?

– Я помню, что сказал на суде Алва.

– Если б кэналлицу это надоело, он бы с меня содрал шкуру. Если бы поймал, само собой. Но вóрону с оленем нравилось между делом подкармливать павлина спорыньей...

– Герцог Алва, – перевела Марианна, – и граф Савиньяк знали, что Салиган брал деньги у Гамбрина.

– Не брал, – запротестовал шпион, – получал в знак благодарности, потому и знаю его как облупленного. Конхессер из тех, кто барахтается до последнего. Сидеть мало что в мешке, еще и с завязанными глазами, когда любезное отечество дерут мориски, было не по нему. Можете оскорбляться, но Гамбрин не лучше вас. Родную бабушку утопит, жила бы страна родная, вот и принялся за тех, кого по старой памяти держал за жабры. А таких в Олларии не один и не два.

– И кто-то раздумал иметь дело с Гайифой? Похоже на правду, только кто?

– Будь это я, я бы тоже постарался сплавить посла закатным кошкам, но обормот вне закона дипломату без надобности. Конхессер мог бы вцепиться в вас, только чем припугнешь прощенного мятежника? Убийца кто-то тихий и праведный, и я его найду.

– Как?

– Растормошу былых собратьев по павлиньей кормушке и тех, кто мог оказаться таковыми. Скорее рано, нежели поздно я наступлю на нужный хвост, меня попытаются прикончить, и Джанис схватит убийц на месте. Соглашайтесь, Эпинэ. В конце концов, я рискую пусть и грязной, но шкурой, а вы – бумажкой с печатью. Дайте мне месяц. Если за это время я не окажу услуги Талигу, то просто удержу.

– А если Джанис не успеет к вам на помощь?

– Значит – судьба, но я в эту слепую сволочь не верил и не верю.

– Хорошо, я подпишу помилование, но охранять вас будет Карваль.

– Нет, – затряс головой Салиган, – так я не играю. Не судите о «висельниках» по не сумевшим вас захватить неумехам, у Тени есть и толковые ребята, но главное, они в истории с Гамбрином чисты, как ангельские задницы, а за ваших я не поручусь.

Зарычать Роберу не дала отошедшая в сторону панель, за которой обнаружились лесенка и барон, галантно подающий руку графине Савиньяк.

– Я подслушивала, – с достоинством сообщила высокородная дама. – Лучшего плана мы не дождемся, и Салиган прав. Это дело нельзя выпускать ни во дворец, ни в казармы.

3

Ловить так ловить, причем не откладывая. Маркиза Салигана в приличное общество вернула лично Арлетта, вернее, это маркиз галантно сопровождал графиню к накрытым столам. Робер и хозяйка задерживались, зато забежавший вперед хозяин очень мило поднял бровки и кинулся представлять гостей. Мевена, Дарави и Мэнселла Арлетта знала, ардорцев и парочку второсортных баронесс встречала. Оставшиеся трое, судя по физиономиям и опустошенности облюбованного ими края стола, могли быть лишь знаменитыми матерьялистами, тем паче один, как и обещал Марсель, напоминал сразу лисицу и ящерицу, а второй был щекаст и лыс. Значит, третий – не желающий быть бароном Фальтак.

– О! – воскликнул Дарави. – Салиган, а вы смелый человек! Так запросто явиться к обеду в... столь уважаемый самим Прозэмперадором дом! А ведь вас ищут.

– Уже нет, – успокоила Арлетта. – Как вы можете видеть, маркиз найден и с учетом будущих заслуг почти прощен. Кстати, он в самом деле довольно смел, хоть и не той смелостью, которую я привыкла видеть рядом.

– Я предчувствовал! – провозгласил барон. – Я предчувствовал нечто подобное еще с утра и приказал приготовить осенний гальтарский соус! Желтки перепелиных яиц, белая горчица, оливковое масло, бальзамический уксус... Осень – пора возвращений и бесед с друзьями за достойным столом, но почему бы нам не заняться тем же в разгаре лета?! За ужин я ручаюсь, что до рассказов... Маркиз, чем вы занимались все это время?

– Я страдал, – объяснил Салиган, отодвигая даме стул.
– Придется поверить, – сухо бросил Мевен, – вы явно похудели.
– Связывать худобу со страданием – абсурд, – донеслось с философского конца. – Дурное питание, дурной аппетит и дурное пищеварение – вот истинные причины телесного истощения!

– А вы знаете, – весело произнесла Арлетта, – я готова согласиться. Не есть еще не значит страдать, и наоборот. Мой сын навестил в заключении Манрика и Колинъяра и нашел, что они поправились, а ведь эти господа, несомненно, страдают... Или одна из подруг моей юности. В очередной раз разочаровавшись в любви, она плакала и ела конфеты.

– Как мило! – воскликнул один из ардорцев. – Плачущая девица с конфетами, если она хороша собой, лично у меня вызовет немедленное желание... утешить.

– Вы такой шутник! – заулыбалась одна из баронесс. – Разве мужчины способны утешать? Они лишь разбивают наши сердца!

– Зато женщины, – нашелся ардорец, – всегда готовы утешить плачущего мужчину.

– Особенно если он хорошенький, – со смешком уточнил Дарави, удостоился игривого удара веером и ретировался подальше от расшалившейся прелестницы.

– У шадов страдающий ищет утешения не в вине, а в воде, – вспомнил ардорец.

– Отвратительно, – с чувством произнес Салиган.

– Все куда хуже, чем вы думаете, – улыбнулась Арлетта, – скорбящие шады воду не пьют, они совершают омовения. Случается, по восемь раз на дню.

– Слышите, Салиган? На Межевых вам пришлось бы либо ходить в счастливицах, либо мыться!

Салиган что-то ответил, матерьялисты встрепенулись и ринулись в спор. Они ценили грязь и уже съели все, до чего могли дотянуться. Появилась хозяйка, но к столу не пошла, а тихонько встала у окна, улыбаясь и пряча улыбку за веткой лилии. Баронесса казалась тоньше и бледней, чем обычно, но такое после дневной любви случается, особенно с брюнетками. Когда Арно наезжал домой, ночей дожидались редко... Пятилетний Ли даже решил, что побледневшая мама больна. Как же они тогда смеялись! Что ж, Робер наконец-то полностью ожил. Прежний полуседой доходяга не смог бы ласкать женщину, когда в доме полно чужих и нужно ловить убийцу. Любовь не только убивает, но и лечит, так что пусть любят сильнее и дольше.

– Констанс, – у заявившегося вслед за Марианной Эпине красноречиво блестели глаза, – прошу простить мое опоздание. Дела...

– Герцог, – вместо приветствия требовательно спросил кавалер Дарави, – не подскажите, сколько раз мылся Шарль Эпинз? Который был при Франциске?

– Маршал Шарло? При чем здесь он?

– А при том, – расплылся Дарави, – что он не мылся вообще. Не спешите вызывать меня на дуэль, мои предки не чище. Да будет всем известно, что рыцари мылись лишь дважды – при рождении и после смерти. И при этом ставили себя выше натуры!

– В этом доме не переводятся те, кому нравится кичиться грязными невежественными разбойниками, коими были их предки. Я не из их числа! – объявил философ с лисошеричным лицом. – Восхваление любых ничтожеств, чьей единственной заслугой было потомство, в большинстве своем довольно жалкое...

– Ваши предки были не столь грязны, – перебил Мевен, – не столь невежественны или уклонялись от разбоя? Возможно, они проповедовали?

– Грязные разбойники в рясах ничем не лучше грязных разбойников в золоте!

– Вы с таким достоинством намекаете, что произошли от ызаргов, – поддержала беседу Арлетта. – Пожалуй, после ужина я все же начну вами восхищаться.

– Я произошел от того же животного, что и кружевные бездельники, и последние нищие, – сообщил, видимо, Сэц-Пьер. – Все мы остаемся животными, вынужденными удовлетворять свои потребности! Блудить, спать, жрать...

– Что до вас, то как вам будет угодно, – лениво оскалился Салиган, – я имею в виду

ваших прародителей, но, как вы изволили выразиться, жрать с сегодняшнего дня вам придется в другом месте. Констанс, прошу меня простить, но грязное животное в этом доме отныне одно, и оно не потерпит соперников!

Дарави захохотал, барон развел ручками, баронесса... У залитого расплавленным золотом окна никто не стоял!

– Сударыня, – Эпинэ, все с теми же шалыми глазами, опустил рядом с графиней, – разрешите?

– Что?.. Конечно... Робер, где Марианна?

– Пошла... поправить прическу. Она скоро придет.

Лэе Астрапэ, как выражается сын Жозины, хотя сейчас уместней помянуть закатных тварей. Самое для них время.

– Какой закат! – пробормотала Арлетта. – Золото... Текущее золото...

– Дорогая графиня, – барон со своим паричком был тут как тут, – вы что-то сказали?

– Ничего, – протянула женщина, косясь на заоконный пожар, – просто мне захотелось еще раз взглянуть на вашу маску. Пока не сгорело.

Глава 8

Талиг. Оллария. Бакрия. Хандава. Талиг. Южная Марагона 400 год К.С. 13-й день Летних Волн

1

– Вперед и «ура»! – шепнула графиня Савиньяк и то ли поправила проэмперадорскую ленту, то ли просто тронула за плечо. Робер благодарно сжал унизанные изумрудами пальцы и вышел к послам. Собрались все. Место покойного Гамбрин занял стройный ухоженный господин средних лет с траурной повязкой. Рядом с гайифцем темно-синей колонной высился Глауберозе, прочие дипломаты сгрудились позади, и Робер понял, что напрочь забыл титул торчащего рядом с гаунау флавионца...

Придерживая шпагу, Эпинэ пересек Гербовую приемную, в последний момент вспомнив, что нужно остановиться в шаге от дуайена. Прием был конфиденциальным, и рассчитывать на подсказки и своевременное падение графини Савиньяк в обморок не приходилось, хорошо хоть от Проэмперадора требуется говорить, а не разговаривать.

– Господа, – Робер обвел взглядом приглашенных послов, по совету мэтра Инголса мысленно называя каждого если не по имени, то по стране, – прежде всего прошу меня извинить за минувшую задержку и будущую краткость. Я не считал правильным собирать вас лишь для того, чтобы выразить свои соболезнования и заверить в том, что для поимки убийцы делается все необходимое. Я знаю, среди дипломатов принято не столько делать, сколько обсуждать, но я военный и считаю правильным говорить лишь тогда, когда имеешь что сказать...

Фразы были длинными и словно бы чужими, хотя от мысли заучить составленную мэтром речь Робер с ужасом отказался. Нет ничего глупей, чем, запнувшись на полуслове, пускать пузыри, лихорадочно вспоминая, что дальше. Они с Арлеттой обсудили, что и как доводить до посольского сведения, а потом Проэмперадор витийствовал, сестра экстерриора слушала, шурилась, весело перечисляла ошибки, и Робер начинал сызнова. Кажется, он оказался не безнадежен, потому что речь успешно летела к главному в полнейшей тишине.

– Можно считать доказанным, что мнение конхессера Гамбрин о том, как следует представлять интересы императора Дивина, было довольно-таки своеобразным. Я не намерен здесь обсуждать дела покойного, но все указывает на то, что конхессер пал жертвой человека, которого намеревался использовать в своих целях. Я думаю, этот человек уже оказывал Гайифской империи услуги определенного рода. Я думаю, что в связи с последними событиями он больше не считает выгодным и дальновидным их оказывать. Я

думаю, господин Гамбрин пригрозил в случае отказа сообщить его имя талигойской стороне. Я заверяю вас, что мы будем искать этого человека, а найдя, поступим с ним по закону.

При этом моей обязанностью является напомнить вам, что Талиг может обеспечить вашу безопасность лишь до определенных пределов и что посол иностранной державы, пытаясь вынудить подданного Талига к предательству, превышает свои полномочия и рискует жизнью... – Просчитать до пяти, опустить и быстро поднять взгляд, будто господин Прозмперадор понял, что брякнул лишнее, хотя на самом деле он сказал именно то, что собирался. – Прошу мне простить некоторую резкость, я не экстерриор. И я не намерен скрывать ни имени убийцы, кем бы он ни оказался, ни причин, толкнувших его на преступление...

2

Казарский штандарт поразил Марсея в самое сердце еще при первой встрече. Вызолоченный шар, окруженный шевелящимися лентами всех оттенков желтого, оранжевого и алого, был прекрасен в своей бредовости, неудивительно, что Барха возжелал такой же, только с рогами. Ощущая себя в ответе за репутацию Великой Бакрии, виконт объяснил принцу, что есть варварство и почему в приличной державе козлиный череп впереди гвардейских полков неуместен. Барха если не понял, то поверил, но одновременно и реющее и торчащее над башнями чудо могло возродить в душе наследника Бакны сомнения.

– Баата должен покинуть Хандаву до подхода козлерии, – обеспокоенно объявил виконт. – Вместе со своим солнышком.

– Эта вещь скорее напоминает морскую гидру, – заметил, придерживая очередную безымянную лошадь, Алва. – Подобные создания встречаются в Алвасетской бухте, но в главном ты прав: Баате пора нас слегка предать, а это удобнее делать на расстоянии.

– Интересно, – оживился Марсель, – он уже прочел мои письма?

– Ты состоишь в переписке с казаром? – удивился Рокэ. – Какие бездны порой разверзнутся у самых ног.

– Изрядные, – согласился Валме. – И полные гидр, сиречь морских лилионов. Ну, если наш молодежен опоздает...

– После Багерлее Бонифаций не опаздывает.

И Бонифаций не опоздал. Он встретил Ворона на крепостном дворе и, целыми кусками изрыгая священное писание, повлек прочь. Покинутый Марсель принялся скучать, по возможности изящно, так как не исключал появления Этери, но Баата на сей раз обошелся без сестры. Младой казар в отлично скроенных аквамариновых одеждах легко сбежал с дворцового крыльца и раскрыл объятия. В ответ Марсель протянул руку.

– Я, конечно, прибыл из Гайифы, – объяснил он свою сдержанность, – но не до такой же степени... И потом, в замке его преосвященство, а он и так взволнован. Столько лет в глуши, и вдруг такие возможности... Кардинал талигойский! Надеюсь, у регента хватит такта не напоминать бедняге о всякой ерунде, хотя если мориски не получают свои свитки, они обидятся, а обиженный мориск хуже казарона, можете мне поверить.

Баата верил, но мориски казара не занимали, как и будущее его преосвященства, третьего дня родившееся в голове Марсея, чем виконт немало гордился. Кардинала нужно было менять в любом случае, так почему бы и не на Бонифация? Справедливо, полезно, и в Оллариин наконец-то появится, к кому заскочить за отпущением и варастильской касерой. К тому же олларианский кардинал не должен уступать эсператистскому, а Бонифаций тебе, пожалуй, уступит... Даже прикормившему малых сих Левию.

Разделив церковное озарение с Алвой, Марсель вернулся к делам гайифским и с дороги таки написал Франческе. Повозиться, живописуя сладостную Кипару и козлерийскую атаку, пришлось, зато теперь загодя вылизанный рассказ бил губернаторским фонтаном. Тем самым, что они с Коннером таки запустили, дабы должным образом напоить офицерских козлов.

– Когда орудийная прислуга кинулась вниз, – не без удовольствия объяснял виконт алчущему подробностей Баате, – пехотинцы, их было не больше полутора сотен, развернулись к вершине и пошли навстречу неизвестной пока угрозе. Только кто ж их будет там ждать? Воинство нашего дорогого Бархи...

Вообще-то бакраны и козлы с дикими воплями и меканьем свалились обалдевшим имперцам на головы, но красиво можно рассказать обо всем, и Валме рассказал, как его высочество, разогнав врагов, повел свой отряд вниз по склону и дальше, во фланг и тыл выстроившимся на дороге светло-зеленым шеренгам. Повел не слишком быстро, зато с большим шумом, будто бродячая трупка приманивала зрителей: стрельба в воздух, хоровое завывание «Ба-а-а-кра-а-а», пронзительное пение рожков, потрясание оружием, вольтижировка на вошедших в раж не хуже хозяев скакунах...

Защитники Кипары оказались благодарными зрителями. Справившись с первым потрясением, они бросились перестраиваться, но, будучи привычны к лошадям, промахнулись с оценкой расстояния до более мелких козлов. Бакраны оказались куда ближе, чем думалось, и тут началась основная атака, нацеленная как раз на суетящееся крыло.

Атакующим с фронта до цели оставалось сотни полторы шагов, когда в их рядах особенно зловеще взвыли рога, и тут же Барха, прекратив свое представление, помчался навстречу соратникам. Тем, кто оказался меж двух сходящихся отрядов, пришлось несладко...

Марсель вдохновенно болтал. Казар слушал, на первый взгляд из милого мальчишеского любопытства, но смотреть вторым взглядом Валме выучился года в четыре. При всех своих улыбках и смешках казар был собран и напряжен, как адуан в поиске. Что ж, граф Ченизу, вперед!

– Можете представить, – весело объявил Валме, – лучшего пленника захватил Мэгнус. Это мой козел, вы его еще увидите... К сожалению, я был вынужден оставить его на попечение Коннера, вернее, их обоих. Регент, когда торопится, загоняет и лошадей, и спутников, так что мы отбываем налегке. Кстати... Ваше величество, вас мне послал сам Создатель! Могу я попросить об одолжении?

– Все, что в моих силах. Вы же знаете, для вас и герцога Алва я прежде всего – друг...

– Знаю. – Марсель доверительно понизил голос. – Я с легким сердцем доверю генералу Коннеру любого козла или пса, но не гайифского гвардейского офицера. Таких пленников после войны приличные люди за приличное же вознаграждение возвращают родственникам, и я бы не хотел, чтобы в Паоне сложилось о нас превратное впечатление. Конечно, Валмоны без гайифского золота обойдутся, но так принято, а нарушать традиции – дурной тон. Я мог бы отправить свой трофей на сохранение к отцу, но тогда мне опять-таки придется поручать беднягу адуанам, а это светский человек, по недоразумению оказавшийся в провинциальном гарнизоне. Вы меня очень обяжете, если поместите его в каком-нибудь замке, где найдутся чистые простыни, приличный цирюльник, перо и бумага. Разумеется, выкуп ваш.

– Об этом не может быть и речи! – отрезал казар. – Кагета разорена войной, это так, но прокормить одного гайифца она пока в состоянии. Разумеется, я прослежу, чтобы этот человек ни в чем не нуждался. Кто он и как оказался в провинции?

– Вы будете смеяться, но этого Леонидаса сослали в Кипару за дуэль с родственником Хаммаила. Ну как, узнав об этом, я мог не пригласить его к столу? Скажите, как?

3

Встреча с разездом «фульгатов» сняла напряжение, в котором Чарльз пребывал последние дни поиска. Авангард Западной армии оказался совсем близко, так что участь попавшихся в лапы Арсини дриков роте капитана Давенпорта больше не грозила. Чарльз с неописуемым облегчением свернул в указанную «закатными тварями» сторону и впервые за последние сутки улыбнулся очередной шутке Бертольда. Улыбка оказалась не только первой, но и последней, потому что выстроившиеся двумя рядами вдоль дороги здоровенные

липы вдруг взяли да и напомнили об ундовых ивах и прошлогодних блужданиях под проливным дождем.

Заведенное в Кадане обыкновение брать на заметку любые странности заставило напрячь и разум, и чувства. Разум недоумевал вместе с хозяином, чувства уныло сетовали на что-то непонятное и неприятное, а проклятые ивы никак не желали убираться из сознания. Проступали из минувшей осени, будто из тумана, царапали голыми ветвями и так рябой от дождя канал и портили настроение.

– Ты бывал в Дораке? – зачем-то спросил Давенпорт Бертольда. Теньент удивился, но ответил. В Дораке он не бывал, он там родился. Ундовы ивы, само собой, видел. Зрелище по осени унылое донельзя, но никаких пакостей за ними не числится, напротив, там, где они растут, очень вкусная вода и любят гнездиться лебеди. Да, говорят, под такими ивами не утопишься – вышвырнет на берег да еще и исхлещет. Чарльз поблагодарил за рассказ и, прекращая нелепый разговор, дал жеребцу шенкелей. Бертольд последовал примеру командира – в самом деле, почему б и не размяться в такой славный денек и в таком славном месте?

Конские копыта ритмично взбивали мягкую дорожную пыль, Чарльз скользил взглядом по корявым стволам и пытался думать, но выходило лишь вспоминать. Оллария, Эпинэ, Вараста, Надор, Кадана, Гаунау, Бергмарк, Ноймаринен... Сколько дорог осталось за спиной меньше чем за год, сколько встреч и расставаний, сколько перемен... Еще недавно Давенпорту казалось, что он никогда не избавится от надорских кошмаров и Савиньяка. Избавился, всё пошло лучше не бывает, и тут из памяти полезла хорошо забытая дрянь! Капитан прикидывал и так и эдак, но отыскать причину не мог. Не было ни измены за спиной, ни непонятных предчувствий, ни начальства, которое тянет убить, разве что... Сейчас, как и в ту паршивую осень, все идет, как *хочет кто-то*, а они догоняют, пытаются то ли подстроиться, то ли поспорить – и не успевают. Чушь! Всё они успевают, по крайней мере он, капитан Давенпорт, провел успешный поиск и не потерял ни единого человека.

Вид поднимающегося из лощины эскадрона под черно-белым штандартом подтверждал: путь вот-вот закончится. За первым эскадроном показался второй. Давенпорт приказал растянуться по двое вдоль обочины, чтоб не загораживать дорогу. Когда они с Бертольдом поравнялись с первыми шеренгами, в глаза бросились лиловые офицерские шарфы. Бертольд, довольно оскалившись, махнул рукой и получил столь же веселый ответ.

– Знакомые? – осведомился Чарльз. – Просветил бы начальство, кто это тут у нас.

– «Спруты»... То есть полк герцога Придда. Мы с ними у Печального Языка вместе были и у Ойленфурта. Хорошо дерутся, каракатицы этикие, а уж рискованные! Где они верхами в атаку рванули, я бы на своих ногах и то с оглядкой, ну да каков полковник, таков и полк! Заразе в поиске цены нет, родился б кем попроще, через пару лет вторым Бавааром стал.

– Заразе?

– Придду. Прозвали его так, у Баваара и прозвали. Вы же слышали, не могли не слышать, как он Ворона отбил! Мы сперва не очень поверили, а потом убедились: этот может... Он ведь и Бруно раскусил, когда тот втихаря через две реки переправился, неужели вам не рассказывали?

– Рассказывали, просто не до того было...

К Леворукому предчувствия и сомнения, к Савиньяку с его улыбкой и красным камзолом! Дело драгунского офицера не судьбы кампании и не ловля кошек под кроватью, а рота! И в этой роте, между прочим, одиннадцать лошадей нуждаются в перековке. Если в скором времени не добраться до кузнеца, возникнут настоящие, а не придуманные сложности. Да, именно так! Делай то, без чего не обойтись, и не забивай голову всякой дурью. Придд так и поступает. Решил отступить от Фердинанда – отступился. Решил отбить Алву – отбил.

– О, – обрадовал Бертольд, – вот и они! Гирке с Приддом. И какие-то бергеры еще.

Между вторым и третьим эскадронами под полковым знаменем ехала группа офицеров, и знакомое, ничуть не ставшее за год оживленнее лицо уже было перед глазами.

Сообразить, как себя вести с бывшим рокслеевским оруженосцем, Чарльз не успел. Валентин, не меняя выражения, наклонил голову и поднес руку к шляпе, а потом что-то сказал сопровождавшим его парням. Те разулыбались и немедленно повторили приветствие. Что оставалось делать – Давенпорт ответил тем же и послал коня навстречу.

– Добрый день, Чарльз, – Придд заговорил первым, давая понять, что встречаются не полковник с капитаном и не герцог с виконтом, а двое старых знакомых. И ведь в самом деле...

– Добрый день... Валентин. – Ну и о чем с ним говорить? Не об ивах же! – Возвращаюсь из поиска.

– Я так и понял. Разрешите вам представить моих друзей по Лаик. Бароны Катершванц. Норберт и Йоганн.

– Мы слышали про ваши знаменитые дела, – здоровенный белокурый бергер протянул руку. – Это был очень хороший выстрел и отличный прыжок.

– Йоганн!

– Мне кажется, вашим людям лучше присоединиться к нам, – невозмутимо предложил Валентин, – по крайней мере до привала. Дорога узкая, авангард идет очень плотно и спешит.

– Где генерал Ариго и Лецке? – Спрут говорит дело, и к кошкам прошлую осень. Сейчас лето. И война.

– Командующий идет вместе с бергерами следом за нами, – объяснил ставший за год полковником оруженосец, – Лецке – замыкающий. Вы к нему не пробьетесь, разве что свернете в поле и подождете, пока освободится дорога.

– Моя рота пойдет с вами, – решил Чарльз, – а я доложу генералу.

– Очень хорошо. Встраивайтесь между первым и вторым эскадронами. Само собой, Чарльз, я буду рад видеть вас у себя в любое удобное вам время.

– Мы тоже будем очень рады, – жизнерадостно заверил все тот же бергер. – Мы очень хотим много слушать про Гаунау.

4

Бонифаций мрачно жевал мясо, он явно не чувствовал вкуса. Марсель отлично помнил этот раздраженно-усталый взгляд по собственному родителю, и означал он всегда одно – размолвку с матерью. Потом размолвки прекратились вместе с разговорами, но у его преосвященства все только начиналось. Крепился, крепился, один раз не выдержал – женился – и на тебе! Марсель ловко бросил шляпу на вполне цивилизованный стульчик и жизнерадостно спросил:

– Украл?

– Сложный вопрос, – груда костей перед Рокэ убедительно свидетельствовала о преимуществах холостяцкой жизни. – Если под кражей подразумевать тайное присвоение того, что тебе изначально не принадлежит, то кража, несомненно, имеет место. Если же исходить из кодекса Франциска, то кража признается таковой лишь после жалобы владельца похищенного или же свидетельства заслуживающего доверия очевидца.

– Тогда мы пропали. – Марсель искал глазами вилку, не нашел и обошелся без нее. – Губернатор не может быть владельцем, а мы не внушаем «павлинам» никакого доверия.

– Главное, чтоб ты его внушил Баате.

– Я старался. Казар собирается отлучиться на два дня, так как не может отдавать приказы своим казаронам, находясь на чужой земле. Он вернется и расскажет, как устроил нашего с Мэгнусом пленника. Ваше преосвященство, вам налить?

– Налей, сын мой, – протянул кружку епископ. – Налей, и я выпью, дабы укрепить дух свой и воспарить над горестями земными и превратностями судеб.

– Марсель, – распорядился Алва, – его преосвященство сегодня пьет только розовую воду. Она в кувшине справа.

– Это же для рук, – не понял Валме.

– В данном случае пить следует именно ее, хотя нарианский лист помог бы лучше. Бонифаций, такой кардинал нам не нужен, и очень сомневаюсь, что такой муж нужен хоть какой-нибудь жене. Есть державы, которые выигрывают войны, переживают годы тощие и издыхают в тучные, извольте не уподобляться. Вы блестяще женились, не портите впечатления. Как только Баата уберется предавать, мы устроим пирушку и пригласим дам. Веселье я вам обещаю, а сейчас извольте доесть эту лопатку и марш к Дьегаррону.

– Зачем?

– Откуда я знаю, но здесь вам в таком виде не место. Вы порочите оллариянство и вызываете отвращение.

– Вот он, – пожаловался епископ, – муж жестоковыйный, что гонит меня, как пса шелудивого, как кур из чертогов, как саранчу с полей, и поделом! Не выдержал я ниспосланного мне испытания...

– Это я сейчас не выдержу, – пообещал Алва. – Я за все время в Нохе не испытывал такого отвращения к Создателю и пастырям Его. Еще немного, и мы с виконтом уверуем в пользу celibата! Ваше преосвященство, вы способны соображать?

– Твою кавалерию! – взревел епископ и залпом осушил кружку с рукомойной водой. – Вот ведь пакость!

– Ну наконец-то, – одобрил регент Талига. – Ешьте и слушайте. Мы с Валме самое позднее через неделю отправляемся на север, так что присматривать за здешним зверинцем предстоит вам. С Дьегарроном и супругой.

Глава 9

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

Раскинувшийся вдоль не слишком широкой в этих местах Эйвис луг, точнее его восточная часть, был удручающе ровным. Ничего приличней кочки, которую даже из вежливости не назовешь холмиком, найти не удалось. Приходилось осматриваться, не покидая седла: хоть какая-то прибавка в обзоре. Другое дело, что стоять столбом и смотреть, как у тебя на глазах истребляют соратников, – и невыносимо, и неправильно. Жермон злобно покосился на начальника штаба.

– Предполагается обрушиться на Рейфера как можно неожиданной и всеми силами Западной армии. – Карсфорн, само собой, не преминул напомнить об утвержденном плане, к которому приложил руку и Ариго. – Наша задача – нанести Рейферу серьезный урон, в идеале – уничтожить. Сил авангарда для этого недостаточно.

Жермон угрюмо кивнул. Варзову требовалось не меньше полутора часов, чтобы добраться хотя бы до уже пройденного авангардом села Мюллебу и моста через Эйвис, а Маллэ погибал. Противник, вдвое превосходя его по численности, каким-то образом сумел на приречных лугах взять корпус в полукольцо и теперь давил, давил, давил... Линия талигойцев гнулась и поддавалась на глазах, еще немного, это Ариго понимал прекрасно, и ее прорвут сразу в нескольких местах. Устоявшие полки будут окружены, а остальные... Беспорядочную толпу прижмут к берегу и просто-напросто перебьют.

Дальнейшее тоже просчитывалось без труда: если авангард станет следовать диспозиции, корпус Маллэ будет полностью уничтожен до того, как подойдут основные силы. Гэвин что-то сказал о тех же двух часах. Подсчитал, умник... От ответа, верней от грубости, Ариго спасся, рывком подняв к глазам трубу. Вот кто понимал, что генерала сейчас лучше не трогать, так это Барон. Гнедой замер как статуя, даже длинный хвост повис без движения, не поймешь, в седле ты или в кресле сидишь – картинка в окуляре не

дергается и не прыгает, – разглядывайте поле боя, господин генерал. Разглядывайте и думайте, поberi вас Леворукий!

– Дриксы сумели обойти правый фланг Маллэ, – доложил об уже известном сгонявший на край поля Арно, после чего с надеждой воззрился на начальство. Начальства хватило лишь на то, чтобы не зарычать.

– Теперь и путь отступления на восток перекрыт, – бросил в могилу свой ком земли и Карсфорн. – Все в ближайший час завершится полным разгромом.

– Вы уверены, Гэвин?

Разумеется, начальник штаба был уверен. Обход правого фланга поставил Маллэ в сложнейшее, чтоб не сказать больше, положение: Полю-Жозефу пришлось развернуться спиной к реке и пятиться к берегу, но этим же маневром дриксы подставляли уже свой тыл прямо под атаку прибывшей талигойской кавалерии. Если, конечно, атака будет.

– Конницу, – велел Жермон. – Всю, что есть. Арно, живо к Лецке...

– Да, мой генерал!

– ...и, Гэвин, немедленно отправьте донесение маршалу.

– Мой долг – сказать, что так мы рискуем упустить Рейфера. Он может догадаться, что нашим корпусом дело не ограничится.

– Если мы лишимся корпуса Маллэ, а это почти десять тысяч, потеря для нас будет более чувствительной, чем для дриков – поражение Рейфера. Этого гусака вряд ли удастся окружить и полностью уничтожить... Размен выйдет неравноценный.

– Тем не менее по плану...

– Пусть оно не по плану, зато правильно! – В своей правоте Ариго не сомневался, но Гэвину требовался еще какой-то резон... – Не хватало, чтобы солдаты уверились – случись что, начальство бросит их на съедение и пальцем не пошевелит. Об этом вы подумали?

– Я... Да, настроение в армии оставляет желать лучшего. Я склонен согласиться, что нарушение диспозиции в данном случае оправданно. Удачно, что вы отдали распоряжение до того, как вас начали к этому принуждать.

– Вы о чем? Леворукий... – Ответ в лице Райнштайнера и Катершванца был уже совсем близко. А ты что думал? Что бергеры останутся в стороне? Скажи спасибо, что начали с начальства, а не с варитов. Ойген, – вместо приветствия объявил Ариго, – я атакую. Всей кавалерией. Готовься поддержать Лецке.

– Мы готовы. Собственно, я явился об этом доложить. Ты принял непростое решение.

– Оно было очевидным.

– Та! – подтвердил Ульрих-Бертольд. – Именно так. Отшевитным, и у фас очень зоркие отши, генерал. Фы бывали бы не послетним фощдем и ф феликие фойны, а зейтшас такие наперетшет. Я, как старший фонтель, готофый утфердить есть: фы очень ферно выбирали звой торский герб. Фы тостойны его носить есть. Фсе мельтшает, пошиф з мое, фы это поймете, но зекотня – наш тень есть. Фариты, попатавшие в звою зобственную запатню есть. Я намерен принять ушастие в бою и проферить, на што готны есть мои молотые неумехи. До фечера, генерал.

– Удачи, господин барон!

– У нас на ушин бутет много утачи и гусиный паштет, – пообещал герой Виндблуме и отправился за своим генералом. «Невозмутим, как бергер»... «Исполнителен, как бергер»... Поглядели б на Ульриха-Бертольда, умники! А это еще что такое? Лецке еще только следовало выводить своих для атаки, а он уже готов. И Шарли туда же... Похоже, господа кавалеристы, не сговариваясь, успели отдать своим людям приказы – как вежливо объяснил Ойген – «на всякий случай». Армия устала пятиться и петлять, она рвалась в бой. И дорвалась.

глухую дробь, да изредка лязгает металл. Чем позже увлеченно добивающие парней Маллэ дриксы заметят вновь прибывших, тем лучше, Чарльз помнил, насколько здорово все вышло у Ор-Гаролис в самом конце. Хочется, чтобы сейчас получилось не хуже.

Волей начальства драгуны Лецке оказались в атакующем строю крайними слева, и перед ними был левый же фланг дриков, заманчиво открытый и прямо-таки напрашивающийся на удар. Эх, подобраться бы без шума поближе, но это вряд ли – где-то справа, там шел в атаку Шарли, уже начиналась суматошная пальба.

До знакомо-синих шеренг оставалось минуты три рысью, когда дриксы «проснулись» и здесь. Внезапное появление конницы под черно-белыми знаменами произвело на «гусей» сильное впечатление, но дальше началось нечто малопонятное. Обходившие фланг Маллэ дриксы, не принимая боя, стали сворачивать строй, откатываясь с пути драгун вправо, к основным силам. Надо же, как быстро побежали! Это тебе не «серебряные» гаунау, и даже не простые!..

Сигнал полковой трубы. «В галоп». Давно пора. Ну, понеслись!

Да пребудешь ты в Рассветных садах, капитан Лунге, ты был хорошим командиром, и бывшая твоя рота сейчас это доказывает. Никто не отстает и не вырывается вперед, справа и слева другие роты полка вроде бы тоже ничего идут. Еще немного, и...

Дриксы оказались шустрыми: когда драгуны наконец подлетели к месту боя, противника впереди уже почти не осталось, под их палаши попали разве что пара-тройка дюжин неудачников. Чарльзу рубить было некого, да он и не стремился. Дриксы сейчас опомнятся, оглядятся и что-нибудь да предпримут, вот это-то капитана и занимало. Давенпорт покрутил головой, высматривая посыльного от Лецке. Старый приказ был выполнен, нового не наблюдалось, зато сбоку, ближе к реке, продолжали палить. Чарльз привстал в стременах, ничего толком не разглядел, но здесь точно уже все закончилось.

– Заворачивай, – велел Давенпорт ждавшим команды уже от него драгунам, – рысью, краем луга на выстрелы. Авось найдем кого ошипать.

3

Получилось! Ошарашенные дриксы пытались развернуться навстречу атакующей кавалерии и ослабили натиск на Маллэ. Бергеры, бросившиеся вперед чуть ли не бегом, вот-вот должны были заткнуть наиболее серьезные прорехи в боевой линии, и уже на подходе была пехота Берка. Эх, сейчас бы еще три-четыре полка. Того же Ансела, к примеру...

– Маллэ потребуется немало времени, чтобы привести свои силы в порядок, – посетовал слегка повеселевший Карсфорн. – Сейчас они вряд ли на что-то способны.

– Не буду спорить, но до подхода старика мы и сами продержимся. Только хотелось бы знать, насколько решительно настроен Рейфер.

Как же всё со всем связано, и как же неожиданно оно порой меняется: не будь почти добившего Поля-Жозефа обхода, не было бы и столь удачно подставленных «крашеными» спин, а так удар вышел на славу. Густая россыпь синих пятен в сочной прибрежной траве там, где пронесли атакующие эскадроны, служила подтверждением успеха.

– И все же жаль, что нам пришлось так рано себя обнаружить, – в голосе Карсфорна послышался отзвук прежних сомнений. – Этот Рейфер отнюдь не глупец. Он может отступить прежде, чем подойдет хотя бы Ансел.

«Я и сам это знаю», мог бы сказать Жермон, но не сказал. Давая команду к атаке, он тоже сожалел, но, как говорится, лучше жалеть о выпитом, чем о высохшем.

– Если я ничего не путаю, у Рейфера численное преимущество. Тысяч на пять-шесть... Попробуем сами изобразить готовность к отступлению, глядишь, дриксы и не сбегут.

Карсфорн, с некоторым сомнением кивнув, повернулся к подскакавшему адъютанту, и Жермон опять перевел взгляд на поле. Маллэ, не теряя времени, уже отводил наиболее потрепанные полки. А объясняться с Вольфгангом Полю-Жозефу придется. Не за почти разгром, тут просто не повезло, за самовольный бросок на помощь марагонцам. Впрочем,

они с Ойгеном оказались не лучше...

– Гэвин, отправьте людей, пусть найдут Маллэ. Нужно понять, что и как тут происходило, а жалеть... Потом пожалеем, когда все кончится.

4

Навстречу драгунам тянулись солдаты Маллэ, вернее, как почти сразу понял по высоким тульям Чарльз, – марагонские ополченцы. Шляпы, как и малиновые пояса, были знакомыми, чувство, с которым капитан смотрел на вытасненных из мясорубки людей, – нет. В северном походе случалось всякое, но угодивших в ловушку своих отбивать не приходилось. Савиньяк или загонял в угол чужих, или ходил по краю и ни разу не сорвался, а вот Маллэ не удалось. Тех, кто вырвался из Гюнне, выручили ненадолго.

Впереди чуть ли не под копыта рыжему Бертольда осел наземь пузатый дядька. Не раненый, просто до смерти уставший. Теньент, перегнувшись с седла, протянул флягу. Мараговец сразу не сообразил, потом присосался. Бертольд махнул рукой и подъехал к Чарльзу. Говорить как-то не тянуло. Атака вышла успешной, но назвать происходящее победой язык не поворачивался. Победы остались у Ор-Гаролис и Альте-Вюнцель, а здесь они просто не дали добить своих. Пока...

– Молодцы кипрейщики, – нарушил молчание Бертольд, – даже знамя вытащили.

– Да, молодцы.

Давенпорту и раньше нравились конники-ополченцы, что помогали его роте в поиске, но то были местные дворяне. Слишком юные или, наоборот, старые для воинской службы, они все же имели соответствующие навыки, а в пешее ополчение шел кто попроще. Конечно, ветераны попадались и здесь, Чарльз узнавал их издалека, и не только по смешным старшинским поясам-«полотенцам»: к ним прибивались люди. Те, кто тянулся к порядку и хотел драться дальше. Марагонцы отходили пусть и не строем, но вместе. Конечно, самые робкие и слабые, увидев, что в смерти появилась прореха, побежали, но таких нашлось не слишком много.

– М-да, – Бертольд проводил взглядом кучку ополченцев, в которой на двоих на первый взгляд здоровых пришлось пятеро раненых, – эти, похоже, уже не бойцы.

– Кто его знает, – откликнулся Давенпорт, следя за хромающим старшиной, – вымотаны-то они вымотаны, но разбежаться не собираются и оружие держат прилично. Не как солдаты, но в руки взяли явно не вчера.

– Это да, – согласился Бертольд, – хотя куда им бежать? Мы в Марагоне. И дриksы, раздери их кошки, тоже.

– Кошек не напасешься, – буркнул Чарльз, – так что придется самим. Вместе с этими...

А отступавшая толпа прямо на глазах превращалась в нечто удобоваримое. Старшины с проворством овчарок отделяли раненых от здоровых, разгоняли здоровых по десяткам, забирали оружие у тех, кому оно уже было без надобности, и распределяли среди возвращавшихся в строй. Другое дело, что среди «здоровых» тут и там мелькали окровавленные повязки. Хватало и лысин, и седин, и животов... Когда война вламывается в дом, она не смотрит ни на возраст, ни на здоровье. Хочешь жить – либо дерись, либо беги, только убежать удастся не всегда.

– Давенпорт! Капитан Давенпорт! – Адъютант Лецке так торопился, что начал кричать уже шагов с десяти. – Приказ! Вам вместе с бергерами... Поддержать ополченцев... В пешем строю... Шарли нас прикроет с фланга. Прямо здесь, – корнет махнул рукой на расцветший кипрейными поясами луг, где предстояло держать оборону, и развернул коня.

– Я понял, – крикнул Чарльз в удаляющуюся спину. – Рота – спешиться, коней – в тыл!

Дальнейшее было привычным и для него, и еще больше для его людей. Драгуны снимали с седел мушкеты, коноводы, забрав поводья у спешившихся, уводили ротных лошадей. Оставалось отправить Бертольда на поиски какого-нибудь офицера, но марагонцы адъютантские вопли тоже слышали. Рядом с Чарльзом, по-собачьи дыша и разве что не

вываливая язык, уже стоял толстячок средних лет с широким «полотенцем» там, где полагалось быть талии, и пучком ободранных перьев на шляпе. На осунувшейся физиономии читалось страстное желание упасть и не вставать, но заговорил мараговец четко, спокойно и по делу.

– Я – Абель Трогге. Ландмилиция Гюнне, – тихий и сиплый голос опять напомнил об убитых беженцах в роще. – Нам, выходит, теперь вместе с вами... Мы готовы, только у нас почти нет пороха, а у половины так и вообще кончился. «Наш» сейчас будет договариваться с «вашим», но вдруг эти курожоры полезут раньше? Мы вас и поддержать толком не сможем...

– Бертольд! – Чарльз решил сразу, без раздумий. – Третью часть боеприпасов – господину Трогге. Этого пока хватит...

– А что потом, господин капитан? Мы уже столько деремса, что не прочь узнать, когда все закончится... и как?

– Потом подойдет фок Варзов. Нужно его дождаться, и все будет в порядке.

Глава 10

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

Это были не первые трупы в жизни тенъента Савиньяка, далеко не первые, насмотрелся тенъент и на умирающих... Двое мушкетеров, попавших в Торке под камнепад. Артиллеристы, обожженные при взрыве пороха, тот драгун у Ойленфурта, которого пришлось добить... На поле у Ойленфурта они вообще оставили множество тел, но лекарский обоз у ручья, куда Ариго велел доставить полковника-артиллериста из корпуса Маллэ! Это для Арно едва не оказалось слишком. Раненые лежащие, сидящие, даже ползающие... Несколько сот раненых, лекаря с помощниками, залитые кровью по самую шею, если не выше, небрежно убранные в сторонку мертвые и порхающие надо всем этим мотыльки, привлеченные похожими на манную кашу цветами. Вот эти мотыльки тенъента и доконали...

– Таволга, – пробормотал полковник, всю дорогу только шипевший сквозь зубы, – таволга цветет...

Таволга? Эта манная дрянь – таволга?

– Всё, господин полковник, – с голосом Арно совладать все-таки удалось. – Мы на месте. Сейчас найдут лекаря, а я должен возвращаться.

– Конечно... Все в порядке... Все... Доложите Маллэ...

Терпеливый артиллерист как-то сразу сдал и повалился с седла, Арно еле успел ухватить его за перевязь. Подскочил парень, конопатый и с кровавым пятном на щеке.

– Примите полковника, – велел Арно. – Просьба генерала Ариго.

Он собирался сказать «приказ», но вылетело совсем другое слово. Лекарский помощник все понял, кивнул и попытался вытереть щеку о плечо. Двое уже перевязанных кипрейщиков приняли обмякшее тело и куда-то потащили.

– Как там? – спросил задержавшийся конопатый.

– Деремса.

– Много еще будет?

На этот раз понял Арно:

– Пожалуй что и нет... Дриксы отходят.

– Хорошо, а то у нас корпии мало.

Приволокли кого-то еще. Многих приволокли. Похоже, у кого-то выдалась передышка. Лекарский помощник виновато улыбнулся и исчез за распряженной повозкой. Хриплый

сорванный голос раздраженно потребовал пилу. Промчался еще один лекарь в мясницком фартуке. И это они сами себе выбрали – и на всю жизнь. Вот это все, с пилами, с корпией, с мухами и мотыльками... Нет, кем угодно, только не лекарем!

– Господин тенъент... не знаете... что там у Лецке?

– Дерется Лецке. – Наверное, еще дерется, а потом будет отдыхать. В погоню полковника вряд ли бросят. Гонять Рейфера придется тем, кто подтянулся позже, авангард свое дело сделал – спас Маллэ и стреножил дриков.

– Если дерется... Это хорошо...

Кто-то знакомый? С окровавленной тряпкой на лице, пожалуй, узнаешь... В ручье колышется бывшая повязка. За что-то зацепилась. Вода болотная, ржавая сама по себе, а кажется, от крови, и еще эта таволга... Людям война, а ей – лето.

– Господин тенъент!.. Который с полковником... Эй... Вы где?

– Тут я!

– Порядок, – вернувшийся конопатый искренне рад, – собрать можно... Мэтр Лизоб берется. Так генералу и передайте...

– Спасибо. – А теперь – быстрее в седло! Подальше от мэтра Лизоба, бинтов в ручье и проклятой таволги.

Возвращаться лугом, на котором марагонцы сошлись в рукопашной со своими стародавними врагами, не хотелось, и Арно развернул Кана влево. Не тут-то было! Вражда враждой, но, похоже, у кипрейщиков просто не оставалось выхода: не просохшая даже в разгар лета низина предлагала неосторожным вдосталь побарахтаться в топкой грязи. Судя по не успевшим затянуться следам, кому-то пришлось испытать эту радость на себе совсем недавно, но не повторять же чужую глупость!

Арно двинулся вдоль болотца, благо лиловеющий неподалеку кипрей обещал, что скоро станет посуше. Так и оказалось. Вынужденный объезд стоил нескольких лишних минут, а впереди вовсю гремело, грохотало и рычало. Место Арно было там, а не в тылу у лекарей и не в болоте. Наверстывая упущенное, тенъент пустил коня крупной рысью. Налетевший с реки ветерок отбросил навязчивый аромат таволги, будто страницу перевернул. Сразу стало легче. Новый порыв пошевелил малиновые свечи кипрея, ровно шедший Кан поднял голову, ловя ноздрями новые запахи, потом резко хрюкнул, прижал уши и, самочинно перейдя на шаг, слегка прихватил всадника зубами за сапог.

2

Скалы высятся нерушимо, но возжелание приходит и к ним. Чем дольше стоят горы, тем губельней нахлынувшая страсть. Камень вступает в брак с водой, и рождается Зверь. Его бег – это бег Смерти, его гнев – это гнев Скал, его безумие – это безумие Молний, сдержать его не дано... не дано... не дано...

– Ричард, – голос Алвы оторвал Дика от созерцания кучи мокрых камней. – Идемте. Теперь близко, да и дорога получше. Когда упремся в дверь, найдете четыре гвоздя. Два ближайших к замку и два у средней петли. На них надо нажать одновременно. Дайте мне руку.

Дик торопливо сжал пальцы маршала, еще разок оглянулся на впитавший песню Алвы завал, поежился и сделал шаг. Обшитый досками тоннель круто забирал вверх, ямы и выбоины исчезли, похоже, эта часть хода была значительно новее.

– Эр... Монсеньор, куда мы идем?

– Тайное гнездышко Катарини. В юности она принимала здесь любовников, потом решила, что дом в предместье – отменное убежище. На всякий случай.

– Я о нем ничего не слышал.

– Не сомневаюсь.

– В доме есть слуги?

– Там нет и не может быть никого, по крайней мере сейчас. Дом заколочен, ворота

заперты. Осенью из провинции приезжает некая вдова, наводит порядок и отправляется восвояси. Считается, что особняк принадлежит ей, но старухе и в голову не приходит, чьи секреты она стережет.

– Вы знаете даже это.

– Ведьму разыскал я.

Тайный дом Катарини... Почему это не удивляет? Может, он разучился удивляться? Переживший *такое* предательство меняется необратимо. Алва потерял способность видеть, Окделл – доверять и прощать. Прежнего Ричарда, молившегося на предательницу и миловавшего врагов, больше нет. Алву тоже предавали, и он стал таким, каким стал. Убийцей и святотатцем, для которого нет ничего святого. Талигойя слишком долго сносила его злодеяния... Злодеяния? Но Алву ослепили не за преступления, а за подвиг! Он знал, что его ждет, и все-таки вышел к врагам. Безоружным.

Рокэ вновь принялся напевать. О синих морских быках, о кораблях, что ищут тех, кто поет и плачет... Обычная кэналлийская песня, красивая при всей своей грусти. Не чета тому жуткому напеву, что разбудил камни.

– *Расскажи мне о море, моряк*, – просил слепой маршал, – *ведь из моего окна я не вижу его. Расскажи мне о море, моряк, ведь я ничего не знаю о нем...*

Ворон вряд ли вдумывался в знакомые слова, но это «я не вижу» заставляло сердце Ричарда сжиматься, а ведь он был вправе убить, мстя за отца! Вправе, только Повелитель Скал лишь смотрел, как Алва в цепях идет по городу, поднимается на эшафот, с улыбкой выпивает яд... Дикон как никто знал силу и сноровку своего эра, даже скованный он был страшным противником. Конечно, Ворону было не вырваться, но он бы забрал в Закат не одну жизнь. Рокэ не дрался, потому что спасал Кабитэлу, а эсператисты грабили город семь дней. Сюзерен не смог их остановить. Ворон смог. Левий – теперь Дикон точно знал, кто это был, – накинул на плечи Рокэ плащ не из милосердия и не из целомудрия. Красота и наглость Алвы перевернули все с ног на голову, проигравший казался победителем. Казался или был?

Расскажи мне о море, моряк... Расскажи...

3

– Мэтр Лизоб сделает все возможное, – отрапортовал Арно. Генерал в ответ только рукой махнул и снова уставился куда-то вправо. Арно и не подумал обижаться: если поездка в лекарский обоз успела стать прошлым для него, что говорить об Ариго, который скрипящего зубами полковника и видел-то минуты две. Не имеющий поручений порученец взял у такого же вынужденного бездельника кусок хлеба с холодным мясом и, жуя, принялся выяснять, многое ли пропустил.

Когда авангард вступал в сражение, боевые порядки Маллэ уже были развернуты с запада на восток, повторяя линию берега. Дриксы атаковали по всей ширине фронта да еще и с флангов наседали. После удара Ариго, пришедшегося по их левому крылу, «гуси» откатились назад и, оправившись от первой неожиданности, перестроились лицом к пришедшей с востока, от Мюллебю, угрозе. Пока виконт Сэ нюхал таволгу, подтянулись и вступили в дело почти все силы фок Варзов, и новая линия сражения протянулась поперек луга, почти под прямым углом к первоначальной. Полки Ариго оказались в общем строю крайними слева, основной же удар наносился в центре, что не могло не огорчать.

Арно проглотил свой «обед», смахнул с мундира крошки, покосился на начальство, мысленно послал к кошкам Карсфорна, при котором мотыльки и те бы соблюдали субординацию, и отправился к кошкам сам. То есть к томившимся в бездействии «фульгатам», которых приметил, еще подъезжая.

– «Гуси» в центре отступают, собаки такие! – вместо приветствия бросил помощник Баваара.

– А против нас – держатся, – поддержал разговор Арно, – генералу это не нравится.

– Побегут, куда денутся, – обнадежил «фульгат». – Не захотят же они оказаться

отрезанными! Эх, был бы тут еще и Гаузер!

– Да уж! Мы уже здесь и деремся, а где его носит, только Леворукий знает.

С Гаузером в самом деле вышло глупее не придумаешь. Отправили Маллэ семь тысяч подкрепления, а граф сорвался с места, не дождавшись. Хотя, если б он дожидался, с марагонцами было бы покончено еще позавчера.

– А вы, чем скучать, – подмигнул Арно, – лучше бы Гаузера искали. Вдруг заблудился?

– А что? Кроунера пошлем, ему корпус найти раз плюнуть! Что, капрал? Найдешь Гаузера?

– А че? – весело откликнулся разведчик. – Ежли будет *на-сто-я-тель-на-я по-треб-ность*, сыщем в *оп-ти-маль-ный* срок. Чай, не секреты по оврагам вылавливать.

– Кстати, – припомнил Арно, – зачем нам секрет у реки? Переправиться там невозможно, значит, опасности с той стороны нет. Или все-таки есть?

– Секрет у реки, говорите? – оживился доселе молчавший Баваар. – Как же вы их углядели?

– Не ругайтесь, они спрятались отлично. Просто ветер подул с берега, а Кан обучен поморисски, – не смог удержаться от хвастовства Арно. – Он почуял чужих лошадей и дал мне знать.

– Где это было?

– Там, где обрыв и рощица.

– Правильно, рощица там есть. Небольшая... Парни, а ну-ка за мной!

Арно слегка опешил, когда «фульгаты» галопом дунули за своим вожаком, потом не удержался – дал Кану шенкелей, уже на скаку соображая, какая муха укусила только что преспокойно слушавшего их болтовню Баваара. Вывод напрашивался сам собой – если капитан сорвался с места, значит, в рощице прятались отнюдь не его люди.

4

Песня и дорога кончились одновременно. Гвоздей в двери было превеликое множество, Дик испугался, что не отыщет нужных, но все оказалось не так страшно. Две пары восьмиугольных шляпок чуть выбивались из общего строя как раз в тех местах, о которых сказал Рокэ. Юноша, немного поколебавшись, надавил на медные звездочки, и те под его пальцами провалились в глубь доски. Раздался сварливый щелчок – и все!

– Нажмите на ручку, – посоветовал Алва.

И как он сам не догадался! Дверь оказалась тяжелой, но это был ее единственный недостаток. Луч от фонаря погладил здоровенную кучу какого-то хлама, не доходившую, впрочем, до стены. Самый обычный подвал самого обычного городского дома.

– Идите вдоль стены, – вновь подал голос маршал, – там будет еще одна дверца, эта запирается на обычный засов, за ней – потайная лестница и дверь с леопардовыми мордами... Надавите той, что справа, на оба глаза и потяните кольцо на себя. Там ключи... Дальше просто.

Леопарды, подражая львам, сжимали в пастях бронзовые кольца. Дик едва успел подхватить связку ключей – самый большой был от первой двери.

– Эр Рокэ, – Дик упорно продолжал шептать, хотя в выставшем доме явно никого не было, – куда теперь?

– Правые комнаты выходят окнами на улицу, левые – во внутренний двор. В них и будем жить... Дальняя была спальней.

Дальняя комната как была спальней, так и осталась. Хорошо смазанный замок открылся без звука, пахнуло теперь ненавистными гиацинтами. Рокэ, держась за стену, подошел к камину и почти упал на золотистую гривастую шкуру.

– Гляньте в окно. Думаю, давно стемнело...

Дикон глянул в щелку между ставнями и кивнул, хотя собеседник и не мог это видеть.

– Совсем ночь.

– До утра мы не дотянем. Затопи. Дрова или в ящике у камина, или придется спуститься.

Спускаться не пришлось. Вдова из провинции не зря получала свои таллы. Тяжелый, окованный медью ящик был набит поленьями, в растопочной корзинке лежали еловые шишки и лучина, а сверху – огниво и трут. Разжечь камин труда не составило.

Войдя во вкус, Дикон занялся свечами. Рокэ свет был без надобности, но юноша с недавнего времени темноту не любил. На каминной полке стояли два подсвечника. Еще один красовался на столике у кровати. Дик решил зажечь и его. Одна свеча упала на пол, Ричард нагнулся, чтоб ее поднять, и едва удержался от крика. По светлому дереву тянулась цепочка кровавых следов... Как в «Плясунье-монахине»! Убийца не должен приходить в дом убитого, тем более в ночь убийства, а он пришел и привел Рокэ. Привел к Катари!

– Ричард?

Окделл обернулся к Рокэ, и ужас сменился стыдом. Никакой Катаринины здесь не было и не могло быть, он испугался детских сказок, а вот кровь была. Кровь Ворона, сбившего ноги в проклятом туннеле, а он даже не подумал взглянуть. Еще бы, ведь Алва не жаловался...

– Эр... Что у вас с ногами?

– Пустяки. Не сказал бы, что здесь жарко...

Он бы не сказал! Легкая туника, летний плащ и несколько часов среди выставшего злого камня! Дику в дорожном платье и то было холодно, что уж говорить про маршала, а ведь он – южанин. Счастье, что огонь разгорелся как следует, а вино он отыщет или сбегает в какой-нибудь трактир. Деньги есть. Как хорошо, что эр заставил его взять золото...

– Не суетитесь, юноша. – Рокэ била дрожь, губы были совсем белыми, но он улыбался. – Лучше поищите в буфетной вино. Из дома сейчас выходить не стоит... Мне кажется, по ночам в Олларии сейчас мало кто гуляет.

Алва прикрыл глаза ладонями и замолчал, а Дикон бросился на поиски вина. Ему повезло – в буфетной нашлась дюжина запечатанных бутылок и, чему юноша несказанно обрадовался, пузатый полупрозрачный кувшин, в котором явно хранилась касера. Мерзкий напиток, но сейчас он лучше вина.

– Я нашел! И «Кровь», и касеру...

– Это даже лучше. Налейте мне и выпейте сами... Не помешает.

Дик выпил. Он тоже замерз, и сильно, только не сразу это понял. Святой Алан, неужели все случилось сегодня?! Катарина, Рокэ, Дорога королев, пустой дом... Этого не может быть! Он не мог убить свою королеву! Вернее, королева не могла быть такой, это сон или бред... Сон? Ричард повернул ставшую вдруг страшно тяжелой голову. Ничто никуда не исчезло – чужой пляшущий огонь, Алва, так и не удосужившийся перебраться в кресло, два алатских бокала. Значит, было и все остальное... Обрушившийся перед мордой Соны мост, страх за Катари, скачка в Кабитэлу, алый бархатный занавес и правда! Правда, на которую мог быть лишь один ответ. Тот же, что был у святого Алана.

– *Вы не пытались убить Алву, вы прикрывали себя...* – Он не запомнил этих ее слов, он их даже не расслышал, а они изъязвили память, будто дурная болезнь. – *Вы устроили покушение – ничего не вышло... Вы могли бежать, но осели в Эпинэ и принялись готовить бунт. Обреченный на поражение, но этого вы и добивались. Вы бы не смогли оставаться в Талиге, и вашим хозяевам пришлось бы с этим смириться. Более того, вас не рискнули бы убить и не бросили бы без средств, чтобы не оттолкнуть тех, кто стал бы грызть наши мешки после вас. Вас бы кормили отборным зерном...*

Неужели этот голос будет преследовать его вечно? «Талигойская святая»... Теперь Дикон понимал, почему Эпинэ не узнал кольцо – это был перстень Ариго!

– *Рокэ испытывает к Валентину вполне объяснимое уважение. Достойный выбор, когда вы один, а тех, кто готов... налить вам вина... множество!*

Змея жалила даже из Заката. Пусть Придды рождаются с предательством в крови, Катари превращала в предательство и честь, и верность, и любовь...

– Юноша, если вы собрались спать, пожелайте хотя бы спокойной ночи.

– Я... Я не сплю!

Королева мертва, а Рокэ опять отогнал от бывшего оруженосца волка. Призрачного, но от этого лишь более страшного. Дик осторожно, словно Алва мог заметить, взглянул на протянувшего руки к огню кэналлийца. Касера помогла, во всяком случае, дрожь Алву уже не била, да и губы стали поярче. Дикон тихонько сел на шкуру рядом с маршалом. Он ничего не говорил, но слух у Алвы был, как у кошки. Узкая рука легла юноше на плечо.

– Рокэ, почему вы тогда... не позволили мне?

– И совершенно зря, – проникновенно сказал Ворон. – Надо было дать тебе допить, но я что-то расчувствовался. Себя в твои годы вспомнил. Первая дуэль, первая любовь и все такое... И потом, я полагал, что покойных Окделлов с меня хватит.

– Я помню про отца, но я понял только теперь... Вы убили его не по злобе, а так, как хотите убить себя... Эр Рокэ, Алан и Рамиро ничего не были должны коронованному трусу, они погибли по ошибке!

– С вами все ясно, юноша. – Герцог привалился спиной к креслу и по-адуански скрестил ноги. – Напоить бы вас как следует, так, чего доброго, на подвиги потянет. Будь со мной все в порядке, я бы вас сопровождал, но сейчас от меня никакого проку. Дайте кочергу.

Дик не представлял, зачем она могла понадобиться слепому, но, как и прежде, сперва повиновался, а потом задумался. Алва немного повертел черную железяку в руках, свернул чуть ли не в кольцо и отбросил.

– Я думал, будет хуже, – заметил он, – хотя все едино! Налейте мне еще и прогуляйтесь по дому. Вам здесь жить, хоть и недолго.

Глава 11

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

Баваар вел своих в обход рощицы с начинкой, отрезая неизвестным – а они там были, в ком, в ком, а в Кане Арно не сомневался – дорогу к дриksam. Не повезло. Омерзительно ровное поле не позволяло подобраться незамеченными, а чужаки смотрели в оба. «Фульгаты» были еще далеко, когда из-за деревьев вылетели четверо... нет, пятеро синих всадников и карьером понеслись вдоль берега, явно решив проскочить под самым носом преследователей. Резкий переливчатый свист будто клинком вспорол воздух, пришпоренные кони прибавили ходу, талигойцы пошли наперерез.

Троим удиравшим времени и резвости коней не хватило. Краем уха Арно слышал шум скоротечной схватки, но даже не оглянулся. Теньента занимали вырвавшиеся. Кан, умничка быstroногий, уже вывел Арно в голову погони, Баваар и тот отстал почти на корпус, а ведь тоже на морiske!

– Давай! Ну давай же!

Кан давал... Не хуже братнего Грато. Одна из двух спин, синяя с широкой желтой перевязью, стремительно приближалась. Арно потянулся к пистолету, из-за плеча хрипло проорали:

– Живой... нужен!

Ага, живой... А дрикс согласится?

Пять корпусов разрыва, три... Синий, до того ни разу не оглянувшийся, резко повернулся в седле, вскидывая пистолет. «Прости, гривастый» – Арно успел выстрелить первым. В лошадь. Бедняга запнулась и завалилась набок, моря воздух копытами. Теперь дело за «фульгатами» – теньент перевел взгляд на последнего беглеца. Далековато ушел, кляча твоя несусветная!.. Ничего, догоним! Только с чего он влево забирает, ему же совсем в

другую сторону...

– Стойте, тенъент! – Баваар изо всех сил шпорил коня, чтоб удержаться рядом. – Да стой же, Леворукий тебя побери! Дальше так нельзя...

Приказ есть приказ. Арно с сожалением проводил исчезающую в овражке добычу. Кан, тоже разгоряченный, раздраженно фыркнул – так хорошо бежали, и на тебе!

– Почему, господин капитан? Догнали бы... Кан бы точно...

– Их мундиры... Не обратили внимания?

– Синие, обычные... Перевязи желтые, не вспомню, у кого такие.

– Что за кавалерия у Рейфера? Вспоминайте!

Арно честно напряг память, хотя переход от неистовства погони к занудному пересчитыванию дриксенских полков удовольствия не доставлял.

– Вся кавалерия у Рейфера из вновь присланных. Подкрепления из центра страны. – Кирасиры, рейтары, еще драгуны, как их там... кольменгарские, что ли. Ну и что? Арно так и спросил. Капитан хмыкнул, глядя, как его люди возятся с телами:

– Не помните, значит? Вот и я сине-желтых не припомню. Эти, что из Фейле пришли коротким путем и Маллэ за шиворот ухватили, – легкоконные. Каданцы-«забияки» и прочая наемная братия. Не понимаю...

– Господин капитан, – почти пожаловался подскакавший капрал, – четвертый тоже... готов, сволочь. Шею свернул, как грохнулся.

– Неудачно, – предводитель «фульгатов» был раздосадован, но не более того. – Ладно, ребята, проверить, куда убрался последний, все равно надо. Но не по его следам. Можно нарваться.

– Я с вами, – решил Арно. Баваар возражать не стал. Очень может быть, что из-за Кана.

2

– Эр Рокэ, это было кольцо Катарины. Она хотела, чтобы я вас убил...

– Очень мило с ее стороны, – Ворон все еще сидел у камина, привалившись спиной к креслу. – Отправляйтесь спать.

– Вы должны понять... Если бы я...

– Если б вы не дали себя обмануть, вас бы просто убили. Как Джастина.

– Джастина Придда? Его, – юноша замялся, но заставил себя договорить, – его убили за то, что он... любил вас.

– Меня? – герцог поднял бровь. – Джастин меня ненавидел. По крайней мере сначала. Этот жеребенок изрядно смахивал на вас... Что поделать, в страдающую королеву были влюблены все благородные юнцы Талига. О нашей с Катариной связи по ее милости тоже знали все... Будьте любезны, налейте.

Дикон налил. Руки у него дрожали. Он почти догадался, что сейчас услышит.

– Вами всеми играли, Дикон, но тем, кто ни кошки не соображал, ничего не грозило. Или почти ничего.

– Вы... Вы должны были мне все рассказать!

– И как вы себе это представляете? Я должен был сказать: «Дикон, когда ваши друзья станут говорить, что Джастин Придд был моим любовником, – не верьте»? Будь вы поопытней, вы бы сами сообразили, что мне мальчишки без надобности, а так... Да явись вам сам Создатель и скажи, что Катарина врет, вы бы его в Леворукие записали.

Дикон молчал, Рокэ пил свое вино, глядя куда-то вдаль. То есть не глядя. Герцог Окделл готов был четырежды умереть, чтобы вернуть маршалу зрение, но в его силах было лишь подливать вина.

– Вам и впрямь стоит послушать про Джастина. – Рокэ дотянулся до столика и поставил бокал. Если не знать о его слепоте, ни за что не подумаешь! – Наследник Вальтера стал очередной игрушкой Катарины. Он на нее молился, пока не узнал что-то, отчего сломя голову сбежал на войну. Дурак лез в самое пекло, пришлось держать его при себе. Юноша

был готов меня убить, но ее величество была далеко, и отраву ему никто не подсунул. С кинжалом он на меня однажды бросился, было дело...

Потом он пообвык и, к своему несчастью, решил, что я не столь уж и плох. После того как мы чуть не утонули во время переправы, граф Васспард стал смотреть на меня так, будто хочет что-то сказать. Это заметили, вернее, заметил. Килеан... Джастина вытребовали домой, назад он не вернулся.

– Так вы...

– Килеан заплатил за Джастина, – Рокэ вновь взялся за бокал, – вместе с братьями Ариго, хотя у этих долгов поболее... Ты слышал про картину. Источник мог быть лишь один – Катарина. Она знала все мои родинки и все родинки Джастина. Я стал искать художника и почти нашел.

– Почти?

– Мазилу убили, но не озаботились перерезать его собутыльников. Один припомнил, как описывали внешность «Марка» и «Лакония». Это был ментор братьев Ариго... Катарина обожала повторять единожды получившееся и с помощью Эстебана распустила слух про нас с вами. Только вы слышали сплетню раньше, чем ваша матушка. Королева поняла, что я все знаю, хотя доказательств у меня и нет. В некоторых случаях, Дикон, надо просто убивать, и чем скорее, тем лучше. Жаль, я не убил нашу святую вовремя... Раз в жизни подумал о последствиях и просчитался. – Рокэ прикрыл невидящие глаза ладонями, потом провел по бровям к вискам. Дикон запомнил этот его жест еще в их самый первый разговор в кабинете маршала, когда Рокэ спас ему руку. Неужели прошло меньше трех лет?

– Вы устали? – слова сорвались с языка сами по себе, и Дик чуть не дал сам себе подзатыльник.

– Устал? – Алва вновь потянулся за кубком. – Пить?

– Это Придды уговорили отца согласиться на ваше убийство, – зачем-то признался Ричард. – Отец не хотел...

– Кто бы мог подумать! Налейте.

– Вы... Может, не надо?

– Я слишком много пью?

Дикон молча кивнул, забыв, что Рокэ не может его видеть, но тот и так все понимал.

– Ты знаешь, чего я хочу на самом деле, – глухо произнес герцог. – Чтобы ты оставил меня в покое.

– Этого не будет!

– Упрямец. – Рокэ не взял протянутый ему бокал, а пошатнувшись, перебрался в кресло. Это было невыносимо. Маршал хотел только покоя, а у него, Дика Окделла, не осталось никого и ничего, кроме этого искалеченного человека. Все пошло прахом! Юноша не представлял, как станет жить дальше, куда отправится, что сделает, он просто выполнял приказы эра. А до этого убил Катарину, потому что она... Он, герцог Окделл, Повелитель Скал, убил истинную зорию, свою королеву и возлюбленную! Убил и сбежал вместе с врагом всех Людей Чести, чтобы сидеть в пустом доме. Будто в тюрьме...

Дикон сам не понял, как у него потекли слезы. Он не плакал очень давно, лет с пяти. Юноша знал, что слезы позорят зорию, что Окделлы не плачут, но это не помогало.

– Дикон!

– Ч-ч-что?

– Принеси мне поесть.

– Но... Вы же не хотели...

– И не хочу. Прекрати реветь. Хватит, я сказал! Жалеть себя будем позже и на сытый желудок... Время на это у нас есть.

– Эр...

– Ричард Окделл! – Ворон все же хорошо вышколил строптивного оруженосца. Слезы отступили, и Дик, отчаянно моргая, уставился на маршала. Тот снова сидел у огня.

– Прекратил?

– Да.

– Тогда слушай. В жизни бывает всякое, но пока ты хоть что-то можешь, она продолжается. Когда от тебя не будет никакого толка, как вот от меня теперь, покончи со всем разом, но не раскисай. Никогда! Что ты обливаешь слезами? Только не говори, что Катарину, ты больше ее не любишь.

– Эр Рокэ... Разве вы не видите, что все не так?!

– Я ничего не вижу, оруженосец, – хмыкнул Рокэ, – налей мне и себе заодно. Мы с тобой давно не пили. Повода не было.

3

Обрыв оказался не слишком высок, обычный такой здешний обрывчик, отыскалась и тропка вниз. Шум сражения стал гораздо глуше, под копытами хлюпало и скользило, лошади недовольно фыркали и трясли головами, да еще всякая приречная дрянь так и носилась вокруг, наполняя воздух зудением. И если б только носилась.

Минут через двадцать Баваар решил, что пройдено достаточно, и Кроунер отправился наверх – осмотреться. Малыш то ли кошкой, то ли пауком взобрался по откосу, покрутил над обрывом головой и скатился назад.

– Так что чисто, господин капитан! Никого и ничего. Луг, за ним – дубрава. Шагов за сотню отсель подъем. Ничего так, *кон-ди-ци-ён-ный*.

– Поднимаемся.

«Кондициённый» подъем был явно создан для ломания ног и шей, но Кан справился и здесь. Справилась даже чудовищная кобыла Кроунера. Настороженно оглядываясь, «фульгаты» проскочили открытое пространство и нырнули под дубы.

– Судя по всему, дрикс проскакал вон там, – прикинул Баваар. – Мы прошли вдоль реки, а Эйвис здесь изгибается.

Арно зажмурился, припоминая направление, в котором удирал «гусь». Вроде бы ему выходило миновать дубраву с дальнего от реки конца...

– Надо бы проверить, что творится на той стороне.

– Верно, теньент, верно. И мы проверим.

Проверили...

– Ох ты ж, падла Создателя! – буквально прошипел Баваар при виде открывшейся с вершины дуба картины. У Арно слов не нашлось вообще.

Ложбина кишела дриксами. Было их не меньше пяти тысяч, нет – гораздо больше, и с юга по тракту тянулась толстенная синяя змея. Всё новые батальоны второпях, это было очевидно по некоторой неразберихе, разворачивались из походной колонны в боевой порядок.

– Обозов не видно, артиллерия... есть, полковая... А вот и наши «знакомцы», – капитан ткнул трубой в кавалерию, запрудившую луговину в стороне от строящейся пехоты. – Если двинутся напрямую, не как мы, через полчаса будут на фланге у «нашего». Подарочек... Давай вниз.

Находка ошарашила всех. Это был даже не волк под кроватью, это был дракон.

– Теньент, – почему-то шепотом спросил Баваар, – что там дальше по тракту? Помните?

– Селение Эйвисфлуд. Крупное, почти город, а дальше... Там развилка. К тракту подходит дорога из Фейле, по ней к Рейферу и пришли подкрепления.

– Как по-вашему, эти красавцы тоже по ней явились?

– Вы же сами провожали Бруно от Фейле на запад! Он убрался, и только потом отдельный корпус двинулся сюда... Капитан, их же тут тысяч десять!

– Да, такую толпу даже «Дубовый» не проглядит.

– Значит, значит... – Арно еще никогда так не хотел ошибиться. – Если они не с юго-востока, от Фейле, значит – с юга! А там у дриксов только... Бруно?

Баваар обвел взглядов своих напрягшихся, как перед броском, «кошек» и повторил вслед за Арно:

– Там у дриков только Бруно... и их главные силы, так что вот вам приказ, тенъент. Берите пятерых и тем же путем – к нашим. Поняли?

– Нет. У вас дюжина человек, а для того чтоб передать сообщение, офицер не нужен.

Из короткого бурчания Арно вынес, что, с точки зрения капитана Баваара, между тенъентом Савиньяком и полковником Приддом много общего, но вступать в пререкания со строптивым порученцем «фульгат» не стал.

– Андрэ, дуй со своими к генералу! Одна нога здесь, другая там, а наше дело – узнать, вот эти, за рощей, – все или только авангард. Бродяги, вам все ясно?

4

Горел камин, и в нем горели дороги, сраженья, встречи, надежды, вся несбывшаяся жизнь. Ричард поискал глазами кочергу и вспомнил, что с той приключилось. Шевелить угли было нечем, разве что попросить Алву распрямить железную змею или сходить посмотреть в соседних комнатах? Всё лучше, чем сидеть сложа руки. Ничего, заключение в Лаик сначала тоже казалось бесконечным, а Фабианов день все равно наступил, так будет и теперь. Это у Алвы остались только тьма, прошлое... и оруженосец.

– Эр Рокэ?

– Да.

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет.

Ворон мог поблагодарить, мог послать к Леворукому, мог выругаться, в конце концов, чем-нибудь швырнуть, а он тихо сказал «нет», и Ричард поднялся.

– Я поищу кочергу...

Ответа не последовало, и юноша с закипающей злостью сдернул с кресла кольцо с ключами, но они не потребовались. Дверная портьера, когда до нее оставалась пара шагов, раздвинулась, раздался знакомый смех, и Ричард, то ли охнув, то ли простонав, отступил к огню.

– Ну и в дыру ты забился! – Альдо, не скрывая любопытства, обвел взглядом полутемную спальню. – Сказать, что я думаю о тех, кто бежит с поля боя?

– Мой государь!..

– Надеюсь, что твой. Чем ты тут без меня занимался? На измену ты не способен, но глупостей натворил наверняка. Признавайся сразу – ты женился?

– Нет!

– И на том спасибо. Ты мне нужен со всеми потрохами и немедленно. – Глаза Альдо в свете камина отсвечивали лиловым, на щеках играл теплый живой румянец. Как же хорошо и... спокойно. Можно выбросить из памяти заострившееся, будто у покойника, лицо. И эти проклятые бессмысленные месяцы тоже долой! Место Повелителя Скал рядом с его анаксом!.. Счастье неистово полыхнуло и погасло, потому что у камина сидел человек, которого сюзерен еще не заметил.

– Альдо, – глухо сказал Ричард, – здесь герцог Алва.

– Я мог бы и догадаться, – взгляд сюзерена сразу стал жестким, – он так и не выучился вставать в присутствии анакса. Что ж, невежливость поединку не помеха!

– Несомненно, – подтвердил Рокэ, – но хотелось бы уточнить, кто здесь анакс.

– Альдо жив, – выдохнул Дикон, прежде чем сообразил, что Рокэ все понимает. И наывается.

– В самом деле, юноша? Вы уверены?

– Эр Рокэ! – закричал Ричард, поняв, чего добивается Ворон. – Вы не будете драться. И сюзерен не станет... Альдо, он же слепой! Это агарисцы...

– Я с них спрошу и за это, – пообещал сюзерен. – Мерзавцы отобрали у меня поединок,

но ничего не поделаешь. Драться со слепым я не стану.

– Если вы передумаете, я к вашим услугам, – Рокэ потянулся за бокалом, но тот оказался чуть ближе, чем казалось маршалу. Раздался тоненький звон.

– Теперь видишь?! Я не могу его оставить. Надо добраться хотя бы до Савиньяков...

– Нет времени, – просто сказал Альдо, и Ричард понял, что его действительно нет. – Все решат даже не месяцы – дни, а Иноходец, как назло, где-то шляется. Остаешься только ты.

– Альдо, это... дело Чести! Я... – шептаться непристойно, но Рокэ не увидит, а не объяснить невозможно: сюзерен должен знать, что это не прихоть и не трусость! – Пойми... Я его заставил пойти с собой, он хотел взять на себя... то, что сделал я, и заколоться. Мы прошли Дорогой королев... Теперь мы здесь, но из города сейчас не выбраться. Весной мы уйдем на лодке...

– Ты собрался всего себя и силу Скал отдать уже полумертвому? – Альдо до шепота не унился, и было бы странно рассчитывать на иное. – Ты мне нужен, Ричард Окделл, мне и нашей анаксии, и это не шутка. Твой долг – перешагнуть через жалость к тому, кого она лишь оскорбляет. Мы были врагами, но я отдаю дань чужому мужеству. Герцог Алва – истинный эорий, дай же ему достойно уйти.

– Альдо, но ведь был же... – Святой Алан, как же звали Левкрского Слепца?! – Он разбил гайисскую армию у...

– Он был нужен анаксу и анаксии, а времена Ворона ушли вместе с Олларами, новый Круг не для него. Бери пример с Иноходца, Дикон. Он не оставил меня подыхать на глазах эсператистской сволочи.

– Иноходцу приказал ты!

– Я без вас обойдусь, – спокойно вмешался Ворон. Он все понял и не имел обыкновения лгать. Жестокость, злоба, издевки, только не ложь! Герцог Алва обойдется без оруженосца, но Ричард все еще колебался.

– Альдо, – попросил юноша, – давай уйдем все вместе. Должен же быть способ... И потом... Альдо, эр Рокэ может нам помочь! Он много знает про Гальтару...

– Не говори глупостей! – хмуро бросил Альдо. – Нам не может быть по пути.

– Пришедший к вам господин, кем бы он ни был, прав, – усмехнулся Алва, – и он, вне всякого сомнения, нуждается в вашем обществе больше меня, но если вы нужны сюзерену, это еще не значит, что сюзерен нужен вам. И тем более Талигу, как его ни называй.

– Ричард, – Альдо все еще пытался сдерживаться, – если ты стал прислугой, дело твое, но у Повелителя только один господин. Я тебя отпущу. Отрекись от Скал и подавай вино кому хочешь.

– Альдо, я...

– Ричард Надорэа, ты слуга или Повелитель?

Предать Скалы, своих предков и привязать себя к калеке? Это невозможно, но как уйти после всего? Если бы Ворон помирился с Альдо! Он сможет, если захочет, сюзерен не оттолкнет Повелителя, особенно зная правду о мече...

– Эр Рокэ, пожалуйста! Ведь это все из-за вас...

– Не исключая, – зевнул Ворон, – только что именно?

– Вы что, не понимаете?! – выкрикнул Ричард. – Вы... Вы...

– Я, – пожал плечами бывший маршал, – потомок Рамиро-Предателя и Рамиро-Вешателя, святотатец, чудовище и убийца, но при чем тут ваши терзания?

– Рокэ... – аж поперхнулся юноша, – как вы можете! У вас что, совсем нет души?!

– Ну, извините... Было бы странно, если б она у меня оказалась. Вы чего-то хотели?

– Ничего, – буркнул Ричард, – я нужен моему государю, и я иду с ним.

– Идите, – равнодушно сказал Алва, – или оставайтесь. Для *меня* это ничего не изменит.

– Я иду.

– Я понял.

Люди Чести знают, что лучше ненароком услужить негодяю, чем принять от него услугу, а герцог Окделл раз за разом принимал от Рокэ все, от лошадей до жизни, и... святой Алан, Ворону нравилось, что ему обязан сын Эгмонта! Это был его вызов, его месть сразу и Людям Чести, и «навозникам». А чем тогда было его самопожертвование? Тоже мстью?! Вряд ли... В сердце Ворона нашлось место не только злу, но всего больше в нем было усталости, и потом, в самом деле... Нельзя навязывать гордому человеку жалость, нельзя вынуждать есть, спать, бриться того, кто никогда уже не сможет жить, как жил. Какой-нибудь Спрут способен существовать и в темноте, и в болоте, но Ворон должен или летать, или...

За порогом Дик все же обернулся, хоть это и было слабостью. Алвы у огня больше не было, не было и огня, не было вообще ничего.

– Выше голову, Надорэ, – прикрикнул сюзерен, – ты Повелитель Скал или спрут без чести и костей? Мы отправимся в Гальтары и возьмем то, что принадлежит нам по праву! Когда настанет время, я сам поведу свои армии в сердце анаксии!

Сюзерен знакомо улыбнулся и вдруг смахнул наворачнувшуюся слезу.

Часть шестая «Смерть»¹¹

*Не всякий человек, познавший глубину своего ума, познал
глубины своего сердца.*

Франсуа де Ларошфуко

¹¹ Высший аркан Таро «Смерть» (La Mort) не означает физического конца, тем не менее в классических колодах (например, в «Марсельской») эту карту предпочитали оставлять непоименованной. В раскладе говорит об окончании существующего положения вещей, о глубоких изменениях в мировоззрении. Появился шанс оказаться в неизведанной ситуации. О характере перемен можно судить по соседним картам. В целом – это конец старой жизни и связанные с этим утраты: дружбы, дохода, любви. Но начинается новая эпоха. ПК : дар прозрения в отношении себя и других. Может означать застой, инертность и все с этим связанное.

Глава 1
Талиг. Южная Марагона. Мельников луг
400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

Драгун Лецке давно уже вернули в седло, и последний час полк простоял в полной готовности, ожидая приказа. Капитан Давенпорт очень надеялся, что таковой вскоре

поступит и это будет приказ «в атаку».

Время шло, сражение всё бушевало, дриксы всё упирались и упирались, укрепившись за придорожными живыми изгородями и в Ворслунне, брошенной марагами деревушке при слиянии дорог, а полк так и ждал своей очереди. Сюда, за вторую линию точно так же маявшейся без дела пехоты, шальные ядра и те не долетали. Как и новости. Застоявшиеся кони встряхивали головами, звеня железом, и переступали с ноги на ногу. Солдаты переговаривались и пересмеивались, кто-то даже пытался дремать, но ожидание чем дальше, тем больше сменялось нетерпением. Чарльз не выдержал и объехал своих орлов; орлы были в полном порядке. Днем, сдерживая вместе с марагонцами тогда еще ломившихся к курганам дриков, рота потеряла троих убитыми, еще семерых так или иначе зацепило. Этих отправили в лекарский обоз, и один уже вернулся – царапина была пустяковой, а парень рвался в бой: очень уж хотелось сынку портного продвинуться по службе.

– Ну как? – окликнул «портняжку» Давенпорт. Тот ухмыльнулся во весь рот и, выпятив не то чтобы богатырскую грудь, заверил, что готов к драке.

– Вот тут-то «гусям» и конец! – заржали рядом. Капитан тоже улыбнулся. Отправился дальше. Начальству видней, кого, когда и куда посылать. Генерал медлить не станет, кто угодно, только не он. В том, что с командующим им повезло, в авангарде не сомневался никто, Давенпорт не был исключением, к тому же Ариго слегка напоминал старшего Хейла.

Чарльз как раз закончил объезд, когда что-то изменилось. Капитан вслушался и понял: к общему шуму сражения прибавились гулкие удары. Тяжелые пушки, и много. До сих пор громче била артиллерия с другой стороны, сдерживая порыв талигойцев.

– Теперь дело пойдет, – подтвердил догадку оживившийся Бертольд. – Вейзель подтащил наконец своих красоток. Дриксы сейчас зачешутся. Это им не кипрейщиков гонять... Впятером на одного!

– И даже не Маллэ. – Чарльз с удовольствием тронул пистолет действительно неплохой эйнрехтской работы. Подарок толстенького Трогге, и славный подарок! – Значит, сперва Вейзель, потом – мы.

Умозаключение оказалось верным. Минут сорок канонады, и вот оно – сигнал трубы. «Господам офицерам прибыть к полковому знамени».

Лецке был деловит, краток и откровенно доволен.

– Приказ маршала. Господа, мы вместе с кирасирами должны выдрать у «гусей» из правого крыла все перья. Паршивцы уже изрядно помяты, их резервы переброшены в центр, так что дело верное. Кирасиры сметут пехоту, а мы захватим установленную на дороге батарею, тогда весь этот фланг обрушится. Маршал нам верит, и мы старика не огорчим. Все, отправляемся по местам и ждем сигнала.

Вторая атака за день, и на этот раз никаких любезно подставленных дриксенских спин, никакой внезапности. Что ж, сумеем и так...

– Оно? – встретил вопросом верный помощник.

– Оно. Начинают кирасиры. Мы следом.

– Вот и славненько.

Впереди после некоторого затишья поднялся такой треск, будто пороховые склады подожгли, – пехота Берка и Райнштайнера, передохнув, взялась за дело, готовя дорогу для завершающего кавалерийского удара. Сзади уже накатывался мерный рокот – четыре полка тяжелой конницы. «Волки»-ноймары и южане-«вороны», резерв, приберегавшийся старым маршалом вот для этого самого случая...

При виде ровных рядов всадников на рослых, повыше драгунских, лошадях опять вспомнились Хейл и «крашенные» на весеннем снегу. Хороший все-таки день был.

– Красотища! – подлил масла в огонь Бертольд. – Давно бы так! Вы, часом, маршалу в подарок от Савиньяка куражу не привезли?

– Хватит чушь молоть!

– Как же не молоть, если луг Мельников?

Чарльз не выдержал, рассмеялся. Кирасиры строевой рысью прошли мимо драгун и

двинулись дальше, обтекая последние пехотные батальоны, еще не брошенные в бой. И тут же, подчиняясь команде Лецке, тронулись драгуны. Бэзил заработал рану в такой же последней атаке, ну да гусь – не медведь, север – не юг, а Давенпорт не Хейл. О себе как таковом Чарльз не беспокоился – ничего с ним сегодня не случится, но вот рота... Они шли в первой линии, и капитана все сильнее тревожили канавы и живая изгородь на пути к дриксенской батарее. Препятствия следовало преодолеть, не сломав строя и не потеряв разгона, только у колючих высоченных кустов на сей счет было свое мнение. Как и у дриксов.

«Стой!» – завопила труба, перебив нелепую мысль о том, что неплохо было бы заставить придорожную канаву сузиться. Что случилось, Давенпорт не понимал. Повертел головой. Привстал в стремях, посмотрел вперед. Кирасиры тоже остановились, нет, они перестраиваются! Эскадроны выполняют классическую «перемену фронта», разворачиваясь лицом куда-то влево, в сторону Эйвис, приречных рощиц и, Чарльз припомнил карту Лецке, южного тракта. Что там – отсюда, с правого края строя, было не разглядеть, но маневр ноймаров намекал, что ничего хорошего.

2

«Гуси» не атаковали. Вылезли в боевом порядке из-за дальних увалов на приречные луга и встали на расстоянии хорошего пушечного выстрела, нависнув над его – генерала Ариго – флангом некоей отсроченной угрозой. Кавалерия, правда, предприняла попытку атаковать, но как-то несерьезно: то ли для очистки совести, то ли пытаясь заманить противника под огонь. Едва ноймары двинулись навстречу дриksam, те юркнули в промежутки меж пехотными батальонами. Кирасиры, естественно, лезть на рожон не стали. И все. Больше никаких действий уже минут двадцать.

Жермон ждал, ждали и непонятные «гуси». Чего, спрашивается? От маршала, которого Жермон немедленно известил, не было ни приказов, ни вестей, Баваар сорвался в поиск и потерялся. Оставалось перекусить, что Ариго с какой-то злостью и проделал. Он и вправду был голоден, к тому же жующее, пусть и на ходу, начальство обнадеживает подчиненных, да и самому делается малость спокойнее. Если только не делишь трапезу с начальником штаба. Жермон делил.

– Приняв, что дриksы стоят, как обычно, в две линии, да с каким-нибудь резервом, – прикинул Ариго, стряхивая с мундира крошки, – получим тысяч восемь-девять... С такой оравой стоит считаться, ведь они фактически уравнили силы.

– Разворот батальонов Берка влево был оправдан, – сделал вывод Карсфорн. К нему крошки почему-то не липли. Жермон привычно подкрутил усы и кивнул. О завершающей победоносной атаке приходилось забыть – когда у тебя на фланге такие гости, особо не размахнешься, а битва увядала... Сильно помятый Рейфер, пользуясь случаем, зализывал раны и вел себя смирно. В центре и у Ворслунне стрельба тоже если и не прекратилась совсем, то ощутимо притихла, только пушки Вейзеля продолжали грохотать по-прежнему. В сравнении с тем, что творилось час назад, это могло сойти за тишину.

– А вот, если я не ошибаюсь, и пропавший Савиньяк, – заметил озиравший окрестности Гэвин. – Он очень торопится.

– Надо же! – фыркнул Жермон, но все-таки взялся за трубу. Блудный порученец очертя голову гнал своего мориска. Группа мушкетеров, оказавшаяся на пути спешащего Савиньяка, торопливо шарахнулась в стороны, освобождая дорогу. Не доскакав до начальства десятка шагов, Арно буквально слетел с седла и оставшийся путь проделал бегом.

– Мой генерал, – выпалил он, – я должен... докладываю – с юга приближаются крупные силы неприятеля. Мы с Бавааром думаем, это их главная армия...

– Где Баваар?

– Отправился... к командующему. Мы понимаем... это нарушение субординации, но мы решили...

– Правильно решили. Итак, что сейчас докладывают маршалу?

– Как вы уже знаете, в прибрежной роще обнаружился конный разъезд неприятеля...

– Какой еще разъезд?

– Сержант... Капитан Баваар отправил с докладом сержанта. Я не знаю фамилии. Зовут Андрэ.

– Говоришь, Андрэ?

– А он разве... извините, мой генерал...

– Перехватывать гонцов умеем не только мы, – не удержался белый от ярости Гэвин, – а вы не знали?

– Теперь знает. – Любят же некоторые... воспитывать. – Что случилось в роще? Соберись и докладывай.

Арно честно вдохнул поглубже и понесся, будто на мориске:

– Четверых мы убили, одному удалось уйти. Баваар заметил, что мундиры не такие, как у кавалеристов Рейфера. Мы решили выяснить. Берегом прошли в том направлении, куда ускакал дрикс, и обнаружили подходящие по тракту войска. Больше десяти тысяч, пехота и кавалерия. Капитан Баваар отправил с докладом сержанта... – Дыхания теньенту все же не хватило, пришлось прерваться. – Мы двинулись дальше, прошли примерно полхорны. Тракт забит войсками. Мы не стали терять времени на подсчеты, капитан опасался, что нас обнаружат.

– Правильно, – одобрил Жермон, потому что это в самом деле было правильно. Только поздно.

– Мой генерал, – Арно смотрел очень серьезно и до дрожи походил на отца, – их слишком много. Это главные силы дриксов и, значит, сам Бруно. А сине-желтые – авангард. Как мы сами днем...

– Когда Бруно, – или не Бруно, но в таком случае кто? – будет здесь?

– Капитан Баваар считает, пехота подойдет часа через полтора. Не раньше, а то и позже, если устали. Кавалерия может быть совсем скоро. Мы вдоль берега пробирались, в обход, а они прямо, по ровной дороге идут.

– Наверное, их командир авангарда не похож на вас, Ариго, – опять не выдержал Карсфорн. – Дрикс предпочитает дождаться подхода своих главных сил...

– Ну и дурак!

3

Армия, огрызаясь, пятилась к мосту. Добротный каменный мост Мюллебю выдержит все, что по нему проедет, пройдет и проскачет, но он узок. Десять бье. Переправить армию с обозами и артиллерией до темноты всяко не успеть, только плохо не это. Дриксы, вначале отнесшиеся к отходу талигойцев равнодушно, словно проснулись – и кинулись вслед. Прицепились как репей; уже второй час приходилось то и дело останавливаться, отгоняя слишком ретивых преследователей. Это замедляло отступление, а враг приближался.

Чарльз кожей ощущал еще невидимую угрозу, но она пока была далеко, а вот обнаглевшие дриксенские стрелки – близко. Может, и не обнаглевшие, может, их самих не тянет в конце длинного кровавого дня подставлять себя под выстрелы, но ведь лезут же! В сумерках уже и не понять, кто именно, просто темные шеренги надвигаются быстрым шагом под резкие чужие команды. Опять!

Остановились, подняли мушкеты, первая шеренга дала залп. Хитрецы... Ждут, что обстрелянный бергерский батальон кинется их отгонять, тут-то задние шеренги и врежут...

Бергеры, однако, не кинулись, рассчитывая на прикрывавших их драгун, и были правы. Вынырнувшим сбоку всадникам «гуси» не обрадовались: ни пикинеров, ни конницы при них не было, так что пришлось, плюнув на бергеров, податься назад, к основным силам, но теперь отпускать врага не желал уже окончательно разозлившийся Чарльз. «Рысью вперед!», «Стой!», «Мушкеты к стрельбе!», «Целься!», «Огонь!»

Насколько удачным вышел залп, не разобрать. Видно плоховато, до врага шагов сто, но остратка нужна, иначе вовсе на голову сядут. Откуда-то из-за спины звонко ударила пушка, ядро со свистом унеслось в сторону дриков. Надо же, и артиллеристы решили поддержать, вот спасибо! Будем надеяться, минут на двадцать преследователей успокоили.

«В седло!», и рота кидается догонять своих. Хорошо, обошлось без потерь, не то что в прошлый раз, когда у «гусей» оказалась и кавалерия, и пару орудий успели непонятно как в первые ряды подтащить. Картечный залп, и восемь человек убитых. Больше, чем за целый день... Но ребята молодцы, а уж «портняжка»! Парень, хоть и заработал вторую рану, посерьезнее, таки сумел отличиться – прорвался к артиллеристам и разогнал их по кустам прежде, чем поганцы снова угостили драгун картечью, а там и рубаки Шарли на помощь подоспели; и все равно восемь человек за какую-то минуту...

– Как дела, капитан?

– Какого... Прошу простить, господин полковник. Отбросили противника. Догоняем полк Катершванца.

– Дитриха или Эриха?

– Я... не знаю.

– С Катершванцами вечно путаются. – Лецке почти улыбнулся. – Не зарывайтесь. Это, если вы еще не догадались, Бруно.

«Это Бруно», и это по всем статьям очень паршиво, а от души глупейшим образом отлегло. Липы на дороге предвещали обычное сражение. Пусть с превосходящими силами, пусть на невыгодных позициях, но дриксы всего лишь люди, и фельдмаршал их тоже человек.

– Не доводилось у Савиньяка попадать в такие передраги? – по-своему расценил молчание капитана Лецке.

– Один раз... Хайнрих нас почти поймал. Маршал Савиньяк пожертвовал трофейными пушками и ушел.

– Старому Вольфгангу жертвовать нечем. Разве что нами...

4

– Мы не успеваем, – сказал фок Варзов и замолчал. Старик не любил сотрясать воздух, а то, что до моста при таком раскладе не меньше часа и еще полночи сожрет переправа, понимал, наверное, даже Дубовый Хорст. Если был жив, конечно... Из первого понимания вытекало второе: Бруно такой форы наконец-то угодившему в западню противнику не даст.

Жермон подкрутил усы и сказал то, что думал:

– Бруно почуял, что с нами тут можно покончить, и не отпустит.

Молча проехали с четверть хорны. Свита тоже притихла, только ветер швырял в спину мушкетную трескотню и крики. Там дерутся. Офицеры сорванными, хриплыми голосами отдают команды, стрелки Ойгена в очередной раз останавливаются. Залп, второй... «Гуси» отвечают, но с приличного расстояния – берегут перышки. Их дело – висеть на пятках, а не лезть на рожон.

– Я послал людей вон туда, – маршальская рука зло тыкает хлыстом влево, – на курганы. Наблюдать. За минуту до тебя доложили – идут. Часа не пройдет, как кавалерия будет здесь. Ночь не ночь, все равно... Я бы и в темноте атаковал, представься такая оказия. Бруно, уверен, тоже. Если попробуем со всем нашим добром протиснуться через мост, сам понимаешь...

Жермон понимал. Суматоха, беспорядок, под огнем противника переходящий в панику, фуры и повозки, загромождающие мост, попытки переправиться вплавь... Так гробили армии и в начале Двадцатилетней, и при Франциске. Раньше, наверное, тоже – генерал Ариго павсаниями не зачитывался.

– Мы дадим вам время. – И сколько будет того времени? Ни укреплений, ни естественных препятствий... Где держаться-то? – За пару часов ручаюсь. Постараюсь

выдрать больше.

Маршал все видел не хуже генерала:

– Прикрывая переправу, я за ночь угроблю если не треть, то четверть армии, причем лучшую. И все равно придется бросить обозы, дай Создатель утащить хотя бы часть пушек... Только что окажется утром на том берегу? Армия, способная помешать дриksam резать марагов? Боюсь, уже нет. Такой отход сам по себе не лучше разгрома.

– Значит, – аж привстал на стременах Ариго, – генеральная баталия? Я правильно понимаю, что...

– Да, – буркнул Вольфганг, словно речь шла об обеде. – Эти курганы, справа от дороги... Не блеск, особенно тот, что ближе, ну да и на том спасибо. Конница Бруно идет вдоль берега прямо к ним. Ваше с Райнштайнером дело – опередить «гусей» и занять оборону до подхода их главных сил, а там и стемнеет... У моста старый бык кинулся бы нас топтать, у курганов – не рискнет. Отложит до утра.

Не рискнет или не сочтет нужным? Зачем глотать на ходу, если можно сесть за стол и даже тарелку поставить? А, чего загадывать, главное – опередить дрисков и занять курганы. Три странных, сильно вытянутых с севера на юг холма Жермон приметил еще утром – они напомнили генералу бредущих на водопой гигантских зверей. Растянувшаяся на половину хорны «процессия» удачно перекрывала восточный край Мельникова луга. Да, такая позиция внушает надежду, разве что замыкающая зверюга «послабее» других, но это поправимо...

– Мой маршал, я понял. Разрешите исполнять?

– Под пули только не лезь. По крайней мере до завтра.

Глава 2

Талиг. Оллария. Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

«На севере в одной из горных долин есть сад. Это чудесное местечко, особенно в начале лета, когда зацветают чужие в этих краях пионы, но сад полон самых разных цветов. Голубеют у ручья незабудки, улыбаются короткому лету ромашки, о чем-то мечтают ирисы. Легкий ветерок осыпает изумрудную траву белыми лепестками – это цветет чубушник. Гудят пчелы, кружатся и порхают пестрые бабочки, снисходительно и ласково шелестят кроны переживших не одну зиму деревьев. Счастливы все, даже живущая под кустом чубушника старая Жаба. Вечерами или в пасмурные дни, когда солнце не сушит нежную жабью кожу, она выбирается из своего убежища послушать соседок-певуний – Ласточку и Малиновку. Их слушают все обитатели сада, и небо становится еще выше, а цветы – душистей и ярче. Но однажды в саду появилась Ворона.

– Фу, – сказала она, – разве это пение? Эти глупые мелкие пичуги ничего не смыслят в музыке!

(Ворона была очень образованна: какое-то время она жила на тополе возле харчевни, где по праздникам играло четверо музыкантов. Потом у нее случились разногласия с харчевником, но не будем останавливаться на этой грустной истории.)

– Нам нравится, как поют наши птички, – робко возразила Ромашка.

В ответ Ворона лишь расхохоталась:

– Дурной вкус и отсутствие образования! Ласточка... Малиновка... Писклявые неучи, не различающие ни нот, ни ладов. Конечно, для вас они хороши – ведь вы не слышали настоящих певцов. Любой, даже самый жалкий соловей, любая морискилла...

(Ворона была знакома с настоящими певцами. Какое-то время она часто бывала во дворе дома, на окне которого стояла клетка с морискиллами. Потом у нее случились разногласия с хозяином дома, но не будем останавливаться на этой грустной истории.)

– В наших краях нет морискилл, – заметил Шмель. – Может, они и хороши, но почему из-за того, чего нет, мы должны пренебрегать тем, что есть и приносит радость?

– То, что не одобрено мастером, может нравиться лишь глупцам и невеждам, – отрезала Ворона. – Вас в некоторой степени извиняет лишь то, что у вас не было возможности услышать морискилл и соловьев, но сейчас вы услышите **меня** и поймете, что значат уроки мастеров в сочетании с талантом и трудом!

(Ворона знала, о чем говорит. В детстве она жила на ясене около ювелирной мастерской. Потом у родителей Вороны случились разногласия с ювелиром, но не будем останавливаться и на этой грустной истории.)

Шмель переглянулся с Пчелой и промолчал.

Ворона неторопливо взлетела на липу, окинула взглядом притихший сад и раскрыла клюв.

– Кар-р! – раздалось над поляной. – Кар-кар! Кар... Кар! Кар-р, кар-р-р!

– Это вы откашливаетесь? – спросила Ромашка, которая понимала в кашле, так как сама была средством от него. – Вам помочь?

– Глупый овощ! – ответила Ворона. – Я пою! Сравните мое пение с бессмысленным и безграмотным щебетом вашей мелочи, и вы все поймете!

И все всё поняли...»

Она обещала Левию историю – она ее сочинила, только вышло злобно. Письмо Ли, в котором он развлекал матушку злоключениями обретавшегося в регентской ставке поэта, тоже добротой не блистало. Сын был в бешенстве, каковое и прятал под забавными подробностями. В детстве, скрывая злость, Ли вздох рассказывал про жучков и улиток, позже пошли в ход людишки... Лучше так, чем не вылезать из дуэлей или... рассориться с регентом и разнести по всей армии свое мнение о летней западной кампании. Наверное, лучше.

– Сударыня, эскорт ждет.

– Спасибо, Жильбер.

После пакости с кавалеристами Халлорана по Олларию в одиночку ездит лишь Карваль, хотя город тих. Горожане сидят по домам, солдаты – по казармам, барсинцы и те спят на ходу. Лето, лень...

– Сударыня!

– Добрый вечер, Никола. Представьте, я только что про вас вспоминала.

– Что-то случилось?

– Нет, просто сами вы разъезжаете по столице без эскорта, а нам не даете.

– У меня под мундиром кольчуга.

– Тем не менее...

– Сударыня, заверяю вас, я не получаю от таких поездок ни малейшего удовольствия, напротив, но горожане должны видеть, что комендант не боится. Так им спокойнее, а мне спокойней, когда вас и Монсеньора сопровождают, тем более на ночь глядя. Могу я узнать, куда вы направляетесь?

– В Ноху. К концу вечерней службы.

– Тогда я бы вас очень просил... – Смущаться Карваль не умел, он просто подыскивал подходящие, с его точки зрения, слова. – Вы в дружбе с его высокопреосвященством, спросите, что он думает про убийство Гамбрина. Признаться, я в тупике. Не верится, что это грабеж, и еще меньше верится, что Салиган найдет убийцу, хотя, похоже, маркиз прав и кто-то прячет старые грешки.

– Конечно, я спрошу, – пообещала Арлетта, – но поговорите еще и с мэтром Инголсом. Он, в отличие от кардинала и нас с вами, был здесь все время. – И еще мэтр не брал деньги у Гамбрина, потому что брал у Ли, но зачем Роберу с Карвалем такие подробности?

– Мэтр Инголс, спасибо ему, назвал тех, кто, по его мнению, невиновен. Кроме того, он связывает убийство Гамбрина с убийством Штанцлера, но тут я согласиться не могу.

– Дриксенский гусь павлину не товарищ?

– Я не столь сведущ в политике, – неохотно признался маленький генерал, – зато я видел оба труп. Штанцлера убили, не стесняясь, и я готов поклясться, что убийца был один. С Гамбрином разыграли грабеж, да и с охраной в одиночку не справишься. Конечно, убийц могли нанять, только где? Тень заставил свое отребье поклясться слепой подковой и поклялся сам...

– Эта клятва столь нерушима?

– Насколько мне известно – да, хотя клятвопреступники обитают не только в судах.

– Кстати, о клятвопреступниках, – вот он, подходящий момент! – и «старых грешках»... Все время забываю сказать: ваш брат Аннибал в Валмоне и находился там все это время.

– Сударыня!

– Напишите ему, – посоветовала графиня, – он будет рад. И еще одно. Мой старший сын навестил в Бергмарк Колиньяров и кое-что прояснил. На честь Ивонн Маран никто не покушался, что и требовалось доказать. Девушка подтверждает, что ее вместе с братьями и сестрами вывезли из Старой Эпинэ и передали людям Сабве.

– Вы уже сказали об этом Монсеньору?

– Еще нет. Видите ли, Ивонн ничего не знает о судьбе своего старшего брата Жюстена. Робер уверен, что дети были именно с Жюстеном, а их сопровождали только Дювье и несколько солдат.

– Это так и есть. Без сопровождения они бы не добрались до... спокойных мест.

– А какова судьба Жюстена Марана?

– Он расстрелян за покушение на Монсеньора. Я счел неправильным его отпустить.

– Мой сын именно так и подумал, – кивнула Арлетта. – Более того, он считает, что вы поступили разумно. Как, впрочем, и я.

– Благодарю вас, сударыня.

– Пустое, но вам самому будет спокойней, если правда о Жюстене Маране станет известна. Само собой, я не настаиваю, меня это вообще не касается... И я могу ошибаться, но мне кажется, после смерти ее величества ваш Монсеньор несколько изменил свое отношение к помилованию.

– Не в этом дело. Я все расскажу Монсеньору, когда смогу с чистой совестью оставить Олларию и вернуться в действующую армию. Я был неплохим офицером до того, как меня вышвырнули вон. Могу я узнать, что пишет ваш сын о войне в Придде?

– Он пишет о войне в Гаунау и о Бергмарк, – ушла в полуправду Арлетта. – Там для нас все складывается благополучно...

– Сударыня! – Жильбер прыгал через две ступеньки и улыбался во весь рот. Милый мальчик... Хоть и сжег Сэ, так ведь не со зла же. Арно, дай ему волю, подпалил бы Сабве и не чихнул... – Сударыня, курьер от Кольца... Вам письмо!.. От графа Лэкдеми.

2

– У нас сорок тысяч человек, семь десятков пушек и хорошая позиция для обороны, – сухо начал фок Варзов. – Подойдет к утру Гаузер – отлично. Нет – придется сражаться без него. Если Бруно привел сюда всех, против нас семьдесят тысяч. Перевес большой, но драться можно. И нужно, ибо уйти без боя никак не получится. Ариго, что наши «гуси»?

– Выслали дозоры. Следят, не пойдём ли мы к переправе. Мысль о ночной атаке можно сразу же отмести по той же причине. Бруно не желает никаких сюрпризов, и его кавалерия постоянно в поле...

– Слышите? – перебил маршал. Вспыхнувшую как по заказу стрельбу не расслышал бы разве что глухой. – Так что никаких сюрпризов не будет. Ни им от нас, ни, очень надеюсь, нам от них. Вот так, господа. Теперь я готов выслушать предложения. Не скрою, свое мнение я уже составил, но хотелось бы сопоставить его с вашим. Генерал Давенпорт?

Энтони, собираясь с мыслями, нахмурился, и Жермон вдруг вспомнил, что генерал так

и не видел сына, только спросил при встрече, как тот показался новому начальству. Жермон, не кривя душой, сказал, что хорошо показался. Энтони поблагодарил, и они заговорили о Рейфере.

– Местность и наше расположение на ней предполагают удар по правому крылу, в лоб и в обход. – Давенпорт предпочел начать с главной угрозы и правильно сделал. – Придорожный курган то ли наполовину срыт, то ли его когда-то размыло. Пологий северный склон облегчает атаку, а между ним и лесом достаточно пространства для охватывающих действий кавалерии.

– Да, – согласился Ойген, – это выглядит разумно.

– Пользуясь численным превосходством, сковать обороняющихся с фронта и, пройдя вдоль опушки, ударить в обход, – развил мысль Маллэ. – Я на месте Бруно так бы и поступил.

– К сожалению, если вытянуть нашу боевую линию до самого леса, получится слишком тонко, – словно бы извинился Энтони. – Едва Бруно поймет, что к чему, он бросит туда побольше сил и прорвется. Построить полевые укрепления...

– Не успеть. – Вейзель сказал как отрезал.

– Что ж, – подвел первый итог Вольфганг, – придется закрывать дыру артиллеристам и кавалерии. Господин Вейзель?

– Я успеваю установить батареи на всех курганах, только начинать нужно прямо сейчас.

– Идите. – Маршал поднялся и, опершись руками о походный стол, уставился в карту. От отсутствия на ней яблок и раскатившихся грифелей стало вовсе муторно. Наверное, это было предельной глупостью, но ничем не заваленный лист заставил – нет, не понять, Жермон все понял еще засветло, – почувствовать: вот она, генеральная баталия, и шансов ее выиграть, мягко говоря, немного.

Фок Варзов кончил буравить взглядом нарисованный луг и оглядел своих генералов. Он был совершенно спокоен.

– Наиболее важные и уязвимые места – правый фланг и центр. Генерал Ариго принимает командование над правым флангом, генерал Давенпорт и я будем в центре. Маллэ, вам, как самому потрепанному, – левый фланг. Он упирается в приречные низины, так что возможность обхода невелика. Кавалерии места, кроме как справа, очень мало, соответственно, справа ей и быть. В резерве, с подчинением генералу Ариго. Генерал Райнштайнер, ваш корпус будет в моем личном резерве. Можете сообщить своим людям, что при имеющемся соотношении сил я не смогу не ввести резервы в бой.

3

– Ваше высокопреосвященство, мне нужен ваш совет.

– Только совет или можно еще и шадди?

– Еще и... – рассмеялась графиня Савиньяк, – но тех, кто способен сварить приличный шадди, в Оллории все же больше, чем кардиналов.

– Вы меня интригуете. – Левый ловко разжег под своей жаровней огонек, приятно запахло чем-то смолистым. – Убийца посла готов излить свою душу лишь Создателю?

– Увы, не готов. Зато я, ваше высокопреосвященство, готовлюсь стать свекровью. Мой старший младший сын женится на даме, напомнившей ему меня. Само собой, я растрогана и ничего не имею против, но невеста – эсператистка и намерена остаться таковой. Против этого я тоже ничего не имею, только Савиньяку, любому, переходить в эсператизм не следует, и Эмиль это понимает. Что делать?

Его высокопреосвященство изящно помешал греющийся песок и погладил привлеченную теплом кошку.

– Мне встречалась только одна девица, – промурлыкал он, – со временем обещавшая стать похожей на вас. Франческа Гампана...

Ничего себе сходство... Или хитрец как-то наловчился получать письма из-за Кольца? «Голубки», они такие...

– Что ж, – весело сказала будущая свекровь, – значит, в сходстве я могу не сомневаться.

– Спустя некоторое количество лет Франческа, вполне вероятно, достигнет вашего совершенства, – развил свою лесть Левий. – Отличный выбор... Я с радостью соединю такую пару, когда истечет срок траура по адмиралу Скварца.

– Разве подобные браки не под запретом?

– Святой Адриан неоднократно соединял узами брака эсператистов с абвениатами и язычниками. Сохранилось его напутствие молодому Левкру, взявшему в жены сеймурскую деву. «Любовь угодна Создателю, но готовность мужчины и женщины не только срывать плоды, но и возделывать сад угодна Ему семикратно». Вот так-то, сударыня, и ни слова о том, что мужчина и женщина должны возносить одинаковые молитвы! Чистоту и простоту надо брать у первых, а не у последних. У выкопавших колодец, а не у торгующих водой... из грязного ведра. Церковь, к несчастью своему, совершила немало противного Создателю прежде, чем Его терпение истощилось. Нам предстоит долгое возвращение к истокам...

– Значит, – уклонилась от очередного разговора об очищении, возрождении и участии в оном кардинала Арлетта, – брак моего сына в глазах эсператиста, вернее, эсператистки будет законным?

– Умной и любящей – несомненно, а Франческа Гампана умна и способна любить. Не удивляйтесь, я встречал ее в Агарисе. Гампана приехали, на первый взгляд радея о спасении душ, но у главы дома имелись и другие чаяния. Пока он... м-м-м... уповал, я показывал благочестивому семейству Святой град. Больше мне не удастся показать его никому. Я безумно сожалею об одиннадцати храмах и Юнниевой галерее... Когда люди поймут, что Создателю угодны те, у которых хватает ума не рушить, а достраивать?

– Так говорил святой Адриан?

– Не думаю, ведь при нем ничего особо не рушили. Я развеял ваши сомнения?

– В их эсператистской части.

– Неужели ваши регенты не одобряют брак Савиньяка? Я был бы рад обсудить эту коллизию с главой олларрианской церкви. Хотите попробовать с корицей?

– Пожалуй, – не поняла еще одного намека Арлетта. – Корица оживит разговор. Отрадно, что ни вы, ни Пьетро этого... Гамбрина не трогали.

– О да! – оценил логику собеседницы кардинал. – Еще отрадней, что его не трогали вы, зато крайне печально, что невиновен мэтр Шабли... Хотел бы я знать, случайно ли совпали наша с вами прогулка в Лаик и последняя прогулка посла.

– Вы уже спрашивали об этом. – Арлетта с наслаждением вдыхала любимый с детства запах. Она могла бы пить шадди с корицей и в Сэ, но почему-то переняла привычки Арно. Не задумываясь, просто потому, что была счастлива...

– Я спрашивал, это так, но вы не ответили.

– Отвечать, не зная, дурной тон. Мы с вами не скрывали, что собираемся в Лаик, но куда проще увязать убийство и встречу Посольской палаты с Проэмперадором. Гамбрин мог предложить своему убийце подумать и назначил срок. Если бы граф Глауберозе походил на человека, у которого есть грешки...

– Граф Глауберозе походит на человека, способного в случае необходимости очень хорошо убить, – с явным одобрением заметил Левий. – И потом, кто сказал, что он оберегал собственный секрет? Граф относился к покойной королеве благоговейно. Это бросалось в глаза.

Дриксенский посол, убивающий посла гайифского, защищая честь покойной королевы Талига? Достоин Дидериха, но Катарина успешно сотворила из своей жизни драму, а дриksы сентиментальны. Как и бергеры.

– Чего мог требовать конхессер от Глауберозе?

– Не представляю. Мне как-то ближе убийства старинные, наверное потому, что я не чужд искусства. В карете вы пообещали мне историю, на которую вас натолкнуло письмо

сына, и мы еще не разобрались с братом Диамнидом.

– А вы обещали показать мне комментарии к гороскопам Эрнани и его окружения.

– Они вас ждут, – кардинал немедленно рванулся к бюро, – но чем в это время займусь я?

– Вы, как и собирались, допишете мою сказочку. Она вышла не такой, как думалось. В том числе из-за мэтра Шабли и... еще одного мэтра и одного сановника. Бывшего. Мой сын видел и его.

4

Дальние костры кажутся звездами. Целое поле звезд, хоть налево, хоть направо... Одни звезды свои, другие – чужие, и на них сейчас варят похлебку те, кто завтра будет тебя убивать. Нет, он никогда не поймет, что такое поэзия, ну и ладно! Разобраться бы, что творилось и творится на Мельниковом лугу.

– Ойген, – окликнул Жермон объезжавшего вместе с ним войска бергера, – как потвоему, это была ловушка?

– Будь это так, их авангард действовал бы по-другому. – Райнштайнер ответил сразу, похоже, он и сам задавался тем же вопросом. Все они, выйдя от Вольфганга, думали об одном... – Дриксы могли сразу пойти в атаку и сковать нас до подхода основных сил. Могли они и сидеть тихо, не показываясь, чтобы, собравшись, ударить всей мощью. Не было сделано ни того ни другого. Если это какой-то план, то очень странный, на мой взгляд. Я бы сказал, командующий дриксенским авангардом, в отличие от тебя, не умеет решать сам. Он топтался на месте, пока не получил пинка то ли от генерала Рейфера, то ли от самого фельдмаршала.

– Бруно был еще далеко, а вот этот Рейфер представляется мне человеком решительным, мог и прикрикнуть. Но если не ловушка, зачем сюда явился Бруно, он же шел на запад, к Франциск-Вельдеру?

– На этот счет у меня пока нет даже догадок. Ты хочешь видеть первым Ансела или Шарли?

– Ансела, потом Берка, Гирке и твоих. К Шарли заскочу по дороге к Вейзелю.

– Ты устраиваешь полный смотр.

– Так спокойнее, а вот Бруно... Не собирался же он в самом деле устроить здесь смотр всем своим войскам?

– Не собирался, но его изначальные намерения наше теперешнее положение не изменят. Я знаю, что твоего начальника штаба внезапный подход Бруно очень смущает, и он, надо сказать, в этом не одинок, но среди младших офицеров больше распространено другое мнение. Они слишком долго бродили по провинции и хотят подраться всерьез.

– Вольфганг принял это в расчет, когда решил прекратить отход. Кажется, нас догоняют новости...

– Нас догоняет младший Савиньяк. Не думаю, что ему второй раз за сутки удастся привести тебя в удивление.

Ойген оставался сам собой, Ойген шутил, как может шутить бергер перед дракой с варитами.

– Я устал удивляться. – Ариго придержал коня, дожидаясь порученца. – Скорее всего, очередные сведения о дриксенских дозорах...

– Мой генерал, – Арно явно пытался выглядеть образцовым порученцем, – доклады от наших разъездов и от капитана Баваара!

– Давай.

– Вражеские кавалеристы действуют по всей линии. Их дозоры подходят почти вплотную. И еще много со стороны дороги, там, справа... Пытались спрятаться в лесу, но в нем уже были «фульгаты». Имели место две стычки, потерь нет.

– Как Бруно сторожится, ясно уже пару часов. И нам тоже придется... Не хватает еще

прозевать рано утром «гусиный прилет». С фельдмаршала станется!

– Я немедленно передам ваш приказ!

– Не нужно. Больше, чем Баваар уже делает, он делать не сможет, так что отправляйся-ка отдыхать. Завтра вам с Каном забот хватит.

– Мой генерал, мое место рядом с вами.

Жрет себя за пропавшего сержанта. И Баваар жрет. Никуда не денешься, исчезновение пары человек может изменить судьбу десятков тысяч, причем не в лучшую сторону. Спасибо хоть Вольфганг в порядке.

– Место так место...

Свалившееся на голову сражение откровенно не радовало, но ко вполне понятной тревоге липло нечто тянущее, ноющее и малопонятное. Раньше Жермон тревожился за маршала, теперь с этой стороны все было так прилично, как только можно.

– Ойген, – Ариго дал Барону шенкелей, отрываясь от свиты, – послушай... Последние полгода приучили меня доверять предчувствиям. Мне не нравится эта ночь. И вечер тоже не нравился. Почему – не понимаю, но Бруно тут ни при чем. Какая-то пакость сама по себе... Ворочается в душе и отравляет жизнь.

– Странно, что об этом заговорил ты. – В голосе барона чуть ли не впервые за время знакомства не звучало уверенности. – Это началось еще засветло? Часов в пять-шесть?

– Да. Мы как раз готовились к атаке. Все складывалось очень удачно... В Гайярэ у меня был ментор, мы друг друга терпеть не могли. Почему, я не понимал, а он, само собой, не говорил, но мерзко было. Так вот, когда я ждал, что ментор меня спросит, я чувствовал себя похоже.

– А ты знал ответы?

– Когда как, но сейчас не знаю...

Глава 3

Бакрия. Хандава

400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

Согласно диспозиции, Бонифацию надлежало подтянуться за час до полуночи, авангард же в лице Марселя и Рокэ выступал на закате, и выступал во всеоружии. Прогулявшись по окружающим Хандаву скалам, Алва надрал диких багряных роз и каких-то колокольчиков ясно-синего, удивительно глубокого цвета. Марсель по обрывам не скакал – он осматривал замковые погребя, где среди приличного кэналлийского и местной сладкой бурды обнаружилось закупленное еще при Адгемаре мансайское.

Предусмотрительность покойного казара умиляла и навевала мысли об астрах и батюшке. Валме просветленно вздохнул и велел доставить один бочонок в апартаменты герцога Алва. Батюшкин домоправитель лег бы костями на пороге, но в Кагете гость жрет и пьет все, что видит, а Бакна отдал бы Рокэ даже любимого козла, не то что странное иноземное вино! Марсель не успел сменить адуанскую одежду на мундир, как мансай уже притащили. Алва переодеваться не собирался. Сидел себе на подоконнике, положив руку на лепную гирлянду, и смотрел на красно-зеленое небо. Он часто так сидел.

– У тебя рука в крови, – забеспокоился Марсель, откладывая измявшийся шейный платок и повязывая новый.

– Правая. – Рокэ засмеялся и прыгнул в комнату. – У этих синюшек листья как у осоки... Удивительно приятно порезаться по-человечески.

– Вот где извращение! – Виконт водрузил на плечо бочонок и сразу почувствовал себя гальтарским атлетом. – Пора соблазнять.

– Кувшины там есть, – припомнил Алва и по-простецки лизнул ранку. – Да не

переусердствуем! Ибо не для себя благое дело вершим, но для скорбящего мужа и всея олларрианской церкви...

Не уронить от смеха бочонок Марселю как-то удалось, Ворон подхватил свою добычу и пинком распахнул дверь. Мелькнули выпученные адуанские глаза, и стало совсем смешно. Помощь охранников Валме отверг. Тащить тяжеленную пыльную штукину было неудобно, особенно по лестнице, но соблазнение – вещь сугубо интимная, а встречные обалдевшие рожи с лихвой искупали тяготы не столь уж и длинного пути.

Расчет Алвы опять оправдался: удивлять – значит побеждать не только ошалевших от козлерийской атаки гайифцев, но и дам с пистолетами. Выставить заявившихся с цветами и вином кавалеров епископская супруга, во всяком случае, не смогла.

– Это не Сакаци, – только и буркнула она, – делайте что хотите, только аспида вашего нет!

– Мы знаем. – Алва швырнул к ногам алатки багряно-синий ворох и улыбнулся во весь рот, окончательно отрезав хозяйке путь к отступлению. Ее высочество, хоть и без особой радости, приволокла из спальни поднос с предназначенными для утоления супружеской жажды бокалами и грохнула на стол рядом с фруктовой горой. – Благодарю вас. – Марсель начал бы с погоды и комплиментов, Рокэ предпочел, весело насвистывая, заняться мансаем. – Мы воспользовались отсутствием вашего супруга. Как выражаются ревнивцы, сударыня, нам следует объясниться. Вы мне не нравитесь!

– Можно подумать, мне нравитесь вы! – предсказуемо взбрыкнула дама. – Вы... оба!

– Тогда где пистолеты? – спросил Ворон, не отрывая взгляда от янтарной струйки. – Хорхе что, зря ими пожертвовал? Где блеск в глазах? Где отборная алатская брань?

Рокэ поставил наполненный кувшин на стол и резко, словно вступая в бой, обернулся:

– Вашу кавалерию, козлерию и артиллерию, вы праправнучка витязей и жена его преосвященства или сестра лысого Альберта?!

Если бы Марселю рассказали, он бы, наверное, поверил, но лучше единожды увидеть... Матильда Алатская, широко раскрыв сразу рот и глаза, хлопнулась в стремительно подставленное все тем же Алвой кресло. Молча. Ворон с поклоном протянул даме наполненный бокал, и женщина механически сжала пальцы. Рот она закрыла, но глаза оставались все такими же широко распахнутыми и очень для ее лет красивыми. Матери бы так...

– Альберт – свинья, – хрипло выговорила принцесса и залпом выдула мансай, – но он мой брат!

– Не верю. – Рокэ кивком указал на кувшин и устроился в кресле напротив подлежащей очаровыванию дамы. – Виконт, похож Альберт Алати на витязя и на Великолепную Матильду?

– Не поймешь, на кого меньше, – резанул истинную правду Валме, завладевая источником благодати. – Ваше высочество, как вам мансайское? На мой взгляд, недурно, но для нас это вино все же двоюродное...

– Нечего зубы заговаривать! – рыкнула алатка, но бокал все же подставила. – Сами начали...

– Одно другого не исключает, – перехватил вожжи Алва. – Браниться приятней за бокалом хорошего вина. Если вы сочтете мансай посредственным, перейдем на кэналлийское, в крайнем случае – на касеру. И все же, что там не так с кавалерией?

– Кавалерия у Дьегаррона, его и спрашивайте, а пить будем это... – Принцесса столь же лихо прикончила вторую порцию и занялась цветами. То есть сгребла их с пола и запихнула в изысканный опять-таки из спальни умывальный таз. – Бочонок от Альберта, надо думать? Подарочек? Он ведь как... Узнал про морисков и полюбил Талиг. Задним числом, зато от всей души. Можете ему верить, он вам сейчас не только мансай, Сакаци отдаст.

– Тем более что замок и так принадлежит Савиньякам, – засмеялся Алва. – Но вино Марсель отыскал в здешних подвалах. Герцог Альберт тут ни при чем.

– Ни при чем?! Если не подарил вам, то продал казару, морда гоганская! Всегда таким

был... Может, он и в самом деле не Мекчеи, только кто тогда?

– Помолчите, ваше высочество. – Алва чуть подвинулся. Чуть-чуть, но вскочить и выхватить шпагу он мог теперь одним движением. – Я рискую показаться бестактным, но в вашей спальне кто-то есть. И это не отсутствующий епископ.

Ничего не слышавший Марсель тем не менее счел уместным отодвинуть расшитый лохматыми звездами занавес – и немедленно поклонился.

Принцесса Этери, скромная и, насколько это было в ее силах, прелестная, топталась по холтийскому ковру, сжимая в руках нечто светлое. По всему выходило, что кагетка вошла с опоясывающей внутренний двор галереи, как-то не позаботившись постучать.

2

Этери отчаянно смущалась. Бедняжка не представляла, что ее гостья не одна, вот и забежала с обещанной акварелью... Как была – в домашнем платье, без вуали и даже без служанки! Она умоляет на нее не смотреть и сейчас же уходит... Не разгляди давеча Матильда пресловутый портрет, она б загородила беременную девочку собственной тушей, но алатка была дальнотзорка, в женской душе гнездится сводня, и вообще...

– Мы сегодня по-домашнему, – лихо махнула опять успевшим опустеть бокалом принцесса, – а до этикета мне нет дела уже лет сорок. И что-то в вашей... Бакрии я этой дряни тоже не замечала.

Кагетка робко улыбнулась и тронула пальчиком те самые колокольчики, что «малевала». Валме, змеюка такая, тут же придвинул кресло. Последнее. Вернется епископ – сидеть ему на полу! Этери, однако, не села, а беспомощно оглянулась на хозяйку. Матильда не поняла, предоставляя лисоньку кавалерам и собственной хитрости.

– Вы не можете уйти, – выручил бедняжку виконт, – ведь нас теперь четверо, и нам остается лишь ждать, пока не вернется супруг ее высочества или не рассветет. Если же вы непреклонны, первым переступит порог мужчина. Признавайтесь, кому вы сильнее желаете смерти?

– Уходя в ночи, первый из четырех делает шаг к Ней... Так говорят простолюдины. – Этери перевела аквамаринный взгляд с Матильды на Валме. Пощипывавшего виноград Алву лисонька не замечала, и это было взаимно. – Не думала, что знатные талигойцы подвержены тем же предрассудкам.

– В последнее время я стал суеверен, – развел руками виконт. – Видимо, горный воздух.

– Вы напоминаете мне одного человека, – кагетка слабо улыбнулась, – тоже очень веселого и откровенного... Он уехал в Олларию послом отца. Он все еще там?

– Доблестный Бурраз-ло-Ваухсар? – оживился веселый и откровенный. – Он слишком прекрасен, чтобы быть настоящим, но Олларию отважный казарон украсил, что да, то да.

– Оллария прекрасна и сама по себе, – тихо похвалила Этери, – по крайней мере так пишут. Дворец Франциска, Фабианова площадь, Драконий парк... Хотелось бы их увидеть. Когда-нибудь...

– Когда-нибудь, несомненно, – лениво согласился Алва, – но не раньше, чем в город вернутся цветочницы.

– Так вот почему закрыто Кольцо Эрнани! – Когда кэналлиец заговорил, Этери его «разглядела» и теперь смотрела прямо в глаза, которые пыталась рисовать. – Вы не хотите показывать разоренную Олларию чужим...

– Очень лестное для меня предположение, – поблагодарил Ворон. – Увы, причина моего решения не столь благодетна. Виноград? Инжир?

– Немного вина. – Этери на удивление изящно для своего положения уселась и расправила пресловутое домашнее платье. Вышивка была неброской, но изумительной. Знаток оценит, а Ворон, похоже, был именно знатоком. – Говорить о непонятном лучше, когда разлито вино и горит огонь. Я знаю, вы ездили в святилище. Ведьма... Премудрая

Гарра очень встревожена.

– Я тоже встревожен, – признался Алва и внезапно сделал Матильде большие глаза. – Как обращаться к присутствующим дамам, если обе они принцессы? Скажешь «ваше высочество», и возникнет путаница.

– Называйте меня по имени, – предложила кагетка. – Этери или, как говорят в Бакрии, Этера, я уже привыкла. Вы не хотите говорить о Гарре, отец молчал о бирисских жрецах... Я не могу этого помнить, но моя кормилица Мухр'ука рассказывает: отец уехал в горы простым лисом, как мы с братом, а вернулся белым.

– Седины облагораживают. – Валме взял показавший дно кувшин и без напоминаний направился к бочонку. – Баате они придадут величия и усугубят горечь его речей.

Дочь и сестра казара улыбнулись.

– Брат не рискнул бы пройти обряд, даже уцелей капище. Отец, тот всю жизнь занимался стариной. И чем больше узнавал, тем сильнее не любил прошлое...

– А где оно было, это капище? – Заговаривая о важном, Альдо склонял голову к плечу. Ворон делал то же, слушая, – это можно было принять за издевку. Внук, надо думать, и принял...

– Робер, – поторопилась затоптать припоздавшую и бессильную злость Матильда, – то есть герцог Эпинэ, вернулся из Сагранны почти седым.

– Отца просили принять этого Эпинэ, – припомнила Этери, – настоятельно просили. Казар не мог отказать Церкви. Этот человек не принес Кагете удачи, как отец и боялся. Он попробовал обмануть судьбу, но у судьбы был слишком... синий взгляд.

– У смерти, Этери, – поправил Алва. – Судьба слепа, как покойные магнусы. Им не следовало дразнить... зверя.

– Они это уже поняли. – Этери пригубила вино. – Теперь это понимают и гайифцы, но отец заговорил о беде раньше. Когда заболел Эсперадор, последний, настоящий – не Юнний... Вы спросили про капища. То, откуда выходили седыми, лежит к северу от горы Бакра, раньше там молились яги. На весенний обряд туда собрались те «барсы», кто решил мстить. Талигу, бакранам, нам с братом... Они сказали, Сагранна услышала. Уцелевшие приползли к Баате, и брат их взял. В Багряной страже седые теперь не все.

– Твою кавалерию! – Матильда стукнула по столу, расплескав мансай. Теперь будет липнуть... – Чего эти кошки теперь не сидят, ведь за шкуру же взяло?!

– Гарра говорит, за «барсами» пришли мертвые яги. Теперь они не успокоятся, пока не заберут всех. – Этери смотрела только на Алву, и там было на что посмотреть. То-то внук ярился, как... петух на коршуна. Бедный! – Свекру не нравится, что Баата кормит бириссцев и тем гневит Сагранну.

– Красивый страх, но Баата обращается с седунками так, как следует. Бирисцы то же отребье, что и вольные шады. Все, на что они способны без чужой цели, – это грабеж. А все, на что они годны в диком виде даже с целью, – это бежать впереди приличной армии и ловить предназначенные ей ядра. Вряд ли Сагранну прогневят *это*.

– Мой отец говорил похоже, – вильнула хвостом Этери. – Багряная Стража была хороша и в бою, и вне боя, но сами по себе дети Барса никогда бы ничего подобного не создали и ничем бы не стали...

– Несомненно. Для этого нужен был Адгемар-ло-Вардшеваз из рода Хисранда-Ханда и казары до него, которым требовалось управляемое и равнодушное к делам кагетским войско. Бирисские разбойники подходили просто отлично...

– *Ваши* бергеры тоже жили разбоем. – Матильда развезла пальцем мансайскую лужу. Со злости за обруганного оптом шада. – Они что, тоже отребье?

– Обитая на Агмарене, они, вне всякого сомнения, таковым и являлись. Зима за спиной и оплеухи от тех, кого тогда еще агмы держали за корм, изрядно их очеловечили. Если до «барсов» дойдет, как просто охотнику стать дичью, они уцелеют, нет... В хрониках числится немало народов и стран, от которых остались одни названия. Вспомните Уэрту.

Матильда вспомнила и оценила. Талигойцы соображали и были забавными, даром что

один бесил внука, а второй – сам по себе ядовитая скотина. Кажется, она брякнула это вслух, потому что Этери быстро заговорила о своей акварельке. А славно будет, если лисонька закрутит Ворона. Не сейчас, куда ей сейчас, через годик. Когда в Олларию вернутся цветочницы...

– Так как называются эти ваши цветочки?

– Гр... пдж... х'ру... ыс...

– А не по-кагетски, – не отставала Матильда, – можно?

– «Следы покинутой». У нас есть такая сказка. Жила девушка с синими глазами, ее встретил и полюбил великий царь. Он долго добивался любви синеглазой и добился; они были очень счастливы вместе. Потом царь вернулся в свое царство, на прощанье богато одарив подругу и велел ей найти новую любовь, только синеглазая не притронулась к дарам и не оставила мест, где каждый камень напоминал ей о счастье. Год за годом покинутая поднималась на скалы и смотрела, не возвращается ли возлюбленный. Вопреки его словам она ждала, но так и не дождалась. Множество мужчин пытались завладеть сердцем синеглазой, а в нем было место лишь для ее царя. В одну из весен покинутая исчезла, а там, где она ходила, выросли цветы, вобравшие в себя цвет ее глаз.

Сказка была глупей не придумаешь, таких в Черной Алати по десятку на каждой мельнице! Кто-то кого-то любил, кто-то кого-то бросил, кто-то из-за кого-то утопился, бросился в пропасть, превратился... Хорошо если в цветочки, Аполка вон... И все равно было ужасно жаль. Всех. Упырицу Аполку, синеглазую дуру, позабытую Мэллицу, тайком малюющую Ворона Этери, самого Ворона, а всего сильнее – себя...

– Нале! – велела принцесса хитрющему виконту, чувствуя, что в носу начинает щипать. – Любовь, значит? Вечная? Гадость!

– Вот что значит незнание! – Оказавшийся рядом Алва без спроса поцеловал Матильде руку. – Поднести живой и прекрасной даме ошметки чужой беды... Удивительная бестактность с моей стороны! Ваше высочество, немедленно верните мне это сено, а что до его изображений...

– Почему бы не дополнить их барашком, – подхватил подлетевший с кувшином виконт, – или козочкой... словом, кем-нибудь травоядным? Получится аллегория конца мешающей жить любви... Да, кстати, что вы думаете о козьем сыре?

О козьем сыре не думал никто. Алва поднял бровь и сердцедробительно улыбнулся. Этери вздохнула и положила руку на живот. Матильда от души хлебнула, закашлялась и строго спросила:

– А что козий сыр? Он разный бывает.

– Я недавно попробовал бакранский, – уточнил Валме. – Очень достойно. Батюшке точно понравится, но вкус – это еще не все! Возьмем то же кэналлийское... «Слезы» и «Кровь» – это красиво, а чем сыр хуже? Если кормить козу «следами покинутой», сыр из ее молока можно назвать «Следом любви». Он будет иметь успех, ручаюсь!

– Тогда иди до конца, – предложил Алва, – и попроси ее высочество одолжить тебе туфельку. Под форму.

– Одолжу. Если назовешь «След мармалюцы»! – пообещала Матильда и расхохоталась, будто в Сакаци. Этери тоже не выдержала, как и переглянувшийся с ней Ворон. Единственным, кто как-то владел собой, был Валме, он и поднял руку, привлекая внимание к донесшемуся со двора шуму.

– Похоже, его преосвященство. Возможно, с добычей.

– Слышим, – давась от смеха, подтвердил Алва. – Грядет епископ, как туча тучная, стремится он, как бык к водопою, козел к древу плодоносящему, выдра к форелевому потоку и... сударыня... чего бы еще... добавить?

– Как... ежан радости к ызаргу сдохшей любви, – выпалила Матильда и поняла, что окончательно набралась и ей теперь не встать. Забыла, что такое мансай, вот и... Ничего, выветрится тоже быстро, а жаль.

То ли ради собрано, то ли ради алатской гостии, но гитарой Дьегаррон рискнул. Добыл Бонифаций и касеру с новостями, а вот застать у разгулявшейся супруги кроме оговоренных кавалеров еще и Этери епископ думал вряд ли. Супругу же огорошило, что Бонифаций появился с неким адуанским капитаном, при виде Алвы глупейшим образом остолбеневшим.

– Ваше преосвященство! – завопил, снимая неловкость, Марсель. – Вы с вашим порученцем разбили роковое число! Теперь не важно, кто первым покинет комнату, и это окрыляет. Что новенького у Дьегаррона?

– Я пойду, – сделала попытку подняться Этери, – пора... И нас уже не четверо...

Ей не ответили.

– Дуглас? – отчего-то шепотом переспросила дождавшаяся наконец мужа жена. – Дуглас, ты откуда?

– С полей ратных сей юноша явился, – ответил за неурочного гостя Бонифаций, – ибо отозван был богоугодным маршалом Дьегарроном, дабы... А ну, сын мой, отверзни-ка уста для словес и питья!

– Ваше высочество, – отверз уста капитан, и Марселя осенило, что перед ним взятый на поруки Темплтон, – я счастлив вас видеть и... четырежды счастлив, что вы обрели в Варасте свое счастье.

– Чего обрела? – грозно переспросила принцесса.

– Темплтон полагает, что счастье. – Алва небрежно потянулся к гитаре. – Но я с ним не согласен. Сбежавшее счастье делает мир блеклым, задержавшееся выцветает, а нашего епископа выцветшим не назовешь. Нет, ваше высочество, вы обретеете нечто иное и куда более полезное. Темплтон!

– Мой маршал...

– Выпейте и поздравьте еще раз. По-человечески.

Вздыхнула одна струна, вторая... Бонифаций смотрел на жену, та, кусая губы, глядела на Темплтона, в свою очередь не спускавшего глаз с занятого гитарой регента. Склонив голову к плечу, Алва вслушивался в струнный отклик. Ладно, пусть настраивает, мы тоже настроим что можем.

– Сударь, – влез в молчание Валме, – разрешите представиться. Капитан Валме. Касера или мансай?

– Мансай! – решила алатка. – Для начала... Как ты там?

– Воюю.

– Шеманталь хвалит, – за отсутствием стопки епископ схватил бокал, – а генерал сей зерна от плевел отличать насобачился. Касеры.

– Здоровье дам! – провозгласил Марсель и перепутал бокалы. – До дна!

Рокэ не пил – возился с гитарой. Никуда, само собой, не ушедшая кагетка улыбнулась и пригубила – полбокала за вечер она как-то осилила, зато Матильда и епископ с капитаном не сплеховали. Капитан от касеры и неожиданности закашлялся, и Валме тут же подsunул ему стакан с мансайским – запить. Дело было сделано, оставалось дожидаться, когда сдуру присланный Дьегарроном балбес отгадет и уснет.

– Ваше преосвященство, – завязал предварительную беседу Марсель, – что все-таки нового и как вам мансайское?

– Не одобряю! – Епископ так и буравил взором супругу. – Много не выпьешь – душу не греет... Так, баловство, а новости мои касеры требуют. Как пастырь скорблю душой о дурном выборе, но, говорят, хороша...

Кувшин опять показал дно, пришлось наполнять, потому Валме и не расслышал, то есть расслышал, но неправильно.

– На ком, – переспросил виконт, – на ком женится Савиньяк?

– Имя вдовице сей Франческа, и упорствует она в ереси эсператистской... Тяжко будет мне благословить богопротивный союз, но, скрепившись душою и уповая...

Он не ослышался, все так и есть. Была Франческа Скварца, будет Франческа Савиньяк, в смысле графиня Лэкдеми. Алое с черным и золото... Ей пойдут и цвета, и муж. Эмиль вроде Муцио, только ярче, это тебе не анакс с челюстью и с гривастым окном...

– Все к лучшему! – Валме плеснул себе греющей душу касеры. – Савиньяк – это по крайней мере красиво!

– Не пойму, – очнулся Темплтон, – не пойму, когда так... даже не доносив траура. Появился другой, и все – конец любви? А вообще она была? Вряд ли... Такие вдовы любят только себя...

Это Франческа-то? С ее сухими глазами и монотонным рассказом о Гальбрэ?!

– Вы напомнили мне Луиджи Джильди, – сухо сообщил виконт. – Он тоже адепт любви до гроба. До такой степени, что стенает о покойной возлюбленной даже в обществе... не совсем одетых девиц из хороших семей.

4

– Покойных так просто любить, – вмешалась Этери. – Они не могут обидеть, не понять, изменить...

– И на мертвых ропщут и гневаются, – поднял палец аспид. – Сильные – за недовершенное, что на плечи другим ложится. Слабые – за то, что ощущают себя позабытыми в лесу детьми малыми. И скулят они, и сетуют, пока за новый подол не уцепятся, уцепившись же, смеются и забывают, но это еще не грех. Грех, когда зло и мерзости, что покойник творил, списывают, и не мертвый грабитель уже в глазах иных виноват, но живой ограбленный, не клеветник, но оклеветанный, не насильник, но жертва его. И каются чистые за нечистых, Врагу на радость, а себе и ближним – на беду.

– Иными словами, – хохотнул Валме, – какой бы поганкой ни был покойный, после смерти приличному человеку перед ним станет неловко. Просто потому, что он жив, а поганка – нет. Получается тот же выходец, что лезет к живым, только хуже...

– Истинно глаголешь. Выходца, умеючи, отвадить можно, а если выходца в душе носить...

– Это ты про Альдо! – вдруг поняла Матильда. – Для тебя он хуже выходца, а у меня теперь жизни нет, понял? Кончилась я без внука...

– Ваше высочество, – Дуглас вскочил, пошатнулся, ухватился за Бонифация, – зачем вы?! После Удо?! Вы же сами... Вы заставили нас уйти, а теперь...

А теперь она одна. Живая, замужняя, накормленная. Теми, кто добил внука раньше взбесившегося жеребца. Альдо хотел быть анаксом... Это при Алве-то?!

– Ваше высочество, – тявкнула Этери, – забудьте...

Эту-то кто спрашивает? Прибежала за Вороном... С картиночкой! Казарская дочь, а этого казара этот Ворон...

– Я – бабка Альдо Ракана и забывать об этом не собираюсь, и они, – принцесса кивком указала на Валме и Алву, – не собираются... Круг назад нас с Дугласом прирезали бы в первом овраге, а головы – Альдо... в мешке! Чтоб видел!

– Закон и обычай в самом деле требуют некоторого мучительства, – подтвердил, отлипнув от гитары, Ворон, – но я лично его не одобряю и заниматься им без необходимости не согласен. Закон и обычай могут по сему поводу удавиться...

– Вы?! – опять не понял Дуглас. – Вы – и не хотите мстить?!

– Не хочу. – Алва сыто улыбнулся. – У мстителей обычно крайне неприятные лица. Мне говорили, как я выгляжу на дуэли. Зрелище отталкивающее...

– Воистину, – вылез и Валме. – Если угодно, могу слегка помстить я. С наименее неприятным выражением. Освежаем?

– Позже. – Ворон прикрыл глаза ладонями и сразу же их отнял. – Темплтон, вы, похоже, пришли в себя. Поздравляйте его преосвященство и ее высочество и можете быть свободны.

Дуглас вздрогнул и что-то проглотил.

– Ваше преосвященство, я всегда к вашим услугам. Ваше высочество, я хочу... Я очень хочу, чтобы вы забыли Удо... И остальное. Пусть все начнется сначала и будет... правильно... Больше мне сказать нечего.

– Спасибо, – хрипло поблагодарила Матильда. Спьяну не только кусаются, но и рыдают, только при Алве с Валме она рыдать не станет. Особенно при Валме.

– Идем, чадо, – аспид ловко ухватил Дугласа под локоть, – предашься отдохновению. О грехе питья вина опосля касеры утром поразмыслишь...

Дуглас даже не рыпнулся, покосился на Ворона и пошел к порогу. Валме закрыл дверь, вернулся к столу, плеснул из епископской фляги в бокал. Свой. Подошла Этери, положила на плечо руку. Матильда дернулась сбросить – не вышло.

– Когда теряют всё, – кагетка словно бы извинялась, – остается либо потерять себя, либо начать находить... Всегда можно что-то найти.

– Ой ли?

– Что-то – всегда... Пожалуйста, поверьте.

– Сегодня в самом деле вечер сходства. – Алва поднял алатский – в этой Хандаве весь хрусталь был алатским – бокал и взглянул сквозь него на свечу. – Темплтон напомнил моему другу нашего фельпского знакомого, мой друг напомнил вам посла вашего батюшки, а теперь вы, Этери, все сильнее напоминаете мне последнюю королеву Талига.

– У меня тоже светлые волосы, и я тоже жду второго сына, – все так же, будто извиняясь, произнесла кагетка.

– *Вы* дождетесь. – Алва взял отложенную гитару и провел по струнам.

– Не надо! – почти взмолилась Матильда и увидела, что ее не понимают. – Не надо алатского! Хватит с меня мансая... Вообще хватит!

– Не будет.

Не было. Четверо конных ехали чужими горами, а за ними кралась ночь. Падали в ладони звезды. Отправлялись в дальний путь к Агмарену облака и корабли. Кто-то ловил вдруг появившимися крыльями ветер, кто-то искал дорогу, кто-то хотел любви, а кто-то – вина... Багряной, прячущей песню горечи. Матильда тоже брала бокал. Иногда пила, иногда забывала.

У ног сидел вернувшийся муж со своим носом, бровями и касерой. Тоже слушал, тоже вспоминал, ведь было же у него что-то до Сагранны и до тюрьмы! У всех до старости бывает молодость... Чтобы через годы стать выпитой касерой, разбитым бокалом, памятью...

Вечно...

Чтоб струна звенела вечно,

Чтоб струна звенела – ай-я-а,

Чтоб струна звенела...

Проклятая схожесть! Теперь она мерещилась уже Матильде. Потому что Алва вдруг принялся походить на Адриана. Такого, каким Эсператор стал перед самой болезнью. Было лето, еще был Агарис... Тогда у них в последний раз могло выйти. Не вышло.

Струны, мы с тобою струны,

Струны смеха, струны боли,

Отрешенность ликов лунных,

Тень грозы над синью моря...

Эсператор не пел. Эсператор пил и стрелял по подброшенным бутылкам, а говорили – по тайным узникам. Эсператор менял любовниц как перчатки. Эсператор сквернословил. По Агарису бродили слухи. Они могли быть правдой, только могли...

*Море, мы с тобою море,
Море в штиль и море в бурю,
В исступленной ласке молний,
Захлебнувшихся лазурью...*

Быть Эсперадором – это мечта, счастье, цель! Это зависть, страх и снова зависть... Еще бы, ведь выше тебя лишь Создатель или... никого. Как тут не продать душу за Светлую мантию?! Эсперадору хорошо, лучше не бывает. В Золотых землях все замечательно, в конклаве – сплошные братья, а такая мелочь, как сердце, Эсперадору не полагается, и напиться вдрызг он может только с жиру...

*Пламя, мы с тобою пламя,
Грохот загнанного сердца,
На закате, над снегами
Невозможность отогреться...*

Положить жизнь – на что?! Кто Адриана понял? Кто оценил? Кто хотя бы помнит, кроме забившейся в горы чужой жены? Дважды чужой! Могилы и той не осталось, так зачем?!

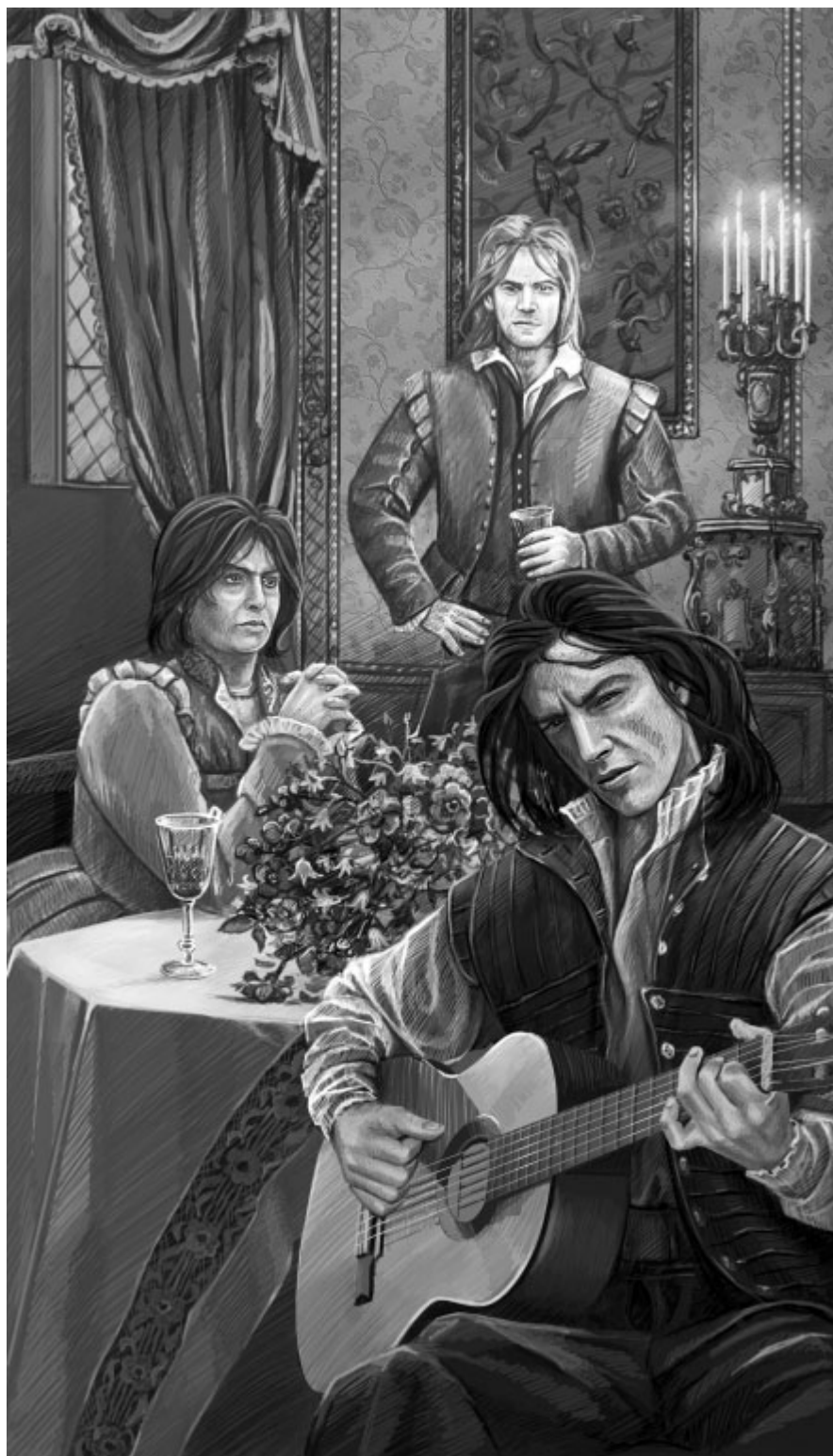
*Чтоб струна звенела вечно,
Чтоб струна звенела – ай-ай...*

– Еще! – крикнула Матильда. Алва кивнул и саданул по струнам. Пальцы он разбил, что ли? Этот может...

*Вечно...
Чтоб струна звенела вечно,
Чтоб струна звенела – йяй-йя,
Чтоб струна звенела...*

– Я пойду. – Этери поднялась с последним аккордом. – Спасибо. Это было так... Я пойду.

– Я вас провожу. – Ворон небрежно отодвинул гитару. Да, в самом деле кровь – на светлом дереве видно четко, не ошибешься. – Позвольте вашу руку.

Она не стала отнекиваться, он – надевать перчатки. Странно все выходит, и оба они странные. Беременная кагетка и сумасшедший, за которого страшно. Ничего у него не выйдет, как не вышло у Адриана... Ничегошеньки. Корабль опять тонет, и крысы опять не бегут, а бесятся. Не те крысы – те, настоящие, проскочили между смертью и огнем, успели... Только Клемент и остался.

– Я, конечно, не заменю регента, – напомнил о себе Валме, – но петь я тоже умею. Адуанам нравится... Сударыня, что желаете?

– Твою кавалерию, если ты похож на посла, то и посол похож на тебя! А если он похож на тебя, в вашей Оллarii сидит не одна змея, а две. Считая с Левием... Вот же брехло!

– В нашей, – поправил муженек, – в нашей Олларии, нашу же кавалерию. И вообще, Валме, блажен муж иже... Изыди, а!

Глава 4

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг. Талиг. Оллария 400 год К.С. 14-й день Летних Волн

1

У Гирке все было так же, как и у других. Догорали костры, у которых почти никто не сидел. Ужин давно съели, а усталость валит людей на землю верней картечи. Полковое начальство, впрочем, держалось: Гирке и Валентин что-то обсуждали у своей палатки с командирами эскадронов. При виде подъезжающих генералов «лиловые» прервали разговор и поднялись.

– Добрый вечер, господа. – Жермон бросил поводья здоровенному сержанту, бывают же такие медведи! – Обсуждаете вчера или завтра?

– Мой генерал, я собрал офицеров, чтобы незамедлительно довести до их сведения приказ. – Показавшийся осунувшимся Гирке с обычной холодноватой учтивостью наклонил голову. – Не желаете отужинать?

– Спасибо. Если я сяду и тем более что-нибудь съем, меня поднимет разве что Ульрих-Бертольд. Что у вас? Большие потери?

– Полк к бою готов. Потери есть, но не столь значительные, как если бы пришлось уходить через реку.

– Хорошо. Письменный приказ по всей форме получите к утру, пока главное – ваш полк назначается на правое крыло, которым завтра команду я. Сами видите, дело для вашего брата-кавалериста намечается именно здесь. Как завтрашняя задача представляется вам самим? В то, что вы об этом не думали, не поверю.

Гирке обменялся взглядами со спокойно стоящим рядом Валентином и вежливо предположил:

– Полагаю, нам, и не только нам, в первую очередь придется защищать основную позицию от флангового обхода.

– Именно, – устало подтвердил Ариго. – Хотел бы надеяться, что у вас будет возможность не только защищаться, но лучше не загадывать... Рядом с вами соберется почти вся наша кавалерия. Общее командование принимает Шарли. Что вы о нем думаете?

– Мой генерал, – само собой, полковник Придд был аккуратнейшим образом причесан и застегнут на все пуговицы, – офицеры нашего полка не могут не приветствовать повышение лучшего кавалерийского генерала Западной армии.

С подобными манерами прилично воюют редко, но у «спрутов» как-то получается. Хорошо, что они будут за спиной, Ойген-то уйдет...

– Что ж, господа, если ни у кого не имеется вопросов, мне остается лишь пожелать вам успеха.

Вот ведь сказанул! А что было бы, останься он у «лиловых» на ужин? А на целый день?

– Мой генерал, – в глазах Валентина мелькнуло что-то... не вполне светское, – позвольте обратиться к вам с личным делом.

– Давайте, – кивнул Ариго. Они отошли к лошадям. Барон весело фыркнул и попытался обмусолить хозяину волосы. В отличие от генерала он был вполне свеж и не прочь слегка пробежаться. – Сестра успела уехать?

– Нет. Ирэна в отсутствие Гирке не бросит имение и людей. В крайнем случае они укроются в лесном доме, это довольно далеко от тракта. Мой генерал, вас не беспокоит левый фланг?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что и по Пфейтфайеру, и по болоту подобный обход невозможен, а Бруно в последнее время полюбилось делать невозможное.

– Если нас обойдут по Пфейтфайеру справа, Павсанию слева просто ничего не останется... Завтра, чем бы ни кончилось сражение, вы возьмете роту драгун и вывезете графиню Гирке в Придду. Если вам с полковником нужен приказ маршала, он будет, но там, где шляются вражеские армии, женщине не место. Разрубленный Змей, а это еще что такое?

– Мне кажется, – вежливо предположил Придд, – это недавно вами упомянутый барон Ульрих-Бертольд.

– Хочешь сказать, накликанный?

Приближение барона незаметным не прошло, главным образом благодаря производимому грозой Виндблуме шуму. Шумный барон искал начальство, дабы доложить, что в подчиненных ему начальству полках все в порядке и беспокоиться не о чем. В результате беспокоиться пришлось окружающим. Дорвавшись до Ойгена и доложив о всяческой ерунде, Катершванц перешел к тому, ради чего и появился, – к высказыванию господам генералам своего мнения. Ну понятно, свои бергеры уже наслышаны...

Их в очередной раз спас Валентин.

– Господин барон, – улучив момент, Зараза атаковал, ловко вклинившись в воспоминания о битве при Гефлехтштир, – я хочу обратиться к вашему опыту отражения конной атаки под Аустштармом. Я понимаю, что, перебивая вас, поступаю отвратительно, но мне очень нужен ваш совет, и желательно немедленно...

Маневр полностью себя оправдал. Жермон проводил восхищенным взглядом завладевшего вредным старцем Придда и торопливо попрощался с безмятежно спокойным Гирке. Райнштайнер уже сидел в седле.

– Слушай, – задал давно вертевшийся на языке вопрос Ариго, – за какими кошками ты сделал этот гефлехтштирский ужас своим советником и офицером для особых поручений?

– Видишь ли, Герман, – охотно объяснил бергер, – Ульрих-Бертольд – это легенда, пусть порой и докучливая. Он нам напоминает о не столь уж и давних победах, что сейчас просто необходимо. И еще он наш талисман и чуть-чуть – судьба. Или нам, или варитам завтра предстоит очень легендарный день.

– Ты веришь в успех?

– Я знаю, что мой корпус будет стоять или идти вперед, но не бежать. Люди могут подправлять судьбу, даже такую, а мы с тобой – люди. Ты все еще собираешься к нам и Шарли?

– Да. Это единственный, не считая артиллерии, способ избавить Гирке от Ульриха-Бертольда.

2

– Вы либо перепутали гороскопы, – начала Арлетта, и кардинал немедленно отложил в сторону перо, – либо на что-то намекаете. Как в компанию к Эрнани Последнему, Бланш, Эктору Придду, Алану Окделлу, Шарлю Эпине и Рамиро Алве угодила моя семья?

– Вы не догадываетесь?

– Нет, – и не подумала врать графиня. – Если это не упущение, то бестактность.

– Нижайше прошу меня простить. – Смущенным его высокопреосвященство не казался, скорее самодовольным. – Выходит, я забыл гороскопы Рокэ Алвы, Вальтера Придда, Робера Эпинэ, Эмонта Окделла и Альдо... Сэц-Придда?

– Вы не забыли, но объяснение этому я нашла...

– Не уверен, что верное. Астрология – точная наука, а я проверял свои выводы у очень хороших и при этом не отягощенных историческими познаниями астрологов. Все они решили, что я над ними издеваюсь. Звезды предупреждают и советуют, а не приговаривают, тем не менее любая жизнь может быть задним числом объяснена при помощи гороскопа, и уж тем более подлежит объяснению любая смерть. Она не неизбежна, но всегда приходится

на некий «перекат», который астрологи называют «угрозой» или «гибельным периодом».

– Я об этом слышала.

– А теперь смотрите: Алану и Рамиро в указанные дни смерть не грозила, зато Алан в ближайший год мог потерять самое малое первенца, а то и всю семью. Рамиро звезды обещали второй брак и множество внебрачных связей, Шарлю Эпинэ – внушительное потомство и семейное счастье, а Октавии Алва – единственный брак и долгую жизнь.

– Не может разорванная помолвка Рамиро сойти за первый брак?

– Не проходит по времени. Как видите, только два гороскопа совпадают с судьбами. Бланш и Эктор. Или три. Если считать, что Эрнани жил долго, но потомства не оставил. Теперь наши с вами времена. Потомок Бланш жил и умер, не споря с гороскопом, как и его отдаленный родич Придд, но Эгмону Окделлу следовало выжить и опять-таки потерять первенца. Рокэ Алва вопреки чудовищно расположившимся звездам пережил свое шестнадцатилетие, даже не заболев, но потерял последнего из братьев и мать. Робер Эпинэ не сгинул в Ренквахе, хотя, по мнению астрологов, должен был уцелеть старший из внуков Анри-Гийома. Нам остается усомниться либо в астрологии, либо в датах рождения и смерти, либо в событиях, но астрология успешно доказала свою правомочность, а остальное подтверждено множеством свидетелей. Что вы скажете?

– Я лучше спрошу. При чем тут моя семья?

– Я очень сожалею, сударыня, но мы гораздо острее воспринимаем связанное лично с нами. Гороскопы семейства Савиньяк я составил для сравнения. Ваш супруг погиб примерно так же, как Рамиро, но в гороскопе графа Савиньяка несчастье пришлось на «гибельный период», а в гороскопе Рамиро – нет. Мало того, в нем отсутствуют сочетания, предполагающие счастливую совместную жизнь, столь четко выраженные у вас, ваших старших сыновей и покойного супруга.

– Остается предположить, что астрология применима к обычным людям, но не к Алве, Эпинэ, Окделлам и настоящим Ракам.

– Bravo, сударыня! Вы поверите, если я скажу, что Алонсо Алва, Рене Эпинэ, Джеральд Окделл и десятка три других представителей «странных» семейств прожили свои жизни, не дразня звезды?

– Тогда дело, может быть, в смене Круга?

– Под нее с натяжкой попадают Рамиро и Алан, но не Эгмонт и не бессемейность Эпинэ. Вам ничего не говорит имя последнего лаикского монаха?

– Диамнид... Имя нечастое.

– Диамни Коро. Друг и наперсник Эрнани Святого, которому в потомстве отказывали не только звезды, но и лекари...

– Вы полагаете, что Диамни – отец Анэсти Гранита? Я не помню в императорском роду художников.

– Я тоже, а жаль.

– Чьим бы сыном ни был Анэсти, Эрнани Последний родился королем, а его худородность только порадовала бы взевшуюся на демонские отродья Церковь.

– И все же имя лаикского затворникастораживает. Оно не более чем штрих, но штрихи создают рисунок. Давайте исходить из того, что этот Диамнид и есть проживший свои годы Эрнани. Я не могу доказать свою правоту, даже взломав гробницу, – все черепа похожи, но другие объяснения меня не устраивают. Вы слушаете?

– Да, но у меня кончился шадди.

– Это легко исправить, – заверил кардинал и полез в бюро за очередной приправой. Туда же устремилась и кошка, вышло смешно.

– Альбина! – Гнев кардинала был чудовищно лицемерен. – Бесстыдница... Сударыня, вы помните, как сын Алана отказался от отцовского титула?

– Нет, с чего бы?

– В самом деле, – согласился Левий, – с чего югу помнить о севере? Ричард Горик сказал единоутробному брату: «Я еще не искупил ошибки отца, а тебе искупать нечего.

Надор твой по праву совести». Совести, сударыня!.. Женевьев Окделл-Ларак более чем резко поддержала старшего сына, хотя была горячо предана первому мужу и...

– Я знаю, что Женевьев едва не вцепилась в лицо Франциску.

– И спустя много лет, по сути, согласилась с приговором. Конечно, женщины часто смотрят глазами своих мужчин, но Гвидо Ларак к тому времени был мертв, так же как и Алан Окделл.

– Женевьев могла винить Алана в том, что с ней сделал Франциск. С нами... С женщинами это случается. Графине Окделл с детьми еще повезло, будь Франциск Оллар Фридрихом Железным, он бы убил и семью, Женевьев должна была это понять.

– По-вашему, герцогиня, хорошенько поразмыслив, отомстила казненному мужу за счет сына? Конечно, я не знаю, что творилось в головах всех этих людей, но почему бы не судить о них, исходя из представления о природе человеческой и из того, что доказано? Например, из последнего разговора Алана и Рамиро, который мог слышать и Гвидо Ларак. Мне попало несколько свидетельств, правда, с чужих слов. Все они сходятся на том, что Окделл спросил и Алва признался в убийстве. На мой взгляд, лучшего доказательства того, что Эрнани был жив, не найти. Корица или кардамон?

– Мне нравится ваша логика. Корица.

– Так и будет... Итак, король где-то прячется, Франциску объявлено, что Эрнани мертв. Теперь попробуйте представить себя Рамиро Алвой. Город сдан. Вы ранены в голову, устали и едва держитесь на ногах. Рядом с вами новые союзники. Вы вместе дрались, что уже немало, но вы им еще не свой. И тут появляется знакомое лицо, Алан Окделл, к которому вы расположены и который расположен к вам, иначе с чего бы Повелителю Скал бегать по стенам в тревоге за «полукровку»?

– Вы, Рамиро, то есть вы, ваше высокопреосвященство, вряд ли могли это знать...

– Я увлекся, вы правы. Поиски Алвы – свидетельство для нас, но у Рамиро наверняка были свои причины доверять Окделлу. Вы отгоняете людей Франциска, протягиваете руку. В ответ вам бросают обвинение в убийстве. Вы можете оправдаться, но вокруг враги вашего короля. Что будет с ним, если они услышат? Что будет с вашей женой? С Шарлем Эпинэ? И вы громко и отчетливо признаетесь в убийстве, наспех придумывая, как выпроводить Окделла, не дав ему надеть глупостей, только вас уже не слушают. Мститель выхватывает кинжал, а вы слишком устали и слишком доверяете, чтобы успеть уклониться...

– Сколько вам лет, ваше высокопреосвященство? Четыреста тридцать?

– Пятьдесят шесть. Я не бывал в Кабитэле, если я правильно понял ваш намек.

– Тогда покажите ваш гороскоп, – усмехнулась Арлетта.

– Не раньше зимы. Он мне не нравится, и я не намерен идти у него на поводу.

– Тогда что, по-вашему, было дальше? Не с Аланом, с Эрнани.

– Только то, что могло быть. Думаю, Франциск быстро понял суть затеянной Рамиро интриги, но не подал виду. Оллара устраивали умерший за него Алва и убитый Алвой король. Не берусь сказать, где скрывался Эрнани и как его нашли. Франциск мог разговорить Эпинэ, кто-то мог проследить, да и в Эрнани могли проснуться гордость или чувство долга. Я уверен, что старый король встретился с новым и они заключили договор: Эрнани остается в Талиге, в танкредианской обители, и занимается своими любимыми рукописями, Франциск правит страной, а Эркюль Сэц-Придд не правит ничем. Эрнани пишет Эсператору и бывшей жене: он не собирается возвращаться, но если Эркюль решат короновать, он, Эрнани Одиннадцатый Ракан, лично подтвердит свое отречение в пользу Франциска и обвинит супругу в неверности. Письма отправляются к фок Варзов, который, как и было оговорено, ждет в Агарисе вестей от своего государя. Старику остается довести волю Эрнани до Эсператора и вернуться в Талиг к уже двум королям. И к новой службе. Что скажете, сударыня?

– Ничего. – Арлетта зачем-то перевернула свой собственный гороскоп. – Пока ничего... Добавьте к своим вопросам. Нынешнему герцогу Алва в первой половине 388 года астрологи ничего выдающего не обещали, однако в это время случилось нечто... определившее всю

его дальнейшую жизнь.

– Спрашивать вас о подробностях, видимо, не стоит.

– Вы правы. Как вам моя история?

– Я ее продолжил, – приосанился Левий, – вернее, постарался продлить послевкусие. Альбина, подвинься! Прошу вас.

Там, где сидела кошка, бумага была теплой и к ней прилипла рыжая шерстинка. Когда кошка спит на письмах, это всегда уютно. В Рафиано жили кошки, в Сэ – нет, но исправлять это уже Франческе.

– Сударыня, я жду приговора.

– Я не супрем, – возмутилась Арлетта, поднося к глазам бумагу.

«Оскорбленная Ворона улетела, – злорадно сообщал его высокопреосвященство. – Пчелы и шмели вновь взялись за свое дело. Ромашка болтала с Ветром, в ветвях чубушника весело щебетала Ласточка, но Малиновка молчала. Это заметили не сразу, просто поняли – что-то пропало. Что-то, без чего стало грустнее. Первым догадался Шмель.

– Малиновка, – спросил он, – почему ты молчишь?

– Мне не хочется петь, – ответила нахохлившаяся Малиновка.

– Почему? – забеспокоилась Ромашка. – Ты заболела?

– Нет... Просто я не морискилла и не соловей... И я ничего не знаю о музыке.

– Ерунда, – сказал Шмель, – ты знаешь о ней все, что нужно, потому что без твоей песни стало хуже.

– Вы так говорите, потому что не слышали морискилл и соловьев. Их здесь нет, но меня это не делает лучше.

– Постой, – пропыхтела, вылезая из своего укрытия, Жаба, – ты хочешь сказать, что поверила этой Вороне?

– Она говорила правду, – тихо сказала Малиновка, – я больше не должна петь.

– Глупости! – прощебетала Ласточка. – Забудь и пой! Я же пою...

– Ты – другое дело... Ты понимаешь в музыке, ты много летаешь и даже зимуешь в Кэналлоа.

– Не важно, сколько я летаю, важно, как ты поешь. Пой!

– Не могу, – прошептала Малиновка, – горло сжимается.

– Ты заболела, – забеспокоилась Ромашка, – ты все-таки заболела...

И тут на самую середину поляны выбралась старая Жаба. Не обращая ни на кого внимания, она взгромоздилась на самый большой валун и подбоченилась.

– Ква! – заявила она. – Я самая прекрасная в этом саду! Все остальные уроды, а особенно эти глупые толстые пионы! Да одного взгляда на них довольно, чтоб уразуметь, что они не розы и не хризантемы! Ква! Да откуда здесь может взяться истинная красота, кроме меня?! Смотрите же на меня! Любуйтесь, восхищайтесь, гордитесь, что я с вами... Что я явилась вам! Ква!

– Жаба заболела! – испугалась Ромашка. – А я не знаю, как такое лечить!

– Квакс! – рывкнула Жаба. – Брекекекс-коакс-коакс! Замолкни, глупое растение. Замолкни и восхитись моей красотой. Уродина! Ну кому нужны твоя желтая серединка и белые лепестки? Существо со вкусом на твоём месте увяло бы со стыда...

– Жаба, – закричала Малиновка, – уходи! Ромашка, не слушай ее... Ты такая хорошенькая. Мы все тебя любим... А Жаба... она просто завидует, она пупырчатая, бурая, вот и злится.

– Правильно, – согласилась Жаба, – я бородавчатая, пупырчатая и противная, а Ромашка хорошенькая и солнечная. И всем нам нужна именно такой. А теперь, дорогая Малиновка, пойми, что ты – это Ромашка, а я – это Ворона».

– Замечательно, – от души похвалила Арлетта. – Именно так надо нести утешением некоторым... малиновкам!

– История все еще не закончена. – Левий обмакнул перо в чернильницу и подал графине. – Сударыня, здесь не хватает последних слов, и они за вами. Или за маршалом

Лионелем?

– Я бы не хотела, чтобы наши... притчи пришлось доводить до ума нашим сыновьям, – покачала головой графиня и дописала: *«Малиновка поняла и запела, но не раньше, чем извинилась перед Жабой»*.

3

Ссориться с Приддом Арно не собирался – когда на носу баталия, не до ерунды. Странная, пришедшая в сумерках мысль и еще более странная тревога заставили искать общества однокорытника, а повод имелся. Такой же необычный, как и желание немедленно переговорить с Валентином, благо тот отправился провожать неумного Катершванца. И проводил. До победного конца.

– Теперь фы толшны фозфрашатся и оттыхать, – объявил на весь бергерский лагерь отконвоированный к самой палатке барон. – Здоровый зон и хороший зафтрак – ознофа фоинской тоблезти. Топрой нотши. Зафтра я буту готоф оценифать фаши нафыки.

– Доброй ночи, господин барон, – учтиво попрощался с палаткой Придд и вскочил в седло.

Арно послал Кана наперерез.

– Нам по дороге, не так ли, сударь?

– Я возвращаюсь в полк, – объявил Придд.

– Я провожу вас. Полковник, у меня к вам дело.

– Вот как? – Придд ушей не прижал, за него это сделал его серый; ничего, потерпит, как и Кан. – Я внимательно слушаю.

– Я получил письмо от матери. – Он поговорит с этой... заразой, Леворукий ее побери! Спокойно поговорит, очень спокойно! – Я обращаюсь к вам в том числе и по ее просьбе. В Нохе появились призраки. Это монахи, и мать считает, что они туда... ну, переселились, что ли. Очень может быть, что из Лаик. Кардинал с этим согласен. Вы его знаете лучше меня, мать считает этого Левия человеком умным.

– Я целиком разделяю мнение госпожи графини.

Ну и как с ним таким прикажете... беседовать? Да легче...

– Возможно, вы разделите и мнение о том, что происходящее в Нохе важно. Мать знает, что мы видели лаикских призраков, и просит написать про них все, что вспомнится. Любую ерунду. Вы в ту ночь разгуливали по Лаик и тоже могли их встретить.

– Я не видел лаикских монахов ни в ту ночь, которую вы имеете в виду, ни в любую другую. Могу я узнать, почему госпожа графиня связывает призраков Нохи именно с Лаик?

– А... а разве есть еще какие-то?

– Супруга Эктора Придда в своих записках упоминает монахов Доры. До Франциска там была обитель Милосердия.

– Дора?! Никогда о таком не слышал.

– Те, кто ломает, обычно не стремятся донести до потомков подробности. – Валентин ловко осадил щерящегося мориска, вынуждая идти голова в голову с не менее злющим Каном. – Аббатствами, если так можно выразиться, занимались Франциск и ныне святой Ариан. Они начали с Доры, и вряд ли случайно. Поводом могли стать и призраки, но причина, на мой взгляд, была в настоятеле, который в самом деле пытался проявлять милосердие. Моих предков он, во всяком случае, укрыв.

– Франциск не трогал женщин и детей. Вот если б ваш аббат решил укрыть Эктора...

– Если вы думаете, что я стану защищать маршала Эктора, вы очень ошибаетесь. Он принадлежал к тем отцам семейства, чьи дети и жены могут выжить лишь чудом, но мы несколько уклонились от предмета нашей беседы.

«Уклонились от предмета...» Разрубленный Змей! Уклонились! Эктор свою семью хотя бы не угробил, а вот Вальтеру это почти удалось, даже если забыть про Джастина.

– Вы не думаете, что монахи в Лаик пришли из Доры? – Кан упорно нарывался на

ссору, но Савиньяки лошадиным капризам не потакают, тем более при «спрутах».

– Не думаю. – А у Придда особо не забалуешь! – Катершванцы упоминали, что лаиские призраки несли знак ордена Знания, а призраки Доры принадлежали к ордену Милосердия. Если следовать этой логике, призраки Нохи должны быть собратями Валтазара по Домашнему Очагу. Как они выглядят?

– Мать предпочитает спрашивать. Я напишу ей про Дору? С вашего разрешения...

– Напишите.

– Если вы... будете столь любезны, что расскажете.

– Извольте. Герцогиня Гертруда укрылась в Доре наутро после гибели Эрнани. Следующей ночью впервые за несколько сотен лет в аббатстве видели призраков. Одни связали их появление с победой Франциска, другие – со смертью короля, третьи – с тем, что в обитель допустили женщин, но мои предки, в отличие от призраков, в Доре не задержались.

– А когда они пропали?

– Насколько мне известно, мои предки никуда не пропадали и благополучно покоятся в усыпальнице Васспарда. У вас есть другие сведения?

– Фу ты, кляча твоя несусветная! – Можно подумать, он не понял! – Я о монахах...

– Я рад за моих предков. Когда из Доры исчезли призраки – неизвестно, но это было не раньше, чем из обители выселили живых монахов, и не позже, чем там устроили тюрьму. Графиня Савиньяк сейчас в столице?

– Да.

– Если архив Ариана уцелел, в нем может что-то отыскаться. Я могу добавить, что призраки появлялись всегда после полуночи и всегда в одном и том же месте, причем не сразу. Сперва вспыхивало зеленое бездымное пламя, затем начинал звонить колокол, и, наконец, из-за поворота показывалась процессия. Монахи попарно пересекали храмовую площадь, обходя огонь, и исчезали. Я был в Доре всего один раз, к тому же аббатство перестроили, так что могу ошибаться, но мне кажется, сейчас на месте призрачного костра расположен довольно неприятный фонтан.

– А когда монахов видели до того? Ну, до Франциска?

– Во время чумы. Есть сведения, что изначально это был так называемый моровой ход. Постойте... Я знал этот кусок из записок герцогини Гертруды наизусть. *«Колокол звонил, святые братья шли и умирали со свечами в руках. Через них переступали и шли дальше. Мор прекратился, когда в последнем аббатстве умер последний монах. Умер, не прекращая молить Создателя о милости к обреченному городу...»*

Монахи Лаик тоже могли... переступить. Ну и разговорчик вышел, да еще на ночь глядя, после такого под кровать полезешь.

– Жутковато. – Искушение подъехать поближе к спутнику Арно преодолел лишь благодаря рвущемуся в драку Кану. Лошади не думали о монахах и чуме и вообще были восхитительно живыми и понятными. Как и уже близкие костры, а вот к Ариго возвращаться придется одному.

– В детстве меня пугало моровое шествие, – неожиданно признался Валентин, – и особенно зеленый огонь. К счастью, то, что страшит неясностью, при ближайшем рассмотрении становится четче и понятней, а значит, слабее.

– И когда вам пришла в голову такая чушь?

– Точной даты не назову. Это было в середине прошлых Осенних Скал.

– В Багерлее?!

– Да.

– И как там? – Более дурацкого вопроса не придумаешь. Дурацкого и гадкого. – Извините.

– Ничего страшного. Что до Багерлее... Вы ведь бывали в лекарском обозе. На дознании время от времени достигают сходных результатов, только неприятель не знает, кого именно калечит, к тому же он намерен победить не одного, а безликих «всех». Я, по

крайней мере, вижу разницу именно в этом...

Разницу он видит!

– Только не поймите меня превратно. Я был вынужден присутствовать при подобных разговорах, но меня самого расспрашивали иначе.

– Я тебя когда-нибудь убью!..

– У вас не получится. До нападения из-за угла с ножом в вашем доме не опустятся, а фехтую я сейчас лучше. Вам следовало бы начать заниматься с бароном Ульрихом-Бертольдом и графом Ариго. Или со мной.

– С тобой?!

– Разумеется, когда все образуется. Завтра нам обоим предстоит заниматься дриксами, на это в лучшем для нас случае уйдет целый день. Если вы заедете ко мне, я смогу предложить вам «Змеиной крови». Хотите?

– Хочу, кляча твоя несусветная!

Глава 5

Бакрия. Хандава

400 год К.С. Ночь с 14-го на 15-й день Летних Волн

1

Они сидели с пустыми бокалами и тарасились друг на друга через стол. Супруги! Два подвыпивших несчастья, одуревших от гитарных переборов, под которые курица и та ощутит себя орлицей и воспарит. Они и воспарили, забыв, что струна не может звенеть вечно, даже такая. Сжигали вечно глупых мотыльков свечи, чуть заметно вздыхали вместе с теплым ветром занавески, в окна и нос лез пряный аромат – цвело что-то местное. Лето в дорогу еще не собиралось, лето еще звенело.

– *Мой дружок меня поцеловал, ночь бросает звездные огни...*

Мужчина напротив вздрогнул, и Матильда поняла, что поет. Дожили! Куда ворон, туда и ворона! Удивленная досада петь не мешала, только руки вдруг стали лишними – пришлось схватить бокал. Бонифаций ожил, налил.

– *Никому его я не отдам*, – промурлыкала принцесса, понимая, что получается двусмысленно и... весело! – *Только с темной ночью разделяю...*

По-алатски муженек не понимал, отчего стало еще смешней. Женщина подбежала к окну, плеснула в невидимые цветы – поделилась с ночью и нечистью, после чего расхохоталась уже откровенно. Это было заразно, ибо Бонифаций немедленно разоржался и оказался возле жены. Не будь аспид супругом, Великолепная Матильда знала бы, что делать, а так пусть сам соображает, аспид бровастый...

Аспид сообразил, только им помешали. Стук в дверь был негромким и четким. Так стучат, когда действительно нужно, только кому? Не Этери же рожать собралась? Рановато, разве что они с Алвой совсем сдурели! Принесла картинку... Художница!

– Твое преосвященство, – потребовали из коридора, – соизвольте протрезветь.

– Откроешь? – буркнула Матильда, наспех завязывая пояс.

Бонифаций уже отодвигал засовы. Вошедший Алва был подтянут и отрешен, хоть сейчас в поход. Песни кончились, это женщина поняла сразу.

– Я бы предпочел, чтобы эту ночь вы посвятили друг другу, – равнодушно извинился кэналлиец, – но обстоятельства переменились. Мне надо ехать, причем немедленно. Сударыня, вы либо идете спать, либо остаетесь, но в таком случае вы остаетесь с нами если не навсегда, то до конца... осени, в которую мы почти угодили.

– Она остается, – рыкнул Бонифаций. – Мориски?

– Нет. Ко мне явился выходец. – Подобным тоном Адриан говорил о своих магнусах. – Понять этих господ сложно, но главное, надеюсь, разобрать удалось. По ее словам...

– «Ее?» – взмахнул бровями Бонифаций.

– Это дама. Я косвенно поспособствовал тому, что она оказалась в своем нынешнем положении. Это и позволило ей найти меня, а мне – ее принять. Моя покойная гостья утверждает, что нескольким городам, один из которых наверняка Оллария, грозит участь Надора. По ее мнению, я в состоянии если не предотвратить опасность, то придержать, но для этого должен оказаться на месте. Она берется меня провести.

– Врет! – аж задохнулась алатка. – Нагло! Олларию спасать... Как бы не так! Выходец чего только не наплетет, чтоб уволочь...

– Не думаю. – Ворон взял флягу с касерой, тщательно закупорил и положил на дальний край стола. Пододвинул стул, сел, недвусмысленно отсекая супругов от любимого поила. – Она счастлива и, как следствие, никому не желает зла. Напротив, нашей даме хочется, чтобы живые оставались таковыми подольше. Кроме того, она не слишком развита и вряд ли способна на подобные выдумки, разве что ей подсказывает Леворукий... Тогда мне тем более надо идти, а дороги мертвых короче наших.

– Ты что? – вконец оторопела Матильда. – С ней собрался?! С этой?! Она же по твоей вине сдохла, теперь у нее над тобой власть! Иначе б она сюда не добралась...

– Будь так, радость моя, – перебил Бонифаций, и плечи принцессы обхватила мужская лапища – теплая такая лапища, сильная... – мы бы сейчас с тобой, беды не чая, сон вкушали, а Рокэ, избегнув когтей, все позабыл бы...

– А ведь точно, дрыхли бы мы! – От сердца совсем немного, но отлегло. – Только все равно заманивает, тварь! Уйдет он с ней, и с концами!

– Уйду, – спокойно подтвердил Алва, – это не обсуждается. Тревога может оказаться ложной, но посмотреть необходимо. И, сударыня, вы правы, я уйду с концами. Война на севере вряд ли в пристойном состоянии, да и с Рудольфом пора ругаться... Мы больше не имеем права тянуть и беречься, нужно рискнуть, но разрубить все узлы.

– И потому регент и Первый маршал заживо лезет в могилу?! Это не последняя война и не последняя беда. Если отдать все сейчас, кто будет вашим Талигом завтра?

– Так думаете не только вы, но и Рудольф. – Алва улыбнулся, и Матильда на старости лет едва не уподобилась лисоньке Этери. – Только я далеко не «всё», кроме того... Разве я похож на то, что можно взять и «отдать»?

– На императора ты похож, – хмыкнул Бонифаций. – Если подумать, уже года три...

– Омерзительно. Особенно с учетом всяческих пророчеств...

2

Что святая обязанность кавалера – развлекать дам (любых!), Марсель уяснил года в четыре. Обычно виконт справлялся с этим шутя, но на сей раз возникли трудности. Выходца не угостишь, а для флирта капитан Гастаки была слишком мертва, мощна и верна супругу. Оставалось вести светскую беседу, что Марсель и делал, ощущая себя скачущим с кочки на кочку через полное ягод и пиявок болотце. В первую лужу виконт плюхнулся, упомянув «пантерок». От былых соратниц капитана Гастаки затрясло, как трясет вояку от дезертиров, а верную супругу – от развратниц.

– Никчемные шлюшонки! – ревела Зоя. – Увязались за мной, чтобы ловить штаны! Ненавижу... Дуры вертлявые. Ни ума, ни совести, только б лизаться... Я потопила фельпский флагман, я не давала бездельничать гайифским болванам, я бы спасла и флот, и битву, если б не самозванные адмиралы и не эти дуры! Якорь им в глотку, угробить «Пантеру» и вертеть задом перед врагами... Сучки несытые, сожри их зубан! Завидели кобелей, и последние мозги вон...

– Сударыня, – попытался выбраться из лужи один из упомянутых кобелей, – а что вы сделали с другими вашими офицерами? С теми, кто был на одной вилле с вами? Почему они вообразили себя крысами?

– Это не мы! – отреклась Зоя. – Мы с Арнольдом такого не делаем. Не умеем, не знаем,

не хотим! Я ушла за тем, кого всегда ждала, я не оглядывалась... Я не хотела забирать этих, нет, не хотела. Зачем мне они? А они уцепились, не уснули и уцепились... Так бывает: сперва вытечет, потом натечет другое. То, что рядом... Оно не страшное для горячих, оно никакое, просто так вышло. Может, я слишком злилась, и они не уснули, может, они в это время про меня же, за моей спиной... Тогда сами виноваты, мерзавки, но я не хотела. Так вышло, но мне все равно.

– Мне тоже вообще-то, – совершенно честно признал Валме, – хотя, когда женщина *так* кусается, это неприятно. А почему я не уснул и вообще смотрю и не крысею?

– Не уснул, потому что кровь. Не твоя, но для не-сна хватает. Я сперва так думала, но, может, дело уже в тебе. Ты очень не наш, ты ничей. Совсем.

– Этого еще не хватало! Если я совсем ничей, как же я с вами пойду?

– Ты не пойдешь. Он не хочет.

– А кто его спрашивает? Я хочу, и я пойду, главное – пройти. Я не застряну в этой вашей дыре, или где вы там ходите?

– От холода к холоду и еще там, где горячие говорили то, что мы слышим. В этом доме многое сказано. Мы можем входить и звать.

– А забирать?

– Только если ответят и захотят. И еще виновных...

Виновные Марсея не заботили.

– Я отвечу и захочу, – твердо сказал виконт. – Надо сказать что-то определенное или можно импровизировать?

– Чего можно, якорь тебе под хвост?!

– Чтобы пойти с вами, – терпеливо уточнил Валме, – нужно знать особые слова или хватит чего-то вроде «капитан Гастаки, я желаю идти с Рокэ Алвой и обязуюсь не иметь к вам никаких претензий»?

– Ты в самом деле хочешь. – Мертвая дама смотрела в упор, но страшным это не было, то есть страшным по-сказочному. Вот если б Валме требовалось жениться или хотя бы согрешить, тогда это был бы не страх, а целый ужас. – И ты сможешь пройти, но какой же ты горячий!

– Прошу меня простить. Это доставляет вам неудобства?

– Нет, раскуси тебя зубан! Мне это никак, но хотела бы я глянуть на того, кто за тобой придет, а ведь такие быть должны!

– Пожалуй... Хотя я вроде бы лишнего не говорю. И Валмон, это наше имение, пока не провалился... Кстати, вы ничего про Рожу не знаете? Это маска такая. Ей, если Коко не врет, пара тысяч лет. С одной стороны она золотая с черным, с другой – наоборот. Висит на стене в Оллари, а потом падает, и случается какая-то гадость.

– Мы не знаем, что случилось до того, как мы остыли. Две тысячи лет назад Она уже была и могли быть те, кто служит Ей, но эта вещь не от Нее. Ты говоришь, эта маска...

– Грохается, – подсказал Марсель. – Один раз она шмякнулась, когда провалился Надор, в другой уж не знаю, что случилось, но день выдался отвратный. Я чуть не скормил собаке парочку уродов, посмеявших поднять хвост на даму, а Рокэ заболел...

– Он не заболел, он выпил, и ты, и эти... Золото тоже пьет, железо – нет, а золото алчет, потому к нему и ползут. Скоро вернется солнце, а мы еще не в пути. Сходи и поторопи.

– Сударыня, возможно, я вам и надоел, но я наслаждаюсь вашим обществом, а Рокэ скоро придет. Вы не представляете, как сложно что-то втолковать сразу обоим супругам, к тому же оторвав их... Не будем об этом. Хотите, я вам спою?

– Что?!

– Романс. Голос у меня небольшой, но приятный. К сожалению, с гитарой я на «вы», но на простенький аккомпанемент меня хватает. Вы любите романсы?

– Я капитан, а не какая-то финтифлюшка!

– Сударыня, мариьярские капитаны – люди солидные, а как поют... Давайте я спою вам о море. О том, как я его никогда не видел, а хочется.

– Ты же видел, – удивилась Зоя.

– Это не моя песня, – объяснил Марсель и недрогнувшей рукой ухватил собственность Дьегаррона. В конце концов, слух не одной, так другой солидной дамы он сегодня таки усладит. И будь он Барботтой, если Зоя не растает, такие всегда тают, когда не бодаются.

3

– Наше дело – убрать из Золотых земель морисков, – объяснял Ворон. – Все звери уже на плоту, остается проследить, чтобы кушали они друг друга в нужном нам порядке и с удовольствием.

– Ваша уборка морисков, – не удержалась от колкости Матильда, – подозрительно напоминает завоевание Гайифы.

– Дельфин в море, сударыня, тоже подозрительно напоминает акулу. – Ворон заговорщицки понизил голос. – Завоевывать что-то приличное долго, муторно, и еще не всегда удержишь – Балинт Мекчеи тому свидетель. Гайифа же Талигу без надобности. Земли в Варасте и Северном Надоре пока больше чем достаточно. Ждать, когда случится избыток бакранов, опять-таки долго, пусть уж лучше «павлин» живет, хромает и загораживает нас от Зегины.

– Во искупление былых непотребств, – уточнил не прекращающий обниматься Бонифаций, – ибо не разбитыми лбами и нытием утишают гнев Его, но делом. С чего начинаем?

– С праздности, твое преосвященство, и беспечности. – Ворон прикрыл ладонями глаза и сразу же отнял, словно обжегся. – Адуанов, кто побдительней, разгонишь хоть в поиск, хоть на охоту, Коннер скоро выдр своих привезет, порыбачьте... Словом, предавайтесь семейным радостям и не глядите по сторонам – пары недель Баате для предательства должно хватить.

– Зачем Баате предавать? – не поняла алатка. – Молодчик не дурней моего братца, сообразит, что положение у Гайифы самое незавидное, а мстить за отца лисята не станут.

– Воистину, – весело согласился Ворон. – Баата не козел и не пес, он – не пожелавший сесть лис. Такому сподручней петлять и юлить, думая, что он делает это сам по себе и для себя. Казару нужно сожрать Хаммаила, не потеряв ни нас, ни бакранов, ни бириссцев. Нам надо, чтобы мориски убрались из Золотых земель, не имея претензий к Талигу. Вольным шатам надо грабить. Агирнэ не желает пускать Зегину в Золотые земли и ждет, что это сделаю я. Садр спит и видит, как Зегина и Агирнэ вцепляются друг другу в глотки. Зегина мечтает держать Померанцевое море за восточное горло. При этом все багряноземельцы хотят, чтобы «скверная империя Гайифы» исчезла, так почему бы ей не исчезнуть? Нет Гайифы – нет повода находиться в оскверненных землях, а мориски в таковом пока еще нуждаются.

– Вот ведь ханжи! – буркнула принцесса. – Ну и чем изничтожение отличается от завоевания? Пленных брать не станете? Развалите все и уйдете? Так ведь отстроятся...

– Вы судите по себе, сударыня, и по Алати. Для вас Алат – это люди, замки и немного горы, но что для вас Агария? Прежде всего имя, которое вы терпеть не можете. Кровь делает имя, но, похоже, имя в свою очередь делает кровь. Кабитэла стала Олларией не по прихоти Франциска.

– Только сперва он ее взял... Как ни поверни, Гайифу либо морискам глотать, либо вам.

– Некоторые твари, говорят, глотают себя сами. – Алва подмигнул воссиявшему аспиду. – У Гайифы должно получиться. С помощью Создателя, разумеется.

– Ибо дело благое. – Супруг, на что-то намекая, сжал Матильде пальцы и спросил: – Уж не с того ль ты велел мне не торопиться в Хандаву сию, что вознамерился скормить Гайифу Гайифе же?

– С того. Ваше высочество, да будет вам известно, что Лисенок, пользуясь отсутствием

его преосвященства, запустил лапу в кипарский архив. Исчезли два черновика и письмо. Губернатор Кипары умолял Военную коллегию вернуть из Кагеты маршала Капраса и получил отказ – стратеги предпочли бросить набранный в Кипаре корпус против морисков. Без Капраса, поскольку тот ненадежен, безграмотен и нерешителен. Маршалу же по возвращении в любезное отечество будет предписано, набрав новый корпус, принять на себя оборону Кипары, Пеньи и Левкры от дикарей, поелику стоявшие там ранее войска отзываются к Паоне.

– Губернатор, надо полагать, был в восторге...

– ...и прежде чем любезно познакомиться младшему Шеманталю, поделился восторгом с губернаторами Левкры и Пеньи, предложив собратьям по несчастью отложиться от Паоны и через посредничество герцога Алатского заключить мир с Талигом.

– Будет тянуть! – Вот она, дипломатия, начинается. – Я про Альберта... Если не прижать, конечно... Мне писать или сразу ехать?

– Ни то ни другое. Все сделает Лисенок, губернаторская затея не может его не увлечь, но наш казар пойдет дальше. Алат неблизко, Альберт слишком осмотрителен, а унять бакранов можно и другим путем. Пусть отложившиеся провинции признают казара Баату единственным и полноправным правителем Кагеты, и оный Баата помирят их и с Талигом, и с Бакрией.

– Постой, сын мой, – поднял палец Бонифаций, – не так оно просто! Губернатор кипарский пленен, что мыслят иные – неведомо, да и чем они Паоне отлуп дадут? Грушаками?

– Капрасом. Не зря же Лисенок утащил бумаги, а Марсель препоручил казару очень приятного пленника. Солдаты Капраса очень скоро узнают о наших бесчинствах в их родной Кипаре. Чтобы они не разбежались, маршалу придется либо спешно и самочинно вести корпус домой, став тем самым вне закона, либо вешать дезертиров, рискуя получить пулю в спину. Выбор непростой, но письмо Военной коллегии его изрядно облегчит. Капрас обидится, и тут возникнет уже сам Баата...

– Я вам, любезный Капрас, немножко помогу, – восхищенно подхватила Матильда, – вы будете мне немножко обязаны, но зачем об этом сейчас? Вы человек порядочный, сочтемся. Талиг ничего не заподозрит, а если и заподозрит, ничего страшного, ну а Хаммаил... Судьба у него такая, раньше ли, позже ли...

– Раньше. – Алва опять закрыл ладонями глаза. – Со мной Капрас говорить не станет – не поймут, да он и сам бы себя не понял, то ли дело – Лисенок! Будем надеяться, казар объяснит нашему вояке, что новый Кипарский союз мориски предоставят Талигу, Талиг – Бакрии, а Бакрия – Баате. Маршал должен рискнуть, ведь если не рискнет он, найдутся другие, на это Лисенок тоже намекнет. Для вас с Дьегарроном фортель Капраса, само собой, станет полной неожиданностью, но слово есть слово, а имя есть имя... Агирнэ объявит скверну изжитой и упрется, мориски останятся, а Хорхе повернет. Когда об этом узнают другие губернаторы, а заодно и Йерна с Клавией, Паона облетит как одуванчик. Само собой, ее сожгут, но, если Зегина не заподозрит подвоха, этим дело и кончится.

– Воинство Дьегаррона уже двинется на Левкру, – подал голос епископ, – когда дойдет до нас, что оплот ереси и блуда рухнул под тяжестью собственных грехов.

– Блуд блудом, – отдала должное хотя бы одному гайицу Матильда, – но губернатор в Кипаре толковый и не трус. Попер против Паоны, что твой Балинт против Криона!

– Замысел еще не есть деяние, – согласно кивнул муженек, – но губернатор сей неглуп и дивно смел. Навестить бы его, может, и не потребен нам маршал будет, а только корпус его?

– Потребен, отче. – На губах Алвы мелькнула улыбка. – Ибо не важно, кто пишет, важно, кто и когда читает. В нашем случае – Капрас.

– Не важно, кто пишет? – едва не поперхнулась восторженной злостью принцесса. – Не важно?! Может, Баата и лисенок, а вы кто?

– Понятия не имею, но мне пора. Заставлять дам ждать сверх необходимого – дурной

тон. Прощай, твое преосвященство, люби жену и упусти Лисенка – пусть начинается. Ваше высочество, примите мои...

4

– *Я тебя потерял в лабиринте зеркал*¹², – пожаловался Марсель, и Зоя, оттолкнув мешающую шляпу, подперла щеку кулаком, —

*В хороводе теней и мгновений,
И не губы любимые я целовал,
А холодную дрожь отражений.*

Петь романсы капитану Гастаки было сплошным удовольствием. Мертвая дама была невзыскательна, сентиментальна и при этом по понятным причинам не вздыхала и не сопела, а ведь некоторые под чужую песню зевают, болтают, стучат стаканами... Одно слово – «горячие», никакого тебе такта и сочувствия!

*Только звезды мерцают стеклянной пылью,
А не искры любимого взгляда,
Шепчет ветер давно облетевшей листвой,
А ласкает – ночная прохлада.*

Романс был стареньким, но ничего жалостнее Марсель сочинить до сих пор не удосужился, да и на это его подвигла Дженнифер Рокслей. Ежедневные неотвязные прелести превращают женскую недоступность в величие и мечту, вот и пишешь, как тебя отвергают...

*Отражение губ твоих молвило «прочь»,
Обрекая на путь без возврата...
...Поцелуй меня, день, полюби меня, ночь,
Обними меня, пламя заката!*

– «Полюби меня, ночь!» – молвили губы капитана Гастаки. – Арнольд явился ночью, когда я тоже была в отчаянии. Тебе отказала смазливая дура, я потеряла корабль, а мои спутницы, соратницы...

– Мы же решили о них не говорить, – напомнил «пребывающий в отчаянии» Марсель. Вот так, не вдумываясь, потетишь меланхолию – и сотворишь нечто остывшее. Сколько ж выходцого сотворится и поется, и как только у поэтов заживо тени не отваливаются?

– Ты еще будешь счастлив, – посулила Зоя, – а эта... Она пожалеет! Я ее навещу...

– Не нужно! – Валме торопливо ударил по струнам. – Я покончил с любовью и посвятил себя войне и мужской дружбе.

*Конь тревоги летит меж цветущих деревьев,
И звенит впереди незнакомый напев —
Не забыть, не избыть, не прервать этот путь,
И с него не сойти, и назад не свернуть...*

Допеть не вышло – все испортил Алва.

– Прошу простить мою задержку, капитан Гастаки, – извинился он. – Надеюсь, мой друг вас развлек?

¹² Перевод с талиг Э. Раткевич.

– Ты мог бы еще поболтать, – буркнул развлекатель. – Капитану Гастаки нравится, как я пою.

– Он почти меня обманул, – вмешалась Зоя. – Казался таким беззаботным, таким спокойным... Я – я! – ничего не заподозрила, хотя мы издали чуем, когда выстывает сердце. Отвергнуть такую любовь... Якорь ей в душу, кем надо быть?!

– Уже неважно, – вывернулся Марсель, зная не знавший, кого сейчас ловит Дженнифер. – Этот романс, капитан Гастаки, отныне принадлежит вам и вашему супругу. Если нужно, я могу его записать и потом сжечь.

– То, что горит, нам не достается. Только то, что стынет...

– Тогда я закопаю его в астрах. Бакра златорогий, сегодня в этой Хандаве хоть кто-нибудь спит?! Ваше высочество... Вы?

Алатка не ответила. Она была растрепана и в одном лишь нижнем платье, но это супругу Бонифация только молодило. На посторонившегося выходца высокочтимая дама даже не глянула, на Марселя тоже. Подступив вплотную к Алве, женщина прошипела:

– Вы не простились с Этери...

5

Ворон удивленно приподнял бровь. Никакой нечисти в его комнатах не было, если не считать Валме, но оглядываться на эту скотину Матильда не собиралась.

– Вы не простились с Этери! Вы остаетесь?

– Нет. И нет.

Говорить о кагетке Алва не собирался, только эти... паршивые адрианы с их тупостью сидели у Матильды в печенках! Они знают, как надо, они знают, как и кому лучше, они видят все и лучше всех. Тапоны самодовольные! Женщина торопливо разжала кулак, выпуская обезумевшую от потери неба звезду.

– Отдайте ей и уберите к своему выходцу!

– Ваше высочество, когда я дарю женщине камни, я их выбираю сам. Эта ройя ваша, и она вам нравится.

– Моя?! Как же! Альдо ее спер где-то в Олларии...

Ворон быстро глянул на свою правую руку и непонятно чему усмехнулся:

– Эту ройю подарил Катарине Ариго я. Камень перешел к вам – отлично, пусть у вас и остается. Катарине он больше не нужен, мне – тем паче.

– Ну уж нет! – Внучек запустил лапу в шкатулку королевы и одарил бабу, вот ведь стыдоба... – Кардинальши краденое не носят, а девчонке в память о... сегодняшнем – в самый раз.

– Не буду спорить. Дочери Адгемара *эта* ройя пойдет во всех смыслах. Если вам неприятно держать ее при себе – подарите, а теперь прошу меня простить. Виконт вас проводит.

– Увы, не смогу. – Валме бережно положил на стол гитару и поднял с кресла адуанский мешок. – Это поручение не особое, следовательно, исполнять его я не обязан.

– Шутки кончились. – Алва голоса не повышал, но Матильда отчего-то отшагнула к порогу. – Забирай женщину и...

– Я не муж ей, – огрызнулся поганец, – а с выходцами мне можно – я узнавал... У меня Франческа замуж выходит, и вообще... моих чувств не оценили. Имею право!

– Это не его дорога, – вдруг глухо сказал пустой угол, – но он пройдет и не остынет. От нас – нет, только от вас или когда придет срок...

– Когда придет срок, – выбрал Валме. – Я не студень, чтоб меня кто-то остужал. Когда мы уходим?

– Сейчас. Капитан Гастаки, – окликнул пустоту Алва, – еще минуту. Ваше высочество, я понимаю, это невежливо, но вы ведь найдете дорогу?

– Я останусь до конца, – внезапно решила Матильда. – Я хочу видеть...

– Смотрите. – Ворон подошел к столу и тронул гитарный гриф. – Рассвет уже скоро, он обещает быть красивым, не пропустите... И проследите, чтобы гитару вернули Дьегаррону, я за нее беспокоюсь.

– Хорошо. – Теперь улыбалась Матильда. Сжав кулаки, но улыбалась же! – Завтра я подарю ройю Этери. От вас...

– Не завтра, когда... Если удостоверитесь, что Леворукий меня все-таки получил, и постарайтесь, чтобы не было слез. Ни ее, ни тем более ваших...

– Рокэ!

– Вообще-то я намерен вернуться! Капитан Гастаки, позвольте вашу руку.

...Матильда увидела ее сразу, будто кто-то сдернул простынку со статуи, – огромную, крупней самой Матильды, бледную бабищу в мужском платье и сапогах без шпор. И все. Ничего страшного, только странно от того, что на четверых только три тени. Принцесса зевнула и поняла, что ей все равно, простился Алва с Этери или нет. Пусть сами решают, кто кому нужен и нужен ли, а ее дело сторона. И к Альберту она не поедет, хотя к Альберту вроде и не нужно... Женщина не стесняясь зевнула снова и посторонилась, пропуская уходящих.

Может, выходец и уводил Алву, но казалось, это Рокэ галантно провожает жуткую даму к двери. Бред усугублял двинувшийся следом Валме в парадном мундире, но с адуанским заплечным мешком. Три фигуры, две тени, одна дорога. Вышли. И никто не заорал, хотя в коридоре и на лестницах торчали адуаны, Матильда видела их, когда, исходя злостью, мчалась к Алве... Один вояка клевал носом у самых дверей и даже не обернулся. Тогда принцесса не задумалась почему.

Звук шагов затихал, стало холодно, как часто бывает перед рассветом. Матильда зачем-то потянула со стола гитару, задела струну, очнулась, вылетела в коридор, чтобы увидеть троих, сворачивающих к садовой лестнице. Они не торопились, и Матильда почти их догнала, едва не сбив с ног преспокойно играющих в кости адуанов. Эти не спали. И не видели.

Снова мелькнуло черно-белое. Мундир Валме... Все-таки они уходили быстро, потому что сердце алатки колотилось, а спина взмокла. Ну и зачем? Зачем гнаться за покойницей и двумя чужаками не из добрых и не из нужных? И все равно Матильда бежала, пока галерея не ткнулась в расписную стену. Кагеты любят рисовать сады и птиц. Кагеты делают это отвратительно...

Выходец уперся ручищей в похожее на бесхвостую рыбу дерево, и оно сморщилось и закачалось, отчего у Матильды закружилась голова. Пошатнувшись, женщина ударилась плечом о стену. Другую, и все равно по телу змеей проползла судорога, напоследок впившись в виски острыми игольчатыми клычками. Темень стала прозрачной, но рассветом это не было, как и сном. Голова раскалывалась, и Матильда не заметила, как откуда-то выскочило четверо или пятеро безликих людей. Они окружили кого-то в богатых одеждах, блеснула сталь, и тут мимо принцессы прошел кто-то в багряном. Увидел, что убивают. Встал в стороне, стал ждать.

Дерево-рыба покрылось трещинами, будто чешуей, и осыпалось, показалась штукатурка, мутно-серая, как туман. Матильда отвлеклась не больше чем на мгновение, но убийцы успели швырнуть жертву на колени. Мелькнула удавка, созерцатель в багряном медленно повернул белую голову, умирающий дернулся и пошел той же чешуей, что и дерево. Теперь со стены осыпался уже он, вместе с душителями и седой, так и не обретшей лица фигурой. Фреска исчезала, оставались пятна, темные и светлые, они двигались, дрожали, расплывались, вызывая тошноту. Женщина зажмурилась и поняла, что смотрела не туда. Ее заворожило рыбье дерево, и она почти забыла... Ведь она шла, чтобы сказать... Что? Кому? Зазвенело. Рядом, возле самых ног. Алатка опустилась на корточки, не глядя чего-то коснулась, и оно ответило струнным всхлипом.

Матильда торопливо прижала струны к горячей древесине, успокаивая, будто лошадей. Вспомнила! И опоздала. Ворона и Валме уже не было, только на ставшей пустой стене таяла

грубо намалеванная кляча, на которой сидели двое. Ни пестрых деревьев, ни убийств, только исчезающие бесформенные пятна и алая ройя. Живой кровавый мазок среди бесцветной мути... Разбитая в кровь рука!

– ...вца заблудшая! Вот ведь неразумная!

«...вот ведь неразумная...» «вот ведь... фокэа!» *«Слышите, фокэа? Они идут. Я уйду – они станут видеть; вы скажете – они запомнят. Только не ждите, не слушайте, не отвечайте, пока не скажете все...»*

– Маршал Алва! – заорала Матильда. – Рокэ! Зверю цена жизнь, а смерть – цена зову... И еще... Нельзя расплескать колодцы!!! Слышишь?!!

Алое пятнышко не отвечало и не бледнело, а к нему подбирался седоголовый багряный столб. Чтобы заслонить, высушить, выпить...

– Колодцы, – просила алатка, – нельзя... Колодцы...

Багряное затянуло алое и стало серым. Никаким. Пустым. Все ушли, и всё ушло.

– Что такое, овца ты заблудшая? Какие колодцы?

– Это все из-за тебя! – Кулаки с ненавистью замолотили по здоровенной черной туше. – Если б ты меня не уволок... жениться... я бы помнила! Помнила и сказала... Вовремя!..

– Всеу свое время! Время помнить и время забывать... Время спать и время бодрствовать. Испей.

– Хряк ты эдакий!

– Пей, чудо ты мое непотребное...

Матильда хлебнула. Это была тюрегвизе! Перец с порохом и память, вот только их сейчас и не хватало... Из глаз хлынули слезы. Сами и много. Сперва слезы, за ними – слова. Великолепную Матильду куда-то вели, волокли, тащили, а она говорила и говорила – ругалась, вспоминала, жаловалась, объясняла, богохульствовала... Отец, Ферек, Анэсти, Адриан, Эрнани с Идой, шад, Робер, Альдо, Удо, Лаци, Левий, даже Бочка с Мупой, даже кладбищенский лев – все они возвращались, чтобы уйти, кто в свою смерть, кто – в свою жизнь... Из ее – в свою! Злоба, обиды, потери осыпались, как рыбе дерево: были гадкие рисунки – стали пятна. Были пятна – стали цветы. Розы и колокольчики вновь взлетали к потолку и вновь ложились к ногам сине-красной, пахнущей летом надеждой. Сквозняк растрепал догорающие свечи, гитарной струной тенькнула, просыпаясь, птица... А потом ее высочество обнаружила, что лежит в собственной спальне, уткнувшись лицом в подушки, и на ней ничего нет, а вот в ней, наоборот, кто-то есть. И пропади оно пропадом, это одиночество!

– Тучные пажити вопиют о добром пахаре. – Бонифаций погладил щеку супруги, встал и распахнул окно. Матильда тоже вылезла из постели и не пожалела. Рассвет был красив, и она... они его не пропустили! Женщина всхлипнула и деловито поцеловала его преосвященство в породистый нос. Супруга духовного лица, твою кавалерию!

Глава 6

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг. Талиг. Надоры 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Утро пришло гораздо раньше, чем хотелось, вернее, оно еще не пришло, а вставать уже пришлось. Большая часть армии спала – накануне сражения солдатам давали отдохнуть подольше, но господа генералы подобной поблажки не имели. Конечно, будь Жермон тонкой натурой, он бы в ночь перед битвой не сомкнул глаз и написал бы какой-нибудь рондель, но генерал уродился человеком грубым и толком продрал глаза лишь над миской с кашей. Рядом зевал столь же неутонченный Арно. Жермон в последний раз потянулся и спросил:

– Не выспался?

– Угу, – признался тенъент, потом мотнул льяными вихрами и добавил: – Мой генерал.

– И я «угу»...

До «Маршалского», как уже стали называть курган, откуда вчера следили за подходом Бруно, скакали галопом. Чтобы окончательно прийти в себя.

Солнце только начинало подниматься за спиной у просыпающейся армии, постепенно высветляя противоположный край поля. Фок Варзов еще не появлялся, дриков было не разглядеть, и Ариго, кивнув свитским, сосредоточился на своей стороне, благо лучшего места для наблюдения нельзя было и желать. Самый высокий из всей с севера на юг пересекавшей Мельников луг гряды, Маршалский предоставлял устроившимся на его макушке отличный обзор, чем Жермон и воспользовался.

Первое, что бросилось в глаза: Вейзель за ночь успел сделать больше, чем можно было надеяться. Три хорошо укрепленные батареи уютно устроились на обращенных к противнику склонах курганов: большая – на Маршалском, чуть в стороне от ставки командующего, две поменьше – на флангах, у Маллэ и на доставшемся Ариго придорожном несчастье с полностью лишенной растительности вершиной. С новым украшением Лысый уже не казался столь уязвимым: пушки за спиной успокаивают, даже если сами являются для противника желанным призом.

– Ну и как? – похвастался Вейзелем подошедший Давенпорт. – Ничего наш бергер нагородил?

– Я не столь сведущ, чтобы в полной мере оценить, но выглядит все очень серьезно.

– Так ведь Вейзель! – явно делано хохотнул Энтони. – Дальность стрельбы этих тяжеловесов, если я не забыл еще цифр, позволяет перекрестным огнем обстреливать вражеский центр, а при необходимости и поддержать свои фланги... Ариго, может, мне не ждать маршала? Вряд ли он изменит диспозицию, а время упустить можно!

– Да, – согласился Жермон. – Я бы двинулся...

И послал бы к Вольфгангу... Или нет? Энтони в любом случае не связан ни дружбой, ни разговорами о преемнике. Он просто командует центром и имеет право знать, все ли в порядке с начальством. Он имеет право, а генерал Ариго обязан, ведь, случись что со стариком, вести начавшееся по сути сражение ему. И не с правого фланга.

Давенпорт распоряжался, Жермон заставлял себя стоять спокойно. Полки потихоньку выползали из проходов между курганами, разворачиваясь в боевые линии у их подошв и на склонах. Все свои силы выводить вперед было незачем, и чуть ли не треть войск центра Вольфганг решил оставить позади курганов. Ночью решил, и Жермон с этим согласился, он и сейчас так считал, а фок Варзов все не появлялся. Страшным это еще не было, все знали свое место, и все делали свое дело, разве что командующему правым крылом уже пора было объявиться на Лысом, а он застрял в ставке. Ничего, Карсфорн и Берк с Анселом пока без начальства обойдутся, а Шарли тем более. Жаль, им с кавалеристом так и не удалось присмотреться друг к другу в Эпинэ, начинать взаимодействие в генеральном сражении, конечно, лихо, но неправильно.

– Мой генерал, доброе утро!

– Доброе утро!

– Доброе утро, Ариго. А денек-то обещает быть славным...

Доброе утро... Доброе...

Где-то там, позади, готовятся к бою бергеры. Невозмутимый Ойген раздает приказы невозмутимым же полковникам, вещает и тычет пальцем в сторону «паршифых фаритоф» Ульрих-Бертольд, торжественно обнимаются и разъезжаются по своим полкам остальные Катершванцы. Бергерам ждать дольше других, они – последний резерв на случай прорыва, а прорыв при таком перевесе где-нибудь да будет.

– Мой генерал, Маллэ начал выдвижение и просит подтвердить диспозицию.

– Подтвердите.

– Но, маршал...

– Подтвердите. – Две ловушки подряд неплохо отучают от самостоятельности, и все же, бросаясь на помощь марагам, Поль-Жозеф был прав. Лучше потерять корпус, чем веру в то, что тебя не оставят, надо только продержаться...

– Пошлите к Маллэ. Поддерживать постоянную связь с Райнштайнером.

Так им будет спокойней. Обоим. Бергеры будут меньше думать о заварухе на правом крыле, где их нет, а Маллэ – чувствовать за спиной силу.

– Мой генерал, Маллэ выходит на указанные позиции.

– Хорошо.

Вокруг левого, Болотного, кургана выстраиваются полки, а дальше, сразу за ними, начинается эта проклятая низина... Хотя почему «проклятая»? Пусть вчера поганая грязь сковала сперва марагонцев, а потом и Варзова, сегодня Маллэ может не бояться, что его обойдут. А вот кому бояться надо, так это самому генералу Ариго!

Открытое пространство между Лысым курганом с дорогой и тянувшимся на десяток хорн к северу густым, мрачным лесом, который мараги почему-то обозвали «Светлой рощей», – отнюдь не тот ландшафт, о котором мечтают обороняющиеся. Слегка утешает, что пробираться «светлой» чащобой в обход можно целый день, да и обойдя, топтать по открытому полю не меньше хорны... Именно это пришлось объяснять вчера юным стратегам в ответ на «а почему бы нам... как маршалу Алва в Надоре...». Жермон ничего не имел бы против, если б подобную глупость совершили дриксы. Как раз к закату и поспели бы, только от Бруно таких подарков не дождешься, тем более тащиться через лес не обязательно, для конницы места хватит.

В том, чтобы вытащить трубу и оглядеть свой собственный фланг, ничего зазорного не было, и Жермон, отгоняя тревогу, внимательно, очень внимательно смотрел, как за Лысым скапливается основная масса талигойской кавалерии. Десять тысяч... У Бруно – немногим больше, но Талиг славен конницей со времен Шарля Эпинэ! Нет, на поле перед Светлой рощей дриksam победы не видать.

Тяжелое дыхание за спиной было лучшим, что Жермон слышал в своей жизни.

– Молодец, что дождался. – Припозднившийся фок Варзов, наверстывая упущенное, явно взял курган штурмом, чего лучше было не делать.

– Время еще есть, – почти не покривил душой Ариго, – отсюда до места и шагом-то четверть часа.

– Можешь не торопиться. В отличие от Энтони... Не будем никого пугать, но ночью меня крепко скрутило. Сейчас вроде ничего. Лизоб говорит, дело не в сердце, а, погоди-ка... в «душевном напряжении и дурных эмоциях». Вот так-то! Лекарь он дельный и вроде не врет, но лучше тебе быть со мной. Если что, потянешь и центр, и... вообще все. Понял?

– Да.

– Пошли за Давенпортом. Знаешь, где он?

– Сейчас, наверное, у Вейзеля. Мы решили... действовать согласно диспозиции, не дожидаясь...

– И молодцы! А вот и наши голубчики. Появились.

Действительно, в свете уже приподнявшегося над горизонтом солнца на дальнем конце Мельникова луга, за Ворслунне, зашевелились пока еще расплывчатые темные пятна – армия Бруно выходила на исходные позиции. Только выходила, а ведь надо еще построиться, пройти весь луг, подтащить и установить пушки. Часа два до начала сражения точно есть. До Лысого раз двадцать доберешься.

– За Давенпортом послано?

– Да.

Бруно пока что вел себя так, как от него ожидалось, – медленно, без суеты и спешки, под прикрытием кавалерийской завесы разворачивал свои полки. Картинно разворачивал, Пфейтфайер был бы удовлетворен. Зрелища с лихвой хватило до появления Давенпорта. Энтони почти бежал, умудряясь при этом выглядеть спокойным и чуть ли не счастливым. Значит, тоже думал, что станет делать, если старик не появится...

– Мой маршал... Разрешите доложить. На вверенных мне позициях все в порядке. Войска выдвигаются согласно диспозиции.

– Вижу. – Вольфганг уже отдышался и выглядел почти как всегда. – Энтони, я меняю Ариго на вас. Отправляйтесь на правый фланг и держитесь, хоть бы на вас навалилась вся кесарская гвардия. Поняли?

– Да, мой маршал. – Ни вопросов, ни удивления. Выслушал приказ, собрал своих адъютантов и пошел к лошадям.

– Пойди проводи. Хочешь, объясни, в чем дело, не хочешь – как хочешь.

– Я скажу.

Объяснения Давенпорт выслушал так же, как пятью минутами раньше приказ, даже, пожалуй, спокойнее.

– Вы как будто все знали заранее.

– Вы бы тоже догадались, окажись на моем месте. Я имею в виду задний склон... Я видел, как маршал поднимается на курган. Он шел очень медленно, и он слишком задержался, чтобы быть в порядке, а вы у нас сейчас лучший... Если что, меня заменит Берк.

– А меня – Райнштайнер.

– Ожидаемо. Но пусть этого не случится.

– Пусть. Надеюсь, с Карсфорном у вас сложится удачно, Гэвин – начальник штаба, каких поискать.

– Догадываюсь. Мы сталкивались в девяносто пятом... Нет, в девяносто четвертом. Карсфорн уже тогда предпочитал седлу карту. Мой Дарави попроще, но рассчитывать на него можете смело. Он тоже видел, как поднимался маршал...

– Понятно. Вы так и не встретились с Чарльзом?

– Перед боем? Дурная примета.

– Простите, забыл.

– С чего вам помнить, у вас нет сыновей. Удачи!

Небольшая кавалькада кентером уходила вправо. Давенпорт справится, в обороне он ничем не хуже Ариго, как и Шарли ничем не хуже в нападении. Вот только Энтони слишком пехотинец, а Шарли – слишком кавалерист... Смогут ли они оба удержать в голове сразу и артиллерию, и пехоту, и конницу? А, что теперь гадать. Все предчувствия и гадания кончились с подходом Бруно, теперь только драться.

2

– До встречи, сударыня! Благодарю вас.

Если капитану Гастаки кто-то и целовал при жизни руку, она об этом явно забыла. Подобного потрясения Валме наблюдать еще не доводилось; виконт не мог его не усугубить и тоже приложился. Ничего особенного, будто папенькин любимый сыр из молока буйволицы чмокнул. Теперь мертвый капитан, не отрывая взгляда от поцелованной лапы, медленно влипала в стену из булыжников, у которой какой-то болван то ли удавился, то ли не тем поклонился. Подглядывать за женщинами в интимные мгновенья бестактно, и виконт повернулся к Алве.

– Только не вспоминай больше про Алвасете, – попросил он, – по крайней мере вслух. Вечно, как вспомнишь, приходится все бросать и куда-то мчаться...

– Я вспоминал Алвасете? – удивился Рокэ. – Когда?

– Когда мы подъезжали к Хандаве и обсуждали казарскую ленточную штуковину. Ты еще сказал, что она похожа на морскую гидру, а гидры водятся в Алвасетской бухте. Я все помню!

– Это-то меня и удивляет... Нам на север.

– А где он? – завертел головой Валме. – Если судить по мху, север тут со всех сторон... Ты, часом, не знаешь, где мы и что это за руины?

– Похоже, одна из сторожевых башен. До Франциска они по всему северу торчали.

– Вот я и говорю, – оживился виконт, – тут, куда ни сунешься, сплошной север. И ямы. Вон какой овражина...

– Нам в другую сторону. – Алва, запрокинув голову, любовался руинами. Без Зои они выглядели заметно лучше. – Времена Манлия или чуть позже... У выходцев сложно с названиями, но больше всего это похоже на ноймарские предгорья или южные Надоры.

– Надоры, – без всякого удовольствия выбрал Валме. – Рожа из-за них грохнулась, выходцы шляются, птиц не слышно. Ну и скверное же место! О, солнышко...

Когда солнце принимается играть с росой, отступает любая мерзость. Утро создано или для дороги, или для сна, но уж точно не для страхов. Овраги никуда не делись, но, лишившись тумана, они стали приятнее. Птицы, правда, так и не запели, зато принялся насвистывать Рокэ. Песенка была веселой и незатейливой, но Марселю отчего-то слышалось вчерашнее:

Вечно...

Чтоб струна звенела вечно...

Это раздражало, а по спине бегали мурашки, будто перед абордажем и прочими штурмами. Не радовали и ямы с трещинами, которых было немало и все какие-то неприятные.

– Мэгнусу такой север не понравился бы, – решил за отсутствующего козла виконт. – Сагранна лучше, особенно теперь. Лисенок получил свою войну, Бонифаций – жену, Бакна – козлерию, я – отъезд Шелиаха, а без него удода и те повеселели. Все шло так хорошо, даже ты слегка влюбился. Интересно, как в Бакрии называют обманутых мужей? Вряд ли рогоносцами...

– Спросишь при случае.

– Мне Барха нравится, – не стал кривить душой Валме. – С другой стороны, откуда нам знать, вдруг супружеский долг ему отвратителен? Коннер говорил, Адгемар предлагал дочь тебе...

– Он предлагал ее половине Золотых земель... Этери не прогадала. Она будет королевой Бакрии. Великой. – Из кустов высунулась очередная трещина, Рокэ ее перемахнул даже не глядя, пришлось прыгать следом. – Ты тут? Я имел в виду Бакрию, хотя королева тоже может оказаться великой.

– А оно ей надо? Я имел в виду величие.

– Надо. Она дочь Адгемара.

– Франческа – Гампана, а ей оказалось не надо.

– Временно.

– Тогда Эмиль будет выглядеть Лионелем и в Савиньяках все окончательно запутаются. Не подумай только, что я ревную. Напиши я Франческе все, что собирался, в самом деле вышло бы обидно, а так... Мое чувство прекрасного не оскорблено. Блондин и брюнетка – не менее красиво, чем брюнет и блондинка, хотя немного жаль, конечно.

– Воспользуйся случаем и сочини романс, хотя для тебя все устроилось наилучшим образом. Не писать писем чужой жене гораздо удобней, чем не писать вдове, а писать – тем более.

– Ты что-то имеешь против вдов?

– Ровным счетом ничего, но вдова может захотеть не только писем, что убьет изрядную долю очарования, так что продолжай не писать. Франческа – это, как ты выражаешься, красиво. Ты еще не думал, на ком женишься?

– Думал, только без имен. Раз я больше не проклят, жениться мне нужно, но не сейчас же!

– Сейчас это было бы затруднительно. Оно, конечно, не к спеху, но Талигу нужен Ургот, и я вижу только двух пригодных мужей – тебя и Литенкетте. Придд для Елены молод, остальным сразу с женой и тестем не совладать.

– Себя и Савиньяка, который Лионель, ты придержишься?

– У меня, если ты забыл, проклятие, а Ли нужна фарфоровая статуэтка. Желательно с секретом.

– Золото или старая гальтарская бронза не годятся?

– Нет. Семейная радость Ли – это день за днем не давать разбить свою редкость. То, что можно ронять на пол и без ущерба закопать лет на тысячу, его не привлечет.

– Ну и зря, – фыркнул Марсель. Возможность без ущерба куда-нибудь урониться или закопаться влекла виконта со страшной силой, вздыбившийся склон с гадкой осыпью, так и норовившей сползти вместе с путниками в овраг, – нет, но Алва шагнул напролом, а Валме сопровождал, рискуя переломать ноги. – За пару часов добраться из Бакрии до Надоров и тащиться по ним пешком – извращение.

– Несомненно.

– Носиться со своим проклятием тоже, – еще разок попытал счастья в сводничестве Марсель. – Ты боишься навредить даме и уходишь, а другие приходят и вредят ей же без всяких проклятий. Вроде Окделла или покойного Килеана... Да, я тебе говорил, что Лионель отлично ладил с Марианной? Сейчас она станет говорить иначе, ибо Эпинэ оглушает, но можешь поверить – Савиньяк баронессу устраивал, а уж как устроил бы ты!

– Да пребудет с ней Эпинэ, а Лионеля я бы в жертву предпочел не приносить. Если не будет другого выхода, Елену он как-нибудь вытерпит, но зачем принуждать себя к тому, что другой сделает с удовольствием?

– Угу. Наделять других своими добродетелями пристойней, чем искать в них свои же пороки. Это не я сказал, не подумай...

– Само собой, не ты. Валмоны видят в ближних не добродетели и пороки, а то, что может пригодиться, и то, что мешает.

– Тебя послушать, какой-то Мэгнус выходит – что не съест, то забодает.

– Скорей капюшонная змея. Со сторонним дураком, не в том месте и не в то время оказавшимся, связываться не станет, разве что капюшон распустит. Но вот если рядом кладка, извините...

– Я предпочитаю уют и покой, – буркнул Марсель. – Окончательно я в этом уверился на бастионе... Или на козле. Не помню уже, но точно не на ызарге... Уют превыше всего, хотя от него бывают пузо и подагра, только какой уют без цветочниц и приличных физиономий?

– Да уж, – согласился Ворон. – Не вломись к виконту Валме обнаглевшее мироздание, кто бы об оном виконте хоть слово дурное сказал?

– Папенька. Пусть уж лучше будет мироздание, от него по крайней мере отделаться можно... Не хочешь позавтракать, а то я мяса прихватил? Конечно, один день можно попоститься, но сам же говоришь, приносить себя в жертву глупо.

– Тащить на себе гнилье глупее.

– Ну да, я слышал, что выходцы все портят, но, пока мы с Зоей болтали, вокруг ничего не сгнило и сам я не уснул. А если не уснул я, почему должно протухнуть мясо? Ты можешь бежать помедленнее? Мне надо сумку открыть...

Завтракать сели на поваленном еще зимой дереве. Завернутая в лепешки козлятина выглядела и пахла прекрасно, что и требовалось доказать. Если б еще эта струна, то есть песня, в башке не звенела!

Вечно...

3

– Против центра и правого крыла, что вполне ожидаемо... А резервы придерживает... – бормотал не отрывавший от глаза окуляр фок Варзов, обращаясь сразу ко всем и ни к кому, – как же было бы проще, введи он в бой все силы разом.

Резервы Бруно... Жермона они тоже беспокоили. Сейчас на занятые талигойцами

курганы надвигались силы, хоть и превосходящие обороняющихся, но не так чтобы слишком. Сорок – сорок пять тысяч, включая кавалерию, на этом сходились все напряженно разглядывавшие врага офицеры. Значит, не менее трети дриксенской армии скрывается где-то за рощами на западном краю поля.

Марширующие к курганам две трети тоже впечатляли. Уже построившиеся, как положено, в две линии, они шли, стараясь держать общее равнение. Стройную и в чем-то даже красивую картину нарушала лишь конница. Все же Бруно осторожен до сумасшествия! Ночь напролет его кавалеристы не слезали с седел, патрулируя окрестности и беспокоя «фульгатов», а сейчас чуть ли не все подчиненные молодого Хелленштерна маячат перед талигойскими аванпостами, прикрывая пехоту. Сама же пехота движется с такой осторожностью, что можно не сомневаться – Бруно готов и к тому, что «фрошеры» атакуют первыми.

– Прогуляемся, – бросил фок Варзов, уводя Жермона от напряженно молчащей свиты. – В общем, дело ясное, и оно в том, чтобы выдержать, когда фельдгусь пустит в ход припрятанные козыри. Согласен?

– Да.

– Этих вот бодрячков мы должны удержать перед курганами. Обойти нас у Бруно не выйдет, остановим, и хитрец это понимает. Скорей всего, он будет высасывать из нас соки, а потом ударит в самом опасном месте. Снова согласен?

– Да.

– Значит, мы тоже будем беречь Райнштайнера до последнего. О чем думаешь?

– Обо всем понемногу. О резервах Бруно, о Давенпорте, даже об Ульрихе-Бертольде... Ойген считает его нашим талисманом.

– Райнштайнер, когда не воюет, суеверен, как сорок мельников, хотя что-то в этом есть. Хайнрих не слез бы с перевалов, даже желая сделать гадость зятю, – подданные такого не поняли бы, а тут гаунау с бергерами разбежались в разные стороны, даже не гавкнув.

– Там. Здесь бергеры рвутся в бой... Они в самом деле считают, что в этот год лучше не воевать, и раз уж это дошло до Хайнриха, маркграф просто обязан был уважить предков. Другое дело – дрикссы, эти имеют наглость лезть в Марагону, наплевав на обычай. Что ж, тем хуже для них...

– Будем надеяться, что хуже, – без особого восторга согласился маршал. – Ладно, хватит гулять, пора назад.

– Вы как?

– До вечера дотяну. Глянь-ка.

Солнце встало за спинами талигойцев и теперь ярко высвечивало наконец-то преодолевшую луг дриксенскую армию. Кавалерия организованно, не придеревшись, уступила дорогу пехоте, а сама собралась за ее левым флангом, уже готовая действовать. Жермон поднял трубу и увидел, как сразу в четырех местах суетятся, устанавливая тяжелые пушки, вражеские артиллеристы.

– Как только прекратят, жди начала.

– Раньше. Вейзелю велено открыть огонь по своему усмотрению. Он человек неторопливый, но не в нынешних обстоятельствах.

– Я бы начал уже сейчас.

Вейзель счел так же. Над Мельниковым лугом раскатились первые за сегодняшний день пушечные выстрелы.

Глава 7

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

– Далековато... – фыркнул кто-то из адъютантов. – По сплошному строю еще можно попасть, а по этим...

– Ну, хоть поугадают...

– Хорошо им! А мы тут торчи!..

– Отпросись к «фульгатам»...

– После сегодняшнего и отпрашиваться не надо, и так по полкам разгонят. Убыль восполнять.

– Так то после сегодняшнего...

Арно тоже хотелось в дело и не хотелось толкаться за генеральскими спинами, глядя на дриксенские приготовления, но он молчал. По совету Ли и потому, что болтать не тянуло. Теньент Савиньяк дорого бы дал, чтобы фок Варзов – а не он, так умница Ариго – взял инициативу в свои руки и атаковал, но мечты мечтами, а мозги мозгами. На то, чтобы понять – атака для талигойцев станет самоубийством, Арно хватало. Покидать укрепленные позиции и переть на рожон, будучи в меньшинстве, конечно, можно, но для этого нужно родиться либо дураком вроде Фридриха, либо Алвой. Ничего, в обороне тоже можно сделать немало, Вейзель вон делает.

Первая атака дриксов, в центре, захлебнулась, едва начавшись. Наводимые опытными артиллеристами орудия – а на Маршальской батарее этим делом занимался лично Вейзель – сосредоточили свой огонь на двинувшихся вперед линиях пехоты. И сразу же стало ясно, что бергер не зря устроил подчиненным бессонную ночь. Слитный грохот пушек ободрял и внушал уверенность, а точная стрельба вкупе с удачным выбором места сказались незамедлительно.

Смертоносные, верно направленные чугунные шары весело прыгали по земле, пробивая в наступающих шеренгах кровавые просеки. «Гуси», смыкая ряды, продолжали атаку, но ядра сыпались слишком часто. Красные и синие волны заколебались, замедлили движение и, к удивлению виконта, повернули, даже до столкновения не дошло. Надо же, какие скромные! Но это в центре... На обоих флангах наступление продолжалось. Дриксы приблизились к подножию курганов на дистанцию мушкетного выстрела, и к басовитым ударам пушек прибавился треск ружейной пальбы. Выстроившиеся на склонах талигойские мушкетеры ответили.

Обе стороны поддерживали дружный огонь, пространство перед курганами все сильнее заволакивало дымом. Меньшая численность талигойцев искупалась более выгодным положением. Потери не смущали ни одну из сторон, уступать никто не собирался. Конец равновесию положил все тот же Вейзель. Стоило «крашеным» в центре сыграть отход, расчеты орудий, и до того носившиеся, как посоланные, облепили лафеты и с помощью приданных в помощь солдат принялись разворачивать свои пушки в сторону флангов.

Хитрый Вейзель, расположив главную батарею не прямой линией, а тупым углом в сторону неприятеля, изрядно облегчил перенос огня. Не прошло и десяти минут, как десяток тяжелых орудий – вся правая половина Маршальской – поддержали своим огнем Давенпорта. Еще пара минут – и помощь получил Маллэ. Чугунные доводы подействовали. «Крашенные» начали хоть и без паники, но достаточно быстро откатываться и на флангах. Замолчали с обеих сторон мушкеты, только артиллеристы продолжали обмен увесистыми «любезностями».

– Ну что ж, – подытожил кто-то из маршальских порученцев, – будем считать, разведку фельдгусь провел.

– Угу. Теперь он знает, что у нас есть пушки...

– А у пушек есть Вейзель.

– Ты все напутал. У нас есть Вейзель, у Вейзеля есть пушки, у пушек есть «гуси»...

– Господа, кроме шуток. Выяснил Бруно, что хотел, или нет?

– Леворукий его знает, но вряд ли придется долго ждать продолжения.

– Господин фельдмаршал, как же я вас не признавши...

– Накладные усы творят чудеса. Пять таллов на то, что сейчас попрут по-настоящему. Предчувствие у меня такое.

– Ах, предчувствие...

Болтовня как болтовня, молча стоять, так вообще взбесишься. Балагур не виноват, что его шутка разбередила вчерашнее беспокойство, как холодная вода – зубную боль. Была ли мотающая душу пакость предчувствием или нет, Арно не знал, но отношения к разгорающейся баталии она не имела. Искать причину, толкаясь среди напряженных, будто кони перед скачкой, адъютантов, не получалось, да дриksы и не дали. Свои таллы спорщик выиграл: не прошло и получаса, как Бруно возобновил наступление.

2

Вот теперь началось всерьез. Дриksы атаковали по всему фронту, атаковали настойчиво и энергично, совсем не так, как в первый раз. Огонь талигойских батарей их не смущал и не останавливал; теряя людей десятками, а то и сотнями, «крашенные» шли и шли вперед. Скоро на Маршальском стала слышна дробь дриксенских барабанов, их мерный рокот не могла заглушить даже шквальная стрельба. Фок Варзов слегка поморщился и вытащил яблоко. Ядовито-зеленое, продолговатое, явно добытое в Менкеллине, которой облепившие ветки плоды сулили небывалый урожай. Есть их, на взгляд Ариго, было, мягко говоря, рановато, но маршал Запада преспокойно жевал кислятину, от одного взгляда на которую сводило скулы. Дышал Вольфганг спокойно, мешки под глазами стали поменьше, и у Жермона от сердца малость отлегло.

– Попытаются с ходу прорваться, – заметил, покончив с яблоком, командующий. – Не выйдет...

Не вышло. У талигойцев стреляли сразу две линии, выстроенные одна над другой, первая – у самой подошвы, вторая – выше по склонам. Под плотным огнем атака захлебнулась. «Гуси» отошли. Совсем недалеко... Выдвинули полковую артиллерию, потом подтащили поближе и пушки покрупнее. Само собой, не все, но под ядрами теперь стояла не только дриксенская пехота.

Ожесточенная перестрелка тянулась почти час. Пока на той стороне не решили, что можно попробовать снова, маршал успел сгрызть еще несколько яблок и выслушать не нашедших даже следов Гаузера разведчиков.

Застучали барабаны, на штурм курганов устремился новый вал, и все повторилось. Черно-белая пехота несла потери, но не пятилась, и командующему дриксенским центром пришлось двинуть на поддержку атакующих полков свежие силы, заодно переместив поближе к противнику уже всю тяжелую артиллерию, вступившую в спор с батареями Вейзеля. Талигойские пушки стояли выше и имели насыпанные за ночь укрытия, дриксенских было больше. Чем и когда кончится это противостояние, не взялся бы предсказать никто. От пушечного рева закладывало уши, и при этом он вскоре сделался незаметным, как шум дождя или прибоя. Жермон понимал, что где-то есть настоящая тишина, в которой орут разве что лягушки, только от поля, на котором наконец сошлись вечные противники, до этого «где-то» было дальше, чем до Гайярэ.

– А Бруно неплохо нас изучил, – брюзгливо признал покончивший с очередным яблоком Вольфганг. – Даже рискнул перетащить пушки поближе. Урок Альтхекс не забыт...

– Прорваться к ним кавалерией, как получилось у Алвы в Лауссхен, тоже не выйдет, – посетовал Ариго, – заслоны оставлены очень солидные.

Маршал помолчал, изучая с трудом различимое среди клубов дыма пространство.

– Дым дымом, а их кавалерия потихоньку начала движение. Вон там, – фок Варзов знакомо ткнул пальцем вправо, – они вроде бы стоят как стояли... Только второй линии уже нет, а интервалы между эскадронами увеличились. Видишь?

Жермон поднял трубу. Мутная, то и дело скрывающаяся в белой пелене картина подтвердила: командующий прав.

– Что скажешь?

– Готовятся ударить в обход Энтони.

– Мы ждать не будем. – Маршал понизил голос. – Я пока в порядке, так что нечего нам обоим здесь торчать. Давай на правый фланг и бей первым, только не сразу, а то с Шарли станется слишком оторваться от пехоты. Пусть «гуси» подойдут поближе...

– ...но еще не успеют развернуться для атаки.

– Именно! Момент выбирай сам, отсюда все равно не углядеть. И, будь любезен, не увлекайся. Чувствую, сорвем мы Бруно эту задумку, у него отыщется новая.

3

Фок Варзов поманил Ариго, и адъютанты насторожились. О чем говорило начальство, слышно не было, оставалось истолковывать взгляды и жесты. Истолковали.

– Правый фланг, господа. Это же очевидно.

– Сейчас там будет самое горячее место.

– Опять предчувствие?

– Нет, здравый смысл. Бруно, хоть и гусь, в болото не хочет, у нас высокогато и Вейзель, а справа и курган пониже, и поле это...

– Ну, не знаю... Будь оно так, Ариго был бы на Лысом.

– Сейчас будет, – вступил в разговор Арно, глядя, как «его» генерал кивает, поворачивается и, махнув свитским, почти бежит к лошадям. – До встречи, господа.

Догадка оказалась верной. Спустившись с кургана, кавалькада вслед за Ариго повернула на север. К Давенпорту. Варзов боится, что новый командующий правым крылом не справится? Тогда за какими кошками...

– Арно!

– Мой генерал!

– Тебе туда. – Генерал махнул хлыстом чуть в сторону от Лысого, где уже выстроились конные полки. – Найдешь Шарли, гони ко мне, я буду у Давенпорта. И не вздумай удрать к Придду. Живо!

– Да, мой генерал! – Живо так живо! Кан рванул с места ожившей молнией, в лицо ударил пропахший порохом ветер, унося тревогу назад, к Маршальскому, пытаюсь унести... Прыжок через канаву, поворот, ключья дыма, растущие на глазах фигуры всадников. Красиво все-таки, Леворукий их побери... Внушительно и красиво.

Основные силы Шарли, девять полков, почти шесть тысяч кавалеристов, выстроились поэскадронно, в четыре линии. Кирасиры, драгуны, легкая кавалерия... Где-то там топтались и «лиловые», жаль, далеко... На левом краю Арно обнаружил ноймарских кирасир и никого похожего на красавца Себастьяна со свитой. Ладно, спросим.

Почему он придержал Кана именно перед этим белобрысым, лет на пять старше самого Арно? А кошки его знают, захотелось.

– Теньент Савиньяк, по приказу генерала Ариго. Сударь, где мне найти командующего кавалерией?

– Капитан Варнеке. Генерал должен быть во второй линии, у «воронных». Э-э-э... найдете земляков?

– Конечно! Благодарю...

– Э-э-э, теньент, минутку. Мы тут уже три часа траву топчем... – Капитан выразительно посмотрел на Арно и вдруг весело подмигнул. – Я правильно понимаю, ваша спешка... э-э-э... неспроста?

Ну как не ободрить человека? Ерунда, что генерал ничего толком не сказал, – мэтр Шабли и тот бы понял: кавалерию скоро бросят в огонь.

– Вы правильно... э-э-э... понимаете. – Арно в свою очередь подмигнул разулыбавшемуся ноймару. – Так что... э-э-э... прошу простить – дело!

И снова галопом. Туда, где ждут своего боя знаменитые «воронные». Три полка тяжелой

кавалерии, второй век набираемые в Дораке и Савиньяке. Маршал Габриэль отдал «черным султанам» лет пятнадцать, отец у них стал капитаном, и дед... Деда... Было дело, Арно и сам мечтал покрасоваться на могучем вороном жеребце. Лет в десять. Вышло иначе, и неплохо вышло!

А вот и Шарли собственной персоной. Проверяет, не в первый раз, наверное, своих героев. Тут мы их и обрадуем.

– Мой генерал...

– Если я что-то понимаю, господа, то Савиньяк с утра – это к удаче! Что везешь, тенъент?

– Генерал Ариго ждет вас у Давенпорта.

– Ну, что я говорил? Готовиться нам дальше некуда, так что всем стоять, ждать и злиться. На дриков. Я скоро вернусь. Ну что, Савиньяк, проверим, кто из единокровных братьев резвее – мой Казар или твой Кан?

4

Отец был на Лысом – командовал правым крылом вместо почему-то отозванного в центр Ариго. Об этом утром сказал Лецке. Может, полковник и ждал вопросов, Чарльз не спросил. Он понимал тогда, понимал и сейчас, что Давенпорту-капитану приходится легче, чем Давенпорту-генералу, где бы тот ни находился. Начальнику, если он человек, а не... Леворукий, всегда хуже, чем подчиненному. Эта мысль подспудно вызревала давно, но осознание пришло вчера, когда почти победа обернулась почти разгромом, а ведь все началось с броска на выручку своим!

Когда драгуны рвались к зажатому меж болотом и дриками Маллэ, Чарльз благословлял Создателя за то, что авангардом командует Ариго. Когда армия, огрызаясь, пятилась к переправе, капитан Давенпорт не мог отвязаться от мысли, что Савиньяк подобного не допустил бы, пусть и отдав марагонцев на растерзание Рейферу.

Пожертвовать полком, спасая армию и выигрывая кампанию, или пожертвовать армией, спасая полк и собственную совесть... Подобного выбора, а следовательно, и генеральства Чарльз не хотел. Поговорить бы об этом с отцом, когда они наконец встретятся, а за спиной будет хоть что-нибудь, кроме чужих побед и подлеца Рокслея...

– Судя по твоей физиономии, – предположил Бертольд, – ты уже воюешь. С кем?

– С Леворуким!

– Да кто же с ним так воюет? Что про злобствующих сказано? Не видать им Рассвета. То ли дело я! Давай ты меня укусишь, а я тебе за это сахарку, вот Врага и посрамлю.

– Нам бы Бруно посрамить, – отмахнулся Давенпорт, но на душе стало легче. Бертольд с его рыжим могли разогнать любую хандру.

– Посрамишь «гуся» из резерва, как же! – доблестный помощник поморщился. – Как думаешь, куда нас отсюда и когда?

– Откуда мне знать!

Драгунский полк Лецке с самого начала был выделен для поддержки левого фланга и, выстроившись за курганом, ждал неизвестно чего – то ли прорыва дриков между Маршалским и Болотным, то ли приказа самим идти вперед, то ли отправляться на другой край помогать товарищам. Вчера тоже ждали и дождались, но раз на раз не приходится.

– Тебе что ночью снилось?

– Не помню, – и не подумал удивиться Бертольд, – вроде астрономия и астрология... Завтра – испытания, а я, как всегда, ни кошки не знаю... А тебе что?

– Вроде ничего. – Ни Надора, ни короткохвостой клячи, ни черного леса за Гемутлих, ни Уилера с розовыми конями... Ночь выдалась пустой и при этом неудобной и тревожной. Чарльз надеялся, что дело в усталости и войне. Ну какие, в самом деле, обвалы в Марагоне, да еще среди лета?! Болоту на все плевать, опаленные солнцем курганы спят, не добудишься...

Шмяк! Чарльз обернулся – Бертольд прихлопнул на шее лошади слепня.

– Обидно бить мух, когда рядом бьют «гусей», – пожаловался тенъент. – С другой стороны, раз нас не дергают, значит, справляются.

– Пока.

Пальба с другой стороны кургана как началась, так и не стихала. Судя по тому, что никто, теряя оружие, шляпы и совесть, по обратному склону не скатывался, пехота Маллэ держалась, но Чарльз предпочел бы не гадать, а знать, что происходит и на Болотном, и в центре, и дальше у отца... Где спасенные марагонцы? Пережили ли еще одно отступление, или судьба сожрала свое, как бы сперва Маллэ, а затем и Ариго ни пытались выдрать у нее облюбованную добычу? Рубятся ли уже «спруты» или тоже топчутся на месте и, вытягивая шеи, пытаются разобрать, что творится впереди?

– Глянь-ка на Шарли, – изменившимся голосом попросил Бертольд. – Не поручусь, только сдастся мне, двинулся наш генералушка. Я хоть и дальнотзорный, но здесь труба нужна...

Чарльз кивнул и прильнул к окуляру. Так и есть. Еще минут пятнадцать назад стоявшая за правым флангом конница была на месте, сейчас больше половины ее исчезло.

5

Конница Шарли успела на поле первой. Набрав ход и изготавившись к схватке, она вырвалась из-за кургана, опередив-таки пресловутого Хелленштерна. Возглавлявшие атаку «воронье» были просто великолепны, их натиск смял не ждавших столь раннего начала рейтар. Передовые эскадроны дриков рассыпались, южане темной волной покатались дальше, ломая вражеский строй.

– Bravo! – не удержался Энтони. Ариго довольно усмехнулся и подкрутил усы. Все-таки он точно определил момент, когда дриксенская кавалерия с ударными рейтарскими полками во главе двинется в обход отбивающегося Давенпорта, а Шарли не менее точно рассчитал свой выход, как и задумывалось, бросив часть кирасир и легкоконных правее, вдоль опушки леса. Себастьян спал и видел повторить старый фокус Рокэ и опрокинуть вражескую конницу на пехоту. Жермон от такого подарка тоже не отказался бы, но нынешние дрикссы особых надежд на то не подавали. Ни солдаты, ни командиры.

– Хелленштерн, хоть и молод, успел проявить себя как способный генерал, – напомнил Ариго не столько Энтони и Гэвину, сколько себе. Чтобы не зарваться.

– Способный-то он способный, – весело откликнулся Давенпорт, – только сейчас лучше выглядит его противник.

– Да, – согласился Жермон, чувствуя себя суеверным болваном, – только не выглядит, а действует.

– Надеюсь, Шарли лично в атаке участия не принял. – Карсфорн опустил трубу и совершенно невзначай посмотрел на двух бестолковых генералов. Жермон намека не понял.

– Порученец Себастьяна здесь. В случае необходимости своего начальника он как-нибудь разыщет.

Гэвин не ответил, вновь уткнулся в окуляр. Вот ведь зануда злопамятная! Доказывать, что его отнюдь не тянет лично кидаться на дриков, Жермон не собирался ни начальнику штаба, ни маршалу. Верить, что без тебя все всё испортят и перепутают, нелепо. Шарли вполне разумно управлялся со своими делами, так же как и Энтони, и... фок Варзов.

Перевести взгляд справа налево недолго, быстрее, чем доскакать до ставки маршала; правда, и увидишь гораздо меньше. Полки центра где встали в начале боя, там сейчас и держались. Знать бы еще, как «держится» сам Вольфганг, не оказалось бы его сердце самым слабым местом талигойской позиции...

– Бруно двинул свежие полки, – отвлек Жермона от мыслей о маршале Давенпорт. – На нас. Надо бы поддержать Берка резервами, у него большие потери.

– Энтони, маршал же ясно сказал – тут командуете вы. Я занимаюсь кавалерией, а

скоро вообще оставлю Шарли в покое и вернусь к старику, так что давайте без расшаркиваний. Считаете нужным поддержать Берка – поддерживайте.

– Помощь Берку необходима, – напомнил о себе Карсфорн. – На мой взгляд, это очевидно. Прикажете распорядиться?

Давенпорт махнул рукой, только что это должно было обозначать, осталось непонятно. Жермон отвернулся и отошел, предоставляя командующему правым флангом всю возможную в данных обстоятельствах свободу. Если Карсфорн думает так же, как Давенпорт, значит, Берка надо выручать, и его выручат, а у генерала Ариго другие заботы. Проследить за Шарли и, если потребуется, остановить, но пока требовалось прямо противоположное.

Встречный удар талигойской кавалерии принес плоды – неудача дриков не ограничивалась смятыми передовыми эскадронами, теперь уже вся масса кесарской конницы затопталась на месте и подалась назад. Но, к сожалению, не побежала. На поле перед Светлой рощей закипал не виданный с Двадцатилетней войны котел многотысячной конной схватки.

Глава 8

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Беспорядочная конная толпа вывалилась из широкого промежутка между Маршалским и Болотным совершенно неожиданно. Своим взяться там было просто неоткуда, значит...

– Дриксы! – определил придурков, несущихся напрямик к месту расположения драгун, Чарльз. Солнце било в глаза, черные, окруженные светящимся ореолом фигуры стремительно приближались, нужно было решать. Давенпорт оглянулся в поисках порученца Лецке – такового поблизости не нашлось. Драгуны ошалело крутили головами, кто-то ругался, кто-то хватал кого-то за рукав, справа донесся вопиющий по своей глупости приказ «Приготовиться к стрельбе!», который тут же бросились выполнять в том числе и люди Чарльза. Ага...

– Отставить! – изо всех сил заорал Давенпорт. – Дриксы нас у Ор-Гаролис тоже стоя ждали!

– А что... – начал Бертольд.

– А то! – Не оглядываясь на «умника» и его роту, Чарльз выхватил палаш, рывкнул: «За мной!» – и дал коню шпоры. Краем глаза заметил – сосед слева тоже решил попытать счастья в открытой схватке. Хоть кто-то в этой каше соображает! – Вперед, драгуны!

– Вперед! – подхватил Бертольд. – Устроим «гусям» Ор-Гаролис!

Ор-Гаролис... Разбежался, тут и Гемутлих счастьем будет, ну да каждый делает, что может, и там, где припечет.

Рота влетела в тень Болотного. Всадники в теперь четко различимых чужих мундирах неслись навстречу. Сотни две-три... Драгун, даже с учетом вчерашних потерь, больше, но не настолько, чтобы с ходу смять непонятного противника. Для кирасир или рейтар голубчики слишком шустры...

Словно отвечая, слева завопили: «Руби каданскую мелочь!»

«У-у-и-и-ы!» – нестройно, но громко откликнулись за спиной.

Значит, легкоконные наемники? Точно, вон и оранжевое мелькнуло. Места тут, братцы, маловато для ваших штучек! И самих вас маловато, да и времени...

Уклониться от столкновения каданцы не успели, слишком быстро сблизились с ними вовремя двинувшиеся вперед драгуны. Первый наемник проскочил мимо Чарльза,

свесившись с седла, что и спасло его от капитанского палаша, второй резко принял в сторону, и только с третьим удалось обменяться парой ударов, но тут подоспевший драгун срубил «оранжевого», зайдя со спины. Не по-рыцарски, зато быстро.

Совсем рядом хлопнул выстрел, грохнулась оземь и забила ногами гнедая лошадь, через нее перескочил жеребец Бертольда – помощник рвался к чужому офицеру. Чарльз тоже приметил себе добычу, развернул коня, но поединка снова не получилось – на выбранного противника налетели сразу двое. Черно-белых мундиров вокруг становилось все больше, драгуны вошли во вкус, с азартом атакуя нестойкую в ближнем бою «мелочь». Та держалась недолго и, кое-как отбиваясь, принялась заворачивать лошадей в надежде удрать. Все шло отлично, только как, поberi их Леворукий, каданцы смогли сюда прорваться и что сейчас за Болотным?

– Капитан!!!

Вжикнувшая над головой пуля, сбитая шляпа, стремительное «возвращение» из сомнений в драку. Какой-то «оранжевый», прежде чем выскочить из схватки, почти не целясь разрядил пистолет во вражеского капитана. С пяти шагов! Спасибо, наглец торопился, вот и поднял руку чуть выше, чем нужно, а ты тоже хорош! Отвлёкся, понимаете ли, на вопросы тактики и стратегии, а тут – бой... И кто бы мог подумать?

– Все! – Подскакавший Бертольд грустно оглядел «украшенную» пестрыми трупами равнину. – Разбежались, паршивцы... Не догонишь. Что теперь?

– Собираем людей и ждем приказа.

Чарльз поискал глазами шляпу, спешился, поднял, стряхнул пыль. Зачем-то пару раз топнул сухую гулкую землю и еще более зачем-то задрал голову. В гаунасском небе кружил кто-то хищный, над Мельниковым лугом пушки распугали даже ворон.

– Скоро обед, – по-своему истолковал взгляд начальства Бертольд. – То есть был бы обед, если б не дриксы...

– Ими и пообедаем! – неловко пошутил Давенпорт и вскочил в седло. Хватит забивать себе голову генеральской дурью, когда нужно собирать рассыпавшуюся роту, но что же все-таки творится за встревоженными курганами? Что?!

2

Генерал Давенпорт был изрядно закопчен и вдобавок мрачен. Вместе с Жермоном он смотрел, как внизу, плотно сбив ряды и почти перейдя на бег, идут в атаку хербстландские пикинеры. Атака была вынужденной – под шквальным огнем «гусей» линия талигойцев пришла в такое расстройство, что дриксы ее опрокинули бы единственным решительным ударом. Энтони как мог затыкал бреши и поддерживал дрогнувшие батальоны пока еще имевшимися резервами; Бруно, не считаясь с потерями, усиливал нажим. И тогда при полном одобрении Жермона Давенпорт приказал атаковать.

– Все, теперь у меня из нетронутого всего один полк, – ворчливо признался он, наблюдая, как хербстландцы, теряя десятки людей, почти докатились до вражеских мушкетеров. Кто-то что-то у «крашенных», хвала Создателю, прозевал, их пикинеры к месту атаки не успели, и стрелкам, до последнего пытавшимся беглым огнем остановить талигойцев, пришлось отступать.

– Даже самым дисциплинированным солдатам кесаря, – с удовлетворением произнес Карсфорн, – не по душе быть нанизанными на пики, как на вертел.

– И вдобавок изжаренными, – уточнил Жермон.

Соседи «синих» тоже дрогнули, прекратили стрельбу и последовали разумному примеру. Очень вовремя грохнула Маршальская. Как Вейзель, сам находясь под ударом, умудрялся помогать защитникам Лысого, Жермон не представлял, но десяток тяжелых ядер, точно придясь по отходящим, явно усилил их желание слегка отдохнуть.

– Чтоб им провалиться, гусям кошачьим! – облегчил душу Давенпорт, глядя, как потрепанные пикинеры возвращаются к кургану. – Четверти полка как не бывало! Я вниз...

Разберусь, что осталось на третью атаку.

Третья была неминуема; не менее неминуемым было и то, что Энтони отобьется и станет ждать четвертую, которая опять-таки неизбежна...

– Пока все развивается приемлемо, – высказал свое мнение Карсфорн, – но меня тревожит командующий.

– Ему лучше, – быстро сказал Ариго, – иначе меня бы здесь не было.

– Я имел в виду командующего правым флангом, он слишком возбужден. Конечно, наша позиция наиболее уязвима, но Давенпорт достаточно опытен, чтобы принять это как данность.

– А вы, Гэвин, достаточно опытны, чтобы принять как данность возбужденных генералов, – постарался отшутиться Жермон. – Например, меня. Со вчерашнего вечера кусаться тянет.

– Незаметно.

– Просто сейчас у меня в голове сплошная кавалерия. – Жермона в самом деле занимал не курган, а просторное поле за левым флангом дриков. Когда атака «крашенных» заглохла, у конницы все завертелось по новой. Хелленштерн проявил себя неплохо – Жермон видел, как быстро из дриксенского тыла подтянулись резервы и приняли на себя натиск талигойцев, давая возможность рейтарам опомниться. «Гуси» смогли-таки привести пострадавшие в начале схватки полки в порядок, после чего попытались восстановить положение. Шарли это не устраивало, и теперь по всей ширине пространства меж дорогой и лесом творилось нечто зверское и при этом прекрасное. Черные, серые, серебристые эскадроны плотными рядами сходились в ожесточенной рубке, норовя опрокинуть друг друга внезапными атаками во фланг и тыл, легкоконные носились стрижиными стайками, гоняясь друг за другом и стараясь поддержать более тяжелых кирасир и рейтар. Ни о каком обходе полков Давенпорта речи уже не шло, но дальше дело застопорилось у обеих сторон.

– Попытка повторить Альтхекс не удалась, – с неохотой признал Гэвин. – К сожалению, слухи о Хелленштерне были верными. Он упорен и не глуп.

– Ученый «гусь» в одну ловушку дважды шею не сует. – Или Себастьян Шарли при всей своей лихости не Рокэ Алва и даже не Эмиль Савиньяк. А вот мыслишку о том, что ты бы на месте Шарли добился большего, – долой!

Жермон снова поднял зрительную трубу. В маленьком светлом круге возникали и тут же пропадали разноцветные спины, вскинутые руки с оружием, лошадиные крупы и морды, пустые седла... Доля генеральская, чтоб ее! Дал команду, к счастью – вовремя, теперь жди и надейся на других, и желательно молча.

В пестрой кутерьме замелькали лиловые пятна, и чужие цвета исчезли из глаз: Шарли тоже двинул подкрепления – «спруты» в первой атаке не участвовали. Теперь уже дрикам не удавалось переломить сражение в свою пользу, пусть они и отыграли пару тысяч бье, опрокинуть талигойскую кавалерию у них пока не выходило. Пока... Вовремя переведенная в сторону вражеского тыла труба услужливо показала очередной весомый козырь, выкладываемый Бруно: от Ворслунне спешили, даже издали поражая ровностью строя, несколько свежих полков под белыми, «цвета лебединого крыла», штандартами. Эти опрокинут и погонят – не остановишься... С другой стороны, больше у Бруно в запасе кавалерии нет.

Ариго обернулся – порученца Шарли среди свитских не оказалось. Выяснять, куда запропастился «вороной» разгильдяй, было некогда...

– Арно, давай к Шарли! Бруно вводит в бой гвардейскую конницу, четыре или пять полков. Хочет одним ударом решить исход противостояния конных. Нам это...

– Мой генерал! – Адьютант Давенпорта вместе со шляпой утратил всю свою северную невозмутимость. – Мой генерал ранен... Тяжело...

– Этого следовало ожидать, – не удержался враз подобранный Карсфорн, – когда...

– Гэвин, помолчите, а лучше... известите маршала. Арно, галопом!

Кана приходилось сдерживать – мориск был слишком резв для тяжелой конницы, его хозяин вообще был слишком резв.

Что тенъента Савиньяка понесло в бой вопреки рассудку и служебному долгу, оный тенъент отлично понимал и все равно пристроился рядом с шикарным рыжеусым полковником и его конвоем, будто так и надо. Присутствие маршальского братца не осталось незамеченным, но рыжеусый не возражал – в бой же идет человек, а не бежит. Пара взглядов, улыбка и приветственный взмах тяжелого палаша с обычной для северян «корзинкой» эфеса: мол, все в порядке, тенъент, можете держаться меня. Арно так и делал, выискивая глазами уже вступивших в бой «спрутов». Конечно, Ариго потом отчитает, но ведь это потом, да и обойдутся на кургане без Савиньяка с мориском – все войска под рукой. Порученцев у Давенпорта хватает, а возвращаться Ариго не приказывал, как, кстати говоря, и Шарли.

«Гвардейцев остановим – считай, все! – напутствовал ноймаров командующий кавалерией. – Больше «гусям» усиливать свою атаку нечем». При желании сойдет за руководство к действию, и потом, место Савиньяка там, где от него больше пользы. Хорош бы он был, если б вчера не отправился к «фульгатам», а бегал хвостом за начальством!

– Первый, второй... – Рыжеусый поднял свой палаш, одновременно придерживая коня. – Пошел!

Ноймары с ходу врубались в ряды блестящих и чистеньких рейтар, видно, тех самых «последних». Темно-серые «волчьи» мундиры вмиг перемешались со светлыми кесарскими, но сам полковник в бой пока не лез, и Арно смог осмотреться. «Спрутов» он заметил сразу. До свалки, где мелькали лиловые шарфы, серебристо-синие плюмажи и драгунские каски как талигойского, так и дриксенского образцов, было с полсотни шагов, не доберешься...

Серебристо-синее стало преобладать, схватка сдвинулась в сторону рыжеусого. Полковнику это не понравилось, и он резко махнул клинком, посылая в драку резервный эскадрон. Арно кинулся следом, и сразу же повезло встретить утреннего знакомого.

– Э-э-э, – крикнул тот на скаку, – наступаем, тенъент?

– Э-э-э, капитан, еще как!!!

«Волки» налетели на дриксон тесным, колено к колену, строем, нырнув в бой, как раскаленный булыжник в сугроб, и Арно оказался не у дел. Ненадолго. Прямо на тенъента вывалился рейтар в помятой каске, серое на плече и рукаве стало почти черным.

– Шварцготвотрум!

– Да что вы говорите!

Рука дрикса не успела – помешала рана; запоздало вскинутый палаш не мог остановить смертельного удара. Еще один рейтар; Кан, повинаясь легкому движению шенкелей, вынес всадника из-под чужого клинка. А вот этому красавцу, подобравшемуся слева почти вплотную и уже замахнувшемуся, – выстрел в упор. Сноп пламени из дула достает до перекошенной от ярости физиономии. Привет Леворукому!

Смешавшиеся в рубке «спруты» и «гуси» странным образом раздаются в стороны, выстраивая эдакий короткий коридорчик. В торце не крупный, но быстрый рейтар с серебристым шнуром на груди почти неуловимым движением кисти обводит защиту «лилового», вонзает тому в бок шпагу и столь же быстро выдергивает клинок, тут же разворачивая коня в поисках нового противника. Находит... Драгуна, который тоже валится с седла. Победитель стряхивает со шпаги кровь, ах ты ж, поганец!

Арно бросил Кана в «коридор», но юркий успел исчезнуть, зато перед глазами возник открытый рейтарский бок. Удар, кровавый фонтан! Кан ловко обошел потерявшего всадника коня, над самым ухом гавкнул чужой пистолет... Знакомый мерзкий свист, значит – мимо. Нет! Арно сам не понял, как подхватил выпустившего поводья офицера... Графа Гирке! А дальше-то что?! Держать раненого? Держать чалого? Отбиваться?

Вокруг серебро и синь – дороги назад, к ноймарам, нет, зато с нескольких сторон

возникают «спруты», прикрывая своего полковника.

– Савиньяк, – тихо велит Гирке, – тут... каждый... на счету... Мне... двоих... хватит...

Передать полковника «спруту» и назад... Капитан «Э-э-э» всю дерется, рыжеусый готовится, да и генерал... А что генерал?

– Как скажете. – Вывести чалого с беспомощным всадником нечего и думать! Ладно, перевалим тело себе на седло, спасибо Эмилю, они с Каном умеют и это. – Прошу простить!

Под двойным грузом мориск просел; ничего, Гирке не Ульрих-Бертольд, а сам он далеко не Йоганн. Так, шпагу в ножны, заряженный пистолет – в руку, и давай, чудо мориское, вытаскивай.

– Двое с нами, остальным – бить «гусей»! Приказ полковника.

Шестеро беспрекословно заворачивают коней, двое гигантов остаются. Скачут с обеих сторон, рубя наотмашь, вот бы кого к «воронным»! Когда же кончится эта бойня?

...Они почти выбрались, когда правый верзила пошатнулся в седле. Упадёт? Нет, на открытое место выскочили все трое, ну и отлично. Теперь главное – раненый... раненые!

– Куда тебя?

– В плечо, господин тенъент. Ерунда...

Врет, а кто бы не врал? Арно попытался пристроить полковника поудобней. Гирке дышал все чаще и с явным трудом. Крови было не то чтоб залейся, но лицо совсем посерело. Кажется, это плохо.

– Тенъент... вы ведь... спешите?

Рубка сзади продолжается, совсем уж растрепанные эскадроны выходят из боя, командиры пробуют привести их в порядок. У «гусей» сейчас вряд ли веселее.

– Я в вашем распоряжении! – Раз уж взялся, придется до конца, тьфу ты, кляча твоя несусветная, какой еще конец?! До Лизоба, которого надо еще отыскать.

Глава 9

Талиг. Южная Марагона. Мельников луг

400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Пространство перед Лысым было обильно изукрашено синим и красным, а уцелевшие дриksы зализывали раны, убравшись подальше от упорных «фрошеров». Ариго лез из кожи вон, чтобы сами «фрошеры» отдышались быстрее противника, и успел-таки привести осиротевшее правое крыло в порядок прежде, чем Бруно возобновил наступление.

Нет худа без добра: вечером, пребывая в уверенности, что ему достался правый фланг, Жермон добросовестно облазил и сам курган, и окрестности, а последний час вообще провел рядом с Энтони. Вникать в обстановку не требовалось, в достоверности же доклада Карсфорна новый старый командующий не сомневался.

К началу сражения в распоряжении Давенпорта было без малого десять тысяч пехоты. После четырех часов боя осталось менее семи, не считая последнего резерва – полка ветеранов из Манро и пары батальонов егерей. Это еще полторы тысячи.

На батарее из восьми больших орудий дриksам удалось вывести из строя только два. Уполовиненную прислугу как могли пополнили, так что пушки готовы к стрельбе. В полковой артиллерии дела обстоят примерно так же.

Батальоны Берка, находясь на позициях с самого начала сражения, понесли, естественно, самые большие потери – выбыло около трети бойцов. В первой линии Берку делать сейчас нечего, кем заменить, пока есть.

На поле у Светлой рощи – пауза. Шарли отводит своих, чтобы привести их в порядок. Последняя атака дриksов захлебнулась, а поддержать ее дриksы не могут: нечем.

– Хелленштерну придется признать, что с обходом он потерпел фиаско, –

удовлетворенно заключил Гэвин, почему-то испытывавший к любимцу фельдмаршала откровенную неприязнь. — Очевидно, что у противника потери в людях и лошадях значительно больше наших. Кроме того, мы заставили замолчать одну из двух установленных против нас батарей.

Окуляр трубы с готовностью продемонстрировал суесящихся среди поваленных орудий и разбитых зарядных ящиков чужих артиллеристов. Да, эти начнут стрелять еще не скоро...

— Не так уж все и плохо, — сделал вывод Ариго. — Несколько часов при таком раскладе мы продержимся, а за полдень уже перевалило. Если Бруно не бросит на нас гвардию, до вечера дотянем.

— Теперь я в этом не сомневаюсь, — с неожиданной откровенностью признал Карсфорн. — Мне жаль Давенпорта, но это ваше место, Жермон.

Ариго тоже так считал, и ему тоже было жаль Энтони. Спасибо хоть рана, если верить лекарю, при всей своей тяжести жизни не угрожает. Но выглядел раненый скверно, а уж бред...

— Когда меня у Печального зацепило, — припомнил Жермон, — мне привиделся, вы не поверите, говорящий еж, а к Энтони пристаёт наш курган. Дескать, ему дорога мешает, уберите!

— Нам она тоже мешает. Имей мы на фланге реку или хотя бы болото, я был бы спокоен.

— Болот на всех не напасешься... Надо бы заглянуть на батарею и к Анселу. Минут через двадцать «гуси» подтянут подкрепления и полезут снова.

— У них нет другого выхода, — согласился Карсфорн. — Фельдмаршал — человек упорный, потери его не смущают, а возможность добиться успеха здесь есть, и немалая. Бруно ее не упустит.

2

Пара легкоконных эскадронов, прорвавшихся в глубь талигойских позиций, — это далеко не все дриксы. Ну разогнали «забияк», порадовались малость, зато теперь...

Туго пришлось не только поредевшей пехоте, на подмогу которой спешно вытребовали полк Лецке, напрягал последние силы весь левый фланг. Чарльз не успел разобраться, как оно так вышло, а если б и разобрался, толку-то? Схватка шла возле самой подошвы холма, в нескольких местах сражающиеся уже схлестнулись вплотную и огневой бой перешел в рукопашный. В сотне шагов от обогнувших Болотный драгун.

— А, обнеси меня Леворукий, — ругнулся, осадив рыжего, Бертольд. — Капитан, ну что же это за пакость такая?!

Ответа не требовалось. «Гуси» продавили-таки талигойскую линию прямо перед драгунами и на их глазах. Оборона рушилась. Дриксенские пикинеры взбесившимся ежом перли дальше. Следом толпой, да еще прилично растянувшись, валили мушкетеры. Еще немного, влезут на курган, захватят батарею, закрепятся и ударят в спину тем, кто пока держится. Прорыв расширится, все посыплется к кошкам... Надо атаковать! Немедленно, вот прямо сейчас, любой ценой... Кому?!

К счастью, капитан Давенпорт не был на левом фланге ни самым умным, ни самым решительным. Бертольд еще не закончил замысловатую жалобу, а один из резервных батальонов уже бросился вниз по склону. Мушкетеры на флангах вели огонь прямо на ходу, лишь бы задержать врага, пикинеры в центре шли скорым шагом, противопоставив дриксенским пикам свои, и выглядело это страшно.

Сошлись. С грохотом, с пальбой, с криками. И встали, как встают по осени насмерть сцепившиеся рогами лоси. Количество дриксов уравнило тяжесть атаковавших сверху вниз талигойцев, и весы боя застыли, ожидая очередной гири. Чарльз сжал поводья, понимая, что следующие — они.

— «Драгуны, — подтвердила из-за спины труба, — в галоп!»

Три роты рванулись к лезущей на холм ораве, целя во фланг. Врезались, и пошла потеха.

Рубить по головам и плечам разбегающихся вражеских пехотинцев Чарльзу было не впервой, вот капитан и сам не увлекся, и роту удержал. «Не зарывайся!» – один из намертво затверженных уроков Савиньяка. Не зарывайся, как бы соблазнительно ни подставляли спины враги. Не зарывайся, как бы ни рвались в погоню товарищи и подчиненные. Ну и что, что «гуси» бегут, – кстати, слишком уж резво и охотно...

– Стой! Стой, раздери вас всех Леворукий!!!

– Капитан, это ты нам? – Коня Бертольд придержал, и на том спасибо.

– Назад! К кургану!

Орудийный залп, неожиданно близкий, саданул по ушам, а кому-то – не только. Судя по болезненному ржанию и тому, как заметалась и рванула в тыл правофланговая рота, дриксенские артиллеристы не промазали. Новый залп, новые потери.

– Отходим, – велел Чарльз, на полмгновенья опередив полковую трубу.

3

Лекарь что-то делал, Арно таращился на его спину и ждал, хотя это было сплошной глупостью. Помочь Гирке теньент не мог, другом не был, родичем тем паче, а в битве наступила передышка – самое время разыскать Ариго и получить заслуженную нахлобучку. Когда дриksы попрут опять, топтание в пусть и ближнем, но тылу начнет смахивать на дезертирство.

– Теньент, – позвал похожий на усталого хоря лекарь.

– Да, мэтр?

– Два шанса из пяти у вашего полковника есть. Для таких повреждений очень неплохо. Легкое пробито, и, что хуже, есть контузия – пуля задела ребра. Сможет дышать сам – оклемается, с такими ранами живут долго. Иногда... Полковник хотел вас видеть, но я запретил – ему нельзя говорить. Он просит найти его лошадь.

– Я найду, – кивнул Арно и понял, что пообещал почти луну. То, что хорь направился не к Гирке и через пару раненых наверняка забудет и полковника, и коня, и болтливую теньента, ничего не меняло, сказал – сделай, а в бою как раз пауза. Арно обдернул заскорузлый от чужой крови мундир и побежал к превращенной в подобие коновязи упавшей, но не умершей иве. Вскочить в седло помешал стук копыт. Быстро же этот, как его там, нашел своего герцога.

– Добрый день, Савиньяк! – Валентин выглядел немногим опрятней Арно. – Позвольте выразить вам мою признательность.

– Рад служить, – успешно парировал виконт. – Лекарь говорит, могло быть хуже, но разговаривать графу нельзя, там что-то с легкими...

– Неприятно. Вы не могли бы немного задержаться, я скоро вернусь...

Начни «спрут» распоряжаться и трясти перевязью, виконт незамедлительно ускакал бы, но тот попросил, да и лишние десять минут погоды не сделают. Савиньяк кивнул «лиловому» эскорту и занялся пистолетами, из последних сил воюя с привязавшейся еще во вчерашнем поиске тоскливой тревогой. Одно дело – читать про скверное начало Двадцатилетней, зная, чем она закончится, совсем другое – смотреть на просчеты и неудачи из собственного настоящего, а еще эти сжившиеся со смертью лекаря... Рядом с ними дышать и то неуютно! «Живут долго... Иногда!» Надо же такое ляпнуть.

– Благодарю за то, что дождались.

– Я обещал. – Один пистолет Арно зарядить успел, второй пришлось сунуть в ольстру как есть, Придд в самом деле вернулся быстро. – Как он там?

– Относительно благополучно. Вы видели, как это случилось?

– Нет, мы просто столкнулись. Граф падал, я его подхватил, вот и все. Вы случайно не знаете, что с его чалым? Я должен его отыскать.

– Веннен увязался за знакомыми лошадьми, и его поймали. Я уже сказал об этом Гирке. Вы помните, что в Двдцатилетнюю переходили на «ты» не только после брудершафта, но и по окончании серьезного сражения?

– Не помню, но почему б и нет? – Арно решительно протянул руку. – «Гусиная» кровь вместо хоть бы и «Черной» – это правильно, и, в конце концов, вы ничем не лучше моего старшего брата.

– Вы мне льстите. – Рукопожатие вышло крепким. – Не желаете до конца боя присоединиться к моему полку?

– Желая, – усмехнулся Арно, – но я, увы, хожу в адъютантах и не намерен прятаться за рану полковника Гирке. Буду весьма признателен, если вы промолчите о нашей встрече.

– Это невозможно. Меня отыскиали, когда я докладывал Шарли. Командующий кавалерией настроен представить вас к ордену.

– Не за что. Все вышло случайно.

– Понимаю. – Голос и рожа прежние, ледяные, зато в глазах нечто похожее на... улыбку? – Вы спешили к своему генералу, а Хелленштерн мешал. Простите, это срочно.

Срочность имела облик незнакомого «лилового» с аккуратно перевязанной головой и на покрытом пеной гнедом. Если Хелленштерн атакует, придется идти с Валентином, не объезжать же через Маршальский!

– Мо'гер'г! – Надо же, «спрут», и звуки глотает! Точно атака, и как бы Бруно не ввел в дело свежую кавалерию. Придержал и ввел, а «фульгаты» опять прозевали...

– Медленней, – и не подумал повысить голос Придд. – Что передает барон Катершванц? Господин Савиньяк, вам лучше выслушать, новости, по всей видимости, касаются нас всех. Итак?

– Дриксы прорвали крыло Маллэ, – все еще быстро, но вполне разборчиво доложила срочность. – Барон Райнштайнер вступает в бой. Барон Ульрих-Бертольд считает, что медлить нельзя, Маллэ не выдержит.

– Раз вы здесь, смените повязку. Потом разыщите полковника Гирке и останьтесь с ним. Арно, вы понимаете, что случилось?

– Да. – Как же «гуси» прорвались? На левом фланге обороняться проще всего, потому там и поставили не Ариго, не Давенпорта, а Маллэ... Вот и ответ. – Маллэ снова просчитался!

– Или Бруно что-то придумал, только это уже не важно.

– Райнштайнер должен их остановить, – начал Арно, но лицо однокорытника надежд отнюдь не укрепляло. – Ты так не думаешь?

– Бергеров всего четыре полка, этого может оказаться недостаточно. – Валентин сосредоточенно поправил перевязь и взял серого под уздцы. – Мы немедленно выступаем на помощь Райнштайнеру. Доложи генералу Ариго о том, что творится на левом фланге, и о моем решении.

4

С новой атакой Бруно не торопился, и это становилось странным. Гэвин списывал задержку на разбитую батарею, без поддержки которой потери атакующих станут чрезмерными. Жермон опасался прохлопанных разведчиками резервов, но опасения – не повод бездарно тратить такую драгоценность, как время. Правый фланг быстро и старательно латал дыры, неотложное было сделано, наступил черед первостепенного, которого тоже хватало.

– Я согласен с предложенным перестроением, – кивнул со спины Барона Ариго. – И выделите еще людей в помощь артиллеристам. Да, боеприпасы... Я ведь не ошибся, в двух левофланговых батальонах к концу атаки случился их недостаток? Нам скоро придется стрелять, и, пожалуй, еще больше, так что озаботьтесь...

– Мой генерал!..

– Мой генерал!..

Они подлетели с двух сторон одновременно, капитан из маршальской свиты и родимый Савиньяк. Этот явно побывал в схватке, и нетрудно сообразить в какой. А то «волки» без него не нашли бы, куда скакать и кого бить! Порученец Вольфганга чист, аккуратен и взволнован не меньше Арно. Бруно или... хуже?

– Докладывайте, капитан.

– Мой генерал, маршал фок Варзов вас отзывает. Срочно! Командующего правым флангом назначьте по своему усмотрению. Я передам ему инструкции.

– Передавайте Карсфорну. – Что с Вольфгангом?! Упал или держится и ждет? И ведь не спросишь – услышат, а войскам только болезни маршала сейчас не хватает!

– Жермон, я вынужден отказаться. Я...

– Гэвин, это приказ! – Ариго понизил голос. – Берк не успеет разобраться, Ансел нужен в первой линии, а вы тут с самого начала, знаете не какой-то кусок, а все целиком...

– Мой генерал, маршал фок Варзов велел поторопиться!

– Мой генерал, разрешите доложить. Очень срочно!

– Доложишь по дороге!

5

Спасаясь от осыпавшей их картечи, драгуны убралась в ложбину, удачно прилепившуюся к подножью Болотного. Офицеры, не жалея глоток, как-то восстановили порядок, а где не осталось офицеров, надрывались сержанты. Гвардеец из Оллари при виде такой войны растерялся бы, только Чарльз давно не был гвардейцем, вот и успел собрать почти половину роты. Очень вовремя, ибо дриксы опять атаковали. С фронта. Стройными рядами, медленно, не теряя равнения, под барабаны.

– Не иначе новый полк, – буркнул закопченный тенъент из соседней роты, – ишь, свеженькие какие! Ничего, обдерем.

– По крайней мере попробуем...

– «Крашенные» на кургане!

– ...выходцево отродье...!

Сверху, с того самого склона, катилась красная беспорядочная толпа, все вперемешку и без барабанов. Зато так быстро, что опомниться не успеешь, а уже надо отмахиваться.

– Пли!

Залпом в упор драгуны выкосили пару десятков, но дриков это не остановило, пришлось пустить в ход палаши. Свалка получилась безобразной и беспощадной. Очень быстро те немногие, кто был в седле, оказались спешенными. Чарльз рубил, колот, добавлял пистолетной рукоятью, пинался, кого-то вовремя достал локтем и тем выручил закопченного. Потом спасли уже самого Давенпорта, врезав по башке неотвратимо замахнувшегося прикладом «красному». Со всех сторон хрипело, хрустело, ругалось, кашляло, чавкало; капитан вертелся среди своих и чужих, чужих становилось все больше, а своих все меньше. Упал закопченный, потерялся Бертольд, вокруг Чарльза оставалось десятка полтора драгун, потом рядом замелькали мундиры пехотинцев Маллэ – то ли на помощь бросились, то ли отступили с кургана. Стало малость полегче, и память тут же услужливо напомнила про свежих «гусей»... Тех, что так красиво вышагивали. Вроде должны уже дошагать, или бой растянул мгновенья в минуты?

Длинный «гусь», держа мушкет поперек груди, сдуру попытался пихнуть им Чарльза. Получил клинком по пальцам, с воплем выронил оружие и, баюкая искалеченную руку, отскочил куда-то вбок. Давенпорт смог сделать пару шагов вверх по склону, глянул вниз и понял, куда делись барабанившие батальоны.

– Бергеры! – завопил из-за голов дерущихся кто-то счастливый. – Щас как врежут! Ща-кхххх...

Конечно, бергеры! Во всей своей бирюзовой красе. Полк, а то и больше, уверенно

теснил растерявших свежесть дриков назад, за курганы, только навалившихся на Лецке «крашенных» это не смутило. Мерзавцы, кажется, стали еще настырней.

– Драгуны! – прохрипел Чарльз. – За мной! Скинем «гусей» в болото!

Бой продолжался, просто стало чуточку легче.

6

Жермон верил, что Арно угадал верно, и все же, завидев стоящего на своих ногах Вольфганга, не сдержал вздох облегчения. Маршал раздраженно сдвинул кустистые брови.

– Что с тобой?

– Рад вас видеть, – не стал выкручиваться Ариго. – Я думал...

– Понимаю, ты решил, что я помер. Я пока жив, а вот левый фланг – не знаю. «Гуси» опрокинули обе линии пехоты, прикрывавшей стык левого крыла с центром, прорвались между курганами и почти вышли нам в тыл. Твой Райнштайнер, спасибо ему, заткнул дыру, но этого мало, так что отправляйся-ка ты туда и восстанови оборону. У Бруно еще остались резервы; если он рискнет бросить их в место прорыва, мы проиграем. Откровенно говоря, я боюсь, что ты уже опоздал.

– Надеюсь, что нет. – Но голову этой Заразе после боя оторвать таки придется! – Одновременно с вашим приказом я получил рапорт Придда. Он самовольно повел своих на помощь Райнштайнеру.

– Одновременно? Значит, уже на месте или вот-вот будет. – Голос маршала дрогнул, а может, Жермон чего-то такого ждал, вот и слышалось. – Что ж, очередной фокус твоего любимца может нас выручить, но это тем более обязывает. К Шарли я послал, он отдаст, кого сможет. Забирай половину моего резерва и одну конную батарею. Здесь мы продержимся и так. Оттаж!

– Мой маршал!

– Передай вальдзейцам, пусть выступают. Генерал Ариго догонит.

Значит, вальдзейцы. Земляки и последний козырь Варзова. Дожили...

– С правого фланга никого не снимешь, – Вольфганг уткнулся в трубу, хотя перед Маршалским было нечего особо разглядывать, – там все и так висит на волоске, а здесь я успешно жадничал, вот и сохранил целых семь батальонов отличной пехоты. Ты с ней побережней, хотя какое там...

– Я постараюсь. Маллэ жив?

– Когда посылал курьера, был жив. Как бы не полез под пули – искупать, будто смерть может отменить сделанные глупости! Надо было мне сразу на левый фланг Райнштайнера ставить, хотя это я сейчас такой умный. Ни ты, ни я, ни бергер твой на Болотном не стояли, нам легко задним числом рассуждать.

– Что сделал Бруно? Прошел болотом?

– Почти. Эйвис отнюдь не Ренквах, но здешней низиной даже легкоконным не пройти, завязнешь. Бруно взял и пожертвовал легкой кавалерией, благо наемников не жалко. Они проскочили самым краем топи и отвлекли пехоту Маллэ, а следом двинулись «крашенные». Бегом. Наемнички пошумели и, кто цел остался, рассыпались, а прямо за ними – пехота. Стрелять поздно, ну а в рукопашной численный перевес есть численный перевес, сам понимаешь...

Генерал Ариго понимал. И еще он понимал, что сил у Ойгена – только-только удерживать фронт меж курганами, а значит, его можно обойти по склону Болотного. Если раздерганные батальоны мариенбуржцев не выдержат, новая волна вражеской пехоты, перехлестнув курган, обрушится сверху, и спина у Райнштайнера окажется открытой.

7

Дрикисы рвались в тыл к бергерам, талигойцы их все еще не пускали. Где драгуны, где

мариенбургские стрелки, кто кем командует и командует ли вообще, уже никто не разбирал. Были только свои и лезущие через Болотный «гуси». Остатки защитников кургана, сбившись в кучки, пятились к подножью, «крашенные» одолевали, еще бы им не одолевать!

На позабывшего обо всем, кроме драки, Чарльза кинулось сразу трое, пришлось сперва уворачиваться, потом стрелять, снова уворачиваться, теперь уже от двоих. Отбил, и тут же чужая полусабля едва не выпустила капитану кишки, пока он освобождал застрявший меж «гусиных» ребер клинок. Выручил капрал-пехотинец, подставивший под удар ствол мушкета.

И ни мгновения передышки! Только, саданув эфесом по зубам, шуганул одного, как объявилось трое новых. Опять «повезло»... Или у курганов теперь на одного талигойца три «гусака»?

Ощутимо уставший Чарльз поудобнее перехватил рукоять, и тут неизвестно откуда взявшийся буланый грудью сшиб самого наглого из дриков. Второго наездник мимоходом полоснул по шее и помчался дальше, оставив ошеломленного третьего капитану. Капитан «гусиным» ошеломлением с благодарностью воспользовался, а из-за Болотного выныривали еще всадники, еще и еще... «Спруты»! Похоже, весь полк, и как же кстати!

Явление вражеской конницы дриков не обрадовало, но и только. Мысль прорваться ко все еще запиравшим проход бергерам они, правда, оставили, но убираться с кургана не спешили. Кого всадники стоптали, того стоптали, остальные же спешно отошли вверх по склону, где и принялись охорашиваться.

– Вот гады, – посетовал дравшийся, как оказалось, в двух шагах от Чарльза Бертольд, – а я так устал...

– И кто бы мог подумать? – огрызнулся Чарльз, с ненавистью глядя на красные мундиры. Людей в роте оставалось всего ничего, у соседей дела вряд ли обстояли лучше, но курган следовало очистить. Это было очевидно, как и то, кому придется это делать. – Не садись, все равно вставать.

– Я не сел, я упал. – Бертольд встал и поднял трофейную шпагу. – Пошли, что ли, ребят пинать...

Не потребовалось. За спиной рывкнуло оглушительное «Агмарен!», и Болотный захлестнула бирюзовая волна. Замечательные, восхитительные, прекрасные бергеры позаботились о своих задницах сами. Чарльз из последних сил отсалютовал пробежавшему мимо здоровенному капитану и с чувством выполненного долга рухнул между двух настороженных валунов.

Отдых – как же это прекрасно! Привалиться спиной к камню, промочить пересохшее горло глотком нагретой воды и закрыть глаза, отгородившись от войны золотистым призрачным шелком. Летом под солнцем надо спать и слушать шепот трав. Зачем беспокоиться? Зачем двигаться? Зачем убивать? Зачем...

– Пока остаемся здесь, – долетело из-за мерцающей завесы. – «Гуси» долго отдыхать не дадут, так что...

«Раненые... боеприпасы... рапорт начальству...» Надо встать и заняться тем же самым. И еще лошадьми. Давенпорт усилием воли разлепил веки. Пожилой, старше Чарльза где-то вдвое, офицер-пехотинец с разбитым в кровь лицом, устроившись у соседнего камня, деловито перезаряжал пистолеты, успевая при этом и на подчиненных покрикивать, и о превратностях судьбы рассуждать.

– Что, сударь, – прокашлял он, – чуть нас не распотрошили, как тех зайцев? Бергерам надо бы потом пива... выручили... И эти кавалеристы...

– Это «спруты», – лениво просветил мариенбуржца Чарльз. – Они на правом крыле стояли, и как только успели?

– Придду, – со знанием дела объяснил Бертольд, – еще на Печальном Языке нравилось между всяческих холмов резвиться. Одно слово, Зараза!

Пехотинец закончил с пистолетами и улыбнулся кривой из-за разбитых губ улыбкой:

– Да уж, Леворукий знает, что за денек! То чужие, как твари какие, из болота лезут, то

свои с неба валятся...

Глава 10

Талиг. Надоры. Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Рокэ молчал, а в сапоге вылез и впился в пятку гвоздь. Вместе эти два обстоятельства напрочь убили очарование прогулки, которая и так излишне затянулась. Утренняя прохлада сменилась духотой, а неровные, усыпанные булыжниками и корягами склоны, которые выбирал Алва, раздражали, к тому же они были крайне неживописны.

– Унылые места, – не стал скрывать своего отвращения Марсель. – Я ведь говорил, что мне здесь не нравится?

– Трижды. Ты становишься сдержанным.

– Мужаю. Мы точно не заблудились?

– Мы почти пришли. Ты что-нибудь чувствуешь?

– А надо?

– Не уверен. – Алва остановился и внимательно посмотрел на Марселя. Выглядел собрано ужасно, а ведь из стены вышел как новенький, хотя на Зоиных тропах было довольно муторно. – Меня, похоже, здесь ждут, тебя – вряд ли.

– Значит, – сделал неизбежный вывод Валме, – поблизости скрывается дама. Или дамы. Когда они ждут *тебя*, то других не замечают, но я попробую не быть в тягость. На Бьетероццо, помнится, все остались довольны...

– Сядь, – велел Рокэ и, подавая пример, опустился на высунувшуюся из земли каменюку. – Попробуй сосредоточиться. Представь, что мы в бакранском святилище...

– Рожа! – осенило Валме. – Опять!

– «Рожа»?

– Сам посуди: мы в Надорах, пейзаж мерзкий, ты вот-вот свалишься... Не знаешь, горы становятся выходцами?

– Интересная мысль. – Алва прикрыл ладонями глаза; крови на руках вроде не было. – Кроме пейзажа тебя ничто не раздражает?

– Меня раздражаешь ты, – отрезал новый шмат правды-матки Валме. – Ладно, жену союзника покинул несовращенной, простительно, хоть и невежливо, но по требованию выходца лезть в дохлые горы, уж прости меня, глупо.

– Что ты подразумеваешь под «дохлыми»?

– Сравни с Сагранной.

– Со святилищем, где передавило бириисцев, сравнить в самом деле сто́ит. У Бакры ты на ландшафт не жаловался, хоть и углядел эту «Рожу».

– В алтаре, – уточнил виконт, – а тут я ее не вижу, а она висит и вот-вот шмякнется. На кого, кстати, я похож? Я не о прическе, а о цвете лица и так далее. Понимаешь, ты к полудню стал отвратительно выглядеть.

– Судя по всему, так и должно быть. С тобой все в порядке, что лишний раз доказывает – это тебя не касается.

– Зато я чего хочу, того и касаюсь, – передразнил старину Валтазара Марсель и вдруг вспомнил! – Коко называл Рожу ликом Полночи и Полудня, может, по утрам и вечерам она не действует? Ты говоришь, мы почти пришли, подождем до заката. У Иссерциала герой если не в полдень гибнет, то в полночь, а старый охальник питался гальтарскими мифами. Может, это неспроста?

– А кто сказал, что умирать надо в сумерках? – отмахнулся Алва. – Днем убивают в бою, ночью – из-за угла, обычная логика. Что у тебя с ногой?

– Гвоздь. – Для пущей убедительности виконт стащил сапог и пошарил в нем рукой, гвоздь охотно поздоровался. – Может, камнем стукнуть? Вдруг забьется...

– Считай его знамением. – Рокэ поднялся. – Я нанесу визит тем, кто меня ждет, а ты, как нежданный, наблюдай за гвоздем. Начнет источать кровь, значит, это неспроста.

– Лучше ее источу я, – отрезал виконт, торопливо натягивая сапог. – Ты без меня заблудишься и замерзнешь, а я без тебя боюсь.

Алва засмеялся, но Валме ему не поверил.

2

– В целом положение на левом фланге я бы назвал не бедственным, а всего лишь плохим, – утешил Райнштайнер. – Дриксы слегка выдохлись и сейчас не столько рвутся вперед, сколько обороняют захваченное, но я рад, что ты здесь. Я могу удерживать позицию, однако на большее сил не хватает.

– Спасибо хоть сбить Маллэ с Болотного не удалось. – Ариго кивнул в сторону вершины, откуда доносилась мушкетная трескотня, перемежаемая гулками ударами пушек.

– К сожалению, дела обстоят несколько хуже. Я успел привести сюда все четыре свои полка, но один из них был вынужден отправить на холм, без этого и без появления Придда люди Маллэ не выдержали бы.

– Значит, это твои там шумят?

– Да. Пришлось разделить силы, что очень опасно.

Все тут опасно, чего уж...

– Я понял. Хорошо бы отбросить «крашенных» назад, а после – полностью очистить курган. Дриксы, по твоим словам, притомились и сложили крылья, а мы поторопимся.

– У тебя уже есть план? – осведомился бергер; таким же тоном он спрашивал, что подадут на второе.

– Плана нет, но с нашими силами особо не размахнешься. Надо бы подняться повыше, отсюда поля не видно, а разглядеть его следует.

– Ты рискуешь повторить Печальный Язык, – назидательно произнес Райнштайнер, – только сегодня это обойдется дороже.

– Не дороже слепоты. Где Придд и Маллэ?

– В войсках. Генерал Маллэ производит удручающее впечатление. Все, чего он хочет, – это погибнуть с честью.

– Ну и дурак! – Ариго пробежался глазами по сгрудившейся неподалеку немногочисленной свите. – Арно! Найди мне Маллэ... Если его не встряхнуть, точно хоронить придется. Ты уже знаешь, что Валентин послал себя к тебе сам?

– Ульрих-Бертольд уверен, что приказ отдал он.

– А ты?

– Я считаю, что Придд проявляет инициативу исключительно тогда, когда это необходимо. Для того, кто в неполные двадцать лет личным решением Первого маршала произведен в полковники, это естественно. Погоди...

Дрожь, ощутимая даже через подметки, без слов оповещала о прибытии обещанной конницы. Жермон обернулся и увидел долгожданные черные кирасы поверх серых курток. «Волки»... «Волки» и полковник Ингертон!

Рыжеусый верзился, как раз под стать своим внушительным подчиненным, слез с серого коня и завертел головой в поисках начальства. Правый рукав полковничьего мундира развевался по ветру живописными лоскутьями, под ними белела повязка, кираса была забрызгана кровью – надо думать, дриксенской.

– Один кирасирский полк. – Ойген уже оценил подкрепление. – Всего один. Этого мало, Герман.

– Вряд ли Шарли просто жадничает, к тому же он не мог не учесть самовольства Придда. Итого два полка... Не первой свежести, но тысяча всадников наберется. От Лецке

что-то осталось?

– Очень немного, и я бы не назвал этот остаток драгунами. После гибели Лецке я объединил их с мариенбургскими стрелками. Вместе это составит один неполный полк.

– Понятно. – Рука сама подкрутила усы. Чистенькому генералу среди грязных, ободранных офицеров всегда неуютно. – С прибытием, Ингертона. Что там у Шарли?

– Тихо. Пока... – Полковник поднес руку к помятому шлему. – По приказу маршала прибыли в ваше распоряжение. Участвовали только в последней атаке. Потери небольшие, устать толком не успели. Где и кого будем бить?

– Хороший вопрос... Сейчас подойдут Маллэ и Придд, тогда и решим – где, кого и как.

3

Реки текут вниз, вниз оползают оползни и обваливаются обвалы, а здешние валуны ползли хоть и не очень, но в гору. Больше всего это напоминало великое переселение черепах, если б те вдруг выстроились в колонну и куда-то отправились. Сверху Марсель видел лишь блеклые сухие «панцири», но воображение дорисовывало втянутые хвосты, лапы и змеиные головенки.

– Это они куда? – не выдержал наполненного скрежетом молчания виконт. – И откуда?

– Из Надора, я полагаю. – Ворон вглядывался в исток каменной реки, а Марсель повернулся к устью и обалдел. Процессия уверенно стремилась к горной цепи, пусть и невысокой.

– Они что, ползут через нее?

– Вряд ли, – усомнился Рокэ, – они, вернее, он пойдет напролом. В Придде может выйти неплохое землетрясение...

– Проломят гряды? – усомнился язык виконта, но глаза уже разглядели дорогу, по которой двигались камни. Она была прямой, как удар мечом. – «Разрубленный Змей»! Я не ругаюсь, я догадываюсь...

– Змееныш, но может и вырасти. Рожа мудра, жаль, в ее силах лишь шмякаться.

– Зоя не шмякается, а говорит, – ты много понял?

– Наша дама хотя бы подняла тревогу. – К тому, что Алва то и дело прикрывает ладонями глаза, Марсель привык, но со стороны и сейчас это смахивало если не на отчаянье, то на желание не видеть, не понимать, не знать... – Когда рубанет по Западным Надорам, я не поручусь за Данар...

– Но на Гальбрэ оно совсем не похоже... Ты куда?!

– Туда. – Алва легко и неторопливо, словно сходясь с противником, отправился вниз, Марсель с гвоздем побрели следом. Черепахи все ползли. Не так уж и быстро: со скоростью шагающей лошади или что-то вроде того.

– *«Расскажи мне о море, моряк, – внезапно попросил Алва. – Расскажи...»*

Под ногами скрипел никуда не спешащий гравий, валуны тоже вели себя смирно. Неужели камни тоже делятся на «барсов» и «козлов»?

– *«Расскажи мне о море...»*

Где оно, это море? Пыльные горбы тащатся впритирку друг к другу, не ворочаются, не встают на дыбы, не толкаются, только скрежешут каменным брюхом по превращенной в дорогу ране.

– *«Расскажи мне...»*

Очень невысокий обрыв и очень близкие тусклые спины – присядь, и тронешь рукой. Можжевельовый куст на самом краю разрублен пополам совсем недавно – в воздухе еще пахнет смолой...

– Рокэ, а я ведь понял, почему Дидерих назвал дорогу на эшафот слишком короткой, а Веннен – слишком длинной!

– Потому что оба так ничего и не поняли. – Алва отцепил шпагу и украсил ею иссиня-зеленые ветки. Рядом легли шляпа и куртка. – Если ты собрался дальше, избавься от

лишнего, но я бы тебе не советовал...

– Я бы тоже не советовал, – проворчал Валме, глядя на трущиеся друг о друга бока. – Тебе.

Рокэ обернулся, но ничего не сказал, только ослабил ворот рубашки. А здесь в самом деле жарко. Наверное...

– Зоя – дура, ты их не уймешь!

– Скудость веры, как сказал бы Бонифаций.

– Скуден, – признался виконт, – но Заступник Создателев сейчас бы пришелся в самый раз. Не нам, так в Придде.

– «И были бы очи его исполнены света небесного...» – хмыкнул Алва и ловко спрыгнул на щербатый серый панцирь.

4

Жермон провоевал половину жизни, но столько людских и конских трупов сразу ему видеть еще не доводилось. Дриксы, каданцы, талигойцы, бергеры – все они лежали вповалку у подножья и на склоне Болотного. Первые полсотни шагов подниматься пришлось, выбирая, куда поставить ногу, дальше стало, как выразился Ойген, «чище», зато приблизилась стрельба. Еще через сотню шагов дорогу генералам заступил капитан-бергер и четверо внушительных ветеранов.

– Дальше идти опасно, – объяснил поведение подчиненных Ойген. – Докладывайте.

– Мы не можем очистить курган, – хмуро признался капитан. – Дриксы успели подтащить несколько пушек, пришлось остановиться. Их егеря все время пытаются пробраться к нам в тыл.

Ойген кивнул и перевел взгляд на Жермона. Барон полностью разделял опасения соплеменника, но предупреждать второй раз считал излишним. И правильно – еж с Печального Языка предупредил генерала Ариго на всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо, остаемся здесь. – Проклятье, отсюда виден только сам проход между курганами и пространство за ним не больше чем на тысячу бье! – Капитан...

– Вестенхозе.

– Раз мы бережем свои драгоценные головы, вам придется рискнуть за нас. Если Бруно пошлет подкрепления, я должен узнать об этом немедленно.

– Будет исполнено. – Капитан поднес руку к шляпе и неторопливо зашагал наверх. Солдаты остались, устроившись шагах в десяти от начальства с таким видом, будто век тут стояли. Светило солнце, ухала артиллерия, ломило виски, и пора было наступать.

– Господа, – просто сказал Ариго, – сами видите, единственный наш козырь – быстрота, а единственный шанс – контратака. Ударим силами двух полков бергеров и всех приведенных мной батальонов при поддержке конной артиллерии. Ингертон, вам нужно место пошире, пойдете справа, со стороны Маршальского. Придд, раз вы такой любитель скачек с препятствиями, атакуете по склону в стык частей, сражающихся за Болотный, и тех, кто вклинился между курганами. Маллэ, принимайте вальдзейцев и идите с ними. Что это земляки маршала, вы знаете, что это его личный резерв – тоже. Они нам будут еще нужны... очень нужны, так что извольте зря не рисковать. Я с двумя резервными батальонами буду здесь. Полковник Придд, вы пока со мной. Генерал Райнштайнер?

– Я намерен принять участие в атаке.

– Хорошо. Начинаем сразу же, как будем готовы. Прошу всех поспешить. Бруно долго отдыхать не станет.

Может, надо было сказать Маллэ что-то еще? Пожалуй, что и нет. Станет беречь вальдзейцев – побережет и себя, а от пули никто не заговорен.

– Мой генерал, я должен объяснить свое решение.

– Зачем? Достаточно того, что ты угадал с Павса... тьфу ты, с Бруно.

– Только потому, что вы были правы с Пфейтфайером. Если бы Хелленштерн смог

обойти правое крыло, все решилось бы у Лысого.

– Но решается здесь. Я правильно понял, что вы помирились с Арно?

– Насколько я могу судить, виконт Сэ в самом деле со мной помирился. По моему предложению мы перешли на «ты». Виконт спас графа Гирке и собирался спасти его лошадь.

– Я так и не понял, – усмехнулся Жермон, – кем вы с Гирке друг другу приходитеесь и кто из вас кому полковник.

– Он наш единственный уцелевший родич. Я не хотел бы его потерять.

– А как же Гогенлоэ?

– Гогенлоэ – геренций Талига, – ровным голосом объяснил Валентин. – В таковом качестве я готов иметь с ним дело, но родственником данного господина не считаю. Моя мать в последние свои дни думала так же. Я могу идти?

– Можешь... Тебе не кажется, что собирается гроза?

– Пожалуй, нет. Мне второй день кажется, что что-то *было*, но, возможно, причина в курганах. В некоторых местах некоторые люди чувствуют себя странно.

– Павсаний?

– Мой генерал, это мои личные наблюдения.

– Вечером прибавишь к ним мои. – Если они дождутся вечера... Разрубленный Змей, ну и мысли перед атакой. Позорище! – Давай к своим, как раз добежишь. И не вздумай брать пример с Гирке!

– Приложу все усилия.

Приложит он... Ждите. А гроза все-таки будет, не сейчас, так к вечеру, иначе откуда такая духота? Не из-за курганов же, хотя Энтони что-то такое говорил...

– Мой генерал, бергеры двинулись.

– Хорошо. – К кошкам грозы и курганы, не до них!

Жермон наблюдал за сближением противников и прикидывал, не торопится ли Ингертон с выходом, когда сверху спустился капитан Вестенхозе.

– Господин генерал, – отчеканил он, – на подходе свежие части врага. Их много, я хотел сказать – очень много.

5

Алва больше не оглядывался. Может, он и приболел, но здоровый Марсель угнаться за сигающей с «черепahi» на «черепaxу» черной фигурой не мог, как ни старался. Ощущение было дикое, потому что они бежали изо всех сил и при этом едва ползли, но другой дороги не имелось, берегом каменной реки прошел бы разве что Мэгнус. Место, к которому вышел Алва, было единственным, доступным для человека, и то не всякого.

Марсель прибавил ходу и отыграл у Ворона пару панцирей, но двигаться еще быстрее виконт не мог. Думать о том, куда они лезут без шпaг и шляп, не хотелось, оставалось запеть, но вдруг они подкрадываются? Валме обернулся. Склон с можжевельником из глаз еще не скрылся; если сесть на каменную тушу, она довезет до разрубленного куста. Там можно перепрыгнуть на твердую землю и мирно ждать землетрясений и потопов... Виконт поморщился и сиганул на очередной валун, из которого торчало позеленевшее бронзовое кольцо. Ничего себе! Следующая «черепaxа» была бугристой и больше походила на камбалу. Ее сменила жаба с зеленым ото мха брюхом, на ней Марсель поскользнулся, да так неудачно, что побежденный было гвоздь воспрял и взялся за старое.

– Вы мерзавец, – шепнул гвоздю Марсель, – и вы не доживете до утра.

Над головой нависла надломленная ель, пришлось пригнуться и отстать от Алвы еще на полтуши. Чтоб не зависеть от деревьев, виконт перебрался к середине потока, но третий или четвертый камень оказался надтреснутым, справа ползла столь же ненадежная гадость, оставалось прыгнуть влево, где виднелось нечто приличное. Марсель примерился, и тут его повело назад и тряхнуло. Ставший привычным скрежет сменился грохотом, будто здоровенный, с гору, ребенок врезал каменной рыбой по каменной же жабе, и наступила

тишина. Полная. До виконта не сразу дошло, что стоит не только он, но и камень. Камни... Давно бы так!

– Рокэ, – весело предположил Валме, – кажется, оно передума... Рокэ!!!

Алвы впереди не было, и прыгнуть он никуда не мог. Больше Марсель не звал, потому что бежал, и дорога оказалась короткой. Разогнавшийся виконт едва не рухнул в дыру без дна, тянущую за собой рассекающий склон овраг, как игла тянет нитку, а змеиная голова – хвост. У оврага имелись стены и дно, у дыры – нет. Марсель встал на колени, потом свесился чуть ли не до пояса и все равно разглядел лишь уходящий вглубь серый местный камень. От солнца, хоть оно и висело над головой, толку не было, от Создателя, поberi его Леворукий, тем более. Леворукий... Не знает он ни кошки, этот болван зеленоглазый... И не знал никогда!

«Кто сказал, что умирать надо в сумерках?» Кто сказал, что умирать вообще надо?! Виконт двинул кулаком по издохшей каменюке – стало больно, и только. Матильда отдаст Этери ройю и наврет, мориски кого-нибудь сунут в мешок, кэналлийцы прирежут, ничего не изменится, и изменится все. Уже изменилось... Марсель порылся в карманах, ничего не нашел, эсперу он не носил никогда, а кольца снимал, когда перестал быть графом Ченизу. Бросать в бездну было нечего, кроме себя и кинжала, но Рокэ бы такого не одобрил.

– Зегина уберется за пролив, – крикнул в дыру Валме, – а потом я отправлю сюда Рожу... Если иначе не выйдет, вместе с Коко!

Дыра тупо молчала. Сволочь! Наследник Валмонов поднялся, отряхнул с колен и локтей пыль и как мог быстро отправился назад. К можжевельовому кусту и шпагам. К Данару, за который теперь можно поручиться. Позади остались сломанная ель, каменная жаба, бугристая камбала, бронзовое кольцо... Позади остался Рокэ Алва, и такой могилы в Золотых землях не было ни у кого.

– «Вечно! – пел, кричал, выл Марсель, прыгая с одного упокоившегося валуна на другой. – Чтoб струна звенела вечно, ай, ай, чтoб струна звенела...»

Глава 11

Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Дриксы одолевали, это было видно, одолевали числом, мощью мушкетного и артиллерийского огня, свежестью еще не побывавших в бою людей и, что греха таить, умом и хитростью Бруно. Этот закатный «гусак» потерял на подготовке своей атаки не больше времени, чем Ойген, а может, и меньше.

– Наша затея, господа, утратила всякий смысл, – с досадой признал Ариго, наблюдая за вражескими порядками. – Противник нас превосходит. Раза, самое малое, в два.

Свита промолчала, и дело было отнюдь не в субординации. Жермон подкрутил усы и, пользуясь отсутствием Ойгена и Карсфорна, поднялся по склону. Вслушался – судя по резко усилившемуся грохоту, дриксы одновременно атаковали и в центре. На правом крыле, надо думать, творится то же, а это значит, что поддержать Болотный некому. Вейзель занят на Маршальском, Шарли связан вражеской кавалерией, Гаузер так и не объявился, еще одним «спрутам» взяться неоткуда, а на левом фланге пошла в дело кесарская гвардия. Поддерживаемая артиллерией, она не позволила вышвырнуть свои передовые батальоны за курганы. Пусть и неся потери, «гуси» все уверенней теснили бергеров в промежутке между Маршальским и Болотным, одновременно умудряясь лезть и на сам Болотный. Да и пушек Бруно успел подтянуть слишком много – выделенная Вольфгангом конная батарея выровнять ситуацию не могла. Что ж, своим изначальным превосходством фельдмаршал распорядился лучше не придумаешь...

– Мой генерал, гонец с батареи!..

– Хорошо.

Перепаханный землей и копотью сержант-мариенбуржец с тоской доложил, что дриksы вот-вот захватят пушки, которые сейчас палят уже почти в упор.

Помочь было нечем. Ариго бросил в бой все, что у него было, оставалось кинуться в драку самому. Он бы кинулся... Если б позволил себе стать хотя бы Маллэ.

– Передайте, что резервов нет. Стрелять до последнего! Не успеете заклепать, значит, не успеете, но чтоб прощальный залп был Бруно прямо в морду!

Сержант что-то сглотнул, мгновение помедлил и умчался. Жермон поднялся еще на десяток шагов, потом спустился и, чудом сдержавшись, едва не пнул дурацкий белый барабан. Сосчитал до сорока, решил, что успокоился, поднял трубу и увидел именно то, что ожидал. Серебристо-серые гвардейцы вместе с «крашеными» теснили Райнштайнера и вальдзейцев. Те пытались остановить напор отборной вражеской пехоты, но когда на одного приходится двое-трое, да не желторотиков, а испытанных ветеранов...

– «Волки» отходят, мой генерал, – выкрикнул еще один вестник, – попали под сильный огонь.

А «спруты»? Понять, где сейчас Валентин, было трудно, единственное, в чем Ариго не сомневался, – «пиловые» все еще дерутся. Как и бергеры. Линия не прорвана, но Бруно знает, что делает, и с потерями не считается, а второй полк Ойгена уже едва держится, больше чем на полчаса его не хватит. Нет, агмаренцы не разбегутся, они погибнут там, где стоят, и в талигойской линии образуется прореха, затыкать которую нечем. Левый фланг будет разрезан – для начала надвое... Но до этого еще полчаса!

– Арно!

– Мой генерал?

– Мой генерал! – По щеке запыхавшегося вальдзейца текла кровь, и он ее не вытирал. – Генерал Маллэ ранен. Тяжело... Его отправили за Маршальский...

– Куда ранен? – Можно подумать, сейчас это важно.

– Прострелены бедро и плечо.

– Ясно. – Не вылезавший из первых рядов Поль-Жозеф нарывался и нарывался, а замена одна – генерал Ариго, и никакой Карсфорн этого бы не предотвратил. – Я сейчас буду. Арно, давай к бергерам – пусть отходят и встают сразу за Маршальским, прикрывая его тылы. Потом заскочи к «волкам», их дело – подсобить Райнштайнеру при отступлении. Меня ищи у вальдзейцев.

2

Напирающие дриksы, яростно отстреливающиеся бергеры, считай, потерянный вместе со всей артиллерией Болотный и ни намек на подкрепления! Не побывай тенъент Савиньяк с утра и на Маршальском, и на Лысом, не увяжись в контратаку вместе с «волками», он бы сейчас недоумевал и злился, но злиться на тех, кто из последних сил сдерживает прущего вперед врага?! Вот «гусей» с их фельдмаршалом Арно ненавидел так, как никого и никогда.

Пожалуй, впервые тенъент поверил, вернее – почувствовал, что все в самом деле кончится плохо. А как не поверить, когда вот оно, поражение, прямо перед тобой?! Нужно быть Райнштайнером, чтобы не зарычать, глядя, как редуют ряды твоих бойцов. Строй бергеров был окончательно прорван, когда Арно добрался до цели, то есть не прорван, а перемолот. Дриksы засыпали горцев ядрами и картечью, навалились трое на одного и добились-таки своего, но барон невозможно выслушал приказ.

– Это своевременное решение, – одобрил он. – Генерал Ариго может быть уверен, что мы сделаем все от нас зависящее для...

Свист. Порыв горячего ветра обдал лицо, едва не сорвав шляпу. В первое мгновение Арно даже не сообразил, что случилось.

– ...его выполнения...

Чей-то вопль: «Отто!» – прорезал даже шум сражения, тенъент невольно обернулся и тут же об этом пожалел – когда крупное ядро попадает прямо в грудь, зрелище получается... отвратительное. Выходит, это свистнула смерть. Та самая, тупая и безжалостная, от которой не спасут ни шпага, ни Кан...

– Да, тенъент, – подтвердил Райнштайнер. – Сейчас по самому краю идет не только армия в целом, но и каждый из нас.

Что ответить, Арно не нашел, а бергер ответа и не ждал; набывшись, он уже смотрел на кипевший перед ним бой. Вскинул трубу, несколько секунд водил ею туда-сюда, а потом что-то буркнул себе под нос, тенъенту почудилось, что выругался. Райнштайнер?! Барон прекратил разглядывать поражение и вновь обратил внимание на Савиньяка.

– Вы упомянули, что генерал Ариго дал вам еще одно поручение?

– Да, господин генерал, теперь мне надо к Ингертону.

– Но вы не уезжаете. У вас что-то еще?

– Нет, но... Я не успел извиниться перед Валентином. Если у меня не будет возможности...

– Ваши извинения будут переданы, – заверил бергер. – Если у меня будет возможность их передать, а у полковника Придда – выслушать. Скажите «волкам», что мы начинаем.

3

Жермон вместе с вальдзейцами пятился. Пули и ядра, которыми кесарцы потчевали отступающих, генерала пока щадили. До драки тоже не дошло, хотя Ариго полез бы в рукопашную с радостью. Не лез, хотя руки чесались, особенно когда на гребне Болотного взвился первый дриксенский флаг.

– Не имея резервов, позицию не удержать. Да и курган тоже. – Ни маршала, ни Ойгена, ни Карсфорна рядом нет. Свитские мальчишки и не пожелавший уходить командир батареи. Бывшей... – Отойдем, зацепимся за Маршальский и завернем фланг.

Надо продержаться, пока Вольфганг не отдаст хоть какой-то приказ. А потом об этом приказе узнать, а потом выполнить, если это будет возможно и... еще нужно.

Суэта и горячка боя, подбегаящие за распоряжениями офицеры, необходимость постоянно что-то решать глушили чувство обреченности и непривычную, словно бы чужую ярость. В том, что творилось на Мельниковом лугу, виновных не было, люди делали все, что в их силах, и даже больше, просто дриксы оказались сильнее, а Бруно – дальновидней. Раньше выходило наоборот, но маяки погасли, и Талиг начал проигрывать. К Леворукому!.. Нечего умствовать, когда нужно убивать.

– К бою! – Сколько лет жил без дуэлей, и вдруг само собой вылетело, но те, кто слышал, поняли правильно. Это еще не победа, господин фельдмаршал! Далеко вам до победы.

Несколькими удачными залпами удалось отогнать наиболее ретивых преследователей. Не нравится? Дальше будет хуже!

Вылазка силой одного батальона. Разменяли своего капитана на «синего» полковника. «Гуси» вновь попятились. Временно, ну да мы и повторить можем...

– Держать строй! Стрелять наверняка!

Порох еще есть, а злости хватит. Теперь Жермон понимал, что чувствовал Ги Ариго... *Том* Ги Ариго. Мы сумеем не хуже, а Пеллота на этом лугу не найти! Нет в Западной армии таких уродов.

Вернулся маленький Савиньяк. Без шляпы и без прежней легкости во взгляде. Выходит, прошло минут сорок, быстрее он не успел бы, но какая же духота...

– Мой генерал, ваш приказ выполнен. – Арно словно повзрослел сразу лет на десять. – Только... простите, у нас ничего не выйдет. Я возвращался от Ингертона, когда дриксы снова прорвались. Наши правофланговые полки отрезаны.

Спокойно. Никто не виноват, и тенъент меньше всех. Бруно не достать, Вольфганг

болен, Маллэ ранен, а ты обязан воевать, а не беситься.

– Где Райнштайнер?

– Был в центре... Барон отдаст необходимые приказы и постарается явиться к вам.

И останется командовать левым флангом, потому что Жермон Ариго сейчас годится разве что в капитаны. Обнажить шпагу, и вперед, чтоб хотя бы одного, трех, десятков, но своими руками...

– Я понял, Арно, спасибо.

4

Драгунско-мариенбургский батальон, точнее, то, что от него еще оставалось, был буквально снесен со склона брошенной Бруно в бой гвардией. Внизу «гуси» оттеснили вальдзейцев аж за курган; видеть, что там творится, Чарльз не мог, но помощи от Маллэ ждать явно не приходилось. Почти закончился порох, редкие выстрелы не могли осадить азартно лезущих вверх кесарцев, и батарея была окончательно потеряна. Артиллеристы, прежде чем уйти, успели-таки заклепать половину пушек, но радости от этого...

Следующая атака выбила измотанных талигойцев с гребня кургана. Окутанная пороховым дымом светло-серая волна нахлынула и сразу в нескольких местах смела последних защитников. Отступать было противно, обидно, стыдно, но когда под твоим началом две сотни усталых, расстрелявших все заряды солдат, а на вас прет целый полк, свежий, полнокровный, воодушевленный близкой победой, ничего не поделаешь.

Дриксы наступали уверенно, почти без опаски, с полусотни шагов их мушкетеры дали последний залп, предоставив заканчивать дело пикинерам. Шансов остановить страшного многосотенного ежа не было никаких, и заменивший Лецке полковник-бергер приказал отходить. А капитан Давенпорт, как и остальные, этот приказ выполнил.

Вниз они, спотыкаясь, падая и даже кувыркаясь, спустились быстро, очень уж не хотелось быть расстрелянными на склоне сверху. Столь неприглядный способ отступления оправдался: появившиеся на гребне пикинеры немедленно в погоню не кинулись, а когда к ним присоединились стрелки, огрызки драгун и мариенбуржцев уже поспешно удалялись от сданного Болотного. Гвардейцы махнули на беглецов рукой, столь жалкий противник им был неинтересен – несколько выстрелов с большого расстояния, никого не задевших, и все, бой за курган, можно считать, закончился.

5

– Герман, боюсь, наше положение не сулит нам благоприятного исхода. – Ойген был невозмутим, только Жермона это больше не успокаивало. – Другое дело, что мы можем и должны дать командующему некоторое количество времени.

– Что ты предлагаешь? – Слова давались с трудом, а гул пушек отзывался в башке тягостным воем. Будто осенний ветер в трубе...

Ойген пожал плечами и указал длинным пальцем в направлении Маршальского:

– Там дриксы отсекли два моих полка, но в тех, кто ими командует, я уверен. Братья Катершванц правильно оценят обстановку и прикроют центр позиции. Если они продержатся достаточно долго...

– Я понял. – Жермон уже взял себя в руки. – Будем прорываться к ним. Даже если не выйдет, оттянем на себя значительные силы. Что у тебя здесь?

– Два полка, которые стали одним.

– У меня вальдзейцы, почти две трети осталось, да и полк Придда не совсем рассыпался...

– Я бы предложил так или иначе убрать этого молодого человека с нашего фланга. Эту голову и эту волю разумнее сохранить для будущего, но в целом я с твоим планом согласен.

– А я согласен, что Валентина нужно гнать. И Арно... Ради матери.

– Да, – кивнул бергер, – я тебя понимаю, но я посоветовал тебе глупость. Посмотри. Жермон послушно повернулся, пытаясь вспомнить, не получил ли он сегодня где-то по голове. Вроде бы нет.

– Опережать нас вошло у Бруно в привычку, – оскалился бергер, – старый гусь решил рассечь нас не на две части, а на четыре. Похоже, я теперь отрезан от всех своих людей. Что с тобой? Тебя контузило?

– Нет, просто мне очень хочется убить Бруно, но это не повод отменить прорыв. Не к Вольфгангу – к твоим полкам. Надеюсь, дриксы сочтут, что мы посходили с ума, и не преминут этим воспользоваться...

– Да, Герман. Они захотят нас уничтожить и, видимо, уничтожат, но дорога и мост – за нашим правым флангом, а переправа теперь займет гораздо меньше времени. Фок Варзов успеет увести то, что осталось. Камень с тобой?

– Камень? Какой, к Лево... – Уходящее за горизонт солнце, кошка в покрасневшем снегу, погасшие свечи, шрам на руке... – Да.

– Значит, среди торосов нового Агмарена мы друг друга узнаем.

6

Захваченный курган вместе с дриками скрылся за кустами и деревьями, выстроившимися вдоль торопившегося на встречу с Эйвис крохотного ручейка, и Чарльз понял, как ему хочется пить. И еще смыть с себя если не смешанное со злобой отчаянье, то копоть и кровь.

– Куда теперь? – прохрипели рядом. Сержант, кажется, из третьей роты. Бывшей роты...

– Полковник решит. – Давенпорт покосился на белобрысого здоровяка, чьего имени так и не расслышал. – А вот заряды разделить нужно.

Разделили, умылись, и полковник потребовал уцелевших офицеров к себе. Вопросы «что дальше делать» для него не существовало – сражение не закончилось, значит, продолжаем сражаться. Надо решать – как и где.

– Идти вдоль кургана означает уткнуться прямо в дриков, – предположил капитан-мариенбуржец.

– Да, – согласился потерявший вместе с конем смешливость Бертольд. – Будь нас и пороха побольше, для «гусей» вышел бы неприятный сюрприз, а так...

– Я бы предложил без лишних неприятностей до-браться до своих, – поддержал Бертольда уже совсем незнакомый капитан, – и уже тогда сражаться в общем строю.

Добавить было нечего, и Чарльз с тенъентом из третьей роты промолчали.

– Решение принято, – подвел итог господин полковник и машинально оправил обшлага на порванном и измазанном землей мундире. – Донесите его до подчиненных, а теперь я считаю нужным исправить свою ошибку. Нам следовало начать с взаимного представления. Я...

– Тревога! – Заполошный вопль из кустов вновь оставил начальство без имени. – Конница! Много... Сейчас тут будет!

– Кто-нибудь, проверьте.

– Я посмотрю. – Чарльз стоял ближе всех, и к тому же он был кавалеристом. – Бертольд, со мной.

Всадники, до эскадрона, шли шагом, соблюдая подобие строя. Они явно побывали в бою и еще более явно не победили.

– Свои, – сделал очевидный вывод Давенпорт, раздвигая ветки. – Не легкоконные, но и не кирасиры... Похоже, как и мы, обходят место сражения.

При виде выбравшихся из зарослей талигойских офицеров ехавший во втором ряду конник дал измотанной лошади шенкелей, ветерок не преминул подхватить знакомый лиловый шарф. «Спруты». Неужели... все?!

«Победитель дракона» и золотой бергерский «Кораблик» взвились над жалким в сравнении со сданным Болотным пригорком, превратив приречный бугорок в подобие крепости. Сюда стащили два десятка легких пушек: полковых – тех, что удалось сохранить при отступлении, и переставшую быть конной батареею. Они и остановили чересчур уверенно двинувшихся вперед кесарских пикинеров. Некий бравый сверх меры гвардейский генерал считал, что сброшенные с кургана «фрошеры» сопротивляться не смогут. Это он напрасно так подумал, и груды искромсанных картечью тел на залитой кровью истоптанной траве подтверждали серьезность просчета.

А вот Ариго не ошибся, в этом Арно не сомневался, хотя приказ прорываться не к главным силам, а к дерущимся в окружении бергерам и был неожиданным. Но своих не бросают! Брошенные на произвол судьбы свои – это какое-то количество спасенных шкур и проигранная война, к тому же шанс выручить горцев все-таки был. И надо же, отчаянная атака вальдзейцев удалась, через четверть часа они пробились к рванувшимся навстречу агмаренцам. Дальше пошло хуже. «Гуси» в свою очередь напряглись и сперва остановили прорыв, а потом начали теснить противника от курганов к реке, и тут уже, дойдя вот до этого пригорка, уперлись талигойцы. Великолепная атака во славу кесаря и Дриксен захлебнулась в крови, большей частью «гусиной».

Гвардейские командиры приняли свою ошибку к сведению, перестроились и насели с флангов. Хорошо так насели, основательно. Со спины беспокойно роющего землю Кана Арно видел, как приближаются две колонны под белоснежными знаменами. Свеженькие. «Лебеди», реявшие над побывавшими в деле полками, успели уже и посереть, и покраснеть, и почернеть...

– Господа, – велел тоже сидевший в седле Ариго, – извольте приготовиться.

Вслед за генералом Арно проверил пистолеты и попробовал на всякий случай шпагу, рядом то же самое сосредоточенно проделывали другие свитские. Ломившимся к вожака кесарцам оставалось с полсотни шагов, и тут «гуси» напоролась на бергерский клин, и острием его был Ульрих-Бертольд. Не с пресловутым шестопером, с обычной алебардой, но хватило и этого.

– Агма-р-рен! – Алебарда запорхала в воздухе, словно легкая придворная шпага, заставив передовых гвардейцев отшатнуться...

– Агма-р-рен! – Полетели обломки пик, потом – чей-то то ли шлем, то ли голова. Валентин не зря брал у старика уроки, *этот* в самом деле мог научить...

– Агма-р-рен! – Теперь барон рубил руки, плечи, шеи, головы. В рядах наступающих появились кровавые дыры.

– Агма-р-рен!..

Остановить Катершванца извечным врагам не удавалось, это он развалил их строй и, поддержанный соплеменниками, ринулся дальше.

Доставшийся Чарльзу осиротевший гнедой был весь в разводах подсыхающего мыла, но дать бедняге как следует отдышаться не получалось. Полковник торопил, да и люди, в отличие от лошадей, рвались туда, где все еще гремели пушки.

«Спруты» – изрядно пострадавший и отбившийся в ходе общей свалки от своих эскадрон – главенство бергера признали без возражений.

– Нас отрезало, когда гвардейцы навалились на пехоту Ариго, – объяснил принявший командование над эскадроном Реми Варден, – но ведь это не повод выходить из боя... Мы готовы, а кони отойдут по дороге.

Полковник кивнул и повел теперь уже пехотно-кавалерийский недополк дальше,

намереваясь выйти к своим за Маршалским, и обход этот для Чарльза оказался труднее боя. Гнедой еле переставлял ноги, норовя опустить голову пониже; немилосердно парило, обещая к вечеру грозу, но до нее еще следовало дожить – Чарльз отнюдь не был уверен, что это у них получится.

Отряд как мог быстро огибал зависшее над Мельниковым лугом белесое пороховое облако. Шли почти вплотную к болотцу, под копытами что-то цвело, а что-то увядало. Острый аромат приречных трав напоминал о смерти сильней непрекращающейся канонады. Это становилось невыносимым, и Чарльз тронул лошадь шенкелями, побуждая двигаться быстрее. Гнедой и не подумал послушаться; капитану пришлось кольнуть страдальца шпорами, и тот соизволил перейти на вялую рысь, впрочем, на то, чтобы догнать Вардена, ее хватило.

– Вместе веселее, – хохотнул отнюдь не выглядевший веселым Реми, – люблю встречать знакомых.

– Ты ведь из Эпинэ, как тебя занесло к Придду? – Сам Чарльз не терпел, когда к нему лезут с расспросами, но разговор с бывшим сослуживцем отпугивал настоящую на травах тревогу. Варден, впрочем, и не собирался злиться. Как и откровенничать.

– Долго рассказывать... Вместе уходили из Олларии, потом меня зачислили к твоему отцу, но перед марагонским маршем я отпросился в авангард. «Спруты» умеют драться, а что еще по нынешним временам нужно?

Наверное, уверенность. В себе, в подчиненных, в дороге, по которой пылит твоя рота... В том, что вас не сметет обвал, а начальство не погонит вслепую на смерть, пусть и с пользой для дела.

– Забыл спросить, ваш полковник жив?

– Который?

– Гирке. Ну, и Валентин...

– Гирке ранили перед тем, как мы рванули к вам. Придда я последний раз видел у Болотного. Надеюсь, что жив, он у нас заговоренный...

Чарльз тоже надеялся.

9

– Мой генерал! От маршала фок Варзов!

Капитан-южанин. Как прорвался – не понять, но назад ему уже не вернуться.

– Докладывайте.

– Маршал просит держаться. Очень просит... Он снимает из центра и с правого крыла все, что можно, и скоро подкрепит бергеров... Тех, что прикрывают фланг и тыл Маршалского... Вам надлежит... держаться сколько можно... потом прорваться к основным силам... Если вдруг получится... Но сейчас держаться...

– Хорошо, я понял.

– Разрешите вернуться?

– Нет, будете драться здесь. Что бой у нас не кончен, с кургана увидят.

Если Вольфганг оголит другие участки, дриksы прорвутся там... Наверное, Жермон произнес это вслух, потому что Райнштайнер отвернулся от бушевавшего среди дриksов «Ужаса Виндблуме». В самом деле Ужаса.

– Будем надеяться на лучшее, Герман. – Лед растаял, стал водой, и вода эта начинала закипать. – На то, что маршал пройдет по лезвию ножа и не упадет. А мы здесь будем покупать ему время. Слышишь? Катершванцы все еще держатся!

– Хорошо, будем надеяться. – Помахать шпагой все равно придется, причем очень скоро. Давно такого не бывало, но сегодня случай особый. – Прорваться все равно уже не выйдет.

– Мы с тобой давно не фехтовали, – на скулах Ойгена играл румянец, – хотя Ульрих-Бертольд не фехтовал с полной отдачей дольше нас.

– Мой генерал, в центре еще «гуси»... с пушками...

– Я слышу.

В окуляре отброшенные во второй раз дриksы катятся навстречу подходящим подкреплениям. Свежий противник – это плохо, но это и хорошо, потому что он здесь, а не у Маршальского и не у Лысого. Хуже, что «гуси» успели дотащить артиллерию... Ариго отбросил трубу – надоела!

– Неприятно, но ожидаемо. – И давно, с той минуты, когда блистательных гвардейцев скосил картечный залп в упор. – Всем спешиться. Лошадей – за бугор.

Напоследок потрепать приунывшего Барона по шее, бросить поводья Арно, нащупать в кармане заветный камешек... Еще дерутся бергеры, те, которых отрезали, давно ничего не слышно о «спрутах», полк Лецке нашел свой конец, как и мариенбуржцы. Энтони так и не встретился с сыном. «Дурная примета...» К Леворукому!

– Эти флаги висят как тряпки! – Ойген – Ойген! – ломает и отшвыривает хлыст. – Дурная примета...

– Ничего, оживут!

Пушечный грохот, кесарские артиллеристы уже обустроились. Залп, барабанный бой – и «крашенные» с гвардейцами повалили сразу с трех сторон. А ведь думалось, мерзавцы с атаккой повременят, дадут поработать канонирам...

– Проклятье, Герман! Они не желают дать нам ни одной лишней минуты!

– Да кто их спрашивает?! – шипит Ариго, стискивая кулаки, а перед глазами вспыхивает россыпь голубых степных искр. – Мы сдохнем, это так, но не одни! И не сейчас!..

– Герман!!!

Глава 12

Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Барон, надежный и невозмутимый Барон, фыркнул, придал ушами и беспокойно переступал с ноги на ногу. Покидать его, такого, не хотелось, бросать Кана и вовсе было ножом по горлу, но не торчать же при лошадях, когда каждая шпага на счету! Помогавшие Арно вальдзеец и пара бергеров красноречиво косились на генеральского адъютанта и друг на друга. Еще бы! Свести коней за пригорок недолго, а вот решить, кто станет за ними присматривать, когда другие сойдутся в рукопашной...

– Хоть бы какой легкораненый нашелся, – буркнул Савиньяк, пытаясь успокоить обычно флегматичного жеребца и... себя.

Вальдзеец красноречиво вздохнул. Все, кто стоял на ногах, были в бою, а они крутили конские хвосты. Арно придирчиво оглядел своих помощников, понимая, что нужно решать, причем быстро. Барон старался не зря, завести других лошадей ему удалось: Кан и тот тарасил глаза, а серый Райнштайнера шарахнулся от хозяйского порученца, будто тот напаялил волчью шкуру. И какой дурак после этого скажет, что кони не понимают...

– Спокойно, – Арно потрепал бузотера по длинной гриве, – все будет хорошо... Вернется твой генерал, ничего с ним не станется... А, так ты пить хочешь? Не получится, дружок, – болото, дриksы...

Барон не слушал – тянул морду с раздувающимися ноздрями к реке, не забывая переминаться с ноги на ногу, потом тоскливо заржал. В ответ под расчертившими высокое небо облачными когтями раздался... больше всего это походило на звон.

Странные мелодичные звуки с отчетливым металлическим отливом возникали где-то вверху и уходили в землю, будто над Мельниковым лугом запел серебряный жаворонок или

между битвой и облаками натянули струны.

– «Забияки»!

– Чтоб их...ые!

Каданцы вынырнули из порохового дыма меньше чем в сотне шагов. На первый взгляд – с десяток, а считать по головам нет времени. Вот только оранжевых за спиной для полного счастья и не хватало! Арно взлетел в седло первым, остальные чуть приотстали – разбирали лошадей, пришлось Кана малость придержать. «Забияки» сбавили ход, в свою очередь разглядывая талигойцев. Может, они и собирались подобраться к генеральскому бугру с тыла, но теперь их планы изменились. Повернут? Нет, атакуют, ну, сами напросились!

– Не разделяться! – крикнул Арно, высылая Кана. – Бьем все вместе!

Трое на одного – не беда, сегодня весь день трое на одного, и спасибо, если без пушек, так что, кляча твоя несусветная, вперед!

2

Отказавшийся от лошади полковник шагал в предпоследнем ряду мариенбуржцев. Чарльз соскочил с разом ожившего гнедого и пристроился рядом, пытаясь попасть в такт походу бергера. Решимости у Давенпорта хватало, хуже было с доводами.

– В чем дело, капитан? – хмуро бросило явно не ждавшее добрых вестей начальство. – Что-то впереди?

Пока ничего, только горизонт утонул во мгле, по небу змеями ползут прозрачные облака, и сжатая ужасом душа приказывает, просит, умоляет бежать.

– Господин полковник... – Маршал Савиньяк понял бы и поверил, но где он, этот Савиньяк! – Нужно спешить. Мы должны убраться отсюда как можно быстрее.

– Объясните, – требует полковник. На физиономии вышагивающего рядом мариенбуржца читается: «Ты чего, приятель? Так вроде дрался здорово, и на тебе!»

– Господин полковник, я отдаю себе отчет в своих словах. На меня иногда находит – я чувствую приближение опасности. Не противника, не знаю, как объяснить... Один раз это был оползень, потом, в Надоре и Гаунау, обвалы, и вот теперь... Что-то приближается... нет!.. не приближается – оно здесь и собирается с силами. Больше я не могу ничего сказать, но контузии у меня нет, и дриков я не боюсь.

Бергер все так же хмуро оглядел горизонт, поднял голову к исцарапанному узкими облачками небу, и оно, словно в ответ, запело. Тихая, удивительно нежная мелодия лилась вниз незримым дождем и гасла в пыльной траве. Будто снежинки в грязи таяли...

– В Торке помнят эти песни. – Лицо полковника стало еще жестче. – Они зовут ветер. Такой, что катает тяжелые камни и ломает деревья. Вода в бухте кипит и клокочет, а суда одеваются льдом... Вы знаете, куда убираться, капитан?

– Кажется, подальше от Болотного... Особенно от прохода.

– Выходит, ближе к реке?

– Не знаю... Нет, река тоже... Надо в тыл... Да, на восток!

Вознамерившегося удрать гнедого Чарльз ухватил лишь чудом, и тут же впереди раздалось разноголосое тревожное ржанье: теперь беду почуяли и кони. В Гаунау было так же: сперва он, потом зверье.

– Хорошо, что вы верхом, – бросил полковник. – Передайте приказ: бегом. Пешим взяться за стременные ремни. Дорогу выбираете вы.

3

Свечка, лансада – и дурным галопом по полю туда, где за облаками порохового дыма висят курганы... «Забияка» вряд ли соображал, что закусивший удила дурень несет его прямоком в гущу схватки, иначе повалил бы коня или спрыгнул.

Мимо Арно промчался серый Райнштайнера. С пустым седлом, но сбросил ли чужого

всадника конь или пуля успела раньше, тенъент не знал. Оглаживая дрожащего мориска, он пытался сообразить, что же теперь делать ему. Стычка кончилась, едва начавшись. Лошади, свои и чужие, с всадниками и без, заводясь друг от друга, летели прочь, и стелющаяся по траве пыльная поземка хватала их за ноги.

Арно, хоть и был встревожен, голову не потерял, а вышколенный Кан полагался на хозяина – велено стоять, будем стоять. И все же жеребец боялся – тенъент чувствовал, как отчаянно колотится лошадиное сердце: бух! бух! Сердце самого Арно вело себя немногим лучше, но на что нам воля и голова, если не на то, чтобы унять страх и понять?

Понесшие разом кони от чего-то спасались, позабыв про всадников. Если наездники не дураки и не полные неумехи, они доверятся лошадям, но удрать, бросив генерала? Бросив всех?!

– Мы не каданцы, – шепнул Кану Савиньяк, разворачивая мориска. Тот, все еще веря всаднику, повернулся и тут же, всхрипнув, присел на задние ноги, потому что к бугру, где остался Ариго, из взявшихся ниоткуда облаков тянулся голубой призрачный рукав, а навстречу ему по лугу катился наглотававшийся пыли вихрь. Будто в Торке среди зимы.

Две руки на глазах Арно соединились в пожатии, из которого закрутился жуткий воющий столб. Широкий на концах и узкий в середине, он затанцевал на месте, то ли выбирая, куда ринуться, то ли пожирая тех, кто остался на бугре, сам бугор и бешено вращающиеся над лугом облака; пожирая весь этот безумный, полный боли день... Дороги назад больше не было.

Умоляюще заржал все еще послушный всаднику мориск. Он боялся, и он, в отличие от Арно, знал, куда бежать. Тенъент отпустил поводья. Кан выпущенным из пушки ядром рванулся вперед и пошел бешеным карьером, унося себя и хозяина от крутящейся воющей гибели, отвоевывая у нее корпус за корпусом.

4

Теперь «уставший» гнедой пёр, будто кабан по осени. Постоянно убыстряясь, он так и норовил перейти в галоп; Чарльз не давал, и жеребец изо всех сил пытался вырвать повод. Рядом, держась за путлища, бежали полковник и капитан-мариенбуржец. Реми с парой «спрутов» отправили подгонять отстающих, хотя в считанные минуты закрывшие солнце тучи понукали почище самого злобного начальства.

Показавшийся после зноя ледяным ветер снес шляпы тем, у кого они еще оставались, но духота все равно не спадала; казалось, не хватает самого воздуха. Разглядеть что-либо в сумеречных пыльных клубах представлялось невозможным, но пушки у курганов еще ревели. По крайней мере, Чарльзу хотелось думать, что это пушки, а вот списать на них наползающий со стороны Эйвис рокот не выходило...

Вновь покрывшийся мылом гнедой в который раз дернулся сменить аллюр, Чарльз не дал, хотя подлая мысль оставить пеших все настойчивей лезла в голову. И ведь всего-то ослабить поводья... Незнакомая тугоуздая лошадь, уставшее тело, с кем не бывает... С капитаном Давенпортом такого не будет, но как выковырять эту пакость из мозгов?!

– Тише! – велел словно бы жеребцу Чарльз. – Тише ты, трус!

Жеребец заржал; будь его воля, он избавился бы от всадника, но его воли не было. И опять духота, тьма, канонада. И опять древний тоскливый ужас в душе. Рысью, дрянью такая, рысью!

– Стой! – попытался переорать крепчающий ветер полковник. – Впереди! Снова! Будет! Река!..

Леворукий, как же он забыл! Эйвис в этом месте поворачивает к северу и перекрывает дорогу... Но назад нельзя! Только не назад!

– К болоту! – услышал собственный вопль Чарльз, и тут же полковник, оторвавшись от стремени, встал перед мордой гнедого, отчаянно размахивая сорванным с плеч мундиром.

– Класть лошадей! Лечь рядом! Замотать им морды! Потом – свои головы!.. Чем

осталось!

Положить гнедого удалось сразу, как и замотать ему морду мундиром. Рядом «спруты» укладывали своих коней, и те ложились, вытягивая шеи, разом утрачивая присущую лошадям грациозность. У курганов продолжалась пальба, но в сравнении со стремительно нарастающим смешанным с воем рокотом она казалась почти тишиной. Чарльз обернулся. Лохматая стена закрывала полнеба, словно на равнину двинулись заросшие дубами горы. В авангарде, сходясь и расходясь, танцевало с полдюжины вставших на хвост иссиня-черных змей, за ними пробивал низкие тучи толстенный кривой столб.

– Наземь! – проорал в самое ухо бергер, и капитан понял, что лежат все, кроме него и полковника. – Наземь, дурак!

Словно очнувшись, Чарльз торопливо лег, ткнувшись лицом в траву. Рядом упал полковник, и началось. Чарльз невольно открыл рот и сразу же стиснул зубы – горло забило растерянной и разъяренной пылью. Сердце колотилось, голова раскалывалась, губы, рот, горло пересохли и, казалось, покрылись струпьями, а потом свист перешел в рев, и на Давенпорта обрушился даже не ливень, а водяной вал. Обрушился и тут же схлынул. Промокший до нитки капитан не сразу понял, что это все.

Завозился, порываясь подняться, гнедой, над головой кто-то выругался счастливым голосом, но последними словами, которые утонули в еще чьем-то прямо-таки пушечном чихе. Капитан оторвался от земли, как мог утер лицо и сел на мокрую траву рядом с бергером.

– Нас задело только кх-кхраем... – Полковник дышал, как вытащенная на сушу рыбина. – Лучше бы снечх-кх-кх... Хорошо... успели убратсья с дороги... этой... этого... кх-кх-кх...

Сил на ответ у Давенпорта не нашлось. Они убрались, это так. Бешено вертящаяся смерть неслась к курганам, и Чарльз не желал даже думать, что станется с теми, кто окажется на ее пути.

Глава 13

Южная Марагона. Мельников луг 400 год К.С. 15-й день Летних Волн

1

Драка стихала сама собой. Когда на небе и на земле творится такое, не развоуеешься. Из-за реки на Мельников луг стремительно надвигалась огромная черно-лиловая туча, но за спиной было еще хуже. То и дело оборачиваясь, Арно видел, как с полдюжины вихляющихся темных столбов гоняются друг за другом, смыкаются, расходятся, сходятся, а за ними прет нечто толстое, темное, бешено вращающееся. Рокот и гул заполонили то ли окружающий мир, то ли голову, но в седле Савиньяк держался уверенно, а Кан столь же уверенно мчал к Маршалскому, убираясь с пути ополоумевшей бродячей башни. Они успевали, хотя черные с просинью облака стремительно затягивали небо. Порывы ветра прогнали пороховой дым за курганы, но поднявшаяся пыль окончательно добила солнце, а потом на берега Эйвис ворвалась ночь.

Стемнело столь стремительно, что Арно почувствовал себя щенком, которого сунули в мешок. Обогнавшие беглецов тучи всесокрушающим стадом валили к Ворслунне, прямо над головой пласталось нечто тяжеленное и кудлатое, но с пути проклятого столба убратсья вроде бы удалось, потому что теперь ревело сбоку и впереди, и рев этот пожрал все остальные звуки. Может, копыта и грохали оземь, может, где-то еще палили из пушек, а где-то кричали обезумевшие люди и лошади – буря лишала добычу голоса. Кажется, помчавшийся еще быстрее Кан кого-то сбил, потом они перелетели через брошенные орудия, тоже непонятно чьи...

Скачка сквозь гремящую и при этом глухую тьму оборвалась так резко, что Арно лишь чудом не перелетел через голову коня. Кан развернулся крупом к вдруг поменявшемуся ветру и опустил морду к земле. Все, теперь не сдвинешь, и не надо. Стараясь не рехнуться от даже не страха – ужаса, тенъент припал к шее мориска, обхватив ее обеими руками, и тут опередивший их гул перешел в рычанье, даже не рычанье... Так, только не в пример тише, ревет вода на порогах Доннерштрааль.

Чтобы оценить опасность, нужно хоть какое-то время, а ужас не может расти до бесконечности. Когда с бывшего неба сплошной стеной хлынул ливень, а неизвестно откуда взявшаяся волна ударила Кана по ногам, Арно лишь сильнее прижался к коню. Упадет – конец обоим, но мориск выдержал, а вторая волна вышла слабей первой. И все равно вода прибывала, и прибывала быстро. Неужели разлилась Эйвис? Нет, не успела бы!

Стало немного светлее, сквозь плеск и шум прорвался захлебывающийся крик. Кто-то погибал, и сделать ничего было нельзя.

– Придется выбираться, – сказал тенъент себе и Кану. – Ты ведь у нас умница... Давай...

Мориск с трудом переступил ногами. Вода водой, но конь начинал вязнуть – грязь уже доходила ему до бабок. Этот подлый луг не стал продолжением приречного болота только из-за отсутствия воды, теперь ее хватало.

– Нечего нам тут делать! – решил Арно. – Идем.

Стоявший понурив голову Кан с почти человеческим вздохом повел боками и не сдвинулся с места. Что от него требуется, он понял, но прямо сейчас?!

– Надо, – одними губами приказал тенъент, высылая коня туда, где в струях не перестававшего хлестать дождя проступала темная туша кургана. – Надо... Ты ведь не хочешь...

Ржанье рванувшегося изо всех сил мориска слилось с ревом очередного вихря. Кляча твоя несусветная, ну сколько же можно?!

2

Жермон смотрел в сухой колодец, и стенки его были ураганом. Бешено несущиеся по кругу тучи, вместо воды – круглое окошко, и в нем желто-зеленое сукно, на которое кто-то бросил пригоршню серого мака...

– Герман!

Ариго до боли сжал подозрную трубу, и наваждение стгнуло. Они с Ойгеном стояли все на том же бугре под рвущимися с флагштоков знаменами, и бергер запрокидывал голову, унимая идущую носом кровь.

– Если б... мы были на солнце, – прохрипел он сквозь свист ветра и еще какой-то шум, – я бы сказал... что у тебя удар.

– А у тебя... что?

– Не имею представления... – Барон величественно шмыгнул носом. – Нам с тобой... очень сильно повезло... Это крайне странно...

Странно... Жермон поморщился и попытался сосредоточиться. Голова была пуста, будто рассохшаяся бочка, и при этом умудрялась разламываться от боли. Генерал понимал, где он и с кем. Бой проигран, левый фланг расстроен, да что там, почти уничтожен... Командовать, по сути, нечем – в таком бою каждый сам себе генерал. Бергеры, вальдзейцы, «спруты» кто где мог и кто как умел вырывали для армии секунды и минуты. Сдаваться никто не собирался, как и бежать... Они с Райнштайнером готовились к рукопашной, и «гуси» подтянули артиллерию. Свой приказ – отвести лошадей за пригорок – Ариго помнил отлично, дальнейшее скрывала яростно клубящаяся туча. Возникнув из ничего, она перешла реку и под грохот грома породила смерч. То сужаясь и поднимаясь к небу, то опускаясь и раздаваясь вширь, он гигантским плугом взрезал луговину, круша, калеча и расшвыривая все, что оказывалось на его пути...

Им с Ойгеном повезло. Черный воющий столб обогнул бугор с флагами, у которых остались лишь два генерала. Рехнувшийся Ариго и успевший согнать свитских вниз Райнштайнер. Смерч походя швырнул в них сорванной с лафета пушкой, та не долетела и, не удержавшись на склоне, скатилась вниз. Летящая пушка... Бред.

Что-то свистнуло у виска. Не пуля, пули свистят иначе, и не картечь... Новый вихрь вырастает из туч, впиваясь во взбаламученную реку. Неужели еще не конец?

– Ойген, надо идти... Искать...

– Нет.

– Ойген, но ведь должны мы хоть что-то...

– Нет, Герман, нет!

К ногам падает нечто ярко-зеленое. Яблоко... Леворукий, откуда здесь яблоки?!

3

«Главное – самообладание, – твердил Эмиль, – иначе конь решит: «А-а-а! Ты сам боишься! Значит, видишь опасность, которую не вижу я!», потеряет голову, и что ты с ним, таким, станешь делать?» «Покажи свой страх другу, начальнику, королю... женщине, наконец, но не врагу и не лошади!» Это уже Ли...

Арно не показывал.

– Я тут, – ровным голосом, как заведенный, твердил тенъент, оглаживая пробивающегося сквозь воющий мокрый кошмар мориска, – все хорошо... мы выберемся... я с тобой... уже скоро... Ты только держись...

Кан держался, а вокруг хлестали потоки мутной воды. Со всех сторон. Арно отдал мориску повод, насколько тот просил, и прихватил прядь гривы, больше он сделать не мог ничего.

– Все в порядке... Мы сейчас выберемся... Все в порядке...

Ливень стал просто дождем, ветер никуда не делся, но это уже можно было бы терпеть, не вообрази себя луг Ренквахой. Сверху вода, под ней – грязь, и ведь будет раскисать и раскисать.

Из мути вынырнуло перекошенное лицо и пропало. Совсем рядом... Кто-то пытается выпрямиться и снова падает в грязь. Леворукий бы побрал эту глину. Жрать она хочет, что ли?

Кану по колено, а человеку? Арно сам не понял, как ухватил упавшего за шиворот, в плече что-то хрустнуло... Тьфу ты, еще сам навернешься. Нет, удержался и удержал! Полуутопленник с трудом выпрямился. Хорош...

– Держись за стремя! – приходится орать в странно чистое среди бурой грязи ухо.

Бедолага хрипит и кашляет, но соображает. В стремя, во всяком случае, вцепляется намертво.

Двух всадников борющийся сразу с ветром и грязью конь не выдержит. Даже Кан.

– Все хорошо... Правда все хорошо... Еще немного... Вот он, курган... Рядом...

Проклятая вода, и откуда только взялась, хлещет навстречу, растекаясь по склону, но надо лезть. Ничего не поделаешь, надо, внизу, в глиняной каше, им конец. Грязь еще хуже воды. В грязи конь вязнет, начинает дергаться, выбивается из сил.

– Еще немного...

Еще десяток шагов... Течение становится сильнее, но и земля под ногами идет вверх. Только бы не упал Кан.

– Все хорошо...

Нет, так не годится! Всадник мешает коню, значит, вон из седла! Хорошо, что у лошадей два стремени... А Кан справится! Ведь справишься, да? Теперь вперед, держась за путлище, увязая в раскисшей глине. Если это курган, куда он, дрянь такая, дел траву? Откуда эта скользкая шкура, будто на рыбу лезешь? На мерзкую, скользкую рыбу без чешуи.

– Спокойно, малыш... Я тут. Ты молодец, какой же ты молодец...

Дыхание коня становится все тяжелее, спасибо хоть ветер дует в спину, помогает идти и при этом пронизывает до костей. Кан из последних сил карабкается по скользкому склону. Вода все быстрее обтекает копыта, ледяная, хищная вода. Ничего, поднимемся. Не из вершины же она бьет.

Что-то непонятное хрипит у «своего» стремени попутчик. Еще свалится, чего доброго... Продравшиеся сквозь облачную завесу лучи затевают с треклятым потоком игру в зайчики, нашли место, но справа блеска меньше... Кан тоже заметил, повернул, и течение сразу стало медленней. Эта гадость лупит прямо из приречного склона, выше должно быть сухо.

– Еще немножко...

В самом деле немножко. Сухая – сухая! – трава под ногами, какое же это чудо, так бы и повалился, но лучше подняться повыше. Навстречу бегом спускаются люди. Мокрые, грязные, но успевшие отдышаться, что-то кричат, один тянет флягу. Как же кстати!

– Молодец, – Арно прижимается щекой к шее Кана, – умничка... Спасибо!

Обжигает горло касера, кажется, она пахнет дымком... Можно оглянуться, разглядеть склон и берег. Ничего же себе, точно Ренквах после Окделлова побоища! Что-то лопочет отлипший от стремени «утопленник», славный он вообще-то, хорошо, что не до конца утонул. Сил говорить нет, но ведь можно просто угостить, а хозяин касеры простит. И вообще сейчас главное Кан... Расседлать и обтереть Кана, для начала хоть бы жгутом из травы...

Сделав последний глоток, Арно решительно протянул флягу, и тот с улыбкой отсалютовал точно такой же. Плоской офицерской флягой, на которой горделиво расправлял крылья коронованный лебедь.

4

Наперерез широкой мутно-болотной полосе устремлялась серо-бурая борозда. Представить, что творится там, где сошлись оставившие эти следы смерчи, Жермон не мог: не хватало даже не воображения – сил.

Генерал с опаской поднял трубу, но та больше не прикидывалась оком бури. В маленьком светлом круге, с трудом вытаскивая из раскисшей земли ноги, уныло тащились трижды уцелевшие за один день люди. Понять, кто из какого полка, не получалось – тина и грязь выкрасили всех в единый болотный цвет. Немногочисленные офицеры даже не пытались выискивать подчиненных, просто собирали тех, кто на них выходил.

– Дриксам вряд ли веселее, – утешил себя и стоящего рядом Ойгена Ариго, поворачивая трубу. Глаз сразу же споткнулся о пушку, которую смерч швырнул туда, где раньше прошел со своей алебардой Ульрих-Бертольд. – Ветер дует от курганов, но артиллерии не слышать...

Было глупо предполагать, что на этом лугу кто-то продолжает кого-то резать, хотя центр и особенно правое крыло ураган должен был пощадить. О том, что от Западной армии остались лишь ошметки, Ариго не желал даже думать. Смерчи шли к Ворслунне, значит, пострадал только левый фланг. Только левый! Карсфорн и Шарли в порядке, как и лекарский обоз...

– Прости, не расслышал, что ты сказал. – Ойген отвел глаза от взбаламученной реки и теперь устало смотрел на Ариго. – Я пытался понять, что произошло, но это бессмысленно, по крайней мере сейчас.

– А что тут понимать? – удивился Жермон. – Ураган... С ночи собирался... Мы же чувствовали, только не понимали, что к чему. Не поймай нас Бруно, может, и дошло бы... Хотя бы до тех, у кого кости к ненастью ноют.

– Это очень простое объяснение, и оно может оказаться верным, но ты говорил не об урагане, и ты выглядишь обеспокоенным.

Жермон расхохотался. Как последний подлый болван, потому что был обеспокоен за

армию, за свой фланг, за Арно, Валентина, за... Барона, в конце концов. Генерал, которому надлежит спешно приводить в порядок вверенные ему войска, сходит с ума от страха за мальчишек и длинногривого доброго жеребца, это ли не смешно?! А еще на центральном кургане ждет вестей старик, а мэтр Лизоб как-то обмолвился, что сильный ветер и резкая смена погоды усугубляют сердечную болезнь... Тут заржешь вместо лошади, тут так заржешь!

– Герман! – Этот окрик стоил пощечины. – Очнись.

Смех съежился в ком и застрял в горле, захотелось хоть за что-то ухватиться, и Жермон схватился за плечо бергера. Ком не давал говорить, но мысли скакали сумасшедшими белками, и среди них не было ни единой дельной. Ойген неторопливо высвободил из пальцев Ариго трубу и долго рассматривал горизонт.

– Войска левого крыла частично уничтожены, частично рассеяны по всему пространству от курганов до Эйвис. – Барон словно диктовал донесение, только рядом не было никого из порученцев, вообще никого. – В непосредственной близости в ожидании приказа находится от пятисот до тысячи человек. Наиболее вероятное число – семь – семь с половиной сотен. Еще около роты – похоже, вальдзейцы – стоит отдельно.

– А твои? – выдавил из себя Жермон. – И «спруты»?

– Я не исключаю, что в число этих семисот входит остаток одного из моих полков. Кавалеристов в поле зрения нет, но есть нечто очень интересное. Пройди взглядом по следу речного смерча... Вон туда, левее...

– Вижу. – С «гусями» он и вправду угадал. Унылые фигуры группами и поодиночке брели к Болотному. «Крашенные» синие, «крашенные» красные, навалившиеся на бергеров вчетвером на одного серые гвардейцы, теперь все они были одного цвета. – Сволочи!..

– Несомненно, но сейчас они нам не опасны. Ты не туда смотришь. Ближе.

Жермон послушно шевельнул трубой и не поверил собственным глазам. След от водяного смерча сперва словно бы нехотя, а потом резко сворачивал с, казалось бы, твердо выбранной дороги. Будто кто-то с натугой развернул гигантскую улитку в сторону курганов.

– Если я правильно представляю себе диспозицию, примерно там мог находиться полк Придда, – задумчиво произнес Райнштайнер. – Я не хочу действовать через твою голову, Герман, но нам следует немедленно доложить о своем спасении маршалу. Он мог решить, что ты погиб, а он болен и очень к тебе привязан.

Все они друг к другу привязаны, и все швыряют друг друга в огонь. Без этого не обойтись...

– Сперва надо разыскать трубача. Что бы там ни было, а всех, кого можно, мы должны собрать.

Глава 14

Талиг. Надоры. Талиг. Оллария. Талиг. Валмон 400 год К.С. 15–16-й день Летних Волн

1

Марсель ненавидел гвоздь в сапоге и шел. Окажись с сапогом все в порядке, виконт все равно бы сейчас что-нибудь ненавидел, но гвоздь был, как была и дорога, которую следовало осилить с расковырянной пяткой, двумя шпагами и в одиночестве. Ненависть и дорога временно облегчают жизнь, хотя и не украшают.

Он дошел, когда солнце упало за словно бы вспыхнувшие деревья. Древняя стена торчала там, где ее оставили, ехидно намекая, что, сколько ни бегай по собственным следам, никого не вернешь. Оставшийся без маршала капитан намек понял, только не скакать же в темноте по хоть и паршивым, но горам! Что ж, придется ночевать... Марсель развязал мешок, убедился в наличии плаща и огнива, но тратить последний свет на пошлый сбор

хвороста не стал – не хотелось, как и сидеть на месте. За какими-то кошками виконт поднялся к руинам, с чувством глубочайшего отвращения обошел их кругом и наткнулся на следы сапог для верховой езды, причем те, кто их оставил, вряд ли были современниками Манлия.

Стекая с камней, на мелочи внимания не обращаешь, но сейчас Валме стало почти любопытно. Прикинув, где поблизости можно оставить коней, виконт отправился на поиски и ничего не обнаружил. Конечно, под защитой кладки следы держатся дольше, и все равно Марселю казалось, что непонятные кавалеристы заявили к развалинам без лошадей, а значит, либо отсюда не столь далеко до тракта, либо не обошлось без кого-то вроде Зои.

«Холодные» шляются по дурным и глупым смертям, то есть не по самим смертям, а по местам, где какой-нибудь дурак или подлец убил или испустил дух, отчего получилась дырка, в которую можно и самому пролезть, и «горячего» протащить. Так почему бы не позвать, вдруг услышат?

Место, где они с Рокэ целовали руку выходцу, Марсель нашел сразу, вежливо постучал по замшелым камням и негромко окликнул:

– Капитан Зоя Гастаки, вы здесь?

Отозвалась какая-то ворона: села на ближайшее дерево и кокетливо заорала. Спорить с птичкой виконт не стал, зайдет солнце – сама заткнется. Перетащив мешок поближе к стене, Марсель достал флягу и оставшуюся провизию. Сжевал половину, запил варастийской касерой и долго сидел, глядя на вскарабкивающийся на небо молоденький месяц и пытаясь из каменного скрежета и брошенной на можжевельовый куст шпаги собрать хоть какие-то стихи. Когда стальной лунный коготок завис над самой стеной, виконт поправил шейный платок и снова позвал Зою.

Ответа не было, но не было и полуночи.

2

Клемент обожрался и надулся за это на свое печенье. Покинутая еда страдала в одиночестве, а его крысейшество, оседлав плечо Робера, то и дело вмешивался в разговор с Карвалем. Невеселый разговор.

– Я согласен, – подвел итог Эпинэ, – барсинцев пора из города убирать, но не в Барсину... Клемент, да уймись же ты наконец!..

– Но его крысейшество здоров? – Карваль протянул крысу палец, тот... окрысился.

– Он даже слишком здоров. – Робер стянул Клемента с плеча и поднес к лицу. – Ревнуешь? Чует, когда я собираюсь к... уезжать.

– Я вас провожу, – решил заботливый Карваль. – Мне все равно по пути.

Никола врал, но уличить его во вранье можно было, лишь отправившись в противоположную от Капуль-Гизайлей сторону, Робер же лишний час терять не хотел. Этим вечером его тянуло к Марианне с особенной силой, а договорить можно и по дороге. Иноходец предпринял несколько попыток водворить Клемента в корзинку с отринутым печеньем, но крыс взбунтовался. Он щелкал зубами, изворачивался, верещал, а будучи отпущен, скатывался со стола и семенил за Робером, пока тот не смирился и не сунул ревнивца за пазуху.

– Боюсь представить, что скажет госпожа баронесса, – улыбнулся Карваль. Последнее время он старательно заучивал и применял чужие шутки – учился легкости в разговоре. По совету графини Савиньяк, надо думать.

– Ничего страшного, – подыграл, несмотря на захватывающую душу пустоту, Эпинэ, – вот за Эвро и барона я не поручусь...

Становившийся с каждой поездкой все более родным дом ждал, и Робер спустился по лестнице почти бегом, предвкушая даже не поцелуй – улыбку, которой его скоро встретят. Входя к Марианне, Эпинэ сбрасывал с сердца тяжесть, словно жесткий обледеневший плащ, так будет и сегодня. Не жди во дворе охрана, он бы помчался на заветную улицу галопом, но

Прозмперадору Олларии нужен эскорт, в самом деле нужен, как бы от этого ни тошнило.

Дракко и недавно появившийся у Карваля вороной полумориск напряженно всматривались в открытые ворота, не забывая злобно коситься друг на друга. Шумно втягивая воздух и временами всхрапывая, жеребцы красноречиво прижимали уши. Назревала дуэль. Вороной коротко взвизгнул, крутанулся, попытавшись отбить по соседу с двух задних сразу. Дракко увернулся и, наклонив голову, надвинулся на бретера, но того уже ухватил под уздцы Карваль.

– Почему бы тебе не брать Сону? – предложил Робер, когда они миновали церковь Святой Мартины – той самой... – С Дракко они ладят, а красотку так и так надо проминать.

– Монсеньор, я не хотел бы выглядеть мародером. На Соне ездил Окделл, и она слишком приметна. Судьбу этой кобылы, на мой взгляд, должен решить герцог Алва. Вы говорили, что барсинцев нельзя переводить назад в Барсину...

– Тут мы их держим за шкуру, – объяснил Прозмперадор, – там они почувствуют себя хозяевами и пустятся во все тяжкие. Нам придется либо закрывать на это глаза, либо в конце концов брать город штурмом. Я этого не хочу.

– А я этого и не предлагаю, – удивился Никола. – Халлоран давно советует ублюдков разоружить и запереть в каком-нибудь аббатстве. Потом тех, что поприличней, распахиваем по разным казармам. С надорцами прошло как по маслу...

– Кто станет отделять ужей от гадюк? Лично я не возьмусь.

– Крупных гадюк знают ребята Халлорана.

– Не уверен, что всех. А о горожанах ты подумал?

– Они только рады будут.

– Не только. Никола, в узде надо держать не только гарнизон. Сегодня приходил мэтр Ингольс, он встревожен тем, что мы наказываем солдат и щадим жителей доброго города Олларии. Мэтр говорит, что правосудие должно быть ызаргом, жрущим любую пададь. Без разбора, а мы, кто бы ни затеял драку, спрашиваем только с вояк. Даже после истории с парнями Халлорана!

– Монсеньор, вы это *мне* говорите?!

– Я это говорю *нам*. Разгонять барсинцев будем после того, как примерно накажем хотя бы дюжину горожан. Разумеется, за дело. Ты докладывал про каких-то мошенников...

– Один суконщик пытался всучить нам гнилье. Если вы не возражаете, утром он будет в Багерлее...

Дракко шарахнулся, да так, что Робер потерял стремя. Конь не баловал и не дурил – он в самом деле боялся, и отнюдь не вороного, который тоже был не в порядке.

– Монсеньор, может быть, пообедем?

– Пожалуй. – Робер потрепал жеребца по напряженной подрагивающей шее. – Дурашка, успокойся... Все хорошо... Никого нет...

Дракко всхрапнул и пошел боком, всем своим видом говоря: «Нет, есть, есть, есть! Это ты ничего не замечаешь, а там враги!»

Как нарочно, у самых копыт что-то зашуршало. Крыса... Несколько! Почуявший соплеменников Клемент попытался высунуться, пришлось запихивать паршивца назад, но его крысейшество не унимался. Он рвался к собратьям, и собратьев этих было в избытке. Не обращая на всадников с факелами ни малейшего внимания, крысы выскакивали на мостовую и шустро семенили по тихой темной улочке.

– Лошади не хотят, – Никола едва сдерживал осаживающего вороного, – а эти... Будто медом им намазали.

Робер промолчал, оглаживая дрожащего жеребца. Улица еще спала, но тревожно: в окнах начинали мелькать огоньки, где-то завyla собака и, будто в ответ, завизжала женщина. Первая из многих. Крыс становилось все больше. Обычно жмущиеся к стенам, сегодня они предпочитали середину мостовой, зато на деревьях, окнах, оградах вспыхивали желтые и зеленые искры – это провожали уходящую добычу кошки.

– Надо проверить, – решил Никола и окликнул: – Дювье! Со мной.

– Надо. Кто-нибудь, – распорядился Эпинэ, – подержите лошадей.

Кони видят в конце улицы кого-то страшного, голодного и хищного, а кого видят крысы? Нохских монахов? Щербатую девчонку? А хоть бы и ее!

– Монсеньор, зачем вам...

– Я должен увидеть сам, – буркнул Робер, принуждая себя спешиться. В Агарисе он не боялся, просто смотрел с высоты трактирных ворот на затопленную чужой жизнью улицу, а крысы шли, шли, шли... Городом, которого больше нет.

Эпинэ разжал пальцы лишь на мгновение, но Клементу хватило. Его крысейшество обошелся без прощаний. Почти белая шкурка мелькнула и растворилась в ночи и в толпе собратьев.

– Клемент!.. Клемент!!! – Плохо соображая, что творит, Робер бросился вдогонку, но он был человеком, в крайнем случае – Иноходцем, а не котом. Да и сможет ли кот отыскать в таком скопище одного-единственного седого старого крыса?

Шустрые серые тени катились впереди, сбоку, позади, в освещенной плохонькой луной ночи они были одинаковы, как одинаковы дождевые капли; они сливались в струйки, в ручейки, в поток, текущий по улице Святой Октавии. Прочь из становящегося невыносимым города! В Агарисе было так же... Агарис простоял без крыс больше двух лет...

– Клемент!!!

Если выхваченный на мгновение фонарем светлый комочек и был его крысейшеством, то возвращаться он не собирался. Пробыв от исхода до исхода с человеком, крыс возвращался к своему племени. Наверное, так было нужно, только хватит ли у старичка сил дойти?

– Монсеньор, я правильно понимаю?

– Да... Клемент ушел, – отрывисто подтвердил Робер. – Никола, хотите увидеть крысью мать?

– Не слишком, Монсеньор, но если это нужно...

– Нужно. Возвращаемся к лошадям.

Они настигли крыс у ворот Роз. Кони при виде покрытой серым шевелящимся ковром Мытной обезумели, и Робер, бросив кому-то поводья, пошел дальше пешком. Он все равно бы спешился, потому что где-то там был Клемент, который мог узнать и передумать... Крысы не замечали человека, они плескались о стены и ворота, словно стали озером. Наверное, под воротами была щель, а в стене – водостоки. Наверное, сквозь них сочились тоненькие живые струйки, но озеро не вычерпаешь ни ложкой, ни ведром...

В караулке горел огонь и было тихо: солдаты при виде крыс не визжат. Эпинэ поднялся на две показавшиеся странно пустыми ступени, постучал и только тогда осознал, что за ним все это время шли двое. Никола и Дювье. Стало легче.

– Кто... идет? – Голос за дверью был громок и неуверен.

– Проэмперадор Оллари.

Открыли. Десяток перекошенных, растерянных рож и жмущаяся к людским ногам насмерть перепуганная псина. Кажется, гончак.

– Где начальник караула? – хмуро начал Никола. – Кто снял наружный пост?

– Это терпит. – Робер положил руку на плечо никакого не генерала и не барона, а пожизненного капитана замка Эпинэ и своего брата. – Приказываю: открыть ворота. Оллари крысы... не нужны!

3

Бугая в сапогах с белыми отворотами Марсель вспомнил сразу. Господин ментор Свин Арамона, коему унар Марсель посвятил немало ронделей, изящных по форме, но не по содержанию. Несмотря на кромешную тьму и широкополую шляпу, Валме видел круглую усатую рожу так, будто на нее направили фонарь. Тени при такой луне не будет ни у кого, но откуда бы здесь в такую пору взяться «горячему»?

– Доброй ночи, господин Арамона, – вежливо поздоровался виконт. – Я правильно понял, что вы... м-м-м... остыли?

– Ха! – громыхнул Свин. – Ты!

– Я давно не унар, – с достоинством напомнил Валме, – так что давайте на «вы». Я хотел бы видеть капитана Гастаки, вы мне не поможете?

– У тебя не может быть дел с нами. У тебя не может быть дел с Ней!

– Это у нее были дела с нами, – приврал Марсель, хотя Зоя явилась к Рокэ, то есть за Рокэ. Дура! – Я здесь по ее приглашению, и мне не улыбается...

– Ей служу я! – взревел Арамона. Точно выходец! Будь живым, побагровел бы, он всегда багровел. – Никогда Она не изберет тебя и не подпустит к себе! Ты хуже чем горячий, и ты полон беспокойства...

– Боюсь, здесь какая-то путаница, – все еще вежливо предположил виконт, – и мы говорим о разных дамах. Мне нужна капитан Гастаки.

– Не пуцу! Я капитан Арнольд Арамона, и я решаю и говорю: нет и никогда! Нечего ей соваться в ваши дела... Капитан... Ха! Обрезала патлы – и туда же!.. Зачем обрезала? Женщине волосики нужны для красоты и чтоб ухватить, если что...

– Ты? Ты меня схватишь? – Не будь Зоя «холодной», Валме сказал бы, что от нее летят искры. – Ты меня не пустишь?! Да что ты понимаешь...

– Крупиночка ты моя, – прошелестел покойный ментор, – ну что ты так сразу? Ну не хочу я тебя пускать к нему, не наше же дело... Боюсь я за мою малышеньку стриженую... Она и то отступилась, так зачем тебе головонькой своей любименькой рисковать? Что мы от них видели, кроме обид и унижений? Не ценили нас, не уважали, не понимали... Кто нас любил, скажи, кто?! Теперь за ними идут, так им и надо!

– Нет! – Зоя воздвиглась у стены, расставив ноги, будто на палубе. – Зачем им холод раньше срока? Это несправедливо, этого не будет! Оно больше не ищет и не хочет, оно иссякло, все остаются, все будут... Они успеют закрепить паруса, а ты пойдешь за малявкой и заберешь ее.

– Не пойду! – мотнул башкой Свин. – Нет у меня больше доченьки, моей малюсеньки, из-за тебя нет... Не пошла б ты к тревоге, вернулась бы ко мне крохотулечка моя, погуляла б и вернулась, а теперь все! Не взять мне мою кровинушку на ручки, не прижать к себе! Была у меня доченька, стала Королева, и нужен ей только Король и города, так хоть ты меня не бросай. Лунам больше не сойтись, Королю не прийти. Когда иссякнут колодцы, у нас будет много дел, а сейчас тихо, только ты и я... Нам никто не нужен... Мы отдохнем... Мы отдохнем...

Арамона бормотал, Зоя млела, Марсель пытался понять, но и живых-то супругов не всегда разберешь, а уж этих... Виконт возвел очи горé: ночь, если он не запутался в звездах, подползала к рассвету, и кому-то вместо Рокэ надо было ругаться теперь уже с единственным регентом, доводить до конца войны, вышибать морисков...

Зоя колыхнула огромной грудью, словно вздохнула. Сейчас сбегут, кошки б их задрали. И что?!

– Вы куда? – зло бросил выходцам Валме. – Капитан Гастаки, раз уж по вашей милости Талиг остался без Первого маршала, не будете ли вы столь любезны...

– Что? – Оттолкнув Арамону, Зоя знакомо топнула ногой и застыла, будто принохиваясь. – Все не так... Почему?!

Ей «не так», а самому Алве в его дыре? А Бонифацию, будь он хоть четырежды женат, а Этери с Еленой? А Герарду?! Спасибо хоть Франческа не заплачет, а вот ее Эмиль...

– Его нет! – стонала, продолжая принохиваться, Зоя. – Он остыл и сгинул, сударь... Он ушел не к нам...

– Он не наш, – хмуро подтвердил Арамона, вновь обхватив капитана Гастаки бледной толстой лапищей, – он никогда к нам не придет.

– Зачем он? – Зоя приникла к своему Арнольду. – Это плохо... Очень... Не исправить!

– Ха! Он там, где хотел. Идем.

– Алва, может, и там, где хотел, – Марсель топнул ногой не хуже выходца, – но я-то здесь, и я этого не хочу! Отведите меня...

Куда? Здравый смысл подсказывал – в Хандаву, но сказать про Алву Бонифацию Марсель не мог. Дамам – ладно, переживут, а вот епископ...

– Я хочу в Валмон, а дорога найдется. Не могли же мои предки никого там не прикончить!

– Хорошо, – неожиданно быстро согласилась Зоя и протянула руку. Прошлый раз Марсель держался за Алву, прошлый раз Алва еще был...

– К вашим услугам, сударыня. – Все-таки это похоже на батюшкино лакомство, значит, смерть всего лишь сыр, а сыр – это смерть, которую нарезают особым ножом, и выходит Рожа. Она смеется и шмякается, потому что убить легче, чем отвадить, не причинив вреда. Папенька слишком стар и болен, чтобы прогонять, он просто ударит; зная, как и куда, убить проще, чем не убить... Какое странное место, в нем все знакомо, и все наоборот. Кто-то, взмахнув руками, валится в черные мохнатые заросли, кто-то нагибается и смотрит, убирает клинок в трость, качает головой... Почему отец стал левшой и откуда на левом флигеле взялся флюгер? Вот холод, тот взялся из смерти, потому сыр и холоден и все дороги ведут к нему, значит, камни шли не в Олларию... Значит, ошибка... Ошибся Рокэ, ошиблась Зоя, ошиблась дыра, только Рожа не ошибается, потому что не думает, только смотрит...

– Ха! – звучит со всех сторон. – Ты!

Холод сталкивается с теплом, левша, флюгер и мертвец растекаются дождем по синему ночному стеклу. Утром было иначе, то есть именно что не было: ни дорог, ни тебя – сплошное бестелесное похмелье, но уж лучше оно, чем память о разом омертвевших валунах и нахлынувшей пустоте.

– Весьма вам признателен, капитан...

Зоя решила помочь, Рокэ сделал, что сделал, значит, был с ней согласен, а Марселя Валме спросить забыли. Свинство вообще-то, только кто из этих... спасителей отечеств и миров не свинья по отношению к друзьям?

– Капитан Гастаки!.. Капитан Арамона...

Удрали, и кошки их знают, явятся ли снова... В набитый сырой гнилью нос ворвался цветочный аромат, пьяно – все-таки пьяно! – качнулась и замерла громада дома. На *правом* флигеле гонится за утренней звездой флюгер-борзая, журчит фонтан, приветливо клонят головки заполонившие идеально круглую клумбу ранние астры. Валмон! Родимый и никуда не провалившийся.

– У, морковки, – поздоровался с астрами вернувшийся наследник, – уже будет вам Мэгнус!

В голове тошнотворно гудело, а желудок свело так, словно кто-то вознамерился выдавить из виконта сок. В довершение всего пробудился и взялся за старое гвоздь, он еще не понял, что затыкать дырку в душе ему больше не придется, для этого куда лучше подойдут казароны, дриксы и прочая дрянь...

– *Это очень печально*, – пропел под нос бывший офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига, – *так вернуться домой, но долги собрано запишите за мной...*

Поручения, правда, не было, но особым оно точно являлось. Марсель закинул сапог в идеальную клумбу и, не слишком торопясь, захромал к дому. Гвоздь сделал свое дело, гвоздь был вышвырнут.

Эпилог

Дриксен. Ротфогель

400 год К.С. 16-й день Летних Волн

Мачты возникли на горизонте, когда город уже не спал и еще не проснулся.

Подернутое легкими кружевными облаками небо было высоким и радостным, море – светлым и ленивым, ему снилось, что оно – зеркало. Не плескалась о каменный мол вода, обвисли флаги на флагштоках, замерли флюгера и листья деревьев, но трехмачтовый линейал шел на всех парусах, и паруса эти в лучах еще невидимого солнца казались розовыми, как перья фламинго.

Удивленно вскрикнула портовая пушка, принимаясь отсчитывать выстрелы адмиральского салюта, потянулся к прозрачному небу тоже розовый дымок. Растаял. Корабль входил в гавань быстро и уверенно, не обращая внимания на сигналы связанных мертвым штилем сторожевых фрегатов. Гордость киршенбаумской верфи, он был известен всему побережью. Его узнали. Его приветствовали. Он не ответил.

Форштевень пришельца рассекал стеклянное море, разбуженные волны, смеясь, лизали светло-коричневые борта, за кормой тянулся широкий посеребренный след. Флагман Западного флота стремительно приближался к берегу.

Удивленные моряки выскакивали на палубы, влезали на оголенные мачты, толпились у бортов, подносили к глазам трубы, снова грянула пушка. Корабль шел, подгоняемый непонятно откуда берущимся ветром. Горделиво взирая на проступающий из утренней дымки город корабельная фигура, весело развевался на мачте адмиральский флаг, подтверждая, что адмирал цур зее находится на корабле, но палуба была пуста и никто не стоял у руля.

Угожливо пропела, приветствуя высокое начальство, труба морской стражи. Флагман все еще не убирал паруса. Уже можно было разглядеть берег с корабля. Уже была видна богатая резьба на волнорезе, и тут линейал уверенно повернул к стоящему на внутреннем рейде коронному кесарскому фрегату, не шевельнув при этом и брасом. За него все сделал ветер.

Теперь били колокола на всех судах. Кто-то просил помощи, кто-то обозначал свое присутствие в несуществующем тумане, кто-то созывал на молитву. На кесарском судне металась ничего не понимающие люди, порхали по мачтам сигнальные флажки, но штиль приковал корабли к стеклянному морю.

Коронованная звездным венцом меченосная дева нависла над бортом беспомощного фрегата, раздался скрежет и тихий хрустальный звон. Так никем и не убранные паруса разом опали, покинутые иссякшим в одно мгновение ветром, только качались потревоженные столкновением незакрепленные снасти, и танцевали в петлях двенадцать фигур в иссиня-черных мундирах.

Взявшиеся ниоткуда крутые волны, словно прощаясь, ударили о борта сцепившихся судов и понеслись вон из бухты, сверкая пенными гребнями. Стало тихо, а потом закричала чайка, и взошло солнце.

Приложение

Сражение при реке Эйвис 400 год К.С. 15—16-й день Летних Волн

1-й день сражения

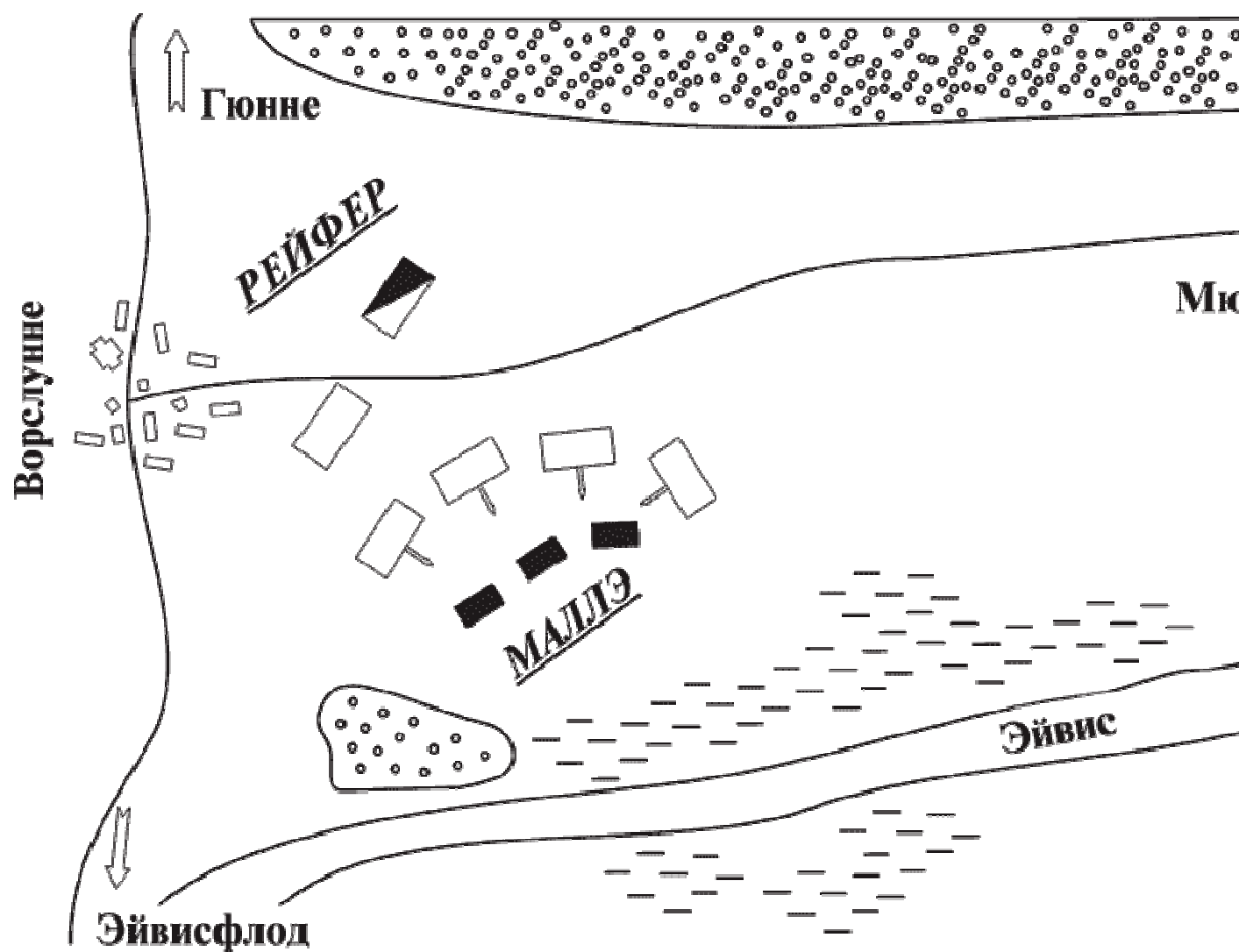

Рис. 1. Сражение корпуса генерала Маллэ с превосходящими силами противника

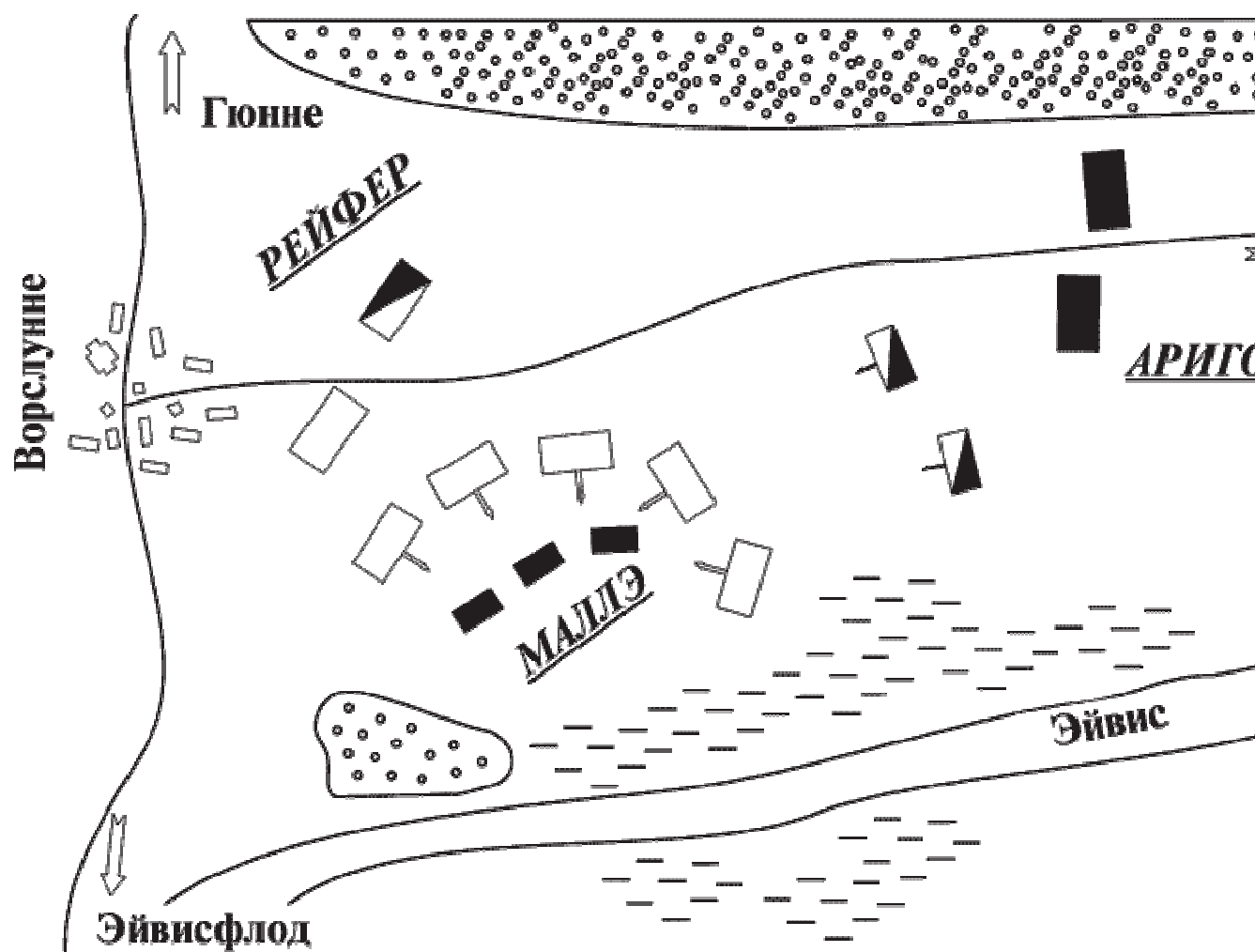

Рис. 2. Подход авангарда Западной армии под командованием генерала Ариго

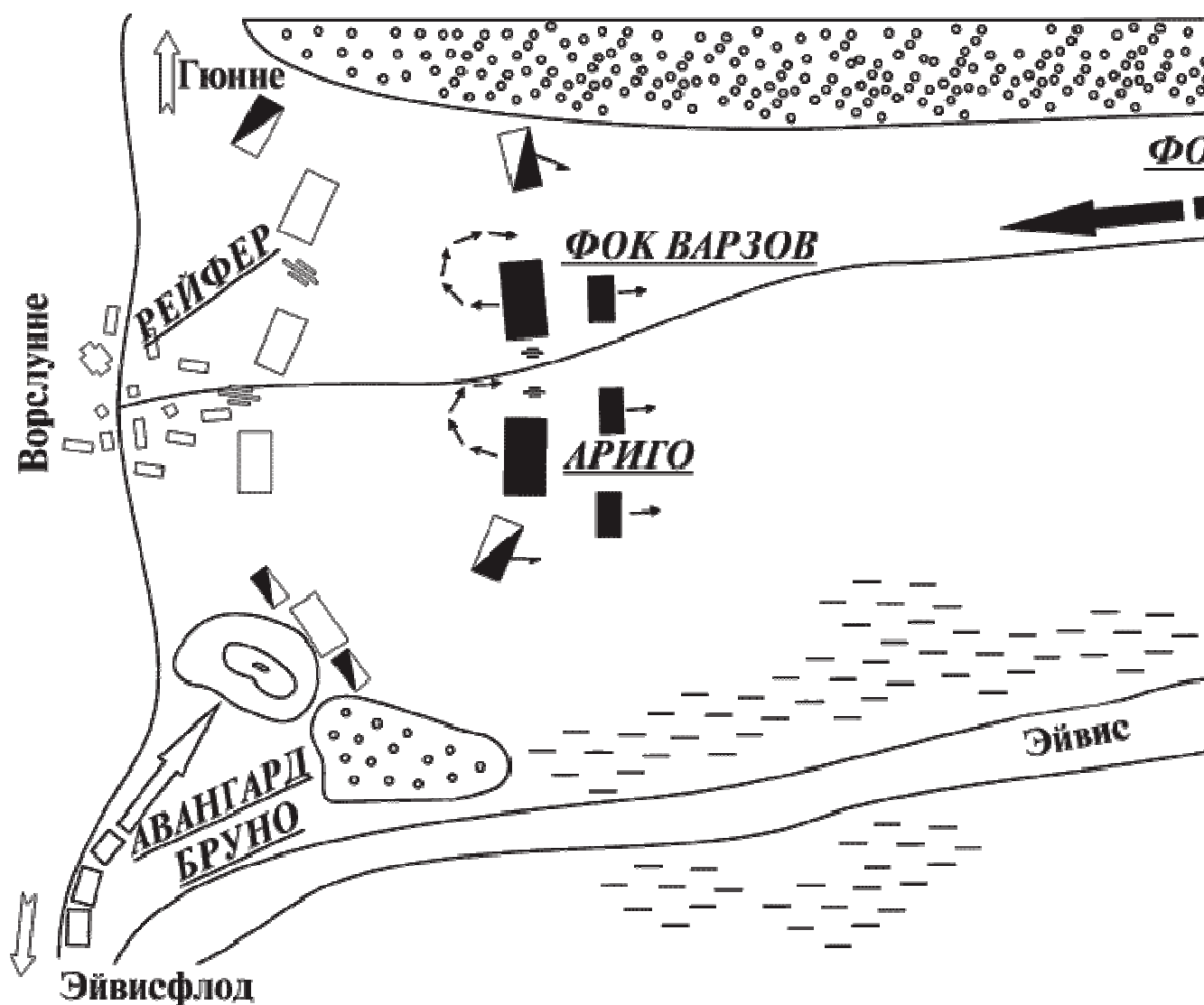

Рис. 3. Сражение главных сил Западной армии с корпусом генерала Рейфера. Подход авангарда армии фельдмаршала Бруно

2-й день сражения

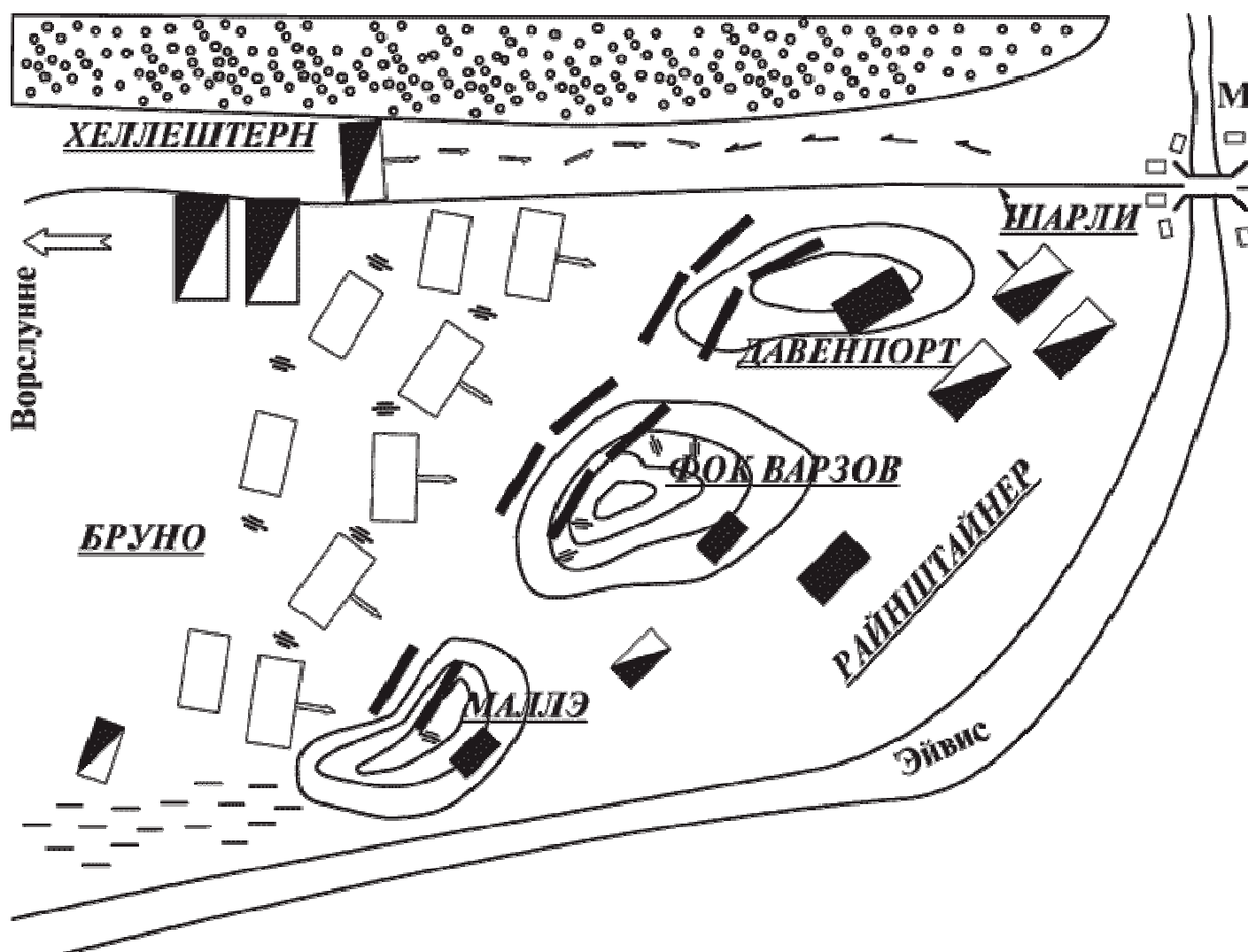

Рис. 4. Начало сражения

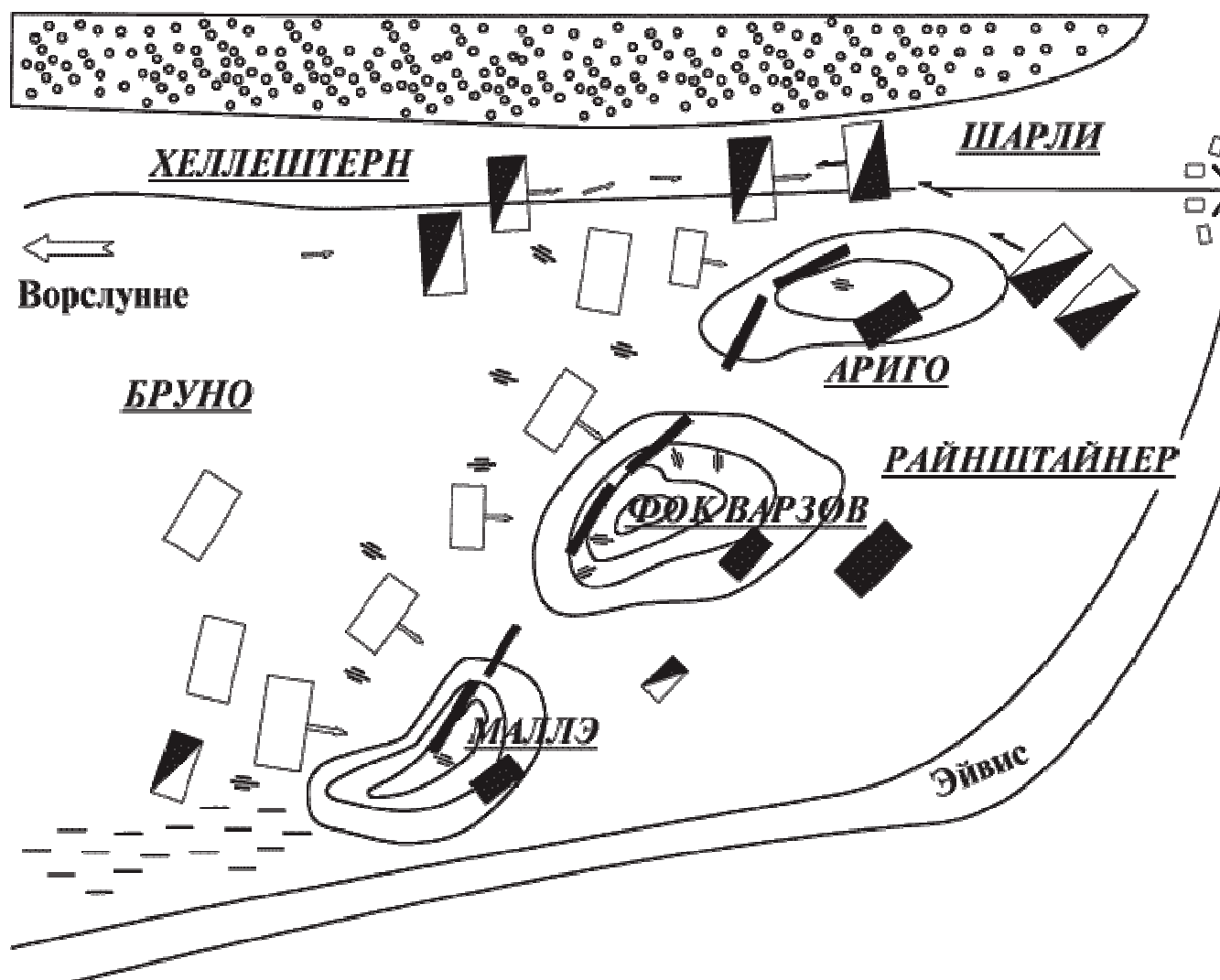

Рис. 5. Кавалерийское сражение у Светлой роци

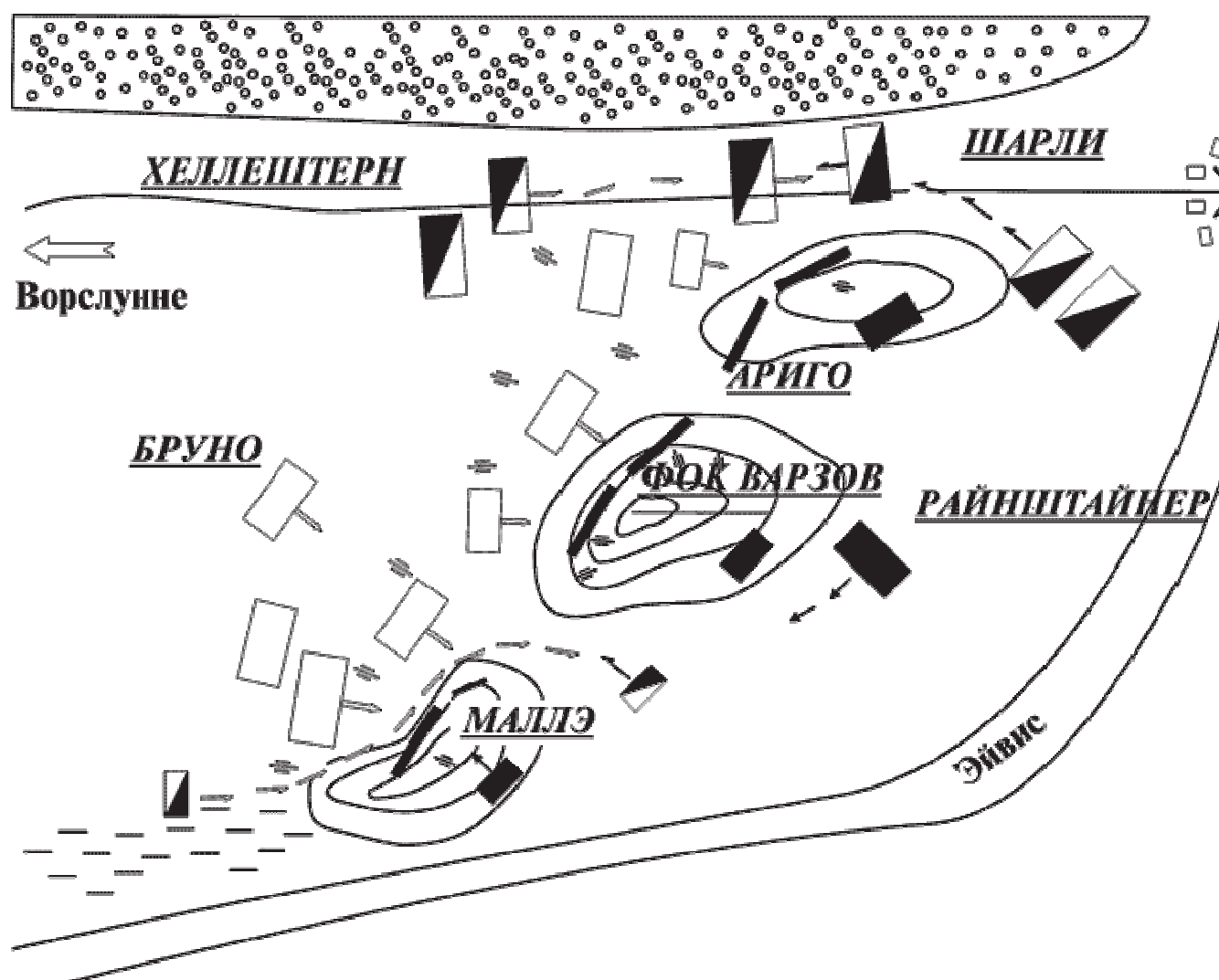

Рис. 6. Атака на Болотный курган

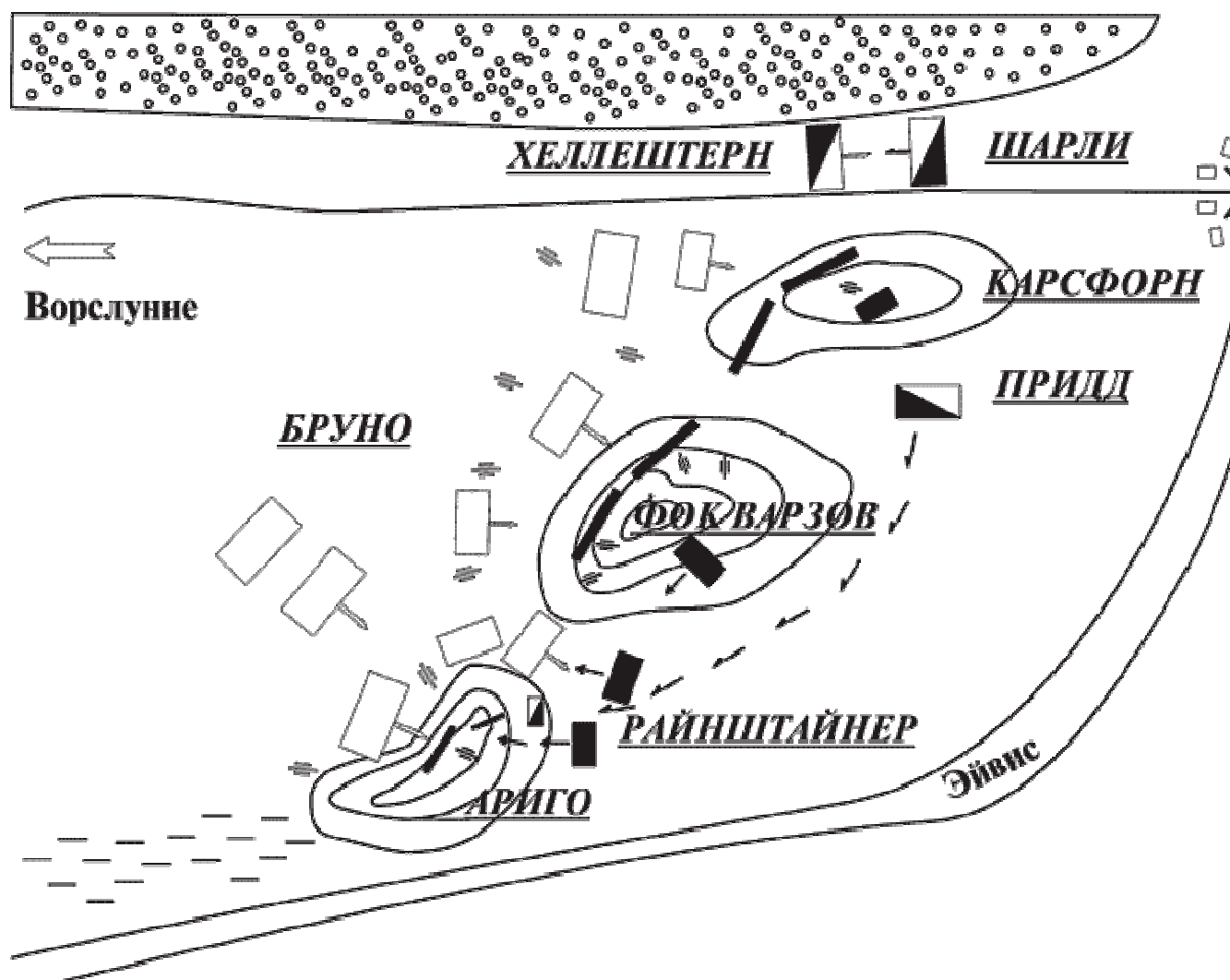

Рис. 7. Попытка прорыва левого фланга Западной армии. Контратака генерала Райнштайнера

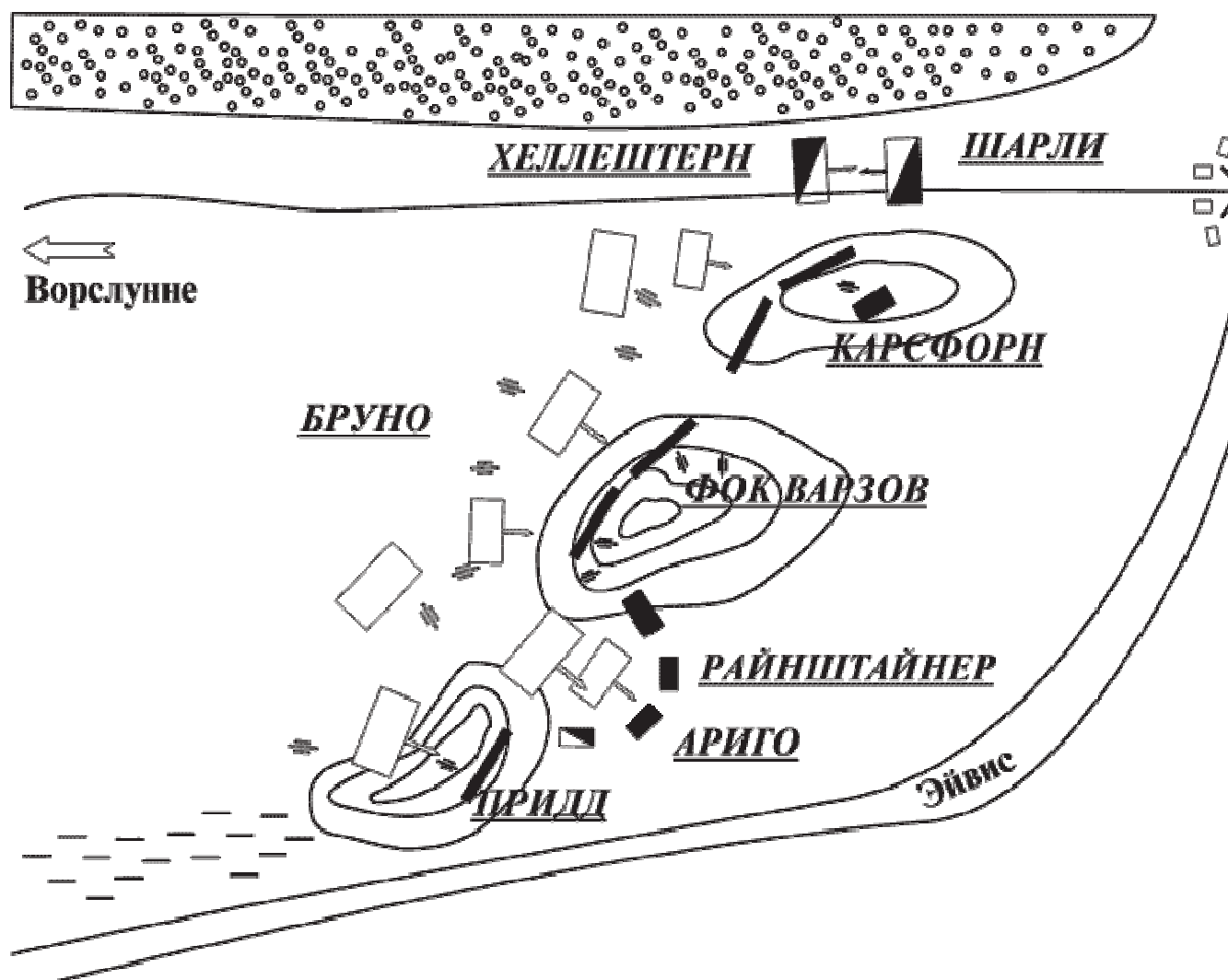
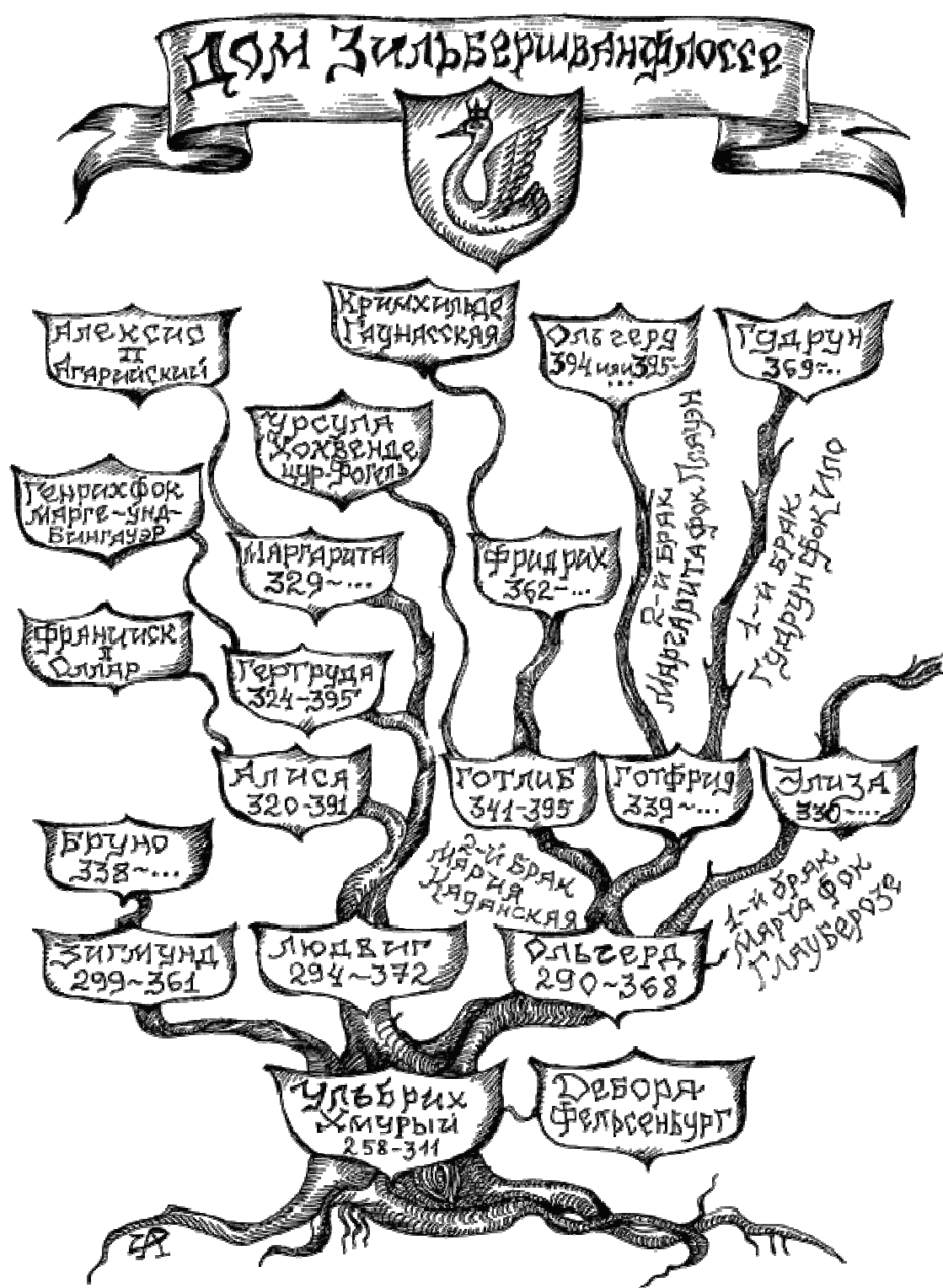

Рис. 8. Прорыв левого фланга Западной армии. Захват Болотного кургана

Дом Зильбершванфлоссе

Дома Штарквинд и Фельсенбург

